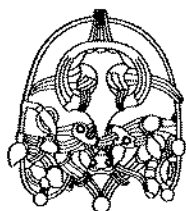

E. A. Gurevich

**OLD NORSE
NOVELLA**

**A STUDY OF GENRE
IN THE TALES OF ICELANDERS**

MOSCOW NAUKA 2004

Е. А. Гуревич

**ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКАЯ
НОВЕЛЛА**

**Поэтика
«ПРЯДЕЙ ОБ ИСЛАНДЦАХ»**

МОСКВА НАУКА 2004

Рецензенты:

доктор филологических наук М.Л. АНДРЕЕВ
доктор филологических наук Е.М. МЕЛЕТинский

Ответственный редактор

член-корреспондент РАН А.Д. МИХАЙЛОВ

Гуревич Е.А.

Древнескандинавская новелла: поэтика "прядей об исландцах" /
Е.А. Гуревич. – М.: Наука, 2004. – 424 с. – ISBN 5-02-033222-4

Монография посвящена "прядам об исландцах", прославленному не менее саг, но до сих пор почти не исследованному жанру богатейшей древнескандинавской литературы. Герой пряди – простой исландец, вступающий в конфликт с властью имущими и полагаясь на собственные способности, добивается жизненного успеха: богатства, общественного положения и славы. Увлекательные короткие повествования, пряди, отличаются высоким художественным мастерством, и их жанровые особенности рассматриваются в сравнении с другими формами средневековой словесности.

Для литературоведов, историков и всех интересующихся культурой Скандинавии.

Old Norse Novella. A Study of Genre in the Tales of Icelanders

This book undertakes a detailed analysis of Old Norse short narratives, the so called Tales of Icelanders. Although most of these stories have been transmitted as inserts in the sagas of the kings of Norway, they have preserved the properties of independent narratives and may be regarded as a separate genre. The author investigates structural patterns underlying the plots of such tales, the recurring traditional motifs used in them, representation and ethos of their main characters, the narrative technique developed by their anonymous story-tellers and the relation of these tales to other medieval generic forms, both Old Norse (the Sagas of Icelanders) and continental (the novella).

По сети "Академкнига"

ISBN 5-02-033222-4

© Российская академия наук, 2004

© Гуревич Е.А., 2004

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство "Наука", 2004

ВВЕДЕНИЕ

Название книги не должно вводить читателя в заблуждение: "пряди", рассказы об исландцах, влетающие в составленные в XIII–XIV вв. саги о правителях Норвегии, вне всякого сомнения, стоят в стороне от средневековой новеллистической традиции. Это – такой же исконный жанр древнескандинавской литературы, как и "саги об исландцах".

Хотя многие из этих рассказов пользуются не меньшей известностью, чем саги (кто из почитателей древнескандинавской литературы не вспомнит, например, историю об Аудуне и белом медведе!), а за иными из них прочно утвердился слава "жемчужин исландской прозы", в отличие от саг, они были в течение долгого времени незаслуженно обойдены вниманием ученых. Как правило, их либо вообще не отличали от "саг об исландцах", либо рассматривали в качестве эпизодов "королевских саг", в составе которых они в большинстве своем и сохранились до наших дней. Впрочем, такое отношение к прядям вовсе не мешало издателям начиная с сер. XIX столетия извлекать эти рассказы из жизнеописаний норвежских конунгов, сводить вместе, систематизировать и публиковать их более или менее объемистые собрания¹ совершенно отдельно от некогда вошедших в себя саг. Эта издательская практика немало способствовала тому, чтобы пряди в конце концов все же сделались предметом самостоятельного научного рассмотрения. Произошло это сравнительно недавно – всего лишь полвека назад. Однако и за пятьдесят лет, прошедшие с начала более пристального изучения прядей, так и не был дан внятный ответ на вопрос о том, где же проходит граница, отделяющая пряди от саг, и в чем состоит их своеобразие. В результате и поныне далеко не все исследователи убеждены в том, что прядь отличается от саги чем-нибудь, кроме малого размера, и вообще представляет из себя самостоятельный прозаический жанр.

Предлагаемое исследование – еще одна попытка продвинуться в изучении этой проблемы.

Þáttir в исландской традиции

Прежде всего нуждается в прояснении самое наименование этих коротких повествований — *þættir* (ед. число *þáttir*), “пряди”. В то время как обозначение *saga* (*saga* к глаголу *segja* ‘говорить’) не содержит даже намек на содержательные или формальные признаки “сказаний”, к которым оно могло быть применено, и если и доносит до нас какой-нибудь смысл, сверх названного, то это — указание на изначально устный характер рассказа, “прядь” — наименование, несомненно, способное хотя бы отчасти пролить свет на особенности соответствующих произведений.

Хотя первоначальное этимологическое значение этого слова в исландском — “пряди, из которых сплетается канат”, находящее соответствие в родственных ему наименованиях других древнегерманских языков (ср. древневерхненемецкое *tāht, dāht*, средненижненемецкое *dacht, decht* ‘прядь, петля, фитиль’, к числу более отдаленных соответствий принадлежат латинское *texere* и славянское ‘ткать’), удостоверяется относительно немногими примерами², оно, тем не менее, не было полностью вытеснено возникшим на его основе более широким значением “часть от (любого) целого”, засвидетельствованным уже в скальдической поэзии кон. X в.³

Судя по всему, в эту же эпоху слово *þáttir* начинает применяться для обозначения литературного произведения или его раздела. Самый ранний известный пример — *msgrðag þættir* (*Skj. B I 128, 2b*), букв. ‘пряди хвалы’, под которыми, по-видимому, подразумеваются “части песни”⁴, однако, не исключено, что и “песнь” как таковая, содержится в датируемой 985 г. поэме “*Húsdrápa*” (“Домовая драпа”) исландского скальда Ульва Уггасона (ср. синонимичные наименования *bragþættir*, *Skj. B I 478*, *bragar þáttir*, *Skj. B I 633, 43* ‘пряди (прядь) поэзии’, встречающиеся в скальдических стихах XII и XIII вв.). Если во всех этих случаях значение слова *þáttir* может быть интерпретировано по-разному — и как наименование части, и как наименование целого⁵, причем нельзя исключить и аллюзий на изначальную семантику ‘прядь каната’ как метафору скальдического стихотворения с его причудливо “сплетенным” синтаксическим узором, то в одной из строф “Драпы о йомсвикингах”, сложенной между 1180 и 1223 гг. оркнейским епископом Бьярни Кольбейнссоном, в авторском комментарии, по традиции заключенном поэтом во вставное предложение, его смысл очевиден: *þáttir* здесь означает ‘эпизод’ (“*þann ega þorft at segja / þáttir*”, *Skj. B II 8, 34* — “незачем пересказывать этот эпизод”)⁶. Не будем, однако, спешить с выводом о сужении или специализации значения *þáttir* применительно к произведениям словесности (“часть”, но не “целое”). Столетие спустя другой ученый поэт, аббат Арнгрим Брандссон в “Драпе о Гудмунде” воспользуется этим же словом в противоположных целях — в ссылке на агиографическое

произведение своего коллеги, аббата Берга, он назовет так прозаическое жизнеописание святого (“*Sagu o Nikolae*”): “*Setti hann í sínum þætti*” (*Skj. B II 383, 45*) — “Он поведал в своем рассказе”⁷.

Знаменательно, что описанный семантический перенос, связанный с развитием более общего значения слова *þáttir* — в том числе и занимающее нас распространение его употребления на сферу литературы — имел место лишь в западноскандинавских языках (в исландском и норвежском), тогда как на востоке Скандинавии это наименование продолжало сохранять свое первоначальное этимологическое значение ‘прядь каната’. Поэтому вполне уместно звучит предположение Дж. Линдоу о возможной роли в процессе эволюции значения *þáttir* поэтического языка скальдов, чья богатая метафорика вполне могла стать генератором тех новых смыслов, которые со временем нашли свой путь из устной поэзии в книжную прозу⁸. Другого мнения придерживается Л. Лённрут, полагающий, что новое и более широкое значение этого слова (“часть”) впервые возникает в языке древнескандинавского права⁹, где *þáttir* обычно употребляется для обозначения тематических разделов или входящих в них глав судебного уложения (*lögráttir*; ср. наименования частей средневекового исландского судебника “Серый Гусь”: “*Lögsögumanns þáttir*” — “Раздел о законоговорителе”; “*Landabrigðarþáttir*” — “Раздел о владении землей” и т.п.). Применение этого термина, впрочем, опять-таки характерно лишь для исландской традиции, тогда как в норвежских и шведских сводах законов использовался иной, по всей видимости, первоначально общескандинавский термин — *bálkr, bölk*, который в Исландии стал вытесняться из употребления уже ко времени первых записей права.

Аналогичным образом применительно к целостному разделу текста слово *þáttir* начиная с XIII в. выступает в целом ряде исландских прозаических памятников. При этом под прядью понимаются и собственно предмет повествования, например, отдельная легенда (ср. в “Младшей Эдде”: “*Eptir þessum sǫgvm hafa flest skald ort ok tekitt ymsa þattu*”, *SnE 134* — “Эти сказания переложили в стихи очень многие скальды, выбирая из них то одно, то другое (букв. ‘то одну, то другую прядь’. — Е.Г.)”¹⁰), и часть основанного на ней рассказа, как правило, отведенная одной теме (ср. *söguþáttir*, или *þáttir sögunnar* ‘часть саги’ — например, в названии одной из частей “Саги о Гаутреке”: “*Söguþáttir af Gíafa-Ref og Dala-Fíflum*” — “Часть саги о Рэве Дарителе и дальских дураках”¹¹), и соответственно озаглавленная часть манускрипта. Приступая к изложению очередного эпизода или части истории, обычно прямо не связанной с предшествующим повествованием, рассказчик — составитель саги или позднейший ее редактор нередко помещал их под рубриками, оповещавшими читателя о начале нового раздела и дававшими ему представление о трактуемом в нем предмете (систематическое деление на “пряди”, под кото-

рыми, несомненно, понимаются части повествования, демонстрирует, к примеру, один из поздних списков "Саги о Карламагнусе" (AM 531, 4to), где большинство из обозначенных таким образом частей к тому же выступает под порядковыми номерами, ср.: "Áttundi þáttir Karlamagnús sögu, segir af Runziovals bardaga", *Karlamagnús saga*, XXXIV – «Восьмая "прядь" саги о Карламагнусе, рассказывает о Рунцивальской битве»¹². Информация о содержании так называемых "прядей" в основном сводилась в подобных заголовках к именам персонажей, которым предстояло сыграть ведущую роль в открываемом рассказе (ср. два наиболее распространенных типа рубрик: "Hér hefr þátt..." и "Þáttir...", например, "Hér hefr þátt Otuels", *Karlamagnús saga*, XXX – «Здесь начинается "прядь" об Отуэле, или букв.: 'прядь Отуеля', поскольку имена собственные чаще всего выступают в таких случаях в родительном падеже; Þáttir Þorsteins skelkis", *Flat. I*, 416 – «"Прядь" Торстейна Мороз-по-Коже»); лишь в исключительных случаях вместо имени индивида использовались этнонимы или обозначения каких-либо иных групп ("Hér hefr grænlandinga þátt", *Flat. I*, 538 – «Здесь начинается "прядь" о гренландцах»; "Hér hefr vpp jomsvikinga þátt", *Flat. I*, 96 – «Здесь начинается "прядь" о йомсвикигах»).

Особенно многочисленны примеры употребления слова þáttir в собрании королевских саг XIV в. "Fateyjarbók" – "Книге с Плоского Острова"¹³, где, по подсчетам Дж. Линдоу, в общей сложности их встречается свыше шести десятков. Хотя именно этот средневековый кодекс выступает в качестве одного из главных хранилищ прядей, наименование þáttir в нем явно не успело еще приобрести того терминологического смысла, в котором оно, по всей видимости, начинает применяться уже в следующем столетии и которое по традиции вкладывается в него современными исследователями. С одной стороны, под рубриками "Þáttir..." здесь наряду с собственно прядями могут вводиться целые саги (например, "Сага о Халльфреде Трудном Скальде" – "Þáttir Hallfredar vandræðaskaldz", *Flat. I*, 299, или "Сага о йомсвикигах", *Flat. I*, 96), подобно первым инкорпорированные в текст королевского жизнеописания, с другой же – повествования, удовлетворяющие всем признакам прядей и демонстрирующие тематическую и композиционную самостоятельность, вовсе не всегда обособляются формально и получают соответствующие обозначения. Так, "Первая Прядь о Халльдоре сыне Снорри" трактуется в "Большой саге об Олаве Трюггвасоне", в которую она включена, как ее очередная 'глава' – capitulum и открывается заголовком, какие обычно предпосылаются в "Fateyjarbók" отдельным эпизодам и саг, и "прядей", сообщая об их содержании: "Einaft hjalpari Halldogi. capitulum", *Flat. I*, 506 – "Эйнар помог Халльдору". При этом в заключительной части последней большой саги этого собрания – "Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом" (fol. 821–846), кото-

рая состоит исключительно из прядей (и среди прочих содержит известные из других источников рассказы об Аудуне с Западных Фьордов, Халли Челноке и так называемую "Вторую Прядь о Халльдоре сыне Снорри") заголовки отсутствуют вовсе (*Flat. III*, 399–441). Этот раздел кодекса представляет собой более позднее добавление, составитель которого руководствовался иными принципами.

Таким образом, применение наименования þáttir в "Книге с Плоского Острова" не носит последовательного характера, хотя в одном отношении в его употреблении здесь, несомненно, просматривается определенная система, особенно заметная при сравнении с прочими королевскими сагами и прежде всего с также изобилующей прядями более ранней "Тнилой Кожей" ("Morkinskinna")¹⁴, в рубрикации которой это наименование полностью отсутствует¹⁵. Нельзя не заметить, что "Fateyjarbók" не только явно предпочитает конструкции с þáttir каким бы то ни было иным способом обозначения формального членения повествования, но и закрепляет его за "частями" одного порядка – интерполированными в текст саги о конунге вставными рассказами со своими главными героями, которые не были непосредственно связаны с излагаемой составителем кодекса историей норвежского правителя и, как следует полагать, черпались им из посторонних источников. (Для сравнения в "Тнилой Коже" любые рубрики как правило вводятся предлогом "Frá..." – "О ...", идет ли речь о представлении вставных новелл, например, "Frá Hreiðari heimiska", *Mork.* 35 – "О Хрейдаре Дураке"; "Frá því er Þorvarfr skakonef villdi gefa segli Haralldi konvngi", *Mork.* 73 – "О том, как Торвард Вороний Клюв хотел подарить парус Харальду конунгу", или о переходе к очередному эпизоду саги, например, "Frá Magnvsi konvngi", *Mork.* 24 – "О Магнусе конунге"; "Frá Haralldi konvngi oc Vpplendingom", *Mork.* 65 – "О Харальде конунге и жителях Упллэнда".)

О том, что под "прядями" компилятор или переписчики "Книги с Плоского Острова" подразумевали именно и только вставные повествования, свидетельствуют и следующие слова Пролога, по всей видимости, принадлежащие священнику Йоуну Тордарсону, как здесь сказано, "записавшему" саги об обоих Олавах (hefir skrifat Jon prestir Þordar son [...] Olaafs sogurnar baadar):

"þar næst fra Olaafi konungi Tryggva syni medr ollum sinum þaattum. þui næst er sagha Olafs konungs hins helga Haralldz sunar med ollum sinum þaattum ok þar medr sögur Orkneyia jarla." – «Затем [рассказывается сага] об Олаве конунге сыне Трюггви со всеми своими "прядями". Затем сага о святом Олаве конунге сыне Харальда со всеми своими "прядями", включая саги об оркнейских ярлах» (*Flat. I*, Formdlf).

Как видим, ученый составитель книги, проводя границу между основным текстом излагаемых в ней саг о правителях Норвегии и разнообразными инородными вкраплениями в этот текст, которые он вне зависимости от их характера и объема именует "прядями",

фактически признает, что последние, несмотря на включение их в королевское жизнеописание, тем не менее, не подверглись ассимиляции и сохранили свой автономный статус. Оставаясь же самостоятельными рассказами они, естественно, должны были расцениваться как отступления от магистральной линии повествования. Отсюда — еще более красноречивый “автокомментарий”, который мы находим много дальше, на этот раз уже непосредственно в тексте книги. Автор вторгается здесь в свое произведение с единственной целью — обосновать принцип “открытой композиции”, которым он руководствовался, создавая “Большую сагу об Олаве Трюггвасоне”, насквозь пронизанную вплетенными в нее вставными новеллами, в общей сложности занимающими около двух третей от ее объема¹⁶. Неслучайно и выбранное для этого место: перевалив далеко за половину своей истории, прежде чем приступить к изложению очередной объявленной им “пряди” (о Торвальде Тасальди), рассказчик в короткой преембле оправдывается перед читателем, объясняя ему уместность присутствия в саге о конунге многочисленных вставок:

“[Capitulum.] Nv þo at margar rædur ok frasnagnir se ritadar j þessu male þær at æigi þikia miog tilheyra sogu Olafs Tryggvasonar þa þarf þat æigi at undrazst. þuiat suo sem rennande uoðnn fliota af ymissum uppsprettum ok korna oll j æinn stad nidr til þeirrar somu líkingar hafua þessar frasagnir af ymissligu upphafui æitt endimark at rydia til atburda sem Olafir konungr Tryggvason uerdr uit staddr edr menn hans” (*Flat. I*, 378). — “Хотя может показаться, что многие записанные здесь рассказы и истории прямо не относятся к саге об Олаве Трюггвасоне, не стоит этому удивляться. Ибо, подобно тому, как воды из различных источников стекают в один водоем, так и все эти истории разного происхождения имеют одну общую цель — проложить путь к тем событиям, в которых участвовали конунг Олав Трюггвасон или его люди”¹⁷.

Иными словами, все истории, которые имеют хотя бы косвенное отношение к конунгу или к его соратникам, достойны того, чтобы занять свое место в его жизнеописании. При этом показательно, что, говоря о подобных интерполяциях, автор комментария называет их не ‘прядами’ (как в непосредственно предшествующем этому отступлению заголовок: “Her hefr vpp þaatt Þorvalldz tasallda”), но ‘рассказами’ (gæður букв. ‘речами’) и ‘сказаниями’ (frásagnir). Судя по всему — и это подтверждается применением наименования fáttir как к компактным и скромным по объему новеллам, так и к пространственным сагам (ср. Пролог, где к числу “прядей” отнесена “Сага об оркнейцах”¹⁸), — в “Книге с Плоского Острова” содержание этого понятия сводится к самому общему значению ‘вставное повествование’¹⁸. В отличие от разнообразных наименований — frásögn, sögn, saga, gæða, mál, hlutgr, являющихся обозначениями рассказанной истории, ‘прядь’ выступает здесь как сугубо технический термин, используемый лишь по отношению к форме, но не содержанию представляемого произведения.

Согласно Лёнируту, первые случаи употребления fáttir применительно к отдельному, не инкорпорированному в другой текст короткому рассказу встречаются не ранее XV столетия (“Steinka fáttir” в AM 577, 4to), хотя и в это время куда более привычно вне зависимости от размеров называть любые самостоятельные повествования “сагами” (ср. заглавия “Пряди о Халли Челноке” в рукописях XVII в.: “Paattur Af Sneglu Halla” в AM 426, fol; “Saga Sneglu Halla” в AM 349, 4to) или же именовать их заимствованным названием ævintýr (как, например, в отдельной версии “Пряди о Стуве”, завершающейся словами: “Þetta er klókt ævintýr” — “Это — умная история”)¹⁹, особенно если они признавались “занимательным” чтением²⁰. Скорее всего, объяснение этому очередному “терминологическому сдвигу”, прежде всего, следует искать в способе хранения и передачи подобных рассказов в рукописной традиции. Обычай включать их в состав королевских саг под рубриками ‘вставка’ (fáttir) вполне мог со временем привести к закреплению за ними соответствующих заголовков, а тем самым и к возможности сохранения последних также и в случае отдельной записи тех же историй. В результате из сферы композиционного строительства таких компиляций, как “Книга с Плоского Острова”, термин fáttir перемещается собственно в сферу номенклатуры повествовательных форм, где и начинается его применение в качестве одного из наименований произведений малой прозы²¹.

Итак, как явствует из всего сказанного, слово fáttir в заглавии или в тексте какого-либо произведения древнеисландской словесности никак не может служить залогом того, что перед нами в действительности “прядь”, т.е. рассказ, удовлетворяющий неким эмпирически установленным критериям, характеризующим определенный тип повествований и отличающим его от прочих типов повествований, созданных в рамках той же традиции. Точно так же отсутствие соответствующего обозначения в заглавии какого-либо рассказа ни в коей мере не служит указанием на то, что он не должен быть отнесен к прядам. Иначе говоря, в эпоху создания и рукописной передачи так называемых прядей наименование fáttir, несмотря на все свои описанные выше специфически “литературные” смыслы, было далеко от превращения в жанровую номинацию, каковой оно впервые стало лишь с началом изучения этих рассказов.

Сага и прядь

Можно сколько угодно спорить о том, насколько вообще оправдано использование исконных названий литературных форм в несвойственном им терминологическом значении: полемика на этот счет между Л. Лёнирутом, с одной стороны, и Дж. Харрисом и Т. Андерссоном — с другой, опубликованная в свое время на страницах аме-

риканского журнала "Scandinavian Studies", среди прочих касалась и термина "прядь"²². При этом Лёнирутом были поставлены под сомнение не только общепринятые в научной традиции "ярлыки", но и реальность стоящей за ними системы жанров древнеисландской литературы в том виде, в каком она и поныне реконструируется исследователями. Имеет ли вообще смысл, исходя главным образом из их содержания, подразделять прозаические повествования на так называемые "саги об исландцах", или "родовые (точнее: семейные) саги" ("Íslendinga sögur", "family sagas"), "саги о древних временах" ("fornaldarsögur"), "королевские саги" ("konungasögur"), "пряди об исландцах" ("Íslendinga þættir") и т.д., если в действительности ни один из этих типов повествований не был четко отделен и обособлен от соседних? Ведь не секрет, что "королевские саги", несмотря на их общепризнанные "достоверность" и "историчность", порою содержат фиктивные и фантастические элементы; то же относится и к "семейным сагам", одной из главных характеристик которых является "реализм"; напротив, легендарные "саги о древних временах", могут хотя бы отчасти основываться на исторических фактах. Главное же, что сами средневековые создатели и "потребители" соответствующих произведений именовали их попросту 'сагами' (sögur), а если как-то и дифференцировали их, то исходили при этом из совершенно иных критериев, нежели современные исследователи, проводя различие единственно между светскими жизнеописаниями (ævisaga) и агнографическими сочинениями (lífssaga = лат. vita)²³. Что же касается употребляемого в научной литературе термина þátt 'прядь', то он, по мнению этого же автора, в еще большей степени способен ввести в заблуждение читателя, поскольку распространяется теперь на любые короткие повествования, вне зависимости от того, дошли ли они до нас в составе более пространных произведений, куда они были включены в качестве 'нарративных нитей', 'частей' или 'эпизодов' (ведь именно такой смысл вкладывала в наименование þátt средневековая исландская традиция), или же представляли собой совершенно отдельные, самостоятельные рассказы с собственной рукописной судьбой, во времена Средневековья отнюдь не называвшиеся 'прядами'²⁴. Не пора ли поэтому если не отставить их вовсе, что едва ли было бы возможно в силу давно сложившейся привычки, то, по крайней мере, впредь отдавать себе отчет в условности этих слишком общих "этикеток", бесполезных и лишь затемняющих суть стоящих перед нами проблем? Требуется, наконец, признать гетерогенность выделенных некогда "жанров" и, приняв за основу номенклатуру, использовавшуюся средневековыми авторами, от описания "саг об исландцах", "королевских саг" или "прядей" как неких иллюзорных целостностей перейти к изучению древнеисландской саги как конгломерата разнообразных жанровых форм, из комбинации или "сплава" которых и складывались конкретные произведения²⁵.

Соглашаясь с последним утверждением Лёнирута о необходимости уделять больше внимания конститутивным слагаемым саги, но в то же время и защищая существующую систему классификации древнеисландских прозаических памятников, при всем ее несовершенстве, тем не менее, отражающую действительные различия между отдельными их группами²⁶, его оппоненты справедливо указывали на принципиальную недостижимость заявленной им цели — реконструкции исконной ("этнической" в терминологии фольклористов)²⁷ картины средневековых представлений о жанровом составе исландской прозы. Как бы мы ни стремились учитывать в своих построениях "теоретико-литературное" осмысление того же материала авторами XIII—XIV столетий, это возможно лишь в отношении поэзии, ибо на сей счет они потрудились оставить нам детальные руководства. Что же касается прозы, то при отсутствии достаточных сведений об "этнической" системе жанров как таковой любые попытки серьезно модифицировать принятую в науке "аналитическую" жанровую систему, основываясь на случайно сохранившихся разрозненных и нерегулярно употребляемых средневековых терминах, приведет лишь к смешению понятий и неизбежному искажению наших представлений о предмете²⁸.

Если отвлечься от главного эксплицитно выраженного вопроса полемики: какими категориями было бы предпочтительнее оперировать, анализируя древнеисландские прозаические памятники — "аналитическими", т.е. возникшими в процессе исследования, или "этническими", т.е. употреблявшимися в Средние века, то суть разногласий, как кажется, сведется к тому, что мы вообще имеем в виду, применяя понятие "жанр" к этой литературе. Вкладываем ли мы в него представление о строгой таксономии и четких границах между отдельными группами произведений, демонстрирующими присущий лишь им набор признаков — при таком подходе, пожалуй, придется согласиться с Лёнирутом в том, что традиционно выделяемые разновидности саги не могут считаться ее отдельными "жанрами". Или же мы подразумеваем при этом некий варьируемый набор типичных черт, преобладающих в определенной группе произведений, но в заметно меньшей степени наличествующих или даже вовсе отсутствующих в других группах. В этом случае в основу классификации положена, скорее, разница в пропорциях, нежели взаимное исключение, и тогда у нас имеются веские основания считать выше-названные разновидности исландской саги ее отдельными жанрами²⁹. И хотя самые общие критерии, которыми мы руководствуемся, относя те или иные произведения к разным группам, могут и не совпадать (для обычно рисуемых внутриисландских распри "семейных саг" это, в первую очередь, — содержание и место действия; для легендарных саг, один за другим нанизывающих эпизоды, в которых описываются заморские приключения героя, — особенности компо-

зиции и временная отнесенность рассказа к далекому прошлому, а значит и введение абсолютной эпической дистанции, позволяющей поверить даже в самые невероятные события; для королевских саг – биографическая природа повествования и историчность), они, тем не менее, дают бесспорные ориентиры, как правило, позволяющие без колебаний определить жанровую принадлежность подавляющего большинства конкретных текстов.

Исключение составляют лишь пряди, единственный общепринятый критерий выделения которых – малый объем – явно недостаточен ни для обособления этих рассказов в качестве самостоятельных повествований в рамках “приютивших” их произведений и, стало быть, для надежного отграничения их от эпизодов, служащих всего лишь частями этих произведений, ни для отделения их от саг. Поскольку же объем вовсе не относится к числу сколько-нибудь стабильных характеристик последних, в отсутствии иных “жанровых” параметров небольшие саги (*smásögur*) обычно легко смешиваются с прядями, примером чему может служить так называемая “Прядь о Торстейне Битом” (“*Þorsteins þáttur stangarhöggs*”), именуемая ‘прядью’ исключительно благодаря ее небольшому размеру: когда бы не это обстоятельство, издатели без колебаний причисляли бы ее к разряду “саг об исландцах”, к которым она, безусловно, принадлежит (показательно, что именно эта “прядь” была избрана Т. Андерссоном в качестве образца для демонстрации типичного устройства “семейной саги”)³⁰. В других случаях отсутствие признанных оснований для разграничения двух жанров приводит к тому, что одно и то же произведение трактуется то как сага, то как прядь (ср. “Прядь о Пивном Капюшоне” – “*Ölkofra saga (þáttur)*”; “Прядь о Хромунде Хромом” – “*Hrómundar þáttur (saga) halta*”).

Между тем отсутствие ясных критериев выделения прядей в качестве самостоятельного жанра – закономерное следствие того, что, во-первых, эти рассказы (по крайней мере, при первом приближении) демонстрируют в основном те же нарративные и стилистические черты, что и саги³¹, во вторых же – что, подобно сагам, они не представляют собой монолитной группы. Как и саги, они распадаются на отдельные подвиды, причем, согласно распространенному мнению, – в полном соответствии с принятой классификацией саг, так что каждой разновидности последних находится параллель среди прядей. Вот как типология прядей представлялась основоположнику их научного изучения, Вольфгангу Ланге: «Рядом с “семейной сагой” стоит “семейная прядь” (*Familien-þáttur*), только она рассказывает не целиком историю семьи или ее наиболее известного представителя, но всего лишь о каком-нибудь одном происшествии. Рядом с “сагой о скальдах” стоит “прядь о скальдах” (*Skalden-þáttur*); наряду с Эйнармом Скуласоном и Сигватом они были посвящены поэтам не столь значительным, чья жизнь представляла меньший интерес или

не была так богата событиями, как жизнь Эгиля или Халльфреда... Рядом с “королевской сагой” стоит прядь, являющая собой исторический анекдот, в равной степени характеризующий как конунга, так и посетившего его исландца. И наконец, рядом с “сагой о древних временах” выступает “прядь о древних временах” (*Fornaldar-þáttur*), подобно первой, тесно связанная с героическим преданием»³².

Нетрудно заметить, что хотя эта классификация и имеет своей целью распределить известные нам пряди по отдельным тематическим группам, она почти ничего не говорит о том, на каких основаниях эти подгруппы могут быть отделены от соответствующих категорий саг. Как видно, и при таком подходе главным критерием для отнесения того или иного произведения к прядям или к сагам остается исключительно его объем, для прядей устанавливаемый в пределах от двух до десяти страниц стандартного издания. Соответственно неопределенными остаются и границы между самостоятельными короткими историями и более или менее автономными эпизодами саг, вследствие чего весьма различным образом определяется и общее количество исследуемых текстов. Согласно Ланге, число сохранившихся прядей превышает сотню, по другим подсчетам оно варьируется от семидесяти до девяноста рассказов.

Переход от попыток выработать единые критерии выделения прядей к анализу их отдельных типов, лишь в самой общей форме намечившийся в работе Ланге, как и следовало ожидать, в дальнейшем принес свои плоды в том числе и для более точного определения границ жанра в целом. При этом применяемые разными исследователями таксономические принципы далеко не всегда совпадают. Бьярни Гвиднасон, например, разделяет все пряди на две неравные группы в зависимости от места действия описываемых в них историй: в одних рассказывается о событиях, происходивших на чужбине – главным образом при норвежском дворе и во времена правления разных конунгов, занимавших норвежский престол вплоть до XIII в., тогда как в других повествуется исключительно о происшествии в Исландии в так называемый “век саг” (930–1030)³³.

Более детальную классификацию предлагает Х. Джозеф³⁴, положивший в ее основу ограниченный набор “излюбленных тем”, составляющих постоянное содержание подобных рассказов. В качестве наиболее часто встречающейся темы, присутствующей не менее чем в половине историй, он впервые называет *út-ferð* – поездку из страны. Большинство прядей этой группы рассказывают о взаимоотношениях исландца с правителем Норвегии, зачастую принимающих форму конфликта, из которого герой, как правило, выходит с честью, либо сумев расположить к себе короля своим благородством и умом, либо выполнив возложенное на него трудное задание, либо доказав ему собственную правоту. К этой подгруппе Джозеф среди прочих относит такие истории, как “Прядь об Аудуне с Запад-

ных Фьордов", "Прядь о Бранде Щедром", "Прядь о Тормоде", "Прядь о Гисле сыне Иллуги"³⁵ – всего двадцать один рассказ. В особую подгруппу в рамках этого типа Джозеф, как и Ланге, выносит пряди, в которых исландец заслуживает симпатии короля своим скальдическим искусством, обычно получая от него щедрую награду за мастерски сложенные стихи. Таковы "Прядь об Арноре Скальде Ярлов", "Прядь о Стуве", "Прядь о Халли Челноке", "Прядь об Эйнаре сыне Скули" и некоторые другие (всего девять историй)³⁶. Наконец, в относительно немногих рассказах этого типа дело принимает неблагоприятный для героя оборот, и история заканчивается его преследованием или изгнанием, а иной раз и убийством по приказу правителя (таковы, к примеру, "Прядь о Хрейдаре Дураке", "Вторая Прядь о Халльдоре сыне Снорри", "Прядь о Торлейве Ярловом Скальде" – всего шесть историй).

Другая довольно часто присутствующая в прядях тема – столкновение между христианством и язычеством, итогом которого обычно становится обращение неверных. Чаще всего такое столкновение принимает форму конфликта между отдельными индивидами, причем преимущества истинной веры в целом ряде историй доказываются путем состязания в силе или в сноровке и демонстрации героем своего физического превосходства, объясняющегося поддержкой свыше (среди отнесенных к этой группе десяти-одиннадцати рассказов можно упомянуть "Прядь о Рёгнвальде и Рауде", "Прядь о Свейне и Финне" и "Прядь о Торвальде Тасальди"). Кроме того, к этой группе примыкает и ряд прядей, которые могут быть условно названы рассказами о чудесах (например, "Прядь о Торстейне Мороз-по-Коже"); сюда же относятся легенды о посмертных появлениях конунга Олава Трюггвасона после битвы при Свёлде (например, "Первая Прядь о Халльдоре сыне Снорри"), а также о сверхъестественной помощи, оказываемой герою другим норвежским королем – Олавом Святым ("Прядь о Торстейне Любопытным", "Прядь о Храфне сыне Гудрун" и "Прядь о Хеминге сыне Аслака").

Подобно Ланге, Джозеф выделяет в отдельный тип пряди, разрабатывающие те же темы, что и легендарные "саги о древних временах" (по его подсчетам, таковых не менее четырнадцати), однако, несмотря на то, что материал относящихся сюда историй весьма неоднороден – это могут быть и встречи с героями эпических сказаний (как в "Пряди о Норна-Гесте", "Пряди о Токи" или "Пряди о Сёрли"), и "путешествия в другой мир" (как в "Пряди о Торстейне Большом-как-Дом")³⁷, и героические биографии (как в "Пряди об Орме сыне Сторольва"), – они не распределяются по соответствующим подгруппам.

Четвертый и последний тип в классификации Джозефа – это пряди, подобно "семейным сагам", изображающие внутриисланд-

ские конфликты. Между тем, если в сагах распри между соплеменниками составляют главную тему, что во многом предопределяет и центральное положение этого жанра в древнеисландской литературе, в прядях им отводится весьма незначительное место, так что самостоятельных рассказов, названных Ланге *Familien-fáttir*, в действительности на удивление немного (к последним обычно относят "Прядь о Болли", "Прядь о Гуннаре Убийце Тидранди", а также уже упоминавшиеся выше "Прядь о Торстейне Битом", "Прядь о Хромунде Хромом" и "Прядь о Пивном Капюшоне"). Кроме того, помимо полностью автономных историй, к этому же типу принадлежит и несколько прядей ("Прядь о Сёрли", "Прядь об Офейге" и "Прядь о Вёду-Бранде"), вошедших в состав одной из "саг об исландцах" – в "Сагу о людях со Светлого Озера" (*Ljósveitinga saga*). Отмечая подозрительную странность положения, при котором доминирующей разновидности саги соответствует явно "рецессивный" тип прядей, Джозеф, хотя и не исключает возможности жанрового размежевания, при котором к малой прозаической форме могли отойти иные темы, нежели те, которые были традиционно закреплены за сагами (и в частности, *út-ferð*), тем не менее задается вопросом: куда могли исчезнуть пряди на внутриисландские темы? Высказываемое им предположение на этот счет отчасти согласуется с возникшей еще в XIX в. теорией происхождения "семейной саги" из устных "прядей", о которой будет сказано ниже: почти полное отсутствие коротких рассказов, посвященных темам, характерным для "саг об исландцах", скорее всего, должно объясняться их поглощением последними. Не исключено, что неразличимые более в качестве отдельных историй эпизоды тех или иных "семейных саг" изначально имели самостоятельное происхождение³⁸.

Построенная исключительно по тематическому принципу классификация Джозефа, скорее, дает самое общее представление о типологии прядей, нежели позволяет установить внутренние различия между отдельными разновидностями этих рассказов. Неслучайно одно и то же произведение при таком подходе нередко может быть одновременно отнесено к нескольким категориям. Так, "Прядь об Эгиле сыне Халля с Побережья" и "Прядь о Торвальде Тасальди" названы не только среди рассказов, в которых исландцу удается расположить к себе правителя Норвегии, но также значатся под рубрикой "пряди, изображающие религиозные конфликты", а "Прядь об Орме сыне Сторольва" помещена как в первую из вышеупомянутых групп, так и в разряд рассказов на легендарные темы.

Важным шагом вперед в изучении прядей явилась работа Джозефа Харриса «Жаир и нарративная структура некоторых "прядей об исландцах"»³⁹. Ее автор попытался вывести стандартную модель, лежащую в основании наиболее распространенного типа подобных рассказов, который повествует о взаимоотношениях исландца с пра-

вителем Норвегии, — “прядей о поездках из страны” (*útanferðar þættir*). Установление традиционной, раз за разом воспроизводящейся шестичленной структурной схемы с ее ядром — “отчуждением” между героями и их последующим “примирением”⁴⁰, а также тематического и этического своеобразия строящихся в соответствии с нею повествований⁴¹ позволило не только более четко определить границы самой многочисленной группы прядей (по подсчетам Харриса, к ней следует отнести тридцать один рассказ), но и по-новому подойти к проблеме жаира прядей в целом. В результате “пряди о поездках из страны” оказались противопоставлены всей прочей массе коротких повествований, обычно именуемых “прядами”, и возведены в тот же “ранг”, который ранее имели отдельные разновидности саги. Тем самым был подтвержден и укреплен их статус самостоятельного жанрового образования, тогда как остальные рассказы, по крайней мере, на взгляд части исследователей, напротив, окончательно утратили право на этот статус и были признаны краткими версиями других жанров — “семейной саги” и “саги о древних временах”⁴². Насколько справедлива подобная точка зрения и имеет ли вообще смысл проводить жесткое размежевание на во многом неизведанном поле древнеисландской “малой прозы”, станет возможным выяснить лишь в ходе всестороннего и непредвзятого рассмотрения всего доступного нам корпуса текстов, изучение которого ныне все еще, скорее, находится на начальной стадии и в основном ограничивается “атомарными” исследованиями отдельных произведений.

Пока же попытки выявить также и другие разновидности прядей, которые, подобно *útanferðar þættir*, демонстрировали бы большую степень структурного и тематического единства, не увенчались успехом. Сам Харрис распределяет примерно шесть десятков рассказов по семи классам (“пряди о поездках из страны”; “пряди о крещении”; “пряди о расправах”, действие которых происходит в Исландии; анекдоты о скальдах; рассказы о сновидениях; “путешествия в другой мир”; героические жизнеописания, соответствующие “сагам о древних временах”)⁴³, из которых сколько-нибудь заметный (за вычетом половины, приходящейся на “пряди о поездках из страны”) — это только “пряди о крещении”, однако и они не представляют из себя однородной группы. Принадлежащие к ней одиннадцать историй⁴⁴ явно распадаются на несколько подвидов, на свой лад трактующих тему торжества христианства над язычеством. В части рассказов эта тема выступает в форме персонального столкновения короля-миссионера (Олава Трюггвасона или Олава Харальдссона) с сопротивляющимися переходу в истинную веру язычниками, над которыми он силой одерживает верх, в конце концов вынуждая их принять крещение, причем конфликт религиозный часто соединяется здесь с разладом между старшим и младшим поколениями сородичей (например, отца с сыном), тогда как их обращение сопровожда-

ется примирением⁴⁵. В нескольких прядах (в “Пряди о Норна-Гесте”, “Пряди о Токи” и “Пряди о Сёрли”) победа христианства над старым обычаем, напротив, предстает как само собой разумеющееся событие, не требующее от конунга-миссионера никаких усилий. Преимущество новой веры доказывается в ходе общения тех же норвежских правителей с посланцами легендарного героического прошлого, желающими окончить свой небывало долгий и полный удивительных встреч век знакомством с христианским королем, а в отдельных случаях — и добровольным принятием крещения⁴⁶. Между тем, отличительные особенности рассказов, отнесенных к первой из названных групп, характерны не только для “прядей о крещении”, но и для части “прядей о поездках из страны”, героями которых, наряду с заезжими исландцами, в отдельных случаях становились все те же конунги-миссионеры (такова, например, “Прядь об Эгиле сыне Халля с Побережья”). Что же касается прядей второго типа, то и они, в свою очередь, с трудом выделяются в отдельный разряд: повествования, входящие в эту небольшую группу, обнаруживают очевидную связь с “прядами о древних временах” (к каковым их и отнес Х. Джо-зеф), поскольку их основным содержанием служат эпические сказания или рассказы о героях прошлого и только обрамление этих последних сообщает всей истории христианский смысл.

При всех трудностях “жанровой атрибуции” и классификации прядей, как можно предполагать, помимо объективных причин, во многом вызванных их недостаточной изученностью, эти проблемы все же отодвигаются на второй план перед главным вопросом, с которого по необходимости должно начинаться любое исследование этих рассказов, — чем мы руководствуемся, считая их самостоятельными повествованиями? Самым надежным доказательством независимости того или иного произведения, разумеется, может служить лишь его отдельная рукописная версия, однако таковые встречаются весьма нечасто, составляя скорее исключение из общего правила. Так, среди тридцати с лишком “прядей о поездках из страны” только одна, “Прядь о Торстейне с Восточных Фьордов”, избежала участи рассказов, образующих эту группу, и дошла до нас отдельно от королевского жизнеописания, что, по-видимому, объясняется ее довольно поздним происхождением: компиляторы попросту не могли включить ее в соответствующую сагу. Вообще же не связанные с королевскими сагами собрания прядей, в которых они выступают в качестве совершенно автономных повествований, появляются не ранее XV столетия (как уже говорилось выше, в это же время к небольшому по объему самостоятельным рассказам впервые начинает применяться и термин *þættir*). Таковы, например, пергаментная рукопись XV в. AM 557, 4to и бумажный список AM 426, fol. (втор. пол. XVII в.), в которых содержится ряд произведений “малой прозы”⁴⁷. Иногда отдельная версия пряди существенно отличается от того ва-

рианта рассказа, который мы находим в виде вставки в сагах о норвежских конунгах, причем в ряде случаев ("Прядь о Стуве" и "Прядь о Торде Золотой Асы") можно с полной уверенностью утверждать, что сохранившиеся в более поздних списках (AM 557, 4то XV в. и AM 518, 4то XVII в. соответственно) отдельные редакции, несмотря на возраст рукописей, представляют собой оригинальные (или наиболее близкие к оригинальным) варианты этих историй, впоследствии подвергшиеся сокращениям и изменениям под пером составителей компиляций⁴⁸.

Об изначальной независимости целого ряда прядей принято судить и на основании тех косвенных данных, которые дает сопоставление двух основных сводов королевских саг, вобравших в себя эти рассказы, — уже упоминавшихся выше "Гнилой Кожы" ("Morkinskinna") и "Книги с Плоского Острова" ("Flateyjarbók"). Считается, что известная ныне рукопись "Гнилой Кожы", датируемая 1270–1280 гг., восходит к утраченной оригинальной "Древнейшей Гнилой Кожой", предположительно созданной на полвека раньше. Часть этой более не существующей книги, содержащая "Сагу о Магнусе Добром и Харальде Суровом" (совместный характер саги об этих двух государях, в общей сложности управлявших Норвегией с 1035 по 1066 гг., объясняется тем, что в течение непродолжительного времени — 1046–1047 гг. — они были соправителями страны), судя по всему, должна была уцелеть в одном из поздних списков: вместе с входящими в нее прядями во втор. пол. XV в. она была переписана и добавлена к основной рукописи "Flateyjarbók" (1387–1394). Между тем выясняется, что из десяти общепризнанных прядей, инкорпорированных в жизнеописание этих двух королей в "Morkinskinna"⁴⁹, в "младшем" добавлении к "Flateyjarbók" оказались лишь шесть ("Прядь о Торстейне сыне Халля с Побережья", "Прядь об Аудуне с Западных Фьордов", "Прядь о Торварде Вороньем Клюве", "Прядь о Халли Челноке", "Прядь о Стуве" и "Прядь об Одде сыне Офейга"). Что же касается оставшихся четырех ("Прядь о Хрейдаре Дураке", "Вторая Прядь о Халльдоре сыне Снорри", "Прядь о Бранде Щедром" и "Прядь об исландце-сказителе"), то, по общему мнению издателей и исследователей обеих королевских саг, их отсутствие в "Книге с Плоского Острова" должно объясняться тем, что все эти рассказы были включены в "Гнилую Кожу" уже после составления ее "старшей" (не сохранившейся) редакции, т.е. между 1220 и 1270/1280 годами. Иначе говоря, ни одна из этих прядей изначально не принадлежала к тексту саги⁵⁰. Однако и вошедшие в "младшую" часть "Книги с Плоского Острова" пряди вовсе не обязательно сохраняют в ней то же место, которое они занимали в "Гнилой Кожой". Только в половине случаев мы находим их в прежних контекстах ("Прядь о Торстейне сыне Халля с Побережья", *Mork.* 29–31, *Flat.* III, 316–318; "Прядь о Стуве", *Mork.* 104–105, *Flat.* III, 379–381;

"Прядь об Одде сыне Офейга", *Mork.* 105–109, *Flat.* III, 381–386; кроме того и здесь, как и в "Morkinskinna", отсутствуют заголовки с обозначением ráttir), тогда как в оставшихся случаях контекст изменен, причем две пряди ("Прядь об Аудуне с Западных Фьордов", *Mork.* 61–65, *Flat.* III, 410–415 и "Прядь о Халли Челноке", *Mork.* 93–101, *Flat.* III, 415–428, последняя еще и в значительно более пространной версии) формально выключены из саги и, подобно целому ряду других рассказов, приложены к ней уже после ее завершения в качестве отдельных историй. Аналогичные и таким же образом трактуемые расхождения с сохранившейся поздней редакцией "Гнилой Кожы" демонстрирует и еще одна рукопись XIV в., предположительно основанная на "Древнейшей Гнилой Кожой", — "Hulda" (а также восходящая к одному с нею источнику и в основном дублирующая ее "Hrokkinskinna", нач. XV в.)⁵¹.

О независимом, а возможно, и о значительно более раннем происхождении некоторых прядей, дошедших до нас исключительно в составе королевской саги, иногда позволяют судить также более архаичные черты их языка и стиля, выделяющие их в "макроконтексте" "Гнилой Кожы". Судя по всему, в отличие от составителей (или переписчиков) собраний, созданных в XIV в., редактор этой книги в значительно меньшей степени приложил руку к форме вpletенных в нее рассказов. Наиболее показателен пример "Пряди о Хрейдаре Дураке", признанного шедевра исландской прозы, и не исключено — одного из самых первых ее сохранившихся в записи образцов⁵². Отдельные слова и грамматические формы, встречающиеся в речах героев этого рассказа (например, суффиксированные отрицание -a и личное местоимение -k; наречия þárs 'когда', вместо þá er; þeigi 'однако', вместо þó eigi и т.п.), обычные в прозе XII в., к XIII столетию выходят из употребления, сохраняясь лишь в устойчивых выражениях (таких, как поговорки и правовые формулы), а также в поэзии⁵³. Невозможно сказать, однако, в какой мере обнаруживаемые в языке этой и некоторых других прядей ("Пряди о Халли Челноке", "Второй Пряди о Халльдоре сыне Снорри") особенности должны расцениваться как архаизмы, указывающие на то, что эти рассказы появились гораздо раньше вобравшей их в себя королевской саги, а в какой — как черты более свободного, "простонародного" стиля, в котором допускались слова и выражения, избегавшиеся в жизнеописании правителей Норвегии. Высказывалось даже предположение, что рассказчик "Пряди о Хрейдаре" не ограничился изображением странного поведения этого неотесанного героя-запечника, впервые в жизни оставившего свой родной исландский хутор, чтобы в чужой стране сразу же очутиться в государевых палатах (рассказ о Хрейдаре подробно рассматривается нами в главе "Исландец и король"), но вдобавок намеренно снабдил его соответствующей "речевой характеристикой". Случайно ли, например, что ряд отмеченных

архаизмов уснащает только высказывания, вложенные в уста главного персонажа в первой части пряди, где они вполне могут быть стилистически маркированы и выполнять функции “провинциализмов” или “вульгаризмов”⁵⁴? Однако как бы ни трактовались подобные черты – в качестве фактов языка или стиля, они, безусловно, служат формальному выделению названных прядей в тексте королевской саги.

Порой косвенные указания на независимое происхождение пряди содержатся также в пояснениях рассказчика, по небрежности оставленных в ней редактором книги, несмотря на их очевидную избыточность в новом окружении. В “Пряди о Хрейдаре Дураке” сообщение о грядущем свидании соправителей Норвегии – главных героев саги, в которую был вставлен этот рассказ, сопровождается комментарием: “В то время страной управляли два конунга: конунг Магнус и конунг Харальд”⁵⁵. Точно так же во введении к “Пряди об Одде сыне Офейга” говорится, что “тогда правил Норвегией Харальд конунг” (*ИС II, 510*), при том что эта история и была помещена в жизнеописание Харальда Сурового. На автономный характер прядей указывает, кроме того, и самый факт наличия введения и заключения – примет структурной завершенности этих повествований.

Наконец, принято считать, что доказательством самостоятельности входящих в “Тнилую Кожу” рассказов об исландцах может служить и заметное расхождение представления в них характера и поступков Харальда Сурового – постоянного контрагента героев абсолютного большинства прядей в этой книге – с изображением того же государя в посвященной ему саге⁵⁶. В то время как позиция рассказчика главного повествования по отношению к этому конунгу в целом сбалансирована и даже, скорее, положительна (или, во всяком случае, сдержанно лояльна)⁵⁷, в непосредственно соседствующих с главами саги прядях он зачастую предстает не с лучшей стороны и то и дело оказывается в моральном или интеллектуальном проигрыше посетившему его исландцу. Все это плохо согласуется с образом Харальда, каким он рисуется в рассказах о его подвигах и приключениях во время службы в варяжской дружине в Византии, а затем и в сообщениях о тех его деяниях, которые относятся к довольно длительному периоду его жизни, начавшемуся, когда он возвратился в Норвегию и получил власть над страной. Кроме того, образ Харальда Сурового в большинстве прядей, где он фигурирует, как будто бы расходится с его вполне панегирической характеристикой в “Тнилой Коже”, в которой он назван самым мудрым, проницательным и изобретательным человеком во всех Северных Странах⁵⁸. На фоне более объективного повествования Саги пряди вообще заметно выделяются своей тенденциозностью и, как может показаться современному историку, осведомленному о трениях между

Исландией и Норвегией в период окончательного оформления и записи этих рассказов, – “антироялистской” направленностью⁵⁹.

Этим их качеством, в частности, пытаются объяснить и почти полное отсутствие прядей в самой знаменитой книге, когда-либо написанной о правителях Норвегии, – в “Круге Земном” Снорри Стурлусона, созданном вслед за “Тнилой Кожей” в 20-е или 30-е годы XIII столетия. Если автор “*Morkinskinna*”, составлявшейся в эпоху, когда норвежские конунги, используя внутренние усобицы между представителями влиятельных исландских семейств, только начинали прикладывать старания к тому, чтобы покончить с народо-властием и подчинить себе население острова (что в конце концов и произошло в 1262–1264 гг.), по всей видимости, принадлежал к антинорвежскому лагерю и, вставляя в свою книгу пряди, говорившие о превосходстве исландцев над норвежцами, заявлял таким образом свою патриотическую позицию, то Снорри, для которого “Тнилая Кожа” послужила одним из главных источников при описании целого столетия истории Норвегии (1030–1130)⁶⁰, также, скорее всего, из политических соображений и в расчете на норвежскую аудиторию, напротив, не стал включать их в свой труд. Вполне вероятно, что под “неподтвержденными свидетелями рассказами” (*vitnislausar sögur*), которые автор “Круга Земного”, по его собственному признанию, счел необходимым отвергнуть при составлении саги о Харальде, подразумеваются именно пряди. Впрочем, и весь комментарий Снорри, касающийся отбора материала для жизнеописания этого правителя, скорее всего, был продиктован не столько стремлением обосновать достоверность своего сочинения, сколько желанием сгладить впечатление от иных эпизодов из книги его предшественника – автора “Тнилой Кожы”, в которых Харальд предстал в откровенно неприглядном свете, и “наладить отношения между Исландией и Норвегией”⁶¹ (ср.: “Но гораздо больше его подвигов осталось незаписано. Это вызвано незнанием нашим, а также тем, что мы не хотим помещать в книгу рассказы, не подтвержденные свидетелями. Хотя мы слышали немало речей и встречали всякие упоминания, нам кажется лучшим впоследствии добавить о них, чем быть вынужденным изымать. Много рассказов о Харальде конунге содержится в песнях, которые исландцы исполняли перед ним самим или перед его сыновьями. Поэтому он был великим их другом. Он вообще очень дружил со всеми людьми из нашей страны...”⁶²). В наибольшей степени его могла побудить к этому отступлению так называемая “Вторая Прядь о Халльдоре сыне Снорри”⁶³, повествующая о спровоцированных несправедливостью, а то и самодурством конунга Харальда неладах между ним и его старым другом и верным соратником, – недаром сразу же вслед за весьма красноречивым в свете уже названных целей сообщением о том, как Харальд жаловал исландцев, и как много полезного он сделал для их

Король. Шахматная фигура. Резьба по моржовой кости. Гебридские острова, середина XII в.

страны⁶⁴, Снорри считал нужным перейти к развернутой характеристике Халльдора. В ней, в отличие от “Гнилой Кожы”, изложению которой он почти дословно следует, давая психологический портрет этого персонажа (в использовавшемся им источнике подробное описание внешности и темперамента Халльдора было приведено в эпилоге к его пряди)⁶⁵, автор “Круга Земного”, оставляя от изъятной им истории лишь нужный ему заключительный пассаж и ни словом не обмолвившись о роли и поведении Харальда Сурового в его ссоре с Халльдором, намеренно поворачивает дело так, будто вся вина за их с конунгом разрыв возлагалась на тяжелый и неуживчивый нрав исландца (“Халльдор был человек немногословный, резкий в речах и прямой, упрямый, непреклонный, он плохо ладил с конунгом, на службе у которого было довольно других знатных людей. Халльдор недолго оставался у конунга. Он уехал в Исландию, построил себе усадьбу на Стадном Холме и жил там до старости”, КЗ, 424). Возвращаясь к интересующей нас теме отдельности прядей, заметим, что обхождение с ними Снорри Стурлусона, последовательно устранявшего подобные истории не только из жизнеописания конунга Харальда, но и из всех прочих саг о правителях Норвегии (в “Круге Земном” оставлены лишь две “пряди об исландцах” — “Прядь о Стейне сыне Скафти” и “Прядь о Тороде сыне Снорри”, обе — в составе “Саги об Олаве Святом”), даже если отвлечься от политической подоплеки его деятельности, само по себе неопровержимо свидетельствует об его отношении к ним как к отступлениям от магистральной линии повествования, автономным эпизодам, которые могут быть легко и без ущерба для целостности изложения вычеркнуты из королевской саги. И действительно, рассказы об исландцах — посетителях или дружинниках норвежских государей, с которыми Снорри приходилось сталкиваться, изучая книги своих предшественников, вопреки изначальной семантике данного им названия, не были “вплетены” или “впрядены” в основной текст саги и, как правило, представляли собой не пронизывающие его насквозь то и дело возвращающиеся “нарративные нити”⁶⁶, но завершенные цельнооформленные вставки, заглавные герои которых к тому же по их окончании в подавляющем большинстве случаев тут же навсегда исчезали со сцены.

Описанные критерии установления отдельности прядей — не более чем общие положения, которыми приходится руководствоваться, подходя к той или иной истории. На практике же сплошь и рядом оказывается, что рядом с отвечающими этим критериям, а значит, и демонстрирующими свое независимое происхождение самостоятельными рассказами находится немало пограничных случаев — сходных с прядями автономных эпизодов саг, об истинной природе которых остается лишь догадываться⁶⁷. В число последних попадают и некоторые “пряди о скальдах” (например, “Прядь об Арноре

Скальде Ярлов", "Прядь о Мани" из "Саги о Сверрире" или так называемая "Прядь об Эйнаре сыне Скули", составленная из нескольких не связанных между собой анекдотов об этом скальде). При том, что каждая из таких "прядей" вполне могла представлять самостоятельный интерес для средневековой аудитории, а значит, и рассказываться безотносительно к королевской саге, доказать, что подобные короткие истории, чья обычная тема — мастерство исландских поэтов, сочинявших для правителей Норвегии, изначально также были независимыми произведениями, позднее вставленными в повествования о воспеваемых этими скальдами конунгах, едва ли вообще возможно. И тем не менее, было бы опрометчиво исключать рассказы с неясным жанровым статусом из общего рассмотрения прядей, в сферу притяжения и влияния которых они так или иначе попадают.

Между тем несомненно, что даже и сохраняя собственную отдельность, пряди по самому условию своего существования внутри саги не могли полностью избежать взаимодействия с нею. О том, какие формы принимало это взаимодействие, и пойдет речь в дальнейшем.

Прядь в саге

Хотя проблема самостоятельности прядей, в силу специфики передачи подобных рассказов в традиции непременно требует своего решения, без которого исключается самое их изучение в качестве особого жанрового образования, она отчасти снимается, если подходить к этим рассказам как к составным частям тех саг, в которых они в основной своей массе и сохранились до наших дней. Такой подход, правда, неизбежно и существенно ограничивает материал исследования: ведь при нем в поле зрения заведомо могут попасть только рассказы, сопровождающие данную сагу. Уже только по этой причине нельзя рассчитывать добыть с его помощью сколько-нибудь надежные данные, способные пролить свет на особенности жанра и типологию прядей. Однако и этот подход вполне правомерен — саги с входящими в них прядями помимо всего прочего могут и должны рассматриваться как единое целое. В самом деле: каково бы ни было происхождение вставных повествований и вне зависимости от того, обладали они способностью к самостоятельному существованию или нет, все они для чего-то включались в повествования о норвежских конунгах. Надо полагать, что это делалось неспроста и такие рассказы выполняли в тексте саг определенные функции. Догадаться о некоторых из них не составляет труда: исландский автор королевского жизнеописания, естественно, питал особый интерес к своим соотечественникам, в разное время посе-

Мужское лицо. Резьба по дереву. Исландия, начало XII в.

щавшим правителей Норвегии. Более того, характер вставляемых в королевские саги историй об исландцах — а в большинстве случаев в них говорится о социальном продвижении героя, зачастую человека, не отличающегося ни родовитостью, ни богатством, о завоеванном им собственными усилиями и способностями успехе — позволяет заключить, что пряди, по замыслу их создателей, служили прославлению их соплеменников и с той же целью должны были использоваться и составителями компиляций. О вероятной политической подоплеке, по всей видимости, зародившегося в первые десятилетия XIII в. обычая включать в саги о конунгах рассказы, идеализирующие исландцев, уже было сказано выше.

Вместе с тем эти вставные новеллы вполне подходили для того, чтобы выполнять в составе королевской саги и иную функцию. Через демонстрацию поведения основных контрагентов их центральных персонажей, норвежских конунгов, они могли в равной мере характеризовать и этих последних, а значит, включаться в сагу не только и даже не столько ради сообщения истории приезжего исландца, сколько в целях более детального изображения определенных свойств личности самого государя — главного героя саги. Не исключено, что основное назначение вплетаемых в сагу прядей как раз и заключалось в том, чтобы поставлять конкретные и нагляд-

ные примеры, раскрывающие некие положительные или, напротив, отрицательные черты правителя, которому она была посвящена. Подтверждением этому может служить одна из вставных историй из "Гнилой Кожы" — "Прядь об Иваре сыне Ингимунда", открывающаяся красноречивым комментарием составителя саги, к тому же (что случается весьма нечасто в древнеисландской прозе) неожиданно переходящего здесь к повествованию от первого лица: "Из того, о чем я сейчас расскажу, можно заключить, каким прекрасным человеком был Эйстейн конунг, как много он пекся о своих друзьях и насколько настойчив был он в поисках того, что могло стать причиной печали тех, кого он любил..." (*ÍSP III, 2180*).

Интересные соображения, говорящие в пользу того, что именно эта функция прядей в тексте королевской саги должна считаться ведущей, высказал недавно исландский исследователь "Гнилой Кожы" Арман Якобссон⁶⁸. По его мнению, давно замеченные противоречия в изображении Харальда Сурового в этой книге, — напомним, возникшие вследствие соединения в одно целое саги и прядей, — вызывались вовсе не тем, что вставные истории, в которых названный правитель обнаруживал далеко не лучшие свои качества, были позднейшими интерполяциями в текст его жизнеописания. Напротив, они должны были отражать замысел самого создателя саги, вознамерившегося показать не только военные доблести и достоинства этого государя, но и его слабости, главной из которых было неумение обуздывать свой нрав. Из четырех мирских добродетелей, которыми, согласно средневековым представлениям об идеальном монархе, должен был обладать *rex iustus* — мудрости (*prudencia*), отваги (*fortitudo*), умеренности (*temperantia*) и справедливости (*iustitia*), Харальду в наибольшей степени были присущи первые две: он характеризуется как умнейший и в высшей степени проникательный человек, а равно как один из самых могучих и воинственных конунгов, когда-либо занимавших норвежский престол, однако недостаток *temperantia*, неспособность к самоограничению и сдержанности иной раз приводили его к неверным решениям и поступкам. Самый серьезный его промах — поход в Англию в 1066 г. — оказался фатальным и для него самого, и для его войска. Если сага, в первую очередь, рисовала парадный портрет храброго и успешного воителя, то пряди, нередко сообщавшие о моральных поражениях, которые Харальд по собственной вине терпел в столкновениях с исландцами или же при сравнении его с другими скандинавскими государями, исподволь подготавливали аудиторию к его финальной неудаче, помогая ей понять, как могло случиться, что столь мудрый и дальновидный правитель совершил безрассудный поступок и, переоценив свои силы, сложил голову на чужбине. Подспудная тема прядей, как считает Арман Якобссон, при том, что они всегда повествуют не о масштабных исторических событиях, но о частных и в большинстве своем,

скорее всего, вымышленных происшествий с участием вполне конкретных государей, — то, каким должен быть хороший правитель; эти рассказы играют роль своего рода *exempla*, назидательных примеров, включаемых в королевскую сагу в морально-дидактических целях⁶⁹.

В отличие от "Гнилой Кожы", "Книга с Плоского Острова" не знает противоречий в изображении центральных героев — Олава Трюггвасона (ок. 995–1000) и Олава Харальдссона (1016–1028, ум. 1030) в посвященных этим конунгам сагах и вплетенных в их текст прядях. Что касается последних (и этим "Книга с Плоского Острова" опять-таки отличается от "Гнилой Кожы"), то их действие зачастую разыгрывается и вовсе в отсутствие главного персонажа саги или, по крайней мере на первый взгляд, не имеет к нему репительного никакого отношения. Чем же в таком случае мотивируется их включение в жизнеописание конунга? Возьмем лишь несколько примеров.

События "Пряди о Торлейве Ярловом Скальде" (*IS II, 446–457*), рассказывающей о вражде не на жизнь, а на смерть между исландским скальдом и норвежским государем-язычником, происходят в конце правления ярла Хакона из Хладира (ум. 995), т.е. еще до восшествия на престол Олава Трюггвасона. Однако сразу вслед за этой прядью в саге как раз и сообщается о прибытии в Норвегию ее будущего христианского короля, чье появление не сулит ничего хорошего нынешнему правителю — ярлу, как было убедительно показано на примере истории Торлейва — колдуну и нечестивцу, совершившему немало несправедливостей и ужасных злодеяний "себе же на позор и на гибель" (*Flat. I, 216–219*).

Место действия "Пряди о Тидранди и Торхалле" (*Flat. I, 418–421*) — вообще не Норвегия, а Исландия, поэтому неудивительно, что конунг в ней даже не упоминается, однако и здесь время действия — самый канун смены веры. Ее героя, Тидранди, в отместку за готовящееся в его роду "вероотступничество" убивают дисы (почитаемые язычниками сверхъестественные существа, имеющие женский облик, но в этом рассказе — скорее всего, духи-двойники людей), которые предвидят свою скорую отставку. Заканчивается же прядь следующей сценой: мудрец и провидец Торхалль с улыбкой созерцает то, что дано было видеть лишь ему одному, — как духи навсегда покидают обжитые ими места ("вскрывается каждый холм, и каждая тварь, большая и малая, готовится в путь и складывает свои пожитки"⁷⁰) в преддверии важных событий, к рассказу о которых и переходит составитель саги. За историей Тидранди следует так называемая "Прядь о крещении", открывающаяся сообщением о том, что Олав Трюггвасон не далее чем спустя два года после своего вступления на престол, послал в Исландию священника Тангбранда с миссией обратить эту страну в истинную веру (*Flat. I, 421*).

События “Пряди о Хромунде Хромом” (*Flat. I, 409–414*) также происходят в Исландии, причем, в отличие от предыдущего примера, изложенная в ней история не имеет никакого отношения к “смене обычая” и более всего походит на “семейную сагу” (к каковым ее нередко и причисляют)⁷¹, только сторонами в конфликте выступают в данном случае не враждующие местные кланы, но исландский бонд Хромунд со своими сыновьями и домочадцами и прибывшие в их округу норвежские купцы. Один из немногих уцелевших участников столкновения, сын “титутльного” героя пряди, как сообщается по завершении ее действия, уехал в Норвегию и стал человеком конунга, приняв по его настоянию правую веру, а впоследствии покрыл себя славой и пал вместе с Олавом Трюггвасоном на его корабле Великом Змее – этот “постскриптум” и служит единственной привязкой рассказа о Хромунде к жизнеописанию норвежского короля, к которому, покончив с очередным отступлением, и возвращается автор саги.

Как видим, во всех упомянутых случаях действие вставного рассказа напрямую не касается ни самого государя, ни событий его саги, и тем не менее, под конец (во втором примере к тому же всего лишь опосредованно – история о крещении Исландии, которой сменяется прядь о Тидранди, это ведь тоже шаг в сторону от основного повествования!) между ним и сагой устанавливается более или менее прочная ассоциативная связь, оправдывающая вовлечение пряди в общий нарративный “поток”. Напомним, что создатель компиляции, объясняя включение в состав записанных им королевских саг многочисленных посторонних историй, прибегает именно к такой метафоре: текущие из разных источников притоки вливаются в главный поток, “сходясь в одном водоеме” (*Flat. I, 378*). Оказывается, что эта метафора весьма точно описывает действительные отношения между прядями и вбирающей их в себя сагой. Питая главный поток своими водами, притоки впервые смешиваются с ним лишь в точке своего впадения.

Если самая общая функция прядей в жизнеописаниях обоих Олавов в “Книге с Плоского Острова” следует из ее структуры и предопределяется откровенной ориентацией компилятора XIV в. на создание всеохватного произведения с “открытой композицией”⁷², цель которого – развернуть перед читателем широчайшее полотно событий, тем или иным образом сопряженных с правлением главного героя саги, то при ближайшем рассмотрении удастся проследить и не столь очевидные функции прядей, в частности, вытекающие из различий в их составе в каждой из названных королевских биографий, вошедших в это собрание. Оказывается, например, что из двадцати одного вставного повествования, озаглавленного “*frátt*” в “Большой саге об Олаве Трюггвасоне” (среди них, как уже отмечалось, нашлось место и нескольким сагам, поэтому, говоря о

“*Flateyjarbók*”, слово ‘пряди’ следует взять в кавычки) примерно в половине случаев рассказывается об исландцах, тогда как в “Отдельной саге об Олаве Святом”, где “прядей” не меньше, отыщется не более трех подобных историй. Из этого распределения явствует, что составитель книги стремился акцентировать связь между Олавом Трюггвасоном и своими соотечественниками – королем-крестителем и народом, обращенным его стараниями в истинную веру, и ведущая роль в осуществлении авторского замысла, несомненно, отводилась “прядям”. При этом всемерно подчеркивались добровольный характер крещения исландцев – как первоначально отдельных индивидов, о чьем личном общении с конунгом Олавом рассказывалось в целом ряде “прядей”, так и позднее всех жителей страны, раз и навсегда решивших вопрос о принятии христианства на всенародном собрании (альтингге), и, что не менее важно, отсутствие принуждения со стороны короля-миссионера. Напротив, в немногочисленных “прядях об исландцах”, включенных в “Отдельную сагу об Олаве Святом”, короле, не меньше своего предшественника радевшем об утверждении правой веры, тема вероисповедания не присутствовала вовсе, герои же имели дело с суровым правителем, от гнева которого им удавалось уберечься не иначе, чем с помощью знатных заступников. (Нельзя не напомнить в связи с этим, что именно Олав Харальдссон первым из норвежских конунгов посягнул на независимость исландцев, – о том, какое значение придавалось этому обстоятельству во времена создания королевских саг, свидетельствует хотя бы тот факт, что две единственные “пряди об исландцах”, сохраненные Снорри Стурлусоном в “Круге Земном”, относятся как раз к этому инциденту и рассказывают о сопротивлении, оказанном королю Олаву отпрысками именитых исландских семейств.) Неканонизированный исландский национальный святой – Олав Трюггвасон, таким образом, противопоставляется в “Книге с Плоского Острова” канонизированному норвежскому святому – Олаву Харальдссону, и достигается это в немалой степени посредством умелого подбора вставных историй⁷³. Последние выполняют здесь также и композиционные функции. Помимо того, что “пряди” в “*Flateyjarbók*” служат проводниками авторской позиции в отношении норвежских конунгов – центральных персонажей двух главных саг этого собрания, они еще и выступают в качестве связующих звеньев, соединяющих обе эти королевские биографии в единое целое: из пятидесяти заявленных компилятором “прядей”, вплетенных им в истории двух Олавов, десять покрывают собой “межсаговое пространство”, образуя переход от одной саги к другой. Тем самым – и на этот раз исключительно с помощью вставных повествований – достигается композиционная симметрия, к которой, по всей видимости, должен был стремиться создатель книги, едва ли ненамеренно включив-

“Олав сын Харальда, король Норвегии”. Миниатюра из “Книги Йоуна” (Jónsbók, AM 345 fol.). Исландская рукопись, XVI в.

ший почти равное число “прядей” (с минимальным “перевесом” в “Большой саге об Олаве Трюггвасоне”) в жизнеописания обоих правителей Норвегии.

Самые принципы построения сводов “королевских саг” (“открытая композиция”), биографический характер этих сочинений,

представлявших историю Норвегии в виде последовательности жизнеописаний ее правителей, наконец, статус “примеров”, по всей видимости, приданный в их составе прядям, создавали все условия для того, чтобы такие рассказы, не ассимилируясь, встраивались в их текст. Очевидно, иначе должно было обстоять дело в “сагах об исландцах”, демонстрирующих значительно более высокую степень внутреннего единства. За немногими исключениями (например, уже упоминавшейся “Саги о людях со Светлого Озера”), вычленив пряди в них далеко не просто. Между тем и “семейные саги” — это произведения, одной из главных характеристик которых является “композиционная незамкнутость”⁷⁴. В значительной мере и они складываются из отдельных эпизодов и вовлекают в главное повествование частные истории множества второстепенных персонажей, охватывая широчайший круг лиц и событий, причем среди последних может встретиться и немало таких, которые либо выходят за временные рамки основного действия, либо, по крайней мере на первый взгляд, вообще не связаны с ним непосредственной и необходимой связью. К отступлениям, иногда прямо именуемым “прядями”, принято относить, к примеру, содержащийся в “Саге о Ньяле” рассказ о крещении Исландии, или ее “Клонтарвский” эпизод — рассказ о кровопролитном сражении, в котором пал ирландский король Бриан, а заодно и так называемую “атлантическую интерлюдия” (главы 81–90), представляющую собой серию рассказов о заморских экспедициях и приключениях нескольких персонажей этой монументальной истории, соединяющих две ее основные части — повествования о Гуннаре и Ньяле⁷⁵. Аналогичным образом интерпретируются обычно эпизоды “Саги о Греттире”, отведенные рассказу об инциденте, произошедшем с побратимами, Тормодом и Торгейром, — о них сохранилась и их собственная сага, “Fótbæðra saga” (“Сага о названных братьях”), — эти эпизоды заполняют собой “перерыв” в изложении биографии временно отсутствующего главного героя, Греттира (главы 25–27). К отступлениям относят и явно малоуместное в контексте исландской саги авантюрно-романическое “приращение”, повествующее о приключениях брата Греттира, Торстейна Дромунда, в Византии — заключительные девять глав “Саги о Греттире”, которым даже было присвоено название “Прядь о Спес” (“Spesar þáttur”)⁷⁶. Примеры такого рода можно множить, однако присутствовали ли среди перечисленных или подобных им эпизодов собственно пряди, т.е. рассказы, которые способны были вести независимое существование в традиции, предшествующее их интеграции в общее нарративное целое? Вопрос этот и поныне остается без ответа, несмотря на то, что он издавна дискутировался в науке, и в первую очередь, в связи с проблемой происхождения саги.

Во втор. пол. XIX столетия шведский исследователь А.У. Бот⁷⁷ выдвинул теорию происхождения исландской “родовой саги” из устных рассказов – прядей (сходные мысли неоднократно высказывались и ранее в работах Теодора Мёбиуса, Рудольфа Кайзера и Юхана Эрнста Сарса)⁷⁸, как он предположил, связываемых в единое целое пронизывающей их насквозь нитью – темой “судьбы”, приносимой в них автором конечного произведения. Раскритикованная в свое время Андреасом Хойслером⁷⁹, сформулировавшим свои шесть возражений против гипотетической роли “компилирования” в генезисе “саг об исландцах” (самое веское из них, на наш взгляд, состояло в констатации того простого факта, что в большинстве своем саги вовсе не поддаются разделению на составные части, которые были бы жизнеспособны в качестве самостоятельных повествований), теория происхождения саги из прядей в дальнейшем получила развитие в работе В.Х. Фогта о преданиях (frásagnir), пересказываемых в “Книге о заселении страны” (“Landnámabók”)⁸⁰. С точки зрения этого автора, записанные в ней примитивные в нарративном отношении и не успевшие еще до конца сформироваться “проторассказы” об отдельных первых поселенцах⁸¹ соответствуют тому типу устных повествований, который должен был бытовать в Исландии уже в X в. и которому впоследствии суждено было развиться в сагу.

Полностью отвергаемая одними⁸² и в той или иной ее интерпретации разделяемая другими авторами⁸³, теория происхождения саги из прядей просуществовала до наших дней, в сравнительно недавнее время получив второе рождение в работе Кэрл Клоувер “The Long Prose Form”⁸⁴. На основании анализа многочисленных данных, почерпнутых из самых разных, и в первую очередь, неевропейских традиций, касающихся размеров, характера и статуса устного прозаического эпоса (и прежде всего, задавшись главным вопросом: а проза ли это вообще, или правы те, кто утверждает, что “за пределами написанной страницы” ее никогда не было вовсе)⁸⁵, эта исследовательница приходит к выводу, что на долитературной стадии исландские саги могли существовать не иначе, как в виде “имманентных или потенциальных величин”, некоего «коллективно-мыслимого “целого”», к которому принадлежали отдельные исполняемые перед аудиторией “пряди” (þættir), набор и последовательность представления коих могли значительно варьироваться⁸⁶. Под þættir при этом, в противоположность А.У. Боту и его последователям, подразумеваются не законченные самостоятельные рассказы, т.е. “пряди” как особая литературная форма или жанр, но любые виды коротких повествований (отдельные анекдоты, сцены, эпизоды, в том числе не исключаются и самостоятельные рассказы), т.е. “пряди” в самом широком смысле их исландского наименования, которые могли восприниматься аудиторией в качестве составных “час-

тей” определенной истории. Сама же эта история впервые материализовалась как единое целое, выстраиваясь в линейную последовательность и приобретая заверченный вид, — иными словами, превращалась в известную нам письменную сагу, лишь под пером собиравшего и оценивавшего подобные разрозненные сказания средневекового автора⁸⁷.

Судя по всему, именно к имеющим разное происхождение частям не сформировавшейся окончательно “имманентной саги”, бытовавшей в устной традиции в виде разрозненных фрагментов, должны были восходить ныне именуемые в изданиях “прядами” отдельные “дополнительные” эпизоды “саг об исландцах”, не вошедшие в их основные редакции. Таковы, например, три “Пряди о названных братьях”, включенные вместе с “Сагой о названных братьях” в “Книгу с Плоского Острова”, но отсутствующие в трех прочих редакциях этой саги, или имеющая прямое отношение все к той же истории “Прядь о Торарине Дерзком” (“Þóraríns þáttir ofsa”), которая содержится в одной из версий “Саги о людях со Светлого Озера”⁸⁸. Такова и “Прядь о Болли”, примыкающая к “Саге о людях из Лососьей Долины”. Образуя своего рода маргиналии известных “семейных саг”, подобные рассказы, возможно, действительно проливают свет на генезис этих последних, однако их принадлежность к прядам как к отдельному от саги жанровому образованию более чем сомнительна.

Впрочем, в связи с обсуждаемой проблемой нас, в первую очередь, должны интересовать вовсе не эти разрозненные “части” устной саги, в силу каких-то причин оказавшиеся на обочине традиции, положенной в основу ее перенесенной на пергамент “литературной” наследницы, а те эпизоды сохранившихся “саг об исландцах”, в которых принято не просто усматривать следы их предполагаемого родства с прядами, но более того — находить свидетельства их прямого тождества последним. Насколько обоснованы заявления исследователей, полагающих, что нет решительно никакой разницы между вставными историями об исландцах в “королевских сагах” и теми эпизодами, которые они подозревают в их изначальной принадлежности к прядам в “семейных сагах”⁸⁹ Приглядимся более внимательно хотя бы к некоторым из упоминавшихся ранее “отступлений” в двух прославленных произведениях этого жанра, к тому же — признанных образцам классической (“Сага о Ньяле”, XIII в.) и постклассической саги (“Сага о Греттире”, XIV в.)⁹⁰. Кажущиеся посторонними в контексте жизнеописания Греттира эпизоды, рассказывающие о названных братьях, на деле занимают прочное место в его саге, поскольку описываемый в них инцидент приводит к тяжбе Тормода и Торрейра с Асмундом Седовласым, отцом Греттира, и, стало быть, прямо затрагивает семейство главного героя; кроме того, по его завершении побратимы окончательно не исчезают со сцены:

в дальнейшем повстречаться с ними доводится и самому Греттиру. То же можно сказать и о неуместном, по общему мнению, "византийском" продолжении "Саги о Греттире" — новелле о Спес (главы 86–93), насквозь пронизанной мотивами, почерпнутыми из фавлю и рыцарских романов. Чужеродный характер этого "привеска" к трагической истории исландского богатыря не нуждается в доказательствах, однако несомненно и то, что, снабдив свое повествование подобным эпилогом, автор саги имел в виду нечто большее, нежели просто развлечь читателя занимательным анекдотом. Как бы ни оценивать его⁹¹, придется признать, что обоснование присутствия этого заключительного рассказа в контексте саги безупречно: герой его, Торстейн Дромунд, покидает Норвегию и попадает в Миклагард (Константинополь), движимый единственной целью, — отомстить за своего единокровного брата Греттира. Отыскав его убийцу и учинив над ним кровавую расправу, он тем самым преступает закон, а потому оказывается в темнице, где и обречен впредь коротать свой век, если только кто-нибудь не пожелает выкупить его из неволи. Что же до всей последующей цепи событий (знакомства с полюбившей его за звучный голос знатной матроной Спес, вызволившей его из заточения, их преступной связи, а затем и хитростью полученного развода, позволившего им в итоге воссоединиться в браке, возвращения супругов в Норвегию и проведенных там в почете и во взаимном согласии долгих безмятежных лет, а "под занавес" — раскаяния за обманом добытое счастье, паломничества в Рим и затворничества до конца их дней), то все ее звенья предстают как следствие этого необходимого для завершения истории Греттира шага. В результате в своем последнем похвальном слове герою саги рассказчик получает все основания присоединиться к авторитетному мнению, согласно которому Греттира следует почитать самым великим из всех когда-либо объявлявшихся вне закона соотечественников не только из-за его мудрости, богатырской силы и подвигов, но еще и потому, "что за него отомстили в Миклагарде, как ни за какого другого исландца". Сразу же вслед за тем автор подытоживает и все сказанное им о брате главного героя: "И надо прибавить еще, каким удачливым человеком был в конце жизни Торстейн Дромунд, тот, кто отомстил за Греттира" (ИС I, 772). Последнее замечание раскрывает наконец "сверхзадачу", преследуемую обстоятельным изложением истории Торстейна в контексте рассказа о Греттире: как и в целом ряде "саг об исландцах" (самый известный пример — "Сага об Эгиле"), одной из важных тем этой саги было противопоставление двух братьев.

Еще меньше у нас оснований говорить о "маргинальной природе"⁹² группы эпизодов, перекидывающих мост между двумя частями "Саги о Ньяле", — ее так называемой "атлантической интерлюдии". Принято считать, что эта серия рассказов открывается сооб-

щением об отъезде из Исландии двух родичей Гуннара — его брата, Кольскегга, и Траина сына Снйфуса (гл. 75)⁹³. Заметим, правда, что в таком случае в "промежточную" часть саги попадает и одна из ее кульминаций — рассказ о героической обороне и гибели Гуннара (гл. 77), в последний момент в нарушение соглашения, заключенного ранее с его недругами, отказавшегося покинуть страну вместе с братом и с полдороги воротившегося к себе домой, в Конец Склона. Поэтому фактически "заморские" эпизоды саги начинаются лишь в главе 81 — с предельно сжатого отчета о последующей судьбе Кольскегга, персонажа, которому в дальнейшем не предстояло принимать какого-либо участия в действии. Выведя из саги навсегда отбывшего из Исландии брата главного героя, заранее объявившего о том, что он не намерен мстить его убийцам, и решительно обрубив, таким образом, "засохшую ветвь" повествования, автор приступает к подробному рассказу о прочих персонажах саги, отправившихся за море в то же самое лето, что и Кольскегг. Первый из них, уже упомянутый Траин, прибыл в Норвегию, где, благодаря своему близкому родству с Гуннаром, был радушно принят ярлом Хаконом из Хладира (гл. 82). За оказанную ярлу услугу (победу над свирепым викингом) Траин получает от него в награду драгоценный корабль, а после того как из Исландии приходит весть о гибели Гуннара, в прошлом любимого дружинника ярла, остается по просьбе этого правителя в Норвегии. Далее повествование перемещается на морские просторы к плывущим вместе с торговыми людьми сыновьям Ньяля, Гриму и Хельги (гл. 83). Непогода выносит их неизвестно к каким берегам, где их корабль атакуют викинги. В ходе неравного столкновения с морскими разбойниками неожиданно подоспела помощь в лице великолепного незнакомца, предводителя целой флотилии боевых кораблей. Так происходит первая встреча сыновей Ньяля с одним из центральных персонажей второй части саги — Кари сыном Сельмунда, их будущим ближайшим другом, зятем и мстителем (гл. 84). Вместе они отправляются на Оркнейские острова к тамошнему ярлу Сигурду, у которого находятся в большой чести, вместе воюют, защищая его владения в Шотландии, за что получают от него в награду щедрые дары (гл. 85–86). Затем, условившись с Кари о встрече в Норвегии, сыновья Ньяля отбывают туда на полученном от оркнейского правителя корабле (гл. 86), тогда как рассказчик обращается к очередному эпизоду, который открывается введением в сагу нового персонажа — Храппа Убийцы (гл. 87). Опасаясь мести родичей убитого им человека, Храпп бежит в Норвегию, где также совершает множество дурных поступков: обманывает перевезшего его через море купца, соблазняет дочь даввшего ему приют великого язычника Гудбранда из Долин, большого друга ярла Хакона, убивает его слугу, а в довершение всего содеянного смертельно ранит и сына. Главным же его "подвигом"

становится неслыханное преступление против самого гостившего там правителя Норвегии. Прокравшись в принадлежавшее ярлу и Гудбранду капище и вытащив на двор сидевших в нем богов, Храпп присваивает себе их золотые украшения и убранство, сжигает храм, убивает нескольких отправленных на его поиски людей, после чего бежит в Хладир. Тут-то и пересекаются, наконец, пути всех разновремененно отбывших из страны героев саги (гл. 88). Спасаясь от своих преследователей, Храпп обращается за помощью к снаряжающимся перед отплытием сыновьям Ньяля, однако встречает отказ. Тогда он бросается к также уже готовому выйти в море Траину, предлагая ему украденные из капища драгоценности. Тот поначалу колеблется, несмотря на явное желание завладеть сокровищами (ожидается, что читатель саги припомнит здесь обращенные к этому исландцу слова ярла Хакона, которые тот произнес, передавая ему свой подарок, корабль “Коршун” — место действия грядущей сцены: “Ты любишь красивые и богатые вещи, Траин”), но увидев приближающегося к пристани ярла, соглашается укрыть Храппа на своем корабле. Далее события развиваются по сценарию, весьма напоминающему (а в отдельных деталях, как будет показано ниже, прямо повторяющему) тот, который мы позднее найдем в одной из анализируемых в последующих главах “прядей об исландцах” — в “Пряди об Одде сыне Офейга”. В поисках Храппа ярл трижды обыскивает корабль Траина, будучи полностью уверен в том, что тот скрывается у его друга — более того, каждый раз точно зная, где Храпп прятался во время его предыдущего посещения, однако так и не обнаруживает беглеца. Упустив Храппа (воспользовавшись передышкой после очередного посещения государя, Траин поспешно покидает Норвегию, прихватив с собой укрываемого им преступника), ярл вымещает свой гнев на сыновьях Ньяля, заподозренных в том, что они были заодно с Траином (гл. 89). Настигнутых при попытке оставить пределы страны, плененных и едва избежавших расправы братьев и на этот раз выручает вовремя подоспевший Кари, которому удается не только урегулировать конфликт, но и добиться для братьев достойного возмещения за нанесенный им ущерб. После этого все трое вновь отправляются к оркнейскому ярлу, воюют в Англии и на Гебридских островах, а на следующее лето возвращаются в Исландию (ИС II, 182–204).

Так завершается “атлантическая интерлюдия”, однако еще весьма далек от развязки тот новый драматический узел, к которому вели все три ее разрозненные нити (истории Траина, сыновей Ньяля и Храппа), связавшиеся воедино в момент появления Храппа на пристани в Хладире. Окончательно он будет развязан лишь в последней главе саги, когда Флоси, один из главных зачинщиков и участников сожжения Ньяля, раскрыв объятия, бросится навстречу Кари, главному мстителю за всех, кто погиб в зажженном им огне,

ныне потерпевшему кораблекрушение и в поисках пристанища вынужденному зайти в дом своего недавнего заклятого врага. До этого же с каждой попыткой разрубить этот узел он будет затягиваться все туже. Ибо вернувшись домой, сыновья Ньяля потребуют у Траина возмещение за то, что им пришлось вытерпеть из-за него в Норвегии от ярла Хакона, и, получив в ответ отказ и оскорбления, убьют и его, и виновника их ссоры, Храппа (гл. 92). Ньяль в знак примирения возьмет на воспитание и полюбит больше, чем кого-либо из своих собственных сыновей, сына Траина, Хёскульда, но и тому суждено будет со временем пасть от их рук (гл. 111). Что впоследствии за этим, помнит каждый, кто знаком с сагой, — гибель самого Ньяля, его жены Бергторы и всех их сыновей. Губительные же семена всех этих ближайших и более отдаленных всходов едва ли не самой знаменитой распри за всю историю Исландии были брошены в почву разыгранных далеко за ее пределами и ныне кажущихся “автономными” и “маргинальными” промежуточных эпизодов.

Да и возможны ли таковые вообще в искусно выстроенной “семейной саге”? Ее рассказчик очень часто заводит свое повествование издалека, и многие из описываемых в ней событий или высказываний, которые он вкладывает в уста персонажей, обретают свой истинный смысл лишь много позднее. Однако читатель может быть уверен: ничто из сказанного в саге не было произнесено впустую, а все, казалось бы, периферийные сюжетные нити на самом деле протягиваются ее автором с дальним прицелом и рано или поздно непременно приводят в самое средоточие излагаемой им истории. В этом — один из главных принципов композиции саги, и рассказчик “Саги о Ньяле”, как мы могли убедиться даже на одном только примере, владел им с виртуозным мастерством. Поскольку же “сага об исландцах” устроена именно так, вставному повествованию с законченным и независимым от ее контекста сюжетом — каковыми, несомненно, являются все известные нам пряди в “королевских сагах” — в ней попросту не находится места. Единственная возможность для пряди проникнуть в текст “семейной саги” — это полностью утратить все признаки отдельного рассказа, и, в первую очередь, изначально присущую ей нарративную завершенность и послужить для саги исходным материалом, т.е. быть как угодно перекроенной и приспособленной к нуждам другого повествования. Только вот о пряди в таком случае говорить уже не приходится, поскольку она совершенно растворяется в саге. Иными словами, каково бы ни было происхождение отдельных эпизодов “семейной саги”, перед нами целостное произведение, над которым, не обрубив его внутренних логических связей и грубо не нарушив весь ход разворачивающегося в нем действия, ни за что не удалось бы повторить опыта, испробованного в “королевской саге”, — вычленив пряди из

ее текста. А ведь именно такой опыт вполне удался автору “Круга Земного”, когда он в противовес собственным источникам принял решение опустить пряди и не включил их в создаваемую им историю норвежских королей.

Все это вполне могло иметь самое непосредственное отношение к рассказу о Храппе Убийце. Дабы избежать недоразумения, оговоримся сразу же, что мы далеки от мысли, будто в его случае может идти речь о герое пряди, чья некогда передававшаяся отдельно от саги частная история, влившись в общее повествование, была адаптирована и использована составителем в далеко идущих целях. Даже если предположить, что в подобном гипотетическом “проторассказе” были весьма сильны антиязыческие настроения (впоследствии утраченные, ибо они решительно никак не проявились в ныне известном эпизоде саги) и, стало быть, злодеяния Храппа, которые он совершил против Гудбранда и ярла Хакона, изначально могли быть представлены в более благоприятном для него свете, этот персонаж и тогда едва ли “потянул” бы на героя одной из “прядей о поездках из страны” – рассказов, как будет показано в других главах этой книги, прославляющих достойных и удачливых исландцев. Разве что Храпп – зловредный негодяй, один из тех, кто, сам не отличаясь ни родовитостью, ни богатством, нередко становится в сагах причиной затяжного и кровопролитного конфликта между видными и именитыми людьми, подменил собой совсем другого героя... Речь поэтому может идти лишь об использовании, вернее сказать, – преобразовании совершенно иного рассказа, вообще никак не связанного с предшествующей “Саге о Ньяле” устной традицией и, по всей видимости, почерпнутого автором саги из книжного источника. Если для первой части истории Храппа, в которой сообщалось о причинах, заставивших его искать спасения от гнева ярла, такой источник не установлен, то ключевой эпизод “атлантической интерлюдии” – сцена в гавани, – скорее всего, должен был иметь своим прототипом одну из прядей, вставленных в “Сагу о Харальде Суровом” в “Гнилой Коже”, – уже упоминавшийся рассказ об Одде сыне Офейга⁹⁴. И действительно, характер совпадений между центральным эпизодом пряди и соответствующей сценой в “Саге о Ньяле” недвусмысленно указывает на их природу. Как и у конунга Харальда в пряди, у ярла Хакона в саге есть веские причины заподозрить своего прежнего “друга” (félagi) в предательстве, а именно в том, что он укрывает на своем корабле принадлежащий этому правителю “груз” – незаконно приобретенные товары (Одд) или объявленного вне закона преступника (Траин). Трижды каждый из государей является на корабль с обыском, однако удаляется ни с чем, но всякий раз догадывается *post factum*, где был спрятан предмет его поисков. Дальнейшие аналогии поистине разительны: Одд прячет запрещенные товары сперва в мешке под королевским сиденьем, затем в свернутом и привязанном

высоко на мачте парусе и, наконец, вне корабля. В двух из трех случаев так же поступает и Траин: Храппа швыряют в бочках за борт, кладут в свернутый на рее парус, укрывают среди мешков с грузом (несовпадение, вытекающее из различий в характере “искомого”: прячущий “клад” Одд не смог бы воспользоваться этим естественным для Траина тайником). В конце концов, исчерпав все укромные места, а равно и терпение обоих государей, и тот и другой герой поспешно покидают пределы страны. Правители же, будучи не в силах нагнать беглецов, вымещают свой гнев на их предполагаемых сообщниках.

Как видим, перечисленные совпадения столь последовательны, а отдельные из них еще и настолько конкретны, что можно с достаточной долей уверенности говорить о прямой зависимости одного эпизода от другого. Поскольку же “Гнилая Кожа”, в которую входит “Прядь об Одде сыне Офейга”, была записана раньше “Саги о Ньяле”, возможно определить и наиболее вероятное направление предполагаемого “заимствования”. В разыгранной в хладирской гавани сцене последней резонно было бы усмотреть результат трансформации пряди об удачливом исландском купце, при том, что описанное в ней происшествие имело место и много позже, уже в христианскую эпоху, и фигурировали в нем совершенно иные герои. Какие же трансформации (помимо перемены всего состава участников, неизбежной и само собой разумеющейся в данной ситуации) претерпевает прядь при включении ее в “семейную сагу”? Встраиваясь в общий контекст, она, как оказывается, утрачивает не только формальные признаки отдельного повествования (сигналы начала и конца – введение и заключение), но и свою внутреннюю самостоятельность и логическую завершенность. Управлявшие ее действием причинно-следственные связи уже более не концентрируются исключительно внутри эпизода, но приобретают “центробежный” характер – отныне они в значительной мере обращены за его пределы, и читателю то и дело дается понять, что инцидент отнюдь не исчерпан и рано или поздно произошедшее повлечет за собой очередную драму. Пресжде всего, это новое качество рассказа проявляется в кардинальном изменении трактовки причин неудачи, постигшей правителя Норвегии. Тогда как в пряди Харальд Суровый, как это нередко случалось с этим прозорливейшим из государей в подобного рода историях, просто-напросто интеллектуально проигрывает своему противнику, всякий раз слишком поздно разгадывая его замысел, в эпизоде саги ярл Хакон оказывается не в состоянии состязаться уже не с предавшим его исландцем, но с его судьбой. Стоит ярлу приступить к поискам на корабле у Траина, и перед глазами у него точно появляется пелена – он ничего не видит, однако ему достаточно вновь оказаться на берегу, чтобы наступило прозрение, и он ясно увидел, где скрывается преступник. В итоге ярл

догадывается, почему ему не удастся разоблачить Траина и найти Храппа: “Причиной всему не мое неразумие, а связь между их судьбами, которая и стубит их обоих” (ИС II, 200). Что толку поэтому бросаться за ними в погоню! Ярл и не думает преследовать Траина и Храппа. На этом (заключительном) этапе хладирской истории также наблюдается перемена в поведении государя и касается она его обращения с предполагаемыми сообщниками. В пряди конунг Харальд, невзирая на обуявший его гнев, вызванный бегством исландцев, сдерживается и начинает грозить расправой помогавшему Одду дружиннику не раньше, чем получает бесспорное доказательство его вины, что происходит спустя целый год после описанного инцидента. В саге же ярл, не вняв упреку своего сына (“Нехорошо упустить виноватого и взвалить вину на невиновных”, ИС II, 201), спешит сорвать досаду на сыновьях Ньяля, даже не пытаясь разобраться, были ли они заодно с Траином. События начинают развиваться и – у читателя, к этому моменту получившего довольно знакомых-предвестников грядущих несчастий⁹⁵, не должно оставаться на этот счет ни тени сомнения – продолжают и впредь, уже после возвращения героев в Исландию, развиваться именно так, как предположил Грим, когда братья совещались, не открыть ли им явившемуся на пристань ярлу, где скрывается Храпп (Грим: «“Почему бы нам не сказать? Я не уверен, что Траин отплатит нам добром, если мы не скажем”. – “И все же не надо говорить, – сказал Хельги. – Ведь речь идет о его жизни”. Грим сказал: “Может статься, что ярл станет мстить нам, потому что он в таком гневе, что должен сорвать его на ком-нибудь”», ИС II, 197). Конунг в пряди действует рационально, ярл в саге – импульсивно, однако как бы ни трактовать мотивы его поведения, очевидно, что его поступком, в первую очередь, управляет не гнев, а роковая необходимость накрепко связать судьбы четверки сошедшихся в одном месте героев: сыновей Ньяля, с одной стороны, и Храппа и Траина – с другой. Ведь совершенная ярлом несправедливость в отношении предполагаемых сообщников Траина рано или поздно будет иметь фатальные последствия для всех исландских участников этого инцидента. Воспринятый из пряди и преобразованный сагой эпизод обретает новое “измерение”, которого не было и не могло быть в его источнике: он насквозь пронизан предвестиями и ожиданием будущих событий.

Такова судьба пряди, вовлекаемой в контекст “семейной саги”.

Глубоких изменений, хотя и совершенно иного характера, требует от прядей, как оказывается, и включение их в “саги о епископах”. Известен, впрочем, всего лишь один “опыт” использования прядей в этой разновидности саг, однако и он вполне знаменателен. Подобно “королевской саге” и в отличие от саги “семейной”, жизнеописание епископа (*vita*) открыто для примеров, только темы их по понятным причинам несравненно более избирательны, нежели те,

которые мы находим в рассказах, вставлявшихся в саги о правителях Норвегии. Как уже приходилось говорить и будет показано ниже, в этих частных историях король – герой саги мог изображаться отнюдь не с наилучшей стороны, а иной раз и вовсе не принимать участия в действии. Иначе в “епископской саге”: здесь примеры преследовали одну цель – они должны были представлять доказательство святости главного героя. Естественно поэтому, что для “прядей об исландцах”, где епископ, даже будучи одним из центральных персонажей рассказа, не выходил на первые роли и мог претендовать лишь на место заступника героя (единственное исключение – “Прядь о епископе Ислейве”, однако Ислейв и есть тот исландец, чья история излагается в пряди), вовлечение их в орбиту жизнеописания святого сопровождалось серьезными преобразованиями, в первую очередь призванными изменить соотношение *dramatis personae* в пользу героя саги.

В этом и состоит в конечном счете цель трансформаций, которые претерпевает в контексте “Саги о Йоне Святом” (“*Jóns saga helga*”) “Прядь о Гисле сыне Иллуги”. Поскольку прядь эта сохранилась также в “королевской саге” (“*Hulda-Hrokkinskinna*”, именно эта ее версия и будет анализироваться в дальнейшем), перед нами появляется уникальная возможность проследить судьбу одного и того же произведения в существенно различном “жанровом обрамлении”. В том, что оба варианта рассказа⁹⁶ восходят к одному источнику, не может быть ни малейших сомнений: об этом свидетельствует как общая часть повествования, изобилующая прямыми текстуальными совпадениями, так и целый ряд неувязок в версии пряди в жизнеописании Йона (В), появившихся вследствие изъятия отдельных сцен, присутствующих в ее версии в “королевской саге” (Н)⁹⁷. Таким образом, последняя с полным правом может расцениваться в качестве “представительницы” ныне недоступного оригинала, а значит, и большинство изменений, наблюдаемых в варианте В, в свою очередь (пусть и с известными оговорками), возможно трактовать как плоды последовательного преобразования варианта Н – пряди, вставленной в контекст “королевской саги” и, в отличие от повествования в “епископской саге”, не обнаруживающей никаких следов адаптации к этому контексту. Перед нами типичная “прядь о поездках из страны”, открывающаяся введением в действие молодого исландца, приехавшего в Норвегию “во времена правления Магнуса конунга” (героя саги – Магнуса Голоногого, 1093–1103) с тем, чтобы отомстить убийце своего отца. В калейдоскопе сцен перед глазами читателя проходят все события рассказа: подготовка к мести и самое ее осуществление, попытки героя скрыться, его поимка и заточение в темницу, реакция конунга на совершенное Гислом преступление против его приближенного, посещение им умирающего, добывающегося от государя согласия помиловать убийцу, самовольное осво-

бождение героя из-под стражи находившимися в городе исландцами и, наконец, кульминация пряди — сцена суда, на котором суровая речь исландского священника Йона, пригрозившего конунгу адским пламенем за несправедливо вынесенное решение, умерила государев гнев, в результате чего Гисл был выслушан, прощен и принят на королевскую службу вместо убитого им дружинника (*ÍSP III, 2116–2121*).

До определенного момента примерно так же развиваются (точнее сказать — излагаются) события и в истории, включенной в “епископскую сагу” (В), только сценическое действие начинается в ней много позже — не с приезда будущего правонарушителя в Норвегию, а с его вызволения из заточения. И это закономерно: Гисл здесь уже вовсе не заглавный герой, чьи деяния скрупулезно фиксируются рассказчиком, но объект приложения чудодейственной силы святого мужа, которому он с самого начала эпизода и уступает свое ведущее место в повествовании. Неслучайно, первое, о чем узнает читатель, — это о прибытии “благословенного (*sæli*) Йоханнеса” в Трандхейм, где находилось в то время множество исландцев, один из которых, по имени Гисл, из мести убил королевского дружинника и был за это брошен в темницу. Подробно прослеживаемые в пряди (Н) поступки Гисла (а соответственно, и добрая половина ее повествования!) всего лишь лаконично суммируются в предваряющей эпизод “епископской саги” (В) “исходной ситуации”, тогда как сам он вступает в действие не раньше, чем лишается возможности действовать самостоятельно и становится предметом раздора между вставшими на его защиту исландцами и людьми короля. Между тем очень скоро обнаруживается, что в “Саге о Йоне Святом” кардинальным образом изменяется не только способ представления событий пряди, но и весь их ход. Проникновенная речь, произнесенная Йоном на тинге, после которой Гисл получил государево прощение, на этот раз не возымела действия: выслушав будущего епископа, конунг в сильном гневе приказывает схватить и повесить исландца. Единственная милость, которую выговаривает для него священник — укутать его перед казнью плащом, который сам Йон прежде получил в подарок от конунга. В этом плаще Гисла и отправляют на виселицу. По прошествии трех дней Йон является к месту казни, трижды обходит вокруг виселицы, затем трижды, упав на колени, возносит молитвы, после чего приказывает перерезать веревку, мотивируя свое требование намерением забрать плащ. “И произошло достопамятное событие”: Гисл “приземлился” на ноги и так и стоял, пока к нему не подошел святой Йон, не снял с него плащ и не приветствовал его. Тот “радостно ему отвечивал”, но не смог сделать ни шагу: с того момента, как Йон накинул на него плащ, казалось ему, будто он сидит на некоем возвышении, только вот ступни у него одеревенели, так как не были прикрыты плащом. Однако стоило Йону наложить

руки на его омертвевшие ступни, как к нему тотчас же вернулась способность ходить. Нечего и говорить, что конунг поспешил примириться с Гислом и сделал его своим дружинником (*ÍSP III, 2122–2127*). Как видим, “епископской саге” для достижения того же результата потребовался более весомый аргумент, чем пряди в составе “королевской саги”: здесь оказалось недостаточно слова святого, понадобилось сотворенное им чудо.

Итак, подобно “сагам об исландцах”, “саги о епископах” допускают присутствие прядей в своем тексте лишь на правах эпизодов, адаптируя их и тем самым растворяя в общем повествовании. И в том и в другом случае прядь трансформируется и, по сути дела, прекращает существовать в качестве отдельного рассказа. Только “королевская сага” не требует от прядей сколько-нибудь существенной “платы за вход”, не стремится ассимилировать их и вообще никак не посягает на их независимость. Разумеется, можно и впредь доискиваться до причин, по которым “пряди об исландцах” включались в жизнеописание норвежских королей, и пытаться выяснить, какими функциями они в них наделялись. Именно так и поступает большинство исследователей. Однако повторим: необходимо отдавать себе отчет в том, что в этом случае мы заведомо рискуем гораздо меньше узнать о прядях, нежели о тех сагах, в которые они были вставлены. Если же нас интересуют “пряди об исландцах” как таковые, иными словами, прядь как особая жаировая форма, то первое, что придется сделать, это вообще отвлечься от саги как обрамляющего ее текста и приступить к изучению структуры пряди.

* * *

В “Саге о Йоне Святом” рассказ о чудесном спасении Гисла получил неожиданное продолжение. Уже будучи дружинником Магнуса Голоногого, этот исландец отправился вместе с конунгом воевать в Ирландию и там был поставлен им над заложниками, посланными к ирландскому королю Мюркьяртану. В их числе был один человек, который заявил, будто бы хорошо знает местный язык, и попросил позволения приветствовать короля, и Гисл ему разрешил.

«Тогда тот человек сказал: “*Male diarik*”. А на нашем языке это означает: “Будь ты проклят, конунг!” Один из людей короля сказал: “Государь, этот человек, видно, — самый большой негодяй из всех норвежцев”. Король произнес в ответ: “*Olgeira ragall*”. Это значит по-нашему: “Неизвестана темная дорога»” (*ÍSP III, 2127*)⁹⁸.

Они были хорошо приняты королем и позднее отпущены им на свободу, несмотря на то, что конунг Магнус нарушил мир.

Вступая на неизвестанную дорогу, автор также надеется на понимание читателя...

- ¹ Вот лишь первые из них: *Sex Sögu-þættir* / Útg. Jón Þorkelsson. Reykjavík, 1855; *Fjórútiú Íslendinga þættir* / Þorleifur Jónsson gaf út. Reykjavík, 1904; *Íslendinga þættir* / Guðni Jónsson gaf út. Reykjavík, 1935; *Fornar smásögur úr noregskonunga sögum* / Ed. E. Gardiner. Reykjavík, 1949. Антологии прядей во множестве постоянно издаются и в переводах на разные языки. Переводы на русский язык упоминаются ниже.
- ² Среди них показательный содержащийся в эддических песнях образ норн, прядающих "нити судьбы", называемые то *þrögðættir* (*HH* 13. 1), то *þrögðsímor* (*Rm*. 14. 4; *síma* 'нить'), а также, возможно, более ранние, относящиеся к X в. случаи употребления слова *þáttir* в его исконном значении в стихах величайшего исландского скальда Эгиля Скаллаграмссона, который в своей поэме "Утрата сыновей", сложенной в память об утонувшем сыне, сетует на то, что море разорвало его "родовые узы" (*sleit matt bönd // minnar ættar*), вырвало "крепко сплетенную прядь" из него самого (*snaran þótt // af sjólfum mér*, *St*. 7); ср. кроме того у него же: *snarþótt Haralds ættar* (*Iv*. 24, *Skj. B* 148) "крепко сплетенная прядь рода Харальда". См. подробнее: *Lindow J. Old Icelandic þáttir: Early Usage and Semantic History* // *Scripta Islandica*. 1978. Vol. 29. P. 6–9.
- ³ *Ibid*. P. 22; *Fritznér J. Ordbog over Det gamle norske Sprog*. 4. utg. Oslo; Bergen; Tromsø, 1973. Bd. III. S. 1011.
- ⁴ Скальдическая хвалебная песнь – "драпа" особым образом членилась на части, разделенные так называемым стевом (припевом). См. подробнее: *Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов*. М., 2000. С. 362–383.
- ⁵ Сходное с этим употребление демонстрирует, правда, уже в Новое время (в XVIII в.), фарерская поэтическая традиция, где слово *táttur* может обозначать как часть героической баллады (*kvæði*), так и песню сатирического содержания. См.: *Svabo J.C. Dictionarium færoense. Færøsk-dansk-latinsk ordbog* / Udg. Chr. Matras. København, 1966.
- ⁶ Речь идет о гибели одного из воинов.
- ⁷ См. *Lindow J. Op. cit.* P. 31–33.
- ⁸ *Ibid*. P. 34.
- ⁹ *Lönnroth L. Tesen om de två kulturerna. Kritiska studier i den isländska sagaskrivningens sociala förutsättningar* // *Scripta Islandica*. 1964. Vol. 14. S. 19.
- ¹⁰ Пер. О.А. Смирницкой: Младшая Эдда ("Лит. памятники"). Л., 1970. С. 78.
- ¹¹ *Die Gautrekssaga in zwei Fassungen* / Hrsg. W. Ranisch (Palaestra XI). Berlin, 1900. S. X; *Vermeyden P. Gautreks saga* // *Medieval Scandinavia. An Encyclopedia*. N.Y.; L., 1993. P. 224.
- ¹² *Karlagnús saga ok kappa hans* / Udg. C.R. Unger. Christiania, 1860. S. XXXIV.
- ¹³ *Flateyjarbók. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger* / Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. I–III. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте – *Flat*.
- ¹⁴ *Morkinskinna* / C.R. Unger. Christiania, 1867. Ссылки на это издание ниже даются в тексте – *Mork*.
- ¹⁵ *Gimmler H. Die Thættir der Morkinskinna. Ein Beitrag zur Überlieferungsproblematik und zur Typologie der altnordischen Kurzerzählung*. (Diss.). Frankfurt/Main, 1976. S. 32.
- ¹⁶ Примерно такое же соотношение наблюдается и во втором центральном произведении этого собрания, в так называемой "Отдельной саге об Олаве Святом", где "пряди" занимают примерно 300 из 520 страниц ее совокупного текста.
- ¹⁷ Высказывались предположения, что это отступление перекочевало в сагу из более раннего, несохранившегося источника – латинского жизнеописания

- Олава Триггвасона, принадлежавшего перу исландского монаха Гуннлауга Лейвссона (ум. 1218/1219). См. подробнее: *Clover C.J. The Medieval Saga. Ithaca; L., 1982. P. 37, 170.*
- ¹⁸ Невозможно сказать, в какой мере на "специализацию" этого термина в рамках данного собрания королевских саг могли повлиять латинские образцы, на чем настаивает Лённрот, считающий, что моделью для подобного использования исландского *þáttir* послужили латинские *digressiones* (*Lönnroth L. Op. cit.* S. 21). Напомним лишь, что значение 'часть литературного произведения', открывшее возможности для всех дальнейших семантических превращений этого слова в рамках его применения к сфере словесности, впервые было зарегистрировано еще в дописьменную эпоху – в поэзии древнеисландских скальдов.
- ¹⁹ *Íslendinga sögur og þættir. I–III* / Ed. Bragi Halldórsson et al. (Svart á hvítu). Reykjavík, 1987. III. Bls. 2249. В дальнейшем – *ISP*.
- ²⁰ *Lönnroth L. Op. cit.* S. 20, 29.
- ²¹ Как полагает Линдоу, известную роль в переносе этого наименования на отдельные повествования могли также сыграть и записи законов. Так, раздел "Grágás", посвященный церковному праву – "Kristinna laga þáttir" (или *kristínréttir*), первоначально представлявший собой самостоятельный текст, также и в дальнейшем, уже после включения его в общий свод светских законов, тем не менее, все еще продолжал переписываться и храниться в качестве особого "Христианского права". См.: *Lindow J. Op. cit.* P. 39.
- ²² *Lönnroth L. The Concept of Genre in Saga Literature* // *Scandinavian Studies*. 1975. Vol. 47. N 4. P. 419–426; *Harris J. Genre in the Saga Literature: A Squib* // *Ibid*. P. 427–436; *Andersson Th.M. Splitting the Saga* // *Ibid*. P. 437–441.
- ²³ *Lönnroth L. Op. cit.* P. 419–422.
- ²⁴ *Ibid*. P. 423.
- ²⁵ *Ibid*. P. 425 f.
- ²⁶ *Andersson Th.M. Splitting the Saga*. P. 437.
- ²⁷ Ср.: *Ben-Amos D. Analytic Categories and Ethnic Genres* // *Genre*. 1969. Vol. 2. P. 275–301.
- ²⁸ *Harris J. Genre in the Saga Literature*. P. 427–431.
- ²⁹ Ср.: *Andersson Th.M. Op. cit.* P. 439.
- ³⁰ См.: *Andersson Th.M. The Icelandic Family Saga*. P. 3–6.
- ³¹ Ср.: "...if one were to take an overall view of the þáttir as a complete genre, one may find that they echo in one place or another every sentiment, mood, event, expression and convention present in saga literature..." (*Joseph H.S. The Þáttir and the Theory of Saga Origins* // *Arkiv för nordisk filologi*. 1972. Bd. 87. S. 90).
- ³² *Lange W. Einige Bemerkungen zur altnordischen Novelle* // *Zeitschrift für Deutsches Altertum*. 1957. Bd. 88. S. 153.
- ³³ *Bjarni Guðnason. Þættir* // *Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder*. 1976. Bd. XX. S. 406.
- ³⁴ *Joseph H.S. Op. cit.* S. 89–96.
- ³⁵ Обо всех этих прядях, как и о большинстве рассказов, упомянутых ниже, подробно говорится в других главах настоящей книги.
- ³⁶ О "прядях о скальдах" см.: *Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов*. М., 2000.
- ³⁷ О последней см.: *Simpson J. Otherworld Adventures in an Icelandic Saga* // *Folklore*. Spring 1966. Vol. 77. P. 1–20; *Ciklamini M. Journeys to the Giant-Kingdom* // *Scandinavian Studies*. 1968. Vol. 40. P. 95–110; *Power R. Journeys to the Otherworld in the Icelandic Fornaldarsögur* // *Folklore*. 1985. Vol. 96. N 2. P. 156–175.

- ³⁸ Joseph H.S. Op. cit. S. 94 f.; о вероятности присутствия прядей в составе не только "королевских саг", но и "саг об исландцах" говорит и Лённрот. См.: Lönroth L. The Concept of Genre in Saga Literature. P. 421.
- ³⁹ Harris J.C. Genre and Narrative Structure in Some *Íslendinga þættir* // Scandinavian Studies. 1972. Vol. 44. P. 1–27.
- ⁴⁰ Схема Харриса подробно разбирается во второй части книги.
- ⁴¹ См. вторую статью того же автора, посвященную этой группе прядей: Harris J. Theme and Genre in some *Íslendinga þættir* // Scandinavian Studies. 1976. Vol. 48. P. 1–28.
- ⁴² См., например: Lindow J. Þáttir // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia. N.Y.; L., 1993. P. 661.
- ⁴³ См.: Harris J. Þættir // Dictionary of the Middle Ages / Ed. J.R. Strayer. N.Y., 1989. Vol. 12. P. 1–6.
- ⁴⁴ "Rögnvalds þáttir ok Rauðs", "Þáttir Eindriða ilbreiðs", "Völsa þáttir", "Sveins þáttir ok Finns", "Helga þáttir ok Úlfs", "Svaða þáttir ok Arnórs kerlingarnefs", "Þorhalls þáttir knapps", "Norma-Gests þáttir", "Tóka þáttir", "Sörla þáttir", "Albani þáttir ok Sunnifu".
- ⁴⁵ См.: Harris J. Folktale and Thattr: The Case of Rognvald and Raud // Folklore and Medieval Studies / Ed. C. Lindahl; E. Brady (Folklore Forum). 1980. Vol. 13. P. 162 ff. Ту же коллизию мы находим и в тяготеющей к рассказам о крещении "Пряди об Эгиле сыне Халля с Побережья".
- ⁴⁶ Ibid. P. 164.
- ⁴⁷ Gimmler H. Op. cit. S. 15–16.
- ⁴⁸ О характере различий между отдельными и "связанными" редакциями этих двух прядей см. в статьях к их переводам на русский язык: Гуревич Е.А. Исландец и король: Заметки к переводу "Пряди о Струве" // Другие Средние века. К 75-летию А.Я. Гуревича. М.; СПб., 2000. С. 103–112; Она же. Долг платежом красен. Древнеисландская "Прядь о Торле Золотой Асы" // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 438–449.
- ⁴⁹ Gimmler H. Op. cit. S. 49–60.
- ⁵⁰ В последние годы гипотеза о существовании "Древнейшей Гнилой Кожы", впервые высказанная в начале прошлого столетия норвежским ученым Густавом Индребё (*Indrebø G. Fagrskinna* // Avhandlingar fra Universitetets historiske seminar. Kristiania, 1917. S. 11–34), была подвергнута сомнению (См.: *Ármann Jakobsson*. King and Subject in Morkinskinna // Skandinavistik. 1998. Jarg. 28. N. 2. S. 103 ff.). Автор статьи не выдвигает, впрочем, аргументов, которые говорили бы против изначальной независимости от текста саги большинства (хотя и не всех) вшитых в нее коротких рассказов, справедливо настаивая лишь на необходимости анализировать "Гнилую Кожу" как целое, безотносительно к возможной гетерогенности ее составных частей.
- ⁵¹ См.: *Louis-Jensen J.* Kongesagastudier. Kompilationen Hulda-Hrokkinskinna (Bibliotheca Arnamagnæana. Vol. 32). København, 1977. S. 109–129.
- ⁵² См.: *Turville-Petre G.* Origins of Icelandic Literature. Oxford, 1953. P. 218.
- ⁵³ См.: *Einar Ól. Sveinsson.* Dating the Icelandic Sagas. L., 1958. P. 101.
- ⁵⁴ См.: *Faulkes A.* Introduction // Two Icelandic Stories. Hreiðars þáttir. Orms þáttir / Ed. A. Faulkes (Viking Society for Northern Research. Vol. IV). L., 1951. P. 20–22.
- ⁵⁵ Исландские саги / Под ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. II. С. 486. В дальнейшем – *ИС*.
- ⁵⁶ См.: *Indrebø G.* Harald Hardraade i Morkinskinna // Festschrift til Finnur Jónsson 29 maj 1928. København, 1928. S. 173–180.

- ⁵⁷ Мнения исследователей королевских саг на этот счет не совпадают. Г. Индребё считает, что Харальд предстает в основном тексте "Гнилой Кожы" во вполне позитивном свете (Ibid.), тогда как Т. Андерссон называет отношение рассказчика саги к этому норвежскому правителю "смешанным", что связано с характерным для "Гнилой Кожы" в целом (и не только для нее) противопоставлением "конунгов-воителей", проводящих большую часть жизни в походах и сражениях за пределами своей страны ("foreign adventurers", как он их именует) – Харальда Сурового (1046–1066), Магнуса Голоногого (1093–1103) и Сигурда Крестоносца (1103–1130) – "конунгам-строителям и создателям законов" ("builders and lawmakers") – Магнусу Доброму (1035–1047), Олаву Тихому (1066–1093) и Эйстейну Магнуссону (1103–1123), причем предпочтение явно отдается последним. См.: *Andersson Th.M.* The Politics of Snorri Sturluson // Journal of English and Germanic Philology. 1994. Vol. 93. N 1. P. 58 ff.
- ⁵⁸ Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, 53). Copenhagen, 1928–1932. S. 169–170.
- ⁵⁹ Ср.: *Andersson Th.M.* Op. cit. P. 59.
- ⁶⁰ Bagge S. Society and Politics in Snorri Sturluson's Heimskringla. Berkeley, 1991. P. 20 f.
- ⁶¹ *Andersson Th.M.* Op. cit. P. 60.
- ⁶² *Снорри Стурлусон.* Круг Земной ("Лит. памятники"). М., 1980. С. 423. В дальнейшем – *КЗ*.
- ⁶³ Подробно см. об этой пряди во второй главе.
- ⁶⁴ Ср.: "Когда был большой неурожай в Исландии, Харальд конунг разрешил вывоз зерна в Исландию на четырех кораблях и определил, что корабельный фунт не должен быть дороже сотни локтей домотканого сукна. Он разрешил выезд из страны всем беднякам, которые могли запастись продовольствием для переезда по морю. И таким образом эта страна смогла улучшить свое положение.
- Харальд конунг послал сюда колокол для той церкви, для которой конунг Олав Святой послал строительный лес и которая построена на альтине. Поэтому люди здесь хранят память о Харальде конунге. Много других богатых подарков раздал он тем людям, которые посетили его" (пер. А.Я. Гуревича. *КЗ*, 423–424).
- ⁶⁵ Портрет Халльдора присутствует лишь в той редакции пряди, которая содержится в "Hulda-Hrokkinskinna", куда он должен был быть перенесен из "Древнейшей Гнилой Кожы", тогда как в сохранившейся версии "Morkinskinna" эпизод подвергся довольно значительным сокращениям. См.: *ÍSP III*, 2155; *Mork*. 50–51.
- ⁶⁶ В терминологии К. Клоувер – strands. Ср. название одного из разделов ее книги "Stranding". См.: *Clover C.J.* The Medieval Saga. P. 61–108.
- ⁶⁷ Гиммлер, например, наряду с двенадцатью признанными прядями выделяет в "Гнилой Кожке" еще двадцать восемь напоминающих пряди эпизодов – "Þættir-ánliche" Erzählstücke». Один из них (рассказ об Ульве Богатом) будет подробно рассмотрен в заключительной главе настоящего исследования. См.: *Gimmler H.* Die Thættir der Morkinskinna. S. 63–66.
- ⁶⁸ *Ármann Jakobsson.* The Individual and the Ideal: The Representation of Royalty in Morkinskinna // Journal of English and Germanic Philology. 2000. Vol. 99. N 1. P. 71–86.
- ⁶⁹ Ibid. P. 79; см. также: *Idem.* Rundt om kongen. En genvurdering af Morkinskinna // Maal og Minne. 1999. N. 1. S. 71–90.
- ⁷⁰ Перевод А.В. Циммерлинга в кн.: Исландские саги. М., 2000. С. 266–269.

- ⁷¹ Так, русскому читателю она известна как сага. См. ее перевод там же. С. 111–117.
- ⁷² См.: *Clover C.J. The Medieval Saga*. P. 35 ff, 58 ff.
- ⁷³ См. подробнее: *Wüth S. Elemente des Erzählens. Die þættir der Flateyjarbók* (Beiträge zur nordischen Philologie. Bd. 20). Basel; Frankfurt/Main. 1991. S. 148–157.
- ⁷⁴ *Стеблин-Каменский М.И.* Мир саги. Л., 1971. С. 65.
- ⁷⁵ Об особенностях композиции этой саги см.: *Lönnroth L. Njáls Saga. A Critical Introduction*. Berkeley, 1976. P. 24, 71–76; *Clover C.J. The Medieval Saga*. P. 28 ff.
- ⁷⁶ См. о ней в статье к публикации перевода этой саги в серии “Лит. памятники”: *Стеблин-Каменский М.И.* “Саги об исландцах” и “Сага о Греттире” // *Сага о Греттире* / Изд. подг. О.А. Смирницкая; М.И. Стеблин-Каменский. Новосибирск, 1976. С. 160.
- ⁷⁷ *Bårdh A.U. Studier öfver Kompositionen i Några Isländska Ättsagor*. Lund, 1885.
- ⁷⁸ *Möbius Th. Über die ältere isländische Saga*. Leipzig, 1852; *Keyser R. Efterladte skrifter, I: Nordmændenes videnskabelighed og literatur i middelalderen*. Christiania, 1866; *Sars J.E. Udsigt over den norske historie*. Christiania, 1877–1893; *Baetke W. Theorien über die Entstehung der Isländersagas* // *Baetke W. Kleine Schriften*. Weimar, 1973. S. 247–255. См. подробнее: *Andersson Th.M. The Problem of Icelandic Saga Origins: A Historical Survey*. New Haven; L., 1964. P. 61–64; *Danielsson T. Om den isländska släktsagans uppbyggnad* (Skrifter utgivna av Litteraturvetenskapliga institutionen vid Uppsala universitet, 22). Uppsala, 1986. S. 9 ff. Ср. также передко цитируемое замечание У.П. Кера об исландской прозе: “...it is in the short story, the episodic chapter, that the art of Icelandic narrative first defines itself” (*Ker W.P. Epic and Romance: Essays on Medieval Literature*. 2nd ed. L., 1908; rpt. N. Y., 1957. P. 186).
- ⁷⁹ *Heusler A. Die Anfänge der isländischen Saga* (1913) // *Heusler A. Kleine Schriften*. Berlin, 1969. Bd. II. S. 449–453.
- ⁸⁰ *Vogt W.H. Frásagnir der Landnámabók. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der isländischen Saga* // *Zeitschrift für deutsches Altertum*. 1921. Bd. 58. S. 161–204. Ср. также попытку аналогичного анализа одной из саг: *Kersbergen A.C. Frásagnir in de Laxdœla Saga* // *Neophilologus*. 1934. Bd. 19. S. 534–567.
- ⁸¹ Примером такого повествования может служить рассказ “О Снежьёне Борова”, причисляемый иногда к прядям. См. русский перевод А.В. Циммерлинга в кн.: *Исландские саги*. М., 2000. С. 41–43.
- ⁸² Ср. мнение Т. Андерссона: “In contemporary research one can [...] no longer speak of þættir as the saga base” (*Andersson Th.M. The Problem of Icelandic Saga Origins*. P. 64).
- ⁸³ Среди последних можно назвать В. Ланге (*Lange W. Einige Bemerkungen zur alt-nordischen Novelle*. S. 150–159), Х. Джозефа (*Joseph H.S. The Þáttir and the Theory of Saga Origins*. P. 96) и Л. Лённрута (*Lönnroth L. Njáls Saga*. P. 102 ff.).
- ⁸⁴ *Clover C.J. The Long Prose Form* // *Arkiv för nordisk filologi*. 1986. Bd. 101. S. 10–39.
- ⁸⁵ *Tedlock D. Finding the Center. Narrative Poetry of the Zuni Indians*. Lincoln, 1978. P. XIX – цит. по статье К. Клоувер (*Ibid.* P. 19).
- ⁸⁶ *Clover C.J.* Op. cit. P. 34. Сходные мысли – но о поэтическом эпосе были высказаны несколько ранее Робертом Келлоггом, выразившим скептицизм по поводу самой возможности существования в устной традиции большого повествования, оформленного в качестве единого произведения. Как показывают полевые исследования, исполнение эпоса сказителем на деле означает исполнение отдельных его эпизодов, «отношение которых к некоему никогда не

исполняемому “целому” должно устанавливаться самой аудиторией» (*Kellogg R. Varieties of tradition in medieval Narrative* // *Medieval Narrative. A Symposium*. Odense, 1979. P. 124 f.). Уместно напомнить, что именно в таком виде – в форме разрозненных песней, излагающих отдельные относящиеся к нему сказания – дошел до нас древнескандинавский героический эпос о Нифлунгах-Нибелунгах.

- ⁸⁷ Гипотеза возникновения саги из “прядей” в том ее понимании, которое было предложено Клоувер, вытесняется, таким образом, разрешить старый спор между сторонниками теорий “свободной” и “книжной прозы”, иначе говоря, устного или, напротив, сугубо литературного происхождения саги (см. об этом подробнее в кн.: *Стеблин-Каменский М.И.* Мир саги. С. 38–50). В этой связи можно процитировать следующее ее высказывание: “...we no longer ask whether the saga is literary or oral, but what in the received saga can be ascribed to the literary author (whose use of written sources, both native and foreign, is firmly established) and what to a native tradition (the existence of which is the only explanation for the survival of traditional material through the preliterate period)” (*Clover C.J. The Medieval Saga*. P. 16 f.).
- ⁸⁸ См. подробнее об этих “прядях” в комментариях А.В. Циммерлинга к их переводам на русский язык в кн.: *Исландские саги*. М., 2000. С. 364 сл.; 366.
- ⁸⁹ См., например: *Lönnroth L. The Concept of Genre in Saga Literature*. P. 421. Замечание такого рода, сделанное в связи с рассуждением о незамкнутости формы отдельных “саг об исландцах” мы находим и в “Мире саги” М.И. Стеблин-Каменского. Ср.: «Некоторые из компонентов “саг об исландцах”, а именно так называемые “пряди (þættir) об исландцах” (они образуют как бы такие же части саги, как пряди образуют части веревки), т.е. рассказы об исландцах в Норвегии, обычно печатаются в современных изданиях как самостоятельные произведения. Совершенно такие же “пряди об исландцах” есть и в “сагах о королях”». (*Стеблин-Каменский М.И.* Цит. соч. С. 64).
- ⁹⁰ *Vésteinn Ólason. Dialogues with the Viking Age. Narration and Representation in the Sagas of the Icelanders*. Reykjavík, 1998. P. 77 f., 186 f.
- ⁹¹ Ср. отношение к нему У.П. Кера, назвавшего его “идиотским продолжением” саги (*Ker W.P. Epic and Romance: Essays on Medieval Literature*. P. 195).
- ⁹² *Clover C.J. The Medieval Saga*. P. 28.
- ⁹³ *Ibid.* Несколько иначе описывает структуру этой саги Л. Лённрут, который относит к заключению первой части (так называемая “Сага о Гуннаре”) главы 75–81 и выделяет в “промежуточную” часть саги все главы, повествующие о расправе Траина с сыновьями Ньяля (гл. 82–99). См.: *Lönnroth L. Njáls Saga*. P. 24 ff.
- ⁹⁴ Того же мнения придерживается, в частности, издатель этой пряди, ссылающийся на заключения Эйнара Олава Свейнссона и Финнура Йоунссона. См.: *Guðni Jónsson. Formáli* // *Grettis saga Ásmundarsonar* / Útg. Guðni Jónsson (Íslenzk fornrit. VII). Reykjavík, 1936. Bls. CI.
- ⁹⁵ Ср. обмен репликами в самом начале сцены в гавани, когда сыновья Ньяля отказывают Храппу в защите: «Хельги посмотрел на него и сказал: “Мне кажется, что человек ты неудачливый, и лучше не брать тебя”. – “Я бы хотел, – говорит Храпп, – доставить вам много бед”. – “Дай срок, – говорит Хельги, – и я отомщу тебе за эти слова”» (*ИС II, 196–197*).
- ⁹⁶ Имеется еще и третий – в другой рукописи “Саги о Йоне Святом” (А) мы находим краткий (без сценического действия или каких бы то ни было подробностей) отчет о происшествии с Гислом, совпадающий с версией королевской саги.

⁹⁷ Их наличие опровергает точку зрения Сигурда Нордала, считавшего первоначальной версию *B* (т.е. "епископской саги"), как он полагал, впоследствии переработанную «кем-то, кто хотел написать о Гисле в духе "саг об исландцах"» (*Sigurður Nordal. Formáli // Borgfirðingasögur / Útg. Sigurður Nordal; Guðni Jónsson (Íslensk fornrit. III). Reykjavík, 1938. Bls. CL). См.: Louis-Jensen J. Kongesagastudier. S. 111 ff.; Jakobsen A. Noen merknader til Gísls þáttir Illugasonar // Scripta Islandica. 1984. Vol. 35. S. 9–13; Ciklamini M. The Literary Perspective on Gísl Illugason's Quest for Blood Revenge // Scandinavian Studies. 1966. Vol. 38. P. 204–216; Magnús Fjalldal. Um Gísls þátt Illugasonar // Skírnir. 1986. Vol. 160. Bls. 153–166.*

⁹⁸ Предполагается, что проклятие в адрес короля "Male diarik" – искаженная форма ирл. "mallacht duit a rí"; вторая фраза не поддается прочтению (ирл. "olc ... Gall"?). См.: Craigie W.A. Gaelic Words and Names in the Icelandic Sagas // Zeitschrift für Celtische Philologie. 1897. Bd. I. S. 443.

МОРФОЛОГИЯ "ПРЯДЕЙ О ПОЕЗДКАХ ИЗ СТРАНЫ"

Центральная и самая многочисленная группа "прядей об исландцах" – именно она, прежде всего, и будет интересоваться нас в дальнейшем – рассказы, действие которых разворачивается за пределами Исландии, получившие в связи с этим название "прядей о поездках из страны" (*útanferðar þættir*). "Открытые" в свое время Вольфгангом Ланге, отметившим их в своей классификации "древнескандинавской новеллы" как тип прядей, соответствующий "королевским сагам" и повествующий о конунге и его посетителе-исландце¹, они были в дальнейшем подробно рассмотрены Джоузефом Харрисом, чье исследование структурных особенностей подобных рассказов впервые позволило выявить их наиболее общие отличительные признаки, а значит, и очертить наконец границы этой группы текстов². Пойдя по стопам Т. Андерссона, незадолго до того предпринявшего структурный анализ двадцати четырех "семейных саг" и обнаружившего лежащие в их основе постоянно воспроизводимые модели³, Харрис задался целью подвергнуть аналогичному изучению типичное устройство пряди, закономерно избрав для этой цели рассказы, чье сходство не могло не броситься в глаза. Другой и, по мнению самого автора, не менее важной предпосылкой для его исследования послужил формальный анализ сказки, результатом которого стало выявление присущих ей констант ("функций действующих лиц"), произведенный В.Я. Проппом, чья работа лишь спустя три десятилетия после ее первого появления (1928)⁴ стала доступной западному читателю. Опираясь на опыт фольклористов и последовательно отделяя неизменное ("эмическое" в терминологии Дандеса) от переменного ("этического") – устойчивые, повторяющиеся элементы в строении исследуемых им рассказов от многообразных способов их реализации ("артикуляции нарративной структуры") в композиции конкретных произведений, Харрис сумел выделить следующие основные "морфологические" компоненты, из которых слагаются "пряди о поездках из страны", – *Введение, Путешествие / Приезд в Норвегию, Отчуждение, Примирение, Отъезд / Путешествие в Исландию, Заключение*.

В дальнейшем нам предстоит проверить, насколько точно эта схема соответствует структуре подобных рассказов, однако уже предварительно можно заметить, что она носит чрезвычайно общий характер и отвечает не столько задаче выяснения и описания специфических черт, присущих "прядам о поездках из страны" как особой жанровой разновидности древнескандинавской новеллы, сколько целям выделения самого предмета исследования. Представив пряди об исландцах на чужбине в качестве монолитной группы, включающей в себя тридцать один рассказ, Харрис, конечно же, не мог не отметить как обнаруженные им отклонения от основного структурного типа, так и ряд различий между однотипными прядями, однако он не пошел дальше констатации того, что было воспринято им как индивидуальные особенности отдельных произведений, и не увидел необходимости в более детальной классификации рассказов, входящих в выделенную им группу. И, как представляется, не случайно. В отличие от фольклорной сказки, конструируемой по заданным шаблонам в ситуации, когда личный вклад того или иного сказителя в традицию оказывается ничтожно малым, а перевес общего над индивидуальным предопределяет весьма успешное использование формальных методов исследования, пряди, по его мнению, представляют собой высокохудожественные литературные произведения, в которых, пусть и в неодинаковой степени, но ощутимо проявляется сознательная авторская активность их создателей⁵, что, естественно, не может не сужать поля применения методологии, суть которой и сводится к выявлению общего в частном. Не вдаваясь в вопрос о правомерности ставить пряди — произведения средневековой словесности, по всей видимости, восходящие к устной традиции и создаваемые в рамках "эстетики тождества" "авторами", не до конца осознававшими себя в качестве таковых, а потому и не потрудившимися оставить нам свои имена, в один ряд с действительно авторской прозой, заметим лишь, что подобный взгляд на предмет исследования не вполне согласуется с изначально сформулированной самим же Харрисом задачей — выявить общую нарративную структуру рассматриваемых им рассказов. Между тем, как мы попытаемся доказать, последние не только поддаются более детализованному структурному анализу, но и, несомненно, нуждаются в нем, поскольку лишь при его условии готовы раскрыть перед исследователем секреты своей поэтики.

Поэтому, принимая за отправную точку нашего анализа "прядей о поездках из страны" выделенную Харрисом общую схему, мы в дальнейшем будем придерживаться ее лишь постольку, поскольку она не противоречит полученным нами данным, по необходимости отклоняясь от нее, а также дополняя ее более подробной классификацией входящих в эту группу рассказов. О том, на каких основаниях они будут подразделены на отдельные подвиды, пойдет речь в своем

месте, здесь же остается лишь привести полный перечень исследуемых текстов.

1. "Прядь об Аудуне с Западных Фьордов" ("Auðunar þáttir vestfirzka")
2. "Прядь о Бранде Щедром" ("Brands þáttir örva")
3. "Прядь об Эгиле сыне Халля с Побережья" ("Egils þáttir Síðu-Hallssonar")
4. "Прядь о Гисле сыне Иллуги" ("Gísls þáttir Illugasonar")
5. "Прядь о Торде Золотой Асы" ("Gull-Ásu-Pórðar þáttir")
6. "Первая Прядь о Халльдоре сыне Сноппи" ("Halldórs þáttir Snorrasonar I")
7. "Вторая Прядь о Халльдоре сыне Сноппи" ("Halldórs þáttir Snorrasonar II")
8. "Прядь о Храфне сыне Гудрун" ("Hrafn's þáttir Guðrúnarsonar")
9. "Прядь о Хрейдаре Дураке" ("Hreiðars þáttir heimzka")
10. "Прядь об Иваре сыне Ингимунда" ("Ívars þáttir Ingimundarsonar")
11. "Прядь об Одде сыне Офейга" ("Odds þáttir Ófeigssonar")
12. "Прядь о Халли Челноке" ("Sneglu-Halla þáttir")
13. "Прядь о Стейне сыне Скафти" ("Steins þáttir Skaptasonar")
14. "Прядь о Стuve" ("Stúfs þáttir")
15. "Прядь о Торгриме сыне Халля" ("Þorgríms þáttir Hallssonar")
16. "Прядь о Торлейве Ярловом Скальде" ("Þorleifs þáttir jarlsskálds")
17. "Прядь о Торорде сыне Сноппи" ("Þórórds þáttir Snorrasonar")
18. "Прядь о Торстейне с Восточных Фьордов" ("Þorsteins þáttir austfirðings")
19. "Прядь о Торстейне Любопытном" ("Þorsteins þáttir forvitna")
20. "Прядь об исландце-сказителе" ("Íslending's þáttir sögufróða"), или "Прядь о Торстейне Сказителе" ("Þorsteins þáttir sögufróða")
21. "Прядь о Торвальде Тасальди" ("Þorvalds þáttir tasalda")
22. "Прядь о Торварде Вороньем Клюве" ("Þorvarð's þáttir krákunefs")
23. "Прядь об Эгмунде Ударе и Гуннаре Пополам" ("Ögmundar þáttir dytts ok Gunnars helmings")
24. "Прядь о епископе Ислейве" ("Ísleifs þáttir byskups")
25. "Прядь об Асбьёрне Тюленебойце" ("Ásbjarnar þáttir Selsbana")
26. "Прядь о Торстейне Мороз-по-Коже" ("Þorsteins þáttir skelks")
27. "Прядь о Стурле" ("Sturlu þáttir")
28. "Прядь о Тормоде" ("Þáttir Þormóðar")
29. "Прядь о Торстейне сыне Халля с Побережья" ("Þorsteins þáttir Síðu-Hallssonar")
30. "Прядь об Оттаре Черном" ("Óttars þáttir svartar")
31. "Прядь о Торарине сыне Невьольва" ("Þórarins þáttir Nefjólfsssonar")

I. ВВЕДЕНИЕ И ПУТЕШЕСТВИЕ / ПРИЕЗД В НОРВЕГИЮ

Среди выделенных базовых элементов структуры прядей лишь Введение, основная функция которого – представление главного героя, не является исключительной приметой рассказов этого типа: нет нужды напоминать, что вводные характеристики персонажей, содержащие, наряду с подчас весьма подробными генеалогическими и топографическими сведениями, описания их внешности, характеров, достоинств и недостатков – непеременимые составляющие нарративной структуры “саг об исландцах”.

Между тем при ближайшем рассмотрении нельзя не заметить, что Введение к “прядям о поездках из страны”, будучи предваряющей частью повествований иного содержания и масштаба, как правило, немало отличается от, казалось бы, аналогичного элемента саги. Начать с того, что в противоположность “сагам об исландцах” “пряди об исландцах” обычно дают весьма скудные сведения о родословной и семейных связях своих героев. Не вызывает сомнения, что эта важная особенность прядей не в последнюю очередь проистекает из того обстоятельства, что герои их, в отличие от протагонистов саг, как правило, представителей влиятельных и зажиточных семейств (что само по себе неслучайно: как справедливо замечает У.Я. Миллер, поддержание распри, предполагавшее привлечение на свою сторону помощников и союзников, уплату возмещений и т.д., было по средствам лишь состоятельным людям⁶), в большинстве своем – люди безродные и об их исландских сородичах либо было попросту нечего рассказать, либо они не заслуживали упоминания. Более того: одна из задач Введения зачастую, по-видимому, и состояла в том, чтобы подчеркнуть незначительность происхождения главного героя, сумевшего вопреки своей весьма скромной “стартовой позиции” собственными силами выбиться в люди и – как раз в результате тех испытаний, которые выпали на его долю на чужбине и послужили предметом того самого рассказа, к которому приступал автор пряди, – самостоятельно добиться почетного положения в обществе. Таков, к примеру, Торд, впоследствии прозванный Тордом Золотой Асы (Gull-Ásu-Róðr), или герой одной из самых знаменитых прядей – Аудун с Западных Фьордов. Представляя каждого из этих персонажей, рассказчики соответствующих историй даже не упоминают их “отчеств”:

“В дни правления конунга Эйстейна сына Магнуса Голоногого приехал из Исландии человек по имени Торд. Он был родом с Восточных Фьордов и беден. Человек он был многообещающий и превзошел своего отца. Был он не из тех, кто отступал перед равными. Торд был хороший скальд” (“Прядь о Торде Золотой Асы”, *ISP III*, 2128).

“Жил человек по имени Аудун, а родом с Западных Фьордов. Он был небогат. Он поехал из Западных Фьордов в Норвегию вместе с Торстейном, богатым бондом, и Ториром-корабельщиком” (“Прядь об Аудуне с Западных Фьордов”, *ИС II*, 493).

Принято считать, что вводные характеристики такого рода, возможно, свидетельствуют, что перед нами – вымышленные персонажи. Однако и в тех случаях, когда это заведомо не так и протагонистами прядей становятся отпрыски реальных (иначе говоря, известных из других источников) и даже именитых исландских семейств, рассказчики этих историй, тем не менее, как правило, не вдаются в столь характерные для “семейных саг” генеалогические подробности, ограничиваясь куда более лаконичным представлением своих героев⁷ или даже вовсе обходясь без каких-либо пояснений, справедливо полагая, что “полное” имя персонажа способно говорить само за себя (ср. начало “Пряди о Торстейне сыне Халля с Побережья” в “Гнилой Коже”: “Рассказывают, что однажды Торстейн сын Халля приехал из торговой поездки в Дублин, в которую он отправился вопреки воле и без разрешения конунга...”, *ISP III*, 2285 – заметим, что Торстейн до этого вообще не упоминался в саге).

Было ли вызвано подобное представление героев “прядей о поездках из страны” тем, что основное действие этих историй всегда разыгрывалось за пределами Исландии, а потому и их протагонист-исландец, независимо от его происхождения, неизменно оказывался вырванным из своих привычных семейных и социальных связей, предоставленным самому себе в полном смысле слова *самодельным* героем, или же трактовка безвестных персонажей по законам жанра распространялась также и на представителей почтенных и влиятельных семейств? Одно, разумеется, не исключало другого. Как бы то ни было, надо полагать, что с отмеченной особенностью должно быть связано и еще одно отличие вводных частей прядей от того, что мы привыкли находить в “сагах об исландцах”: тогда как Введение к сагам зачастую представляет не только “титульного героя” истории, но вместе с ним и других участников грядущего конфликта вкупе с их ближайшими сородичами, тем самым сразу же очерчивая круг главных действующих лиц еще не разыгравшейся драмы (что вовсе не мешает рассказчику и в дальнейшем по мере необходимости пополнять его новыми персонажами), Введение к прядям (если только это не Введение “сагового типа”, о котором пойдет речь впереди), напротив, в большинстве случаев знакомит читателя исключительно с центральным героем рассказа, откладывая представление всех других персонажей до их непосредственного вступления в действие.

Однако самое существенное отличие вводной части пряди от сагового Введения все же заключается не в этом. Оказывается, что

Морское путешествие. Инициал из "Книги Йоуна" (Jónsbók, GKS 3269a, 4to). Исландская рукопись, первая половина XIV в.

Введение здесь вообще выходит за рамки традиционного представления-характеристики центрального персонажа рассказа и охватывает всю его "предварительную историю", иначе говоря, *все* действие пряди, предшествующее прибытию героя в Норвегию, где, собственно, и зарождается, разворачивается и находит конечное разрешение ее главный конфликт, образующий тему и истинное ядро повествования⁸.

Поскольку эта начальная "предварительная история" становится объектом изображения и включается в действие прежде всего для того, чтобы объяснить причины, вынудившие героя поки-

нуть страну, вводная часть пряди может охватывать события, происходившие на протяжении значительного периода времени (например, от рождения героя до его отъезда в Норвегию), и иногда разрастаться до внушительных размеров, превращаясь в едва ли не самостоятельное повествование. Последнее, по сути дела, представляет собой не что иное, как "семейную сагу" в миниатюре: в ней с разной степенью подробности, но по большей части схематично описываются (или лишь упоминаются) узловые моменты традиционного для произведений этого жанра внутриисландского конфликта — распря, убийство, вызванная им кровная месть и последующее объявление героя вне закона. В таких случаях особенно заметно, что действие пряди — как конкретной истории и вместе с тем как особого жанрового образования — начинается там, где заканчивается действие саги: с отъезда героя из Исландии (а в частном случае — с изгнания или бегства из страны поставленного вне закона протагониста).

В целом в прядях отчетливо выделяются два вида Введений "сагового типа". В первом — единственное произведение, где оно встречается, это "Прядь о Храфне сыне Гудрун" ("Hrafn's þáttur Guðrúnarsonar") — предварительная история разыгрывается в исполненном драматизма сценическом действии, которому предпослано составленное в полном соответствии с канонами "семейной саги" представление сторон — главных участников описываемого конфликта. Показательно, что собственно герой пряди (Храфн) назван здесь последним:

"Одного человека звали Торгрим (Þorgrímur hét maðr). Он жил на хуторе Стад в Хрутафьорде. Торгрим был человек богатый, но плохой хозяин. Его жену звали Торгерд. У них было два сына, Кальв и Грим; оба они получили неплохое воспитание. Это были люди задиристые и ненадежные, как и их отец.

Жил человек по имени Сигват (Maðr hét Sighvatr). Он жил на хуторе Пески в Хрутафьорде. Жену его звали Гудрун (Guðrún hét kona hans), это была женщина умная и достойная. Их сына звали Храфн (Hrafn hét sonr þeirra), он был молод, красив и статен. Сигват не отличался бережливостью; землей он владел хорошей, но деньги промотал..." (ИС II, 464-465).

В этой презентации героев многозначителен и выбор формул их именования, призванных сразу же "задать" иерархию персонажей в действии: тогда как первая позиция имени (Торгрим, Гудрун, Храфн) по традиции указывает на центральных участников конфликта (в "сагах об исландцах" так принято представлять важных в сюжетном отношении персонажей), препозиция нарицательного компонента при введении отца главного героя, Сигвата (Maðr hét Sighvatr), напротив, может сигнализировать о том, что ведущая роль в грядущей драме принадлежит не ему⁹. Как оказывается, он, действительно, очень скоро покидает сцену. Сразу же вслед за введением персо-

нажей вспыхивает конфликт между главами семейств, который вскоре приводит к убийству: Торгрим сражает Сигвата, попытавшегося было предотвратить незаконную потраву своих лугов. По прошествии довольно долгого времени, когда младшее поколение героев входит наконец в возраст, позволяющий им участвовать в расправе, вражда захватывает и их: юный Храфн сын Сигвата, узнав от своего товарища по играм Кальва сына Торгрима о том, что последний — убийца его отца, наносит требуемый долгом мести ответный удар, убивая Кальва. Гудрун скрывает сына от Торгрима, а затем, после того, как тому удастся объявить Храфна вне закона, помогает ему уехать из страны. На этом заканчивается “сага”, занимающая добрую треть всего рассказа, и начинается собственно “прядь”, повествующая о тяжелых испытаниях героя в Норвегии, где под давлением обстоятельств он совершает еще одно убийство и в результате навлекает на себя гнев самого Магнуса Доброго. Об этой норвежской части истории Храфна еще не раз придется говорить в дальнейшем, здесь же нас в первую очередь должна интересовать предвещающая ее “семейная сага”.

В ней мы последовательно находим все фазы зарождения и развития традиционной распри двух семейств — от предостережения героини (Гудрун), не советуемой своему мужу Сигвату вступать в деловые отношения с Торгримом, до вынужденного отъезда из Исландии поставленного вне закона юного мстителя, причем каждая из этих фаз (за исключением разве что вынесения судебного решения на альтинге, о котором сообщает сам автор) представлена в ярких и динамичных сценах. Сам собой возникает вопрос: каким образом автору рассказа удалось вложить в несколько страниц текста не краткое изложение всех этих происшествий, но полноценную сагу, от начала и до конца разыгранную в драматическом действии? Простые ссылки на мастерство повествователя едва ли способны приблизить нас к пониманию того, какими средствами он справляется со своей задачей. Оказывается, что это, с одной стороны, сокращение до минимума или даже полный отказ от описания межсценического действия: сцены сменяют одна другую вследствие мгновенного перемещения “объектива”, подчас даже не разделяясь обычными в таких случаях заключительными или вводными ремарками, с другой же — компрессия самых сцен, в которых диалог их участников то и дело уступает место единственной ключевой реплике одного из персонажей:

Ср.: (1) *Сигват обсуждает с женой покупку скота у Торгрима; последняя реплика Гудрун:*

— Не советую тебе иметь дело с Торгримом, он человек хитрый и нечестный.

[*Следующая сцена:*] Но Сигват все же отправился к Торгриму и сказал:

— У меня к тебе вот какое дело: я бы хотел купить у тебя скотину;

(2) *Сигват договаривается с Торгримом; окончание сцены:*

— Тогда по рукам, — говорит Торгрим.

[*Следующая сцена:*] Сигват воротился домой и рассказал своей хозяйке о сделке. Она говорит в ответ:

— По мне, не бывать бы вовсе этой сделке. Ведь теперь, когда он заполучил лоскуток нашей земли, он станет травить наши луга.

[*Межсценическое действие:*] На другой день был приглашен купленный Сигватом скот. [*Следующая сцена:*] А позднее тем же летом Торгрим сказал:

— Теперь у нас прибавилось выгонов, однако я слышал от женщин, что молочному скоту не хватает пастбищ и надой невелики. Гоните коров на луга к Сигвату, я имею право на эту землю.

[*Межсценическое действие:*] Его люди так и сделали.

[*Следующая сцена:*] Когда Гудрун увидела это, она сказала:

— Все идет, как я предсказывала, недаром мне с самого начала не понравилась эта сделка...” (пер. Е.А. Гуревич, *ИС II*, 465–466).

В результате события, на деле разделенные более или менее длительными промежутками времени (происшествия одного лета в описании конфликта Сигвата с Торгримом или события нескольких лет в описании взаимоотношений Храфна с Кальвом), предстают как непрерывно и стремительно развивающаяся драма¹⁰, неуклонно продвигающаяся к своей трагической развязке. Конечно же, подобная нарративная техника используется и в сагах, однако — и в этом, собственно, и состоит главное отличие организации повествования в вводной части “Пряди о Храфне” от изложения настоящей саги — она никогда не выступает в них в качестве доминирующего или тем более единственного способа ведения рассказа, но обычно применяется в комбинации с другими приемами, в том числе и противоположного свойства, каковым, к примеру, является прием ретардации. Как не раз замечалось, замедление движения действия на подступах к кульминации — один из наиболее характерных приемов в повествовательной технике саги. При этом оттягивание решающей сцены и тем самым нагнетание напряжения может достигаться различными способами, самые обычные из которых — это введение второстепенных деталей и промежуточных эпизодов, усиливающих ожидание аудитории¹¹. Напротив, концентрация в прядях приемов, направленных исключительно на ускорение действия, открывает возможность разыграть “предварительную историю” главного героя в максимально сжатой форме, не заменяя сценического представления событий их кратким изложением.

Именно этот последний способ сообщения обстоятельств исландской предыстории центрального персонажа пряди мы и находим во втором виде Введений “сагового типа”. Повествование здесь ведется исключительно самим автором, который с большей или меньшей обстоятельностью рассказывает о событиях, приводящих к отъезду героя из Исландии. Таково, например, Введение к “Пряди о Торлейве Ярловом Скальде” (“*Þorleifs þátr jarlsskálds*”). Презента-

ция главного героя и его родичей ничем не отличается здесь от обычного представления персонажей “семейных саг”:

“Жил тогда на Склоне в Сварвадардале человек по имени Астейр Рыжая Шкура. Он был человеком зажиточным и родовитым. Жену его звали Торхильд; это была женщина недожинная, умная и всеми уважаемая. У них было три сына, и все они подавали большие надежды. Старшего из них звали Олав Дробитель Ведьминных Жезлов, другого – Хельги Храбрый. О них обоих больше рассказывается в других сагах, чем в этой. Их младшего сына звали Торлейв; он рано возмужал и был человеком опытным и весьма сведущим во многих искусствах. Он был хороший скальд. Он воспитывался на хуторе Дымы в Среднем Фьорде у брата своей матери, Скегги из Среднего Фьорда, пока ему не минуло восемнадцать лет” (пер. Е.А. Гуревич, *ИС II*, 447).

Далее мы узнаем о знаниях, полученных Торлейвом от его воспитателя, а затем о совершенном им убийстве, повлекшем за собой объявление вне закона и необходимость скрываться от разыскивавших его врагов. Скупое перечисляя все эти факты биографии героя, рассказчик последовательно опускает подробности, адресуя читателя к другому источнику – саге, повествующей об этих событиях:

“...за эту зиму произошло много достойных упоминания событий, о чем рассказывается в саге о людях из Сварвадардала...” (*ИС II*, 447–448).

Введения “сагового типа” встречаются и в других прядях (ср. № 10, 27), и все же они используются в прядях довольно редко. Обычно же прошлое героя остается “за кадром” даже в тех случаях, когда о нем есть что рассказать, или оно имеет прямое отношение к событиям, описываемым в пряди. Знаменательно, например, что об уже знакомом нам Гисле сыне Иллуги (“*Gísli ráttir Illugasonar*” – его история содержит немало аналогий с историей Храфна), прибывшим в Норвегию с единственной целью – отомстить за своего отца, за много лет до того павшего в Исландии от рук человека, впоследствии сделавшегося королевским дружинником, во Введении к пряди сказано лишь, что он был “сыном Иллуги, сына Торвальда, сына Тинда, брата Иллуги Черного”, и что он приехал в Норвегию семнадцати лет от роду. О том же, чем был вызван его отъезд из дома, и о существенных для последующего действия обстоятельствах его предыстории мы узнаем лишь на стадии зарождения конфликта, причем из уст самого героя.

Перемещение фокуса повествования на события, разыгрывающиеся за пределами Исландии, приводит, таким образом, не к распространению, а, напротив, к сужению вводной части пряди, которая может вообще сводиться к лаконичному “именованию” героя. Введение при этом очень часто никак не отделено от друго-

го, обычно следующего за ним структурного элемента повествования – сообщения о приезде героя в Норвегию. Более того, в этом случае две начальные фазы действия – Введение и Путешествие / Приезд в Норвегию формально могут и вовсе меняться местами: сообщение о приезде протагониста становится ключевым элементом зачина, как, например, в только что упомянутой “Пряди о Гисле”:

“Во времена правления Магнуса конунга приехал из Исландии в Норвегию человек по имени Гисл...” (*ИС II*, 527)

или в “Пряди о Бранде Щедрым” (“*Brands þáttur örva*”), где вводная характеристика героя оттесняется на вторую позицию:

“Рассказывается, что в одно лето приехал в Норвегию из Исландии Бранд сын Вермунда из Озерного фьорда. Его называли Брандом Щедрым, и это прозвище подходило к нему как нельзя лучше” (*ИС II*, 503).

Забегая вперед, заметим, что информативная скудость подобного Введения, не раскрывающего никаких (или почти никаких) сведений о родственных связях героя или о происшествии, в которых ему доводилось участвовать до его появления при дворе норвежского правителя, делает возможным применение в прядях не используемой в сагах нарративной стратегии – последующего упоминания неких ранее не обнаруженных обстоятельств биографии героя (как в “Пряди о Гисле”), а то и прямого включения в текст релевантных для основного действия ретроспективных рассказов персонажей, в которых герои прядей сами ведут повествование о неких событиях собственного прошлого.

Введение и/или Путешествие / Приезд в Норвегию могут, наконец, и вовсе опускаться в случае повторного упоминания главного героя пряди в “королевской саге”. Представление того или иного персонажа на более ранних этапах изложения истории норвежского правителя автоматически исключало необходимость (да и возможность) его повторного формального введения в повествование, когда рассказчик непосредственно переходил к сообщению его частной истории. В этом случае элиминированные при составлении компиляции структурные элементы пряди непременно замещались отсылками к предшествующему тексту саги (ср.: “Халльдор сын Снорри был в Миклагарде с Харальдом конунгом, как уже рассказано раньше, и приехал с ним в Норвегию из Гардарики...” – “Вторая Прядь о Халльдоре сыне Снорри”). Подобное редактирование текста прядей, обусловленное включением этих историй в контекст королевского жизнеописания, наблюдается в разных сводах “саг о конунгах” и затрагивает целый ряд вставных рассказов (ср. № 6, 7, 13, 17, 31).

Особого упоминания в этой связи заслуживают две единственные "пряди об исландцах" в составе "Круга Земного" – "Прядь о Стейне сыне Скафти" ("Steins þáttir Skaptasonar") и "Прядь о Торродде сыне Снорри" ("Þóroddis þáttir Snorrasonar"), включенные в "Сагу об Олаве Святом" (КЗ, 292–296, 299–303). О прибытии отпрысков влиятельных исландских семейств (Стейн был сыном Скафти Законодателя, Торродд – сыном Снорри Годи) к Олаву в саге упоминалось ранее, после чего рассказывалось о том, как конунг запретил им покидать страну (КЗ, 279, 290), что и послужило поводом для конфликта между ним и обоими исландцами. Естественно поэтому, что обе пряди открываются отсылками к соответствующему эпизоду саги, однако характер этих отсылок показывает, что их цель – не столько напомнить о введенных ранее персонажах, сколько теснее увязать следующие затем частные истории – рассказы об их злоключениях в Норвегии с изложением саги. Не вызывает сомнения, что автор "Круга Земного", как уже говорилось, не включивший в свое собрание ни одной из "прядей о поездках из страны", во множестве присутствовавших в более ранней компиляции (в "Тнилой Кожее"), предпочитает трактовать истории Стейна и Торродда не в качестве вставных повествований об исландцах, вплетаемых в текст королевского жизнеописания, как поступили бы на его месте составители других сводов "королевских саг", но в качестве эпизодов саги. Отсюда не вполне обычные зачины обеих историй: "Прядь о Стейне" начинается с упоминания не только ее главного действующего лица, но одновременно и второго "заложника" – Торродда, в дальнейшем не играющего в ней никакой роли ("Торродду сыну Скафти и Стейну сыну Снорри пришлось не по вкусу, что им не позволили поступать по своей воле"), после чего следует традиционная вводная характеристика героя:

"Стейн сын Скафти был очень хорош собой и искусен во всем. Он был хорошим скальдом, любил роскошные наряды и был честолюбив" (пер. Ю.К. Кузьменко, КЗ, 292).

(Согласно другому источнику, "Tómasskinna", bl. 133 v–134 r¹², Стейн за свою любовь к роскоши даже получил прозвище Великолепный. Из-за нее же он нашел бесславный конец, приняв смерть от вальки позарившейся на его богатство женщины. Как сказано в саге, по общему мнению, позорная гибель Стейна явилась воздаянием за его честолюбие и неповиновение конунгу Олаву.) "Прядь о Торродде" также вводится как эпизод саги и открывается ссылкой на уже изложенные ранее обстоятельства, которая замещает и исключает обычные вводные сообщения:

"Торродд сын Снорри остался в Норвегии по велению Олава конунга, когда Геллир сын Торкеля получил позволение отправиться в Исландию, как

об этом уже раньше было написано. Он оставался при Олаве конунге и был очень недоволен тем, что ему не разрешили поехать туда, куда он хочет" (КЗ, 299).

Вообще же при отсутствии Введения, на которое, помимо представления и характеристики героя, была возложена еще и роль формального зачина – пограничного сигнала, прерывающего действие основного повествования (саги) с тем, чтобы переключить его на вставной рассказ, последняя функция целиком препоручалась именно таким ссылкам на уже упоминавшиеся ранее обстоятельства: без их помощи невозможно было приступить к изложению пряди. Аналогичную функцию "переключателя действия" выполняет и обычно краткое Заключение, отмечающее вторую внешнюю границу пряди. В нем ее главный герой либо окончательно выводится из повествования, либо переводится в план действия "королевской саги", что автоматически означает и его переход на другие роли: из центрального героя собственной истории он превращается в одного из второстепенных или даже периферийных персонажей "чужой" саги – становится одним из многих дружинников-приближенных государя.

Вторжение компиляторов во вступительную часть прядей могло иметь своим последствием не только изъятие из них "морфологических" компонентов, ставших избыточными в результате вплетения повествований о заезжих выходах из Исландии в широкое полотно событий, описываемых в сагах о правителях Норвегии, – в отдельных случаях оно приводило к приращению к традиционному зачину прядей новых элементов, не предусмотренных их базовой структурой и, как иногда удается проследить, сравнивая разные варианты одной истории, отсутствующих в других версиях тех же рассказов. Так, редактор порой не сразу приступал к изложению того или иного рассказа, но по какой-то причине считал необходимым предпослать ему некоторое предисловие, в связи с чем добавлял к уже имеющемуся Введению новое вступление, часто с целью "увязать" нижеследующую историю с предшествующим действием саги. Ср.:

"В то же самое лето, о котором сейчас рассказывалось, приехал из Исландии в Норвегию Торвальд Тасальди, племянник Глума Убийцы..." ("Прядь о Торвальде Тасальди", *ÍSP III*, 2317).

Судя по всему, особенно предрасположен к внесению всякого рода дополнений был составитель "Книги с Плоского Острова". Вполне вероятно, что именно его перу принадлежит и следующее вступление к "Пряди о Торлейве Ярловом Скальде":

"Теперь нужно рассказать о том, что произошло на склоне дней ярла Хакона из Хладира, который заслужил немало презрения колдовством своим и воровством, и поделом, потому что злодеяния его и богохульство нанесли мно-

гим людям тяжкий и непоправимый ущерб, и душе их, и телу. Случилось же с ним так, как часто бывает: когда наступило время расплаты, нелегко оказалось ее избежать, ибо такова природа врага рода человеческого, что, как увидит он, что человек полностью находится в его власти и не возлагает никакой надежды на Бога, то он сперва соблазнит его и склонит вероломными хитростями проклятого своего коварства к нечестивой жизни, а потом, когда дни того уже сочтены, ввергнет в мрачную темницу неизбывных мучений, где ждут его скорби и страдания без конца" (ИС II, 446–447).

За этой возвышенной, выдержанной в так называемом ученом стиле преамбулой (никакой перевод не в состоянии передать скопления аллитераций, призванных придать особую лапидарность ее заключительным словам: "verður hann drekktur í dökkri dýflissu dálegra kvala með eymd og ánað ítan enda", *ÍSP III*, 2267), следует подробное Введение "сагового типа", в котором, как уже говорилось, представляется главный герой пряди и излагаются события, предшествовавшие его отъезду из Исландии.

Помимо "Книги с Плоского Острова", "Прядь о Торлейве Ярловом Скальде" сохранилась в нескольких бумажных списках XVII в., в которых процитированный пролог отсутствует. На этом основании обычно высказывают предположение, что перед нами – позднейшее добавление, привнесенное в прядь при составлении компиляции¹³. Не исключено также, что на счет деятельности редактора следует отнести и отдельные иностилевые вкрапления, обнаруживаемые в тексте пряди (так, следы ученого стиля наблюдаются в речи Хулителя Приживала, под личиной которого скрывался Торлейв, – бродяги, явившегося к ярлу Хакону, а также в заключении рассказа). Впрочем, соотношение различных рукописей пряди о Торлейве позволяет лишь строить догадки о "составе" и стиле ее утраченного оригинала.

Совершенно иначе обстоит дело с рассказом, сохранившимся в нескольких средневековых редакциях, – с "Прядью о Халли Челноке" ("Sneglu-Halla ráttur"). Если в более раннем собрании "королевских саг", в "Гнилой Коже", эта прядь начинается с традиционного Введения / Приезда в Норвегию:

"В одно лето из Исландии прибыл корабль, и на нем был Халли Челнок. Родом он был с севера страны. Он был скальд и весьма несдержан на язык" (*ÍSP III*, 2206).

то в "Книге с Плоского Острова", куда она перекочевала из "Древнейшей Гнилой Кожи", эта прядь открывается пространной преамбулой, судя по всему, в первую очередь ставившей своей целью объяснить читателю, почему Харальд Суровый был столь снисходителен к выходкам этого скальда-трикстера:

"Рассказ этот начинается с того, что в Норвегии правил конунг Харальд сын Сигурда. Это произошло в те времена, когда его родич конунг Магнус уже

умер. Рассказывается, что Харальд конунг был очень мудрым и прозорливым человеком. Таковы же были и почти все советы, которые он давал. Он был хороший скальд и всегда насмехался над теми, над кем хотел. Однако и сам он, когда пребывал в хорошем расположении духа, умел, как никто, терпеливо сносить дерзости, которые обращали ему. Он был женат тогда на Торе, дочери Торберга сына Арни. Харальд конунг находил большое удовольствие в поэзии, и при нем всегда были люди, умевшие слагать стихи.

Одного человека звали Тьодольв. Это был исландец, родом из Сварвадардала, человек обходительный и великий скальд. Он пользовался большим расположением Харальда конунга. Конунг называл его своим главным скальдом и ценил выше других скальдов. Тьодольв не был родовит, но получил хорошее воспитание. Он с ревностью относился к тем, кто приезжал к конунгу¹⁴.

Харальд конунг очень любил исландцев. Он дал им хороший колокол для Полей Тинга и множество других ценных даров. А когда в Исландии наступил великий голод, равного которому никогда не случалось, он послал туда четыре корабля, груженных мукой, по одному в каждую четверть, и повелел вывезти из страны как можно больше бедняков" (*ÍSP III*, 2216–2217).

Только после этого вступления следует сообщение о приезде Халли в Норвегию и дается его вводная характеристика, включающая в себя небывало обстоятельное для прядей описание внешности главного героя:

"Халли был человек долгоязыкий, длинноногий, узкоплечий, длиннорукий и нескладный" (*ÍSP III*, 2217).

Разумеется, возможность появления столь несхожих зачинов в двух версиях одной и той же истории в значительной мере обусловлена различием тех "макроконтекстов", в которые они включались в составе разных собраний королевских саг. В то время как в "Гнилой Коже" прядь о Халли непосредственно инкорпорирована в сагу о Харальде Суровом (с чем, вероятно, связаны и довольно значительные сокращения в ее тексте), в "Книге с Плоского Острова" она приводится среди приложений к соответствующей саге, не входящих в нее прямо и лишь примыкающих к королевскому жизнеописанию. Тем самым она не просто сохраняет свою отдельность в своде, но, как это явствует из предпосланного ей пролога, трактуется редактором книги как вполне самостоятельное произведение. Будь иначе, он не смог бы во избежание повторов обозначить в прологе не только место, но и время действия, а главное (как и в "Пряди о Торлейве Ярловом Скальде") начать повествование, заново представив правителя, о котором подробно рассказывалось в саге. Надо полагать, что присочинение преамбулы было продиктовано особенностями "Пряди о Халли Челноке" – собрания более или менее самодостаточных эпизодов-анекдотов, объединенных фигурой протагониста (Халли) и его контрагентов (Харальда Сурового, скальда Тьодольва и др.), однако, в отличие от большинства рассказов об исландцах, не связанных единой фабулой.

Итак, вступления к “прядам о поездках из страны” либо объединяют, либо раздельно трактуют две темы – вводное представление героя и сообщение о его прибытии в Норвегию. В отличие от соответствующего элемента в структуре саги, Введения к прядам в большинстве своем довольно лаконичны и ограничиваются именованием и краткой характеристикой главного персонажа, а в результате включения рассказов об исландцах в королевские жизнеописания могут быть и вовсе элиминированы, вследствие их поглощения макроструктурой “саг о конунгах”. При всем этом некоторые пряди, напротив, обладают более или менее пространными Введениями “сагового типа”, в которых может быть пересказана или даже разыграна предварительная история протагониста, относящаяся ко времени, предшествующему его отъезду из Исландии. В подобных случаях предпосланное пряди Введение, по сути дела, представляет собой “семейную сагу” в миниатюре.

Хотя и немногочисленные, примеры рассказов об исландцах, снабженные Введениями “сагового типа”, ясно показывают, что прядь как конкретное повествование и как особое жанровое образование начинается там, где кончается сага, – с завершением внутри-исландского конфликта и перемещением ее героя в Норвегию. Пролитывая дополнительный свет на отношения между сагой и прядью, эти рассказы приводят нас и еще к одному, неожиданному, заключению. Не только прядь может быть поглощена сагой, будучи включена в королевское жизнеописание: оказывается, что и сама она способна поглотить сагу – правда не “королевскую”, а “семейную”, – встроив в свою структуру фабулу последней и препоручив ей роль Введения.

¹ Lange W. Einige Bemerkungen zur altnordischen Novelle. S. 153.

² Harris J.C. Genre and Narrative Structure in Some *Íslendinga þættir*.

³ Andersson T.M. The Icelandic Family Saga: An Analytic Reading (Harvard Studies in Comparative Literature, 28). Cambridge, Mass., 1967.

⁴ Пронн В.Я. Морфология сказки. Изд. 2-е. М., 1969.

⁵ Harris J. Op. cit. P. 9.

⁶ Andersson T.M., Miller W.I. Law and Literature in Medieval Iceland. *Ljósvefningar saga and Valla-Ljóts saga*. Stanford, 1989. P. 25.

⁷ Впрочем, известны и исключения: в этой связи уместно было бы сопоставить одну из наиболее подробных генеалогий из всех, встречающихся в прядах – родословную героя “Пряди о Стуве” с генеалогиями старших представителей того же семейства в “Саге о людях из Лососьей Долины”. При этом существенно, что та редкая обстоятельность, с которой она излагается, особенно в версии “Гнилой Кожы”, должна была иметь более весомые основания, нежели всего лишь заинтересованность рассказчика в происхождении его героя. Дело в том, что, как будет показано ниже, родословной Стува предстоит сыграть существенную роль в его собственной истории:

“Прядь о Стуве”	“Сага о людях из Лососьей Долины”
<p>1. (Отдельная версия пряди): “Жил человек по имени Стув. Он был сыном Кошачьего Торда, а тот был сыном Торда, сына Ингунн, и Гудрун, дочери Освивра...” (ÍSP III, 2246).</p> <p>2. (Версия в “Гнилой Кожке”): “Жил человек по имени Стув. Он был сыном Кошачьего Торда, воспитанника Снорри Годи. Кошачий Торд был сыном Торда, сына Глума, сына Гейри. Матерью Кошачьего Торда была Гудрун, дочь Освивра...” (ÍSP III, 2243).</p>	<p>“Жил человек по имени Освивр, и был он сыном Оттара, сына Бьёрна с Востока, сына Кетиля Плосконосого, сына Бьёрна Воловьей Ноги. Мать Освивра звалась Нидбьёрг. Ее мать звали Кадлин. Она была дочь Хрольва Пешехода, сына Бычьего Торира... Жену [Освивра] звали Тордис. Она была дочь Тьодольва Короткого. Одного их сына звали Оспак, второго Хельги, третьего – Вандрад, четвертого Торрад, пятого Торольв... Дочь его звали Гудрун...” (ÍC I, 285–286).</p> <p>“... жили три родича. Торкель Щенок и Кнут были братьями. Они были знатного рода. С ними жил их зять, которого звали Торд. Прозвище свое он получил по матери и звался сын Ингунн. Отец Торда был Глум, сын Гейри...” (ÍC I, 286).</p>

⁸ Могут возразить, что то же наблюдается и во многих сагах, которые нередко также открываются некой “предварительной историей”, например, рассказом о событиях, предшествовавших переселению того или иного семейства в Исландию. Существенно, однако, что в саге в качестве действующих лиц такой предваряющей основное действие истории обычно выступают не ее главные герои, но их отцы или более отдаленные родичи. О типах введений к “сагам об исландцах” см.: *Vésteinn Ólason. Dialogues with the Viking Age*. P. 84 ff.

⁹ О формулах именования в “сагах об исландцах” как средстве сюжетной иерархизации см.: *Шенявская Т.Л.* Именование персонажей в “Саге о Сверрире” // *Атлантика. Записки по исторической поэтике*. М., 1995. Вып. 1. С. 34–37; *Она же*. Об одной особенности синтаксиса саги (К поэтике грамматики) // *Атлантика. Записки по исторической поэтике*. М., 1996. Вып. II. С. 118–124.

¹⁰ Для повествования саги, как было замечено, вообще характерен “весьма быстрый темп” (см.: *Toorn M.C. van den. Zeit und Tempus in der Saga* // *Arkiv för nordisk filologi*. 1961. Bd. 76. S. 138 ff.), в пряди же наблюдается еще большее ускорение действия.

¹¹ О ретардации в сагах см.: *Andersson Th.M.* The Icelandic Family Saga. An Analytic Reading. P. 41 ff.; *Magerøy H.* Skaldestrofer som retardasjonsmiddel i islendingesogene // *Magerøy H. Nortoena et Islandica. Øvre Ervik*, 1991. S. 137–150.

¹² *Saga Óláfs konungs hins helga. Den Store Saga om Olav den Hellige. Efter pergamenthåndskrift i Kungliga Biblioteket i Stockholm Nr. 2 4to med varianter fra andre håndskrifter* / Utg. O.A. Johnsen og Jón Helgason. Oslo, 1941. Bd. 2. S. 810.

¹³ См.: *Österholm N.* Þorleifs þátr jarlaskálds. Håndskriftsstudier i en isländsk kortsaga (Nordiska texter och undersökningar, 26). Lund, 1987.

¹⁴ В версии пряди в “Гнилой Кожке” скальд Тьодольв, как и положено, впервые упоминается лишь в начале того эпизода, в котором ему предстоит вступить в действие: “Тьодольв скальд также был с конунгом и с ревностью относился к тем, кто приезжал ко двору” (ÍSP III, 2207).

II. КОНФЛИКТ / РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТА

С перемещением главного героя в Норвегию и начинается собственно действие пряди. Основное место в нем, как правило, занимает конфликт между исландцем и его могущественным антагонистом – конунгом или замещающим его знатым человеком.

Напомним, что Джозеф Харрис называет этот центральный элемент композиции прядей *Отчуждением* (Alienation) и утверждает, что, как и последующее *Примирение* (Reconciliation), он непременно может быть обнаружен во всех “прядях о поездках из страны”. Вместе эти структурные элементы составляют ядро пряди, образуя пару, по значимости подобную той, которая была выделена В.Я. Проппом для сказки, где базовые функции VIII. *Вредительство* / VIIa. *Недостача* и XIX. *Ликвидация беды или недостачи* присутствуют во всех без исключения волшебных сказках¹.

В процессе исследования предстоит выяснить, носила ли ситуация *Отчуждения* / *Примирения* в “прядях о поездках из страны” универсальный характер, а попутно и разобраться в том, насколько точно подобные категории вообще отражают взаимоотношения между главными персонажами этих произведений. Так или иначе, как было замечено выше, предложенная Харрисом схема строения прядей и в особенности ядра каждого из этих повествований – конфликта носит слишком общий характер, чтобы ее можно было применить в качестве действенного инструмента анализа. Так, очевидно, что с ее помощью невозможно установить – если только они не видны невооруженным глазом – ни наличествующие в этих текстах общие модели, ни совпадающие мотивы, ни повторяющиеся детали – словом, ничего из тех разнообразных и разноплановых типов связей, которые объединяют пусть даже и не все, но лишь отдельные принадлежащие сюда истории. При всем том, у нас имеются основания предполагать присутствие в прядях и таких “неуниверсальных” схождений, в свою очередь, способных пролить свет на особенности строения и жанра этих рассказов.

Первое, к чему следует обратиться, приступая к исследованию центральных структурных элементов прядей, это те обстоятельства или поступки персонажей, которые приводят к возникновению конфликта между героем-исландцем и правителем Норвегии.

Как оказывается, причины, порождающие конфликт, не обязательно сообщаются рассказчиком по ходу действия: *Отчуждение* в прядях может существовать изначально, принадлежать исходной ситуации и быть обозначенным прежде, чем рассказчик приступит к изложению истории, приключившейся с его героем на чужбине. В этом случае инициация конфликта вытесняется из собственно повествования в досюжетное время, происходит в рамках некоего “предварительного инцидента”.

Начальная стадия возникновения конфликта представлена подобным образом в шести прядях. Это – “Прядь о Торстейне сыне Халля с Побережья” (№ 29), “Прядь об Одде сыне Офейга” (№ 11), “Прядь о Стейне сыне Скафти” (№ 13), “Прядь о Торродде сыне Снорри” (№ 17), “Прядь об Отгаре Черном” (№ 30) и “Прядь о Стурле” (№ 27).

Торстейн сын Халля в нарушение королевского запрета съездил в торговую поездку в Дублин и вдобавок отказался уплатить подать. Конунг Магнус Добрый, прослышав об этом, в гневе лишил его всех полагавшихся дружиннику привилегий и объявил вне закона. Торстейн же, не ведая о том, что впал в немилость, спустя два года вновь приезжает из Исландии в Норвегию, где и начинают разворачиваться все связанные с этим конфликтом события, которые и описываются в пряди (“*Þorsteins þáttur Síðu-Hallssonar*”, № 29, *ÍSP III*, 2285, 2288).

Аналогичную мотивировку конфликта между норвежским конунгом и исландцем – нарушение запрета на торговлю, находим в “Пряди об Одде сыне Офейга”. Приехав из Исландии, Одд и его спутники отправляются на север в Финнмёрк и проводят там зиму, а весной плывут на юг. Как королевский наместник Эйнар Муха, обладающий исключительным правом сбора подати с финнов, так и сам конунг Харальд Суровый еще до их встречи с Оддом не сомневаются в том, что исландский купец и его команда виновны в незаконной торговле. Разыгрывающееся затем в пряди действие главным образом и сводится к многократным попыткам конфликтующих сторон скрыть или, соответственно, отыскать улики, подтверждающие вину героя (“*Odds þáttur Ófeigssonar*”, № 11, *ИС II*, 510–516).

О причине конфронтации с правителем Норвегии героев двух прядей, вставленных в сагу об Олаве Святом в “Круге Земном”, – “Пряди о Стейне сыне Скафти” и “Пряди о Торродде сыне Снорри”, в саге сообщалось еще до того, как Снорри приступил к изложению их частных историй (см. предыдущий раздел): конунг запретил присланным к нему сыновьям родовитых исландцев возвратиться домой, и те “сочли, что с ними обошлись очень плохо и что их лишили свободы” (КЗ, 290). Ссылками на эту исходную ситуацию открывается и каждая из историй:

“Торродду сыну Снорри и Стейну сыну Скафти пришлось не по вкусу, что им не позволили поступать по своей воле...” (№ 13, КЗ, 292).

“[Торродд] оставался при Олаве конунге и был очень недоволен тем, что ему не разрешили поехать туда, куда он хочет” (№ 17, КЗ, 299).

Что же до того обстоятельства, что, как рассказано в начале “Пряди о Стейне”, оба исландца “были неосторожны в речах” и поносили конунга, чем и вызвали его гнев (КЗ, 292), то оно является уже следствием “предварительного инцидента” (несправедливого

королевского запрета) и служит толчком для дальнейшего углубления и развития конфликта.

Скальд Оттар Черный успел прогневить конунга Олава Святого задолго до своего появления в Норвегии: находясь на службе у Олава, конунга шведов, он сложил любовную песнь (*mansöngsdrápa*) в честь его дочери Астрид, впоследствии ставшей женой норвежского правителя ("Öttars þáttir svartar", № 30, *ÍSP* III, 2201, 2202)². Сочинение мансёнга каралось по закону как противоправное деяние³, а дерзкий поступок Оттара непосредственно затрагивал и то лицо, под властью и покровительством которого находилась воспеваемая в любовных стихах женщина, потому-то, задетый этой "сильно не понравившейся" ему песнью, Олав приказал схватить Оттара и бросить его в темницу. С такой исходной ситуации — скальд пребывает в темнице в ожидании казни — и начинается действие пряди, повествующей о том, как Оттару удалось избежать расправы и примириться с конунгом, "выкупив" свою голову хвалебной песнью в его честь.

Также и другого знаменитого скальда, Стурлу Тордарсона, по прибытии ко двору тогдашнего норвежского государя Магнуса сына Хакона ждал весьма холодный прием. Стурлу оговорили перед конунгом его враги, и Магнус, хотя и не имел намерения предать исландца смерти, не желал принимать его к себе на службу. В центре внимания описанной в "Пряди о Стурле" ("Sturlu þáttir", № 27) истории взаимоотношений ученого исландца с конунгом — рассказ об их примирении, демонстрирующий определенное сходство с уже упоминавшейся историей об Оттаре. В обоих случаях конфликт между героями существует изначально, и исландец добивается благотворной перемены в отношениях с правителем Норвегии, вынуждая его сменить гнев на милость, исключительно силой своего поэтического мастерства (в "Пряди о Стурле" еще и искусства рассказчика: ее герой начинает с того, что развлекает людей конунга сагой).

Итак, как показывают примеры историй, в которых стадия инициации конфликта выносится за границы действия, "отчуждение" в прядях даже и в этих (относительно немногочисленных) случаях никогда не предстает ничем не спровоцированной данностью: конфликт непременно требует обоснования и получает его либо в поступках главных героев, либо во вмешательстве третьих лиц. Стандартные причины конфликта — это (1) проступок протагониста-исландца, навлекающего на себя гнев государя или замещающего его могущественного мужа; (2) оговор врагов, приписывающих герою в действительности не совершенные им проступки или ставящих под сомнение его лояльность государю; и, наконец, (3) несправедливые действия самого конунга (или опять-таки его знатного "заместителя"), вызывающие его ссору с исландцем. Легко заметить, что именно эти причины приводят к "отчуждению" между героями в названных шести прядях.

На таких же основаниях базируется конфликт и в тех "прядях о поездках из страны", где его зарождение происходит не в досюжетное время, но уже по ходу действия рассказа. Поскольку же даже приведенные здесь весьма немногие примеры позволяют проследить определенные аналогии в ситуациях возникновения "отчуждения" между центральными персонажами разных повествований, естественно встает вопрос: насколько далеко может простираться сходство произведений, выдвигающих идентичные причины конфронтации их главных героев? Чтобы выяснить это, попробуем распределить наш материал по подгруппам, которые будут включать в себя рассказы, выделенные в зависимости от использования в них тех или иных способов инициации конфликта.

1. ПРОСТУПОК ГЕРОЯ-ИСЛАНДЦА

А (1). Убийство приближенного конунга

"Прядь о Гисле сыне Иллуи" (№ 4), "Первая Прядь о Халльдоре сыне Снорри" (№ 6), "Прядь о Храфне сыне Гудрун" (№ 8), "Прядь о Хрейдаре Дураке" (№ 9), "Прядь о Стейне сыне Скафти" (№ 13), "Прядь о Торгриме сыне Халля" (№ 15), "Прядь об Эгмунде Ударе и Гуннаре Пополам" (№ 23), "Прядь об Асбьёрне Тюленебойце" (№ 25), "Прядь о Тормоде" (№ 28).

Как и можно было ожидать, убийство — одно из наиболее частых оснований для возникновения конфликта в "прядях об исландцах". Главные герои прядей руководствуются той же этикой, что и персонажи "семейных саг", чутко реагируя на любые действия, затрагивающие их честь, будь то словесные или телесные оскорбления, посягательства на их имущество или свободу. Подобно персонажам саг, привыкшим смотреть на себя чужими глазами и неизменно озабоченным своей "доброй славой", исландцы — герои прядей и вдали от дома действуют в согласии с нормами поведения и под давлением общественного мнения того коллектива, выходцами из которого они были и в который им по прошествии какого-то времени предстояло вернуться вновь. Не могло быть ничего тайного, что бы рано или поздно не стало явным и не сделалось предметом обсуждения в этом небольшом и необычайно сплоченном обществе, большинство свободных членов которого, ежегодно встречаясь на альтинге, обменивались новостями обо всем, что происходило в стране и за ее пределами. Любой ложный шаг временно пребывающих на чужбине соотечественников неминуемо становился известным в Исландии и подвергался там осуждению. Оставить без внимания нанесенные им

обиды, не предпринять никаких ответных шагов, когда умалялось их личное достоинство, означало покрыть позором и себя, и своих близких. Впрочем, протагонисты *прядей* — это обычно персонажи, наделенные всеми качествами положительных героев, и поэтому они, как правило, совершают те или иные поступки не из страха перед мнением окружающих, не по навязанному извне принуждению, но в согласии с собственными представлениями о чести и долге. Кроме того, им даже в большей мере, нежели героям саг, свойственны честолюбивые устремления. Снаряжавшиеся за море исландцы покидали свою страну с твердым намерением возвратиться в нее “лучшими” людьми, чем они были, когда отправлялись в свое опасное путешествие, которое они и проделывали в первую очередь ради того, чтобы проверить и приумножить свою “удачу” и снискать почет и богатство.

И тем не менее, хотя большая часть центральных коллизий “*прядей* о поездках из страны” в конечном счете оказывается обусловленной действием того же этического императива, что и внутриисландские распри, конфликт в *прядях* имеет решающее отличие от обычного сагового конфликта. Он происходит за пределами Исландии и его главные участники всегда находятся в отношениях социального неравенства. Совершив, повинувшись долгу кровной мести, либо в отместку за нанесенное ему лично оскорбление убийство “конунгова человека” (*konungsmadr*), герой *пряди* вступал во вражду не с родичами своего обидчика (как это было с персонажами “*семейных саг*”), но с могущественным мужем, во власти которого он находился. Тогда как антагонисты — герои саг самостоятельно и подолгу “мерились” друг с другом силой, прибегая то к оружию (и при этом нередко умножая потери с обеих сторон), то к закону, исполнение которого было возложено на них же самих, но — за неимением таковой — не сталкивались с карающей дланью государства, преступление находившегося в Норвегии исландца предполагало возмездие, и его жизнь и свобода оказывались в руках правителя — конунга или его наместника, от чьего единоличного решения зависело, будет преступник казнен или помилован. В таких условиях защита собственной чести или осуществление мести за убитых сородичей становились смертельно опасным предприятием: соблюдение этических норм родового общества в Норвегии осложнялось вмешательством укреплявшейся королевской власти и церкви.

Все это неминуемо накладывало отпечаток как на стереотипы поведения протагонистов *прядей*, так и на строение сюжетов тех историй, в которых конфликт исландца с правителем инициировался (или усугублялся) убийством приближенного конунга. За богатством и разнообразием фабульных конструкций в рассказах этого типа легко обнаруживаются существенные черты сходства, частично отливающегося в форму устойчивых моделей, кристаллизация кото-

рых не в последнюю очередь предопределялась логикой повествовательных возможностей — ограниченным набором вариантов сюжетных ходов, заложенных в эти истории характером проступка главного героя.

Гисл сын Иллуги приезжает в Норвегию с единственной целью — отомстить за своего отца, некогда убитого Гьяввальдом, ныне дружинником и “ближайшим человеком” конунга Магнуса Голоногого. Подстерегая его, герой идет на хитрость и изменяет облик: обзаводится “маской”, обливая лицо горячим воском, а расквитавшись с убийцей, объявляет о содеянном, называя себя вымышленным именем (“Объявляю, что это я нанес раны Гьяввальду, дружиннику Магнуса конунга, если он ранен, и я убил его, если он убит. Готовым-к-Убийству звался я утром, а вечером, надеюсь, буду зваться Необреченным”, *ИС II*, 528), после чего пытается скрыться. Его попытка, однако, не увенчивается успехом. Гисла сразу же находят, а вместе с ним задерживают и его предполагаемого помощника, исландца по имени Торстейн, так что первая забота героя — доказать невиновность этого человека и добиться его освобождения. При этом благородное поведение Гисла не только приносит свои плоды, но и получает должную оценку его преследователей: отпустив Торстейна, они замечают, что “Гисл говорил хорошо и как подобает мужу” (*ИС II*, 528). Конунг же, узнав об убийстве своего приближенного, приходит в ярость. Гисла заключают в оковы, и он сидит в подземелье в ожидании казни (“*Gísils þáttir Illugasonar*”, № 4).

Эгмунд, сын вольноотпущенника и воспитанник видного исландца Вига-Глума (т.е. Убийцы-Глума, главного героя одноименной саги — “*Víga-Gríms saga*”), к тому же связанный с последним отдаленным родством, уезжает в Норвегию, напутствуемый своим воспитателем, скорее, стремиться к тому, чтобы добыть себе в этой поездке “почет и уважение (*sæmd og mannvirðing*), чем большие барыши, если не удастся приобрести и то, и другое” (“*Ögmundar þáttur dytts ok Gunnars helmings*”, № 23, *ÍSP III*, 2336). По вине Эгмунда, не пожелавшего последовать совету своих спутников, сразу же по его прибытии в Норвегию произошел инцидент, повлекший за собой конфликт исландца с Халльвардом, могущественным приближенным тогдашнего правителя страны, ярла Хакона. Подойдя к причалам в темноте, исландцы по неосторожности потопили корабль Халльварда со всеми бывшими на нем товарами, чем вызвали вражду понесшего убытки владельца и гнев самого ярла. Вмешательство Вигфуса сына Вига-Глума, находившегося в то время при Хаконе и попытавшегося решить дело ко всеобщему удовлетворению, не увенчалось успехом: Халльвард, пожелав самолично добиться солидной компенсации за причиненный ему ущерб, является на корабль Эгмунда и после короткой словесной перепалки наносит ему тяжелый удар обухом секиры, от которого тот не скоро приходит в чувство. Оправившись,

исландец получает нелестное прозвище — Эгмунд Удар, однако делает вид, что не замечает насмешек. Так же глух остается он и к требованиям Вигфуса, понуждающего его отомстить Халльварду за свое бесчестие: по мнению Эгмунда, они с Халльвардом квиты, кроме того, он не хотел бы отплатить своему воспитателю Вига-Глуму “злом за добро” и подвергнуть опасности жизнь его сына Вигфуса, имея в виду, каким расположением Халльвард пользуется у ярла. Вигфус в ответ обвиняет Эгмунда в трусости: похоже, что тот пошел в своих предков-рабов, а не в родичей с материнской стороны (род Вига-Глума). Такой же холодный прием ждет Эгмунда и по возвращении в Исландию. Все его попытки оправдаться перед Вига-Глумом не находят отклика, и тот отсылает его к отцу. Вига-Глум предпочел бы видеть своего воспитанника и сына мертвыми, чем покрытыми позором из-за трусливого поступка одного из них.

Спустя два года Эгмунд вновь приезжает в Норвегию. Оставив корабль, он пересаживается в лодку и сходит на берег. Первым, кто ему повстречался, был Гуннар Пополам — он получил это прозвище за свое пристрастие к разноцветной одежде. От Гуннара Эгмунд узнает, что в стране теперь другой правитель, Олав Трюггвасон, и что Халльвард стал его дружинником. Заметив на исландце красивый двуцветный плащ, Гуннар хочет купить его, однако Эгмунд отдает ему плащ в подарок, взамен получая бывшую на Гуннаре накидку с капюшоном. Расставшись с Гуннаром, он отправляется на поиски Халльварда и вскоре находит его на постоялом дворе. Показавшись в дверях, так что все, кто там был, приняли его за Гуннара Пополам, Эгмунд, понизив голос, зовет Халльварда, говоря, что пришел по срочному делу, а когда тот, ничего не заподозрив, выходит, наносит ему смертельный удар и бежит к тому месту, где оставил лодку. Первым делом он выбрасывает за борт плащ, завернув в него камень, чтобы он пошел ко дну, после чего приказывает грести к кораблю. Там он говорит своим спутникам, что в стране “большое немирье”, а потому им следует без промедления отправляться восвояси. Те немало удивились его осторожности — ведь он даже не решился сойти на берег из-за местных усобиц, но не стали спорить. Вернувшись домой, Эгмунд посетил Вига-Глума и сообщил ему, что наконец отомстил своему обидчику. Тот был доволен и оказал Эгмунду радушный прием.

В Норвегии же события тем временем развивались следующим образом. Забеспокоившись, что Халльвард долго не возвращается, люди на постоялом дворе выглянули на улицу и обнаружили, что он мертв. О его убийстве было доложено конунгу, а также и о том, что это — дело рук Гуннара Пополам. Конунг приказал разыскать и повесить убийцу, если его вина подтвердится. Прослышав о выдвинутом против него обвинении, Гуннар почел за лучшее скрыться. Так вследствие конфликта с конунгом он оказался в Швеции, где его

ждали необыкновенные приключения среди язычников, — однако, это уже его собственная история, не имеющая никакого отношения к истории Эгмунда, изложенной в первой части рассказа (о перемещении протагониста, наблюдающей в целом ряде прядей, еще будет сказано в своем месте)⁴.

Асбьёрн сын Сигурда, наследник богатого бонда с острова Эмд в Халогаланде, продолжает устраивать пиры, хотя урожай год от года становятся все хуже. Когда же припасы истощились, он, чтобы пополнить их, снаряжает корабль и отправляется на юг к своему родичу Эрлингу сыну Скьяльга. Дабы обойти королевский запрет, — конунг Олав Харальдссон не разрешил продавать на север зерно и солод — Асбьёрн закупает все необходимое у рабов Эрлинга: на них законы не распространялись. Однако на обратном пути весь его груз был конфискован королевским управляющим (агмадр) Торином Тюленем, который не пожелал принять во внимание, с кем была совершена сделка. Кроме того, управляющий приказал забрать у халогаландцев их превосходный новый парус: для них теперь будет “достаточно хорош” и старый, с корабля Торира, ведь назад им придется плыть налегке. Неудачная поездка Асбьёрна вызвала пересуды, и он был очень рассержен, узнав, что над ним посмеиваются.

После Сретенья Асбьёрн спускает на воду боевой корабль и плывет к Кёрмту, острову, на котором проживал его обидчик. Пристав к берегу в пустынном месте, он оставляет своих людей и, надев старую одежду и спрятав лицо под широкополой шляпой, отправляется в усадьбу Торира Тюленя. Выясняется, что туда на пасхальный пир прибыл конунг. Войдя в прихожую, Асбьёрн видит через открытую дверь, что конунг восседает за столом, а рядом с его престолом стоит Торири. Он как раз рассказывал Олаву, как обошелся с ним, и то, что он говорил, было явной ложью: Асбьёрн, по его словам, заплакал, когда у него забирали парус. Услышав это, Асбьёрн не выдержал — он бросился в палату и, выхватив спрятанный под одеждой меч, снес голову своему обидчику, после чего был тут же схвачен по повелению конунга и посажен под стражу (“*Ásbjarnar þáttir Selsbana*”, № 25).

Вот как живописует эту сцену Снорри Стурлусон: Асбьёрн “...нанес удар прямо Ториру по шее. Голова у того слетела с плеч и упала на стол перед конунгом, а тело Торира упало к ногам конунга. Всю скатерть сверху донизу залило кровью...” (пер. Ю.К. Кузьменко, КЗ, 267) — Олав затем будет мотивировать свое решение казнить Асбьёрна еще и тем, что тот “превратил его ноги в плаху”. В более ранней “Легендарной саге об Олаве Святом”, чья версия пряди об Асбьёрне не только существенно короче рассказа в “Круге Земном”, но и во многих своих деталях отлична от него, король ссылается на то, что и его самого, и “еду забрызгало кровью”⁵.

Считается, что история Асбьёрна Тюленебойцы послужила образцом для известного эпизода “Саги о Ньяле”, повествующего о возмездии, постигшем одного из главных участников сожжения Ньяля и его сыновей (гл. 155)⁶. Дело

происходит на пиру, устроенном по случаю Рождества оркнейским ярлом Сигурдом; в числе приглашенных на празднество были ирландский конунг Сигтрюгг и ярл Гилли с Гебридских островов. Сидя за столом, конунг и ярл слушают рассказ Гуннара сына Ламби о сожжении Ньяля. В этот момент к пиршественной палате подходит зять Ньяля Кари с двумя спутниками: они прибыли на остров никем не замеченными и оставили своих людей сторожить корабль. Стоя снаружи, Кари слышит обращенный к Гуннару вопрос конунга Сигтрюгга, желающего знать, как себя вел Скарпхедин во время пожара. Последовавший ответ, как и весь "пристрастный рассказ" Гуннара, был весьма далек от истины: по его словам, Скарпхедин поначалу держался хорошо, "но потом заплакал". Не вытерпев, Кари вбежал в палату с обнаженным мечом и "с такой силой ударил Гуннара сына Ламби мечом по шее, что голова отлетела на стол, который стоял перед конунгом и ярлами. Все столы и одежда ярлов были залиты кровью" (ИС II, 357–358). Ярл Сигурд приказал схватить Кари и убить его, однако никто не двинулся с места, и он беспрепятственно покинул палату. Люди не захотели повиноваться приказу потому, что Кари был прежде дружинником ярла и все очень его любили.

Реминисценции рассказа об убийстве Торира Тюленя можно усмотреть и еще в одном, не менее знаменитом эпизоде той же саги. На этот раз речь идет об оскорблениях, нанесенных Гуннару с Конца Склона двумя братьями, Откелем и Скамкелем (гл. 53, 54). Первый случайно наезжает на Гуннара верхом и, задев шпорой, ранит его; второй, рассказывая об этом инциденте, на вопрос, как Гуннар держал себя, отвечает, что "он плакал". Бонд, которому он это говорит, предостерегает Скамкеля: при следующей встрече с Гуннаром он сможет убедиться, что тот "не из плаксивых" ("at þú sé grátraust þú skapir hans" – букв. 'плаксивый голос ушел из его естества'). Узнав от своего пастуха об обидных речах Скамкеля, Гуннар догоняет братьев, бросает им вызов ("Теперь защититесь – вот мое копье! Сейчас узнаете, заплачу ли я"), и сражает обоих (ИС II, 140–143). Знаменательно, что в одном из списков саги (XIV в.) выражение *grátraust þú skapir hans* было заменено на *grátraust þú kverkum hans*⁷, букв. 'плаксивый голос из его горла' – выражение, употребленное в "Легендарной саге" Ториром Тюленем, рассказывавшем о якобы недостойном поведении Асбьёрна в момент, когда у него был отнят парус ("kvað hann næsta grátraust í kverkunum" – "сказал, что он говорил с рыданием в горле", в ответ на что Асбьёрн, нанеся ему удар, произнес, что "рыдание ушло теперь из горла" ("*grátraustun var þú or gengen kverkunum*", *Leg.*, 110). Желая того или нет, писец своей поправкой в очередной раз "отнес" сцену "Саги о Ньяле" к эпизоду, некогда послужившему для нее прообразом.

В целом же заметно, что тогда как сообщение о столкновении Гуннара с Откелем и Скамкелем демонстрирует определенные параллели со сценой убийства королевского управляющего в более ранней версии "Пряди об Асбьёрне Тюленебойце", сохранившейся в "Легендарной саге", рассказ о мести Кари, напротив, сближается с соответствующим эпизодом более поздней версии той же истории, судя по всему, возникшей в результате преобразований, внесенных в нее автором "Круга Земного"⁸. Именно в этой последней впервые появляется прямое утверждение Торира о том, что герой "заплакал" (*þá grét hann*), побудившее Асбьёрна в гневе совершить импульсивный поступок и позабыть про свой первоначальный замысел: осуществить месть, оставаясь неузнанным, – откуда другая инновация Снорри (или его неведомых источников?) – мотив переодевания/сокрытия внешности героя, отголоски которого также присутствуют в "Саге о Ньяле", где подчеркивается, что Кари и его спутники приближаются к пиршественной палате неузнанными. Как мы имели уже возможность убедиться на

примере вышеизложенных сюжетов нескольких прядей, мотив этот – отнюдь не редкость в тех "прядях о поездках из страны", где конфликт между исландцем и правителем инициируется убийством "человека конунга". Ничего этого – ни предосторожностей, принятых героем, чтобы не выдать своего присутствия, ни оттененного мотивом сокрытия внешности внезапного героического порыва, заставляющего его отказаться от первоначального плана мести, нет в "Легендарной саге", где сказано лишь, что Асбьёрн, оставив свои боевые корабли и многочисленный отряд в "две сотни человек", один отправился к палате, где происходил пир, и, стоя среди поваров, услышал рассказ Торира, после чего вбежал внутрь и обезглавил его.

Нетрудно заметить определенные черты сходства, объединяющие три изложенные здесь истории. Герой из мести за ранее совершенное против него деяние убивает приближенного конунга. Осуществить месть его побуждает долг (Гисл), унижение, которому он был подвергнут обидчиком (Асбьёрн), осуждение окружающих (Эгмунд). *Готовясь отомстить, герой старается остаться неузнанным и изменяет свою внешность, выдавая себя за другого* – за человека иного возраста (семнадцатилетний Гисл, облив лицо воском, выглядит стариком); иного социального статуса (крупный землевладелец Асбьёрн облачается в старую одежду и берет в руки багор, представляясь человеком низкого звания); наконец, за вполне определенного человека, на которого он пытается переложить ответственность за содеянное (Эгмунд). *Совершив месть, герой намеревается скрыться*. Ему это удается, и он благополучно избегает опасности (Эгмунд); его быстро находят и бросают в темницу (Гисл); герой сам отказывается от первоначального намерения уйти неузнанным – в результате он схвачен сразу же по совершении убийства и заключен под стражу (Асбьёрн).

Как видим, во всех случаях реализуется единая схема инициации конфликта, что же касается наблюдаемой вариативности в решении одних и тех же ситуаций, то она напрямую обусловлена достоинствами или недостатками героев. Гисл, исполнив свой план и будучи схвачен, ведет себя благородно и, заботясь о том, чтобы не навлечь беду на другого, выгораживает своего невольного пособника (а впоследствии и помощников-исландцев). Асбьёрн в порыве негодования действует по-геройски безрассудно, не задумываясь о последствиях и не пытаясь избежать преследования, – в глазах окружающих его поступок предстает "истинным подвигом" (КЗ, 267). В противоположность им обоим, Эгмунд всем своим поведением доказывает справедливость высказанного его воспитателем Вига-Глузом опасения, что "человек, ведущий свой род от рабов, не способен поступать мужественно" ("*verður ódrjúg til drengskaparins hin ófrjálsa atlin*", *ÍSB* III, 2339).

Ту же схему осуществления мести за ранее причиненный ущерб мы находим в "Пряди о Торлейве Ярловом Скальде" (№ 16; подроб-

но об этой пряди см. в разделе 3), правда, с немаловажными нюансами. Во-первых, объектом мщения на этот раз становится не приближенный государя, но сам могущественный правитель Норвегии, и, во-вторых, герой не убивает своего обидчика, но с помощью колдовства наносит невосполнимый урон его здоровью и репутации. Однако и в этой истории расплата за прежние обиды предполагает реализацию заранее выношенного плана, который был сопряжен с переменной облика мстителя и его попыткой (здесь вполне успешной) скрыться после исполнения своего замысла.

Как будет видно из дальнейшего, аналогичное преступление главного персонажа пряди — убийство приближенного правителя — обычно оказывается обставленным несколько иначе, если оно совершается не из мести за ранее причиненный ущерб, но представляет собой спонтанную реакцию героя на нанесенное ему оскорбление. Причем и эта ситуация предполагает использование повторяющихся элементов — от отдельных деталей или мотивов до целых их комплексов.

Начнем с истории, заставляющей вспомнить рассказ об Асбьёрне Тюленебойце. Поссорившись с Харальдом Суровым, Халльдор сын Снорри переезжает к Эйнару Брюхотрясу, знатному мужу, зятю ярла Хакона. Дальний родственник Эйнара, его злобный и завистливый слуга Кали за глаза клеветает на Халльдора, насмехается над ним и поносит его в стихах. Об этом становится известно Халльдору. Как-то раз, подойдя к покоям Берглот, жены Эйнара, с которой исландец обычно проводил много времени, рассказывая ей об их с Харальдом странствиях и подвигах в чужих краях, он слышит, как Кали с товарищами за дверью декламируют ей порочащие его стихи, а она в ответ выговаривает им за дерзость и убеждает их, что во всей Норвегии едва ли сыщутся храбрецы подстать Халльдору. Кали же заявляет, что им не страшен этот “салоед” (*hann mörlanda*), о котором передают, что он был однажды брошен в темницу в Греции, где “лежал беспомощный на хвосте у змеи”⁹. Не снес оскорбления, Халльдор вбегает в помещение, где происходил разговор, и сражает Кали насмерть, после чего обращается за помощью к хозяйке дома и не встречает отказа (“*Halldórs þáttur Snorrasonar hinn fyrri*”, № 6).

И внешние обстоятельства, и поведение героя имеют столь очевидное сходство с изображением убийства Торира Тюленя в “Пряди об Асбьёрне”, что на его фоне нам будет куда легче заметить и выделить такие особенности рассказа о Халльдоре, которые иначе вполне могут показаться малозначительными, а то и рискуют вовсе ускользнуть от внимания. В самом деле, обе сцены разыгрываются в основном по одному плану: и в том и в другом случае герой, находясь в соседнем помещении, случайно становится свидетелем того,

как враг за глаза поносит его или возводит на него напраслину. Когда же антагонист заявляет нечто, прямо порочащее героя — отказывает ему в мужестве и доблести, он, не снес оскорбления, в порыве гнева врывается внутрь и жестоко расправляется с обидчиком. Обстановка и побуждения главных действующих лиц здесь, таким образом, полностью идентичны. В чем же в таком случае заключаются различия между этими двумя историями? В первую очередь в том, что их центральные персонажи приходят к описанной кульминационной сцене и к совершению деяния, которое неизбежно расстроит их с сильными мира сего, весьма несхожими путями. Асбьёрн является в усадьбу Торира с тем, чтобы отплатить ему за прежде понесенный урон и скрыться, однако поведение последнего заставляет его отказаться от первоначального плана. В итоге, как это представлено в пряди, он не столько воздаст Ториру за прошлое, сколько должным образом отвечает на новое еще более тяжкое оскорбление — его лживый оговор перед конунгом. Как бы то ни было, антагонист получает по совокупности содеянного, однако нет ни малейших сомнений в том, что даже если бы Асбьёрн не прибыл к Ториру с твердым намерением отомстить, случайно услышанные им слова, которые тот произнес во время праздничного застолья, вынудили бы его, презрев опасность, немедленно схватиться за оружие. По сути же дела, налицо контаминация двух моделей развертывания темы убийства “конунгова человека”: мотив мести с его традиционными атрибутами (переодеванием и последующим исчезновением убийцы) неожиданно “прерывается” и подменяется мотивом спонтанной расправы с обидчиком.

Набор возможных атрибутов второй модели нам еще только предстоит определить.

Что же касается Халльдора сына Снорри, то он, в отличие от Асбьёрна, хотя и знает уже о насмешках Кали, до поры до времени не собирается решать дело силой. Интерпретировать неожиданную сдержанность этого гордого и несгибаемого смельчака, которого невозможно заподозрить в нерешительности или робости, нетрудно. (О независимом нраве этого исландца можно судить по другой посвященной ему истории — так называемой “Второй Пряди о Халльдоре сыне Снорри”, повествующей о его неладах с Харальдом Суровым. В этой пряди Халльдор характеризуется следующим образом: “Халльдор сын Снорри был высок ростом, красив, очень силен и отважен в бою, как никто. Харальд конунг утверждал, что из всех его людей Халльдора было всего труднее испугать или обрадовать. Узнавал ли он о смертельной опасности или радости новостями, он не становился печальнее или радостнее. Выпадало ли ему счастье или несчастье, он ел, пил и спал не меньше, чем обычно. Халльдор был неразговорчив, немногословен, прям, неприветлив и резок. Он был задирист, с кем бы ни имел дело...”, *ИС II*,

525–526.) Очевидно, что на этот раз Халльдора останавливало и удерживало от решительных действий лишь то обстоятельство, что, расквитавшись с Кали, он тем самым нарушит мир в доме, где его принимали как друга, с почетом и радушием (нельзя не упомянуть в этой связи одну существенную деталь: приехав к Эйнару и получив приглашение остаться, Халльдор первым делом задает вопрос, какое место ему будет отведено за столом, на что тот предлагает ему занять почетное место напротив хозяйского – самое большое отличие для гостя). Однако желает он того или нет, в конце концов все же наступает критический момент, когда ему ничего не остается, как достойно ответить клеветнику. Совершенное Халльдором убийство поэтому никак не подготовлено заранее, более того – оно представлено как вынужденный шаг, спровоцированный невольной подслушанной им оскорбительной и больно затрагивающей его честь интерпретацией его поведения как раз в тот героический период его жизни, который был отмечен наибольшими достижениями и славными подвигами.

Непреднамеренность и вынужденность проступка героя, вопреки своему желанию инициирующего центральный конфликт рассказа, – вот что всячески подчеркивается и в данной пряди, и в других аналогичных ей историях. Этому служит целый ряд деталей, призванных удостоверить правоту героя и оправдать его как в глазах аудитории (слушателей и читателей пряди), так и в конечном итоге в глазах того правителя или знатного мужа, которому он наносит урон своим противоправным деянием и чью враждебность он таким образом заслуживает. Прежде всего, это – однозначно отрицательное изображение антагониста, который неизменно представлен как дурной и зловредный человек. Характеризуя Кали, автор пряди не скупится на “черные” тона. Нагнетая негативные эпитеты, он, дабы придать своим оценкам большую вескость и убедительность, составляет их в аллитерирующие пары: *“illgjafi og ðfundsjúkur, háðsamur og hávaðamikill”* (ISP III, 2145) – это был человек “злонамеренный и завистливый, насмешливый и чванливый”¹⁰; Халльдор, кроме того, оказался не первым, кого он сделал объектом злословия и поношения, в том числе и стихотворного (на создание поэтической хулы указывает употребленный здесь глагол *flímta* ‘складывать поносные стишки’).

В пользу главного героя свидетельствует также дружеское расположение к нему и поддержка хозяйки дома, которая без колебаний принимает сторону Халльдора и старается защитить его сперва от нападок Кали, а впоследствии и от гнева своего мужа Эйнара. В начале истории говорится, что Бергльот проводит с Халльдором много времени, выслушивая его рассказы (упоминание о долгих беседах с женщиной как в сагах, так и в прядях всегда служат знаком взаимной привязанности героя и героини), затем с возму-

щением отчитывает Кали, а после совершенного Халльдором убийства делает все, чтобы спасти его – предлагает ему укрыться у ее родичей, а когда тот отказывается, является на сходку, где решается судьба Халльдора, с большим отрядом, готовая выступить с оружием против своего мужа, если он не пожелает примириться с исландцем.

Поведение героя другой истории, “Пряди о Храфне сыне Гудрун” (№ 8), также невозможно объяснить недостатком смелости: как мы помним, до вынужденного отъезда из Исландии Храфн успел храбро отомстить за своего отца. Однако, оказавшись в Норвегии, и он поначалу старается избегать решительных действий. Храфн останавливается в доме городского управляющего Кетиля и вскоре становится мишенью для нападок и злословия с его стороны. Подобно антагонисту предшествующего рассказа, Кетиль представлен как персонаж сугубо отрицательный – рассказчик прямо называет его дурным человеком, склонным судить о других по себе (ИС II, 470). Причиной его неприязни к исландцу послужило то, что Кетилу пришлось не по душе дружба Храфна с его женой и дочерью Хельгой, с которой тот “подолгу беседовал” (в конце рассказа после примирения Храфна с конунгом она будет отдана ему в жены). Кетиль не скрывал от постояльца своего не расположения и даже сложил о нем язвительные стишки (*“hann niddi mig í kveðskap”* – “он сочинил обо мне стихотворную хулу”, – скажет впоследствии сам герой, объясняя конунгу, что именно вынудило его совершить убийство); исландец же, видимо, желая избежать открытой конфронтации из-за своей привязанности к хозяйской дочери, делал вид, что ничего не замечает.

Так продолжалось до того момента, пока хозяин дома, задавшись целью избавиться от Храфна, не задумал продать его в рабство заморским купцам. Выдав исландца за своего строптивого раба и заманив его на торговый корабль, якобы “ради забавы”, Кетиль посоветовал купцам схватить его. Храфн поначалу принял все происшедшее с ним за “игру” (*leikr*), однако очень скоро выяснил, в чем причина столь негостеприимного обхождения, и стал защищаться, как мог: схватил одного из нападавших и принялся отбиваться им от других, пока тот не потерял сознания. Затем он покинул корабль, нагнал направлявшегося в город Кетиля и нанес ему смертельный удар. Воротившись в усадьбу, Храфн сообщил женщинам о случившемся и выразил уверенность, что отныне “они не захотят иметь с ним ничего общего”. Они, однако, отвечали, что не считают его виновным, снабдили его едой и одеждой и посоветовали остерегаться гнева конунга, после чего исландец скрылся в лесах (ИС II, 471–472).

Как видим, описанная в этой пряди ситуация и поведение в ней не только главного героя, но и других персонажей немало напоминают инцидент, имевший место с Халльдором сыном Снорри. В обе-

их историях герой пряди, человек далеко не робкого десятка, до поры до времени делает вид, что не замечает, и терпеливо сносит грубые и несправедливые нападки антагониста, человека низкого и злокозненного. При этом герой руководствуется исключительно благородными побуждениями — не желает отплатить “злом за добро” тем, к кому он испытывает привязанность и кого он неизбежно заденет, расправившись с обидчиком. В обоих случаях это — женщины, которые защищают героя от антагониста и не отворачиваются от него, стараясь оказать ему помощь также и после совершения им преступления. Последнее же непременно предстает как вынужденный ответ на тяжкое оскорбление словом или делом. Было бы, однако, ошибкой полагать, что герой, выведенный наконец из терпения повторяющимися нападками, просто-напросто теряет самоконтроль и, находясь в состоянии аффекта, невольно жестоко наказывает своего обидчика: причина содеянного им прежде всего в том, что он слышит (или физически испытывает) нечто, несовместимое с его достоинством. Финальный поступок антагониста не оставлял ему выбора. Не отреагировать на него так, как того требовал воинственный этос древнескандинавского общества — немедленно пустить в ход оружие, — означало бы навлечь на себя неминуемое бесчестье, самая мысль о котором для героя непереносима.

В основном по той же схеме, хотя и с некоторыми изъятиями из нее, происходит зарождение конфликта между исландцем и конунгом (Харальдом Суровым) в “Пряди о Хрейдаре Дураке” (“Hreiðars þáttur heimskar”, № 9). События, в конце концов приводящие к убийству исландцем королевского дружинника, развиваются в этой истории с куда большей стремительностью, нежели в рассмотренных выше рассказах, и конфронтация героя с антагонистом (последний здесь, впрочем, никак не индивидуализирован — он вообще не выделяется из группы “людей конунга”) не имеет обычно предшествующей ее кульминационной фазе латентной стадии, на протяжении которой герой, сдерживая себя из благородных побуждений, делает вид, что не замечает оскорбительного к себе отношения. Точнее сказать, эта стадия не обойдена вовсе, однако она предстает в трансформированном виде и, как и все в этой пряди, приспособлена к необычному образу главного персонажа.

Магнус Добрый предсказывает добродушному простаку Хрейдару (Hreiðar heimski), которому он оказывает покровительство, что, несмотря на его незлобивый нрав, недалек тот день, когда он разгневется. Любопытный до всего нового исландец с нетерпением ждет, когда же это произойдет, и в надежде приблизить вожделенный момент¹¹, послушавшись конунга Магнуса, отправляется вслед за ним на встречу двух соправителей Норвегии. Там, прослышав о его славе дурака и решив позабавиться, дружинники Харальда заманивают Хрейдара в лес, где принимают таскать его за одежду, толкать и

колоть ножами. Он же ведет себя при этом как ни в чем не бывало, принимая их грубое обхождение за веселую игру. Однако, когда “игра” эта заходит слишком далеко, ему надоедает получать от них тумаки и ссадины. Он хочет прекратить веселье и пойти поглядеть на их конунга, но они заявляют, что “не бывать тому, чтобы такой дьявол”, как он, увидел их конунга, и грозятся убить его. Тогда-то и обуюл Хрейдара долгожданный гнев: “схватил он тут человека, который больше других на него напал и над ним издевался, поднял его в воздух и ударил головой оземь, да так, что у того брызнули мозги, и он умер” (ИС II, 489). Остальные, решив, что он наделен нечеловеческой силой, в страхе разбежались.

Столкновение Хрейдара с дружинниками Харальда Сурового в первую очередь заставляет вспомнить описанное ранее приключение Храфна сына Гудрун с торговыми людьми, которым он был продан в рабство. Как Храфна, так и Хрейдара недоброжелатели заманивают, якобы ради их же развлечения, в скрытое от посторонних глаз место — одного на корабль, другого в лес, где, выдавая свои действия за “забаву”, подвергают их грубому насилию. Оба героя с самого начала обнаруживают недюжинную силу, в одиночку отбиваясь от нападающей на них толпы, а под конец, выйдя из себя, хватают одного из нападающих и, манипулируя им, как орудием, наносят ему увечья, от которых он теряет сознание (“Прядь о Храфне”) или погибает (“Прядь о Хрейдаре”). Как Хрейдар, так и Храфн поначалу исполнены благодушия и защищаются играючи, не догадываясь о смысле происходящего, и лишь затем, узнав об истинных целях своих врагов, будучи вне себя от гнева, дают им достойный отпор, повергая их в ужас своей богатырской мощью.

Сходство, однако, этим не исчерпывается. Как и в большинстве историй подобного типа, вина за совершенное героем убийство целиком и полностью возлагается на антагониста. При этом, в отличие от рассказов о Халльдоре и Храфне, в “Пряди о Хрейдаре” герою изначально симпатизирует, пытается уберечь его от грозящей беды (“гнева”, в пылу которого он совершит нечто из ряда вон выходящее), а впоследствии оправдывает его поступок и оказывает ему помощь не женщина, но другой конунг — родич и соправитель того государя, с которым исландец неожиданно для себя вступает в конфликт. Вместо предварительной стадии конфронтации, когда герой проявляет терпение, которое, как становится очевидным при первых же проявлениях враждебности со стороны антагониста, его вскоре вынудят утратить, в рассказе о Хрейдаре мы находим предчувствие Магнуса Доброго, предсказывающего добродушному исландцу, что тот “однажды разгневется”, причем, как он считает, случиться это должно не далее, чем “нынешней зимой”. Таким образом, и здесь проступок героя представлен как совершенно неизбежный, — Хрейдару остается лишь “реализовать” свою судьбу. В свою

очередь, и противоположная сторона изображается в характерном для таких случаев неприглядном виде. С этой целью в пряди явным образом противопоставляются не только сами правители, но и их приближенные. Тогда как дружинники конунга Магнуса, поначалу также всячески подшучивавшие над Хрейдаром, очень скоро проникают к нему уважением за его силу, ловкость и веселый нрав, после чего оставляют его в покое (ИС II, 486), люди Харальда, воспользовавшись недомыслием этого странного исландца, ведут себя с ним жестоко и недостойно. Как водится, их поведение получает соответствующую оценку в глазах общества. Выражает эту оценку "справедливый государь": конунг Магнус отказывается платить виру за убитого Хрейдаром дружинника, считая, что люди Харальда "сами во всем виноваты и потому лишили себя права на возмещение" (ИС II, 489).

Отчасти тот же набор "атрибутов" спонтанного убийства приближенного правителя может быть обнаружен и еще в одной истории, принадлежащей к рассматриваемой группе, — в "Пряди о Торгриме сыне Халля" ("Þorgríms þáttir Hallssonar", № 15). Герой ее, богатый исландец, бывший дружинник Олава Святого, приезжает в Норвегию, когда страной правит сын последнего, Магнус Добрый. Конунг, однако, оказывается в отъезде, и исландцев приглашает к себе его наместник, Кальв сын Арни. Братья Бьярни и Торд, бывшие с Торгримом в плавании, еще во время путешествия в Исландию насмеяются над героем (зимой тот едва не погиб, попав в снежную бурю, и его вывели, отпавшая молюком), но он притворяется, что не замечает их недружелюбного обхождения. То же продолжается и по их прибытии в Норвегию: братья из кожи вон лезут, стараясь подольститься к Кальву и настроить его против Торгрима. И это им без труда удастся, поскольку, в отличие от Кальва, выступавшего в битве при Стикластадире против короля Олава, Торгрим и после гибели конунга продолжает хранить ему верность. Провоцируемый братьями конфликт наконец принимает открытую форму. Торгрим, в присутствии которого Бьярни исполнил сложенную им в честь Кальва хвалебную песнь¹², возмущен тем, как в ней были представлены обстоятельства рокового для конунга Олава сражения, и в ответ услышал оскорбление из уст горе-скальда: в Исландии он будто бы "прикидывался больным, чтобы питаться молоком во время поста" (ISF III, 2263). Это заявление стоило Бьярни жизни — не снеся обидных измышлений в свой адрес и клеветы на своего государя, Торгрим хватается за оружие и убивает обидчика.

Налицо, таким образом, традиционное для подобных историй однозначно отрицательное изображение антагонистов, которые своими повторяющимися и раз от разу принимающими все более откровенный характер оскорбительными действиями в конце концов вынуждают героя, поначалу предпочитающего делать вид, что он не

замечает их враждебности, совершить противоправный поступок и в результате вступить в явный конфликт с правителем.

При всем том, несомненное отклонение от уже знакомой нам модели — отсутствие в "Пряди о Торгриме" обычного в таких случаях заступника, проявляющего себя на всех стадиях конфронтации героя с антагонистом. Здесь он вводится в действие слишком поздно и уже не с тем, чтобы сыграть роль собственно помощника главного персонажа рассказа, — ему предстоит занять место сошедшего со сцены Торгрима, выступив в качестве его заместителя. Что же касается судьбы самого героя, то она, скорее, необычна для центральных персонажей "прядей о поездках из страны". Против обыкновения, на сей раз главному герою уготована гибель. Вопреки требованию Торгрима, чтобы вердикт по его делу был вынесен конунгом, Кальв самолично вершит суд в отсутствие Магнуса Доброго и объявляет героя вне закона, после чего брат убитого, Торд, не дожидаясь окончания тинга, наносит ему смертельную рану. Тогда, в свой черед, берется за оружие один из спутников Торгрима, Кольгрим, также спонтанно осуществляющий месть вместо присутствующего тут же юного сына Торгрима, и сражает Торда. Однако после осложняющего течение повествования "удвоения" конфликта и замены главного героя (I: Торгрим убивает Бьярни, вступая в конфронтацию с правителем — наместником конунга, конфликт с которым разрешается в результате осуждения и убийства Торгрима; II: Кольгрим убивает Торда и вступает в конфликт с правителем — наместником конунга, а затем, по крайней мере формально, с самим конунгом) рассказ вновь возвращается в традиционное русло. Герой (Кольгрим) посажен в оковы, подвергнут суду и оправдан вовремя подоспевшим государем, кроме того, восстановлена справедливость и в отношении Торгрима: за его убийство заплачена достойная вира из имущества злокозненных братьев.

Из девяти историй, в основе главной коллизии которых лежит убийство героем приближенного правителя, лишь в двух — в "Пряди о Стейне сыне Скафти" (№ 13) и в "Пряди о Тормоде" (№ 28) инициация конфликта происходит особенным образом и не следует выявленным здесь устойчивым моделям, хотя и в этих рассказах нетрудно обнаружить отдельные мотивы, встречающиеся в других прядях.

Как уже говорилось, в первой из этих прядей непосредственным поводом для возникновения вражды между героем и конунгом были самовластные действия государя: Стейну, а вместе с ним и нескольким другим сыновьям родовитых исландцев было отказано в праве беспрепятственно покинуть Норвегию. Ответные поступки героя — поношение конунга Олава в речах и в стихах, бегство из города и, наконец, убийство королевского управителя за то, что тот, не желая послушаться конунга, не поспешил выполнить просьбу Стейна и снабдить его всем необходимым для передвижения по стране, — слу-

жат поэтому лишь дальнейшему усугублению конфликта. Стейн самого начала не готов мириться с совершенной в отношении него несправедливостью и вовсе не считает нужным сдерживать или прятать свое недовольство. Учиненная им расправа над Торгейром — не причина, а следствие конфронтации с Олавом, и вызвана она не столько оскорбительным поведением самого управителя, сколько стремлением исландца отплатить государю за то, что тот посягнул на его свободу. А потому и неудивительно, что мы не находим в этой пряди ни привычной модели осуществления заранее подготовленного мести, ни мотивов, традиционно “обрамляющих” изображение спонтанного убийства приближенного конунга (хотя последнее и имеет здесь место), а именно: однозначно отрицательного контрагента — “зловредного” антагониста, в течение более или менее длительного времени домогающего героя враждебными выпадами в его адрес и в конце концов наносящего ему столь тяжелое оскорбление, что тот вынужден, не раздумывая, перейти к самым решительным действиям. Нет здесь, разумеется, места и для демонстрируемой протагонистами других рассказов выдержки или желания избежать открытого конфликта из благородных побуждений, т.е. характерного для историй этого типа “промедления”. Единственное, что остается в “Пряди о Стейне” из обычных атрибутов темы спонтанного убийства, — это знатная помощница. Рагнхильд, дочь Эрлинга сына Скьяльга, за оказанную ей ранее услугу пообещавшая Стейну “быть его верным другом”, готова порвать со своим мужем, Торбергом сыном Арни (братом того самого Кальва сына Арни, с которым вступил в конфликт уже знакомый нам герой другой пряди, Торgrim сын Халля, и которому на этот раз суждено было сыграть прямо противоположную роль и выступить на стороне исландца), если тот не защитит Стейна от гнева конунга (ср. столь же смелое и независимое поведение другой знатной женщины — Бергльот в рассказе о Халльдоре сыне Снорри). Не исключено также, что принадлежностью к группе прядей, рассказывающих об убийстве приближенного правителя, обусловлено присутствие в этой истории и еще одного распространенного мотива. Подобно героям-мстителям, Стейн, отправляясь в путь после совершения убийства, выдает себя за другого, в данном случае — за человека конунга, что обеспечивает ему хороший прием, где бы он ни появлялся (КЗ, 293).

Что же касается “Пряди о Тормоде”, то в ней проступок исландца, инициирующий его конфликт все с тем же правителем — Олавом Святым, вообще мотивируется не внешними обстоятельствами, но исключительно характерологическими особенностями ее центрального персонажа. Соответственно, и провоцируют лежащее в его основе убийство приближенного государя не сами по себе враждебные действия антагониста — на этот раз одного из воинов Олава, вступающего в бой с Тормодом, когда тот не желает освободить заводь для

корабля конунга, — а гордый и “неспокойный нрав” прославленного скальда¹³. Хотя рассказ о Тормоде (по крайней мере, в части, описывающей обстоятельства его знакомства с будущим патроном) unequivocally следует традиционной для “прядей о поездках из страны” модели — *Отчуждение/Примирение*, а на стадии разрешения конфликта и вовсе представляет собой сумму устойчивых и многократно воспроизводимых “клише”, в данном случае складывающаяся из них весьма незамысловатая фабула — не более чем форма, в которую облечено представление главного героя. В фокусе пряди — явно не преодоление исландцем преград и опасностей на пути к возвышению и успеху при норвежском дворе и даже не события, ознаменовавшие его первую встречу с королем Олавом, а то, каким человеком был Тормод. Перед нами типичный рассказ о скальде, т.е. повествование, где внимание рассказчика неизменно оказывается прикованным не к ситуации, в которую попадает герой, но к личности поэта, раскрывающейся в его поведении.

Последнее же вызывающе безрассудно. Тормод не просто провоцирует столкновение с людьми Олава, когда не спешит подчиниться их приказу и уступить место для королевского корабля. После убийства дружинника у него еще и хватает дерзости перейти на корабль Олава и бесстрашно направиться прямо к тому месту, где, по его расчетам, должен был находиться конунг (именно так следует понимать сообщение пряди о том, что прыгнув на корабль, он “бежит к помосту на корме”). Этот отважный поступок сопоставим только с поведением Халльдора сына Снорри, также не пожелавшего скрыться после убийства своего обидчика и смело сдавшегося на милость Эйнара: как мы помним, другие герои “прядей о поездках из страны” в аналогичных ситуациях по возможности старались избежать расплаты за содеянное. Разумеется, Тормод предстает перед конунгом уже будучи пленником: он схвачен и должен быть предан смерти за совершенную им тяжкую провинность, на которую его толкнуло лишь стремление во что бы то ни стало встретиться с Олавом. Как он сам объясняет свой поступок, он был “готов рискнуть жизнью ради того, чтобы попасть под власть конунга”¹⁴. На этот раз у героя нет ни оправдывающих, ни смягчающих его вину обстоятельств, и основанием для последующего примирения оказывается то же, что послужило причиной совершенного им преступления, — его удал и дерзость в речах и поступках. Храбрость и, конечно же, поэтический дар исландца в конце концов помогают ему завоевать расположение государя и стать его дружинником и скальдом.

¹³ Harris J. Genre and Narrative Structure. P. 7; *Протт В.Я.* Морфология сказки. С. 26, 33–38, 51–52.

¹⁴ Так дело обстояло, согласно рассказам, изложенным в “*Flateyjarbók*” и в “*Tómasskinna*”. В двух других редакциях пряди проступок Отгара усугубляет-

ся тем, что он, судя по всему, был совершен им уже *после* замужества Астрид, соответственно, более обоснованной предстает и реакция на него Олава. Как сказано в "Вагабók", "Оттар сложил драпу мансёнга об Астрид, королеву Олава конунга. И когда Оттар произнес песнь, она сильно не понравилась конунгу..." (ISP III, 2204). В "Bergsbók" налицо попытка совместить разные версии: "Он сложил драпу или песнь об Астрид, которая тогда была королевой Олава конунга сына Харальда (...) конунгу сильно не понравилась эта песнь и он повелел посадить Оттара в темницу, когда тот возвратился в Норвегию..." (ISP III, 2205).

³ См.: Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. С. 500 сл.

⁴ Эта прядь возникла из соединения двух первоначально не связанных между собой рассказов. См. подробнее: Harris J. Ögmundur páttur dyttis ok Gunnars helms: Unity and Literary Relations // Arkiv för nordisk filologi. 1975. Bd. 90. S. 156–182.

⁵ Olafs saga hins helga. Die "Legendarische Saga" über Olaf den Heiligen (H. Delagard. saml. nr. 8^{II}) / Hrsg. A. Heinrichs et al. Heidelberg, 1982. S. 110. Далее Leg.

⁶ См., например: Jakobsen A. Njals saga og Selsbane-tätten // Arkiv för nordisk filologi. 1984. Bd. 99. S. 126–130.

⁷ Jakobsen A. Ibid. S. 127 f.

⁸ Ниже мы еще вернемся к некоторым важным изменениям, произведенным "Пряди об Асбьёрне" при ее включении в "Круг Земной". Подробно о различиях между версиями этой пряди в "Легендарной саге" и в "Heimskringla" см.: Jakobsen A. Omkring Selsbane-tätten // Festschrift til Ludvig Holm-Olsen på hans 70-årsdag / Utg. B. Fidjestøl et al. Øvre Ervik, 1984. S. 175–184.

⁹ Намек на историю, которая рассказывается в "Саге о Харальде Суровом" "Тнилой Коже": конунг Харальд, Халльдор и Ульв Стольник были посажены безоружными в глубокое подземелье, где им предстояло принять смерть от огромной ядовитой змеи. Чтобы одолеть ее, было решено, что Халльдор упадет на ее голову, Ульв – на ее хвост, а Харальд – на ее туловище. В результате Харальду удалось убить змею с помощью святого Олава (Mork., 12–13).

¹⁰ Как уже приходилось отмечать, подобные приметы так называемого ученого стиля не редкость в "Книге с Плоского Острова", где записана эта прядь. Об "ученом стиле" в древнескандинавской прозе см. в частности: Nygaard M. Den lærde stil i den norrøne prosa // Sproglig-historiske studier tilegnede Professor C.R. Unger. Kristiania, 1896; Astås R. Lærd stil, høvisk stil og florissant stil i norrøne prosa // Maal og minne. 1987. H. 1–2/3–4. S. 24–38.

¹¹ О попытке интерпретировать желание героя этой пряди разгневаться как трансформации фольклорного сказочного мотива познания страха (AT 326) см. в следующей главе. См.: Lindow J. "Hreiðars páttur heimiska" and AT 326. An Old Icelandic Novella and an International Folktale // Arv. 1978. Vol. 34. P. 152–179.

¹² Противник героя пряди, Бьярни – исландский поэт Бьярни Скальд Золотых Ресниц. Несколько строк из его песни в честь Кальва цитируются в "Круге Земном" и в "Отдельной саге об Олаве Святом".

¹³ Ср. характеристику, которую Тормод дает сам себе в ответ на приглашение Кнута Могучего стать его придворным поэтом: "...люди мы беспокойные (vérgum illa stilltir), и вполне возможно, не сумеем сдержаться. А мне не по душе попадать из-за своего права в немилость, ибо порой я не в силах поступать поперек своей воли..." (Пер. А.В. Циммерлинга. См.: Исландские саги. М., 2000. С. 202).

¹⁴ Там же. С. 206.

А (2). Разрешение конфликта, вызванного убийством приближенного конунга

Как и на стадии инициации конфликта, в непосредственно следующей затем фазе действия, его разрешении, также могут быть выявлены заметные схождения между разными историями, причем и здесь общие мотивы сплошь и рядом объединяются, отливаясь в форму устойчивых воспроизводимых моделей, которые и станут предметом рассмотрения в данном разделе.

Для начала, однако, необходимо определить содержание и примерные границы этой новой фазы действия – очередного конструктивного "блока" повествования, которому, несомненно, принадлежит центральное место в композиции большинства "прядей о поездках из страны". Как явствует из произведений этого типа, разрешение конфликта отнюдь не сводится к формальному примирению правителя с героем-исландцем. Собственно примирение – это всего лишь завершение насыщенного событиями и подчас весьма длительного процесса, начинающегося непосредственно вслед за возникновением "отчуждения", вызванного либо проступком героя, либо иными причинами, способными возбудить вражду между героем и его могущественным противником (они будут рассмотрены в следующих разделах настоящей главы). Этот процесс, в целом и представляющий собой разрешение конфликта, охватывает, таким образом, все действие пряди, которое разворачивается с того момента, когда "отчуждение" уже налицо, а усилия героя направлены на его преодоление и завоевание расположения правителя.

В обсуждаемых здесь историях вступление в эту новую фазу повествования обозначено довольно четко: его образует та "исходная ситуация", в которой герой оказывается сразу после совершения им преступления. Причем возможные варианты этой "исходной ситуации" весьма ограничены: (а) герой схвачен, заключен в оковы и ожидает казни; (б) герой скрывается; (с) герой добровольно сдается на милость могущественного лица, которому он нанес урон своим проступком. От того, какая именно из этих трех возможностей будет реализована при переходе повествования к разрешению конфликта, могут в известной мере зависеть дальнейшие перспективы построения сюжета, поскольку присутствие одного из "исходных" мотивов (а или б) автоматически исключает использование тех или иных сюжетных элементов на позднейших этапах движения рассказа.

Разрешение конфликта, естественно, подразумевает изображение усилий героя (и/или его помощников), направленных на достижение его примирения с правителем. Но и на этой стадии развертывания действия главные персонажи прядей подчас совершают проступки, не только не приближающие благоприятный исход дела, но, напротив, приводящие к усугублению конфликта (У). Скрываю-

щийся в лесах после убийства королевского управляющего Храфн сын Гудрун (№ 8), выйдя однажды из лесной чащи, осмеливается приблизиться к охотившемуся неподалеку Магнусу Доброму и, назвавшись оставившим свой промысел разбойником, попросить его защиты. Получив желаемое и дав уклончивый ответ на вопрос конунга, не известно ли ему, где прячется объявленный вне закона Храфн, незнакомец вновь исчезает в чаще, а конунг, догадавшись, кто на самом деле был его собеседником, и затем не застав Храфна у бонда, к которому тот был отправлен на зимовку, гневается пуще прежнего и заявляет, что считает для себя "большим оскорблением, чем совершенное им убийство, то, что он его одурачил", после чего назначает награду за голову преступника и запрещает кому бы то ни было вступаться за него (ИС II, 472–473). Так дерзость исландца, в чьи намерения, однако, вовсе не входило нанести новое оскорбление своему могущественному преследователю (в заключительной сцене суда Храфн объясняет свой поступок тем, что "ожидал удачи" от встречи с государем), становится причиной дальнейшего углубления его конфликта с правителем Норвегии, урегулировать который оказывается под силу лишь святому заступнику. Кроме того, следует напомнить, что иногда и самое преступление героя – совершенное им убийство королевского приближенного – представляется как основание для усугубления конфликта, а не как "первичная" причина, порождающая "отчуждение". Стейн сын Скафти (№ 13) расправляется с управителем Олава Святого, ставя себя тем самым вне закона и вступая в откровенную вражду с конунгом, прежде всего в отместку за то, что последний плохо с ним обошелся, запретив ему и другим сыновьям родовитых исландских бондов свободно покинуть Норвегию. Вызываемые таким образом дополнительные осложнения в отношениях между центральными персонажами пряди обычно имеют определенные сюжетные последствия, затрудняя, и, как будет показано ниже, порой и вовсе исключая возможность их примирения.

Важная особенность разрешения конфликта в большинстве историй, где "отчуждение" инициировано (или усугублено) убийством "человека конунга", – то, что на этой стадии на авансцену выходят помощники героя. Сам же он зачастую отныне вообще не проявляет более никакой активности, уступая им свою роль ведущего субъекта действия. Судьба героя в таком случае целиком зависит от того, насколько решительно будут вести себя вставшие на его защиту ходатаи, взявшиеся примирить его с государем. Как правило, это – знатные и влиятельные люди, так называемые лендрманны, к мнению которых конунг был вынужден прислушиваться хотя бы потому, что как предводители населения тех областей, где были расположены их родовые владения, они служили опорой его власти, и сохранение их "дружбы" и лояльности являлось залогом поддержания

спокойствия и мира в стране. В одних случаях герой мог заручиться *помощью влиятельных людей* (d), не предпринимая для этого никаких усилий, – она была обеспечена ему существующими связями (например, родством, как Асбьёрну Тюленебойце, № 25) или обнаруженными им личными достоинствами (например, необычайной отвагой, как скальду Тормоду, № 28). В других – заступничества могущественных помощников приходилось добиваться, преодолевая их сопротивление и подчас получая поддержку вопреки желанию тех, кто ее тем не менее оказывал: *первоначальный отказ в помощи* (D-1) и *помощник поневоле* (D-2) – два взаимосвязанных мотива, которые можно встретить не только в рассказах рассматриваемой группы, но и в других "прядях об исландцах". Если же конунг, несмотря на уговоры заступников, оставался неумолим и не соглашался разрешить дело миром, приняв достойное возмещение за убитого, помощники, дабы отложить казнь героя, могли *пойти на хитрость* (e), а затем – окончательно утратив надежду добиться примирения исключительно силой убеждения – решиться на то, чтобы, собрав своих многочисленных сторонников, *самовольно освободить пленника* (f) или даже пытаться *навязать конунгу свою волю, угрожая военной силой* (g). В результате, как будет показано ниже, в ряде прядей *примирение достигается вследствие давления на конунга* (G).

Помимо влиятельных доброжелателей из числа королевских приближенных, роль помощников главного героя иногда отводится еще более "высокопоставленным" особам. Так, в прядях, где герой-исландец вступает во взаимодействие с двумя могущественными людьми, из которых один – его противник, а другой – покровитель, *помощь исходит от самого конунга* (D-3). Кроме того, на выручку герою иногда приходит *святой заступник* (D-4). Либо это также конунг, ныне – приближенный Правителя небесного, а в своей земной жизни – правитель Норвегии (Олав Харальдссон или Олав Трюгтвассон: № 8, 6), либо – человек, чья признанная впоследствии святость проявляется в его земных деяниях (№ 4).

Поскольку в большинстве своем коллизии в "прядях о поездках из страны" заканчиваются для их героев благополучно, финалом разрешения конфликта, как правило, становится примирение враждующих сторон. И здесь мы вновь находим неоднократно воспроизводимую стандартную ситуацию – *королевский суд над героем*, в ходе которого и решается его судьба. Это может быть *судебное разбирательство на тинге* (j), происходящее при большом стечении народа, где, помимо обвиняемого, заслушиваются и его защитники (№ 4, 8, 15), или *учиненный государем без созыва судебного собрания допрос героя* (J), также завершающийся вынесением вердикта по его делу (№ 28). Традиционные мотивы, обыкновенно сопутствующие сцене суда, это, в первую очередь, прилюдно исполняемый ге-

роем стихотворный “выкуп головы” (i) – скальдическая хвалебная песнь, сочиненная исландцем в честь государя, которую он преподносит своему могущественному преследователю, дабы заслужить его прощение (№ 4, 8, 15). Мотив этот, очевидно, восходящий к реальной скальдической практике¹, кроме того – главная тема упоминавшейся ранее “Пряди об Оттаре Черном” (№ 30). Несмотря на его довольно широкое распространение как в прядях, так и в сагах, известность он получил прежде всего благодаря прославленному эпизоду, связанному с именем величайшего исландского скальда Х в. Эгиля Скаллаграмссона, по преданию, за одну ночь сложившего панегирик в честь своего врага, конунга Эйрика Кровавая Секира (“Сага об Эгиле”, гл. 59–61). В наших историях, где поэтическое приношение никогда не выступает в качестве единственной причины, побуждающей конунга сменить гнев на милость и *проникнуться симпатией к герою* (h), этот мотив, как мы увидим, порой может претерпевать известные трансформации.

Другой мотив, нередко использующийся в сцене примирения центральных персонажей пряди (причем независимо от того, достигается оно вследствие судебного разбирательства или в результате увенчавшихся успехом усилий помощников), – это выдвигаемое конунгом условие прощения героя: отныне он должен заменить собой убитого и *выполнять ту же службу, которую прежде выполнял тот* (k). Тогда как в одних прядях это условие представляется не только как знак формального прощения и окончательного прекращения преследования героя, но одновременно – и даже в большей степени – как проявление государева к нему расположения, а обретение им положения в королевской дружине знаменует собой его возвышение (№ 4, 28), в других – это, скорее, навязанная ему повинность, знак того, что он обязуется покориться власти конунга. Именно такой смысл носит требование, предъявленное Олавом Святым Асбьёрну “подчиниться закону, по которому тот, кто убьет слугу конунга, сам должен занять его место”, и его приказ заступить на должность Торира Тюленя, сделавшись управителем конунговой усадьбы в Эгвальдснесе (КЗ, 270). Нарушение условия примирения, вызванное нежеланием Асбьёрна служить государю, становится причиной скорой гибели героя, в конечном счете (в особенности в изображении автора “Круга Земного”, который в поисках истоков вражды между Олавом и обратившейся против него частью норвежской знати, вопреки своему обыкновению опускать пряди, счел необходимым подробно изложить эту историю) повлекшей за собой также и кончину самого короля, павшего от руки мстителя Асбьёрна, Торира Собаки (КЗ, 358, 363–364).

При том, что принадлежность “Пряди об Асбьёрне Тюленебойце” к изучаемому жанру нуждается в обосновании, вследствие нетра-

диционности фигуры ее главного героя (в виде исключения – не заезжего выходца из Исландии, но отпрыска крупных норвежских землевладельцев, связанного родством со знатнейшими людьми страны), именно с нее и представляется уместным приступить к рассмотрению типичных моделей, использовавшихся на стадии разрешения конфликта. В основу нижеследующего анализа будут положены уже выделенные здесь ключевые мотивы, характерные именно для этой фазы в композиции прядей, где “отчуждение” между центральными персонажами было вызвано (или усугублено) убийством королевского приближенного.

Итак, мы оставили Асбьёрна в тот момент, когда после учиненной им кровавой расправы над королевским управителем Ториром Тюленем он был взят под стражу и заключен в оковы по приказу разгневанного конунга, на глазах у которого и совершилось это убийство (a). Немедленно в действие вступает влиятельный заступник (d): Скьяльг сын Эрлинга предлагает конунгу выкуп за своего родича Асбьёрна, однако, вопреки его ожиданиям (“...хотя вы, конунг, считаете этот поступок тяжким преступлением, я все же надеюсь, что за свою службу могу многое у вас попросить, и многие скажут, что Вы не должны мне отказать”, КЗ, 267), Олав непреклонен. Поручив своему другу Торарину сыну Невьольва (исландцу-дружиннику, герою одноименной пряди, см. ниже) “сделать все”, чтобы Асбьёрна “не убили до воскресенья”, Скьяльг отправляется за подмогой к своему отцу Эрлингу.

Тем временем оставшийся на месте второй помощник, Торарин, выполняет данное Эрлингу обещание и прикладывает все усилия для того, чтобы оттянуть казнь. Трижды конунг распоряжается повесить Асбьёрна, но Торарин всякий раз убеждает его повременить и отложить исполнение приговора. В первый раз основанием для переноса казни послужил поздний час: преступление было совершено вечером, на пиру, а казнить убийцу после захода солнца – противозаконно (“...разве не черное дело убивать ночью?”). Однако и на следующий день Олаву не удастся осуществить свое намерение. Торарин напоминает ему, что грешно убивать в праздник (шла Страстная пятница) и следует дожидаться буднего дня. В субботу же конунг так долго решал тяжбы, что едва не опоздал к обеду (hámessu), а после службы отправился обедать и провел немало времени за столом. Торарин, у которого более не оставалось аргументов против совершения правосудия, на сей раз прибег к хитрости (e): он пошел в церковь и подкупил священника, чтобы тот начал праздничный звон, как только закончится трапеза. Не успел конунг отдать приказание рабам вывести преступника и казнить его, как колокол возвестил о начале праздника. Торарин сразу же вмешался, настаивая на том, что “надо оставить жизнь этому человеку на время праздника, хотя он и совершил преступление” (КЗ, 268). Так наступило воскресенье.

В изображении более ранней версии рассказа об Асбьёрне в "Легендарной саге об Олаве Святом" предпринимаемые Торарином действия не во всем совпадают с описанием его поведения в "Круге Земном". Главное же: здесь нет намека на уловку, с помощью которой заступнику героя удается приблизить начало праздника и отвратить от своего подопечного грозившую ему расправу. Впрочем, как явствует из происходящего, у Торарина вообще не могло быть повода пустить в ход свое хитроумие, поскольку представленные в этой версии события имели место в другие дни Страстной недели. Что же побудило составителя "Круга Земного" отступить от этой, вне всякого сомнения, хорошо известной ему редакции "Пряди об Асбьёрне"?

Есть все основания полагать, что Снорри не был полностью удовлетворен аргументацией "Легендарной саги", а потому счел необходимым кое в чем усилить ее или даже вовсе изменить. Между тем начинает он с того, что в точности следует своему источнику: предлог для отсрочки казни в день совершения преступления в "Легендарной саге" тот же, что затем будет использован и в "Круге Земном". — Асбьёрн не может быть убит из-за наступления ночи, причем исландец здесь открыто ссылается на закон, который конунг не вправе нарушить (*þeg munuð æigi lögen briota*). Однако уже очередное основание для переноса наказания вполне могло показаться автору "Круга Земного" недостаточным, убедительным, что, по всей видимости, и должно было повлечь за собой целую серию изменений. По свидетельству "Легендарной саги", на следующий день, вернувшись с заутрени (*ottosongr*), конунг ропсал тяжбы и осведомился о пленнике "после окончания мессы и завтрака" (*Eg loket messo oc dagurði*), т. е. задолго до полудня, но Торарин вновь сослался на то, что "теперь уже поздно убивать" (*sið er þu*), и Олав, несмотря на то, что был будний день, почему-то не стал ему возражать. На другой же день приходилась Страстная пятница, и казнить Асбьёрна, по словам Торарина, означало "совершить нечто, похожее на то, что иудеи содеяли с нашим господом" (*gera nokkot i lic þui, sem Gyðingar gerðu við drotten vart*). Вняв его увещаниям, конунг приказал сохранить Асбьёрну жизнь до исхода воскресенья (*Leg., 110–112*).

Не посягая на традиционный и столь характерный для прядей композиционный стержень эпизода — троекратность предпринимаемых в нем попыток совершения некоего действия, всякий раз наталкивающихся на встречное противодействие, — автор "Круга Земного", как видим, последовательно отодвигает все события на более поздний срок. Согласно "Легендарной саге", учиненное Асбьёрном убийство произошло на день раньше, отсюда и отмеченная выше неясность в обосновании причины, по которой он не мог быть подвергнут казни в светлое время суток второго, буднего дня². Снорри легко устраняет эту "неувязку", перенося преступление героя на день, непосредственно предшествующий Страстной пятнице, и получая тем самым возможность использовать предлог, который был прибережен рассказчиком "Легендарной саги" напоследок. В результате появляется достаточное основание для того, чтобы казнь была отложена и во второй раз: в Страстную пятницу надлежит уподобляться тому, кто "умел терпеть обиды", а не тому, "кто приговаривает человека к смерти или убивает". Однако впереди оставался еще третий день, в который Торарину предстояло вновь в одиночку защищать Асбьёрна, а простая перестановка событий второго и третьего дня и применение аргументов, "унаследованных" от автора "Легендарной саги" уже не позволяли объяснить, почему конунг и на этот раз должен был легко поддаться уговорам и вновь пойти на то, чтобы перенести казнь.

Тут-то и выявляется вся мера продуманности изменений, которые внес Снорри. Поначалу он опять всего лишь корректирует своего предшественника: как в ранней версии пряди, конунг решает тяжбы местных жителей между двумя цер-

ковными службами, однако подчеркивается, что жалобщиков в тот день собралось очень много, а обе службы и следующая затем трапеза происходили позднее. Тогда как в "Легендарной саге" упоминаются *óttusöngur ok messa* 'заутреня и месса' (бша — обозначение предрасветных часов, так что речь может идти только о первом из *hógar sanopisae* — *matunum*, самой ранней службе, происходившей еще до наступления дня, *santus antelucanus*: не случайно трапеза, сменявшая очередную церковную службу, *messa*, на которой присутствовал конунг, названа здесь *dagverðr* — 'завтрак', время которого — *dagmál*, соответствует *hora tertia*, девяти часам утра), в "Круге Земном" говорится о *morgintíðir* и *hámessu* — 'утренней' службе (иначе: *míðs morgons tíð*, или *príma tíð*, лат. *prima* — 'служба первого часа') и 'высокой мессе' (т. е. полуденной службе, лат. *sexta*). Конунг, таким образом, согласно Снорри, пошел к столу после обедни и сидел и пил до того момента, когда колокол (как мы знаем, ранние времена) возвестил пона — три часа пополудни. Поскольку же была суббота, по норвежским законам (церковное право регулировалось в то время местными уложениями, ср. следующую запись в одном из них: "*köllum vér þann dag sunnudag, en þváttdag fyrir skal heilag at nóni*" — "...мы называем этот день воскресеньем, а суббота перед ним должна быть праздником с поны...")³ наступил праздник (*nónhelgi*), и казни вновь не суждено было состояться. Отложив расправу героя над Ториром Тюленем на один день, и переместив на более поздний час занятия конунга в последний из трех дней, в которые Торарину пришлось самостоятельно держать оборону, Снорри, таким образом, удалось выстроить почти непрерывную временную последовательность, гарантировавшую неприкосновенность героя пряди. Оставалось заполнить ту небольшую "брешь" во времени, когда конунг, поднявшись из-за стола до наступления праздника, еще мог бы потребовать казни Асбьёрна. Мотив преждевременного колокольного звона пришелся для этого как нельзя более кстати.

Невозможно установить, была ли описанная в "Пряди об Асбьёрне" уловка помощника, в конечном счете позволившая герою избежать казни, удачной находкой самого автора "Круга Земного" или он опирался на какую-то неизвестную нам версию этой истории. Можно лишь констатировать, что о хитростях, аналогичных той, на которую пошел Торарин ради спасения пленника, упоминается по меньшей мере еще в двух прядях. Во "Второй Пряди о Халльдоре сыне Снорри" (№ 7) рассказывается о том, как слуги Харальда Сурового подшутили над дружинниками. Однажды утром на Рождество они "подстроили так, что колокольный звон был не вовремя: свечники подкупили звонаря, и он зазвонил намного раньше, чем обычно" ("*gáfu kertisveinar klokkurum fé til að hringja miklu fyrr en vant var*". *ÍSP III, 2151*). По тогдашнему обычаю, опоздавшие к столу были принуждены "сесть на солому, которой был застлан пол, и пить из штрафного рога". Халльдор же, заявив, что звон был подстроен, отказывался признать себя виноватым и подвергнуться этой унижительной процедуре, в результате чего и поссорился с конунгом (*HC II, 519–520*).

Однако куда больше общего с рассказом об Асбьёрне имеет использование того же мотива в "Пряди о Гисле сыне Иллути" (№ 4). В этой истории к преждевременному колокольному звону прибегают в сходной ситуации и ради достижения тех же целей: здесь он так-

же представлен как уловка заступников героя, на которую они идут в надежде предотвратить ожидающую его казнь. Причем совпадение касается и целого ряда существенных деталей. Подобно "Пряди об Асбьёрне", события, описываемые в этой истории, организуются в последовательность не с помощью привычного набора неопределенных и относительных временных ориентиров ("однажды", "спустя некоторое время", "вечером того же дня"), но приурочены к вполне конкретным дням недели. Гисл совершает убийство королевского дружинника в субботу утром, после чего пытается скрыться, однако его вскоре находят, заключают в оковы и сажают в подземелье (а). В следующей же сцене появляется разгневанный конунг Магнус Голоногий и заступники героя (d) – городской епископ и его друг, исландский священник Йон сын Эгмунда, впоследствии также получивший епископский сан, а затем объявленный святым (см. Введение). Известие о происшествии застало их, когда они были вместе (то ли в епископской резиденции, то ли в государевых палатах), и не успел конунг потребовать немедленной казни убийцы, как колокол возвестил "нону" – начало праздника. Сопровождающий это сообщение обмен репликами не оставляет ни малейших сомнений в том, что и на этот раз колокольный звон был подстроен ради спасения героя:

– Конунг сказал:

– Как, уже третий час (Ег nú þón)? Взгляните-ка на солнце!

Так и сделали, и оказалось, что было только начало третьего часа (öndverþónið). Епископ сказал:

– Государь, хоть этот человек и содейл немалое, по случаю праздника ему бы следовало даровать пощаду (...eiga verður maðurinn helgarfríð á sér þótt hann hafi stórt til gert)⁴.

Конунг сказал:

– Это ваша уловка (prettur), однако вы рассудили против моей воли.

– Во все нет, государь, – говорит епископ, – вам решать, как с ним поступить" (пер. Е. А. Гуревич, *ИС II*, 529; *ISB III*, 2118).

Несмотря на свое недовольство, конунг больше не настаивал на казни исландца, и решение его участи было отложено до понедельника.

Сходство между двумя историями не исчерпывается, однако описанием уловки, к которой ради спасения обоих героев прибегают их заступники. И на следующем этапе в действиях последних просматривается целый ряд аналогий. В "Пряди об Асбьёрне" Эрлинг и его сын Сьяльг, создав внушительное войско в пятнадцать сотен человек, являются в воскресенье в Эгвальдснес и, сбив кандалы с пленника (var brotinn fjöturt af honum), самовольно освобождают его (f). Затем, предварительно продемонстрировав конунгу численное превосходство своих сторонников, Эрлинг вступает с ним в переговоры, принуждая Олава даровать жизнь его племяннику в обмен на

выкуп (g). И хотя помощником декларируется, что конунг "сам должен принять решение", на деле Олаву не оставлено выбора, поскольку Эрлинг прямо требует от него такого приговора, после которого они могли бы "расстаться с миром"⁵. На том же настаивает и епископ, умоляющий государя "ради нашего бога не противиться" и пойти на мировую с Эрлингом. В результате достигнутого таким образом вынужденного примирения (G) Асбьёрн был помилован, но при условии, что отныне он будет нести службу за убитого им королевского управителя (k).

В "Пряди о Гисле" события, следующие за несостоявшейся экзекуцией героя, до определенного момента воспроизводят ту же схему. В понедельник собираются и держат совет находившиеся тогда в городе исландцы – а было их "не меньше трех сотен человек", – и все они выражают готовность умереть или добиться того, чтобы Гислу была дарована пощада (g). Затем, избрав вожака, исландцы переходят к решительным действиям: заслушав, что трубят на сходку, где должен был состояться суд над их земляком, они, опередив людей конунга, являются к дому, где сидел Гисл, рубят дверь, сбивают оковы с узника (hjó af honum fjöturinn) и силой вывозят его из заточения (f), после чего отправляются вместе с ним на тинг. Если в предыдущей пряди дерзкие действия помощников получают интерпретацию из уст самого правителя ("Сдается мне, Эрлинг, вы считаете, что решение дела Асбьёрна зависит теперь от вас..."), то здесь подобным же образом их комментирует один из воинов конунга, посланный за преступником и неожиданно увидевший его в двигавшейся ему навстречу толпе: "Сдается мне, что вы решили сами вершить суд над этим человеком вместо конунга..."

Однако на этот раз роль помощников ограничивается демонстрацией их сплоченности и решимости постоять за Гисла, а также самовольным его освобождением: в отличие от Олава Святого в "Пряди об Асбьёрне", конунг Магнус примиряется с убийцей не по принуждению объединенных сил заступников героя. Сменяющая сцену захвата узника сцена королевского суда над преступником (j) следует своим закономерностям, и предводитель трех сотен исландцев вообще не получает в ней возможности высказаться в защиту героя, а сам герой отказывается от поддержки своих соотечественников и добровольно отдает себя во власть конунга, выражая готовность подчиниться его воле. В качестве единственного заступника Гисла выступает здесь Йон Священник (D-4 – святой помощник), призывающий конунга рассудить по справедливости и сурово предостерегающий его от вынесения неправого приговора, за который ему непременно будет уготовано место в аду:

"...ибо на всякий тинг и на всякую сходку является сам всемогущий Господь со своими святыми. Бог посещает добрых людей и правый суд, а дьявол приходит со своими слугами к дурным людям и на неправый суд, и можно не сомне-

ваться, что придет Судья, который рассудит обе стороны по справедливости. Подумайте-ка теперь, государь, какой огонь горит жарче и дольше, тот ли, что разведен в печи, когда жгут дубовое полено, или тот, что зажжен от сухой ветки. Так вот, если ты, конунг, будешь вершить неправый суд, то быть тебе брошенным в тот огонь, где горит дубовое полено, но если ты рассудишь по справедливости, то можно надеяться, что ты очистишься в том огне, что зажжен от сухой ветки" (пер. Е.А. Гуревич, *ИС II*, 533).

Благодаря грозной речи святого (доказательства непосредственной действенности его слов и молитв, в частности, обладающих силой навлекать и врачевать недуги, приводятся в заключительном эпизоде пряди) происходит беспристрастное дознание, в ходе которого конунг предоставляет слово обвиняемому и выясняет все обстоятельства дела (j), после чего Гисл обретает свободу. Как и в других историях, где примирение достигается в сцене суда, герой завоевывает симпатии конунга (h) и получает от него прощение по совокупности причин. Это — и смягчающие его вину обстоятельства (необходимость отомстить за отца, свидетелем убийства которого он был в детстве, и жестокость в отношении него самого, проявления тогда убийцей; проволочки с расправой над врагом, не раз откладываясь из-за "почтения к церкви", то из-за праздничного колокольного звона — *pónhringing*, который, как не без оснований надеялся герой, мог принести спасение и ему самому), и сложенная им в честь конунга хвалебная песнь, которая, хотя в ней, по утверждению рассказчика пряди, и было "не много искусства", по обычаю служила ее автору "выкупом головы" (i)⁶, и, наконец, обращенная к государю предсмертная просьба умирающего от рук Гисла дружинника не "преграждать ему путь в царствие небесное" казнью его убийцы и даровать исландцу пощаду.

Единственная аналогия с помилованием Асбьёрна в этой заключительной части рассказа — требование конунга, чтобы Гисл занял место убитого и исполнял ту же службу, которую прежде выполнял тот (k). Однако речь может идти лишь о сугубо формальном сходстве: для безвестного юного исландца (Гисл отправляется в Норвегию семнадцати лет) неожиданно выдвинутое конунгом условие сделать его дружинником и приближенным почетно и равнозначно возвышению, которого упорно и нелегко добивались другие его соотечественники. Напротив, для отпрыска видного норвежского рода, каким был Асбьёрн, "стать рабом конунга" и, заменив его управителя, "сравняться с худшим из людей — Ториром Тюленем", в глазах тех, к чьим советам он прислушивался, означало бы "покрыть позором" и себя самого и своих родичей (*КЗ*, 270). В отличие от Гисла, выражающего готовность с благодарностью подчиниться и "сделаться таким человеком, каким пожелает конунг", Асбьёрн принимает решение, в скором времени стоившее ему жизни, — нарушить данное государю слово.

Между тем, несмотря на то, что начиная со сцены суда "Прядь о Гисле" реализует иную модель разрешения конфликта, нежели "Прядь об Асбьёрне", от завершающей части первой из названных историй ко второй тянется еще одна нить, способная, как представляется, пролить дополнительный свет на взаимоотношения этих двух произведений. Как оказывается, неосторожные слова, послужившие непосредственным поводом для совершенного Асбьёрном убийства королевского управителя — прозвучавшее из уст Торира Тюленя в "Легендарной саге" обвинение героя в немужественном поведении, а именно, ложное утверждение, что тот в момент, когда у него отбирали парус, насилию сдерживал слезы, "*kvað hann næsta grátraust i kverkunum*" — "говорил с рыданием в горле" (*Leg.*, 110: см. подробно в предыдущем разделе), имеет дословную параллель в рассказе о Гисле. Последний, выступая на суде, объясняет, что заставило его убить Гьяввальда: Гисл вместе со старшим братом детьми были свидетелями того, как от рук Гьяввальда пал их отец, и тот сказал тогда, "что и нас, братьев также следует убить. И не очень-то достойно мужчины рассказывать о том, государь, что мне тогда трудно было сдерживать слезы" ("*En eigi er karlmannlegra frá að segja herra að þá var grátraust i kverkum mér*" — букв. "в горле у меня был плачущий голос", *ÍSP III*, 2121; *ИС II*, 533).

Обстоятельства, в которых произносятся эти слова, как будто бы весьма различны: в "Пряди об Асбьёрне" — это лживые измышления антагониста, стремящегося унизить героя в глазах окружающих, в "Пряди о Гисле" — признание самого героя в собственном малодушии. Тогда как поношения противника встречаются сплошь и рядом, вторая ситуация, напротив, весьма необычна для общества, в котором храбрость и личное достоинство ставились превыше всего. Если Гисл и допускает столь рискованное саморазоблачение, то, уж разумеется, не без цели и едва ли потому, что считает свою былую слабость простительной для ребенка. Наш герой может позволить себе подобное заявление потому, что знает: после того как он смело отомстил убийце своего отца и собственному обидчику, никто не сможет упрекнуть его в отсутствии доблести. Его честь полностью восстановлена. Как и у Асбьёрна, рыдание ушло теперь из его горла ("*grátraustin var nú or gengen kværkunum*", *Leg.*, 110), — эти ответные слова, с которыми герой-норвежец сносит голову оклеветавшему его негодяю, находят близкую параллель в реплике конунга Магнуса, откликающегося на признание героя-исландца: "*Drængilega hefir þú þá grátraust á brott fært*" ("Ты мужественно изгнал потом плачущий голос"). Слова Гисла, таким образом, уже не способны были дискредитировать его самого, однако они наносили несомненный урон Гьяввальду, разоблачая его злодейство и тем самым умаляя вину воздавшего ему по заслугам героя в глазах конунга. Ведь пусть и не осуществленное намерение убийцы заодно с отцом лишить жиз-

ни и двух его малолетних сыновей — это не что иное, как те самые удобные дьяволу злодеяния, о которых в ответ на требование выступившего на суде приближенного конунга за одного убитого дружинника предать смерти десятерых исландцев говорил в своей суровой речи священник Йон:

“...нынче дьявол остерегается показываться нам на глаза. Теперь он использует людей для исполнения своих замыслов. Вот и сейчас (...) он говорил устами того, кто здесь только что выступал. Уже был убит один человек, а он убеждает нас, что нужно убить еще десятерых. Я думаю, такие люди многого добьются своими дурными делами и злыми уговорами, если захотят отворотить хёвдингов от справедливости, милосердия и прочих добрых привычек и станут подстрекать и подбивать их творить жестокости и злодеяния, дабы порадовать врага рода человеческого убийством крещеных людей” (ИС II, 532–533)⁷.

Как видим, различие контекстов, в которых звучит интересующая нас фраза, не исключает сходства возлагаемых на нее функций: в обоих случаях она влечет за собой неизбежное и встречающее одобрение у окружающих (но не у ослепленных гневом конунгов) уничтожение антагониста. В “Пряди об Асбьёрне” именно оскорбительные слова Торира Тюленя не оставляют герою выбора и вынуждают его совершить импульсивный поступок — без проволочек, не забываясь о последствиях, дать должный отпор своему врагу. То же и в “Пряди о Гисле”, где сделанное исландцем признание преследует цель мотивировать и оправдать его последующую месть, поскольку проявленную им по вине Гьяввальда слабость возможно было искупить лишь кровью обидчика. Подобное текстуальное совпадение, к тому же поддержанное функциональным тождеством соответствующих нарративных элементов двух рассказов, едва ли можно объяснить случайностью, особенно если принять во внимание уже отмечавшиеся выше аналогии в сюжетном строении этих прядей как на стадии возникновения конфликта, так и на стадии его разрешения. Приходится предполагать, что столь далеко идущие и разноплановые схождения между двумя историями могут выходить за рамки типологических и “интертекстуальных” связей и быть результатом прямого влияния одной из них на другую. Оставляя открытым вопрос о направлении этого влияния — датировка дошедших до нас рукописных версий прядей не способна пролить свет на относительную хронологию возникновения самих историй, по всей видимости восходящих к устной традиции, — можно лишь констатировать, что оно должно было коснуться обеих редакций “Пряди об Асбьёрне”. Напомним, что тогда как признание Гисла находит дословную параллель в более ранней “Легендарной саге”, общий для обеих прядей мотив преждевременного колокольного звона появляется лишь в “Круге Земном”⁸.

Как бы то ни было, на стадии разрешения конфликта в рассматриваемой группе прядей именно эти два рассказа демонстрируют

наибольшее и (за исключением сцены суда, присутствующей лишь в “Пряди о Гисле”) самое последовательное структурное сходство. При этом кое-какие из использованных в них общих мотивов мы не найдем ни в одной другой пряди об убийстве (*e* — помощники действуют хитростью и *f* — помощники самовольно освобождают пленника), иные же встречаются и в прочих историях (см. таблицу).

Так, в “Пряди о Стейне” (№ 13), как и в рассказе об Асбьёрне, конфликт удается урегулировать лишь в результате вмешательства могущественных заступников, объединяющих свои силы и являющихся к конунгу с большим войском для того, чтобы попытаться навязать ему свою волю. И в этой истории, несмотря на то, что государю предоставляется самому выдвигать условия примирения, он вынужден принимать решение под давлением знатных помощников (*g/G*). Между тем, в отличие от “Пряди об Асбьёрне”, где поддержка влиятельных заступников гарантировалась герою его происхождением, в “Пряди о Стейне” их содействием для начала необходимо было заручиться. Центральное место здесь как раз и отводится приобретению помощников, помимо своей воли вовлекающихся в конфликт с конунгом. Ради полноты представления этой темы рассказчик пряди даже готов отступить от привычного линейного порядка изложения событий. После сообщения о бегстве Стейна с места преступления под видом человека конунга (*b*) и его приезда в усадьбу Торберга сына Арни, где в отсутствие хозяина герою оказывает гостеприимство его жена, Рагнхильд дочь Эрлинга, действие перемещается в недавнее прошлое, и Снорри, дабы объяснить, что связывало Стейна с Рагнхильд, обращается к событиям, которые имели место сразу же по прибытии исландца в Норвегию и, следовательно, предшествовали его ссоре с конунгом Олавом. Описывается, как Стейн помог тогда Рагнхильд, устроив крестины ее новорожденной дочери, за что Рагнхильд пообещала быть ему верным другом и велела впредь обращаться к ней за поддержкой. Обосновав таким образом появление родовой союзницы, рассказчик спешит возвратиться к на время приостановленному действию пряди: “А теперь вышло так, что Стейн приехал за помощью к Рагнхильд”. С этого момента и до конца рассказа Стейн не проявляет больше никакой активности: отныне участь бездействующего героя — в руках поочередно вовлекаемых в конфликт помощников, каждый из которых вовсе не спешит принять его сторону.

Первым, кто был вынужден против воли согласиться взять Стейна под свою защиту и дать ему приют, оказывается Торберг. Поначалу он не одобряет решения жены принять у себя объявленного вне закона чужестранца и из-за него навлечь на себя гнев конунга. Поэтому он отказывает исландцу в помощи и требует, чтобы тот незамедлительно покинул его усадьбу, однако угрозы Рагнхильд и их сына уехать из дому, если Стейну не будет предо-

ставлено убежище, заставляют его пойти на попятный. Стейн остается у Торберга, вследствие чего поддержка требуется уже им обоим: конунг вскоре узнает, где скрывается убийца, и посылает за Торбергом. Сознывая, что при сложившихся обстоятельствах визит к государю не сулит ему ничего хорошего, Торберг отправляется к своему брату Финну и, рассказав ему обо всем, просит сопроводить его в поездке к конунгу. Выслушав упрек брата: "плохо, когда верховодит женщина и когда жена заставляет нарушать верность своему государю" (КЗ, 294), и заявив в ответ, что тот отказывается ехать "из страха перед конунгом, а не из преданности ему", Торберг спешит за помощью к другому своему брату, Арни. Однако и здесь его ждет отказ: брат считает непростительным, что Торберг из-за исландца подвергает опасности и себя самого, "и всех своих родичей". Заметив, что их отцу "не повезло с сыновьями", раз самый младший его сын "ни на что не гош", Торберг отправляется вояси. Затем он посылает гонцов к своему третьему брату, Кальву (см. № 15), с просьбой явиться к нему на встречу, и тот был единственным, кто пообещал приехать, "не добавив ни слова". Несмотря на первоначальный отказ в помощи, Финн и Арни, "подстегнутые" обидными замечаниями Торберга, тем не менее, прибывают в назначенное место, и четверо братьев, объединив свои силы, отправляются в сопровождении многолюдного войска к конунгу, чтобы предложить ему условия мира.

Описанная модель мобилизации помощников, основанная на трехкратном повторении первоначального отказа (D-1) и последующего вынужденного участия в судьбе героя (D-2), используется и в некоторых других "прядях о поездках из страны". Как будет показано ниже, в одной из них – в "Пряди о Торде Золотой Асы" организованное сходным образом привлечение помощников не только выполняет структурирующую роль в повествовании, но и представляет едва ли не главную тему рассказа. В несколько иной модификации присутствует она и в "Пряди о Храфне" (№ 8). Здесь исландец самостоятельно преодолевает сопротивление первого помощника, своего родича Сигвата, превращая его в союзника, после чего тот пытается добиться поддержки поочередно у двоих королевских лендсманнов, как и он участвующих в военной экспедиции конунга Магнуса в Данию. На этот раз, однако, усилия помощника не увенчались успехом: ни один из военачальников не пожелал рискнуть ради исландца расположением конунга или тем более оказать ему неповиновение, повернув против него свои корабли (отказ в давлении на конунга: -g). Отчаявшись найти поддержку у знатных людей, Сигват обращается за помощью к тому, в чьем благоволении у него не было оснований сомневаться, – к своему бывшему патрону, святому Олаву. И его молитва была услышана: не сумев обеспечить Храфну защиту на земле, он препоручает его заботам куда более

могущественного небесного заступника. В результате конфликт разрешается благодаря содействию святого короля, заставляющего своего сына прекратить преследование и примириться с родичем его любимого скальда. Используемый и в этой пряди мотив "помощник поневоле" отнесен, таким образом, лишь к первому участнику триады (Сигвату), а негативный ответ двух других "помощников" позволяет рассказчику ввести еще один традиционный мотив – сверхъестественного заступничества (D-4).

Как и в остальных прядях, где причиной конфликта между главными персонажами становится убийство приближенного правителя, мотив этот неотделим здесь от сцены суда (/). Помощь святого заступника приходит к герою тогда, когда должна окончательно решиться его участь. Либо же и он сам, и окружающие узнают о ней не раньше наступления этой завершающей стадии разрешения конфликта (см. главу о ретроспективном рассказе). В любом случае благоприятный финал обеспечен: в каком бы направлении ни развивались предшествующие события и как бы ни был непреклонен конунг, с вмешательством святого наступает переломный момент, за которым следует неизбежное примирение и возвышение героя. В "Пряди о Храфне" факт участия святого Олава в судьбе исландца неожиданно обнаружится самим конунгом Магнусом в ходе судебного разбирательства: оказывается, отец во сне приказал ему проявить милосердие к племяннику его скальда, пригрозив, что в противном случае не даст ему одержать победу в сражении с датчанами. Аналогичным образом в "Первой Пряди о Халльдоре сыне Снорри" (№ 6) Эйнар Брюхотряс рассказывает на тинге, созванном для вынесения вердикта Халльдору, о требовании, некогда предъявленном его чудесным спасителем – святым Олавом Трюггвасоном (этот неканонизированный король-миссионер, при котором произошла христианизация Исландии, почитался исландцами как святой), в будущем вернуть ему долг за избавление от рабства, даровав прощение нанесшему ему тяжелый урон преступнику. Придя к заключению, что святой конунг имел в виду их грядущий конфликт с Халльдором, Эйнар прощает его. Также и в "Пряди о Гисле" благоприятная развязка наступает благодаря грозным наставлениям святого Йона, который связывает решение судьбы исландца с посмертной участью самого норвежского правителя и ставит конунга перед выбором: вечные адские муки или "временный" очистительный огонь, открывающий дорогу в рай.

Сверхъестественная помощь – не единственный мотив, объединяющий эти три истории. Уже говорилось, что в каждой из них для окончательного решения судьбы героя созывается сходка, на которой и имеет место вмешательство святого заступника или исполняется его заранее высказанная воля. Однако и в остальной сцене суда в этих прядях демонстрируют целый ряд легко выявляемых общих

черт. Прежде всего, как оказывается, она всякий раз сопровождает-ся тем, что герой или предварительно (Халльдор и Храфн), или в ходе разбирательства (Гисл) отдается на милость своего судьи. Независимо от того, каково было положение главного персонажа пряди по отношению к его могущественному преследователю непосредственно вслед за совершением им преступления – был ли он схвачен (*a*: Гисл), удалось ли ему скрыться (*b*: Храфн) или он предпочел сразу же сдаться (*c*: Халльдор), в сцене суда он добровольно вручает свою жизнь тому, кто облечен властью казнить или миловать (*c*). С решением героя покориться воле властителя, по всей видимости может быть связана и та особенная интерпретация, которую получает в этой сцене мотив силового давления на правителя со стороны помощников (*g*). В той или иной форме он присутствует в каждой из этих историй, однако обращает на себя внимание тот факт, что ни одной из них судебное разбирательство не сопровождается попытками помощников принудить правителя вынести желательный для них приговор. Как было сказано выше, в “Пряди о Храфне” предполагаемые помощники наотрез отказываются оказать неповиновение государю, так что мотив этот выступает здесь с отрицательным знаком (*-g*). В “Пряди о Гисле”, где для давления на конунга, напротив, имеются все предпосылки (напомним, что помощники здесь самовольно освобождают героя и на тинге он находится под защитой трех сотен исландцев), герой сам отвергает поддержку своих земляков (“...теперь я не хочу дольше подвергать вас опасности. Я хочу отдать себя во власть Магнуса конунга и подчиниться его воле”, *ИС II, 534*). В “Первой Пряди о Халльдоре” Бергльтот является на судебное собрание с большим отрядом, полная решимости сразиться со своим мужем, если тот не согласится даровать Халльдору пощаду, тогда когда в ее вмешательстве уже не может быть никакой нужды, поскольку конфликт благополучно разрешен. Судя по всему, либо сцена суда вообще исключает использование мотива принуждения правителя к примирению, либо же его устранение обусловлено тем, что во всех названных случаях эта функция препоручается святому заступнику. Как мы помним, совершенно иначе обстоит дело в историях, где решение выносится конунгом без созыва судебного собрания (“Прядь об Асбьёрне” и “Прядь о Стейне”), – в них заключение мира с убийцей и его заступниками происходит под угрозой неповиновения знати своему государю (*G*).

В сценах суда над героем в рассматриваемых рассказах кроме того могут быть замечены и иные сходжения. Так, во всех трех прядях правитель почти до самого конца повествования медлит с оглашением своего вердикта, хотя нет ни малейших сомнений в том, что благодаря вмешательству святого помощника он уже принял решение простить исландца. При этом в двух из них – в “Пряди о Храфне” и в “Пряди о Гисле” – конунг к тому же продолжает вести избь-

точное, по существу, дознание, выслушивает оправдания, смягчающие вину героя, и получает от него обычное в таких случаях подношение – прославляющую его хвалебную песнь (*i*), за которую было принято вознаграждать провинившегося поэта не золотыми обручами, а более ценным для него даром: возвращением в его полное владение едва не утраченной им головы. Однако если в плане композиции каждого из этих двух рассказов вся сцена суда над героем (за изъятием той ее части, которая повествует о заступничестве святого), скорее всего, в первую очередь была призвана выполнять функцию ретардации, она в то же время несла на себе весьма важную смысловую нагрузку, раскрывая положительные качества главного персонажа пряди. Последний представлял в ней как человек, вполне заслуживающий прощения и ожидающего его скорого возвышения, а стало быть, и достойный того общественного признания, которое он, по свидетельству рассказчика, приобрел, пройдя через тяжелые испытания. Неслучайно в обеих прядях, допросив героя, конунг явно проникается к нему симпатией (*h*), так что вынесенный им оправдательный вердикт кажется читателю уже не только прямым результатом заступничества святого, но и, в неменьшей мере, следствием благоприятного впечатления, произведенного на государя самим исландцем. Конунг, иными словами, не просто проявляет милосердие, уstraшенный угрозой возмездия за нежелание решить дело миром. Он, в полном соответствии с отныне разделяемой им (ради чего и производилось дознание!) общественной оценкой героя и вытекающими из нее ожиданиями социума, принимает справедливое решение. Прощение героя в этих рассказах оказывается, таким образом, фактически обусловленным суммой разнообразных причин и не может быть однозначно выведено ни из одной из них, в том числе и из вмешательства святого помощника.

Знаменательно, что и в “Пряди о Тормоде” (№ 28), где примирение правителя с героем происходит без участия святого заступника и вне судебного собрания, оно также достигается вследствие сложения нескольких причин, из которых, как показывают дошедшие до нас редакции пряди, каждая в отдельности была вполне достаточна для урегулирования конфликта. Схваченный на королевском корабле (*a*), на который он ступил по своей воле после того, как сразил одного из дружинников конунга, Тормод сразу же завоевывает симпатии влиятельных помощников, восхищенных безрассудной отвагой незнакомца и готовых добиваться для него пощады. Вняв уговорам епископа и знатного военачальника (Финна сына Арни, см. “Прядь о Стейне”), конунг Олав допрашивает исландца, пытаясь выяснить, что подвигло его отдаться под власть того, против кого он совершил столь тяжкую провинность (*C* – мотив, как мы помним, присутствующий и в каждой из трех только что рассмотренных здесь прядей). Тормод отвечает висой, в которой выражает свою преданность ко-

нунгу и просит взять его на службу ("Мудрый омрачитель ободе змеи [= муж], я хочу с тобой, о могучий, жить и умереть...")⁹. Согласно двум ранним версиям "Пряди о Тормоде" в "Древнейшей" и "Легендарной" сагах об Олаве Святом, этого оказалось достаточно, чтобы конунг простил Тормода и принял его в свою дружину — ответом государя на произнесенную исландцем вису ("Своим поступком ты явно показал, что не станешь держаться за жизнь, если тебе удастся попасть, куда ты хочешь")¹⁰ завершается в этих сагах рассказ о знакомстве Олава с одним из его главных скальдов. Напротив, в более поздней редакции пряди в "Книге с Плоского Острова" конунг продолжает дознание и выясняет, что Тормод — побратим его бывшего и ныне убитого дружинника Торгейра сына Хаварда. Далее, открывается причина, по которой Тормод покинул Исландию: он собирается отомстить за гибель своего названного брата и зная, что конунг с удовлетворением воспримет его намерение, надеется на снисхождение "ради Торгейра", ибо прощение государя, продлив его жизнь, позволит ему осуществить задуманное. Лишь после этого Олав дарует Тормоду пощаду и — уже не раз наблюдавшийся в прядях этой группы мотив — велит ему нести службу за убитого дружинника (k). Однако решение государя было явно продиктовано не только тем, что Тормод оказался побратимом дружинника, которого он ценил, и, соответственно, первым среди тех, кому полагалось за него мстить. Еще до сообщения исландца о вынашиваемом им плане мести конунг дает ему основания надеяться, что ему будет сохранена жизнь. Так, услышав о его связи с Торгейром, Олав замечает, что он должен быть "более удачливым человеком (gæfumaðr) чем Торгейр", а узнав о том, что Тормоду тридцать лет, прибавляет к не сулящему ничего хорошего "надо позаботиться о том, чтобы тебе не пришлось ждать еще тридцать лет", обнадеживающее "однако смерть таких людей — это потеря, ибо ты — большой скальд"¹¹. Не остается сомнений, что благополучное разрешение ситуации, по замыслу автора этой версии пряди, было обусловлено всей совокупностью раскрывшихся перед конунгом обстоятельств, а также личных достоинств исландца (h). В отличие от него, автор другой редакции того же рассказа в "Саге о названных братьях" удовлетворился одним-единственным основанием для примирения героев: стоило конунгу услышать, что приведенный к нему преступник побратим Торгейра, как тому немедленно была дарована пощада "ради" его погибшего друга ("Njóta skaltu hans að því að þú skalt þiggi líf..." — "Тебе будет польза от него, потому что ты получишь жизнь..." (ÍSP III, 2281).

Как видим, и в этой истории поэтическое обращение к конунгу выступает в качестве одного из оснований, а в ранних версиях даже единственного основания для мирного урегулирования конфликта. Между тем, в "Пряди о Тормоде" декламируемые скальдо-

стихи хотя и восхваляют государя, тем не менее, формально не принадлежат к тому высокоценному поэтическому жанру, который обеспечивал преподнесшему их стихотворцу жизнь и свободу. И в "Пряди о Торгриме сыне Халля" (№ 15) в качестве эффективного "выкупа головы" (i) выступает не песнь, прославляющая здравствующего правителя Норвегии, от которого зависела дальнейшая судьба героя, но панегирик в честь его отца, конунга Олава Святого. Эту спасительную для него хвалебную песнь исполняет Кольgrim — главный герой второй части пряди, активно вступающий в действие после гибели ее первого, "титularного" героя — Торгрима. Отомстив за Торгрима, убитого сразу же вслед за объявлением его вне закона, Кольgrim оказывается в том же положении, в котором ранее был тот: по распоряжению королевского наместника Кальва он схвачен, посажен в оковы (a) и ожидает скорой казни. Однако его выручает возвращение в Норвегию Магнуса Доброго. Обратившись за защитой к проходившему мимо него конунгу, Кольgrim сообщает ему, что сложил песнь о святом Олаве, его отце. Конунг же, выяснив, что перед ним человек, отомстивший за Торгрима, соглашается выслушать песнь, после чего исландец незамедлительно получает свободу и вознаграждение за проявленную им храбрость. О том, что эта песнь была сочинена именно в той ситуации, в которой складывались "выкупы головы", и с той же прагматической целью — в связи с грозящей скальду расправой и ради изменения им собственной участи, а вовсе не как мемориальная поэма о погибшем конунге (erfidrára) или славословие святому, в пряди дается понять вполне определенно. По свидетельству рассказчика, в стихах Кольгрима содержались намеки на убийство Торгрима и "на все это дело" ("var nokkuð á vikið hvað til dró um líflát Þorgríms og þau mál öll saman", ÍSP III, 2265), а в одной строфе даже была строка — "hálf eru völd und Kálfi" — "половина власти у Кальва", — которую конунг счел необходимым сразу же опровергнуть и словом, и делом, посмертно реабилитировав Торгрима и отменив вынесенный его наместником несправедливый приговор.

В "Пряди о Торгриме" благополучное разрешение получает лишь второй конфликт, провоцируемый местью Кольгрима, что же до ее первого и основного конфликта, то он так и остается не урегулированным: поспешный и неправый суд, учиненный Кальвом над Торгримом, приводит не к примирению сторон, но к гибели героя. Разумеется, мирное завершение всей истории, освобождение и награждение Кольгрима, и особенно — прямо высказанное конунгом недовольство действиями его наместника, оправдание Торгрима и уплата достойного возмещения за его убийство post factum вносят определенные "коррективы" в первую часть пряди, восстанавливая справедливость и доброе имя главного героя, однако все эти действия уже не способны изменить ее трагического финала.

В другом рассказе – в “Пряди о Хрейдаре Дураке” (№ 9) конфликт между исландцем и правителем также остается неразрешенным, хотя он и не приводит к печальной развязке. Однако, в отличие от большинства рассматриваемых здесь историй, никто из персонажей этой пряди даже не предпринимает никаких усилий, ведущих к примирению противников. Вернее сказать, делаемые главным героем шаги в этом направлении на поверку преследуют прямо противоположные цели.

Убив одного из своих обидчиков – дружинников Харальда Сурового, Хрейдар благополучно ускользает от преследователей (b) и является к своему покровителю, Магнусу Доброму (D-3 – *король-помощник*), который прячет его у преданного ему человека. По прошествии некоторого времени в усадьбу, где скрывался Хрейдар, нагрянул конунг Харальд с требованием выдать преступника. И тут исландец, не обращая внимания на протесты приютившего его лендрманна, сам выходит навстречу собственному врагу и, предлагая ему свою службу, просит его “сменить гнев на милость” и принять от него в дар некую ценную вещь – позолоченную серебряную свинью, которую он изготовил незадолго до приезда конунга. Хрейдар, таким образом, поступает так же, как Гисл или Храфн, – без видимой необходимости он храбро отдает себя в руки могущественного недруга (C), рассчитывая заслужить себе прощение подношением “выкупа”, призванного раскрыть перед государем его достоинства. Впрочем, последующие события явно развиваются “не по плану” и принимают неожиданный оборот: оказывается, что драгоценный подарок таит в себе оскорбительный намек, а потому вместо наступившего было умиротворения поступок героя приводит лишь к дальнейшему усугублению конфликта (У). В первый момент, увидев свинью, конунг дивится мастерству исландца и говорит, что готов с ним помириться и взять его на службу (h) – “и ты годишься на то, чтобы дать тебе важное поручение. По-моему, ты человек сильный и бесстрашный” (ИС II, 491). Но затем, повнимательнее присмотревшись к безделушке, Харальд замечает, что держит в руках не веоря, а самку, и тут наконец понимает, что она была изготовлена ему в насмешку, – как напоминание об отнюдь не героическом прозвище его отца, Сигурда Свиньи (Sigurðr sýr). Тогда он приказывает своим людям убить горе-кузнеца, но Хрейдар и на этот раз благополучно уходит от преследования, возвращается к конунгу Магнусу и, показав ему свинью, рассказывает обо всем, что произошло между ним и конунгом Харальдом. А спустя некоторое время он является к своему покровителю и просит его выслушать хвалебную песнь, которую он сложил в его честь, после чего, получив достойное вознаграждение за панегирик, по совету конунга Магнуса, опасавшегося возможной мести своего родича Харальда, отбывает восвояси и “становится большим человеком” у себя на родине. Как

видим, в этом рассказе в несвойственной им функции используются не только обычные для завершающей стадии разрешения конфликта мотивы добровольной явки с повинной (C) и пробуждения симпатии к герою (h), но и мотив стихотворного приношения государю (i). Тогда как первые, вопреки обыкновению, не только не приводят героев к примирению, но, напротив, делают их конфликт неразрешимым, последний, обращенный на этот раз не к недругу, а к другу, заведомо не обременен тем прагматическим заданием, которым он был нагружен в других рассматриваемых здесь прядях. В контексте данного рассказа хвалебная песнь, поднесенная Хрейдаром Магнусу Доброму, – это одно из свидетельств благотворного влияния, оказанного на исландца его знакомством с этим норвежским конунгом, материализация перешедшей на него королевской “удачи” (gæfa)¹², вследствие чего и смогли раскрыться его до поры до времени не проявлявшиеся таланты – искусство кузнеца и скальда. Это, кроме того, также и свидетельство мудрости и прозорливости конунга Магнуса, при первой же встрече с Хрейдаром сумевшего разглядеть за неказистой внешностью “большерукого и безобразного” дурака человека, наделенного какими-то, никому не ведомыми “способностями”. Однако в общем контексте прядей об убийстве приближенного правителя панегирик Хрейдара видится также и в иной перспективе. Хвалебная песнь в честь короля-помощника, несомненно, предстает как превращенный “выкуп головы” и оказывается в одном ряду с другими традиционными мотивами, которые сопровождают в этих рассказах процесс примирения, но здесь выступают в необычной для них роли.

Если в “Пряди о Хрейдаре” мотивы, связанные с разрешением конфликта, используются в иных или даже прямо противоположных целях, то в “Пряди об Эгмунде Ударе и Гуннаре Пополам” (№ 23) эта фаза действия отсутствует вовсе. Решившись наконец отомстить обидчику под давлением своих именитых сородичей, Эгмунд, как мы помним, поменявшись платьем с Гуннаром, сознательно перекладывает на него вину, а сам поспешно покидает место преступления и отбывает в Исландию. В пряди он больше не фигурирует, и его заочный конфликт с Олавом Трюгтвасоном, вызванный убийством человека конунга, остается не урегулированным (в дальнейшем лишь сообщается, что государю со временем стало известно, кто был истинным убийцей). Что же до второго героя рассказа, Гуннара Пополам, который неожиданно попадает в беду из-за неблагоприятного поступка исландца, то его поведение также не имеет ничего общего с поступками уже известных нам персонажей прядей.

Узнав о возведенном на него ложном обвинении, Гуннар не отдает себя в руки правосудия и не пытается доказать свою невиновность перед государем, а вместо этого бежит в Швецию, где попада-

ет в общество язычников и присоединяется к развешивающему по стране богу плодородия Фрейру и его жене, а затем, победив демона, сидящего в идоле, выдает себя за Фрейра, женится на его наложнице и под видом языческого божества продолжает принимать богатые жертвоприношения от местных жителей, связывающих наступившее в их стране благоденствие с его особой. Конец этому обману кладет вмешательство христианского короля Норвегии: прослышав о необыкновенном превращении идола, которому поклонялись соседи, — как гласила молва, жена Фрейра неожиданно понесла, а сам он “теперь мог ходить и ел, и пил, как другие люди”, — Олаф Трюггвасон догадывается, кто скрывается под обликом языческого божества и, желая спасти “заблудшую душу христианина”, посылает за Гуннаром его брата. В случае, если он добровольно явится своему государю, ему было обещано прощение, поскольку конунг к тому времени уже стало известно, что убийство Халльварда совершил не Гуннар, а Эгмунд. Рассказ завершается тем, что Гуннар в сопровождении жены и брата, прихватив “движимое имущество” бежит от преследующих мнимого Фрейра шведов и благополучно возвращается к конунгу Олаву, после чего последний возвращает ему свое расположение и обращает в христианство его жену, и оба они “впредь придерживаются истинной веры”.

Как видим, во второй части пряди ничто не напоминает ситуаций, привычных для рассказов об убийстве королевского приближенного, однако в ней легко просматриваются мотивы, характерные для историй о торжестве христианства (“прядей о крещении”) а также некоторых сходных с ними рассказов, принадлежащих к “прядям о поездках из страны” — см. след. раздел), где они сопутствуют выполнению возложенного на героя конунгом трудного задания. Это — мотив сверхъестественной поддержки, оказываемой герою королем-миссионером, в критический момент наделяющим его небывалой физической силой или невидимым прикрытием, которые позволяют ему одолеть его могучего недруга-язычника. Так, стоило только Гуннару, вступившему в единоборство с демоном (fjandir) прятанному в деревянном идоле, и теснимому своим противником подумать “про себя” (hugsar hann þá fyrir sér), что если только ему удастся одержать победу над этим врагом и опять попасть в Норвегию, то он “вернется к истинной вере” (hann skal hverfa aftur til rétttrúar) и помирится с конунгом Олавом, как Фрейр зашатался и упал, а выскочивший из него демон удрал (*fSP III, 2342*). Также и во время бегства из Швеции “вера в то, что удача и добрая воля (gæfa og góðvilji) Олава конунга и божье милосердие окажутся сильнее, чем злая воля и преследование (illvilji og eftirléitan) свеев” помогают Гуннару и его спутникам уйти от погони — шведы вскоре заблудились и целыми и невредимыми добрались до святого короля. Да и конец пряди, сообщающий о крещении жены Гуннара (в прошлом налож-

Таблица
Модели разрешения конфликта,
вызванного убийством приближенного конунга

№ 4	(Гисл)	a	d e f	g	j	D-4 i c h k
№ 6	(Халльдор)	c			j	D-4 d g
№ 8	(Храфн)	b	Y	D-1 D-2	-g C	j/J D-4 i h
№ 9	(Хрейдар)	b (Ch)	Y	D-3		(i)
№ 13	(Стейн)	Y b	d	D-1 D-2	g/G	
№ 15 ^I	(Торгрим)	Y	a		j	
№ 15 ^{II}	(Кольгрим)		a		J	i h
№ 23 ^I	(Эгмунд)	b				
№ 23 ^{II}	(Гуннар)	b				D-4
№ 25	(Асбьёрн)	a	d e f	g/G		k
№ 28	(Тормод)	a/C	d		J	(i) h k

ницы демона) и о выполнении героем данного им в решающий момент обещания возвратиться к истинной вере, одновременно служащего условием его примирения с конунгом, свидетельствует о том, что перед нами история о победе христианства над язычеством.

Итак, за изъятием двух рассказов — “Пряди о Хрейдаре Дураке” и “Пряди об Эгмунде Ударе и Гуннаре Пополам”, в которых примирение между правителем и героем-убийцей так и не было достигнуто, в прядях этой группы и в фазе разрешения конфликта может быть выявлена большая степень структурного сходства. Существенно при этом, что обязательной корреляции между моделями инициации и разрешения конфликта не просматривается — на стадии зарождения “отчуждения” и на стадии его преодоления одна и та же прядь может быть соотнесена с различными рядами рассказов, в которых обнаруживаются аналогичные “морфологические” элементы. В приведенной таблице в нотации, которой мы пользовались по ходу изложения, приводятся общие мотивы, сопровождающие процесс примирения во всех рассмотренных здесь прядях.

Нетрудно заметить, что наблюдаемые в отдельных прядях повторяющиеся модели никогда не “покрывают” всю стадию разрешения конфликта от начала и до конца, но распространяются на отдельные ее фазы (действия помощников; суд над героем и др.). В результате одна и та же история оказывается вовлеченной в пределах группы в различные типы связей. При этом одни мотивы, по-видимому, могут исключать последующее использование других: так *a* (герой схвачен, посажен в оковы и ожидает казни) ни разу не сочетается с парными элементами *D-1, D-2* (первоначальный отказ в помощи,

помощник поневоле), тогда как последние непременно предваряются элементом *b* (герой скрывается). Аналогичным образом, как было показано выше, сцена суда предполагает введение мотива *C* (герой добровольно отдает себя в руки могущественного недруга). Наибольшее число сходных структурных элементов и, соответственно, наибольшую близость демонстрируют следующие истории:

– “Прядь о Гисле сыне Иллуи” и “Прядь об Асбьёрне Тюлене-бойце”:

(a) герой схвачен, посажен в оковы и ожидает казни; (d) заступничество влиятельных людей; (e) помощники действуют хитростью; (f) помощники самовольно освобождают пленника; (g) демонстрация силы и оказание давления на конунга со стороны помощников; (k) условие прощения – выполнение службы за убитого;

– “Прядь о Гисле сыне Иллуи”, “Прядь о Храфне сыне Гудрун” и “Первая Прядь о Халльдоре сыне Снорри”:

(D-4) помощь исходит от святого; (d) заступничество влиятельных людей (Храфн: здесь этот мотив замещается D-2 – помощник поневоле); (g) оказание давления на правителя со стороны помощников (–Храфн, здесь этот мотив выступает с отрицательным знаком: как отказ предполагаемых помощников от попытки принудить конунга простить героя); (c/C) герой отдается на милость своего судьи; (j) судебное разбирательство на тинге; (i) стихотворный “выкуп головы” (–Халльдор); (h) конунг проникается симпатией к герою (–Халльдор);

– “Прядь о Слейне сыне Скафти” и “Прядь о Храфне сыне Гудрун”:

(b) герой скрылся; (У) усугубление конфликта; (D-1) первоначальный отказ в помощи; (D-2) помощник поневоле.

Следующая группа прядей далеко не столь монолитна, как только что рассмотренная. Причиной возникновения конфликта в ней служит послушание или нарушение главным героем королевского запрета.

¹ См. подробнее: Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. С. 480 сл.

² Ср. также: Jakobsen A. Omkring Selsbane-låtten. S. 183.

³ Norges gamle love indtil 1387. I. 9, цит. по: Cleasby R., Guðbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. 2nd ed. Oxford, 1957. P. 458.

⁴ Ср. аналогичную реплику Торарина в “Пряди об Асбьёрне”: “Gríð mun sjá maðr skulu hafa um helgina, þótt hann hafi illa til gort” (Snorri Sturluson. Heimskringla. I–III. Bjarni Aðalbjarnarson gaf út [Íslenzk Fornrit. XXVI–XXVIII]. Reykjavík, 1941. II. Bls. 203. Далее – Hkr.) – “Надо оставить жизнь этому человеку на время праздника, хотя он и совершил преступление” (КЗ, 268). Разница состоит лишь в том, что Торарин просил для Асбьёрна “временного мира” (gríðr), т.е. отсрочки казни, тогда как епископ – помилования (fríðr).

⁵ Так в “Круге Земном”, в версии же “Легендарной саги” поведение и речи Эрлинга еще более вызывающи: он преграждает конунгу дорогу, когда тот хо-

чет пройти в свои палаты, а на замечание Олава о том, что он присваивает себе право вынести решение по делу Асбьёрна, заявляет, что оставляет решение за конунгом, однако “при условии, что этому человеку будет сохранена жизнь”. Незамедлительно следует реакция конунга: Эрлингу не удастся его принудить (Ækci kugar þu mik, Ærling), на что в ответ раздается откровенная угроза: при их следующей встрече у Эрлинга будет “не меньше войска”. Вмешавшиеся друзья прикладывают все усилия к тому, чтобы их примирить (Leg., 112, 114).

⁶ Гисл упоминается среди других скальдов, сочинявших стихи в честь Магнуса Голоногого, в так называемом “Перечне скальдов” (“Skáldatal”, XIII в.), кроме того сохранилась приписываемая ему поминальная песнь об этом конунге (ок. 1104). Из другого источника – одной из версий “Книги о заселении страны” (“Landnámabók”), известна генеалогия героя пряди. Все эти свидетельства в пользу того, что главный герой рассказа не был вымышленным персонажем, разумеется, не исключают конвенционального характера истории, связанной с его именем.

⁷ На то, что герой, оправдываясь перед конунгом, пытается опереться на гневную речь священника, указывалось и раньше. См.: Ciklamini M. The Literary Perspective on Gísli Illugason's Quest for Blood Revenge // Scandinavian Studies. 1966. Vol. 38. P. 208 f.

⁸ Можно, разумеется, как принято в подобных случаях, предположить существование предшествующего редакции Снорри утраченного варианта “Пряди об Асбьёрне”, в котором должны были присутствовать оба мотива и который был способен повлиять на создание “светской” версии “Пряди о Гисле”, сохранившейся в составе королевской саги, или, наоборот, подвергнуться влиянию со стороны последней. О другой, весьма отличной от привлеченной здесь, редакции этой пряди в “Саге о Йоне Святом” см. во Введении.

⁹ Исландские саги / Пер. А.В. Циммерлинга. С. 206, 541; Skj. B I 263, 15.

¹⁰ Там же. С. 206; см. также прим. 10 на С. 364.

¹¹ Там же. С. 207.

¹² См. подробнее в разделе “Исландец и король”, а также в кн.: Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. С. 223–226.

В. Нарушение королевского запрета

“Прядь об Эгиле сыне Халля ‘с Побережья” (№ 3);

“Прядь о Торстейне Любопытном” (№ 19); “Прядь о

Торстейне Мороз-по-Коже” (№ 26)¹.

Принадлежащие сюда истории не только весьма немногочисленны. Как нам предстоит убедиться, по сравнению с предшествующей группой прядей, в большинстве которых отчетливо просматривались повторяющиеся структурные элементы или даже целые “строительные блоки”, они еще и имеют между собой гораздо меньше общего. Тем не менее, и здесь оказывается возможным выявить определенные черты сходства.

Эгиль сын Халля, будучи не в силах вынести крики и стонания плененных датчан, не вняв предостережениям своего друга Тови сына

Вальгаута, самовольно выпускает их на свободу, чем навлекает на себя гнев Олава Святого, не желающего терпеть неповиновение своих дружинников ("Egils þáttir Síðu-Hallssonar", № 3). Однако наказание ослушника откладывается из-за неожиданно настигшего его тяжкого недуга (в котором вполне можно усмотреть кару за противодействие святому государю): когда норвежцы покидают Лимфьорд, нанятый датским конунгом Кнудом финн-колдун кидает на один из их кораблей перчатки, источающие никому не ведомую заразу, которая становится причиной мучительной гибели многих воинов Олава. Эгиль лежит при смерти, но, в отличие от остальных, стойко переносит физические страдания и просит лишь об одном: чтобы Олав проявил милосердие и посетил его, он же горячо раскаивается в содеянном. Раз за разом Тови пытается убедить конунга снизойти к мольбам Эгиля, однако тот неумолим. Наконец вмешательство более влиятельного заступника, вынуждает его поддаться на уговоры, да и то — Олав соглашается прийти к больному и помолиться об его исцелении не из христианского всепрощения и не в знак примирения, но единственно ради того, чтобы впоследствии иметь возможность сполна "расквитаться" с исландцем в случае, если тому будет дарована жизнь.

Тем не менее, как и следовало ожидать, приход, а главное, прикосновение святого конунга, тронутого мужеством умирающего и не смеющего отказать ему в последней просьбе — возложить руки на его грудь, возымели действие: Эгиль незамедлительно выздоравливает и вместе со своим другом Тови ищет примирения с государем. Однако Олав обещает вернуть им свое расположение и дружбу не иначе, как в обмен на достойную компенсацию: а именно при условии, что им удастся исполнить его поручение и доставить к нему одного из самых закоренелых язычников — гаутландского ярла Вальгаута (отца Тови), упорно противящегося обращению в истинную веру. Добрая половина пряди — это повествование о пребывании героев в Гаутланде и рассказ о том, как оба друга, выполняя данное и трудное задание, подвергаются гонениям со стороны старого ярла, преодолевают его сопротивление и в конце концов (видимо, не без помощи королевской "удачи")² добиваются того, что он все же отправляется на встречу с конунгом-миссионером. История завершается полным прощением и примирением обоих друзей с государем и неожиданным обращением Вальгаута. На обратном пути ярл внезапно занемог (вновь кара за отказ подчиниться святому конунгу?) перед смертью, вопреки объявленному им ранее непоколебимому решению не изменять обычаю предков, добровольно принял крещение в присутствии самого Олава.

Провинность героя другой пряди, исландца по имени Торстейн перед Харальдом Суровым состояла в том, что он проявил излишнее любопытство, заглянув в принадлежавший конунгу кошелек, когда

Конунг Олав Святой исцеляет больного мальчика. Деталь переносного алтаря. Резьба по моржовой кости. Норвегия, начало XIV в.

сторожил его одежду во время королевского купания ("Þorsteins þáttir forvitna", № 19). И на этот раз расплатой за неосмотрительность исландца и условием его примирения с норвежским правителем становится выполнение возложенного на него трудного задания. Торстейн вынужден отправиться в далекое и опасное путешествие в неведомые земли, с тем чтобы разыскать и доставить конунгу побеги того самого диковинного золотого дерева, из веток которого Харальд сам в свое время вырезал рукоятки двух ножей, увиденных героем, когда тот без разрешения разглядывал государевы вещи.

Как и в предыдущем рассказе, герой успешно справляется с поручением конунга, обнаруживая при этом не только (и даже не столько) отвагу и сноровку, сколько необычайную "удачливость":

на помощь ему приходит не кто-нибудь, а сам св. Олав. Подобно тому как он когда-то поддерживал своего брата Харальда, помогая ему добыть побеги чудесного дерева, "вечный правитель Норвегии" от первого и до последнего шага направляет и охраняет провинившегося перед этим конунгом исландца. От увиденного им во сне после посещения раки св. Олава мужа Торстейн впервые узнает, куда ему следует держать путь; по всей видимости, не кто иной, как св. Олав в образе повстречавшегося ему в дремучем лесу отшельника указывает герою дорогу к острову, на котором находится разыскиваемая им золотая роща, и наставляет его, как следует себя вести, чтобы не привлечь внимания стерегущего драгоценные деревья змея. Наконец, все тот же св. Олав выручает исландца, вняв обращенной к нему мольбе, и спасает героя от едва не наступившего его змея, когда Торстейн, добыв золотые побеги, пытается уйти вплавь от своего страшного преследователя.

Узнав, каким образом Торстейну удалось осуществить, казалось бы, заведомо невыполнимое задание, конунг Харальд по достоинству оценивает "удачу" исландца. Поэтому он не просто, как было обещано ранее, возвращает ему свое расположение, но еще и щедро вознаграждает его за привезенные им золотые рукояти, ибо, как он полагает, "так должно быть угодно тому, кто поддерживал" Торстейна на всем протяжении его странствия — брату конунга, Олаву Святому.

Как видим, традиционные элементы христианской фантастики, обычно вполне естественно встраивающиеся и в саги, и в короткие рассказы, в которых действуют норвежские конунги-миссионеры, Олав Трюггвасон и Олав Харальдссон (Олав Святой), — чудеса, творимые святым государем еще при его жизни (вспомним, например, внезапное исцеление Эгиля сына Халля, или столь же внезапное обращение другого персонажа предыдущей истории, ярла-язычника)³, а также откровения, помощь и заступничество уже вознесшегося святого короля — выступают здесь в соединении с, как правило, не использующимися в "прядях об исландцах" элементами волшебной сказки⁴. К последним относятся не только невиданные "реалии", с которыми сталкивается герой-исландец, но и самая структура рассказа (точнее сказать, его центральной части — конфликта), вполне укладывающаяся в схему, слагающуюся из выделенных В.Я. Проппом канонических сказочных функций: герой нарушает запрет (III-b)⁵; герою объявляется о недостатке диковинных предметов (VIII-a³); герой отправляется на их поиски (IX-B²); герою указывается путь к месту нахождения предмета поисков (XV-R⁴); объект поисков добывается (XIX-JI); герой подвергается преследованию (XXI-Pr); герой спасается от преследования (XXII-Sn); герой возвращается (XX ↓)⁶.

И тем не менее, близость к сказке не выводит рассказ о Торстейне Любопытном за жанровые границы "прядей о поездках из стра-

ны". Не вызывает сомнений, что перед нами история, и по своей композиции (общей макроструктуре: Введение и Приезд в Норвегию — Отчуждение — Примирение — Возвращение в Исландию), и по теме (возвышение протагониста-исландца, сумевшего завоевать признание и расположение норвежского правителя и место в его дружине)⁷ вполне вписывающаяся в эту группу. Что же касается включенных в нее явно нехарактерных для рассматриваемой разновидности прядей "экзотических" мотивов, то их присутствие, очевидно, оправдывается переносом действия в "чужое" пространство, максимально удаленное от пределов окружавшего средневекового скандинава привычного мира. Самая же необходимость перемещения героя в неопределенные дальние страны, где встреча с чем-то, что не укладывалось в границы повседневного человеческого опыта, становилась не просто возможной, но ожидаемой, также получает вполне естественное объяснение, мотивируясь предшествующими и реально имевшими место странствиями Харальда Сурового в восточных землях. Более того: ведомый св. Олавом, Торстейн следует по стопам отправившего его в путь государя и совершает тот же самый подвиг, который ранее (с помощью все того же святого) совершил будущий правитель Норвегии. Как представляется, этот знаменательный факт призван не только продемонстрировать выдающиеся качества безвестного исландца и в первую очередь его "храбрость" (едва ли не единственная характеристика, данная Торстейну во введении к пряди, где не упомянут ни один из его родичей, а сам он, кроме того, назван человеком "бедным и проворным" — "félitill og frálegur")⁸, но еще и верифицировать приключения и диковинную добычу обоих. В самом деле: что может служить лучшим доказательством правдивости описанного в пряди необыкновенного происшествия, чем возможность его повторения? Отыскав по указке того же отшельника тот же остров со стерегущим его змеем и срезав для Харальда золотые побеги с того самого дерева, из ветвей которого тот изготовил рукояти своих кинжалов, герой рассказа преуспел не только в выполнении трудного задания. Он еще и превратил сказку в быль, удостоверив для аудитории пряди реальность как диковинного места и невиданного предмета, так и чудесного вмешательства.

Главное, что объединяет третью и последнюю историю, в которой отчуждение между исландцем и правителем Норвегии возникает вследствие нарушения королевского запрета, с рассмотренными ранее — это христианская тематика и то, что в ней также имеет место встреча героя со сверхъестественным. В остальном же "Прядь о Торстейне Мороз-по-Коже" ("Þorsteins þáttir skelks", № 26), по крайней мере на первый взгляд, имеет с ними не много общего. Прежде всего, мы не найдем здесь уже привычной схемы развертывания действия: нарушение запрета → конфликт → выполнение трудного задания → разрешение конфликта. События в этой пряди развиваются

ся иначе. Нарушение героем королевского запрета влечет за собой немедленное "воздаяние" — исландец попадает в опасную ситуацию из которой ему удастся выйти невредимым исключительно благодаря собственной смекалке и храбрости: именно эти качества позволяют ему добиться своевременного спасительного вмешательства христианского короля, помогающего ему избежать гибели. Они же дают герою возможность заслужить расположение этого правителя — несмотря на проявленное исландцем своеволие, конунг, оценив по достоинству его бесстрашие, находчивость и веру, охотно прощает нарушителя и делает его своим дружинником. Проступок главного персонажа пряди получает, таким образом, необычное продолжение: вместо традиционного конфликта исландца с государем и их конечного примирения его следствием оказывается расплата героя за содеянное и избавление, которое ему приносит вмешательство конунга.

Исландец по имени Торстейн был в числе тех, кто сопровождал Олава Трюггвасона в его поездке по пирам. Как-то раз конунг остановился в одной усадьбе и перед отходом ко сну распорядился, чтобы ночью никто из его людей не смел выходить один в отхожее место. Пробудившись, Торстейн, однако, решает не тревожить крепко спящего соседа и отправляется в нужное место без сопровождения. Тут-то и выясняется, что конунг не зря предостерегал своих воинов: в отхожем месте исландец встречается с чертом — неким Торкелем Тошчим, павшим в легендарной "битве народов" вместе с датским конунгом Харальдом Боезубом (*þúki* — 'черт' по происхождению оказывается, таким образом, живым мертвецом, "курганным жителем" — *draugr*: в тексте пряди различные наименования нечистого — *þúki*, *dólg*, *fjándi*, *skelmir*, *drysjldjöfull* — чередуются со словом, обозначающим привидение)⁹. Вступив в беседу с выходцем из преисподней, исландец расспрашивает его, кто из ее обитателей лучше всех, а кто хуже всех переносит адские муки. Оказывается, что наибольшее мужество проявляет величайший из германских героев — Сигурд Убийца Дракона Фафнира и, напротив, всех малодушнее ведет себя датский витязь Старкад Старый, чьи несмолкаемые вопли не дают покоя бесам.

Наказание, на которое обречен на том свете Сигурд Убийца Дракона Фафнира, не до конца понятно из текста пряди: нельзя даже исключить, что в единственном сохранившемся списке этого рассказа в "Книге с Плоского Острова" вкралась ошибка. Торстейн спрашивает у черта, какую муку терпит Сигурд, слышит в ответ, что тот "топит пылающую жаром печь" (*Hann kyndir ofn brennanda*). Исландцу это наказание представляется не таким уж суровым, однако посланец ада с ним не соглашается: «*Ekki þykir mér það svo mikil þís!*», *sagði Þorsteinn*. «*Eigi er það þó*», *kvað þúki*, «*því að hann er sjálfur kyndarinn*». «*Mikið er það þá*», *kvað Þorsteinn*» (*ÍSP III, 229f*) — «Мне это не кажется слишком большой мукой», — говорит Торстейн. «И все же это не так, — сказал черт, — потому что истопник — это он сам». «Тогда это немало», — сказал Торстейн». Остается, таким

образом, неясным, почему черт считает наказание топящего печь Сигурда весьма суровым, главное же: совершенно непонятно, почему аргумент, приведенный посланцем ада ("потому что истопник — это он сам"), оказался достаточным для того, чтобы легко переубедить его собеседника и заставить последнего сразу изменить свое мнение о тяжести загробной муки Сигурда.

Дабы прояснить текст и снять очевидное противоречие, переводчик пряди на русский язык, М.И. Стеблин-Каменский, несколько отступает от оригинала: «"Ну это уж не такая мука", — говорит Торстейн. "Да, конечно, — сказал черт. — Ведь он сам топит". "Все же это большое дело", — сказал Торстейн...» (*ИС II, 459*). Вследствие внесенной поправки (как видим, черт уже не разубеждает исландца, но, напротив, соглашается с ним!) у читателя складывается твердое впечатление, что страдания Сигурда несравненно легче участи другого героя — Старкада. Подобная интерпретация, казалось бы, находит надежную опору во всем, что нам известно о личных качествах, традиционно приписываемых каждому из этих героев древности. В отличие от безупречного и прекрасного собой идеального богатыря, каким неизменно изображается Сигурд, чей светлый образ ничуть не померк даже будучи поставлен рядом с героями "нового времени" — христианскими конунгами-миссионерами (о чем свидетельствует помещенная в том же собрании королевских саг, что и рассказ о Торстейне, "Прядь о Норна-Гесте"), предатель и злодей Старкад, ведущий свой род от великанов и сам — безобразный клыкастый великан, представлялся фигурой мрачной и способной внушать ненависть и отвращение. Поэтому кажется естественным, что и в аду, на который оба они были обречены как язычники, им могла быть уготована разная участь. Ведь прегрешения Сигурда исчерпывались тем, что он не был христианином, следовательно, и расплата его не была столь же сурова, как кара Старкада, которому еще и приходилось держать ответ за свои дурные дела. Поскольку же Торстейн в первую очередь интересовал вопрос, "кто лучше всех" и "кто хуже всех терпит адскую муку", то опять-таки совершенно естественно, что Сигурд и в этом должен был одержать верх над Старкадом, подобно тому как в другой истории он одним своим видом обратил его в позорное бегство и, догнав, выбил его страшные клыки ("Прядь о Норна-Гесте")¹⁰.

Возможно, однако, и весьма отличное толкование этого места, которого, в частности, придерживаются другие переводчики "Пряди о Торстейне Морозно-Коже". Так, согласно новейшему и самому полному научному изданию саг и "прядей об исландцах" на английском языке, Сигурд исполняет роль не только "истопника", но одновременно и "топлива" для разжигаемой им печи, иными словами, оказывается обреченным на то, чтобы сжигать в ней самого себя. Это позволяет объяснить тяжесть его страданий, и соответственно подчеркнуть проявляемую им стойкость (ср.: «*"What kind of torment does he suffer?" "He kindles the oven," answered the ghost. "That doesn't strike me as much of a torment", said Thorstein. "Oh yes it is", replied the demon, "for he is also the kindling!" "There is something in that then", Thorstein said*», пер. А. Максвелла)¹¹. Подобная интерпретация предполагает конъектуру и базируется на допущении, что переписчик по ошибке употребил неверное слово. Что же касается самого этого слова, то исландское *kyndarinn* 'тот, кто зажигает', существительное мужского рода в определенной форме с суффиксом *nomen agentis* -ar, заведомо не допускает никакого (и в особенности предложенного в процитированном английском переводе!) толкования. Замена субъекта действия объектом, представляющаяся современным издателям не просто оправданной, но и совершенно необходимой в данном контексте, во-первых, призвана устранить отмеченные несообразности

в диалоге, а во-вторых, восстановить утерянный параллелизм двух рядов вызываний, относящихся к обоим эпическим героям. В самом деле: подобно тому как Торстейн, прежде чем он получает дополнительные разъяснения от черта в силу неполноты первоначального сообщения, сделанного его собеседником, не способен верно оценить наказание Сигурда, он по той же причине ошибается и на счет тяжести страданий Старкада (ср. посвященный ему диалог: «Какую же это муку он так плохо терпит? Ведь он всегда был здоровущий, как рассказывают». — «Он весь по щиколотки в огне». — «Ну это не такая уж великая мука, — сказал Торстейн, — для такого героя, как он». — «Не скажи, — отвечало привидение. — Ведь у него торчат из огня одни ступни». — «Да, это великая мука, — сказал Торстейн...», *ИС II, 459*). При условии внесенного исправления ситуация и в том, и в другом случае получает поистине анекдотическое разрешение (забегая вперед, заметим, что жанр, к которому более всего тяготеет центральный эпизод пряди, — встреча исландца с чертом, это анекдот); и там и там положение исправляет неожиданная и яркая деталь, придающая совершенно иной смысл предшествующей реплике оппонента.

Узнав, что ад постоянно оглашается отчаянными воплями Старкада, Торстейн (как он затем объяснит свое поведение Олаву Трюгтвасону) в расчете на то, что крики нечистого заставят конунга пробудиться и поспешить ему на помощь, просит черта «повопить, как он». Бесенок соглашается и, побуждаемый исландцем, издает ему в угоду три пронзительных вопля, один ужаснее другого, причем с каждым разом пересаживается поближе к Торстейну с явным намерением утащить его в ад. От последнего, самого страшного, вопля нашему герою «стало невмоготу» и он упал без чувств, однако в тот же момент зазвонил колокол, при звуке которого черт провалился сквозь пол, так что еще «долго был слышен гул от него внизу в земле». Утром в ответ на недовольный вопрос Олава, не выходил ли кто ночью один в отхожее место, Торстейн повинился в том, что нарушил его волю. У конунга это не вызвало гнева: поступок его не причинил «большого вреда», однако он подтвердил правоту тех, кто говорит, что исландцы «очень строптивы». Тогда Торстейн поведал о том, что с ним приключилось. Он заявил, что не испугался криков, которые издавал нечистый, поскольку ему вообще неизвестно, что такое страх, однако все же признался, что от последнего вопля черта у него пробежал мороз по коже (*skelkr*). Отсюда прозвище, данное ему конунгом.

Принадлежность изложенной истории к «прядям о поездках из страны» не требует доказательств — заезжий исландец, с честью выдержав выпавшее на его долю нелегкое испытание и перехитрив самого черта, завоевывает уважение конунга и становится его приближенным (как явствует из заключения, Торстейн после этого случая навсегда остался с Олавом Трюгтвасоном и погиб на Великом Зме вместе с другими его воинами). Перед нами — очередной рассказ прославляющий бесстрашие и находчивость исландца, сумевшего своими силами добиться положения в Норвегии.

Тем не менее, это не мешает одновременно видеть в «Пряди о Торстейне Мороз-по-Коже» христианскую легенду о чудесном спасении героя конунгом-миссионером¹². И хотя, казалось бы, Олав Трюгтвасон не совершает в этом рассказе ничего необычного (кроме того, что он предвидит возможность встречи с нечистой силой, подстерегающей его людей в отхожем месте), во всяком случае — ничего такого, что требовало бы именно его вмешательства: ударить в церковный колокол, чтобы прогнать беса, мог, разумеется, кто угодно, вовсе не обязательно король-креститель, окруженный в глазах исландцев ореолом святости, — Торстейн был обязан своим избавлением исключительно ему¹³. Ведь при всей эффективности «самозащиты», выстроенной героем пряди, хитрости, к которой он прибегал, общаясь с чертом, были направлены лишь на то, чтобы протянуть время и разбудить конунга: исландец от начала и до конца связывал свое спасение только с той помощью, которая должна была прийти от Олава. И его упования не были напрасны: помощь действительно подоспела, причем в тот самый момент, когда черт, приблизившись наконец к своей жертве, уже готов был схватить ее и утащить в ад. В этом своем качестве — легенды о чудесном спасении или содействии, оказанном герою святым государем, — «Прядь о Торстейне Мороз-по-Коже» может быть поставлена в один ряд с другими историями христианского содержания, в том числе и с теми, о которых уже шла речь в этом разделе.

Впрочем, явно недостаточно связывать прядь о Торстейне лишь с этой традицией. Подобно тому как христианские представления о загробном мире сливаются или причудливо переплетаются в ней с языческой верой в живых мертвецов (как уже говорилось, посланцем ада, бесом здесь оказывается павший в битве воин!), рассказ об общении исландца с чертом не может рассматриваться отдельно от других образцов несомненно исконного и, по всей видимости, весьма старинного жанра — неоднократно описываемых в древнеисландской литературе словесных «поединков» героев со сверхъестественными существами. Тем более что и в этих столкновениях (вспомним, например, эддические состязания в мудрости или не раз изображаемые встречи с великанами, в ходе которых происходил обмен поэтическими «выпадами»)¹⁴, и в пряди о Торстейне в разговоре-поединке с представителем мира иного на карту была поставлена жизнь одного из его участников. Среди известных произведений этого типа можно найти и такие, в которых словесное состязание противников также принимает форму выпрашивания оппонента, причем расспросы преследуют те же самые цели, что и в рассматриваемой истории — перехитрить собеседника и протянуть время до определенного момента, обеспечив тем самым поражение врага и собственную победу. В эддических «Речах Альвиса» Тор, вынуждая явившегося за его дочерью карлика сообщать ему сведения о том,

как что зовется в “разных мирах”, намеренно доводит разговор до рассвета, когда застигнутый лучами солнца непрощенный ночью гость из “подземелья” превращается в камень. Беседу нашего героя с чертом сопровождают, таким образом, не только отблески адского пламени и устрашающие звуки преисподней, но и не менее мрачные реминисценции отчетов о других приключениях подобного рода, инициаторами которых также были незванные выходцы из иных “пределов”, с той лишь разницей, что они имели место задолго до *síðaskipti* ‘смены обычаев’ – принятия христианства.

Между тем выше был назван еще один жанр, к которому анализируемая история может быть отнесена с ничуть не меньшим основанием. Этот жанр – анекдот. Уже приходилось упоминать о характерном именно для анекдота строении диалогов главных действующих лиц, обсуждающих адские муки грешников – героев скандинавской древности. Однако анекдотическое решение, по-видимому, получает и вся ситуация столкновения Торстейна с чертом. И не только потому, что герою удается без особого труда перехитрить нечистого. Как ни трудно проникнуть в то, что представлялось “комическим” или “трагикомическим” в далекой от нас культуре, особая повесть поведения явившегося исландцу беса, как предполагается, изображены в пряди не без юмора¹⁵. Начать с того, что, несомненно, снижен самый образ собеседника исландца. Визитером из преисподней оказывается, собственно, не черт, но *drysilðjöfull* ‘ничтожный дымовенок’ (как он сам аттестует себя и подобных себе служителей ада!), *fjandi jafnlitill* ‘маленький бесенок’, *eigi meiri þúki* ‘чертенок’ (каким он видится герою рассказа). Поступки и повадки этого “мелкого беса”, вероятно, также были способны вызывать не только страх, но и смех, – например, то, с какой готовностью он всякий раз спешил удовлетворить любопытство своей предполагаемой жертвы и в ответ на просьбу Торстейна “немного поковыть, как Старкад”, послушно и со старанием завывал, широко разевавая пасть и выкатывая глаза от натуги. Придавать комизм рассказу должно было, кроме того, и место, где произошло явление беса, и, наконец, то обстоятельство, что обратный путь в ад нечистый был вынужден проделывать напрямик через яму с нечистотами, в которую он провалился сквозь пол нужника с первыми звуками колокола. Снижение образа черта и вообще смеховая трактовка ужасного с целью сделать его переносимым, как известно, характерны для всей средневековой литературы¹⁶.

Надо полагать, что из взаимодействия этих нескольких, в самых общих чертах обрисованных здесь жанровых источников, и возник тот не имеющий аналогий “сплав”, который хотя и позволяет отнести “Прядь о Торстейне Мороз-по-Коже” к “прядям о поездках в страны”, заставляет видеть в ней произведение, не исчерпывающееся принадлежностью к рассматриваемой группе текстов.

Нельзя не заметить, что при всем несходстве “Пряди о Торстейне Мороз-по-Коже” с прочими историями, рассказывающими о том, какие последствия могло иметь для героя нарушение королевского запрета, все три пряди демонстрируют одно и то же композиционное устройство. Их общая структурная особенность – “рамочная конструкция”, в которой отчет об испытаниях, выпавших на долю героя в результате послушания государю, неизменно представляет собой автономное вставное повествование, а рассказ, посвященный взаимоотношениям исландца с конунгом – его обрамление. Композиционная модель подобного типа еще будет подробно проанализирована в своем месте и на другом материале (в связи с вопросом о нарративном приеме ретроспекции), здесь же достаточно сказать, что она получает в прядях значительное распространение. Что же касается интересующих нас историй, то в них в числе неперенных “параметров” обрамленного эпизода должны быть названы следующие его особенности. (а) *Иное место действия*, отличное от того, где разворачиваются события главного рассказа: в “Пряди об Эгиле сыне Халля с Побережья” это – Гаутланд, тогда как основное действие происходит в Норвегии и Дании; в “Пряди о Торстейне Любопытном” это – некие неведомые земли, в которые герой отправляется из Норвегии и из которых затем возвращается восвояси; в “Пряди о Торстейне Мороз-по-Коже”, где перемещения протагониста ограничены пределами усадьбы, это – отхожее место vs. жилище норвежского бонда. (б) *Иной состав персонажей*, целиком или частично отличный от того, с которым герой взаимодействует в главном рассказе: в пряди об Эгиле это – ярл Вальгаут и его приближенные; в истории Торстейна Любопытного – отшельник и змей – страж золотой рощи; в последней пряди – черт. (в) *Враждебный характер взаимодействия*, по крайней мере, с частью персонажей обрамленного эпизода: во всех трех историях жизнь протагониста подвергается опасности. (г) *Поведение героя и поступки*, которые он совершает в рамках этого эпизода, неизбежно приводят к *благодарной перемене* в его судьбе: по возвращении наградой ему становится расположение или даже особая милость государя.

Единство композиционного устройства, сопровождающееся полным тождеством функций всех частей и отношений между центральным эпизодом повествования и его обрамлением, позволяет по-новому оценить и меру взаимной близости рассматриваемых историй. В результате “Прядь о Торстейне Мороз-по-Коже” с ее едва намеченным “отчуждением” между конунгом и исландцем и отсутствием характерного для других рассказов этой группы мотива расплаты за послушание – поручения, от выполнения которого зависит дальнейшая судьба героя, – уже не должна показаться историей, лишь отчасти вписывающейся в общий круг. Очевидно, что трудное задание – это всего-навсего один из стандартных способов мотивировать

перемещение героя пряди в то самое "иное место" (и одновременно центральную часть повествования!), где ему придется пройти через опасное испытание, соприкоснувшись с некоей "нечистью", и одержать над ней победу с помощью христианского короля. И, напротив, в дополнительном комментарии будет нуждаться "Прядь об Эгиле сыне Халля с Побережья" как произведение, хотя и выстроенное в точном соответствии с той же композиционной схемой, но обладающее значительно более сложной структурой.

В самом деле: в отличие от других рассказов этого типа, в пряди об Эгиле начальная часть повествования, посвященная взаимоотношениям исландца с конунгом, не сводится к собственно "обрамлению" – введению центрального эпизода (испытания / миссии героя), но имеет самостоятельное значение и вес. Больше того: при ближайшем рассмотрении оказывается, что перед нами вполне самостоятельная история, проходящая все необходимые фазы от зарождения конфликта между ее главными персонажами до его разрешения. Эгиль идет против воли государя, за что ему обещано суровое наказание. Неожиданно для обеих сторон это наказание оборачивается "небесной карой" – тяжким недугом, который сам герой, по-видимому, принимает как воздаяние за свой проступок, хотя оно получает и иное, "материалистическое" объяснение (зловредные действия колдуна, забрасывающего зараженный предмет на один из кораблей норвежцев). После троекратных уговоров и увещаний (как нам еще предстоит убедиться в дальнейшем, троекратность повторения того или иного действия на стадии разрешения конфликта, – едва ли не универсальный прием, без которого обходится редкая прядь) конунг, хотя и с большой неохотой, все же соглашается посетить умирающего. В результате наступает перелом в их отношениях: тронутый до слез мужеством исландца и его искренним раскаянием, Олав возлагает руки ему на грудь. От прикосновения святого больного вскоре поправляется, после чего конунг возвращается со своим войском в Норвегию. Казалось бы, конфликт урегулирован: проявленная Олавом милость и то, что по выздоровлении героя конунг не возобновляет угроз в его адрес, вполне может быть истолковано как прощение¹⁷, тем более, что благоприятный исход болезни Эгиля – ясный знак того, что он удостоился божественного снисхождения и стало быть, не должен более преследоваться земным правителем (напомним, что именно так понимает оказанную исландцу помощь свыше другой конунг – Харальд Суровый в "Пряди о Торстейне Любопытном"). Из сказанного следует, что история могла бы на этом завершиться – исландец показал себя мужественным и достойным человеком, а святой конунг совершил чудо и продемонстрировал милосердие и мудрость. И однако же ее конец откладывается: к традиционному сюжету пряди об исландце в Норвегии в качестве продолжения прибавляется типичный сюжет "пряди о крещении". Ока-

зывается, что нашему герою недостаточно уже понесенного им наказания, и он (подчеркнем еще раз – без малейшего принуждения со стороны конунга!) вместе со своим другом добровольно является к Олаву за новым, в результате чего и получает то трудное задание, от выполнения которого зависит, сумеет ли он вернуть себе расположение государя.

Знаменательно, что составитель одной из последующих редакций "Саги об Олаве Святом" ("Tómasskinna", GKS 1008, fol., ок. 1400 г.)¹⁸, по-видимому, осознавая недостаточную обоснованность поведения участников конфликта, и в первую очередь того обстоятельства, что герой наказывается дважды, решил внести в текст пряди ряд довольно существенных изменений. Прежде всего он счел необходимым переложить основную вину за освобождение пленников на друга главного героя, Тови. Герои меняются местами – уже не Эгиль хочет проявить милосердие, тогда как Тови предостерегает его, но, наоборот, Тови склоняет исландца нарушить королевский запрет, на что тот поначалу не может решиться. В результате, если в версии "Flateyjarbók" вина целиком пала на Эгиля, а Тови оставался в стороне, в позднейшей редакции пряди виновников двое, причем Тови несет большую ответственность, чем Эгиль. О том, что это изменение не было случайным, свидетельствует следующий эпизод, в ходе которого умирающий Эгиль, утраченный тем, что на него одновременно обрушились "гнев и Бога, и конунга" (guds reiði ok konungs), умоляет своего друга привести к нему Олава. Тови готов выполнить его просьбу, однако замечает, что он – неподходящий посланец, потому что на нем лежит "та же вина", что и на Эгиле (ek er börgin samni mikum sem þú). Конунгу об этом, несомненно, также известно: если в более ранней редакции рассказа он сперва вообще не удостоивает Тови ответом, а затем сердито велит ему уйти, то здесь государев гнев столь велик, что между ними во избежание беды бросаются другие дружинники (menn hlupu j milli). Тем самым "гаутландская миссия" героев недвусмысленно обосновывается как наказание Тови. Подспудно эта мотивировка присутствовала и в более ранней версии пряди – ведь поручение конунга касалось не кого-нибудь, а отца Тови, ярла Вальгута, однако поскольку, согласно этой версии, гаутландец не был "нарушителем", он фактически оказался в конфликте с конунгом лишь заодно со своим другом. Одновременно появляются более веские основания считать, что Эгиль, чьим наказанием стал опасный недуг, получил прощение Олава еще на одре болезни. Напомним, что в более раннем варианте рассказа конунг первоначально далек от милосердия: он готов помолиться об исцелении больного лишь потому, что рассчитывает затем расквитаться с ним за его проступок. Подобное же явление Олав делает и в версии "Tómasskinna". Однако здесь, посетовав на то, что болезнь исландца помешала ему наказать его, он тут же дезавуирует свои слова: "Я сказал это не всерьез (enn eigi mæli ek þetta af aluorðu), потому что известно, что мы милосердны", после чего соглашается посетить Эгиля.

Возложенное на Эгиля и его друга Тови поручение во что бы то ни стало добиться добровольного приезда к св. Олаву закоренелого язычника с целью его обращения и следующий за этим рассказ об успешном осуществлении этой миссии – сюжет, как уже было замечено, характерный для одной из разновидностей "прядей о крещении". Очевидно, что из этих последних задания такого рода порой переносились и в отдельные истории о взаимоотношениях исланд-

цев с королями-крестителями. В "прядах о поездках из страны", однако, для их мотивации уже было недостаточно естественного стремления христианизаторов Норвегии повсюду насаждать новую веру: требовалось объяснение, напрямую связывающее миссию главного героя с ситуацией "отчуждения" и последующего "примирения" между ним и государем. Вследствие этого функция, которую в "прядах о крещении" могла быть выполнена кем угодно — не только королевским дружинником, но и самим конунгом (ср., например "Прядь об Эйндриди Широкопостом", где Олав Трюггвасон, сам лично явившись к богатому бонду, противившемуся переходу в новую веру, доказывает ему превосходство своей религии, одолевая его в серии состязаний, *Flat. I, 456-464*), в "прядах о поездках из страны" закрепляется исключительно за провинившимся исландцем, который должен таким образом искупить свой проступок.

Нельзя исключить, что именно необходимость поиска мотивации иного рода, нежели та, что привычно использовалась в "прядах о крещении", и приводит к разнoboю в обосновании условий, при которых герою поручалась его трудная "миссия", когда тот же мотив переносился в "пряди об исландцах". Если в пряди об Эгиле сыне Халля путешествие к неверному, по сути дела, оказывалось избыточным наказанием, приводящим к удвоению фазы разрешения конфликта, то в весьма похожей на нее истории — "Пряди о Торвальде Тасальди" (*"Þorvalds þáttur tásalda"*, № 21) аналогичное задание данное исландскому купцу Олавом Трюггвасоном, вообще не получает внятного оправдания. Возникает впечатление, что автор этой пряди, перебирая разные возможности введения ее центрального эпизода — рассказа о посещении Торвальдом Барда Могучего, — так и не смог сделать окончательный выбор и потому воспользовался одновременно несколькими решениями.

Герой этой истории сперва представляется жертвой злословия завистливого дружинника, а затем, вследствие подстрекательства все того же недоброжелателя, — заложником собственного любопытства: исландец выспрашивает у конунга причину его печали и в результате отправляется исполнять его поручение. Оба эти мотива совершенно независимы один от другого. Оговор врагов и сам по себе составляет достаточный повод для конфликта (см. ниже), и следовательно, может служить обоснованием выдвижения одной из сторон условий последующего примирения. Что же касается сопряженного с ним здесь распространенного приема, позволяющего рассказчику, не прибегая к особым ухищрениям, по мере необходимости вводить в действие помощников, — универсального правила, согласно которому "тому и помогать чужой беде (или заботе), кто ней спрашивает" — то он, напротив, ни в коей мере не предполагает "отчуждения" между сторонами. Тем не менее, рассказчик прежде не отказывается и от этого последнего мотива, в данном контек-

сте, по всей видимости, также представляющего собой наследие "прядей о крещении" с их "бесконфликтным" обоснованием миссии королевского посланца (так, в уже упоминавшейся "Пряди об Эйндриди Широкопостом" Олав отправляет к неверному того самого дружинника, от которого узнает, что поблизости живет некрещенный бонд, поскольку тому и надлежит исправлять положение, кто первым о нем рассказал)¹⁹. Как представляется, это странное смешение мотивировок поручения, данного главному герою, — не оплошность автора, но прямой результат соединения двух жанровых разновидностей прядей. Одна из них, по традиции ставившая своей целью прославление исландца, рассказывала о том, как он сумел, пройдя через испытания и показав себя с наилучшей стороны, совершить то, с чем ранее не справились многочисленные посланцы конунга: успешно выполнить полученное им трудное задание и заслужить награду — вернуть себе расположение государя и добиться изгнания клеветника. Другая имела в виду посредством осуществления миссии исландца и оказанной ему при этом чудесной помощи прославить святого короля и показать преимущество и торжество истинной веры. Объединение этих двух задач приводило к тому, что в лице Олава Трюггвасона, конунга, одновременно выступающего здесь в двух ролях, — недовольного правителя, отправляющего Торвальда в опасное путешествие, и святого помощника, чья поддержка и позволила ему одолеть могучего противника, "покровитель" брал верх над "гонителем". Это и нашло отражение в отправной точке рассказа, где продиктованный его принадлежностью к "прядам о поездках из страны", но лишь едва намеченный конфликт конунга с исландцем²⁰ был отодвинут в сторону более приемлемой "мирной" мотивацией порученной исландцу миссии, куда лучше согласующейся с условиями ее выполнения.

Однако сходство "Пряди о Торвальде Тасальди" с "Прядью об Эгиле сыне Халля с Побережья" не исчерпывается их композиционным устройством, а также тем, что обе они родились из соединения двух жанровых разновидностей прядей и демонстрируют "издержки", обусловленные своим не вполне обычным происхождением. Помимо этого, они еще и обнаруживают целый ряд существенных структурных схождений — вообще нередких в рассказах, посвященных обоим Олавам, — которые в первую очередь и требуют их совместного рассмотрения. Как уже говорилось, в обеих историях конунг направляет героя к некоему могучему мужу, упорно не соглашающемуся прибыть к нему и принять крещение. В "Пряди об Эгиле" это — закоренелый и активный язычник, "большой любитель приносить жертвы" (*blótamaður mikill*), в рассказе о Торвальде, напротив, — человек, по его собственным словам, не верящий "ни в идолов, ни в дьявола" (*skurðgoð eða fjandur*), но привыкший во всем полагаться только "на собственные мощь и силу" (*trúað á mátt minn*

og megin). (Таких благородных “безбожников” немало в древнеисландской литературе и особенно в тех сагах, авторы которых, уже христианских позиций с нескрываемой враждебностью оценивая веру в богов-асов, пытаются “задним числом” оправдать своих наиболее достойных персонажей, живших в языческие времена и особенно в эпоху, когда происходила “смена обычаев”, и еще не успевших убедиться в преимуществе истинной веры²¹.) Далее, в обеих историях герой отправляется в путь в сопровождении своего друга и помощника, который разделяет с ним все опасности, сопряженные с выполнением “трудного задания”. И там и там оба друга схвачены по приказу своего могущественного противника и оказываются в его власти, однако вскоре отпускаются им на свободу по собственному почину. В обеих прядях главный герой добивается успеха и принуждением, но прежде всего силой убеждения: ярл Вальгаут изменяет свое решение и отправляется к Олаву Святому после того, как выслушивает проникновенную речь Эгиля; Бард Могучий делает то же, когда узнает от Торвальда, что исландец смог одолеть его в единоборстве только с помощью хранившегося у него на груди платка с именами христианского Бога, полученного им от Олава Трюггвасона. Наконец, в обеих историях крещение язычника происходит в некоем удаленном от королевской резиденции месте, куда конунг с готовностью отправляется по просьбе своего гостя; за крещением следует скорая кончина новообращенного, после чего управление его владениями переходит к его наследнику — тому самому другу главного героя, с помощью которого было осуществлено это предприятие. Часть этих общих для обеих прядей мотивов обычаев присутствует в “прядях о крещении”.

Представляется, что к тому же ряду должна быть причислена и уже упоминавшаяся ранее “Прядь о Торорде сыне Снорри” (*Þórðar þáttir Snorrasonar*, № 17), известная как из “Книги с Плоского Острова”, так и из “Круга Земного” (КЗ, 299–303). Подобно героям рассмотренных историй, Торорд также отправляется по распоряжению правителя Норвегии с трудновыполнимым поручением к язычникам, причем результатом этого опасного путешествия становится его примирение с конунгом. Перед нами, таким образом, “обрамленное” повествование, в целом укладывающееся в рамки уже знакомого типа историй о взаимоотношениях между исландцем и государем-миссионером. Между тем последний рассказ представляет эту модель в значительно трансформированном виде.

Прежде всего, в нем иначе, чем в других “прядях об исландцах”, мотивируется отправка героя. Стремясь освободиться из своего положения заложника, Торорд сам вызывается выполнить задание, уже стоявшее жизни многим посланцам конунга: “ему все было не по чужому, лишь бы быть свободным” (об инициации конфликта в этой пряди см. выше). Но, пожалуй, главная особенность этой истории

состоит в том, что данное герою поручение не имеет своей конечной целью обращение приверженцев старой веры. — исландец и его спутники едут к язычникам в Ямталанд (пограничная область между Норвегией и Швецией) не убеждать неверных явиться к христианскому конунгу, а собирать подати. Соответственно, иной оборот принимают здесь и те неизбежные испытания, через которые проходит главный герой. Как и в предшествующих историях, протагонист и его друг (эта роль отводится единственному уцелевшему из одиннадцати спутников Торорда) оказываются во власти язычников и подвергаются заточению, однако на этот раз свободу им возвращают не бывшие противники, которых им (в отличие от Эгиля сына Халля и Торвальда Тасальди) не удастся убедить подчиниться конунгу, но собственные отвага и хитрость. В итоге, так и не выполнив государственного поручения, герои спасаются бегством — основное их достижение в том и состоит, что они сумели избежать гибели. Однако злоключения Торорда и его спутника на этом не заканчиваются. Заключившись в чердаке заброшенного дома в лесных дебрях, они становятся свидетелями того, как огромная троллиха отправляет одного за другим в огонь дюжину забредших туда же на ночлег купцов, и не разделяют их участи только благодаря своему проводнику, могучему разбойнику Арнльоту Геллини, пронзающему великаншу своим золоченым копьем. С помощью Арнльота Торорд и его спутник возвращаются к конунгу Олаву и передают ему подарок этого доблестного мужа — серебряное блюдо и его привет: на прощание Арнльот просит исландца сказать конунгу, что ему “никого так не хотелось бы встретить, как его”. Эта поездка вернула Торорду расположение конунга, и с наступлением весны герой смог беспрепятственно вернуться домой, в Исландию.

История взаимоотношений Торорда с правителем Норвегии на этом заканчивается, однако оказывается, что рассказ о поездке государевых посланцев в Ямталанд еще не завершен. Много позднее — спустя семьдесят с лишним глав (в гл. ССХV “Саги об Олаве Святом”) он получает неожиданное продолжение уже в отсутствие героя-исландца. Перед последним и роковым для Олава сражением к нему является Арнльот Геллини — тот самый проводник Торорда, который способствовал благополучному исходу его экспедиции. Он предлагает конунгу свою поддержку и напоминает ему о помощи, которую ранее оказал его людям, а также о посланном с ними в знак дружбы серебряном блюде. Этот эпизод с полным основанием может рассматриваться как “послесловие” к “Пряди о Торорде”, причем связь между двумя текстами, несмотря на разделяющее их изложение саги, получает и формальную поддержку: ее удостоверяет высказанное конунгом Торорду сожаление о том, что Арнльот не пришел к нему сам, — замечание, имеющее целью подготовить его последующее появление²². Однако более существенным представляется

другое: только здесь, в этой заключительной сцене, в повествовании наконец вторгается христианская тема, без которой обходятся не многие рассказы об Олаве. Прежде чем разрешить Арильоту примкнуть к числу его сторонников, конунг интересуется, какой он веры. Из ответа благородного разбойника следует, что он – из тех, кто привык верить “в свою мощь и силу”, но теперь готов полностью довериться конунгу (КЗ, 356). После этого Арильот принимает крещение и вскоре погибает в битве при Стикластадире вместе с Олавом.

Так обращение Арильота представлено в “Круге Земном” и “Легендарной саге”. В “Книге с Плоского Острова” мы находим иную версию того же рассказа, в большей степени отвечающую модели перехода в христианство, наблюдающейся в тех “прядях о поездках из страны”, которые вобрали в себя мотивы, характерные для “прядей о крещении”. Как и персонажи рассмотренных ранее историй, Арильот здесь поначалу сопротивляется миссионерской деятельности Олава и отказывается креститься, не желая утратить самостоятельность и отойти от той “веры, которой ему до сих пор было достаточно”. Изменить решение его вынуждает непреклонность Олава, заявляющего, что в таком случае он не нуждается в его помощи и им надлежит расстаться. Арильот уходит, однако желая служить конунгу, которого он считает “великолепнейшим из людей”, заставляет его вернуться и принять крещение²³. Как видим, “Прядь о Торорде сыне Снорри”, несмотря на вполне “светские” темы ее главного эпизода, в конечном счете также выливается в рассказ об успешной миссионерской деятельности Олава Святого. Наиболее существенная особенность этого произведения, отличающая его от прочих, заключается в том, что неприменные испытания, через которые проходит в нем герой-исландец, на этот раз прямо связаны с миссией короля-крестителя, но соотносятся с ней лишь косвенно – через встречу, подготавливающую последующее явление и обращение “безбожника”. Таким образом, набор традиционных мотивов, обычно присутствующих в прядях, где конфликт исландца с одним из Олавов должен быть разрешен вследствие выполнения героем трудного задания, налицо и здесь, хотя и подвергся заметным изменениям.

В заключение остается заметить, что общие мотивы, а в отдельных случаях и повторяющиеся модели, которые мы могли наблюдать в рассмотренных здесь прядях, проявляются не на стадии зарождения конфликта, но на стадии его разрешения. Именно на этом этапе развертывания действия – в ходе преодоления возникающей по разным причинам “отчужденности” – обнаруживаются черты, позволяющие объединить обсуждавшиеся истории в определенный “тип” текстов, связанный сходством композиционного построения (образное повествование), а за одним единственным исключением (“Прядь о Торстейне Мороз-по-Коже”) – и способом восстановлен

мира между героями (выполнением трудного задания). По этой причине возникла необходимость раздвинуть круг произведений, которые, как и в предшествующей группе прядей, первоначально выделялись лишь с учетом условий инициации конфликта, дополнив анализ привлечением историй, демонстрирующих аналогичные способы его разрешения. Оказалось, что нарушение королевского запрета – далеко не единственный повод для “отчуждения” между правителем и исландцем, побуждающий конунга отправить главного героя рассказа в путь с опасным и трудновыполнимым поручением. Та же “схема” восстановления мира между центральными персонажами пряди в отдельных случаях обнаруживается и в историях, где конфликт инициируется недружелюбными действиями правителя, ущемляющими права или самолюбие героя-исландца, либо кознями наветчиков. Об особенностях рассказов последнего типа пойдет речь в следующем разделе.

¹ Напомним, что эта же причина возникновения конфликта прослеживается, кроме того, еще в двух историях – в “Пряди об Одде сыне Офейга” (№ 11) и в “Пряди о Торстейне сыне Халля с Побережья” (№ 29), однако отчуждение между правителем и героем возникает в этих прядях не по ходу действия рассказа, а задается в исходной ситуации, иными словами, существует изначально (см. выше).

² В ответ на требование Олава Тови прямо говорит, что его невозможно выполнить, если только “тому не будет способствовать твоя удача” – “þessu verður eigi á leið komið nema þinnar hamingju njóti við því” (ISP III, 2112).

³ К тому же ряду автор пряди явно относит и отличающий святого конунга дар предвидения. Увидев малолетнюю дочь Эгилы Торгерд, Олав замечает, что ей, как он ожидает, не будет недоставать “удачи”. И, прибавляет рассказчик, так и вышло, ибо она стала матерью епископа Йона Святого (ISP III, 2109).

⁴ Остается открытым вопрос, в какой мере (если это вообще возможно) следует усматривать в рассказе о странствии Торстейна скрытый аллегорический смысл, а также предполагать присутствие в пряди сознательных библейских аллюзий. Ср.: Harris J. Theme and Genre in Some *Íslendinga þættir* // *Scandinavian Studies*. 1976. Vol. 48. P. 14.

⁵ Тот факт, что запрет как таковой не высказан здесь прямо, не меняет дела: запрет и нарушение запрета образуют парный элемент, в котором, согласно анализу материала сказок, “вторая половина иногда может существовать без первой”. См.: Пропп В.Я. Морфология сказки. С. 31.

⁶ Ср.: Пропп В.Я. Цит. соч. С. 30–55.

⁷ Косвенное указание на последнее содержится в заключительном сообщении пряди, где говорится, что Торстейн “сперва отправился в Исландию, однако он погиб вместе с конунгом в Англии” (ISP III, 2285).

⁸ Заметим, что последнее сказано и о герое другой, самой знаменитой истории – Аудуне с Западных Фьордов.

⁹ О смешении языческих и христианских представлений о загробном мире в этой пряди см.: Гуревич А.Я. “Прядь о Торстейне Мороз-по-коже”, загробный мир и исландский юмор // *Скандинавский сборник*. Т. XXIV. Таллин, 1979. С. 125–131.

“Прядь о Торгриме сыне Халля” (№ 15); “Прядь о Торвальде Тасальди” (№ 21); “Прядь о Торарине сыне Невольва” (№ 31)¹.

Как видим, лишь одна из прядей, принадлежащих к этой небольшой группе, будет привлечена к рассмотрению впервые, к остальным нам приходилось обращаться и раньше, причем упоминались они в разных контекстах: “Прядь о Торгриме сыне Халля” в связи с анализом способов представления конфликта, порожденного убийством приближенного правителя, “Прядь о Торвальде Тасальди” – среди рассказов, в которых традиционное “отчуждение” преодолевается благодаря успешному выполнению героем трудного задания. Уже из этого следует, что сходные элементы, которые можно надеяться выявить в вышеперечисленных историях, скорее всего, должны принадлежать исключительно к начальной стадии инициации конфликта.

И действительно, именно здесь обнаруживаются заметные аналогии между тремя рассказами.

Торарин сын Невольва и его друг Торстейн приезжают в Норвегию ко двору Олава Святого (“Þórarins þáttir Neffjólfssonar”, № 31). Конунг радушно принимает их и указывает им места в пиршественной палате, которые им впредь предстоит занимать. Их соседям по скамье, двум королевским дружинникам, Хельги и Ториру², приходится передвинуться дальше, и они оскорблены тем, что вновь прибывших гостей усадили на более почетные места. Неприязнь к невольным обидчикам побуждает их оговорить друзей перед государем: якобы они – заговорщики, подосланные Кнудом Могучим, чтобы убить Олава.

Торгриму сыну Халля (№ 15) также приходится столкнуться с двумя злокозненными “однокамейщиками” (sessunautar) – братьями Бьярни и Тордом, чье враждебное отношение к герою, проявившееся еще во время их совместного путешествия в Норвегию, должно было лишь усугубиться из-за того, что ему, как и главным персонажам предыдущей пряди, отвели лучшее место за пиршественным столом. Хотя недружелюбие братьев вообще не получает здесь эксплицитного объяснения, то обстоятельство, что королевский наместник оказывает куда большее уважение Торгриму, усаживая именно его на предназначенное для гостей второе почетное сиденье напротив хозяйского, очевидно, отмечается в пряди преднамеренно. Вполне возможно, что таким образом рассказчик указывает на одну из причин, побудивших Бьярни и Торда посорить Кальва с Торгримом.

Подобно героям упомянутых рассказов, Торвальд Тасальди (№ 21) также поначалу пользуется расположением государя: дружба

- ¹⁰ Norna-Gests þáttir // Fornaldar sögur norðurlanda / Ed. Guðni Jónsson. Reykjavík, 1954. Bd. I. Bls. 321–324.
- ¹¹ The Complete Sagas of Icelanders / Ed. Viðar Hreinsson et al. Reykjavík, 1995. Vol. I. P. 395. Аналогичное прочтение этот обмен репликами получает и в переводе пряди на датский язык (см.: Tyve Totter fra sagaerne om de norske konger / Oversættelser, indledning og noter M.L. Rønsholdt. København, 1986. S. 47).
- ¹² Ср.: Lindow J. “Þorsteins þáttir skelks” and verisimilitude of supernatural experience in saga literature // Structure and Meaning in Old Norse Literature. New Approaches to Textual Analysis and Literary Criticism / Ed. J. Lindow, L. Lönnroth, G.W. Weber. Odense, 1986. P. 264–280; Rowe E.A. Cultural Paternity in the Flateyjarbók “Óláfs saga Tryggvasonar” // Alvismál. 1998. Nr. 8. S. 3–28.
- ¹³ Ср.: Гуревич А.Я. Цит. соч. С. 126. В противоположность высказанной здесь точке зрения, автор статьи придерживается того мнения, что данная прядь – «это рассказ не о том, “как король прогнал черта”, а о том, “как Торстейн перехитрил черта и не испугался его”». Как я пытаюсь показать, одно не исключало другого.
- ¹⁴ Об одном из таких столкновений – разговоре великанши с Браги см.: Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. С. 45–49.
- ¹⁵ См.: Гуревич А.Я. Цит. соч. С. 129–131. Дж. Харрис называет эту прядь “фарсом”; см.: Harris J. Theme and Genre in Some Íslendinga þættir. P. 14.
- ¹⁶ Гуревич А.Я. Цит. соч.; Он же. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981, гл. VI.
- ¹⁷ Ср.: Harris J. Op. cit. P. 14.
- ¹⁸ Saga Óláfs konungs hins helga. Den Store Saga om Olav den Hellige / Utg. O.A. Johnsen og Jón Helgason. Bd. 2. S. 784 ff.
- ¹⁹ Þáttir Eindríða ílbreiðs // Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner gal út. Reykjavík, 1949. Bls. 90.
- ²⁰ Поначалу конунг не желает прислушиваться к речам клеветника и велит ему замолчать: он предпочитает “судить о своих людях самостоятельно”, однако затем завистник все же добивается желаемого: “И оттого, что Хельги не только не стал злословить меньше, но даже пуще прежнего настаивал на своем, дело, наконец, дошло до того, что конунг отдалился от Торвальда” (ÍSA III, 2317). Больше об “отчуждении” между Олавом и главным героем в пряди ничего не сказано.
- ²¹ Об этой теме в сагах см.: Lönnroth L. The Noble Heathen: A Theme in the Sagas // Scandinavian Studies. 1969. Vol. 41. P. 1–29; Weber G.W. Irreligiosität und Heldenzeit. Zum Mythencharakter der altisländischen Literatur // Speculum Norroenvm. Norse Studies in Memory of Gabriel Turville-Petre / Ed. U. Dronke et al. Odense, 1981. P. 474–505.
- ²² С наибольшей определенностью это выражено в позднейшей редакции саги в “Книге с Плоского Острова” (Flat. II, 274). В ранней “Легендарной саге об Олаве Святом”, где “Прядь о Торорде” отсутствует вовсе, тоже сообщается о приходе Арнльота Геллини, причем он и здесь ссылается на свою встречу с Торордом сыном Снорри и переданный с ним Олаву дар – “знак того, что он хотел примкнуть” к конунгу (Óláfs saga hins helga. Die “Legendarische Saga” über Olaf den Heiligen. S. 184). Хотя Торорд в этой саге ранее не упоминался, эпизод с Арнльотом со всей очевидностью указывает на существование какого-то другого раннего источника, в котором, так же как и в “Круге Земном” и последующих редакциях саги об Олаве, был приведен рассказ о поездке королевских посланцев в Ямталанд.
- ²³ Flat. sp. 491, kap. 212. Цит. по: Saga Óláfs konungs hins helga... Bd. 2. S. 823.

Олава Трюггвасона стала ему наградой за то, что по прибытии в Норвегию он без колебаний принял предложение конунга креститься. И здесь добрые отношения между исландцем и правителем омрачаются из-за злословия завистника, причем поводом для него вновь служит не что иное, как местничество. Пригласив Торвальда провести у него зиму, конунг указывает ему место в палате между двумя своими дружинниками — доброжелательным и благородным Сигурдом (ему затем предстоит сыграть роль друга и спутника главного героя) и заносчивым Хельги (напомним, что то же имя носил и первый наветчик в “Пряди о Торарине”), который испытывает ревность к Торвальду и при всяком удобном случае старается очернить его перед конунгом. Таким образом, и в этой пряди герой-исландец вступает во взаимодействие с двумя королевскими дружинниками — своими соседями по скамье, однако на сей раз только один из них (а не оба, как в других историях) из зависти пытается оговорить его и поссорить с конунгом. Не исключено, что подобного рода “миграция” одного из ключевых персонажей пряди из стана врагов в стан друзей может быть обусловлена используемой в ней моделью разрешения конфликта, в соответствии с которой для выполнения трудного задания герою полагался помощник, готовый разделить с ним испытания, связанные с предстоящим опасным путешествием.

В каждой из трех историй попытки недоброжелателей навредить герою в конце концов достигают цели: на смену доверию и дружбе между исландцем и правителем неизменно приходит отчуждение. Обвиненные в заговоре Торарин и его друг Торстейн (а заодно с ними и родич Торарина, Бьярни) брошены в темницу и ожидают казни, от которой их спасает чудесный исход ордалии (см. ниже). Торgrim сын Халля, не снес оскорблений злокозненных братьев и убив одного из них, становится жертвой скорого и неправого суда, который вершит настроенный против него королевский наместник, и, будучи объявлен вне закона, гибнет от рук оставшегося в живых обидчика. Олав Трюггвасон, поначалу не склонный доверять наветам клеветника, в итоге все же отдалается от своего друга Торвальда Тасальди и дает ему опасное поручение, ранее уже стоившее жизни двум дюжинам его посланцев. Таким образом, при явном несходстве характера и протекания конфликта в этих прядях, он во всех случаях получает тождественное обоснование.

Нетрудно заметить, что рассматриваемый способ инициации конфликта, по крайней мере в отдельных его проявлениях, весьма близок к ситуации, уже наблюдавшейся ранее и типичной для целого ряда прядей, а именно для тех, в которых имеет место убийство королевского приближенного, провоцируемое его враждебностью по отношению к герою. Напомним, что к этой же группе должны быть отнесена и обсуждаемая здесь вновь “Прядь о Торgrimе сыне Халля” — история, в которой злословие клеветников, поставивших

перед собой цель во что бы то ни стало рассорить героя с наместником конунга, сочетается с оскорбительными выпадами в его адрес, в конце концов приводящими к гибели одного из антагонистов. Попытки очернить героя-исландца в глазах государя в соединении с прямым его поношением налицо и в “Пряди о Торвальде Тасальди”. Зловредный дружинник Хельги награждает здесь Торвальда пренебрежительной кличкой “салоед” (*landi = mörlandi*) — стандартным оскорблением, которое используется в прядях всякий раз, когда их персонажи-норвежцы желают выразить исландцам свое презрение (*ÍSP III, 2317*). Тем, что он не испытывает страха “перед каким-то салоедом” (“*Ekki egum vér hræddir við hann mörlanda*”, *ÍSP III, 2145*), бравирует — за считанные мгновения до собственной гибели — и антагонист в “Первой Пряди о Халльдоре сыне Снорри”. Напомним, что и он не только выказывает исландцу свою неприязнь, но и вдобавок прикладывает немалые старания к тому, чтобы опорочить Халльдора в глазах хозяйки дома, с которой тот поддерживает дружеские отношения. Городской управляющий Кетиль, из-за убийства которого герой другой пряди, Храфн сын Гудрун, навлекает на себя гонения со стороны конунга Магнуса Доброго, также всячески пытался злословием отвести от исландца его доброжелателей — свою жену и дочь (“Прядь о Храфне сыне Гудрун”). Оговор, таким образом, имеет место и в рассказах, где отчуждение между главными персонажами в конечном счете оказывается продиктованным не им, а другими причинами. Где же в таком случае проходит граница между двумя типами прядей?

Прежде всего, необходимо заметить, что, в отличие от рассматриваемых здесь историй, ни в “Первой Пряди о Халльдоре сыне Снорри”, ни в “Пряди о Храфне сыне Гудрун” усилия наветчиков не увенчиваются успехом. Их измышления встречают горячий отпор у тех, кто их выслушивает, сами же они гибнут от рук разгневанных героев, когда те наконец выходят из себя, отказываясь долее терпеливо сносить дерзости обидчиков. При этом не меньшее значение, чем достижение клеветниками желаемого результата, имеет и то, *перед кем* оклеветаны герои. В историях, где в основе отчуждения лежит оговор, направленные против героев наветы антагонистов имеют своим адресатом непременно самого правителя, тогда как в рассказах, где конфликт вызывается провоцируемым злословием убийством антагониста, подобные речи обращены не к государю (или замещающему его могущественному мужу), но к особам, которые сами не облечены властью и, соответственно, не обладают правом карать или миловать и лишь являются доброжелателями героев. Последнее обстоятельство, надо полагать, и предопределяет существенно различные сюжетные перспективы “оговора”, способного выполнять разные функции в разных типах рассказов и, как мы могли убедиться, отливающегося в них в устойчивые формы отнюдь

не тождественной структуры и характера. В одних случаях оговор и сам представляет достаточный предлог для конфликта, в других — он только способствует созданию такого предлога. В “Пряди о Торгриме сыне Халля” — произведении, которое отличается весьма необычным усложнением композиции (удвоением конфликта и наличием двух “пар” центральных героев — исландца и правителя; см. выше), эти функции совмещаются, приводя к весьма неожиданному результату. В основе его лежит нарушение отмеченной здесь закономерности в распределении ролей: наветчик в этой пряди обращается не к “частному лицу”, но непосредственно к сильному мира сего, настраивая его против героя-исландца, вследствие чего последний убивает клеветника, уже успевшего своим злословием поссорить его с властителем. Налицо, таким образом, двойное обоснование конфликта — убийство приближенного правителя и достигший своей цели оговор. Сложение этих факторов перечеркивает возможность преодолеть возникшее “отчуждение” и добиться восстановления мира между главными героями, т.е. завершить инцидент так, как обычно разрешаются конфликты в “прядях об исландцах”: инициированная оговором и убийством антагониста ссора Торгрима с королевским наместником влечет за собой скорый и неправый суд над исландцем и его гибель.

В целом же оговор врагов не мог оставаться неоплаченным. В тех историях, где он выступал в качестве причины последующего отчуждения между центральными персонажами, к нему, судя по всему, прилагалось и однотипное завершение конфликта — наказание наветчиков. Так, в “Пряди о Торарине сыне Невьольва” за оправданием главных героев и их примирением с Олавом Харальдссоном следует расправа над клеветниками. Оба они были схвачены, заключены в оковы и вынуждены признать лживость своих измышлений, после чего конунг предоставил потерпевшим право вынести им приговор. Сам он полагал, что их следует казнить, — т.е. покарать так же, как должны были быть наказаны оклеветанные ими Торарин и Торстейн, если бы их вина подтвердилась, — однако Торарин присудил их к изгнанию и уплате значительных штрафов. В “Пряди о Торгриме сыне Халля”, где наветчики погибают по ходу развертывания конфликта, — один от рук главного героя в отместку за клевету, а другой (убийца Торгрима) — от рук мстителя, конунг также под конец заботится о том, чтобы справедливость в отношении пострадавших была восстановлена. Торгрим реабилитирован посмертно, а его мститель Кольгрим освобожден, и к нему, как и к сыну Торгрима, переходит имущество злокозненных братьев. Что же до Торвальда Тасальди, то, успешно выполнив порученное ему трудное задание, он сам требует от Олава Трюггвасона изгнания своего недруга Хельги, признавая, что это наказание — наименьшее возмездие за негодя, после чего тот оставляет королевскую службу. Таким обра-

зом, в каждой из трех историй наветчикам была уготована та же участь и то самое наказание (если только оно не было облегчено самими потерпевшими), которому ранее подверглись или едва не подверглись оклеветанные ими герои.

Последний мотив, воздаяние клеветнику, не является специфической особенностью “прядей о поездках из страны” (ниже он встретится нам также в “Пряди о Хрои”), как, разумеется, и прядей вообще (ср., например, XXX функцию волшебной сказки, *наказание врага*³). Другое дело — характерное именно для рассматриваемых историй представление причин и обстоятельств, при которых происходит инициация конфликта между героем и государем, а также специфический и типичный для них “состав” наветчиков. Здесь мы, несомненно, можем наблюдать, как реализуются традиционные модели и возникают вариации, обусловленные их сочетанием с другими мотивами.

¹ Среди рассказов, в которых “отчуждение” между исландцем и правителем присутствует изначально, по той же причине конфликт возникает только в “Пряди о Стурле” (см. выше).

² В следующем эпизоде пряди второй наветчик по ошибке назван Лотфом.

³ Протт В.Я. Цит. соч. С. 59.

3. НЕСПРАВЕДЛИВЫЕ ДЕЙСТВИЯ МОГУЩЕСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

“Прядь о Бранде Щедром” (№ 2); “Прядь о Торде Золотой Асы” (№ 5); “Вторая Прядь о Халльдоре сыне Снорри” (№ 7); “Прядь о Халли Челноке” (№ 12); “Прядь о Торлейве Ярловом Скальде” (№ 16); “Прядь о Торварде Вороньем Ключе” (№ 22)¹.

Самовластные или несправедливые действия конунга (либо другого знатного мужа), задевающие или прямо ущемляющие достоинство героя-исландца, — последняя причина возникновения “отчуждения” между центральными персонажами в “прядях о поездках из страны”. Это — единственный случай, когда конфликт провоцируется тем из контрагентов, на чьей стороне сила и власть. Последнее обстоятельство, однако, не мешает исландцу выходить победителем из столкновения со своим могущественным противником, который всегда покидает “поле брани” посрамленным. Собственно, помимо распределения ролей главных действующих лиц при инициации конфликта, рассматриваемые здесь истории в первую очередь объединяет именно этот неизменный, хотя и достигаемый далеко не тождественными способами результат: в каждой из них герой-исландец

благодаря присущим ему недюжинным личным качествам одерживает верх над своим обидчиком, человеком, чей социальный статус неизмеримо выше того положения, которое занимает он сам. Поэтому, как правило, внимание рассказчика сфокусировано в этих историях прежде всего на поведении главного героя, а не на внешних обстоятельствах; и его самого, и читателя пряди более всего занимает не интрига как таковая и не перипетии конфликта, а то, каким образом герой проявляет себя в ситуации, когда подвергаются испытанию его гордость и честь.

“Прядь о Бранде Щедром”

Бранд сын Вермунда по прозвищу Щедрый (Brandr örví) приезжает в Норвегию, когда этой страной правит Харальд Суровый (“Brands þáttgr örvá”, № 2). Друг и соотечественник Бранда, главный королевский скальд Тьодольв сын Арнора, на все лады расхваливает его конунгу, рассказывая, какой это великодушный, щедрый и достойный человек. По утверждению Тьодольва, “едва ли сыщется в Исландии кто другой, кому бы больше пристало быть конунгом (betur til konungs fallinn á Íslandi), таковы его благородство и обходительность” (ИС II, 503–504). Выслушав адресованные чужестранцу похвалы, Харальд желает сам удостовериться в том, что тот и вправду так щедр, как о нем говорят. Ради этого он посылает к Бранду Тьодольва с требованием, чтобы тот отдал ему свой плащ. Придя в дом, где остановился Бранд, придворный скальд застаёт его в кладовой за работой – исландец отмерял полотно. По виду его можно было заключить, что это человек преуспевающий: на нем была алая рубаха (skarlatiskyrtill), поверх которой был наброшен красный плащ (skarlatsskikkja), а под мышкой он сжимал золоченую секиру. Когда Тьодольв передал ему пожелание конунга, Бранд, ни на миг не прерывая своего дела и не вымолвив ни слова, сбросил плащ с плеча. Подняв плащ, Тьодольв возвращается к конунгу и докладывает ему о поведении Бранда, а также о том, чем тот был занят и во что одет. Придя к заключению, что Бранд “человек гордый и незаурядный (skarpstór og... mikils háttar maður), раз он не счел нужным ничего ответить”, Харальд, тем не менее, отправляет к нему Тьодольва в второй раз: теперь он желает получить принадлежащую исландцу золоченую секиру (öxina þá hina gullreknú). Тьодольв вовсе не возложеному на него новому поручению – он опасается, как Бранд примет то, что он хочет “вынуть оружие из его рук”. Однако делать нечего: Харальд напоминает скалду, что он сам “завел этот разговор” и как мог расхваливал щедрость своего друга, а потому должен вновь пойти к нему и передать его требование. Конунг настаивает: “По мне, не будет он щедрым, коли не отдаст... (Ekki þykir mér hann ör nema hann gefi)” (ÍSP III, 2106; ИС II, 504). Узнав об очередном ж

лании государя, Бранд, и на этот раз не проронив ни слова, тотчас же протянул Тьодольву секиру, а тот, придя к Харальду, рассказал, как было дело. Однако, конунгу и этого показалось мало. Со словами: “Сдается мне, что этот человек способен на еще большую щедрость и нам нынче достанется немало ценных вещей (og heldur fénað þú of hríð)”, он посылает к нему Тьодольва с новым поручением – теперь он хочет получить рубаху, в которую был облачен Бранд. С неохотой подчинившись распоряжению конунга, Тьодольв в третий раз является к Бранду и передает ему просьбу Харальда.

“Бранд прерывает работу и молча снимает с себя рубаху. Он отрывает один рукав и отбрасывает рубаху прочь, а рукав оставляет себе. Тьодольв берет, что ему нужно, отправляется к конунгу и показывает ему рубаху.

Конунг внимательно осмотрел ее и сказал:

– Человек этот и умен, и великодушен. Ясно мне, зачем он отпорол рукав: он, верно, думает, что у меня только одна рука, раз я все время беру, но ничего не даю взамен (þigga ávallt, en veita aldregi). Сходи, приведи его.

Тот так и поступил. Бранд явился к конунгу, и конунг принял его с почетом и наградил богатыми дарами. А все это делалось, чтобы испытать его” (пер. Е.А. Гуревич, ИС II, 505; ÍSP III, 2106).

Высочайшее мастерство, с которым выстроен этот короткий рассказ, снискало ему славу одной из жемчужин древнеисландской прозы. В то время как большинство прядей в еще большей степени, чем саги, демонстрируют ценность искусно используемого меткого слова, как правило, отводя центральное место диалогам своих главных персонажей, перед нами единственное произведение этого жанра – да и всей древнеисландской литературы в целом, – где герой на протяжении всего действия ни разу не нарушает молчания, но выясняется со своим оппонентом красноречивыми и лишь им двоим понятными жестами.

Другая неординарная черта этого рассказа состоит в том, что коллизия между конунгом и исландцем происходит в нем заочно и участники противостояния впервые встречаются лишь по его завершении, когда их конфликт благополучно и окончательно разрешен и победителя ждет награда. Вплоть до этого традиционного финального события (заметим, впрочем, что, в отличие от предшествовавшего ему испытания исландца, оно так и не становится объектом сценического изображения и вынесено за пределы собственно действия – мы узнаем о нем лишь из лаконичного заключительного сообщения рассказчика) все общение главных героев пряди осуществляется исключительно через посредника. Последний курсирует между ними, передавая исландцу требования конунга, а конунгу полученные от исландца ценности вместе с сообщениями о его реакции на каждый очередной “запрос” государя. При этом, тогда как один из противников упорно хранит молчание, предпочитая выражать свое отношение к выпадам оппонента жестами, другой, наоборот,

рот, умолкает лишь для того, чтобы дать слово посреднику: всякий раз, когда действие переносится в королевские палаты, мы непременно слышим голос Харальда Сурового. За исключением вопроса, заданного им Тьодольву после первого визита королевского посланца к Бранду ("Конунг спросил, как было дело"), все высказывания государя передаются в пряди только прямой речью. Иначе обстоит дело с информацией, исходящей от скальда. Вступительное сообщение Тьодольва о достоинствах Бранда, а также все его отчеты о поведении исландца кратко суммируются самим рассказчиком; то же относится и к двум из трех требований конунга, переданных скальдом герою: только при первом посещении Бранда из уст посредника звучит лаконичная реплика: "Конунг желает получить этот плац". Напротив, все возражения Тьодольва государю, которые он позволяет себе в ответ на его новые распоряжения, являются частью диалогов между правителем и посредником. В подобном распределении прямой и косвенной речи, казалось бы, нет ничего неожиданного, поскольку оно строго подчиняется принципу "неповторяемости": как и рассказчики "саг об исландцах", авторы прядей никогда не рассказывают дважды об одном и том же событии². В случае, когда речи или поступки кого-либо из персонажей (в нашей истории конунга и Бранда соответственно) произносились или разыгрывались в сценическом действии, о факте сообщения о них третьему лицу, дабы избежать повтора, обычно докладывалось автором. Преднамеренно или нет в "Пряди о Бранде Щедром" простое следование этому несложному техническому правилу ведения рассказа имело своим результатом появление совершенной повествовательной конструкции, демонстрирующей почти полную симметрию.

Еще более пристального внимания заслуживает весьма необычный повод, побуждающий конунга вступить в заочный конфликт с вновь прибывшим чужестранцем. Перед нами единственная история, в которой исландский купец и правитель Норвегии состязаются на равных, примеряя к себе и друг к другу образ *эталонного государя*. Ибо не вызывает сомнений, что устроенное исландцу испытание было спровоцировано дерзким утверждением Тьодольва о том, что Бранд как никто другой был достоин занять донныне вакантное место короля Исландии, иначе говоря, стать ровней самому Харальду.

Возникающая в рассказе о Бранде Щедром тема "исландский конунг", — разумеется, не что иное, как результат проецирования политической обстановки перв. пол. XIII столетия, кануна краха исландского народовластия и подчинения Исландии норвежской короне (1262–1264 гг.), а одновременно и той эпохи, когда были окончательно оформлены и записаны дошедшие до нас "пряди об исландцах", на историческую ситуацию почти двухсотлетней давности, когда правители Норвегии еще были либо недостаточно сильны, либо далеки от того, чтобы открыто притязать на исландский "престол".

Позиция автора "Гнилой Кожы", как уже отмечалось выше (см. Введение), судя по всему, отнюдь не одобряющего экспансионистских устремлений норвежских государей, выражена в этом рассказе как нигде отчетливо: не норвежский король-завоеватель Харальд, а исландский бонд Бранд обнаруживает истинно монаршие качества, показывая конунгу, как следует вести себя образцовому правителю. Долг государя быть щедрым и великодушным. Ему положено не вымогать дары, тем более ничего не отдавая взамен, но напротив, не скупясь, наделять ими своих подданных. Недаром скальды, издревле прославлявшие конунгов в хвалебных песнях, неизменно рисовали образ вождя-расточителя, раздавателя золота, традиционно именую его "врагом колец" или "разбрасывателем обручей". Исполненные достоинства и свидетельствующие о неподдельном благородстве лаконичные жесты Бранда, одним движением плеча или мановением руки легко и без колебаний расстающегося с принадлежащими ему ценностями, как раз и выдают в нем человека, отвечающего этому старинному героическому идеалу совершенного правителя. Харальд же явно уступает ему, обнаруживая неумеренную жадность, а главное, прямо нарушая установленный порядок "встречного" перемещения даров — неписанное правило, согласно которому всякий дар непременно требовал "отдарка": *gjalt gjöf við gjöf* — "оплати дар даром". И хотя неблагоприятное поведение государя, злоупотребляющего своим могуществом и властью ради того, чтобы безнаказанно присваивать чужое добро⁴, в конце концов объясняется, если не прямо оправдывается его желанием подвергнуть испытанию великодушные исландца, Бранд, тем не менее, успевает преподать норвежскому конунгу урок истинной щедрости.

При том что все персонажи пряди — реальные лица, описанный в ней эпизод едва ли может претендовать на историчность. По сообщениям других источников, Бранд впервые приезжает в Норвегию в 999 г. (см., например, входящую в "Круг Земной" "Сагу об Олаве сыне Трюгви", гл. 81), события же, о которых рассказывалось в пряди, должны были происходить не ранее, чем полвека спустя, когда ее главного героя либо уже не было в живых, либо преклонный возраст не позволил бы ему совершить путешествие на континент. Поэтому есть все основания полагать, что лежащее в основе пряди предание (если этот рассказ вообще опирается на устную традицию) вряд ли может быть возведено к некоторому действительному происшествию, связанному с именем Бранда, но, скорее, отражает идеализированное представление о героическом прошлом своего народа и живших в те времена выдающихся исландцев, при случае не пасовавших и перед всемогущими правителями Норвегии⁵.

Замечательно, что в сознании авторов XIII столетия, свидетелей усобиц и нравов "века Стурлунгов", наш герой, по-видимому, и становится одним из ярких символов этого доброго старого времени.

Тогда как в пряди противопоставление двух эпох и тоска по утраченному славному прошлому выражены лишь имплицитно, в “Саге об исландцах” (“*Íslendinga saga*”, гл. 190) Стурлы Тордарсона в виси, которую произносит являющаяся во сне героиня древнескандинавского эпоса Гудрун дочь Гьюки (так называемые *draumvísur* – ‘приснившиеся стихи’ получили большое распространение в исландской традиции и особенно в “Саге о Стурлунгах”, в которую входит данная сага, где они обычно выполняли роль рупора объективного общественного мнения, совпадающего с авторской позицией рассказчика⁶), о них заявлено прямо. Причем и здесь правителю Норвегии противостоит не кто иной, как Бранд Щедрый. Именно ему, а не государю, сумевшему подчинить Исландию своей власти, принадлежат симпатии вмешивающейся в земные дела героини древности:

Pá var betra,
er fyr baugum réð
Brandr enn grvi
ok burt skata;
nú er fyr lönðum,
ok lengi mun,
Hákon konungr
ok hans synir.

(*Skj. B II*, 159, 58)

“Тогда было лучше, когда
властвовал над [золотыми] кольцами
Бранд Щедрый
и сын великодушного;
теперь стали властителями над землями
– и долго ими пребудут –
конунг Хакон
и его сыновья”.

Вновь возникающая в этой виси применительно к нашему герою тема “исландский конунг”, следующая из параллелизма между “властителем колец” и “властителем земель”, свидетельствует о том, что и вложенная в уста скальда Тьодольва характеристика Бранда в посвященной ему пряди (“едва ли сыщется в Исландии кто другой, кому бы больше пристало быть конунгом, таковы его благородство и обходительность”) не может быть случайной гиперболой, проистекающей исключительно из стремления особо отметить превосходные качества вводимого персонажа. Совершенно очевидно, что она встраивается в определенную традицию.

Как показал Херманн Паулссон, предпринявший специальное исследование темы “исландский конунг”⁷, впервые она появляется в составленной в самом нач. XIII в. краткой истории епископов Исландии “*Hungtvaða*” (“Пробуждающая голод”, имеется в виду жажда знаний, с каковою целью, как признается ее автор в прологе, и была составлена его “книжица” – *bækling*)⁸, где в частности содержится рассказ о втором из них, Гицуре сыне Ислейва (умер в 1118 г.) принявшем сан в кон. XI в. Согласно сообщению этой “епископской саги”, грядущее рукоположение Гицура было предсказано не кем иным, как норвежским королем Харальдом Суровым, который встретившись с исландцем в его молодые годы, объявил, что по влду его можно сказать, что он будет вполне достоин “носить любое

почетное звание, какое бы ни выпало на его долю” (“*hann mundi bezt til fallinn at bera hvert tígarnafn sem hann hlýti*”)⁹. Когда же то, что предвидел Харальд, сбылось, и Гицур сделался епископом, заняв положение, соответствовавшее его выдающимся качествам, он был столь почитаем в Исландии, что, как свидетельствует все тот же источник, “каждый человек, будь то юноша или старик, богач или бедняк, мужчина или женщина, были готовы сидеть и стоять по его указке, и правильно было бы сказать, что пока он жил, он был над всеми страной и конунгом, и епископом” (“*ok var rétt at segja at hann var bæði konungr ok byskup yfir landinu meðan hann lifði*”)¹⁰. В более поздней “Гнилой Коже”, где также имеется сообщение о встрече Харальда Сурового с Гицуром, то, что этому исландцу вполне пристало быть конунгом, отмечает уже сам правитель Норвегии, который видит три возможности реализации его блестящей будущности. По мнению государя, Гицур, во-первых, как нельзя лучше подходит на роль “викингского предводителя” (“*víkinga höfðingi*”), во-вторых, благодаря “своему нраву он годится на то, чтобы стать конунгом” (“*ma hann oc vera konungr af sino scarplyndi oc er vel fengit*”), в-третьих же, он мог бы сделаться епископом, и, скорее всего, именно это с ним и произойдет (*Mork. 103*). Таким образом, тема “исландский конунг” появляется в “Гнилой Коже” дважды: в первый раз этот титул примеряется к Бранду Щедрому, во второй раз – к епископу Гицуру.

Естественно было бы предположить, что взаимоотношения этих двух персонажей исчерпываются объединяющей их топической темой, которая, кроме того, может быть обнаружена и в еще одном, более позднем произведении. В знаменитой сцене суда в “Саге о союзниках” (“*Bandamanna saga*”, кр. 10) мы находим аналогичную оценку одного из героев, Бродди Бороды (*Skegg-Broddi*), однако на этот раз она носит не комплиментарный, а откровенно иронический характер (“Правда ли, что когда ты был у Харальда конунга сына Сигурда, он будто бы сказал, что ты, по его мнению, больше других людей в Исландии годишься на то, чтобы стать конунгом?” – “Конунг часто милостиво разговаривал со мной, однако не известно, всегда ли он думал то, что говорил”. – “Быть тебе конунгом в другой тяжбе, потому что из этой я тебя исключаю...”, *ÍSP I*, 20). Тот факт, что провозглашение очередного “претендента” на роль правителя Исландии и здесь не обходится без Харальда Сурового, и в особенности то, что якобы высказанное им суждение о Бродди почти дословно воспроизводит оценку, данную Бранду Тьодольвом (ср. в “Пряди о Бранде Щедром”: “*betur til konungs fallinn á Íslandi*”; и в двух версиях “Саги о союзниках” (“*Konungsbók*”): “*best til konungs fallinn á Íslandi*”; (“*Möðruvallabók*”): “*best til konungs fallinn þeirra manna er út hétu*”)¹¹, приводит Херманна Паулссона к выводу, что именно эта прядь и должна была послужить проводником темы “исландский конунг” в “Саге о союзниках”¹². Вероятность подобного влияния весь-

ма велика, поскольку сага эта, как считается, происходит из той же местности, откуда был родом Бранд, и где поэтому естественно было бы сохраняться рассказам, связанным с его именем.

Между тем на поверку оказывается, что и совпадение соответствующих характеристик Гицура и Бранда, по-видимому, должно объясняться не столько распространением темы "исландский конунг" как таковой, сколько ассоциативными связями, соединившими в исландской традиции отдельные предания.

В "Пряди о епископе Ислейве" ("Ísleifs þáttir byskups", № 24) ("Книга с Плоского Острова"), действие которой происходит во времена правления Олава Святого, приводится еще один пример великодушного поступка Бранда, едва не стоившего ему расположения государя. Повстречав своего земляка, бедного священника Ислейва, прибывшего в Норвегию из Германии (Saxland), Бранд на радостях отдает ему драгоценный алый плащ на сером меху (skarlags mottull ok undir gra skinn), полученный им в знак дружбы от самого конунга¹³. При случае Олав интересуется, почему Бранд не носит подаренный ему плащ, и тот вынужден признаться, что отдал его одному священнику. Конунг был настолько удивлен, что исландец так скоро расстался с его даром, что пожелал познакомиться с Ислейвом, дабы самолично удостовериться в правомерности его поступка. Олаву хватило одного только взгляда, чтобы оценить достоинства священника и одобрить то, как Бранд распорядился его подарком. Он попросил Ислейва принять от него этот драгоценный плащ и впредь молиться о нем, а Бранду взамен пообещал возместить его утрату¹⁴.

Надо полагать, что рассказ, изображающий встречу Ислейва сына Гицура Белого (1006–1081), ставшего затем первым епископом Скальхольта (1056 г.), с Олавом Святым в качестве следствия щедрого жеста Бранда, отдавшего королевский подарок неимущему страннику, благодаря естественному взаимному притяжению преданий об отце и сыне – втором епископе Исландии, Гицуре сыне Ислейва, вполне мог породить и ассоциации между этим последним и Брандом. Во второй части пряди, представляющей собой краткое жизнеописание Ислейва, неоднократно упоминается и сам Гицур – в первый раз даже прежде его появления на свет: отвечая согласием на сватовство будущего епископа, Далла дочь Торвальда мотивирует свое решение пойти за него желанием "иметь честь получить лучшего из мужей и произвести вместе с ним славнейшего из сыновей, который может родиться в Исландии". В соответствии с главной задачей рассказа – прославлением героя, важное место отведено авторитетным свидетельствам, в которых оценка Ислейва неизменно облечена в превосходную степень. Если в начале пряди повествуется о его свидании с Олавом Святым, с первого взгляда сумевшим распознать в бедном священнике выдающуюся личность (ср. аналогичную встречу с правителем Норвегии его сына Гицура), то в заключении

приводится не менее весомое мнение его воспитанника, святого Иона сына Эгмунда, епископа в Холаре, который характеризует Ислейва как человека "прекраснейшего, искуснейшего и лучшего из всех людей" ("maþna uænstr manna hagazstr, allra manna bezstr")¹⁵.

Именно прямое или косвенное соединение рассказов о Бранде Щедрым с преданиями о двух первых исландских епископах делает весьма правдоподобным предположение Херманна Паулссона о том, что моделью для изображения поведения главного героя интересующей нас пряди вполне могли послужить примеры, почерпнутые из христианских дидактических сочинений, проповедей и житий святых, переводы которых на "древнесеверный язык" относятся к числу самых ранних рукописных памятников (сер. XII – нач. XIII вв.), сохранившихся от исландского Средневековья. По мнению этого исследователя, за сообщениями пряди о том, как Бранд дважды без колебаний расстался со своим платьем, отдав сперва плащ, а затем и рубаху Харальду (и в другой истории – плащ Ислейву), просматриваются легенды об Иоанне Крестителе ("Hann kenndi svo mikla örlýndi, að maður skyldi gefa annan kyrtíl sinn þeim, er engan ætti" – "Он учил такой великой щедрости, что человеку надлежит отдать другой свой плащ тому, у кого не будет ничего") и св. Мартине, который сам "дважды отдал одежду со своего плеча" ("hann gaf tvisvar svo klæði af sér")¹⁶. В жизнеописании св. Мартина ("Martinus saga byskups 7") приводится эпизод, который, как полагает Херманн Паулссон, мог быть использован как образец для последнего описанного в пряди действия Бранда: повстречав в морозный зимний день человека, не имеющего одежды, св. Мартин "взмахнул мечом и разрубил пополам свой плащ" ("teist í sundur möttul sinn"), после чего отдал одну половину нуждающемуся, а другую оставил себе¹⁷. Кроме того, на последний эпизод пряди, по его мнению, могли повлиять известные слова Священного писания: "У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне" (Мф. 6: 3–4)¹⁸. Более того, и весь рассказ об испытании, которому подвергся Бранд, мог быть замыслен как иллюстрация к средневековой латинской сентенции: "Nequaquam largus homo sive probus reputatur, / Cui, si quid dederit, res ingens esse videtur" ("Не может считаться щедрым или достойным человек, которому покажется чрезмерным то, что он дал")¹⁹, отзвуки исландского переложения которой автор статьи усматривает в словах Харальда Сурового: "...по мне, не будет он щедрым, коли не отдаст..." ("ekki þyki mér hann ör nema hann gefi").

Между тем даже если Херманн Паулссон прав и поступки, совершаемые центральным персонажем рассказа, действительно следовали образцам, воспринятым из сочинений на религиозные темы, не стоит переоценивать их вес в этической "составляющей" сохранившейся версии нашей истории: в отличие от "Пряди об Ислейве",

“Прядь о Бранде Щедром” явным образом утверждает вовсе не христианские, а традиционные героические ценности. Тогда как в “Пряди об Ислейве” Бранд в духе христианских поучений по собственной почину делится своим платьем с неимущим, отдавая ему самое дорогое свое сокровище – подарок конунга Олава, в рассказе о его знакомстве с Харальдом Суровым он вообще не проявляет инициативы и лишь молчаливо подчиняется требованиям короля-вымогателя. При этом в его поведении нет и тени смирения, напротив, исландец ведет себя вызывающе, ни разу не устояв перед конунгом от ответом, а в конце концов еще и дерзко давая ему понять, что пора отплатить за полученные от него ценности встречными дарами. Чем бы ни был навеян этот последний из обращенных к конунгу жестов Бранда, когда он, прежде чем отослать Харальду рубаху с собственного плеча, отрывает и оставляет себе один из рукавов, его смысл уже не имеет ничего общего с посылом христианской легенды или процитированными словами Писания. Намекая конунгу, желающему только брать, а не давать, что второй рукав ему явно не понадобится, поскольку у него лишь одна рука – рука берущего, наш герой менее всего похож на бескорыстного дарителя, готового разделить последнее с нуждающимся или втайне творящего милостыню! Он отстаивает исстари заведенный порядок, при котором всякое даяние непременно требовало воздаяния.

Совершенно очевидно, что суть представленного в пряди столкновения между конунгом и исландцем не столько в демонстрация беспримерной щедрости Бранда или в проверке того, как далеко может зайти в своем великодушии дающий, сколько в изображении моральной победы, которую герой одерживает над правителем Норвегии благодаря присущим ему выдающимся личным качествам и прежде всего уму. В самом деле: цель, которую преследует Харальд, подвергая исландца испытанию, – вызвать у него протест своими неправыми действиями и спровоцировать его на открытое противостояние. Однако планам конунга не суждено сбыться. Внешне безропотно покоряясь грабительским запросам государя, тем самым не давая ему вождельного повода для ссоры, Бранд показывает себя не только “человеком гордым и незаурядным” (мнение о нем самого Харальда), но и весьма прозорливым. Заочное состязание, происходящее в этом рассказе между исландцем и норвежским конунгом, носит характер интеллектуального поединка, в котором обороняющейся стороне с самого начала удается перехватить инициативу у наступающей и заставить своего противника подчиниться навязанным ему необычным правилам игры. В результате король неожиданно для себя оказывается перед необходимостью раз за разом разгадывать по внешним признакам невысказанную реакцию оппонента на выпады в его адрес. И потому самую близкую параллель этой истории мы находим не в житиях святых,

но в другом рассказе из “Гнилой Кожы”, а именно, в “Пряди о Стуве”, повествующей о встрече Харальда Сурового с еще одним находчивым исландцем, как и Бранд, сумевшим решительно поставить конунга на место и при этом избежать открытой конфронтации со своим могущественным противником. И в этой истории герой не только умудряется выйти невредимым из трудной ситуации, не уронив своего достоинства и ни разу не прогневав государя, но еще и заставляет конунга собственными устами “вербализовать” тот неловкий и неприятный и оскорбительный для него ответ, которого тот безуспешно добивался от провоцируемого им исландца (см. раздел “Исландец и король”) ²⁰.

“Прядь о Торварде Вороньем Ключе”

Несправедливость по отношению к дарителю, проявленная все тем же норвежским государем, становится причиной возникновения “отчуждения” между исландцем и конунгом и в “Пряди о Торварде Вороньем Ключе” (“*Torvarðs þáttur krákunefs*”, № 22). Однако если в истории с Брандом Харальд вымогает принадлежащие исландцу ценности, то в этом рассказе он поступает прямо противоположным образом, наотрез отказываясь от предлагаемого ему подарка. И тем не менее, за различием описываемых ситуаций проступает их глубинное сходство: в обеих историях конунг не отдаривает дающего как должно.

Торвард Вороний Ключ, пользующийся всеобщим уважением преуспевающий купец, является к Харальду и сообщает о своем намерении преподнести ему парус, но неожиданно встречает холодный прием: конунг хмуро бросает исландцу, что однажды уже получил парус от его соотечественников, однако он сослужил ему “дурную службу: порвался в плавании”, и на этом основании отклоняет его приношение. Напрасно королевский шурин Эйстейн Тетерев пытается убедить Харальда взглянуть на парус прежде, чем отказываться. – конунг непреклонен. Тогда исландец просит самого Эйстейна принять отвергнутый государем дар, и тот с благодарностью соглашается: ему никогда прежде не доводилось видеть более драгоценного паруса.

На этом описание конфликта, собственно, и заканчивается. Конунг более не встречается с обиженным им исландцем, а тот так никогда и не узнает, переменял ли он впоследствии мнение об отвергнутом подарке. Между тем рассказ еще далек от завершения: главный герой непременно должен будет получить удовлетворение за нанесенное ему оскорбление, а конунг – воздаяние за свой неблагоприятный поступок. Выполнение и того, и другого возлагается на Эйстейна, по собственному почину принимающего на себя роль медиа-

тора в заочном устранении разлада между конунгом и исландцем. Поэтому все дальнейшее повествование посвящено изображению того, как шаг за шагом постепенно восстанавливается справедливость и, соответственно, возмещается понесенный Торвардом моральный и материальный урон. Причем, как это нередко бывает в прядях, с появлением помощника сам заглавный герой рассказа перестает играть в нем сколько-нибудь активную роль. Отныне инициатива принадлежит исключительно королевскому шуруну. Для начала со скрупулезной точностью Эйстейн предоставляет исландцу все то, в чем ему сторяча отказал Харальд: гостеприимство и почетный прием (перед отбытием из Норвегии Торвард проводит три дня в усадьбе Эйстейна, в первый же день получая от хозяина драгоценный наряд из алой материи, пожалованный ему за то, что он ответил согласием на его приглашение и "оставил свой корабль со всем снаряжением"); равноценное воздаяние за принятый от него ранее подарок (следующий дар Эйстейна – красный плащ, подбитый серым мехом, должен был, по его словам, послужить достойным возмещением за парус, ибо он был "настолько же лучше других плащей", насколько привезенный Торвардом парус был "лучше любого другого паруса") и, наконец, компенсацию за то, что полученные Торвардом ответные приношения исходили не от того, кому предназначался его подарок. Провожая исландца в путь, Эйстейн просит его поэтому принять от него еще один дар:

– Случилось так, что тебе не удалось подарить этот парус конунгу, однако я догадываюсь, что прими он его, он бы отдал тебе так же, как и я. И все же ты не получил настоящего вознаграждения, потому что его дал тебе не конунг, но с этим я ничего не могу поделать, ведь по происхождению я гораздо ближе к конунгу. А за эту разницу в его и моем происхождении прими это золотое запястье.

И снимает его с руки. Торвард благодарит его за запястье и отправляется на свой корабль... (пер. Е.А. Гуревич, *ИС II*, 502).

Ценность полученного подарка измерялась не только и даже не столько его материальным "весом", сколько личностью и общественным положением дарителя, пожалованные же конунгом предметы, как считалось, несли в себе еще и частицу королевской "удачи" (*gæfa*), что делало их особенно привлекательными в глазах окружающих²¹. На невозможность восполнить эту "недостачу" и сетует Эйстейн, пытающийся по возможности возместить неуволнимый изъян в качестве полученных Торвардом ответных даров их количеством.

Унижение, уготованное конунгу в заключительном эпизоде пряди, по всей видимости, и явилось закономерным следствием этой недо конца осуществившейся компенсации: посрамление оппонента должно было полностью восстановить достоинство исландца. Между тем в структуре рассказа последняя сцена носит характер эпилота, что не редкость в тех "прядях о поездках из страны", где (порой бо-

зуспешное) урегулирование конфликта центральных персонажей становится функцией посредника, заступающего на место героя-исландца (ср. "Прядь об Одде сыне Офейга"). Главный герой к этому моменту успевает не только покинуть авансцену, но и вообще выйти из повествования: финальному эпизоду пряди предшествует традиционное для произведений этого жанра заключение – сообщение о том, что Торвард благополучно возвратился в Исландию и стал там "большим человеком". Тем не менее, рассказчику остается еще поставить последнюю точку в истории несостоявшегося обмена дарами исландца с правителем Норвегии, воздав по заслугам его обидчику:

"Тем же летом, когда Харальд конунг и Эйстейн плыли каждый на своем корабле вдоль берега, случилось так, что Эйстейн обогнал конунга и оказался впереди.

Конунг сказал:

– Откуда у тебя такой превосходный парус?

Эйстейн отвечает:

– Это тот парус, от которого вы отказались, государь.

Конунг сказал:

– Никогда не видал лучшего паруса. Я отказался от хорошего подарка.

Эйстейн сказал:

– Хочешь получить этот парус в обмен на поцелуй?

Конунг улыбнулся и сказал:

– Почему бы и нет? – и подошел к мачте.

Эйстейн сказал:

– Не делай из себя посмешище. Бери этот парус, если хочешь, и впредь знай, от чего отказываешься.

Конунг поблагодарил его и приказал перенести парус на свой корабль..." (*ИС II*, 503).

Харальду, таким образом, не просто приходится во всеуслышание признать свою неправоту. Умалая свое достоинство, он теперь вынужден на глазах у всех добиваться того, от чего ранее высокомерно отказался, незаслуженно оскорбив уважаемого человека. В результате конунг получает необходимый ему урок на будущее, исландец – заочное удовлетворение, а парус водворяется на предназначенное ему место на королевском корабле и отныне признается всеми "большим сокровищем".

Отмеченное ранее определенное сходство этого рассказа с прядью о Бранде не исчерпывается темой дарения, хотя и в самой трактовке последней, помимо нарушения Харальдом Суровым установленного порядка обмена дарами, обращают на себя внимание такие общие для обеих историй детали, как драгоценные предметы, в одном случае вымогаемые у героя конунгом, а в другом жалуемые ему посредником, – алое одеяние и такой же плащ (ср. в "Пряди о Бранде": *skarlataskyrtill* и *skarlatsskikkja*; и в "Пряди о Торварде": *kyrtill... skorinn af nýju skarlati* и *skarlatsmöttull / skikkja*, *ÍSP III*, 2105, 2334; помимо этого не может не броситься в глаза еще одна близкая парал-

лель к подаренному Торварду Эйстейном алому плащу, "подбитом серым мехом", *algrá skinn... og skarlatismöttull yfir*, — точно такой же плащ, полученный Брандом от конунга Олава в "Пряди об Ислейве": *skarlat's möttull ok undir grá skinn*, *Hungr. 21*). При всей знаменательности подобных внешних примет куда существеннее другое: в каждой из этих историй попытка унижить исландца в конечном счете оборачивается для конунга собственным унижением и торжеством его оппонента. Причем Харальд не только всякий раз убеждается в своей неправоте, он, кроме того, вынужден терпеливо сносить оскорбительное поведение противной стороны.

Закономерно возникает вопрос: не является ли финальное унижение могущественного обидчика важным или даже необходимым элементом рассказов рассматриваемого типа? Следующий из них "Вторая Прядь о Халльдоре сыне Снорри" ("*Halldórs þáttur Snorrasonar hinn síðari*", № 7) как никакое другое произведение подтверждает это предположение.

"Вторая Прядь о Халльдоре сыне Снорри"

В отличие от рассмотренных ранее компактных и кратких рассказов (и в особенности "Пряди о Бранде", состоящей всего лишь из одного эпизода), "Вторая Прядь о Халльдоре сыне Снорри" — произведение, обладающее значительно более сложной структурой. В этой пряди описывается не одно, а целая серия столкновений между Харальдом Суровым и его строптивым дружинником, в каждом из которых (даже если конунгу поначалу и удается одержать верх над Халльдором и заставить его подчиниться) последнее слово непременно остается за исландцем. Больше того, как явствует из повествования, наш герой не оставляет не "возмещенным" ни один из недружественных выпадов государя в свой адрес: скрупулезная точность, с какой Халльдор вынуждает конунга расплачиваться за нанесенные им оскорбления, вполне сопоставима с тем, как получает свою плату за отвергнутый парус главный персонаж предыдущего рассказа. Однако если в "Пряди о Торварде Вороньем Клюве" забота о восстановлении справедливости была целиком и полностью препоручена другу и помощнику героя-исландца, то здесь, несмотря на весьма существенную роль, которую и в этой истории играет посредник, герой пряди самолично отстаивает свою честь, педантично возвращая конунгу Харальду каждый его удар, а при последней с ним встрече, перед тем как навсегда покинуть Норвегию, — еще подвергает его беспримерному унижению. То затихающий, то с новой силой возобновляющийся конфликт между правителем и исландцем, в котором оба противника неустанно ведут счет всем сво-

им обидам, как будет показано ниже, находит достойное воплощение в композиции пряди.

Другая особенность этого произведения состоит в том, что его протагонисты — старые знакомые. Тогда как в большинстве прядей столкновение центральных персонажей происходит при первом же появлении героя в Норвегии и, как правило, завершается их полным примирением, что зачастую кладет начало дальнейшей вполне успешной карьере исландца при королевском дворе, "Вторая Прядь о Халльдоре", напротив, подводит итог многолетнему служению одного из храбрейших дружинников Харальда Сурового. Рассказ поэтому не сводится к прославлению гордого исландца, неколебимо отстаивающего свое достоинство в ссоре с государем. Содержание этой пряди и сложнее, и глубже. Это — последний этап во взаимоотношениях прежних соратников, когда один из них, взойдя на королевский престол, окружает себя новыми людьми и, изменяя старой дружбе, перестает ценить истинную преданность и оказывать должное уважение доблестному и верному воину, на которого он еще недавно полагался в их совместных походах на Востоке, другой же тяготится непривычной ему придворной жизнью и не желает мириться с порядками, установившимися с тех пор, как его бывший товарищ стал правителем Норвегии. Именно эта необычная тема рассказа — постепенно и болезненно рвущаяся связь старых друзей — придает конфликту, описанному во "Второй Пряди о Халльдоре сыне Снорри", особый характер и измерение, несвойственное другим "прядям об исландцах", что, в свою очередь, в значительной степени предопределяет и ее структуру.

Прядь открывается эпизодом, ничем не предвещающим грядущих коллизий между главными персонажами, а потому, на первый взгляд, напрямую не связанным с фабулой последующего рассказа. Халльдор чем-то озабочен, и Харальд, как и положено тому, кто дознается о причинах чужой печали, с готовностью приходит ему на помощь. Исландец признается в своем желании поехать домой и не встречает отказа, однако сразу же выясняется, что за свою долгую службу Халльдор не нажил никакого имущества, поскольку так и не получил вознаграждения от конунга. Дабы исправить эту несправедливость, Харальд дарит ему корабль с грузом, но тут возникает другая загвоздка: оказывается, что все торговые люди уже нанялись на другие корабли и Халльдору не из кого набрать команду. Тогда Харальд идет на хитрость: он собирает горожан и купцов на сходку и с озабоченным видом объявляет им о запрете покидать пределы Норвегии из-за будто бы внезапно начавшейся войны с датчанами. Только одному "кораблику" (*einn knött eigi mikill*), принадлежащему Халльдору сыну Снорри, будет дозволено отплыть в Исландию. У Халльдора после этого нет отбоя от желающих наняться к нему на корабль, так что при следующей встрече с конунгом он жалуется

уже на то, "что ни ночью ни днем нет покоя от домогательств" охотников составить ему компанию. Харальд и на этот раз выручает своего друга. Вновь созвав народ, он с довольным видом отменяет свой недавний запрет: слух о нападении вражеского войска оказался ложным, и всякому теперь будет позволено плыть, куда он захочет. Торговые люди радуются этой новости и расхваливают конунга (*IC II 516–518; ÍSP III, 2149–2150*).

Казалось бы, перед нами вполне самостоятельный и автономный анекдот, повествующий о хитроумии конунга, и только. Между тем в составе пряди ему явно отводится роль благополучной "точки отсчета", с которой и начинается неуклонное скатывание "вниз" вплоть до окончательного разрыва дружеских отношений, первоначально связывавших героев. Если, предвзято этот вводный эпизод автор отмечает, что конунг после их прибытия в Норвегию оказывал Халльдору "большие почести", – собственно, их размах и призван был продемонстрировать анекдот, в котором Харальд ради того, чтобы устроить путешествие своего дружинника на родину, манипулирует планами и настроениями целого города! – то в заключении его, сообщая о скором возвращении Халльдора из состоявшейся благодаря стараниям государя поездки в Исландию, он уже замечает, что тот отныне "стал меньше бывать с конунгом", тем самым предупреждая своего слушателя или читателя о надвигающемся конфликте. Последний, как и полагалось после подобного упреждающего знака, не заставил себя ждать.

Уже в следующей сцене Харальд находит повод придрасться к поведению исландца: во время застолья тот, якобы не выпив своей доли, передал рог товарищу. Истинная же причина его недовольства заключалась в том, что Халльдор, как уже сообщал рассказчик, проводил с ним недостаточно времени ("а сам бегаешь по ночам к шлюхам, вместо того, чтобы быть с твоим конунгом!"). Исландца явно оскорбляют незаслуженные упреки в его адрес, однако он не удостоверяет конунга ответом, из гордости не желая пускаться в объяснения и опровергать брошенные ему обвинения. За него это делает другой: в действие вступает посредник, пытающийся примирить героев. "Односкамейщик" и друг Халльдора Бард с утра пораньше отговаривается утешать конунга. Отныне регулярные (и в том числе весьма ранние – ср. повторяющиеся замечания конунга: "Рановато ты встаешь, Бард") визиты этого дружинника к государю становятся важным связующим звеном как между ссорящимися сторонами, так и между отдельными эпизодами пряди, именно с их помощью обретающей контуры стройного повествования. Выслушав Барда, Харальд (как это будет и впредь) обещает ему при встрече уладить свою размолвку с Халльдором, и тот передает его слова исландцу, однако, вопреки заверениям конунга, конфликт между недавними друзьями лишь углубляется.

На Рождество из-за специально устроенного в неурочный час колокольного звона (мотив уже знакомый нам из историй об Асбьёрне Тюленебойце и Гисле сыне Иллуги) Халльдор оказывается в числе тех, кому по заведенному при дворе обычаю надлежало сесть на устилавшую пол солому и выпить из штрафного рога. Исландец отказывается подчиниться, и об этом докладывают конунгу. Тогда Харальд сам подносит ему рог, однако и это не помогает: Халльдор заявляет, что не считает себя провинившимся, поскольку колокольный звон для того и был подстроен, чтобы людям пришлось пить из штрафного рога. Конунг, тем не менее, вынуждает его выпить, но и Халльдор не остается перед ним в долгу. Прежде чем осушить рог, он произносит фразу, которая должна была глубоко задеть его обидчика: "Сигурд Свинья не стал бы так насилловать Снорри Годи" ("eigi mundi Sigurður sýr fá nauðgað Snorra goða til") (*IC II 520; ÍSP III, 2151*). Утверждение, что Харальд обошелся с ним так, как его собственный отец, Сигурд Свинья, никогда не поступил бы с отцом Халльдора, – это не просто брошенное в лицо конунгу обвинение в самодурстве. Как и в других случаях (ср. "Прядь о Хрейдаре Дураке" и "Прядь о Стуве"), оскорбительным было самое упоминание отца конунга, и, по-видимому, в особенности – его "женского" прозвища. Тогда как у Халльдора имелись все основания гордиться своим происхождением от Снорри Годи, одного из самых именитых и влиятельных людей в Исландии, у Харальда, напротив, вызывал гнев любой намек на то, что он не был сыном конунга, но являлся отпрыском мелкого правителя из Восточной Норвегии²². Во всеуслышание напомнив государю об этом малопочтенном родстве, Халльдор, таким образом, достойно отплатил ему за свое унижение. Спустя несколько дней он нанес конунгу еще одно оскорбление, сбросив на солому полученное им вознаграждение – неполновесное серебро (*Haraldsslátta* – "Харальдова чеканка"), которым тот выплачивал жалование своим дружинникам. К концу эпизода "счет" взаимных обид становится равным.

Следующий эпизод открывается сообщением об отказе Халльдора сопровождать Харальда Сурового в предстоящей поездке из-за нерасположения к нему государя. Тогда Бард во второй раз отговаривается к конунгу, чтобы напомнить ему о достоинствах и заслугах Халльдора, после чего передает исландцу просьбу конунга не оставлять службы и не придавать значения их "пустячной размолвке". Однако и на этот раз миролюбивые заверения государя расходятся с его поступками. Очередной инцидент происходит во время плаванья: конунг упрямо направляет корабль на подводный камень, предпочитая разбить его, лишь бы не уступать Халльдору, троекратно предупреждающему кормчего об опасности. Исландец после этого принимает решение навсегда покинуть конунга, считая, что их дороги разошлись окончательно, но в дело вновь вме-

шивается посредник. Бард, как и в первый свой визит, явившись Харальду спозаранку, пеняет ему за недружественное обхождение с Халльдором и убеждает его примириться со старым товарищем. Конунг в третий раз выражает готовность покончить дело миром и Бард, как и прежде, передает Халльдору обещания государя. Но тут исчерпавшая себя вследствие тройного применения схем дает сбой: наш герой более не намерен доверять пустым посулам. Отныне они с конунгом смогут "поладить" только на условиях Халльдора.

Как видим, за каждой из трех нанесенных Халльдору обид в разных эпизодах или сценах пряди (до, во время и после Рождества следует (а) раз от разу становящаяся все менее сдержанной ответная реакция на них исландца: если после первого инцидента об отношении к нему Халльдора можно было судить лишь по его недовольному виду, то на второй он уже отвечает прямыми оскорблениями и нежеланием исправно исполнять свои обязанности (ср. сообщение Барда, что Халльдор, в отличие от прочих дружинников, собирается в дорогу — "Halldór býst ekki"), а на третий — решение и вовсе оставить службу и навсегда покинуть бывшего товарища (ср. сообщение Барда, что "Халльдор в дорогу собрался" — "Halldór er í brautbúnaði"); (б) миротворческая деятельность посредника, после каждой ссоры главных героев являющегося к Харальду с увещаниями и напоминаниями о том, что конунгу не найти "другого такого же надежного человека", как Халльдор. При этом третий визит Барда, будучи тематически соотнесенным с его вторым посещением государя (и в том и в другом случае речь идет о плане Халльдора относительно предстоящих отъездов), в формальном отношении подчеркнуто соотнесен с первым. Оба происходят очень рано, что всякий раз особо отмечается государем, и образуют начальную и конечную вехи в последовательности сцен, описывающих развитие конфликта между конунгом и исландцем. Сцена на корабле — последняя размолвка героев, таким образом, композиционно тесно увязывается с их предыдущими ссорами. (в) Наконец, непременная составляющая каждого из трех рассмотренных "циклов" — это заверения конунга о его готовности примириться с исландцем, которыми он отвечает на упреки посредника и которые тот, в свою очередь, сразу же передает Халльдору. В двух первых случаях они заканчиваются ничем: уже в следующей сцене Харальд не отказывает себе в удовольствии вновь унижить своего оппонента, однако возвращение Барда к исландцу после его третьего визита к конунгу знаменует перелом в действии, с этого момента разворачивающегося по совсем иному сценарию.

На этот раз Халльдор не желает менять своего решения: какой ему резон дольше оставаться с конунгом, если тот даже расплатиться с ним не может без обмана? Тщетно Бард пытается уговорить его

не требовать себе другой платы и удовольствоваться той, которая "удовлетворяет сыновей лендрманнов" (т.е. отпрысков норвежских знатных семейств из нового окружения Харальда), исландец непреклонен — в его "службе никогда не было такого обмана", как в деньгах, которые ему пожаловал за нее конунг. Согласившись с этим, Бард опять отправляется к государю. Припомнив оскорбление, которое ему нанес исландец, когда сбросил на солому дарованные им деньги, и в полной мере оценив его новую дерзость, конунг, тем не менее, уступает уговорам Барда и велит дать Халльдору чистого серебра. Последнему, однако, и этого мало: он больше не хочет оставаться на корабле конунга и требует себе отдельный корабль. Напрасно Бард пытается уговорить своего товарища отказаться от очередного дерзкого запроса, ему все же приходится передать конунгу новое условие Халльдора. Тот против своей воли вынужден согласиться и на это требование и отдать под начало исландца корабль, принадлежавший одному из лендрманнов, что вызывает естественное недовольство прежнего владельца. Одержав, таким образом, решительную победу над оппонентом и полностью восстановив свою честь, Халльдор остается в королевской дружине, Бард же, до конца исполнив свою миссию и добившись (как затем окажется, лишь временного) примирения бывших друзей, выходит из повествования.

Нетрудно заметить, что последний из визитов Барда к государю, нанесенный им Харальду после того, как тот в третий раз оскорбил Халльдора, не только замыкает фазу развития конфликта, но и одновременно открывает новую "триаду", представляющую очередной этап во взаимодействии враждующих сторон и курсирующего между ними посредника. Главные герои, как это можно было наблюдать и в других рассказах данной группы, по сути дела, меняются в этой сцене местами. Конунг, до сих пор упорно возобновлявший наступление на Халльдора вопреки успокоительным заверениям, передаваемым им исландцу через Барда, отныне вынужден постоянно идти на попятный и в ущерб своему достоинству одно за другим удовлетворять дерзкие требования своего дружинника. Халльдор же, прежде легко поддававшийся на миролюбивые обещания конунга и вследствие этого вскоре вновь становившийся жертвой его очередного демарша, теперь проявляет упрямство и непреклонную волю и в результате легко одерживает над ним верх. Существенно при этом, что наш герой не просто уверенно берет реванш за свои былые унижения, но еще и добивается для себя привилегированного положения в королевской дружине, иными словами, подобно центральным персонажам многих прядей, выиграв противостояние с правителем Норвегии, повышает свой социальный статус. И хотя, в отличие от этих рассказов, одержанная Халльдором победа не ставит последнюю точку в истории его взаимоотношений

с Харальдом Суровым и героев ожидает финальное (и притом самое острое) столкновение, нового перелома в поведении исландца не предвидится: он и впредь будет столь же решительно отстаивать свои интересы.

В заключительном эпизоде пряди достигнутое стараниями Барда равновесие нарушается опять, причем и на этот раз по вине конунга. Намереваясь погасить конфликт между Халльдором и прежним владельцем судна, Харальд выкупает у исландца переданный под его начало корабль, но не выплачивает всей обещанной за него суммы, оставаясь, тем самым, должником Халльдора. Тщетно исландец напоминает ему о долге, известный своей прижимистостью конунг увильчивает и не желает платить. Халльдор же, между тем, вновь собирается в Исландию. Последняя сцена пряди образует, таким образом, своего рода негативную параллель к открывающему ее анекдоту. В самом деле: если там конунг щедро одаривал героя и проявляя чрезмерное усердие и хитроумие, устраивал его путешествия на родину, то здесь его лукавство и изворотливость, напротив, направлены на то, чтобы уклониться от выполнения данных им Халльдору обязательств, дело же кончается тем, что он посылает за исландцем погоню. В то время как первый эпизод должен был продемонстрировать безмятежность отношений главных героев и "размах" королевского благоволения к его другу, последний — глубину и необратимость их разрыва.

Халльдор снаряжает свой корабль и под покровом темноты намеревается выйти в море (ср. аналогичный мотив в "Пряди об Эгмунде Ударе и Гуннаре Пополам" и в "Пряди об Одде сыне Офейга"). Перед самым отплытием он пересаживается в лодку, причаливает к пристани и, приказав своим людям быть наготове, в полном вооружении поднимается в город и направляется напрямик в королевскую опочивальню.

"Он входит, топоча и грохоча, так что конунг и его жена просыпаются, конунг спрашивает, кто это ломится к ним среди ночи.

— Это я, Халльдор. Корабль готов к отплытию, и ветер попутный. Выкладывай-ка денежки.

— Это не делается так быстро, — говорит конунг. — Мы заплатим тебе завтра.

— Я хочу получить деньги сейчас же, — говорит Халльдор, — и не уйду без них. Нрав твой мне известен, и, как бы ты сейчас ни притворился, я знаю, что тебе не очень по душе, что я пришел к тебе за деньгами. Не поверю я тебе больше! Вряд ли мы с тобой будем очень часто встречаться, и более удобного случая мне не представится, так что я уж воспользуюсь этим. Вон у твоей супруги на руке запястье, в меру большое. Давай-ка его сюда!

Конунг отвечает:

— Тогда надо пойти за весами и взвесить запястье.

— Незачем, — говорит Халльдор, — я его беру, и мы в расчете. Не удастся тебе на этот раз перехитрить меня. Ну, давай быстрее!

Жена конунга сказала:

— Разве ты не видишь, что он готов убить тебя?

Она снимает запястье с руки и протягивает Халльдору. Тот берет запястье, благодарит обоих за уплату и желает счастливо оставаться.

— А теперь мы расстанемся! — сказал Халльдор.

Он поспешно вышел и спустился к лодке..." (пер. М.И. Стеблин-Каменского, ИС II, 524–525).

Конунг тотчас же приказал объявить в городе тревогу и выслал в погоню три боевых корабля, однако Халльдор благополучно ушел от преследования и навсегда возвратился в Исландию.

Невиданное унижение, которому Халльдор подвергает конунга в этой кульминационной сцене, естественно, возвращает нас к аналогичным действиям Харальда по отношению к исландцу: конунг расплачивается здесь не только за не возвращенный им денежный долг, но и за тот штрафной рог, который Халльдору пришлось выпить по его принуждению на рождественском пиру. Перед тем как расстаться с ним, Халльдор заставляет своего противника сполна возместить ему весь материальный и моральный урон, причиненный его несправедливыми и самовластными действиями. В итоге за жалование, выданное неполновесными монетами, Харальд был в конце концов вынужден заплатить чистым серебром, за разбитый им только ради того, чтобы досадить исландцу, корабль — отданным ему в собственность кораблем, а за учиненное над ним насилие — насилием, которому подвергся он сам.

Воинственный, независимый и строптивый характер Халльдора (а вполне вероятно, и его былая близость к Харальду Суровому, в котором он привык видеть скорее соратника, нежели государя) — вот причины, побудившие его в столкновении с конунгом зайти много дальше, чем это обычно осмеливались делать другие герои прядей. Как и герои "саг об исландцах", главные персонажи прядей неизменно и последовательно отстаивают свою честь перед лицом любого обидчика, тем не менее, в своих действиях проводя вполне естественное различие между противниками, с которыми им доводится "мериться силами" (тема другого рассказа, также относящегося к рассматриваемой группе, — "Пряди о Торде Золотой Асы"). Не останавливаясь перед насилием над равными (наиболее частая причина конфликта с государем, как мы помним, это убийство его приближенного, задевшего героя-исландца словом или делом), главные персонажи прядей при всей их дерзкой смелости, как правило, не решаются замахиваться на самого правителя. Халльдор же, в отличие от таких изобретательных героев, как Бранд Щедрый, чье единственное оружие — ум, помогающий им добиваться своего, не роняя собственного достоинства, но и не вступая в открытую вражду с сильнейшим, не склонен церемониться и с самим конунгом. В ситуации, когда затронуты его интересы, он без колебаний идет напролом, безрассудно рискуя головой и ничуть не заботясь о возможных

последствиях своих поступков. И хотя благодаря благоразумию королевского дела в заключительной сцене все же не доходит до рукоприкладства, бескомпромиссная решимость исландца, намеренного в то что бы то ни стало вырвать у конунга причитающуюся ему плату за проданный корабль, о чем свидетельствует не только его дерзкое поведение, но и заранее подготовленное бегство из Норвегии, не оставляют ни малейшего сомнения в том, что, направляясь в королевские покои, Халльдор был готов к любому повороту событий.

Подобно целому ряду рассказов, в которых отъезд героя-исландца восвояси прерывает конфликт (нередко, как и в данном случае, в его наивысшей фазе), а не следует за его разрешением и примирением враждующих сторон, "Вторая Прядь о Халльдоре сыне Снорри" снабжена эпилогом, ставящим последнюю точку в истории взаимоотношений правителя Норвегии и его строптивого дружинника. Эпилог этот, впрочем, весьма необычен. Прежде всего, автор пряди (или редактор "Гнилой Кожы", в которую она была инкорпорирована?) задается целью объяснить причины конфронтации окончательного разрыва между центральными персонажами изложенной им истории, которые он теперь склонен видеть исключительно в особенностях характера ее главного героя. Поэтому эпилог открывается весьма редким в сагах и практически не встречающимся в еще более скудных на описания прядях подробным психологическим портретом Халльдора, воссозданным рассказчиком со слов самого Харальда Сурового (см. с. 81).

Как и следовало ожидать, характеристика нашего героя полностью отвечает его поведению на протяжении действия рассказа: он "неразговорчив и немногословен" ("fámæltur, stuttorðug") (и в самом деле: единственной произнесенной им в пряди "речью" Халльдор разражается лишь напоследок в критической ситуации, когда он врывается в королевскую опочивальню с твердым намерением добиться от конунга возврата недоплаченной ему суммы, до этого же момента он изъяснялся лишь краткими репликами), "прям, неприхотлив, резок и задирист, с кем бы ни имел дело" ("bermæltur, stygglyndur og ómjúkur, kappgjarn í öllum hlutum við hvern sem hann átti um") (и это верно: Халльдор напрямик высказывает конунгу свое недовольство и недовольство, церемонясь с ним не больше, чем с простым смертным). Подобные свойства характера героя пряди, комментирует рассказчик, вызвали естественное раздражение у государя: "Харальду конунгу, у которого на службе было много других людей, было это не по нраву. Поэтому с тех пор как Харальд стал конунгом в Норвегии, они плохо ладили" (выделено мной. — Е.Г.; ИС II 526; ÍSP III, 2155). Заметим, что о поведении самого конунга, который, как это явствует из предшествующего повествования, постоянно провоцировал Халльдора несправедливыми выпадами в его адрес, в этом заключительном пассаже уже не упоминается: ответ

ственность за ссору целиком возлагается на исландца и его неуживчивый и резкий характер. Очевидное изменение точки зрения на причины конфликта, впервые представленного здесь как будто бы с позиций государя, и дает основания заподозрить в столь необычном для жанра прядей портрете главного героя интерполяцию составителя "Гнилой Кожы", пытающегося таким образом подытожить не только данный рассказ, но и всю предпосланную ему в жизнеописании Харальда историю взаимоотношений будущего правителя Норвегии с его дружинником — одним из второстепенных персонажей излагаемой им "Саги о Харальде Суровом".

Объяснив таким образом причины разрыва героев пряди, рассказчик обращается к тем сведениям об их заочных взаимоотношениях, которые ему еще оставалось сообщить читателю. Харальд по прошествии недолгого времени приглашает Халльдора вернуться к нему на службу, обещая оказывать ему всяческое уважение и не ставить выше него ни одного "нетитулованного" (óþignn) человека в Норвегии, однако Халльдор отвечает на это приглашение отказом, усматривая в переданных ему словах конунга скрытую угрозу ("Я хорошо знаю, что он сдержал бы обещание: не поставил бы никого в Норвегии выше меня, если бы я к нему приехал. Потому что, если бы он только мог, он велел бы вздернуть меня на самую высокую виселицу", ИС II, 526). Тем не менее, исландец выполняет другую просьбу конунга: посылает ему лисьих шкур, когда Харальд, состарившись, стал мерзнуть по ночам. Однако встречаться после того "несколько холодного" расставания ("fá yrði nokkuð með stytti því sinni" — обычная для стилистики саги литота), которое было описано в заключительном эпизоде пряди, нашим героям более не доводилось.

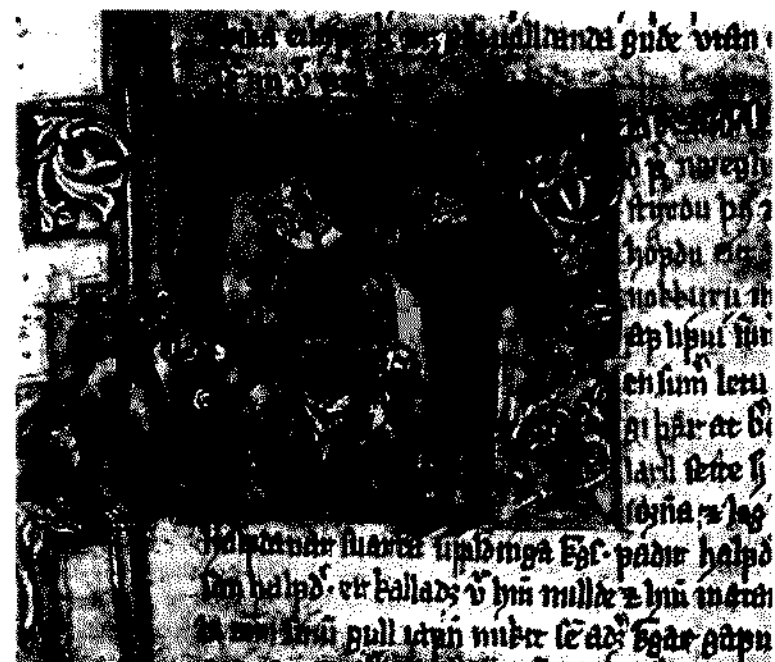
"Прядь о Халли Челноке"

Решимость и бесстрашие, проявленные Халльдором сыном Снорри в его столкновениях с Харальдом Суровым, пожалуй, сопоставимы лишь со смелым поведением другого приближенного того же конунга — скальда Халли по прозвищу Челнок (Sneglu-Halli). Прядь об этом хитроумном исландце ("Sneglu-Halla þáttur", № 12), представляющая собой собрание забавных анекдотов о его дерзких выходках и остротах, сохранилась в двух редакциях: в "Гнилой Кожке" (сокращенная версия) и в "Книге с Плоского Острова" (полная версия). При первом приближении, однако, персонажи этих прядей, скорее, могут показаться антиподами, так мало между ними сходства. И действительно: тогда как Халльдор в обеих посвященных ему историях наделяется всеми чертами, традиционно отмечающими героическую личность — он могуч, статен, хорош собой, отважен и исполнен достоинства, как и пристало родовитому исландцу, образ

Халли, напротив, откровенно снижен, идет ли речь о его происхождении, поведении или облике. Этот нескладный, узкоплечий, длиннорукий и длинношей человек — не только обладатель карикатурной внешности, ни в коей мере не отвечающей канонам изображения положительных героев древнеисландской литературы. По всей видимости, он еще и единственный из “безродных” персонажей прядей (в юности этот будущий дружинник норвежского короля пас коров), для кого пребывание на государственной службе прошло даром, а возвращение в Исландию не сулило почета и признания. Очевидно, что рассказчик пряди невысокого мнения о своем герое, хотя и находит забавными его проделки, ведь Халли так и не сумел добиться лучшей доли — разбогатеть, возвыситься над своим бывшим окружением и завоевать уважение соотечественников. Вместо обычного для “прядей о поездках из страны” концовки — сообщения о последующем процветании героя у него на родине, в заключении рассказ-конунг получает известие о бесславной кончине Халли, умершего от бедности, сидя за скромным ужином после изнурительной рыбной ловли, которой он зарабатывал себе на пропитание с тех пор, как растратил все свои деньги.

И тем не менее, несмотря на далеко не возвышенный, более того, явно дегероизированный образ этого скальда-трикстера (так, мы неоднократно становимся свидетелями того, как после очередной своей дерзкой выходки он отводит от себя угрозу расправы, спасаясь бегством, — поведение, немыслимое для персонажей, подобных Халльдору), Халли подчас также показывает себя непреклонным смельчаком, без колебаний вступающим в открытую конфронтацию с могущественным противником и исполненным решимости, невзирая на последствия, до конца отстаивая свои права и достоинство перед лицом сильнейшего. Даже больше того, этот исландец обычно проявляет решительность и храбрость без особой необходимости: в отличие от ситуаций, описанных в других историях, изображенные в нескольких эпизодах этой пряди столкновения ее главного героя с государем, а затем с его всемогущим наместником вовсе не предполагают в качестве их неопровержимого участника именно Халли. На его месте вполне мог бы оказаться любой из людей конунга, поскольку несправедливые действия, вызывающие протест у Халли, не направлены персонально против него, но в равной мере затрагивают всех королевских дружинников. Однако лишь он один дерзает принять на себя роль “адресата” монаршего гнева и сознательно спровоцировать конфликт, дабы добиться перемены в поведении государя. Раз за разом мы становимся свидетелями того, как он намеренно навлекает на себя немилость высокопоставленного противника за нежелание, по примеру своих товарищей, молчаливо сносить произвол. Халли, таким образом, оказывается не просто смельчаком, но *единственным* смельчаком, у которого хватало

Конунг и столник. Инициал из “Книги с Плоского Острова” (Flateyjarbók, GKS 1005, fol.). Исландская рукопись, последняя четверть XIV в.

решимости призвать к ответу поступающего недолжным образом правителя или облеченного им властью наместника. Изобретательный, хитроумный и дерзкий на язык исландец (последнее неоднократно подчеркивается в даваемых ему в пряди характеристиках: *oðgrettr mikill, oðhákr*), несмотря на свое низкое происхождение и нередко отнюдь не безупречное поведение, демонстрирует куда большую независимость нрава и суждений и наделен более развитым чувством чести, чем его собратья-дружинники.

Описанное в нескольких эпизодах пряди (главы 4, 5) столкновение Халли с Харальдом Суровым происходит из-за скупости и невнимания последнего к нуждам его людей. В обычае у этого конунга было принимать пищу один раз в день и, насытившись, ударять по столу рукоятью ножа, что служило для слуг знаком убирать со столов. Конунгу подавали первому, а потому он обыкновенно бывал сыт прежде, чем иные из его дружинников успевали приступить к трапезе. В результате многие вставали из-за стола голодными. Халли однажды после того, как конунг приказал уносить кушанья, все же успел ухватить с блюда кусок мяса и произнес по этому поводу четверостишие: “Мне дела нет до того, / что Харальд стучит по сто-

лу, / я жую, не таясь, / и сытым отправлюсь спать" (*ÍSP III*, 2220). Однако он не ограничился этим и на следующее утро предпринял демарш, целью которого было довести до сознания государя, что тому не пристало содержать своих людей впроголодь. Халли водрузил себе на спину щит и меч и, представ в таком виде перед Харальдом с его свитой, произнес вису, в которой объявлял, что готов променять свое воинское снаряжение на хлеб и "закуску", и сетовал на то, что дружинники ходят голодные, а у него самого так ввалился живот, что ремень, обхватывая его спереди, прилегает к спине; заканчивалось же стихотворение прямым обвинением в адрес государя "Haraldr sveltir mik" – "Харальд морит меня голодом!" Конунг притворился, будто не расслышал того, что сказал Халли, однако, все заметили, что он был недоволен.

Халли и этого показалось мало. Спустя несколько дней он вновь нашел способ напомнить государю о том, что недоедает у него на службе. Когда Харальд в окружении дружинников шел по улице Халли, отделившись от королевской свиты, пронесся мимо конунга на ходу оповестив его, что бежит купить корову (аф куткаури, в другой версии пряди речь идет о покупке скира – аф скугкаури), и забежав в один дом, направился напрямик на кухню, где потребовал себе котелок каши. Последовав за ним, конунг застал его сидящим и уплетающим кашу и был немало рассержен тем, что своим вызывающим поведением он дает повод для пересудов и кривотолков. Исландца не смутило замечание конунга. В ответ он заявил, что Харальду не следует упрекать его, поскольку сам-то он, по его наблюдениям, никогда не отказывается от хорошего блюда. Конунг удивился в гневе, а вечером того же дня, когда были накрыты столы Халли, в отличие от других, ничего не предложили. Дружинники уже приступили к трапезе, когда слуги внесли в палату и поставили перед ним корыто, полное каши, и ложку. Халли принялся за еду и ел, пока не насытился. Заметив, что он остановился, конунг приказал ему продолжать, однако Халли ответил, что с него достаточно. Тогда конунг выхватил меч и велел ему есть, пока не лопнет, на что Халли заметил, что "не собирается лопаться от каши", но если конунгу не терпится лишить его жизни, он может убить его, когда пожелает. Невозмутимое заявление Халли возымело действие: конунг уселся и вложил меч в ножны. Спокойное упорство и бесстрашие исландца, предпочитающего принять смерть, но не подчиниться старшему, ущемляющему унижать его конунгу, вынуждает последнего отступить, так и не добившись капитуляции оппонента. Халли в этой сцене одерживает над Харальдом Суровым еще более убедительную победу, чем Халльдор: тот в сходной ситуации все же был принужден осушить поднесенный ему конунгом штрафной рог, – унижение, за которое он сразу же отплатил своему обидчику словесным оскорблением, а позднее и ответным насилием.

Спровоцированный независимым поведением исландца конфликт с правителем Норвегии достигает кульминации в следующем эпизоде пряди. В другой раз, также во время застолья, Харальд вручает карлику Туте блюдо с жареным поросенком, распорядившись, чтобы он отнес его Халли, а тот, если намеревается сохранить себе жизнь, должен успеть сложить и произнести об этом вису прежде, чем карлик приблизится к нему и передаст королевский подарок. При этом Туте было наказано известить Халли о требовании государя не раньше, чем он дойдет до середины палаты. Халли успешно справился с возложенным на него трудным заданием, и его импровизация, послужив своеобразным "выкупом головы", окончательно примирила его с конунгом. Обезоруженный талантом и проворством дерзкого скальда, Харальд объявляет, что более не держит на него зла (*ÍSP III*, 2222).

Нельзя не заметить, что поведение Халли, который то позволяет себе заявления и поступки, несовместимые с достоинством воина и "человека конунга" (как, например, провозглашаемое им в стихах намерение променять свой меч и щит на "закуску" или приставшее лишь простолюдину питание кашей, провоцирующее вспышку государя гнева), то отпускает дерзости и непристойности в адрес конунга и его жены (главы 2, 10), более всего напоминает выходки придворного шута. Между тем, тогда как последний защищен отведенной ему ролью и все его смелые речи и поступки остаются в границах дозволяемого или даже предусмотренного его придворной должностью, шутство Халли никоим образом не санкционировано сверху, а потому сопряжено с постоянным и отнюдь не шуточным риском. Хотя Харальд Суровый, любитель поэзии и остроумной беседы, как не раз подчеркивается в пряди, и ценит Халли именно за его умение и готовность "постоянно развлекать" (ср.: "konungur var vel til hans og þótti gaman að Halla jafnan", *ÍSP III*, 2230), а потому склонен терпеливо сносить от него даже унижительные для собственного достоинства замечания и оскорбления (klámygði), позволяя превращать самого себя в источник забавы, королевская реакция на дерзкие выходки этого исландца, тем не менее, остается непредсказуемой. Халли никогда не знает, что вызовут его остроты и проделки – смех или гнев, и поэтому то и дело подвергает свою жизнь смертельной опасности. В отличие от шута, защитой ему служит не особое положение при особе государя, но собственные недюжинная отвага и находчивость, с помощью которых ему, как и героям других прядей, удается брать верх над своим могущественным противником. Как видим, и здесь последнее слово остается не за правителем Норвегии, но за предприимчивым исландцем.

Если в конфликте с конунгом Халли в первую очередь движет желание отстаивать свое право на достойное обхождение, то в столкновении с королевским наместником Эйнаром Мухой – исключи-

тельно азарт. Эйнар, как выяснится впоследствии, не сделал ничего, что затронуло бы честь или интересы самого Халли, и становится объектом его домогательств и преследования лишь вследствие заключенного им пари. Этот приближенный конунга, впрочем, страдает отнюдь не незаслуженно. Идея проучить спесивого лендрмана, которому до него не решался перечить никто из конунговых людей, приходит исландцу на ум, когда он узнает о чинимых им беззакониях: по рассказам дружинников, тот никогда не платит возмещения за совершенные им убийства и грабежи. Заявив, что у них в стране "таких хёвдингов называют злодеями" (*vændishöfðingjar*) Халли бьется об заклад (которым, как и в рассказах о других پردازках этого исландца, неизменно служит его голова), что он, в случае если ему будет нанесена обида, не преминет призвать Эйнара к ответу и обязательно добьется положенной ему компенсации. Таким образом, Халли и здесь берет на себя роль защитника общих интересов и вновь противопоставляет себя королевским дружинникам, не смеющим тягаться с могущественным оппонентом и потому предпочитающим молчаливо сносить произвол с его стороны. Как и в иных ситуациях, наш герой, презрев осторожность и подвергая опасности свою жизнь без видимой на то необходимости, задается целью совершить нечто, оказавшееся не по плечу остальным, и успешно справляется со своей задачей. На этот раз ради ее достижения он прибегает к обману — для начала, дабы инициировать конфликт, приписывает себе близкое родство с человеком, которого убил Эйнар, а затем, так и не добившись от него согласия выплатить возмещение за свою "утрату", выдает за якобы увиденный им (разумеется, "вещий") сон предостережение о грядущей мести обидчику. Надеясь на всем известную историю, Халли грозит Эйнару, что поступит с ним так же, как в свое время Торлейв Ярлов Скальд обошелся с ярлом Хаконом Могучим, — сложит о нем хулительные стихи, так называемый *нид*, навсегда ославив его тем самым перед всем светом. Эта угроза, подкрепленная увещеваниями конунга, напоминающего своему высокомерному наместнику, что от поносных стихов скальдов приходилось страдать и более могущественным людям, чем он, а также его убеждение, что Халли ни за что не отступится, наконец возымели действие, и наш герой получил то, чего добивался. Посрамив и ловко проведя своего противника, и, таким образом, выиграв заключенное еще до начала конфликта пари, Халли, однако, не захотел воспользоваться плодами своей победы и, отказавшись от заслуженного выигрыша, признался товарищу, с которым ранее побился об заклад, что не имел оснований требовать у Эйнара компенсации за убийство и притворился потерпевшим лишь для того, чтобы проверить, удастся ли ему вытянуть из него деньги (*ИС II, 510*). Не считая для себя зазорным обмануть и обобрать высокомерного наместника и попутно ввести в заблуждение самого конунга, Халли

проявляет честность и благородство по отношению к равному, которому он, по его собственным словам, "не хочет ни в чем уступать". Таким образом, рисуемый автором пряди образ Халли далеко не однозначен: ловкий обманщик и плут — герой анекдота соседствует в посвященных ему историях с исполненным чувства справедливости смельчаком, всегда готовым без колебаний отстаивать свою честь и подвергнуться смертельному риску ради того, чтобы поставить на место могущественного гордеца, привыкшего безнаказанно ущемлять права и достоинство других людей. Этой гранью своей личности Халли, несомненно, напоминает других исландцев — героев прядей, которые бесстрашно меряются силами с представителями норвежской знати или самими правителями страны.

"Прядь о Торлейве Ярловом Скальде"

"Прядь о Торлейве Ярловом Скальде" (*"Þorleifs þáttur jarlsskálds"*, № 16), история, одно лишь упоминание которой действует устрашающе и помогает Халли Челноку одержать верх над его высокопоставленным противником, также повествует о конфликте, возникшем в результате противоправных действий властителя, наносящего урон герою. При этом, она, несомненно, выбивается из общего ряда. Уже самый факт обращения к ней хитроумного скальда конунга Харальда как к последнему аргументу, способному сломить сопротивление даже такого спесивого упряма, как королевский наместник Эйнар Муха, не может не указывать на экстраординарный характер поведения в этом конфликте страдающей стороны — оскорбленного несправедливым правителем исландца, прославившегося в веках благодаря осуществленной им мести (ср. высказывание на этот счет Харальда Сурового: "...память об этом будет жить, пока люди населяют Северные Страны", *ИС II, 509*). И действительно: какими бы дерзкими ни представлялись демарши Халли, позволяющего себе оскорбительные выпады в адрес конунга, или, в особенности, Халльдора сына Снорри, чуть ли не силой вырывающего у Харальда обещанные ему деньги, ни один из этих героев не заходит в своих ответных действиях, обращенных против обидевшего их правителя, так далеко, как Торлейв.

Объяснение этому в первую очередь следует искать в личности центрального персонажа пряди, с небывалой для произведений этого жанра обстоятельностью обрисованного в ее вводной части (см. раздел I), человека, несмотря на молодость, больше других "сведущего во многих искусствах" (*"hinn mesti atgervimaður um ífróttir"*) и в "древней мудрости" (*"í fræðum fornlegum"*), и, кроме того, весьма решительного — Торлейв отправляется за море девятнадцати лет, будучи объявленным вне закона за совершенное им убийство. Однако

не в меньшей мере чрезвычайность предпринятых этим героем ответных действий и прежде всего его решимость жестоко отомстить самому правителю Норвегии определяется личностью его обидчика. В отличие от рассматривавшихся до сих пор рассказов, в каждом из которых в качестве оппонента героя-исландца неизменно выступают Харальд Суровый (1046–1066), описываемые в пряди о Торлейве события относятся к иной эпохе – к концу правления норвежского ярла Хакона Могучего (974–995). Ярый язычник и идолопоклонник ярл представлен в пряди как нечестивец, заслуживший презрение (*varð forsmáður*) своим “вероотступничеством” (*guðnífðingskapur*), злобностью (*manníllska*) и колдовством (*galdr*) и совершивший множество злодеяний “себе же на позор и на погибель” (“*sér til skamma og skaða*”). Отступая от традиционной для стилистики исландской саги отстраненной и беспристрастной манеры изложения, автор пряди (или “отредактировавший” ее при включении в свое собрание саг компилятор “Книги с Плоского Острова”, в которой рассказ о Торлейве помещен среди приложений к “Большой саге об Олаве Трюггвасоне”, короле-миссионере, сменившем на норвежском престоле ярла Хакона, нашедшего бесславный конец в свинарнике, где он прятался от восставших против его притеснений бондов) не скрывает своего резко отрицательного отношения к противнику героя-исландца. Тогда как в других прядях образ правителя чаще всего однозначен – Харальд Суровый бывает груб, несправедлив, коварен, скуп и жаден до чужого добра, однако при всем том он способен признать собственную неправоту, и, оценив по достоинству своего оппонента, вовремя сменить гнев на милость, – ярл Хакон изображен как сугубый злодей, находящийся во власти дьявола и благодаря Торлейву еще при жизни получающий частицу уготованной ему неизбежной и справедливой кары.

Впрочем, позиция христианского рассказчика/редактора пряди обнаруживающего свое мнение о нечестивом правителе-колдуне в авторских вторжениях в ее вводную и заключительную части, едва ли может считаться последовательной. Так, для него оказывается совершенно несущественным, что заслуженное и встреченное всеобщим одобрением воздаяние за свои дурные дела ярл получает тоже монетой – в языческих же колдовских стихах, сочинение которых находилось под запретом и провозглашалось противоправным деянием как в норвежских, так и в исландских законах²⁴. Явно не замечая возникающего противоречия, автор рассказа, напротив, ставит своего героя в один ряд со скальдами, в стихах которых впервые появляются приметы нового вероисповедания: в процитированном пряди стеве (припеве) из хвалебной песни, якобы сложенной Торлейвом в честь датского конунга Свейна Вилобородого, оказывающего ему покровительство после неудачного визита к ярлу Хакону, ратные успехи этого короля объясняются дарованной ему “велико-

удачей князя светила небес” (“*œrna giptu / qðlings himins rǫðla*”, *Skj. B 1 133, 2*)²⁵, т.е. Всевышнего. Точно так же просматривающаяся за этим попытка придать нередкому в прядях противопоставлению двух правителей – помощника и преследователя героя-исландца – оттенок столкновения между сторонником истинной веры и язычником не находит опоры в поведении датского конунга. Король-христианин первым прославляет Торлейва за сложенные им в отместку своему обидчику магические хулительные стихи, произнеся по этому поводу скальдическую вису, а также увековечивает подвиг исландца, “продлевая” его имя прозвищем Ярлов Скальд²⁶.

Описанная в пряди история взаимоотношений ее центральных персонажей вкратце такова. За отказ Торлейва продать ему привезенные из Исландии товары ярл Хакон приказывает разграбить и сжечь его корабль и повесить команду (для сравнения: в аналогичной ситуации Харальд Суровый, столкнувшись с нежеланием Аудуна с Западных Фьордов продать ему белого медведя, которого тот предназначил в подарок его врагу, датскому конунгу, великодушно отпускает исландца). Лишившись всего своего имущества, Торлейв перебирается в Данию, где встречает теплый прием у тамошнего правителя Свейна Вилобородого, которому он преподносит образцовый княжеский панегирик – хвалебную песнь в сорок строк (*fertug drápa*), а спустя некоторое время, испросив у этого конунга разрешение сделать аналогичное приношение ярлу – исполнить сложенную о нем поэму, “Висы о Женщине” (“*Konurvísur*”), отправляется в Норвегию. Подобно героям ранее рассмотренных прядей (см. раздел А1), вынашивающим свою месть и действующим по заранее продуманному плану, Торлейв старается остаться неузнанным – он выдает себя за нищего старика, соответственно одевается, берет костыли и подвязывает козлиную бороду. Под одеждой он прячет мешок – в него, прикидываясь, будто ест, он бросает еду, которая послужит ему пропитанием на обратном пути²⁷. В таком виде он является к ярлу Хакону, который восседает в окружении гостей на пиру, устроенном по случаю языческого праздника середины зимы (Йоля). Сумев своим вызывающим поведением привлечь внимание ярла, Торлейв вступает с ним в беседу, назвавшись Хулителем Приживалом сыном Крикуна (*Níðungur hinn nákvæmi Gjallandason*) из Скорбных Долин в Холодной Швеции, и, наконец, просит позволения исполнить сложенную в его честь хвалебную песнь.

Привыкший к славословиям лучших скальдов ярл с готовностью соглашается выслушать песнь, однако во время ее исполнения с ним начинается твориться неладное: во всем теле у него “возникает такая сильная чесотка и зуд, что мочи нет терпеть”. Заподозрив, что причина его недуга – в стихах старика, ярл приказывает ему “рассказывать лучше”: “Стихи эти скорее можно назвать хулительными (*níð*), чем хвалебными (*lof*). Или исправляй их, или получай за них по за-

слугам!" (ИС II, 453). Старик обещает исправиться, а сам принимается за Туманные Висы (Pokuvísur) – среднюю часть Ярлова Нида. Как только он произнес их, в палате сделалось темно, оружие само собой пришло в движение и стало разить направо и налево. Ярл упал без чувств, а когда мгла рассеялась и он очнулся, то обнаружил, что у него выпала борода и волосы по одну сторону пробора, которые "так никогда больше не отросли". Ярл после этого долго лежал больной. Старик же бесследно исчез. Ярл Хакон догадался, что это был не кто иной, как Торлейв, и "что так решил он с ним расквитаться за потерю людей своих и добра" (ИС II, 453).

Как видим, сочиненная Торлейвом хулительная песнь наносит невосполнимый урон не только репутации ярла (функция нида, о которой напоминает Эйнару Мухе Харальд Суровый, советуя ему удовлетворить требование Халли Челнока: "...хулительные стишки сложенные о знатном человеке, если они останутся в памяти людской, стоят горсти монет", ИС II, 509), но и его мужественности. Хакон навсегда лишается бороды. Сообщая конунгу Свейну о своем намерении преподнести ярлу поэму, названную им "Kopuvísur" ("Висы о Женщине"), якобы "потому, что в поэзии ярла именуют женщиной" (fvi að jarl er kona kenndur í skáldskap, ÍSP III, 2270), Торлейв не просто обыгрывает имя правителя Норвегии – Hákon, он прозрачно намекает на характер и назначение своих стихов. На самом деле скальдические правила последовательно исключали даже самую возможность обозначать или характеризовать (kenna) мужа или воина при помощи женских наименований. Одна из главных моделей кеннингов мужа, в которых он иносказательно именовался "древом оружия, доспехов или битвы", допускала использование лишь названий деревьев мужского рода ("ясень битвы", "тополь шлема", "клен кольчуги" и пр.), тогда как в кеннингах жены полагалось употреблять только соответствующие наименования женского рода, аналогичным образом снабжая их особыми женскими "приметами" (ср. "липа льна", "ольха головной повязки" и т.д.)²⁸. Неукоснительное соблюдение разграничения по признаку рода в поэтической "грамматике", несомненно, служило формальным отражением табу, которые действовали в скандинавском обществе, где, например, законодательно возбранялось даже переодевание в платье, характерное для представителей противоположного пола: любой такой проступок, совершенный одним из супругов, считался достаточным основанием для развода. Что же касается обвинений в перемени пола или в женоподобии и связанных с этим извращениях (именно о них обычно говорится в немногих уцелевших хулительных строфах, и именно на них намекает описание физического воздействия, которому подвергся Хакон по ходу исполнения Ярлова Нида, то они рассматривались как тягчайшие оскорбления, влекшие за собой бесчестье и превращавшие того, против кого они выдвигались

во всеми презираемого изгоя – "нидинга" (níðingr). В этом и состояло главное назначение нида²⁹.

Совершив беспрецедентную месть за учиненные ярлом разбой и убийства, Торлейв полностью возместил понесенный им ранее урон, в результате получив не только моральную, но и материальную компенсацию. Конунг Свейн, к которому герой возвращается после расправы над Хаконем, дает ему "в честь наречения имени" (присвоенного им исландцу почетного прозвища Ярлов Скальд) все, что тот утратил по вине правителя Норвегии, – грузный товарами корабль с гребцами и снаряжением. Как мы наблюдали уже на примере другой истории – "Пряди о Торварде Вороньем Клюве", невозможность получения надлежащего возмещения от антагониста, тем не менее, не является непреодолимым препятствием для восстановления справедливости в отношении героя-исландца. Последний так или иначе непременно должен вернуть себе утраченное в ходе конфликта, даже более того – приумножить свое достоинство, и если развитие событий (как в нашем случае) приводит не к примирению противников, но, напротив, к углублению их конфронтации, в этих целях производится подмена знатного "донатора".

Одержав верх над ярлом и тем самым стяжав громкую славу и богатство, Торлейв навсегда возвращается в Исландию. Рассказ, однако, не заканчивается полным торжеством героя, но, как нередко бывает в прядях с неразрешенным конфликтом, получает продолжение, и притом не менее необычайное, чем история, изложенная в основном повествовании. В следующем эпизоде описывается, как Хакон, призвав на помощь языческие силы и колдовство, становится причиной трагической гибели скальда. Сконструировав деревянного истукана, дав ему имя и оживив – вложив в его грудь человеческое сердце, ярл вооружает этого свирепого "робота" взятый из языческого капища секирой и отправляет за море с поручением разыскать и убить Торлейва. Посланцу ярла удается осуществить свою дьявольскую миссию. Повстречав Торлейва на Полях Тинга, он наносит ему смертельный удар, после чего проваливается сквозь землю. Торлейв же, как истинный герой, не может умереть, не позаботившись о том, чтобы оставить достоверное свидетельство о происшедшем, или тем более не совершив напоследок мужественного и запоминающегося поступка. Собрав последние силы, он произносит вису о своем "канувшем в камень" и "навечно умчавшемся почивать в Хель" убийце, возвращается к своей землянке на альтинге, рассказывает о случившемся и только после этого с достоинством принимает смерть, по всеобщему мнению, явившуюся величайшим несчастьем. Подобно тому как Хакону не составило труда догадаться, кто стал причиной его бесчестья, люди не сомневаются в том, что гибель Торлейва была подстроена вождями ярла.

Между тем эпизод, описывающий безвременную кончину главного героя и, казалось бы, ставящий последнюю точку в его взаимоотношениях с ярлом, еще не завершает повествования. Прядь заключает совершенно самостоятельный рассказ, на первый взгляд, связанный с предшествующим изложением лишь личностью прославленного исландца. Собственно, его темой и становится бессмертная слава скальда. К кургану похороненного на Полях Тинга Торлейва постоянно наведывается со своим стадом пастух по имени Халльбьёрн Хвост. Изю всех сил старается он сложить хвалебную песнь в честь владельца кургана, однако по неумению так и не продвигается дальше самого начала своей поэмы ("Hér liggr skald" — "Здесь лежит скальд"). Ночью во сне он видит, как из раскрывшегося кургана выходит его обитатель. Приблизившись к несостоявшемуся скальду, он обещает обучить его поэтическому ремеслу и сулит ему блестящее будущее на этом поприще. От Халльбьёрна требуется лишь запомнить и после пробуждения повторить в прямом смысле слова вложенную ему в уста вису — первую строфу начатой им хвалебной песни в честь Торлейва Ярлова Скальда, которую курганный житель произносит, потянув его за язык. Проснувшись, пастух припоминает услышанные им во сне стихи, самостоятельно заканчивает песнь и, как было обещано, становится "великим скальдом", о котором, по заверению автора пряди, "ходит большая сага и здесь в стране, и за ее пределами" (ИС II, 456–457). Об этом Халльбьёрне, однако, более ничего не известно, хотя он и упоминается в "Перечне скальдов".

Предполагается, что история о чудесном обретении безвестным пастухом скальдического дара — позднейшее добавление к тексту "Пряди о Торлейве Ярловом Скальде", которое могло быть навеяно содержащимся в одной из средневековых исландских рукописей христианским рассказом о клирике, так же, как и Халльбьёрн, безуспешно пытавшемся сложить стихи на месте погребения другого прославленного мужа — Бэды Достопочтенного. Не сумев сочинить ничего, кроме самого начала латинской эпитафии, горе-поэт, придя в очередной раз к могиле святого отца, обнаружил там уже сложенные стихи³⁰. Следует, однако, заметить, что чем бы ни объяснялось очевидное сходство между двумя рассказами, вероятные христианские корни истории о Халльбьёрне — еще не свидетельство того, что она не могла принадлежать к первоначальному тексту пряди. Кроме того, если перед нами и заимствованный сюжет, то, будучи включенным в прядь, он подвергся столь глубокой переработке, что полностью утратил черты христианской легенды и как нельзя лучше вписался в контуры языческой фантастики, в равной мере присущей каждому из трех эпизодов повествования о Торлейве. В то время как в рассказе о Бэде речь идет о вмешательстве божественного провидения, и появившаяся в конце концов эпитафия

оказывается ниспосланной свыше, так что скромному клирику, выступившему в роли ее инициатора, не суждено было стать ее создателем, история о Халльбьёрне описывает магическую процедуру передачи поэтического искусства от скальда к скальду, принимая при этом за образец языческий миф об обретении волшебного меда поэзии первопоэтом — верховным скандинавским божеством Один³¹. Усвоив все секреты поэтического ремесла вместе с влитой ему в уста висой, сочиненной великим скальдом, Халльбьёрн и сам становится искусным стихотворцем, способным без чьей-либо помощи завершить начатый им панегирик, в котором он намеревался увековечить славу Торлейва.

Как представляется, этот избыточный, на первый взгляд, эпизод был включен в прядь с вполне определенной целью. Задуманная Халльбьёрном хвалебная песнь, в создании которой восхваляемый в ней герой принимает столь деятельное и по сути дела решающее участие, не только передавая свое искусство ее будущему автору, но и сам сочиняя ее начальную строфу, должна была стать окончательным ответом Торлейва его противнику. Отомстив дерзкому исландцу с помощью подосланного к нему деревянного убийцы, ярл Хакон как будто бы берет реванш, уничтожая своего оскорбителя, однако прядь не может закончиться поражением героя. И, как показывает ее заключительный эпизод, последнее слово в конфликте с правителем Норвегии в действительности остается за Торлейвом. Для истинного героя дорожка жизни то, каким он пребудет в памяти потомков. Поэтому принеся беду и бесчестье ярлу магия "связанной речи" (*bundit mál* — определение поэзии в ученой поэтике) направлена теперь на то, чтобы увековечить славу его победителя, — "искуснейшего из скальдов (*skald þats skalda / skörungur vas mestur at flesta*), выковавшего нид Хакону (*nið Hákonu smíða*)", как гласит виса, сказанная явившимся Халльбьёрну выходцем из кургана. Налицо, таким образом, противопоставление двух сцен — исполнения хулы ярлу и хвалы Торлейву, в которых подчеркнуто контрастируют и два облика главного персонажа рассказа. Если Ярлов Нид произносит согбенный нищий старик, то славословие в честь его создателя Халльбьёрну помогает сложить статный муж в богатой одежде, у которого начинающий поэт, по собственному его заявлению, "сможет научиться большему, чем у любого другого скальда". Так в последнем "действии" пряди перед зрителями, дабы запечатлеть память о совершенном им громком деянии в самом прочном и нетленном материале — мастерски сработанных стихах, из уже осуществившегося бессмертия является во всем своем великолепии герой-победитель, не побоявшийся вступить в единоборство со всемогущим правителем Норвегии.

Последняя история в рассматриваемой группе, “Прядь о Торде Золотой Асы” (“Gull-Ásu-Þorðar þáttur”, № 5) также живописует конфликт, масштабы которого далеко выходят за рамки обыкновенного. На этот раз, однако, повествование не включает в себя решительно никаких элементов фантастики, и чрезмерность описываемых в пряди событий заключается в том, что в столкновение мерящихся силой противников — исландца и его знатного притеснителя — оказывается втянутым столь великое множество участников, что оно едва не перерастает в смуту.

Рассказ знакомит нас с одним из типичных героев произведений этого жанра — предприимчивым исландцем, незначительным человеком (в пряди не приводится даже имени его отца, сказано лишь, что Торд “превозмог” его, иначе говоря, сумел добиться большего), достигающим всего исключительно благодаря своим личным достоинствам и умениям. Приехав в Норвегию едва ли не без гроша в кармане и не имея там ни родичей, ни друзей, Торд сам устанавливает все необходимые социальные связи. Для начала ему удается войти в доверие и завоевать благосклонность богатой и родовитой женщины по имени Аса, другом и торговым компаньоном которой он становится, а затем, воспользовавшись ее советом и сложив хвалебную песнь в честь ее знатного родича Видкунна, преодолеть его неприязнь и, таким образом, заручиться поддержкой одного из самых могущественных людей в стране. Совершив следующий шаг и обменяв положенную скальду “плату за поэзию” (bragarlaun), полновесное золотое запястье, на обещание дружбы влиятельного хёвдинга, Торд решает, что отныне он сможет смело “мериться силами” с кем угодно в Норвегии.

Как всегда в таких ситуациях, подходящий случай не заставит себя долго ждать. Возвратившись однажды летом из торговой поездки в Англию, Торд, не вняв предостережениям своих спутников, бросает якорь рядом с кораблем самого могущественного и властного из королевских лендрманнов, Ингимара из Аска. (Напомним, что этот же мотив — вызывающее поведение героя в гавани, когда он, желая продемонстрировать свою независимость и презрев осторожность, намеренно выбирает опасное соседство со знатным приближенным конунга, подготавливая тем самым почву для неминуемого столкновения, ранее уже наблюдался в “Пряди об Эгмунде Ударе и Гуннаре Пополам”.) Естественно, сразу же появляется и повод для грядущего конфликта. Обнаружив во время разгрузки поклажу, Торд, не долго думая, отправляется на соседний корабль и, захватив с полочным вора — одного из слуг Ингимара, поступает с ним так, как велит закон: отводит его в свою усадьбу вместе с краденым, с тем чтобы в дальнейшем предать его суду. Это оказы-

вается не по нраву Ингимару, который является к дому Торда с требованием немедленно выдать его человека. Невзирая на поношения и угрозы попирающего право высокомерного противника (ср.: “Má eg þá og varla lendur maður heita ef eg læt göngumann þinn draga mann af mér” — “Не звать мне лендрманном, если я позволю какому-то бродяге захватить моего человека”), исландец упорно стоит на своем: закон один для всех. Посулив скорую расправу своему оскорбителю, разгневанный хёвдинг в итоге удаляется ни с чем, Торд же, по совету Асы, в поисках поддержки посылает за ее родичем Видкунном: настало время проверить на деле, помнит ли тот о своем долге — некогда обещанной им в обмен на хвалебную песнь дружбе.

Видкунн сразу же признал связывающие его с Тордом обязательства и, собрав немалые силы, поспешил к нему на подмогу, так что Ингимар, столкнувшись с численно превосходящим его противником, вновь ничего не добился и был вынужден ретироваться, не преминув, однако, излить свою досаду на Видкунна: знатному мужу не годится выступать на стороне выскочки-исландца («“Воткни-ка меня в землю”, как сказала лопата, стоя одна-одинешенька. Сюда пожаловал Видкунн! Нам с тобой больше пристало держаться друг друга, чем тебе поддерживать твоего свояка Торда. Похоже, однако, что ты вознамерился расплатиться с ним за ту песенку, в которой он тебя осмеивает»). Поскольку Ингимар дает понять, что не отступится, вновь возникает нужда в сильном союзнике. Проявить заботу об этом приходится уже Видкунну. Он отправляет гонцов к своему другу Сигурду сыну Храни просить его не мешкая прийти к дому Торда, “а если он станет отказываться, напомнить ему, кто поддержал его, когда финны захватили его усадьбу на Бьяркей”. Напоминание возымело желаемое действие, и Ингимару, несмотря на созданное им великое множество народу, приходится и на этот раз ограничиться саркастическим замечанием в адрес своих противников (“Петух не лучше защищен, коли щит держит курица. Однако вы двое немало приобрели, объединившись против меня одного, поскольку оба вы — могущественные лендрманны”), а затем удалиться, чтобы продолжить сбор своих сторонников. Сигурд же, в свой черед оказавшись перед необходимостью искать помощников, призывает на подмогу того единственного, кого никто в стране не смог бы осилить, — самого конунга Эйстейна, сына Магнуса Голоногого, в пору правления которого (1103–1123) происходят описываемые в пряди события. На случай отказа у Сигурда также были припасены веские аргументы: он велит своим посланцам напомнить государю, что не кто иной, как он “до конца оставался с его отцом на западе в Ирландии”. Конунг хотя и ответил было, что “таким видным мужам вдвоем достанет силы одолеть Ингимара”, как только ему были пересказаны последние слова Сигурда, без промедления

направился к усадьбе Торда с большим отрядом и с твердым намерением отразить нападение своего не в меру зарвавшегося приближенного. Принятые предосторожности оказались не напрасными: Ингимар привел с собой на этот раз четыре сотни человек и объявил о неминуемой атаке на союзников, если его слуга не будет отпущен на свободу.

Действие достигает своей кульминации, когда в ответ на предъявленный им ультиматум из усадьбы неожиданно раздается голос конунга Эйстейна:

«— Не подобает тебе, Ингимар, устраивать волнение в городе или созывать такое большое войско и поднимать мятеж в стране. Но мы не сдадимся, не испугав, на чьей стороне сила.

Ингимар отвечает:

— “Железо дает блеск”, как сказала старуха, у которой не резал нож (“*Úr járn, kvað kerling og átti kníf deigan*). Какое событие! Сам конунг пожаловал сюда нас разнимать, так что мне опять придется удалиться, — и так и делает.

После этого конунг велит созвать тинг, и туда приводят вора, привязав ему на спину краденое. Он был осужден и затем повешен на Эйраре.

Конунг спросил:

— Как ты считаешь, Ингимар, какое наказание получит вор?

— Хочется думать, — отвечает Ингимар, — что воздастся человеку, убитому из-за безделицы.

— Нет, — говорит конунг, — он попадет в ад.

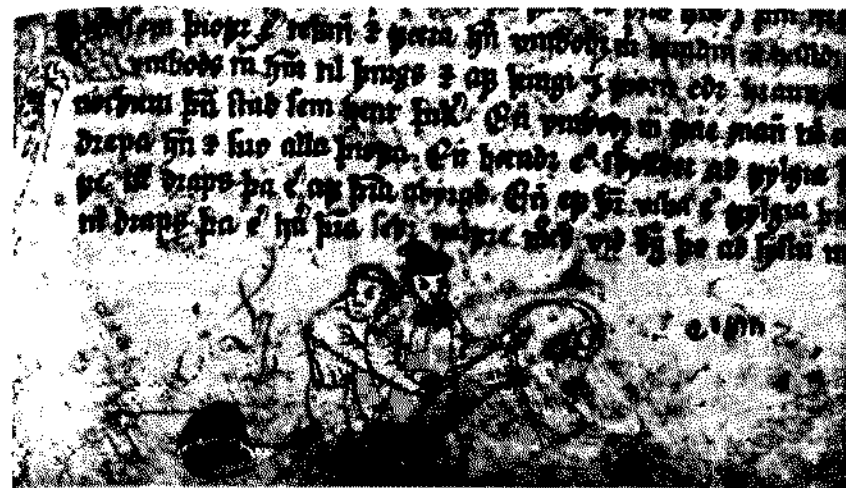
Ингимар сказал:

— Ты не на то употребил силу, конунг, когда принял сторону этого салоса и унизил своих людей (*er þú dregur fram hluta mörlándans en svívirðir sjálfs þín men*). Лучше было бы тебе собраться с духом и отомстить за собственного отца, который был убит в Ирландии, как собака, застигнутая на мертвом теле. Уж он-то, я думаю, точно находится в аду, потому что отправился завоевывать то, что ему не принадлежало.

Потом он возвращается к своим кораблям, отправляется на восток и убивает в Вике троих людей конунга. Затем он отплыл в Данию и там обосновался.

Рассказывают, что Торд после этого по совету Видкунна и конунга женился на Асе. Он считался храбрейшим человеком (*þótti vera hinn vaskasti maður*) и оставался в Норвегии до самой своей смерти» (*ÍSP III, 2131*)³².

Не вызывает сомнений, что как композиция, так и содержание повторяющих одна другую искусно выстроенных сцен, в которых последовательно разыгрывается столкновение Ингимара с каждым из трех знатных помощников героя, следуют канонам древнескандинавской перебранки³³. Этим обусловлена и особая структура диалогов участников действия, никогда не перерастающих в перепалку, но неизменно ограничивающихся только одним-единственным заявлением в адрес своего оппонента (увещанием помощника исландца, парируемым ответным оскорбительным выпадом антагониста), и строгое соблюдение обеими сторонами порядка выступлений, и, наконец, даже совершенно своеобразные саркастические “уэллеризмы” Ингимара, которыми он всякий раз

Приговоренного к казни ведут на виселицу. Рисунок на полях сборника законов (*Lónssbók, AM 345 fol.*). Исландская рукопись, XVI в.

встречает неожиданно появившегося нового противника: именно эти бьющие наотмашь поговорки и прибаутки и составили главную известность пряди. Этим же, по крайней мере отчасти, обусловлен и наблюдаемый в заключительной сцене переход к прямой агрессии словом и делом. Подобное поведение проигравшей стороны вполне обычно для перебранки, где вербальное столкновение выступает в качестве (порой временного) заместителя столкновения батального.

Что же касается самого Торда, как будто бы и вовсе не принимающего никакого участия в разыгрывающемся из-за него столкновении самых знатных людей королевства, то рассказчик возвращается к нему лишь в самом конце истории после завершения противостояния, исход которого и вправду уже не зависел от инициировавшего его исландца. Видимая активность главного героя, как это сплошь и рядом происходит в прядях, прекращается с появлением первого же из помощников, и он превращается в бессловесного созерцателя происходящего. И тем не менее, хотя одержанная над Ингимаром победа — прежде всего, конечно же, заслуга высокопоставленных сторонников Торда, его роль в исходе дела ничуть не уменьшается: не случайно в итоге он приобретает славу храбрейшего человека, а конунг продолжает проявлять участие к его судьбе. Ведь это он, презрев смертельный риск, решился до конца отстаивать свою честь и законные права перед лицом неизмеримо более сильного противника и, с достоинством приняв брошенный ему вызов, отважно выдержал его первый натиск, а затем умело запустил

и поставил себе на службу безотказно работающий механизм взаимопомощи, который и позволил ему взять верх в, казалось бы, безнадежном деле.

Именно вследствие действия вышеупомянутого универсального механизма, основанного на обмене дарами и обязательствами неотвратимости исполнения которых — своего рода стержень общественных отношений в средневековой Скандинавии, на авансцену один за другим выходят могущественнейшие мужи Норвегии и наконец, сам государь. “Прядь о Торде Золотой Асы” — одна из ярчайших иллюстраций принципа взаимности, лежащего в основании всех без исключения межличностных контактов, которые имели место в этом социуме: *долг платежом красен*. Как явствует из повествования, каждый из поспешивших на подмогу герою прядь знатных мужей был связан со своим предшественником оказанно ему в прошлом услугой, напоминовение о которой заставляет его пусть и вопреки его желанию, тотчас же отправиться на помощь призывавшему его другу. Так в результате сложения сил двух лендрманнов и одного конунга удается отстоять правоту Торда, погасить возникшее было в городе волнение и привести в исполнение закон.

Как и во всех рассмотренных ранее историях, в “Пряди о Торде Золотой Асы” победа главного героя над его могущественным оппонентом сопряжена с унижением последнего (напомним, что процитированной гневной речи Ингимар сам открыто признает это и ставит в вину конунгу, чье вмешательство в дело на стороне исландца и приводит к его позорному поражению). Причем — что также постоянно акцентируется в пряди — унижительность ситуации, по мнению Ингимара, в первую очередь обусловлена тем, что над ним, знатным королевским лендрманном, берет верх человек к которому сам он относится с нескрываемым пренебрежением, “какой-то бродяга”, безвестный чужестранец, “салоед”, из корыстных побуждений втершийся в доверие к богатой немолодой женщине. По всей видимости, именно ради того, чтобы полностью обелить героя в глазах общества (а значит, и аудитории пряди) пресесть кривотолки, вследствие которых он и получил свое сомнительное прозвище — Торд Золотой Асы, в заключении рассказа общается о его женитьбе. Автор пряди, несомненно, озабочен тем, чтобы ничто не бросало тени на репутацию его героя и ни одно оскорбление, высказанное в его адрес Ингимаром, не имело почвы. Что же касается оппонента главного персонажа рассказа, то он, напротив, подобно уже знакомым нам героям-антагонистам в “Пряди о Халли Челноке” и в “Пряди о Торлейве Ярловом Скальде”, представлен в сугубо отрицательном свете. Ингимар из Аска изображается спесивым и самовластным злодеем, как Эйнар Муха, ни во что не ставящим закон и признающим лишь

право, основанное на силе, за что он в конце концов и получает заслуженное воздаяние.

Кроме того, нельзя не заметить, что рассматриваемая история и эпизод из “Пряди о Халли Челноке” демонстрируют сходства и иного рода. В обоих случаях главный герой рассказа — скальд, а его противник — знатный приближенный конунга. Последний также не остается в стороне от их конфликта, но вовлекается в него в качестве помощника, причем оказывает поддержку не своему попирающему право лендрманну, но пострадавшему от чинимых им беззаконий исландцу. Наконец, после того как в итоге противостояние завершается безусловной победой главного героя, за ней не следует традиционного примирения. Напротив, антагонист стремится отомстить за свое поражение и испытанное им унижение. Тогда как Эйнару Мухе, попытавшемуся было выдвинуть против Халли ложное обвинение в воровстве и отправить его на виселицу, это не удается, так что он вынужден отступить, Ингимар более успешен. В отместку он оскорбляет конунга (в версии пряди в “Гнилой Коже” отсутствию государственной реакции на извергаемую на него хулу дается следующее объяснение: “Эйстейн конунг (...) не придавал никакого значения тем глупым словам (fíflskuorðum), которые он произнес, сочтя для себя более достойным проявить милосердие и мудрость, как он всегда делал”, *ISP III, 2135*), а затем убивает троих конунговых людей, по всей видимости, желая таким образом показать, что отплатил за предательство тех троих представителей знати (Видкунна, Сигурда и Эйстейна), кому, как он полагал, уже по одному только своему статусу следовало поддерживать его, а не Торда.

По крайней мере отчасти, те же наиболее общие параллели могут быть проведены между упомянутыми двумя рассказами, с одной стороны, и “Прядью о Торлейве Ярловом Скальде”, с другой. И в этой истории герою-скальду противостоит законченный злодей, конфликт с которым хотя и увенчивается блистательной победой главного героя и беспримерным унижением его противника, завершается не примирением, но местью могущественного оппонента. Различия же в первую очередь состоят в ином распределении ролей: недругом героя-исландца в этой пряди является не приближенный государя, но сам правитель Норвегии, а противопоставленный ему знатный друг, датский король, фактически не выполняет функции помощника. Кроме того, успешная месть антагониста не ставит последней точки в действии рассказа, заканчивающегося второй, уже посмертной победой скальда, увековечивающего свою славу и позор своего врага.

Отмеченные аналогии между последними тремя рассказами вынуждают нас вновь обратиться к другим прядям, принадлежащим к рассматриваемой группе, с тем чтобы выяснить, в какой мере выделенные “параметры сходства” могут быть релевантны и для них.

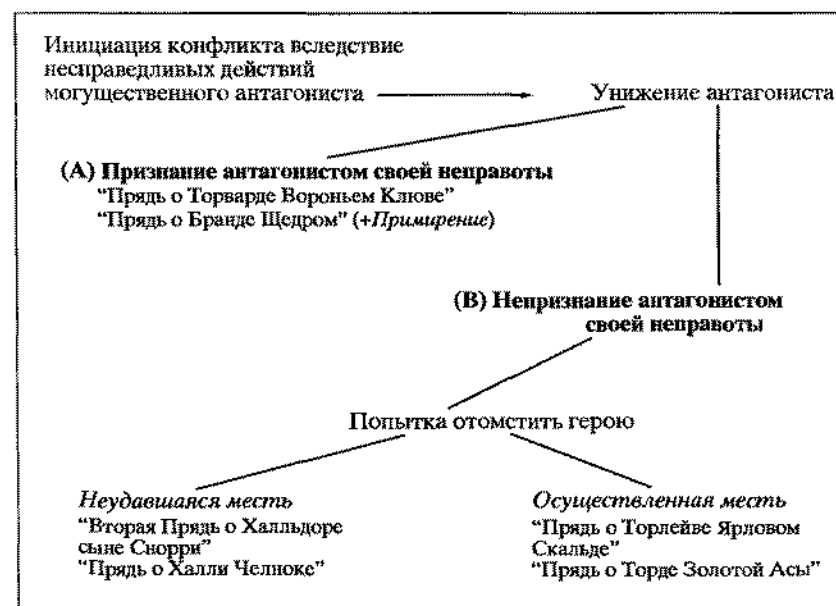
Итак, помимо самых общих оснований настоящей классификации распределения ответственности между главными участниками конфликта при его инициации, которая в прядях данного типа оказывается возложенной на могущественного антагониста героя-исландца до сих пор удалось установить лишь одну особенность, в равной мере присущую всем отнесенным сюда произведениям: конечное унижение высокопоставленного оппонента главного героя. Настало время выяснить, существуют ли какие-либо закономерности в том, как этот неизбежный результат несправедливых или противоправных поступков антагониста воздействует на развязку той или иной истории.

Сопоставление прядей о Торде Золотой Асы, Халли Челноке и Торлейве Ярловом Скальде при всем их видимом несхождении, тем не менее, позволяет говорить о едином типе завершения противостояния центральных персонажей: ни в одной из этих историй не наступает примирения противников, зато в каждой из них антагонист, потерпев позорное поражение, пытается (успешно или безуспешно) отомстить за свое унижение. А как обстоит дело в первых трех рассказах, где, напомним, идет речь о столкновениях героев-исландцев с Харальдом Суровым, правителем, чей образ в прядях лишен однозначности? Во "Второй Пряди о Халльдоре сыне Снорри" мы, несомненно, находим тот же вариант концовки рассказа. Халльдор одерживает верх над конунгом и возвращается в Исландию, после чего Харальд лживыми посулами пытается заманить его в Норвегию, где его в действительности ждет виселица. Халльдор, однако, разгадывает коварный план государя, и тому не удается осуществить мести. Заметим, что описанная в заключении этой пряди ситуация весьма близка к той, которая разыгрывается напоследок между Халли Челноком и Эйнараром Мухой: и здесь исландец вовремя разоблачает замысел противника, решившего погубить его в отместку за свое поражение.

Очевидно иначе складываются отношения между тем же государем и двумя "донаторами" — Торвардом и Брандом. И в том, и в другом случае Харальд не пытается отомстить за преподанный ему урок, но, напротив, признает свою вину. Однако и в этих историях, где "отчуждение" между главными персонажами в конце концов преодолевается, примирение оппонентов все же не является необходимым элементом повествовательной конструкции. В "Пряди о Торварде Вороньем Ключе" герои расстаются на стадии возникновения конфликта и более не встречаются, так что позднее раскаяние конунга может служить лишь возмещением причиненного им ущерба и знаком реабилитации исландца, ранее уже получившего причитающуюся ему компенсацию за враждебное поведение правителя о могущественного друга, который противопоставлен здесь Харальду Суровому точно так же, как датский конунг Свейн противопоста-

влен ярлу Хакону или сам Харальд — Эйнару Мухе, а конунг Эйстейн и поддерживавшие Торда лендрманны — Ингимару из Аска. Таким образом, оказывается, что "Прядь о Бранде Щедром" — единственное произведение рассматриваемой группы, в котором конфликт между главными персонажами заканчивается не только признанием конунгом своей вины перед исландцем, но и примирением сторон. Необходимо, однако, напомнить, что и в ней примирение героев, по сути дела, выпадает из повествования, поскольку оно присутствует в пряди лишь в форме сообщаемого рассказчиком факта, а не в качестве полноценной заключительной фазы драматического действия, разыгрываемого на глазах у аудитории, как это, например, было в прядях, где конфликт разрешился в результате суда над героем.

Итак, можно заключить, что рассказы данной группы демонстрируют два варианта концовки в зависимости от признания или непризнания могущественным инициатором конфликта своей неправоты в отношении героя. В случае признания таковой появляется возможность примирения, которая, однако, не всегда реализуется. В противном же случае конфликт фактически остается неразрешенным, поскольку антагонист предпринимает попытку отомстить за свое унижение. В отличие от примирения в концовках первого типа, попытка мести — неперемнная структурная составляющая концовок второго типа, которые, в свою очередь, подразделяются на два вида в зависимости от успешности действий антагониста:

Как видим, лишь один из шести рассказов рассмотренной здесь группы завершается примирением, которое, таким образом, оказывается не только не обязательным структурным элементом целого подразделения "прядей о поездках из страны", но, напротив, очевидным исключением. В дальнейшем нам придется столкнуться с рассказами, в которых при том же составе главных действующих лиц (исландец и конунг) отсутствует не только второй член традиционной оппозиции – примирение (Reconciliation), но и самый уже ставший привычным и до сих пор казавшийся незыблемым нарративный "стержень" пряди. Мы не найдем в них обязательного отчуждения (Alienation) между центральными персонажами.

- ¹ Напомним, что по той же причине – только не в рамках действия рассказа, а еще до его начала – инициируется конфликт в двух прядях из "Саги об Олаве Святом": в "Пряди о Стейне сыне Скафти" (№ 13) и в "Пряди о Торорде сыне Снорри" (№ 17).
- ² Ср. в частности: *Vésteinn Ólason. Dialogues with the Viking Age*. P. 96.
- ³ Впрочем, в главе 125 "Саги об Олаве Святом" ("Круг Земной"), мы находим эпизод, отсутствующий во всех других жизнеописаниях Олава, в котором рассказывается, как этот конунг попытался подчинить себе исландцев. Нальтинг является королевский посланец Торарин сын Невольва, которому Олав поручил передать всем жителям страны свое благословение и обещание дружбы, а также то, что он хотел бы стать их государем, если они захотят сделаться его подданными ("hann vill vera uðar dróttinn, ef þér vilid vera hans þegnar"). В знак дружбы он просил жителей северной четверти отдать ему Гримсей, островок, лежащий в море против Островного Фьорда. Многие склонялись к тому, чтобы исполнить желание Олава, считая, что от дружбы конунга им будет больше проку, чем от какого-то пустынного островка, пока их не разубедил их влиятельный соотечественник, Эйнар сын Эйольва. Он произнес речь, в которой сказал, что исландцам не следует платить конунгу Олаву никаких податей, ни брать на себя "другие тяготы", как это делают его подданные в Норвегии. "Мы обречем на рабство (ófrelsi) не только самих себя и наших сыновей, но и всех наших потомков, которые будут жить в этой стране. Тогда стране никогда не бывать свободной", – сказал Эйнар. Как бы ни хорош был конунг Олав, продолжал он, "далее все пойдет так, как и прежде бывало: будут меняться конунги, и среди них будут как хорошие, так и плохие. Если народ хочет сохранить свободу, которая была у нас со времен заселения страны, то не следует давать конунгу никакой зацепки, которая позволила бы ему считать нас его подданными: ни отдавать ему нашу землю, ни платить податей". Что же касается приглянувшегося конунгу островка, то на нем может разместиться целое иноземное войско, и если оно двинется оттуда к берегам Исландии на боевых кораблях, то "многим из богатых бондам двери их усадеб покажутся слишком узкими" ("morgun kofbóndum minni rykkja verða þröngt fyrir durum") – последнее можно понимать либо как предостережение, что бонды больше не смогут распоряжаться собой по своему усмотрению, либо как утверждение, что они не захотят оказывать гостеприимство завоевателям (КЗ, 276–277; Нкр. II, 215–216). Справедливо вслед за этим в саге рассказывается, как Олав пригласил к себе самых влиятельных и родовитых людей Исландии, однако те сочли предложением

конунга подозрительным и отправили вместо себя своих сыновей, превратившихся из гостей в заложников, как только выяснилось, что исландцы не намерены принять законы, установленные в Норвегии, и платить требуемые королем подати. Так создается повод для конфликтов, описанных в двух единственных включенных в "Круг Земной" "прядях об исландцах" – "Пряди о Стейне сыне Скафти" и "Пряди о Торорде сыне Снорри" (см. выше). Резкий и бескомпромиссный тон патристического заявления, обнародованного в этой сцене, контрастирует с куда более умеренной авторской позицией по отношению к правителям Норвегии, характерной для книги Снорри в целом. См.: *Andersson Th.M. The Politics of Snorri Sturluson // Journal of English and Germanic Philology*. 1994. Vol. 93. P. 55–78; *Idem. The King of Iceland // Speculum*. 1999. Vol. 74. N 4. P. 929–930. Об изображении отношений между Исландией и Норвегией в "Круге Земном" см. также: *Гуревич А.Я. История и сага*. М., 1972. С. 118–125.

- ⁴ О том же повествуется и в эпизоде, который предшествует "Пряди о Бранде" в "Гнилой Коже", – в рассказе об Ульве Богатом (см. в последней главе).
- ⁵ Т. Андерссон, напротив, относится к этой истории с доверием и считает, что рассказ о происшествии, описанном в пряди, должен был исходить либо от самого Бранда, либо от скальда Тьодольва. См.: *Morkinskinna. The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings (1030–1157) / Translated with Introduction and Notes by Th.M. Andersson and K.E. Gade (Islandica. Vol. LI)*. Ithaca; L., 2000. P. 438 (note 3).
- ⁶ См.: *Guðrún Nordal. Tools of Literacy. The Role of Skaldic Verse in Icelandic Textual Culture of the Twelfth and Thirteenth Centuries*. Toronto, 2001. P. 143.
- ⁷ *Hermann Pálsson. Brands þátur örvu // Gripla. Bd. VII. Reykjavík*, 1990. Bls. 117–130. См. также: *Andersson Th.M. The King of Iceland*. P. 923 f.
- ⁸ *Byskupa sögur / Udg. af Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab ved Jón Helgason*. København, 1938. H. I. S. 72.
- ⁹ *Ibid.* P. 83.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 85.
- ¹¹ Ср. также ранее процитированное мнение Харальда о Гишуре в "Hungrvaka": "hann mundi best til fallinn at bera hvert tignamafn sem hann hlýti" – "он больше всех годится на то, чтобы носить любое почетное звание, какое бы ни выпало на его долю" (*Byskupa sögur*. H. I. S. 83).
- ¹² Подтверждением этому, как полагает автор статьи, служит в еще одна деталь, заставляющая вспомнить рассказ о Бранде. Герой "Саги о союзнниках", Офеи́г, появляется на альтинге в странном наряде: на нем черный плащ без одного рукава (гл. 5). *Hermann Pálsson. Op. cit.* Bls. 125–126.
- ¹³ *Ísleifs þátur // Byskupa sögur*. H. I. S. 21.
- ¹⁴ *Ibid.* S. 21–22.
- ¹⁵ *Ibid.* S. 23. Едва ли может быть простой случайностью, что и с именем самого Йона также связан эпизод, где фигурирует плащ – подарок конунга, которым будущий святой епископ распоряжается по своему усмотрению: надевает его на человека, отправляемого на виселицу, и спасает его таким образом от верной гибели ("Прядь о Гисле сыне Иллуги" в версии "Саги о Йоне Святом", см. Введение).
- ¹⁶ *Homiliu-Bók*. Lund, 1872. S. 12 (цитируется по: *Hermann Pálsson. Op. cit.* Bls. 123).
- ¹⁷ *Ibid.* Bls. 123 f.
- ¹⁸ *Ibid.* Bls. 124.
- ¹⁹ *Proverbia Sententiaeque Latinitatis Medii Aevi / Hrsg. H. Walther. Göttingen*, 1965. Bd. II. S. 105, Nr. 16498 (цитируется по: *Hermann Pálsson. Op. cit.* Bls. 122).

²⁰ В комментариях к "Гнилой Коже" Т. Андерссон также проводит параллель между этими двумя прядями, отмечая, однако, лишь проницательность Халльды Суровой, в одном случае успешно расшифровывающего жест Бранда, а в другом – смех Стува. См.: *Morkinskinna. The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings*. P. 439.

²¹ Именно поэтому Олав Святой просит Ислейва принять от него самого плат уже подаренный ему Брандом Щедрым, а последнему обещает возмещение за подарок, которого тот лишился из-за своего великодушия. О дарении у древних скандинавов см.: Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 72 сл.; Gurevich A.J. Wealth and Gift-Bestowal among the Ancient Scandinavians // *Scandinavica*. 1968. Vol. 7. P. 126–138; Гуревич Е.А. Исландия: щедрость и обмен дарами // *Одиссей. Человек в истории* – 1997. М. 1998. С. 299–302.

²² См.: Успенский Ф.Б. Имя и власть. М., 2001. С. 29–30, 96–97.

²³ Этот эпизод будет подробно рассмотрен в последней главе книги.

²⁴ См.: Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. С. 449.

²⁵ Там же. С. 587.

²⁶ На противоречивость позиции автора/редактора пряди обращает внимание Дж. Харрис, отмечающий, что высказываемое им "христианское негодование" в адрес язычника-ярла "забавным образом сочетается с одиозной ролью его героя". См.: Harris J. Theme and Genre in some *Íslendinga þattir*. P. 10.

²⁷ Один из встречающихся в этой пряди сказочных мотивов. См.: Harris J. *Þorleifs þáttur jarlsskálds* // *Medieval Scandinavia. An Encyclopedia*. P. 672.

²⁸ Подробнее об устройстве скальдических кеннингов см.: Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Цит. соч. С. 17–81.

²⁹ Там же. С. 458 сл.

³⁰ См.: *Eyfirðinga sögur / Jónas Kristjánsson gaf út (Íslensk Fornrit. IX)*. Reykjavík 1956. Bls. C–CI (Formáli, § 12); Harris J. *Þorleifs þáttur jarlsskálds*. P. 672.

³¹ См. подробнее: Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Цит. соч. С. 227 сл., 242–248, прим. 44.

³² Долг платежом красен. Древнеисландская "Прядь о Торде Золотой Асы" Пер. с древнеисландского, комментарий, статья Е.А. Гуревич // *Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. Восточная и Северная Европа в средние века*. М., 2001. С. 440–441.

³³ О жанре перебранки и особенности его преломления в прядях подробно пойдет речь в последней главе.

III. ОТЪЕЗД В ИСЛАНДИЮ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вне зависимости от характера взаимоотношений героя-исландца с его могущественным контрагентом (наличия или отсутствия "отчуждения"), а равно и исхода описанной в пряди истории, любой такой рассказ непременно должен быть "досказан" до конца и завершен формальным Заключением, отграничивающим его от повествования королевской саги. Поскольку об этом элементе нарративной структуры прядей уже упоминалось в связи с анализом конкретных произведений, нам остается здесь лишь подвести некоторые итоги.

Напомним, что согласно разработанной Дж. Харрисом схеме типичного устройства "прядей о поездках из страны", Заключению, как правило, предшествует сообщение об Отъезде / Путешествии героя в Исландию¹. Подобную картину мы, действительно, находим примерно в половине рассказов этой группы (№ 1, 3, 7, 9, 11, 12, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 23: часть I, 24, 27), однако только восемь из них завершаются возвращением главного персонажа на родину, и, стало быть, реально демонстрируют выделенную Харрисом последовательность *Отъезд / (Путешествие) в Исландию – Заключение*. Это "Прядь об Аудуне с Западных Фьордов" (№ 1), "Прядь об Эгиле сыне Халля с Побережья" (№ 3), "Прядь о Хрейдаре Дураке" (№ 9), "Прядь о Торгриме сыне Халля" (№ 15), "Прядь о Торорде сыне Снорри" (№ 17), "Прядь о Торстейне с Восточных Фьордов" (№ 18), "Прядь о Торстейне Любопытном" (№ 19) и "Прядь о Торвальде Та-сальди" (№ 21). (Кроме того, отъездом, однако без возвращения в Исландию, завершается история в "Пряди о Стейне сыне Скафти", № 13.)

В оставшихся восьми прядях повествование не заканчивается с прибытием героя-исландца домой, но получает продолжение. В одних случаях это продолжение никак не связано с "заморским" эпизодом рассказа, но, утрачивая черты, присущие "прядям о поездках из страны", скорее, тяготеет к жизнеописанию, чья цель – довести историю главного персонажа до ее естественного конца (таковы "Прядь о епископе Ислейве", № 24 и "Прядь о Стурле", № 27). В других – и такие истории, несомненно, превалируют – "приращение" рассказа, напротив, обусловлено тем, что описываемое в норвежском эпизоде пряди столкновение ее главных героев остается незавершенным, несмотря на возвращение главного персонажа пряди в родные края. В ряде таких историй герой поспешно отбывает восвояси сразу же вслед за тем, как его противостояние с оппонентом достигает своей кульминации, причем последнее слово непременно остается за исландцем ("Вторая Прядь о Халльдоре сыне Снорри", № 7; "Прядь об Одде сыне Офейга", № 11; "Прядь о Торлейве Ярловом Скальде", № 16: особенность этой пряди состоит в том, что ее герой, отомстив обидчику, не отправляется напрямую в Исландию, но сперва возвращается в Данию к покровительствующему ему тамошнему правителю; "Прядь об Эгмунде Ударе и Гуннаре Пополам", № 23: здесь отбывает в Исландию и выходит из повествования главный персонаж первой части рассказа – Эгмунд, тогда как на стадии разрешения конфликта действует подменивший его новый герой пряди – Гуннар). К этому же ряду, несомненно, примыкает и "Прядь о Торварде Вороньем Ключе" (№ 22). Хотя ее герой, в отличие от персонажей уже названных историй, и не попадает в ситуацию, когда на карту поставлена его жизнь, да и совершенная по отношению к нему королевская несправедливость сполна возмещает-

ся знатным родичем конунга Харальда, его конфликт с правителем Норвегии, тем не менее, остается неурегулированным, что, как и во всех вышеперечисленных случаях, не позволяет рассказчику ограничиться сообщением о благополучном прибытии его героя домой. Как и в еще одном из названных рассказов (в "Пряди об Одде сыне Офейга")², повествование после этого вновь возвращается в Норвегию, где уже в отсутствие главного героя разыгрывается его последний, завершающий эпизод, в котором и наступает действительная развязка истории. При этом и в том и в другом случае интересы "вышедшего из рассказа" героя пряди представляет его помощник, приближенный короля. В двух других рассказах, оппоненты которых расстанутся в момент наивысшего накала враждебности, а конфликт так и не находит разрешения, — во "Второй Пряди Халльдоре сыне Снорри" и в "Пряди о Торлейве Ярловом Скальде" — фокус повествования в дальнейшем перемещается от одного главного персонажа к другому, соответственно, из Исландии в Норвегию и обратно (причем рассказ о Торлейве не заканчивается даже с гибелью его героя). Аналогичную структуру завершающей части повествования демонстрирует и "Прядь о Халли Челноке" (№ 12), которую, однако, отличает отсутствие конфронтации между главными персонажами, в связи с чем мы не находим в ней характерного для только что названных рассказов внезапного расставания протагонистов. И здесь история не заканчивается возвращением Халли на родину, но доводится до логического конца: сообщения о смерти "непутевого" скальда в Исландии в момент поглощения каши и следующего за этим сообщения из Норвегии — о реакции Харальда Сурового на известие о его кончине.

В другой и также довольно значительной группе произведений а именно примерно в трети всех "прядей о поездках из страны" *Отъезд / Путешествие в Исландию* отсутствует вовсе: о героях этих историй сообщается, что они остаются в Норвегии, причем, как правило — на службе у конунга, которого они либо не покидают вплоть до его смерти либо же, как сказано о нескольких из них, и сами погибают вместе с ним в его последней битве. Таким образом завершается история знакомства и/или конфронтации с могущественным оппонентом для главных персонажей следующих рассказов: "Пряди о Гисле сыне Иллуги" (№ 4), "Пряди о Торде Золотой Асы" (№ 5), "Первой Пряди о Халльдоре сыне Снорри" (№ 6), "Пряди Храфне сыне Гудрун" (№ 8: в заключении этого рассказа говорится также о кратковременном визите героя в Исландию), "Пряди о Иваре сыне Ингимунда" (№ 10), "Пряди о Стуве" (№ 14), "Пряди о исландце-сказителе" (№ 20: из финала этой истории, впрочем, возможно заключить, поступил ли исландец на службу к Харальду Суровому, пригласившему его навсегда остаться с ним, или же, получив от конунга награду за рассказанную им сагу, сделался ку-

цом), "Пряди о Торстейне Мороз-по-Коже" (№ 26), "Пряди о Тормоде" (№ 28), "Пряди об Отгаре Черном" (№ 30) и "Пряди о Торарине сыне Невьольва" (№ 31). При этом о Торстейне Мороз-по-Коже и о Торарине сыне Невьольва говорится, что оба они погибли со своими патронами, о Тормоде же, хотя ему, по сообщению "Саги об Олаве Святом", была уготована та же участь, сказано лишь, что он остался с конунгом и тот чем дальше, тем все больше ценил его за отвагу. Наконец, нельзя не упомянуть в связи с этим и о герое еще одного произведения — "Пряди о Торстейне Любопытном" (№ 19). Хотя рассказ о нем и относится к группе прядей, сообщающих об отъезде их главных персонажей на родину, в заключении этой истории говорится, что Торстейн позднее пал в битве с Харальдом Суровым во время его неудачного похода в Англию.

Как и в рассказах первого типа, и при таком окончании истории в повествовании не обязательно ставится последняя точка. В "Пряди о Гисле сыне Иллуги" за выходом главного героя из рассказа следует эпизод, посвященный Йону Священнику (см. выше), упоминанием о грядущем рукоположении которого в епископы и святости и заключается прядь. В "Пряди о Торде Золотой Асы", где одержанная исландцем и его могущественными помощниками победа не увенчивается примирением, в заключении сообщается о дальнейших бесчинствах антагониста, правда, рассказ все же завершается сообщением о судьбе главного героя. В "Первой Пряди о Халльдоре сыне Снорри" в финале рассказчик возвращается к тому, с чего начинал свое повествование: к истории некоего Эйлива, о котором прежде упоминалось лишь во введении к пряди и из-за которого Халльдор рассорился с конунгом и уехал к его знатному приближенному, во владениях которого, проходя традиционные фазы конфликта и его разрешения, и разворачивалось действие рассказа. Главная же цель заключения, совершенно отвлекающегося от изложенной перед этим истории — сообщить о примирении Халльдора с правителем Норвегии, в результате чего обрамление рассказа замыкается и повествование обретает композиционную завершенность.

Однако не все пряди в зависимости от характера Заключения непременно подпадают под один из двух отмеченных здесь традиционных типов. Несмотря на то, что последние, очевидно, доминируют, в нескольких рассказах мы не находим сообщений ни об отъезде главного героя в Исландию, ни о его последующем пребывании при норвежском дворе. Знаменательно, что одновременно мы не находим в них и обычного для заключительной части пряди упоминания о дальнейшей судьбе героя. Таковы "Прядь о Бранде Щедром" (№ 2) и "Прядь о Торстейне сыне Халля с Побережья" (№ 29). Оба рассказа фактически заканчиваются разрешением конфликта между исландцем и правителем (второй рассказ в одной из версий — известием о достижении примирения, переданным помощником).

Поскольку в обеих историях отсутствуют кроме того пусть и не обязательные, но довольно распространенные в этом типе текста заключительные формулы, отмечающие границу повествования (ср. "И здесь кончается рассказ о..."), подобные отклонения от привычной нарративной схемы могут быть вызваны повышенной степенью ассимиляции этих прядей в контексте королевской саги³, что дает основание предполагать вероятность более активного вмешательства в их "пограничные зоны" составителя "Гнилой Кожы".

Нельзя, впрочем, не заметить, что подобные рассказы, скорее составляют исключение. Основная же масса "прядей о поездках в страны", напротив, регулярно завершается либо отъездом героя-восвояси, либо принятием его в королевскую дружину. Что же из нередкого наблюдаемых осложнений этих типов концовки, самое обычное из которых – разъединение двух заключительных фаз повествования новыми эпизодами (особенно распространенное в случае возвращения главного персонажа в Исландию), то, как правило, они обусловлены исходом предшествующего противостояния между исландцем и конунгом. Примирение героев или неурегулированность конфликта оказываются, таким образом, важными факторами, в значительной мере определяющими не только содержательные, но и "структурные параметры" рассказа.

¹ Harris J.C. Genre and Narrative Structure in Some *Íslendinga þættir*. P. 7, 13–14.

² О ней подробно пойдет речь в последней главе книги.

³ Ср.: Ibid. P. 14.

ГЕРОИ ПРЯДЕЙ. ИСЛАНДЕЦ И КОРОЛЬ

Каждый, кто хоть сколько-нибудь знаком с "сагами об исландцах", знает, что обычно в них действует множество персонажей. Именно "действует", поскольку рассказчики саг, как правило, с одинаковой обстоятельностью и вниманием к деталям описывают поступки как главных героев излагаемых ими историй, так и их второстепенных или даже эпизодических партнеров, тем самым широко раздвигая границы повествования, разумеется, при условии, что все изображаемое таким образом события так или иначе связаны с основной линией рассказа и имеют непосредственное отношение к разыгрываемой в нем драме. Подобная нарративная стратегия, порой представляющая известную трудность для неискушенного современного читателя саг, которому не всегда удастся уловить связь между действиями многочисленных *dramatis personae*, разумеется, вовсе не мешала их авторам проводить различие между центральными и второстепенными персонажами, отводя и тем и другим соответствующее место в рассказе. Главное же – она, несомненно, отвечала ожиданиям аудитории, проистекавшим из той особой роли, которую играли в исландском обществе саги, где они были формой хранения достоверной информации о прошлом жителей различных областей страны. Независимо от меры художественного преобразования преданий, положенных в основу этих произведений, то, о чем в них рассказывалось, воспринималось их слушателями, а затем и читателями как действительно случившееся, причем случившееся не где-нибудь, но здесь же по соседству, а то и в тех самых усадьбах, на месте которых ныне находились их собственные жилища, и в том же привычном для них пространстве – в тех долинах и фьордах, где проходила их жизнь и чьи названия нередко происходили от описываемых в сагах событий. Такие же персональные отношения связывали их и с протагонистами саг, ведь люди, о судьбах которых сообщалось в этих историях, не только некогда населяли их родные места, но зачастую приходились им если не прямыми, то отдаленными родичами. Надо полагать, что как эпический размах повествования, так и демонстрируемые рассказчиком саги и возведенные в художественный принцип беспристрастность и объективность в изображении по-

ступков и характеров персонажей и должны были в значительной степени являться производными от той суммы не обязательно совпадающих индивидуальных интересов и мнений, с которыми подходила к рассказу аудитория и уравновесить которые возможно были лишь при условии равноудаленности автора саги от всех участников действия. Парадоксальным образом именно давление и постоянный контроль со стороны слушателей, не оставлявшие рассказчикам ни малейшей возможности на свой страх и риск распоряжаться судьбами их героев — и, стало быть, препятствовавшие превращению “саг об исландцах” в литературу, — в конечном счете и поставили эти произведения в один ряд с величайшими достижениями реалистической прозы.

Переноса действие рассказа из Исландии в Норвегию и тем самым вырывая его героя из родной среды, привычной не только ему самому, но и аудитории, следившей за его историей, помещая этого героя в заведомо чужое окружение, и, что не менее существенно сводя его с контрагентом, чей общественный статус значительно превосходил его собственный и чье уважение и расположение ему предстояло завоевать, автор пряди, естественно, получал большую свободу в обращении с материалом. Разумеется, это вовсе не означало, что отныне, выстраивая повествование, рассказчик более не был обязан строго следовать принципу правдоподобия или был волен творить иначе, чем в соответствии с выработанным традицией нарративными канонами. Едва ли у него вообще мог возникнуть соблазн пойти наперекор установленным “от века” неписанным правилам, которые он усвоил от своих предшественников. Уже одно то, что подавляющее большинство “прядей о поездках из страны”, как было показано в предшествующем разделе, при всей своеобразии и даже уникальности отдельных произведений этого жанра может быть сведено к ограниченному набору устойчивых структурных типов, опирающихся на постоянно воспроизводимые модели инициации и разрешения конфликта, напротив, скорее, говорит о большей условности прядей по сравнению с сагами. Будучи в меньшей степени связанными местными преданиями (если в действительности таковые вообще стояли за подобными рассказами, особенно за теми из них, чьи главные персонажи, в отличие от героев саг, не были представителями известных и влиятельных исландских семейств), их авторы строили свои повествования, соотносясь не столько с представлениями о том, как описываемые ими события происходили “на самом деле”, сколько с оглядкой на существующие образцы.

Об этом же свидетельствует и типичный состав персонажей прядей. В отличие от “саг об исландцах”, число реально занятых в них протагонистов обычно весьма ограничено, хотя действие таких рассказов порой и разыгрывается в присутствии или даже при из-

стном участии великого множества безликих и безмолвных статистов, группирующихся вокруг кого-либо из главных героев (вспомним, к примеру, сотни сторонников, сопровождающих героев “Пряди о Торде Золотой Асы” или “Пряди о Гисле сыне Иллуги”). В большинстве случаев участники подобных “массовок” не выходят на передний план и обречены толпиться в глубине сцены. Что же касается выводимых на авансцену второстепенных персонажей, то, как правило, едва ли не каждый из них — и в этом состоит одна из существенных особенностей произведений этого жанра — наделяется в прядях строго определенной функцией, которую они исправно выполняют на протяжении всего действия. В большинстве своем такие персонажи оказываются либо недоброжелателями (антагонистами) героя-исландца, прямо или косвенно провоцирующими его столкновение с могущественным противником, либо, напротив, выступают в роли его заступников или помощников, пытающихся уладить конфликт между главными героями рассказа. При этом изображение и характеристика и тех и других лишены объемности, присущей представлению протагонистов саг, и полностью обусловлены отведенной им ролью. В результате гонители главного героя обычно рисуются законченными негодяями или злодеями, тогда как его помощники предстают безупречными и исполненными благородства друзьями, самоотверженно и храбро принимающими его сторону в конфликте с государем.

Таким образом, как функции в повествовании, так и самое введение в него второстепенных персонажей, как правило, всецело зависят от выбора предлагаемых традицией устойчивых типов построения сюжета или его отдельных ходов, используемых при инициации и разрешении конфликта между центральными участниками действия. Отсюда, надо полагать, и неизбежный схематизм и однозначность в изображении героев второго плана, в той или иной степени присущие даже наиболее совершенным произведениям этого жанра. Отсюда же и возможность полного пренебрежения персонажами такого рода, например, в случае, когда взаимоотношения главных действующих лиц не укладываются в рамки традиционного конфликта. В то время как сага непременно представляла своих центральных героев во всем многообразии их семейных и социальных связей — в их естественном исландском окружении, так или иначе вовлеченном в столкновение враждующих сторон, что само по себе исключало возможность превращения этого окружения в безымянных и безгласных статистов, главные персонажи пряди вполне могли быть оставлены и один на один друг с другом. Обычно “пряди о поездках из страны” знакомят нас с самостоятельными людьми, помещаемыми в решающие для их дальнейшей судьбы, “предельные” ситуации, в которых подвергаются проверке их индивидуальные качества. Оказавшись на чужбине и по собственному почину, а то и не по

своей воле вступив в соприкосновение с государем, герой-исландец должен был рассчитывать прежде всего на себя самого. Как мы не раз уже имели возможность убедиться, не оставшиеся в Исландии влиятельные родичи, а зачастую и не содействие или покровительство высокопоставленных помощников, но в первую очередь именно личные достоинства самого героя становились причиной возвышения, которого ему удавалось добиться в Норвегии. Нет ничего случайного в том, что, в отличие от героя саги, герой пряди часто был и вовсе лишен возможности искать опору в том положении, которое он сам и его семейство занимали на родине, в Исландии. Ведь даже обладая почтенными родственными связями, способными гарантировать ему благосклонный прием при норвежском дворе, а то и место в королевской дружине, герой пряди в своем стремлении к успеху предпочитал опираться лишь на собственные способности и силы.

Таков Стув, отпрыск знаменитого исландского рода, о чьей случайной встрече с Харальдом Суровым повествуется в одноименной пряди, так называемая "отдельная" версия которой, сохранившаяся в нескольких списках XV в.¹, приводится нами полностью.

**"... Чем больше у вас будет поводов лучше узнать меня,
тем выше будет ваше мнение обо мне":
"Прядь о Стуве"**

"Жил человек по имени Стув. Он был сыном Кошачьего Торда, а тот был сыном Торда сына Ингуни и Гудрун дочери Освивра. Стув был могуч, статен и красив с виду. Он был смел на язык и хороший скальд.

Он уехал из страны, потому что рассчитывал получить наследство на севере в Норвегии. Они прибыли в Норвегию осенью. Затем он отправился на восток вдоль побережья, добираясь до места на чем придется.

Как-то раз он остановился у одного бонда, и его там хорошо приняли. Он сидел напротив хозяина. И когда люди собрались было ужинать, бонду доложили, что к его двору скачет множество всадников и перед одним из них держат стяг. Хозяин встал и сказал:

— Выйдем все навстречу. Похоже, что к нам пожаловал сам Харальд конунг.

Все, кроме Стува, вышли из дома, а он остался сидеть. Не успели они выйти, как стяг поравнялся с усадьбой, а с ним — и сам конунг.

Бонд приветствовал конунга и сказал:

— Боюсь, государь, мы не сможем принять вас как подобает. Знай мы о вашем приезде заранее, и тогда наши возможности были бы невелики, но теперь когда мы вас не ждали, они и еще того меньше.

Конунг отвечает:

— Раз уж мы нагрянули к вам без предупреждения, я не стану требовать от вас такого приема, какой нам обычно оказывают, когда мы разъезжаем по округам, которые люди должны для нас устраивать. А теперь наши люди сами о себе позаботятся, а мы войдем в дом.

Они так и делают. Бонд сказал Стуву:

— Придется тебе, приятель, уступить место тому, кто приехал.

— Я думаю, моя честь не пострадает оттого, что я буду сидеть дальше, чем конунг или его люди, — говорит Стув. — Сдается мне, однако, что тебе не следовало говорить мне об этом.

Харальд конунг сказал:

— Так здесь в гостях исландец! Выходит, нас ждет развлечение. Оставайся на своем месте, исландец.

Стув отвечает:

— Охотно приму ваше приглашение, и я считаю, что для меня куда почетнее пользоваться гостеприимством конунга, чем какого-то бонда.

Конунг сказал:

— Теперь пора вносить столы и приниматься за угощение, но прежде мои люди должны занять свои места, если они уже готовы.

Сделали так, как пожелал конунг. Тут оказалось, что у бонда было припасено вдоволь браги, и все пришли в прекрасное расположение духа.

Конунг спросил:

— Как зовут человека, что сидит против меня?

Тот отвечает:

— Зовут меня Стув.

Конунг говорит:

— Странное имя. А чей ты сын?

— Кошачий сын, — отвечает Стув.

Конунг спрашивает:

— И кем же был твой отец: котом или кошкой?

Стув хлопнул в ладоши и только рассмеялся в ответ.

Конунг спрашивает:

— Над чем ты смеешься, исландец?

Стув отвечает:

— Угадайте сами, государь.

— Так и быть, — говорит конунг. — Должно быть, ты подумал, что с моей стороны неумно было задавать вопрос, кем был твой отец — котом или кошкой, потому что не может быть отцом тот, кто принадлежит к слабому полу.

— Верно угадали, государь, — сказал Стув и опять засмеялся.

Конунг спросил:

— Над чем ты теперь смеешься, Стув?

— Угадайте опять, государь.

— Так и быть, — говорит конунг. — Догадываюсь, какой ответ ты собирался мне дать: что мой отец не был свиньей, хотя и носил такое прозвище, и я поэтому мог знать, что и твой отец не был кошкой, даже если его так называли, и что я лишь оттого задал свой вопрос, что был уверен — у тебя не достанет смелости ответить мне так.

Стув сказал, что он верно угадал.

Тогда конунг сказал:

— Добро пожаловать, исландец!

Стув ответил:

— Приветствую славнейшего из конунгов!

После этого конунг пил и беседовал с теми, кто сидел по правую и по левую руку от него.

Позднее вечером конунг спросил:

— Ты, должно быть, ученый человек, Стув?

– Так и есть, государь, – говорит тот.
 Конунг сказал:
 – Вот и отлично. Хозяин, я намерен рано лечь спать, и пусть исландец выспится в том же покое, что и я.
 Это было исполнено. Раздевшись, конунг сказал:
 – А теперь скажи какую-нибудь песнь, Стув, раз ты ученый человек.
 Стув произнес песнь, и когда она была окончена, конунг сказал:
 – Расскажи еще.
 Так продолжалось долго: стоило ему замолчать, как конунг просил рассказать еще, и так шло до тех пор, пока все люди вокруг, кроме них двоих, не уснули, и еще немало времени после этого.
 Тогда конунг сказал:
 – Тебе известно, Стув, сколько песней ты произнес?
 – Куда там, государь, – говорит Стув, – я думал, вы будете считать.
 – Я так и делал, – говорит конунг, – ты произнес шесть десятков флокков.
 Разве ты не знаешь других песней, кроме флокков?
 Стув отвечает:
 – Вовсе нет, государь. Я не успел сказать и половины флокков, а драп знаю еще вдвое больше.
 Конунг спрашивает:
 – Перед кем же ты собираешься произносить драпы, если мне ты рассказывал только флокки?
 Стув отвечает:
 – Перед вами, государь.
 – И когда же? – спросил конунг.
 – При нашей следующей встрече, – говорит Стув.
 – Почему же тогда, а не теперь? – спросил конунг.
 Стув отвечает:
 – Потому, государь, что чем больше у вас будет поводов получить узнать меня, тем выше будет ваше мнение обо мне.
 Конунг сказал:
 – Громкие слова ты произносишь, и их еще нужно проверить, однако сперва я собираюсь поспать.
 И он уснул.
 Наутро, когда конунг уже был одет и спускался вниз по лестнице, Стув подошел к нему и приветствовал его:
 – Добрый день, государь.
 Конунг сказал в ответ:
 – Ты хорошо говорил, исландец, и позабавил ты меня вчера вечером славу.
 – А вы были хорошим слушателем, государь, – отвечает Стув. – Однако меня есть к вам просьба, и я хотел бы, чтобы вы ее выполнили.
 Конунг говорит:
 – И о чем же ты хочешь просить меня?
 Стув отвечает:
 – Я бы предпочел, чтобы вы прежде ответили согласием.
 Конунг сказал:
 – Не в моем обычае раздавать обещания, не зная, о чем меня просят.
 Стув говорит:
 – Тогда я скажу. Я хотел бы, чтобы вы позволили мне сложить песнь в вашу честь.

Конунг спрашивает:
 – Так ты – скальд?
 – Я хороший скальд, – отвечает Стув.
 Конунг спрашивает:
 – Скажи, а нет ли скальдов среди твоих родичей?
 – Глум сын Гейри – дед моего отца, – отвечает Стув, – и еще много хороших скальдов было у нас в роду.
 Конунг сказал:
 – Если ты такой же скальд, каким был Глум сын Гейри, то я охотно разрешаю тебе сложить обо мне песнь.
 – Я умею сочинять гораздо лучше Глума, – отвечает Стув.
 Конунг сказал:
 – Раз так, принимайся за дело. Не приходилось ли тебе и прежде складывать хвалебные песни знатым людям?
 Стув отвечает:
 – Нет, не приходилось, государь, ведь вы – первый знатный человек, которого я вижу.
 Конунг говорит:
 – Кое-кто скажет, что для новичка ты много на себя берешь, начиная складывать стихи с песни в мою честь.
 – Я все же попытаюсь, – говорит Стув. – Есть у меня к вам и другая просьба, государь.
 – И о чем же еще ты собираешься просить меня?
 Стув сказал:
 – Чтобы вы приняли меня в свою дружину.
 Конунг отвечает:
 – Такие дела так скоро не решаются. Прежде я должен посоветоваться с моими дружинниками и получить их согласие, но я обещаю поддержать твою просьбу.
 Стув сказал:
 – Есть еще кое-что, о чем бы я хотел попросить вас, государь, однако, захотите ли вы выполнить мою просьбу?
 Конунг спрашивает:
 – Что еще за просьба?
 Стув отвечает:
 – Чтобы вы дали мне письмо с вашей печатью², по которому я смог бы получить наследство на севере страны.
 Конунг спросил:
 – Почему же о самом главном для тебя ты попросил в последнюю очередь? Я дам тебе то, о чем ты просишь.
 Стув отвечает:
 – Мне это показалось наименее важным.
 Затем они расстались. Конунг поехал дальше, а Стув отправился по своему делу.
 Прошло не много времени, прежде чем Стув встретился с Харальдом конунгом на севере в Нидаросе. Он вошел в пиршественную палату, где сидел Харальд конунг, а вокруг него множество других знатных людей.
 Стув обратился к конунгу с приветствием. Тот ответил:
 – Уж не Стув ли это, наш друг, пожаловал к нам?
 – Так и есть, государь, – говорит тот, – а пришел я потому, что у меня готова песнь в вашу честь, и я хотел бы исполнить ее прямо сейчас.

Конунг сказал:

— Быть по сему. В прошлый раз ты немало наговорил, хвастаясь своим умением слагать стихи. Не жди поэтому, что я не буду требователен к твоей песни и имей в виду: ухо у меня чуткое.

Стув отвечает:

— Тем лучше для меня, государь.

После этого он произнес песнь. И когда он закончил, конунг сказал:

— Это и вправду прекрасная песнь. Теперь я вижу, что ты не бросал слуха на ветер: тебе многое дано и твои речи свидетельствуют о недюжинном уме. Однако и ты, в свою очередь, позабавился, беседуя со мною. А теперь, если хочешь, можешь стать нашим дружинником и оставаться с нами.

После этого Стув сделался дружинником Харальда конунга и находился при нем долгое время. Он считался человеком умным и его любили. Драпа, которую Стув сложил о конунге, называется Драпой Стува.

И здесь с Божьей помощью мы заканчиваем этот рассказ. Это — мудрая история" (JSP III, 2246–2249)³.

Итак, "Прядь о Стуве" лишена того еще недавно казавшегося нам обязательным сюжетного элемента, который наблюдался во всех исследованных ранее рассказах, — так называемого отчуждения между главными героями. Как видим, отношения исландца с конунгом ничем не омрачены. Тем яснее проступает действительно неприменное ядро пряди, обнаруживаемое в каждой такой истории и, как правило, таящееся под внешней оболочкой конфликта — испытанием героя-исландца, в ходе которого и должны были раскрыться его достоинства, обеспечивающие ему признание и расположение государя и соответственно приводящие к его возвышению (а в случае непримиримой враждебности могущественного противника, позволяющие ему одержать над ним верх).

Не желая упустить свой шанс сблизиться с правителем Норвегии и потому сам "напросившись" на такого рода испытание, Стув подвергается ему на протяжении всего действия рассказа.

Для начала он предпринимает все от него зависящее, чтобы только быть замеченным конунгом. В первом же эпизоде пряди описывающем прибытие Харальда, в центре внимания оказывается независимое, чтобы не сказать вызывающее, поведение исландца. Стув продолжает невозмутимо восседать на предназначенном для гостей почетном сиденье даже тогда, когда становится очевидным, что отведенную ему ранее хозяином скамью так или иначе придется освободить для неожиданно появившегося знатного посетителя короля Норвегии. Избранная Стувом тактика поведения — охрана своего места, на которое ему наверняка не пришлось бы вернуться, покинув его и выйдя из дому вслед за обитателями усадьбы, — приносит плоды, на которые едва ли мог рассчитывать даже наш далекий новизменный герой: Стуву удается не только сразу же решительно заявить о себе и привлечь внимание Харальда, но и стать его гостем, удержав за собой почетное место за столом. Если раньше он сидел

напротив хозяина усадьбы ("какого-то" бонда — заметим, что отнесенный исландцем хозяин дома даже не назван по имени), то теперь он восседает против самого короля. Поведение последнего также весьма примечательно, хотя, заметим сразу же, отнюдь не необычно для конунга — героя пряди. Харальд ведет себя так, будто он только и ждал появления исландца. Он не может нарадоваться своей случайной встрече с незнакомцем и не желает отпускать его от себя, а потому ради одной только возможности потолковать с представителем ученого народа и предполагаемого "развлечения" (gamall) от этой беседы, не задумываясь, пренебрегает обычаями и, не оказывая должного уважения угощающему его бонду, бесцеремонно оккупирует его законное место, оставляя за исландцем второе главное сиденье, традиционно занимаемое наиболее уважаемым гостем.

В следующей сцене — сцене застолья — Стув держит свой первый экзамен. Теперь ему предстоит доказать конунгу, что тот не напрасно усадил напротив себя никому не известного чужестранца и сделал его своим гостем прежде, чем успел выяснить, заслуживает ли он подобного отличия. Очевидно, что будущее исландца во многом зависит от того, как он проявит себя, отвечая на вопросы государя. И тут Стув в полной мере обнаруживает то качество, о котором было объявлено во вступлении к пряди, где он был охарактеризован как *djarfmæltr* — "смелый на язык": он делает неожиданный ход и с самого начала беседы перехватывает у конунга инициативу. Тот, впрочем, пребывает в уверенности, что это он, Харальд, остается истинным хозяином положения, и испытывает исландца, пытаясь поставить его в тупик своими вопросами, однако незаметно для себя сам попадает в расставленные Стувом сети.

Забавный, на первый взгляд, обмен репликами принимает в этой сцене совсем не безобидный оборот. Представляясь конунгу, исландец произносит свое имя, которое кажется тому "странным" (*kynlegt*), согласно одной версии пряди, и "неблагозвучным" (*ðnaflegt*), согласно другой (*Stúfr* — букв. "обрубок", нигде более не встречается как имя собственное). В ответ на последовавший затем вопрос, чей он сын, Стув, вопреки ожиданиям, не сообщает Харальду своего полного "отчества" (сын Кошачьего Торда), но, называя лишь прозвище отца, именует себя "Кошачьим сыном". Может показаться, что он поступает так лишь из стремления подчеркнуть собственную самостоятельность, поскольку, как следует из генеалогических сведений, которые сообщались при его введении в повествование, нашему герою действительно было что скрывать. Стув, и это сразу же становилось очевидно каждому слушателю рассказа, принадлежал к одному из первых семейств Исландии: его бабкой с отцовской стороны была Гудрун дочь Освивра, героиня "Саги о людях из Лососьей Долины", дед же — Торд сын Ингуни (получивший

свое прозвище по имени матери) был сыном прославленного скальда Х в. Глума сына Гейри, о чем герой пряди будет вынужден сообщить конунгу перед их расставанием. Перед нами, таким образом, отнюдь не безвестный герой без роду, без племени, но человек, сознательно принимающий на себя эту роль и предпочитающий не обнаруживать своего истинного положения, по крайней мере, до тех пор, пока конунг не сможет оценить по заслугам его самого. Расчет исландца прозрачен: объяви он о своем происхождении сразу же, Харальд, скорее всего, и без усилий с его стороны пожелал бы приблизить к себе родовитого исландца, прямого потомка придворного скальда норвежских государей. Стув же предпочитает добиваться всего собственными силами и завоевать признание и уважение короля единственно своими личными достоинствами. Напугав героя сразу же заявляет о себе как о человеке, который создает себя сам.

Однако Стувом в этой сцене движет нечто большее, нежели нежелание распространяться о своих прославленных родичах: исландец откровенно провоцирует конунга. *Kattar song* — это еще и обидные слова, которые могут быть брошены в лицо внебрачному сыну. Двусмысленность заявления Стува подталкивает Харальда задать вопрос в том же духе. Исландское *köttir* 'кошка', будучи словом мужского рода, служит обозначением родового понятия, никак не специфицируя его, и, следовательно, в равной мере может указывать как на кота, так и на кошку. Спрашивая исландца: "*Hvor var sá kötturinn er faðir þinn var, hinn hvati eða hinn blauti?*" ("Что за кошка была твоим отцом — кот или кошка?"), конунг как будто бы задает наивный и невинный вопрос. Между тем прилагательные *hvati* и *blauti* ('сильный' и 'слабый'), традиционно употребляемые для различения самца и самки животных, применительно к людям приобретают отнюдь не невинный смысл. Сказать о ком-то *blauti* значит нанести этому человеку тяжкое оскорбление, обвинив его в трусости и женоподобии. Именно эти значения *blauti* имеет в виду героиня "Саги о Ньяле" Халльгерд, обзывая таким образом собственного мужа, Гуннара, и его друга Ньяля: напомним, что последний был лишен борзды — символа мужественности ("Сага о Ньяле", гл. 38).

Впрочем, Харальд, судя по всему, вовсе не имеет в виду оскорбить исландца. Его двусмысленный вопрос задан лишь с одной целью: выяснить, хватит ли у Стува смелости достойно парировать его выпад. Несомненно, у нашего героя есть только один способ отстоять себя и показать конунгу, с кем тот имеет дело, а именно не забыть Харальду о неблагозвучном прозвище его отца, которого, как известно, именовали Сигурдом Свиньей — *Sigurðr súg*. Униженность этого прозвища — по крайней мере именно так воспринимал его сам Харальд, — состояла в том, что *súg*, слово женского рода (в отличие от прозвища отца Стува — *köttir*!), недвусмысленно ук-

зывало на особь женского пола. Между тем самое упоминание об этом факте было бы непростительной дерзостью со стороны исландца и едва ли сошло ему с рук. Достаточно вспомнить, какие последствия для героя другой истории ("Пряди о Хрейдаре"), посмеявшегося будто бы в знак примирения преподнести Харальду изготовленную им серебряную свинью, имел воплощенный в металле намек на это отцовское прозвище: конунг приказал своим людям схватить и убить его, что и было бы исполнено, не спасись тот бегством. Стуву, таким образом, предстояло сделать нелегкий выбор: станет ли он защищать доброе имя своего отца (а следовательно, и свое собственное), рискуя прогневить государя, или оставит за ним последнее слово.

Конунг, прекрасно понимающий, перед какой дилеммой стоит наш герой, уверен, что тот загнан в угол. Вопреки его ожиданиям, Стув, однако, находит достойный выход из положения. Своим неожиданным поведением — смехом в ответ на заданный ему вопрос — он вынуждает самого государя "угадать" и произнести вслух все то, что, по замыслу Харальда, должен был, но едва ли нашел бы в себе смелость выговорить его собеседник! При этом, если в кратком варианте рассказа, записанном в "Гнилой Коже", конунг сразу же дает тот самый ответ, который — скажи это Стув — был чреват неприятностями для исландца, то в отдельной пряди кульминационный момент сцены отложен. Для начала Харальд прибегает к менее обидной для собственного самолюбия версии: "Должно быть ты подумал, что с моей стороны *неумно* (*öföðlegi*) было задавать вопрос, кем был твой отец — котом или кошкой, потому что не может быть отцом тот, кто принадлежит к слабому полу (*sá mátti eigi faðir vera er blautur var*)", и лишь после того, как Стув, согласившись с ним, но не удовлетворившись этим ответом, как и в первый раз, смехом дает понять, что оба они имели в виду и кое-что другое, конунгу приходится самому прибегнуть к оскорбительному для него сравнению и произнести прозвище своего отца. Исландец, таким образом, выходит безусловным победителем в затеянном королем словесном состязании. Знакомство героев наконец состоялось: только после того, как он получил возможность оценить "недюжинный ум" и находчивость своего гостя, конунг обращается к нему со словами приветствия. Этот разговор, который, как теперь понимает Харальд, с самого начала направлял не он, а исландец, заставит его впоследствии признать, что и тот, в свою очередь, позабавился, беседуя с ним.

Как видим, герой этого рассказа, подобно героям других прядей об исландцах, идет на риск ради достижения стоящей перед ним цели, только свою смелость и дерзость он проявляет исключительно в интеллектуальных баталиях, не вступая в открытую конфронтацию с конунгом.

Во второй раз Харальд заговаривает со своим гостем перед отходом ко сну. Он уже успел убедиться в находчивости Стува-собеседника, теперь его интересуют познания исландца. Тому предстоит продемонстрировать свою "ученость" и искусство декламации. В следующей затем сцене герой пряди чуть ли не ночь напролет развлекает лежащего в постели конунга, произнося по его требованию одну за другой скальдические песни. Нигде более в сохранившихся памятниках древнеисландской прозы не сообщается о том, чтобы стихи скальдов исполнялись в таком изобилии и при подобных обстоятельствах. Обычно — и именно это мы имеем возможность наблюдать в заключительном эпизоде "Пряди о Стуве" — скальд торжественно и прилюдно декламирует свою (реже чужую) песнь у королевского престола в присутствии дружины (здесь можно вспомнить, что наиболее распространенный размер, в котором складывались такие стихи, носит название *dróttkvæði* — "дружинный размер"). Обстановка, в которой произносит скальдические песни Стув, — ночью, в спальном покое, фактически наедине с конунгом, который, не успевает наш герой досказать до конца одну поэму, уже желает услышать другую, — весьма далека от привычной.

Совершенно очевидно, что Харальд продолжает испытывать исландца, однако и на этот раз ему приходится отступить: репертуар Стува поистине неисчерпаем. Выслушав, по одной версии рассказа, три десятка песней, а по другой — вдвое больше (в обоих случаях число исполненных исландцем поэм весьма преувеличено, ведь каждая из них, в свою очередь, могла состоять из нескольких десятков строф!), конунг вынужден прервать своего гостя. У него уже нет сомнений в том, что поэтический запас его нового знакомого иссякнет не скоро. Прежде всего, это следует из весьма странного отбора исполненных Стувом поэм: все они без единого исключения относятся к категории "флокков" (*flokkr*) — песней без "припева" (стева), поэтической формы, которая ценилась значительно меньше парадной скальдической песни — драпы. Сочинение флокка вместо ожидаемой драпы даже могло обернуться для поэта серьезными неприятностями. Исландский скальд Торарин Славослов едва не поплатился жизнью за то, что посмел сложить флокк в честь датского конунга Кнута Могучего. Узнав о том, что Торарин сочинил о нем всего-навсего флокк, этот конунг разгневался и потребовал, чтобы уже на следующий день тот исполнил ему драпу, в противном случае его ждет казнь. Торарину пришлось подчиниться; так появилась его драпа "Выкуп головы".

Наш герой, в отличие от Торарина, не складывает, но лишь декламирует песни, однако их выбор не может не озадачить конунга — тонкого ценителя поэзии, к тому же весьма осведомленного в вопросах скальдической формы. Не может быть, чтобы столь много знающий человек не мог исполнить ни одной драпы! Выяснив

Стува, что тому известно еще больше драп, чем флокков, Харальд, как и следовало ожидать, задает ревнивый вопрос, для кого же его гость прибегает к драпам, если ему, королю Норвегии, он исполнял лишь флокки. Как видно, исландец опять недалек от того, чтобы навлечь на себя гнев короля, однако из его объяснений явствует, что он и на этот раз действовал обдуманно: у Харальда не может быть повода для обиды, поскольку лучшую часть своего поэтического репертуара Стув прибегает для их следующей встречи, с тем чтобы конунг получил возможность составить о нем еще более высокое мнение. Стув, таким образом, не сомневается в том, что сумел произвести на Харальда то впечатление, на которое рассчитывал: конунг оценил и его ум, и смелость, и ученость. Если бы не уверенность, что теперь-то уж король ни в чем ему не откажет, исландец едва ли решился бы уже на следующее утро после их знакомства обратиться к нему со своими просьбами. И тем не менее, он не собирается останавливаться на достигнутом: конунг еще не успел узнать всех достоинств и умений своего гостя. Отныне Стув переходит к посулам, стараясь внушить конунгу желание продолжить их общение. При этом он прямо напрашивается на новые испытания: Харальд не из тех, кто готов верить голословным заявлениям, и исландцу предстоит на деле доказать, что его слова — не пустое бахвальство.

Наутро, перед тем как расстаться, герои пряди встречаются вновь. Настал черед Стува открыто заявить о том "интересе", который он намеревался извлечь из знакомства с конунгом, — он обращается к Харальду с тремя просьбами. Знаменательно, что только теперь из первой просьбы Стува — разрешить ему сложить в его честь хвалебную песнь — конунг узнает, что "ученый" исландец (*fræðimaðr*), с помощью которого он накануне скоротал время, — скальд и притом представитель рода, к которому принадлежали знаменитые скальды! Как видно, знание поэтической традиции не предполагало непременно умения слагать скальдические стихи.

Прежде чем ответить согласием на просьбу исландца, конунг, чья слава увековечивалась и приумножалась в произносимых в его честь хвалебных песнях, должен был удостовериться в том, что Стув — умелый скальд и ему можно смело доверить столь ответственное для каждого правителя дело — запечатлеть в стихах, которым предназначено было передаваться из уст в уста, "пока люди населяют Северные страны", совершенные им ратные подвиги. А потому, услышав от исландца, что тот — скальд, Харальд первым делом спешит разузнать, не было ли среди предков Стува скальдов: он исходит из обычного для традиционного общества представления о преемственности тех или иных способностей и умений, из поколения в поколение наследуемых в одном роду. Выяснив, что исландец — правнук Глума сына Гейри, прославленного скальда, сложившего

хвалебные песни о его родичах и прежних правителях Норвегии, Эйрике Кровавая Секира (ум. 954 г.) и его сыне, Харальде Серая Шкура (ум. ок. 970 г.), конунг, как и можно было ожидать, без колебаний отвечает согласием на просьбу Стува, полагая, что тот не уронит чести своего рода и сложит драпу не хуже, чем это делал в свое время его прадед. Вместе с тем, Харальд не забывает осведомиться и о личном опыте ученого исландца, уповав на то, что тот уже успел уточнить свое мастерство, сочиняя хвалебные песни в честь других правителей.

Ответные заявления Стува вновь выдают его как человека, вовсе не склонного греться в лучах (или скорее томиться в тени!) той славы, которую некогда стяжали его предки. Напротив, он стремится всеми средствами подчеркнуть свою самостоятельность, а стало быть, и самоценность собственного творчества, самонадеянно утверждая, что он якобы превзошел в скальдическом мастерстве своего знаменитого прадеда (в краткой версии пряди Стув говорит, что сочиняет стихи "не хуже Глума"). Равным образом несущественным представляется ему и предшествующий поэтический опыт — чего стоит заявление исландца о том, что он никогда прежде не сочинял хвалебных песней, иначе говоря, вообще не пробовал себя в "серьезном" скальдическом жанре! Это обстоятельство (способное немало смутить конунга) вовсе не мешает нашему герою "авансом" считать себя более искусным скальдом, чем его родич Глум.

В откровенно вызывающем поведении Стува, между тем, нет ничего необычного: окажись на его месте другой скальд, он, скорее всего, обнаружил бы не больше скромности. Профессиональная самооценка скандинавского поэта, неизменно свидетельствующая о его высоком авторском самосознании, — своего рода "общее место" как рассказов о скальдах, так и создаваемой ими поэзии. Обсуждая при каждом удобном случае свое поэтическое мастерство и не скупясь на похвалы в адрес собственного стихотворчества, скальды во все не стремились занять место в одном ряду с себе подобными, но, напротив, смело противопоставляли себя собратьям или прямым предшественникам по ремеслу, рассматривая свое умение как единственное в своем роде⁴. Подобное самоутверждение поэта соответствовало индивидуально-авторской природе скальдического искусства. Последнее имело, однако, и другую сторону, оставаясь одновременно глубоко традиционным: даже осознавая себя творцом своей поэтической формы, скальд был не вправе и не пытался выйти за рамки от века установленных правил и норм. В этом секрет чрезвычайной консервативности поэзии скальдов, не претерпевшей на всем протяжении своей полутысячелетней истории сколько-нибудь существенных изменений. Именно эту сторону скальдического творчества, по всей видимости, и имеет в виду Харальд, выпрашивая Стува о его предшественниках.

Однако ни принадлежность к известному своим поэтическими достижениями роду, ни гордые заверения в профессиональном превосходстве над другими скальдами, раздававшиеся в ответ на государственные расспросы, не избавляли скальда от необходимости на деле доказать справедливость его притязаний. Право на то, чтобы стать приближенным короля, скальд завоевывал, лишь подтвердив свои первоначальные заявления истинно высоким качеством сложенной им хвалебной песни. То же имеет место и в рассказе о Стуве: конунг уклоняется от ответа на вторую просьбу исландца, желающего сделаться его дружинником, ссылаясь на необходимость посоветоваться со своими людьми, и принимает окончательное решение только после того, как Стув оправдал его ожидания, сложив и исполнив действительно прекрасную песнь в его честь.

Единственная просьба Стува, которую конунг удовлетворил безоговорочно и сразу же, — оказать ему поддержку в деле о спорном наследстве — касалась цели его поездки в Норвегию. В краткой версии пряди это — первое, о чем просит исландец. В отдельном рассказе Стув, напротив, прибегает к этой просьбе на конец, чем вновь вызывает удивление конунга: о самом для него главном исландец вспоминает лишь в последнюю очередь. У Стува и на это готов ответ. Оказывается, то дело, ради которого он пересек море и отправился в долгое странствие по Норвегии, показалось ему при встрече с конунгом "наименее важным"! Высказанное конунгом недоумение не случайно: имущественные интересы стояли в сознании человека той эпохи на одном из первых мест. Хотел ли Стув своим неожиданным заявлением подчеркнуть, какое значение он придавал тем просьбам, которые непосредственно касались особы государя, и таким образом польстить конунгу или же вновь демонстрировал независимость поступков и суждений? Как бы то ни было, заметим, что, вопреки сказанному, исландец не подумал отклониться от своего первоначального маршрута, не выразил желания сопровождать конунга, но, распрощавшись с ним, пустился в путь улаживать то самое дело, которое назвал наименее для себя важным...

Следующее свидание Стува с королем стало последним для него испытанием. Исполнив сочиненную им в честь Харальда драпу, наш герой с честью выдерживает его, доказывая конунгу, что все сказанное им ранее по поводу собственного поэтического мастерства, — не пустые слова, но истинная правда. В награду за искусно сложенную песнь конунг, как это было принято, приближает его к себе, и с этого момента Стув повторяет судьбу множества других скальдов.

Так исландец благодаря своей находчивости и незаурядным способностям добивается того, к чему стремился едва ли не каждый отправляющийся за море герой пряди: он завоевывает признание и расположение государя и становится королевским дружинником и скальдом⁵.

Простак и бедняк в поисках "удачи":
"Прядь о Хрейдаре Дураке"
и "Прядь об Аудуне с Западных Фьордов"

Между тем живописуемые в "Пряди о Стуве" и во множестве других прядей взаимоотношения предприимчивого исландца с правителем Норвегии, по всей видимости, были далеки от реальности. Неизвестный чужестранец (пусть и потомок норвежских переселенцев), незнакомый с придворным обхождением и обычаями выходец из крестьянской среды, зачастую впервые в жизни представ перед могущественным государем, не только не выказывал ни тени смущения, но, напротив, держался с достоинством и независимо, вел себя смело, а порой и дерзко, и главное — с самого начала их знакомства приковывал к себе внимание конунга.

И действительно, что касается последнего, то поведение короля, всецело поглощенного своими отношениями с прибывшим в его страну исландцем, будь то испытания или преследования, которым он его подвергал, или дружеская забота об устройстве его дел, едва ли не более примечательно, чем поступки самого героя. Сплошь и рядом мы становимся свидетелями того, как главные персонажи прядей, по сути дела, меняются ролями: этаким "провинциалом", бондом, коротающим свой век на отдаленном хуторе и изголодавшимся по новым лицам и общению, представляется отнюдь не выходец из расположенной на краю света северной страны, но норвежский король, для которого нет большего развлечения и более важного занятия, чем провести время в беседе с захватившим к нему из Исландии случайным посетителем.

Конунга — героя пряди не занимают ни военные походы, ни управление державой, ни какие-либо иные государственные дела: все это самое большее способно послужить лишь фоном для описываемых в пряди событий, истинным же предметом его забот неизменно оказывается его контрагент-исландец. Чтобы выказать ему свое дружеское участие, король, как мы уже знаем, с легкостью позволяет себе держать в напряжении целый город, по своей прихоти приостанавливая навигацию и запрещая кому бы то ни было покидать пределы страны, а в другой раз, единственно чтобы досадить ему, направляет на рифы и без сожаления разбивает собственный корабль ("Вторая Прядь о Халльдоре сыне Снорри"). Чтобы утешить героя-исландца и помочь ему излечиться от душевного недуга, он готов день за днем без устали беседовать с ним о предмете его печали ("Прядь об Иваре"), а в случае вражды с ним — раз за разом упорно навешивать на обмане и нарушении закона ("Прядь об Одде сыне Офейга"). Чтобы поддержать исландца, он может поспешить к нему и подмогу во главе внушительного войска ("Прядь о Торде Золото-

Асы"), но и с ничуть не меньшим рвением — отправиться с отрядом своих людей в отдаленную усадьбу для того лишь, чтобы захватить его врасплох и предать смерти ("Прядь о Хрейдаре Дураке"). Наконец, потакая заезжему исландцу, конунг, как будто бы совершенно позабыв о собственном королевском статусе и достоинстве, подчас совершает и вовсе ни с чем не сообразные поступки, позволяя своему гостю манипулировать собой, как тому заблагорассудится.

Именно это и происходит в сцене знакомства героев последней из названных прядей: социальная дистанция между впервые вышедшим в свет крестьянским простаком—"запечником" (heimski) и правителем Норвегии становится едва различимой по мере убывания про странства, отделяющего их друг от друга. Согласившись удовлетворить любопытство Хрейдара, которому никогда прежде не доводилось лицезреть столь высокую особу, конунг Магнус спешит предупредить каждое желание исландца, с готовностью выставляя себя ему на обозрение:

— "...когда он (Хрейдар) предстает перед конунгом, то падает на колени и приветствует его.

Конунг отвечает ему, смеясь:

— Если у тебя ко мне есть дело, то говори прямо, чего ты хочешь. Ведь и у других есть нужда поговорить со мной.

Хрейдар говорит:

— Мое дело, думаю я, очень важное. Я хотел на тебя посмотреть, конунг.

— Ну и как, доволен ты, — говорит конунг, — тем, что меня видишь?

— Конечно, — говорит Хрейдар, — но не уверен я в том, что рассмотрел тебя как следует.

— Так как же нам быть? — говорит конунг. — Может, ты хочешь, чтоб я встал?

Хрейдар отвечает:

— Пожалуй, — говорит он.

Поднявшись, конунг сказал:

— Ну, теперь я думаю, ты меня можешь хорошо рассмотреть.

— Не совсем хорошо, — говорит Хрейдар, — но почти.

— Может быть, ты хочешь, — говорит конунг, — чтобы я снял плащ?

— Конечно, я этого хочу, — говорит Хрейдар.

Конунг сказал:

— Мы должны прежде это дело обсудить. Вы, исландцы, большие выдумщики, и мне не хотелось бы допустить, чтобы ты это обратил в насмешку, хочу я этого избежать.

Хрейдар говорит:

— Никто не смеет, конунг, дурачить тебя или лгать тебе.

Тогда конунг снимает с себя плащ и говорит:

— Теперь смотри на меня так внимательно, как тебе хочется.

— Ладно, — говорит Хрейдар.

Он обходит конунга кругом, бормоча себе при этом под нос:

— Прекрасно, прекрасно.

Конунг сказал:

— Теперь ты меня рассмотрел, как тебе хотелось?

— Конечно, — говорит он.

Конунг спросил:

— Ну и понравился я тебе?

Хрейдар отвечает:

— Не преувеличил Торд, брат мой, когда говорил о тебе хорошее.

Конунг сказал:

— Сумел ли ты найти какой-нибудь изъян, которого другие не замечали?

— Не думал я искать, — говорит он, — да и не смог бы, потому что каждый предпочел бы быть таким как ты, когда б от него это зависело.

— Ты преувеличиваешь, — говорит конунг.

Хрейдар отвечает:

— Тогда следовало бы бояться лести, — говорит он, — когда б ты не был в самом деле таким, каким я тебя нашел, о чем я и сказал только что.

Конунг сказал:

— Все же найди какой-нибудь изъян, пусть хоть самый маленький.

— Вот разве что, — говорит он, — один глаз у тебя немного выше другого.

— До тебя это заметил только один человек, — говорит конунг, — и это был Харальд конунг, мой родич. А теперь давай сквитаемся, — говорит конунг. Встань-ка теперь ты и сними свой плащ, а я на тебя посмотрю.

Хрейдар сбрасывает плащ, а ручки у него грязные — человек он был болящерикий и безобразный, — вымыты кое-как. Конунг смотрит на него пристально.

Тут Хрейдар сказал:

— Государь, — говорит он, — как ты меня находишь?

Конунг говорит:

— Думается мне, что не родился еще человек безобразнее тебя" (пер. Е.А. Гуревич, ИС II, 483-484).

Нам остается лишь гадать, как воспринимала средневековая исландская аудитория пряди сцену, в которой норвежский король сперва старательно "позировал" своему неопрятному и плохо умытому посетителю, обсуждая с ним недостатки собственной внешности, а затем в свой черед делился с ним впечатлениями о его персоне. Однако независимо от того, производила эта сцена комический эффект или нет, именно из нее читатель впервые узнавал, что вопреки данной Хрейдару характеристике ему едва ли предстояло проходить "в дураках" весь свой век. Ибо при первой же встрече конунгом Магнусом, общение с которым, согласно ожиданиям брата Хрейдара, Торда, должно было принести удачу его смолоду малообещающему и не отличавшемуся сообразительностью брату, главный герой пряди начинает обнаруживать таившиеся в нем достоинства, в дальнейшем позволившие ему добиться общественного признания и превзойти своего благополучного и всеми уважаемого брата. Ведь уже в ходе знакомства с государем, благодаря проявленной им наблюдательности и прямоте, Хрейдару безо всяких усилий удастся завоевать симпатии своего будущего покровителя. Подметив изъян, до него замеченный лишь сопровителем Магнуса Доброго Харальдом Суровым, и не побоявшись сообщить об этом конунгу, наш герой, опровергая утвердившееся о нем мнение, пока-

зывает, что наделен редким качеством — способностью видеть то, что обычно ускользает от взора, которое он к тому же разделяет не с кем-нибудь, но с самим королем Норвегии! Выходит, что конунг Магнус отнюдь не роняет себя, общаясь с Хрейдаром на равных: исландец немедленно доказывает, что как никто другой достоин подобного обхождения.

Трудно поэтому согласиться с часто высказываемой точкой зрения, что в "Пряди о Хрейдаре" мы становимся свидетелями довольно необычного для средневековой литературы явления — эволюции характера главного героя. Казалось бы, для подобного заключения имеются веские основания: в отличие от персонажей других рассказов, всеми своими поступками оправдывающих те ожидания, которые должна была вызвать у читателя их предварительная аттестация, полученная ими еще при введении в повествование, Хрейдар на протяжении всего действия последовательно разрушает первоначальное представление о нем как об умственно неполноценном простаке, неспособном отвечать за свои поступки. Однако было ли превращение, как поначалу представлялось, ни к чему не способного "запечника" в полноценного члена общества и в самом деле следствием изменения его характера, решающее значение для которого (и это — еще одно мнение, бытующее среди исследователей?) якобы имел испытанный им гнев? Едва ли. Пристальный взгляд конунга, в свою очередь подвергающего исландца тщательнейшему осмотру, сразу же выявляет в Хрейдаре заложенные в нем, но не ведомые ни ему самому, ни окружающим возможности и умения. Тому остается лишь с доверием и благодарностью выслушать произнесенные в его адрес "добрые слова" государя и, набравшись терпения, дожидаться, когда наконец придет время исполниться его предсказаниям. Все дальнейшие поступки героя, отмечающие основные вехи на том переломном этапе его жизненного пути, который был избран рассказчиком пряди в качестве объекта изображения (совершенное им в гневе убийство дружинника конунга Харальда и первые проявления ремесленного, а затем и скальдического дара — изготовление серебряной свиньи в насмешку конунгу-гонителю и хвалебной песни в честь конунга-покровителя), — следствия не развития, а раскрытия его личности, толчком для которого и явилась его встреча с Магнусом Добрым. Можно с уверенностью утверждать: не произойди она, Хрейдар так навсегда и остался бы тем, кем слыл, и никогда не познал бы той удачи, которую ему принесло расположение конунга и участие последнего в его судьбе.

А потому, как представляется, нет ни малейших оснований отождествлять нашего героя со сказочным простаком, стремившимся познать страх (мотив АТ 326, ср. № 4 в собрании братьев Гримм: "Сказка о том, кто ходил страху учиться"). "Социализация"

Хрейдара происходит вовсе не благодаря обретению им прежде ведомого, но после многократных тщетных попыток — чему, собственно, главным образом и посвящены соответствующие сказки, представленные в самых разных традициях, — в конце концов востраки испытанного сильного человеческого чувства (субституция страха гневом, по мнению Дж. Линдоу, — естественная и необходимая трансформация этого интернационального фольклорного мотива на скандинавской почве, где истинный герой всегда бесстрашен, тогда как страх считается уделом представителей низших слоев общества, т.е. вольноотпущенников и рабов)⁸. В отличие от героя волшебной сказки, отправившегося из отчего дома искать страх, но вместо него (и как раз благодаря своему “упорному” бою с ним!) нашедшего богатство и власть, Хрейдар покидает Исландию без определенной цели, как кажется, единственно из любопытства и желания повидать свет. Что же до возникшего у него стремления испытать гнев, то вплоть до встречи с конунгом Магнусом, предупреждающим, что не далее чем ближайшей зимой добродушие исландца должно будет подвергнуться серьезному испытанию, он и вовсе не имеет подобных интенций. Кроме того, нет никаких оснований считать, что гнев представлен в рассказе в качестве естественного и потому необходимого человеческого чувства, лишь испытывав которого герой получает возможность превратиться в нормального члена общества. Очевидное свидетельство тому — небывалая и, как подчеркивается в рассказе, свойственная людям ярость и сверхчеловеческая мощь, проявленные доведенным до исступления Хрейдаром. Однако важнее другое. Решающую роль в развитии действия пряди играет не сам и себе охвативший героя долгожданный гнев, провоцируемый грубым обхождением дружинников конунга Харальда, а его обусловленные законами жанра и потому легко прогнозируемые последствия: учиненное исландцем жестокое убийство одного из нападавших на него воинов, в результате которого Хрейдар попадает в беду, приобретая могущественного противника в лице самого Харальда Сурового и одновременно получая шанс проявить себя в конфликте с этим конунгом. Таким образом, история Хрейдара отнюдь не уникальна и в общих чертах весьма напоминает рассказы о других исландцах, вступающих в конфликт с правителями Норвегии из-за спонтанно совершенного убийства королевского приближенного, причем, как было показано выше, в отдельных своих моментах (и прежде всего в сцене “гнева”) она к тому же обнаруживает заметные сходства с “Прядью о Храфне сыне Гудрун”. Выбиваясь из общего ряда лишь образ главного героя-простака⁹, однако и его судьба не столь уж необычна, а его “эволюция” в конечном счете соответствует тому неумолимому переходу к лучшему, который испытывало большинство центральных персонажей прядей. По-

каждый из них, согласно передаваемому (и, разумеется, разделяемому) рассказчиком общественному мнению, отправлялся восвояси и выходил из повествования более преуспевающим и уважаемым человеком, чем входил в него, приезжая в Норвегию в начале своей истории.

Одним из таких исландцев, приплывшим на континент никому не известным бедняком, но после посещения двух государей успешно поправившим свои дела и прослывшим у себя на родине “удачливейшим человеком”, был герой едва ли не самого знаменитого из наших рассказов — “Пряди об Аудуне с Западных Фьордов” (“Audunar þáttur vestfirzka”, № 1). Знаменательно, что поведение этого персонажа также представляется некоторым исследователям совершенно необъяснимым и, по их мнению, обретает смысл лишь при условии рассмотрения его сквозь призму лежащих в основе его истории странствующих фольклорных мотивов¹⁰ или дохристианской обрядовой символики¹¹.

Исландец Аудун покупает в Гренландии белого медведя, как тогда считалось, — “большое сокровище” (*gersemi mikla*), отдавая за него все свое добро, и направляется в Данию, с тем чтобы подарить медведя конунгу Свейну (1047–1074). Между тем путь его лежит через Норвегию, правитель которой, Харальд Суровый, сразу же узнает о прибытии белого медведя и призывает к себе его владельца. Попытки конунга выкупить у него диковинного зверя не увенчались успехом. Аудун наотрез отказывается продать медведя не только за ту цену, которую он сам за него уплатил, но и за вдвое большее вознаграждение. Не оправдались и предположения Харальда, что упорное нежелание исландца принять предложенную им плату вызывалось лишь тем, что медведь предназначался ему в подарок: Аудун напрямик объявляет норвежскому королю о своем намерении преподнести медведя его злейшему врагу и противнику, датскому конунгу. Харальд, как может показаться, настолько удивлен и обезоружен смелой откровенностью и непоколебимой решимостью исландца, что не чинит ему препятствий и отпускает с миром.

Благополучно завершившаяся встреча с королем Норвегии оказалась не единственным испытанием, которое исландцу пришлось преодолеть, прежде чем он достиг своей цели. Истратив все деньги до последнего гроша, он был вынужден побираться, чтобы прокормить и себя, и зверя. Тогда, воспользовавшись его бедственным положением, Аки, управитель конунга Свейна, склоняет Аудуна заключить с ним сделку: в обмен на пропитание уступить ему половину медведя. Тому ничего не остается, как согласиться, — в противном случае медведь подохнет с голоду, и ему так или иначе не удастся осуществить задуманное. Однако стоило Аудуну явиться к правителю Дании и поведать ему о своем деле, а также о том, как он под ко-

нец своего долгого странствия нежданно лишился половины предназначенного ему в дар медведя, — и его мытарства как будто бы остались позади. Услышав, какой путь проделал исландец, ради того чтобы преподнести ему “сокровище”, за которое он к тому же отдал все, что у него было, и узнав, как с ним обошелся его управитель, “посмевавший препятствовать и противодействовать” (“hefta það eða tálma”) его намерению, когда даже их враг — норвежский король — “и тот отпустил его с миром” (“láta hann fara í friði”), конунг Свейн примерно наказал Аки, изгнав его из страны, и оказал радушный прием Аудуну, поблагодарив его так, “как если бы тот подарил ему целого медведя” (“slíku þökk sem þú gefir mér allt dýrið”), и пригласил его остаться при дворе.

Исландцу, между тем, не сидится в Дании. Пробыв у Свейна некоторое время, он, не страшась прогневить конунга отказом от его гостеприимства, объявляет о желании продолжить свой путь:

— Уйти мне хочется, государь.

Конунг отвечает несколько холодно (svarar heldur seint):

— Чего же ты хочешь, если не хочешь оставаться с нами?

Аудун говорит:

— Я хочу совершить паломничество в Рим.

— Если бы не такое хорошее дело ты задумал, — говорит конунг, — то мне было бы не по душе, что ты хочешь уйти от меня” (пер. М.И. Стеблин-Каменского, *ИС II*, 496).

Пообещав конунгу вернуться и получив от него вдоволь серебра на дорогу, исландец двинулся в Рим с паломниками. О самом же посещении им святого престола в пряди едва упоминается: “Аудун шел своим путем, пока не пришел на юг, в Рим. Побыв там, сколько ему захотелось, отправляется он обратно” (*ИС II*, 496). Рассказчика явно больше занимают новые невзгоды, подстерегавшие его героя на пути в Данию, и в первую очередь то, в каком плачевном состоянии — страшно исхудавшим, с обритой головой и вновь просящим подачки оборванцем, — возвращается он к конунгу Свейну¹². На этот раз виной всему стала напавшая на Аудуна жестокая хворь. Вид его был столь жалок, что он даже не посмел показаться на глаза государю и его “разряженной дружине”. Конунг сам делает первый шаг ему навстречу: заметив у церкви незнакомца, очевидно желавшего, но не решавшегося заговорить с ним, он обращается к нему со словами ободрения и, узнав в бедном паломнике Аудуна, оказывает ему радушный прием. Конунг велит приготовить ему баню и дает новую одежду, а после того как Аудун пробыл у него некоторое время, предлагает ему остаться у него надолго, обещая произвести в столники (skutilsveinn) и суля почетное положение при дворе (góðvirðing). Аудун, однако, и на этот раз отклоняет предложение конунга Свейна: сыновний долг призывает его возвратиться домой. Не годится ему жить в почете у короля Дании, когда его мать ходит с

мой в Исландии (troði stafkarls stíg), потому что вышли те деньги, что он оставил ей на пропитание, уезжая из страны. Раздосадованный было неожиданным отказом, конунг не может не одобрить намерения исландца: он ведет себя, “как и пристало мужу” (mannlega), кроме того, по всему видно, что он “человек удачливый”.

Приближающееся расставание героев означает, что пришло время конунгу окончательно расплатиться с Аудуном, вознаградив его за подаренного им белого медведя. Щедрость правителя Дании превосходит все ожидания. В качестве возмещения за свое приношение исландец получает “добрый корабль” с полным снаряжением, однако оказывается, что это — не единственная уготованная ему награда. Корабль, рассуждает конунг, может разбиться о прибрежные рифы, а с ним “погибнет и все добро”, значит, не останется никаких доказательств, что Аудун побывал у него в гостях и “подарил ему сокровище”. А посему в придачу к кораблю король Свейн дает исландцу наполненный серебром чулок — залог того, что в случае кораблекрушения он не останется с пустыми руками. Мало того, конунг предусмотрел возможность утраты и этого дара. Тогда у Аудуна должно будет сохраниться золотое запястье, которое он жалует ему со своей руки:

“Даже если произойдет несчастье и корабль твой разобьется, и потеряешь ты свое серебро, то все же не останешься с пустыми руками (eigi ertu felaus), когда выберешься на берег, ибо многие сберегают на себе золото при кораблекрушениях. А если ты сохранишь запястье, то будут знать, что ты был у Свейна конунга. И еще посоветую тебе: никому не дари это запястье, разве что понадобится отблагодарить какого-нибудь знатного человека за великое благодеяние. Ибо знатному подобает принять такой подарок. Счастливого тебе пути!” (*ИС II*, 498).

В соответствии с данным им ранее обещанием, на обратном пути Аудуну предстояло посетить Харальда Сурового и поведать ему о том, как его недруг, конунг Дании, расплатился с ним за медведя. Однако и без объяснений легко можно было заметить, что он не остался внакладе: по прибытии в Норвегию, прежде чем отправиться в королевские палаты, Аудун велит выгрузить свои товары, и — красноречивая деталь — “теперь для этого пришлось больше потрудиться”, чем в его первый приезд. Радушно встретив гостя и усадив его за стол, Харальд принимается расспрашивать его о вознаграждении, которое тот получил от конунга Свейна. В ответ Аудун перечисляет по порядку все, что ему было пожаловано, не забыв упомянуть о согласии короля принять его дар, о серебре, данном ему на паломничество в Рим, а также о сделанном ему предложении стать королевским стольником. Услышав, что Свейн подарил исландцу корабль с товарами, Харальд с удовлетворением отмечает, что и сам отблагодарил бы его так же. Однако когда оказывается, что в придачу к кораблю Аудун получил еще и полный серебра кожаный чулок,

правителю Норвегии приходится признать, что его недруг превзошел его щедростью:

— Он поступил отменно, но я бы этого делать не стал: я бы думал, что счелся с тобой, дав тебе корабль (*laus mundi eg þykjast ef eg gæfi þér skipið*). Неужели он отблагодарил тебя еще как-нибудь?

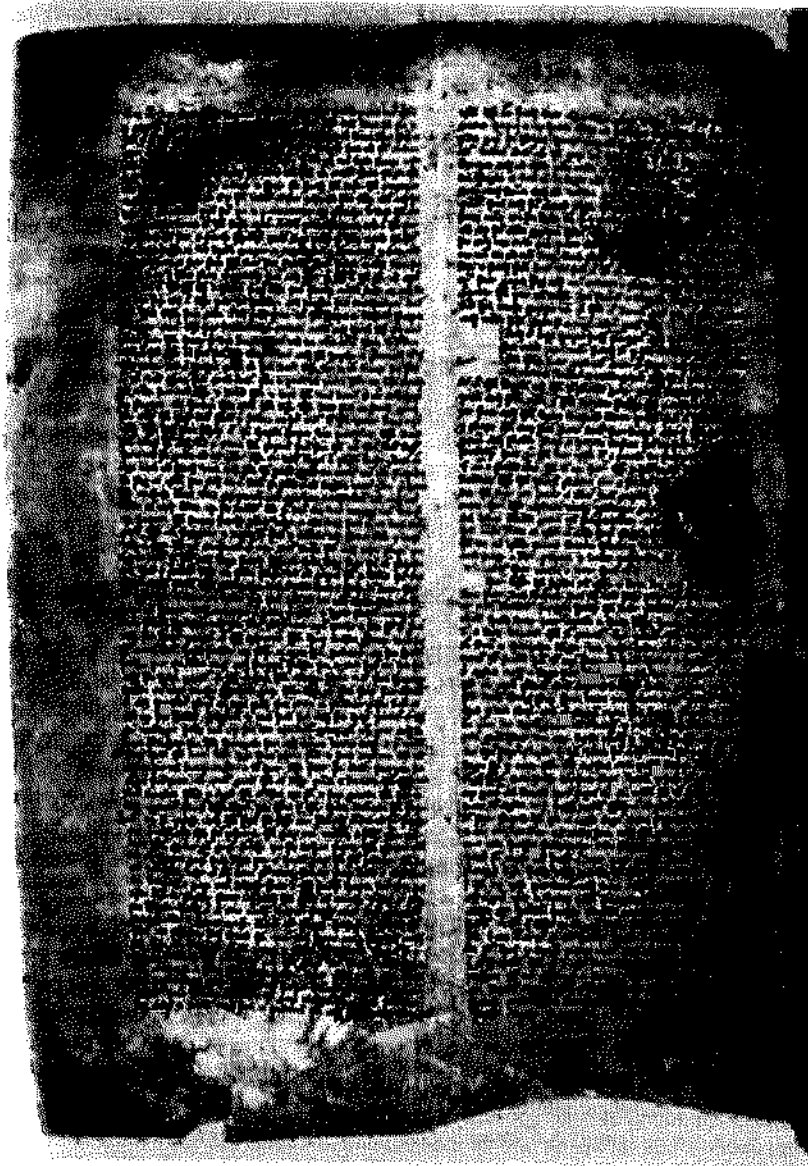
— Вот как он еще отблагодарил меня, государь, — говорит Аудун. — Он дал мне заплата, что у меня на руке, и сказал, что может статься, я потеряю все серебро, но и тогда не останусь с пустыми руками, если у меня сохранится заплата, и он посоветовал мне не отдавать его никому, разве что мне захочется отблагодарить кого-то за великое благодеяние. И вот я нашел такого человека. Ведь ты мог отнять у меня и медведя, и жизнь, но ты отпустил меня с миром ехать туда, куда другие не могли проехать.

Конунг принял подарок милостиво и, прежде чем они расстались, отблагодарил Аудуна богатыми подарками" (ИС II, 499–500).

Так Аудун обменялся дарами с правителями двух враждующих государств и, заслужив дружеское расположение обоих, возвратился в Исландию, где приобрел славу "очень удачливого человека" (*"þótt vera hinn mesti gæfumaður"*).

В отличие от большинства "прядей о поездках из страны", в истории об Аудуне отсутствует традиционный конфликт между исландцем и одним из конунгов-антагонистов. Казалось бы, в этом нечего из ряда вон выходящего, поскольку, как мы имели уже возможность убедиться на примере рассказа о Стуве, схема "отчуждение-примирение" — не единственная модель, по которой выстраиваются взаимоотношения главных героев прядей. Нельзя, однако, не заметить, что в данном случае "отчуждение" не наступает вопреки тому, что для него — и притом не единожды! — возникают все необходимые предпосылки.

В самом деле: сперва норвежский король Харальд, при каждом подходящем случае (и в первую очередь именно в прядах!) оправдывающий данное ему прозвище *harðráði* — Суровый Правитель, несмотря на приложенные им старания, так и не сумев заполучить привезенного Аудуном медведя, более того — будучи вынужденным в ответ на свои домогательства выслушать унижительное для его достоинства заявление исландца, что приглянувшееся ему сокровище предназначается его недругу, конунгу Дании, не только не проявляет власти, но, казалось бы, вопреки всякой логике, отпускает героя с миром доставлять подарок собственному врагу. Куда естественно было бы ожидать от него противодействия намерениям Аудуна, если не поступка, аналогичного тому, который в сходных обстоятельствах совершил другой норвежский правитель, ярл Хакон, когда свое предложение приобрести прибывшие из Исландии товары получил отказ от скальда Торлейва. Отступая от привычного стереотипа, Харальд, однако, и не думает наказывать своего посетителя дерзостью или отбирать у него зверя. Тем самым устраняется угроза

Конец "Пряди об Аудуне с Западных Фьордов" и начало "Пряди о Халли Челвоке" в "Книге с Плоского Острова".

предполагаемого как самой ситуацией, так и наличным составом центральных участников действия — герой-исландец между двумя враждующими правителями, — и оттого как будто бы неминуемого конфликта.

Затем Аудун, дважды отказываясь от предложенных ему ответных даров — королевского гостеприимства¹³ и почетной должности при дворе, едва не вызывает гнев конунга Свейна — того самого государя, ради знакомства с которым он поставил на карту не только все свое достоинство, но и самую жизнь. В обоих случаях опасность возникновения “отчуждения” элиминируется объяснениями исландца, и в первый, и во второй раз мотивирующего свой отказ тем единственным аргументом, который был способен успокоить конунга — даже вызвать у него похвалу (ср. сходные ситуации провоцирования — устранения “отчуждения” героем “Пряди о Стуве”).

Итак, по ходу действия пряди ее герою трижды удается уйти от назревающей ссоры с конунгами. Уже само по себе это обстоятельство свидетельствует об отклонении от стандартного для рассказов подобного типа распределения ролей, при котором исландец неизменно приобретает грозного противника в лице конунга-гонимца и не менее могущественного помощника в лице конунга-покровителя (ср. “Прядь о Хрейдаре Дураке” и “Прядь о Торлейве Ярлову Скальде”). В то время как конунг Харальд — потенциальный недруг исландца — вовсе отказывается от его преследования, несомненно милостиво настроенный по отношению к Аудуну конунг Свейн дважды подвергается искушению лишить его своего дружеского расположения. И тем не менее, несмотря на отступление от привычной модели выстраивания взаимоотношений трех главных героев пряди, в ней, несомненно, сохраняется традиционное сравнение/противопоставление двух государей¹⁴. На этот раз оно облекается форму заочного состязания в щедрости и великодушии, безусловную победу в котором одерживает датский конунг. Таким образом подтверждается и правильность принятого Аудуном решения, во что бы то ни стало посетить именно короля Свейна, самого достойного из северных правителей, и обменяться с ним дарами, совершить действие, которое, как он не мог не рассчитывать, должно было обеспечить ему последующее благоденствие и принести уважение соотечественникам.

Как и в “Пряди о Стуве”, конфликт с высокопоставленным противником замещается в рассказе об Аудуне чередой испытаний, через которые проходит герой. Однако если в случае со Стувом это была прежде всего проверка интеллектуальных и профессиональных качеств исландца — находчивости, “учености” и скальдического мастерства, то Аудун постоянно оказывается в ситуациях, когда испытанию подвергаются его моральные качества — стойкость и верность принятому решению, благодаря которым у него достает ду-

невзирая на смертельную опасность, не уступить домогательствам короля Норвегии, а затем, презрев многочисленные невзгоды и лишения, не отступить и добраться до цели своего путешествия. Эти же свойства дважды помогают ему избежать соблазна и, не убоившись прогневить государя, отклонить предложения короля Свейна. Безбедной придворной жизни, а впоследствии и почетной должности при особе короля Аудун предпочитает то, что, несомненно, было им замыслено еще до прибытия в Данию: сопряженное с новыми тяготами и лишениями паломничество в Рим ради заботы о собственной душе (ср. замечание, которое конунг бросает дружинникам, потешающимся над нищим странником, после того, как он узнает в нем Аудуна: “Нечего вам смеяться над ним, ибо он лучше позаботился о своей душе — hefir hann séð fyrir sinni sál, — чем вы”) и продиктованное заботой о матери возвращение в Исландию по истечении трехлетнего срока пребывания в чужих краях.

На взгляд современного читателя, обнаруживаемые героем похвальные качества — решительность, целеустремленность, благочестие, верность слову и долгу — вот то, что и приносит ему уважение обоих государей, становясь залогом его возвышения. Однако едва ли возможно отнести успех Аудуна лишь на счет этих привлекающих для окружающих черт его личности. Трудно, к примеру, согласиться с А. Тейлором, считающим, что конунг Харальд не причиняет Аудуну никакого ущерба и разрешает ему продолжить путешествие в Данию только потому, что “видит прирожденное благородство этого человека”¹⁵. Внимательное прочтение пряди показывает, что этого объяснения явно недостаточно, чтобы понять мотивы неожиданного благодушия обычно самовластного правителя Норвегии. Что-то еще, замеченное им в исландце, вынуждает конунга воздержаться от преследования непокладистого посетителя.

Несомненно, что это — “удача” Аудуна. Недаром первый разговор между Харальдом и исландцем буквально “вращается” вокруг этого важнейшего для скандинава того времени понятия, игнорируя которое, невозможно разобраться в побуждениях, управляющих поступками большинства наших героев:

— Неужели же ты такой неразумный, что не слышал о войне между нашими странами? Или ты считаешь себя таким удачливым, что думаешь пробраться с сокровищами там, где даже те, кого нужда гонит, не могут пробраться целыми и невредимыми?

Аудун отвечает:

— Власть ваша, государь. Но я ни на что другое не соглашусь, кроме того, что задумал.

— Ну что ж, отчего бы тебе в самом деле не поехать, куда хочешь? Но приходи ко мне на возвратном пути и расскажи, как Свейн конунг отблагодарил тебя за медведя. Может быть, ты и вправду удачливый.

— Это я тебе обещаю, — сказал Аудун” (ИС II, 494).

“Удача” (*gípta, gæfa, auðna, heill, hamingja*¹⁶) мыслилась как имманентное, врожденное или даже наследуемое свойство, присущее отдельному человеку, так и целому роду, и одновременно — как то, что можно было безвозвратно утратить или, напротив, добыть, приумножить собственными стараниями. Поэтому удачей не пропадали, к ней стремились. “Богатство удачей” считалось признаком успеха и процветания индивида, укрепляло его общественный статус, притягивая к нему окружающих; напротив, “лишенному удачей” нелегко было найти поддержку, он был часто обречен на бедность, а то и на еще большее зло — бесчестье¹⁷.

“Удача” (как и “судьба”, представление о которой неотделимо от этого понятия) требовала активного к себе отношения и постоянной проверки, ибо, как гласит исландская сентенция, “мы не знаем, как обстоит дело с нашей удачей, до тех пор пока не испытаем”. Герой одной из “семейных саг” — “Саги о людях из Озерной Долины”, подстрекая своего сына к решительным действиям, внушает ему, что он достиг того возраста, когда “пора было бы испытать судьбу” и узнать, что ему “пожалует” его удача (“*ertu nú og svo alkominn að þér væri mál að reyna þig og vita hvað hamingjan vill unna þér*”). При этом он ставит ему в пример обычаи своей юности (дело происходит еще до заселения Исландии), когда молодые люди отправлялись в викингские походы или стяжали себе славу и богатство, совершая иные “деяния, сопряженные с некоторым риском для жизни” (“*atferðum þeim er nokkur mannhætta var í*”). В прежние времена внушает он своему, как могло поначалу показаться, склонному к “домоседству” отпрыску, знатные люди сами завоевывали себе славу и почет. Приобретенное таким образом имущество не подлежало наследованию (“*skyldi það fé eigi til arfs telja*”), и сын не получил его от отца, но его клали в курган рядом с хозяином. Сыновья же, даже наследуя земли своих отцов, были не в состоянии удерживать за собой их высокого положения (“уважения”, “веса в обществе”, *virðing*), если только сами не шли по их стопам и, в свою очередь, подвергали себя опасности, в походах добывая золото и известность (“*aflandi sér svo fjár og frægðar hver eftir annan, og stíga svo í fótspor föður sínum*”)¹⁸.

Урок героической этики, столь обстоятельно преподанный отцом-отцом сыну во времена, предшествовавшие объединению Норвегии под властью Харальда Прекрасноволосого, не утратил актуальности и в христианскую эпоху. То же стремление к самовосстановлению и личному успеху движет и Аудуном, когда он, обходясь белым медведем, отбывает с ним в Данию. Однако, в отличие от воинственных искателей славы, отправлявшихся проверять свое везение в грабительских набегах на чужие земли под предводительством какого-нибудь знатного главаря (“морского конунга”), герцога — “человек Средневековья”¹⁹, купец и паломник, мог испытывать

свою “удачу” и не берясь за оружие, что, как мы могли заметить, вовсе не мешало ему подвергать себя опасностям иного рода. Не эта ли нескрываемая готовность исландца рисковать позволяет Харальду Суровому очень скоро разобраться, что перед ним отнюдь не “глупец” (*maður bítur*), по недомыслию пустившийся в вояж по оккупированным войной враждующим королевствам, но человек, очевидно, полагающий, что его “удача велика настолько” (“*ætla þú gíftu þína svo mikla*”), что он сможет совершить поступок, который оказался бы не под силу другим. Недюжинный ум, снискавший конунгу Харальду славу “самого премудрого человека во всех Северных странах” (“*eingin maðr hafa verit diupvitrare aa öllum Nordrlondum en Haralldr konungr*”)²⁰, и прозорливость короля, которому дано видеть и предвидеть то, что останется сокрытым от простых смертных (вспомним сцену знакомства Хрейдара с Магнусом Добрым), уже в следующее мгновение заставляет норвежского правителя признать, что Аудун, по всей видимости, не без оснований рассчитывает на свое везение: “*Og kann það vera að þú sért gæfumaður*” — “И может статься, что ты человек удачливый”. А раз так, то и не стоит чинить ему препятствий: бессмысленно вставать на пути у большой удачи²¹. Харальд решает отпустить исландца с миром и дожидаться его возвращения, дабы удостовериться в справедливости своей догадки: ведь по тому, удастся ли ему целым и невредимым добраться до конунга Свейна и получить от него ответные дары, и можно будет судить, сколько ему на самом деле отпущено “удачи”.

Если бы поступок Аудуна, рискнувшего обменять все свое состояние на белого медведя и замыслившего преподнести это “сокровище” правителю Дании, был продиктован лишь вполне объяснимым для нас стремлением бедного человека (*maður féltill*) разом поправить свои дела, заключив взаимовыгодную сделку с конунгом, фабула пряди, скорее всего, была бы совсем иной. Почему бы в таком случае исландцу не дать уговорить себя и, согласившись на предложение Харальда, не уступить ему зверя за двойную цену? Ведь тогда он не только удвоил бы свое состояние, но и отвел бы от себя угрозу государева гнева, а заодно смог избежать неминуемых опасностей, сопряженных с необходимостью пробираться с медведем через норвежские земли. Аудун, однако, не задумываясь отвергает такую возможность. Очевидно, дело не только в том, что испытывающего свое везение героя не удовлетворяет кратчайший путь к богатству. Аудун вообще добивается не богатства как такового, но награды, исходящей от вполне определенного лица — конунга Свейна, которого он ставит выше других правителей и чьи ответные дары, соответственно, обладают в его глазах наибольшей притягательностью. Ибо исландец не просто проверяет, насколько велика его удача: подобно персонажам множества историй, он прикладывает все старания к тому, чтобы “взрастить” ее, и с этой целью ищет

встречи с тем государем, который, как он полагает, может ему этом способствовать более, чем кто-либо иной.

Напомним, что в архаических обществах ценность предметов далеко не сводилась к их меновой стоимости. Приведенные в "Саге людях из Озерной Долины" наставления, как следует поступать с добытыми в бою сокровищами, остающимися в собственности захватившего их воина и после его смерти, ясно показывают, что и древние скандинавы видели в драгоценном металле нечто большее, нежели инструмент купли-продажи. Согласно их представлениям, богатство и в первую очередь золото и серебро «становятся сопричастными свойствам человека, который ими владеет, как бы «впитывают» благополучие их обладателя (...) и удерживают в себе эти качества»²². Поэтому и в акте дарения вместе с драгоценными предметами одариваемому передается и материализованное в них счастье дарителя: люди, «одаривая, отдают себя»²³. Конунг же, как считалось, был наделен более могущественной и действенной удачей, чем человек, не облеченный властью (ср. "mikil má konungs gæfa", *Flat.* 57 – "многое может конунгова удача"), а потому и полученные от него предметы отличались особой ценностью, воплощая в себе его магическое везение.

Один из наглядных примеров того, какими свойствами обладала воплощенная в драгоценном металле королевская "удача", содержит рассказ, к которому нам еще предстоит вернуться в дальнейшем, – "Прядь о Хрои Простаке". Герой ее, датский купец, раз за разом терпит кораблекрушения, теряя при этом все свое добро, за что даже получает прозвище Хрои Неудачник (*ófara Hrói*). В надежде на благотворную перемену он решает обратиться за поддержкой Свейну Виллбородому (987–1014): пусть тот вложит в его торговлю свои "деньги и удачу" ("fé ok hamingju"), чтобы ему наконец повезло, поскольку, как он ожидает, "удача и счастье" конунга смогут пересилить его "невезение" ("vænti ek at þá megí meira gírta yðr og hamingja en úgæfa mín"). Так и происходит, и Хрои, чьи дела сразу же поплыли в гору, вскоре обзаводится новым прозвищем: теперь люди называют его Хрои Богачом, или Хрои Великолепным (*Hrói hinn auðgi Hrói hinn ríði*). Однако стоило ему наперекор воле конунга Свейна вернуть своему партнеру его долю и вновь самостоятельно взяться за дело, как он незамедлительно попадает в беду²⁴.

В "Пряди о Хрейдаре" общение с конунгом Магнусом приводит к выявлению неведомых способностей героя и к благотворному перевороту в его судьбе. Нечто подобное происходит и с Аудуном. Если до посещения короля Свейна о его удачливости можно было лишь догадываться, то после их встречи она сразу же начинает обретать зримые формы, а со временем получает и вещественное подтверждение в виде небывало щедрых королевских подарков, ставшая очевидной уже для всех. В самом деле: потеря половины мед

дя не мешает исландцу получить за него "полную" благодарность государя (а если допустить, что использованный при этом в пряди фольклорный мотив вынужденного партнерства с придворным вымогателем не до конца утрачивает ассоциации с историями, демонстрирующими обычный результат такого соглашения – разделенное наказание²⁵, то благополучное завершение инцидента с королевским управляющим Аки также предстает как свидетельство особого везения героя); обрушившееся на него во время странствия из Рима новое испытание преодолевается (а ведь Аудун вполне мог и не оправиться от своей "жестокой хвори"); конунг Свейн сам заговаривает с не признанным им паломником (притом что нерешительное поведение Аудуна могло бы и вовсе исключить их новую встречу); в отличие от своих дружинников, конунг не только не осмеивает Аудуна, но оказывает ему радушный прием и осыпает его милостями. Наконец, приняв отказ Аудуна от предложения почетной должности и одоблив его намерение вернуться домой, датский конунг и сам объявляет его "удачливым человеком" (или выражает надежду, что он станет таковым: ведь слова Свейна "munu verða giftumaður" могут быть поняты и как пожелание), а также проявляет настойчивую заботу о том, чтобы исландцу во что бы то ни стало удалось сохранить материальные доказательства их встречи.

Как мы пытались показать, устремления и действия Аудуна в значительной степени детерминированы традиционными древнегерманскими представлениями об удаче, богатстве и дарении, сложившимися задолго до принятия новой веры и ничуть не поколебленными "сменой обычая" (*síðaskipti*), что, однако, вовсе не мешает присутствию в пряди и отчетливо выраженного христианского начала. Так, несомненно, что в заочном состязании конунгов датчанин Свейн одерживает верх над норвежцем Харальдом в первую очередь благодаря своей беспримерной щедрости, но ничуть не менее существенно то, что именно этот государь наделен в пряди добродетелями, которыми должен был обладать идеальный христианский правитель. Перед нами справедливый король, воздающий каждому по заслугам: несмотря на утрату половины своего подношения, Аудун награждается сполна, а возжаждавший легкой наживы Аки наказывается. При этом датский король склонен проявлять милосердие: Аки всего лишь отправлен в изгнание, хотя его, по словам конунга, и "следовало бы казнить". Главное же – король Свейн весьма благочестив: одоблив намерение исландца совершить паломничество в Рим, он дает ему денег на дорогу и, как следует из замечания конунга Харальда, – не ему одному (ср. "Многим дает Свейн конунг серебро на паломничество в Рим...", *ИС II*, 499). Как истинному христианину конунгу чужда гордыня и присуща любовь к ближнему, а потому – в противоположность его высокомерной свите – Свейна не может отвратить внешняя неприглядность нищего паломника: он об-

ращается к страннику со словами ободрения, а узнав в нем Аудуна берет его за руку, ведет за собой в королевские палаты, велит приготовить ему баню и принести приличную одежду. В двух позднейших средневековых редакциях пряди эти черты еще более усилены. Согласно одной из версий (А), конунг Свейн, проявляя смирение, собственноручно прислуживает исландцу во время омовения ("Lét konungur þá þegar gera honum laug, ok þjónaði honum sjálf")²⁶, а ответ на адресованные Аудуну насмешки дружинников втолковывает своим приближенным, что, «хотя им он и представляется "жидким с виду" (ósælligr at sjá), Богу он должен будет показаться "прекрасным и привлекательным" (fagr ok fríðr)»²⁷. Согласно другой (Б), жалует ему наряд со своего плеча, тот самый, который он носил в время Пасхи ("fíekk konungur honum þau klæði er hann hafði haft á faustuna", *Flat.* III, 413). Можно предположить, что идеализированный образ короля Дании в этой пряди если и не был прямо срисован с изображения норвежских конунгов-миссионеров, Олава Хальдссона и Олава Трюггвасона, то должен был сложиться не без влияния историй, в которых действовали эти правители.

Что же касается фигуры главного героя рассказа, то и для него неизбежно напрашиваются ассоциации с персонажами собственных христианских сочинений. Давно было замечено, что в жизнеописании первого исландского епископа Ислейва в "Hungrvaka" содержится весьма важная параллель к "Пряди об Аудуне" — сообщение, что будущий епископ в молодые годы посетил германского императора и "подарил ему белого медведя из Гренландии, и зверь этот был личайшим сокровищем" ("gaf honum hvítbjörn er kominn var Grœnlandi, ok var þat dýr hin mesta gersemi")²⁸. Разумеется, само по себе упоминание о подношении белого медведя еще не предполагает неслучайной и непременно связи между этими двумя историями: сведения о таком рода подарках встречаются и в других древнеисландских памятниках (например, в "Саге о людях из Озерной Долины" или в "Пряди о гренландцах"), а также и вовсе за пределами Скандинавии. В стихотворении немецкого поэта Генриха Фрейбергского "Das Schretel oder Wasserbär" (1290-е годы), сюжет которого воспроизводит фабулу широко распространенной сказки о диковинном звере, приведенный попросившимся на ночлег случайным постояльцем и сумевшим спугнуть троллей или иную нечисть, повадившуюся к хозяевам усадьбы, зверь-спаситель — не кто иной, как белый медведь, к тому же представленный как подарок, посланный норвежским королем (соответственно, в сопровождении норвежца) правителю Дании. Поскольку же упомянутое стихотворение — наиболее ранний пример обработки этого сказочного сюжета — содержит мотив, отдаленно напоминающий о цели путешествия нашего героя, происхождение самого сюжета о звере-спасителе нередко связывают с историей Аудуне²⁹. Правда, при этом исследователи затрудняются объяснить

как могло случиться, что все известные редакции исландского рассказа обходят стороной именно тот (гипотетический) эпизод из странствия Аудуна в Данию, который, по их предположениям, и должен был дать начало сказке, а действие последней, в свою очередь, никогда не доходит как раз до того, что составляло главную тему пряди — производимого героем удачного обмена дарами с правителями, в ходе которого выясняется, кто из королей отличается наибольшей щедростью, а сам герой приобретает богатство и почетное положение в обществе. Хотя в таком виде мы не находим этой темы и в жизнеописании исландского епископа, оно тем не менее, содержит куда более близкие аналогии с рассказом об Аудуне, чем сказка, главным героем которой вообще является зверь, а не сопровождающий его человек. В "Hungrvaka" говорится как о встрече Ислейва с королем, так и о совершившемся обмене дарами, причем сразу же вслед за сообщением о поднесенном императору белом медведе сказано, что будущий епископ побывал и у папы римского. Если добавить к этому такие детали, сообщаемые уже в "Пряди об Ислейве", как мотивированное крайней бедностью молодого священника вручение ему на обратном пути "с юга" королевского плаща — подарка Олава Святого, а также его встречу с этим конунгом в церкви и оказанный ему в результате теплый прием, то сходство ряда существенных мотивов, характерных для обеих историй, не может не броситься в глаза. Наконец, если вспомнить об отмеченных ранее аналогиях между жизнеописаниями Ислейва и другими уже известными нам рассказами о дарителях ("Прядью о Бранде Щедром" и "Прядью о Торварде Вороний Ключ"), то обнаруживаемые новые интертекстуальные связи, свидетельствующие о притяжении к этому ряду также и "Пряди об Аудуне", представляются не только в высшей степени заслуживающими внимания, но и вполне закономерными.

Однако наиболее заметные и последовательные сходжения с "Прядью об Аудуне" демонстрирует произведение, принадлежащее к жанру, главное назначение которого — развлекать, а не просвещать или наставлять, и потому весьма далекое от ученых христианских сочинений. Речь идет о "сагах о древних временах", в одной из которых, "Саге о Гаутреке", мы находим вполне самостоятельный рассказ, уже в средневековой рукописи выступающий под собственным заглавием — "Sögubáttir af Gjafa-Ref og Dala-Fíflum" ("Часть саги о Рэве-Дарителе и дальских дураках")³⁰. Герой ее, юноша по имени Рэв, изгнанный из дому по причине своей полной никчемности, отправляется странствовать, ведя за собой единственное достояние, полученное им от отца, — вола, рога которого были инкрустированы золотом и серебром и соединены серебряной цепью с тремя золотыми кольцами. С этим сокровищем он является к ярлу Нери, известному как своей мудростью, так и скупостью. Ярл поначалу отказы-

вается от драгоценного подарка, ссылаясь на то, что, как всем известно, он не расположен давать что-либо в ответ. Тем не менее Рэв все же добивается от него согласия принять дар в обмен на мудрый совет. (Ярл, впрочем, совершил было попытку расплатиться с своим гостем и традиционным способом, вручив ему один из богатых отделанных золотом щитов, украшавших палату, однако сразу же так огорчился из-за этой утраты, что повелел развернуть свое почетное сиденье, дабы не видеть пустого места на стене, после чего Рэв поспешил отказаться от подарка и возратить щит владельцу. поступок, принесший ему симпатии ярла.) Совет этот заключался в следующем: Рэву надлежало отправиться к конунгу Гаутланда Гаутреку, проводившему дни, сидя на кургане покойной жены³¹, откуда он запускал своего сокола, бросая в него камни, когда тот устал летать. Как только у конунга выйдут все камни, Рэву было наказано подать ему точильный камень, который ему вручил для этой цели ярл. Рэв так и поступил, а конунг в знак благодарности награждает его золотым кольцом, даже не потрудившись взглянуть на того, как в нужный момент вложил в его руку камень. Перезимовав у ярла Рэв, следуя его совету, отбыл к английскому конунгу Элле и подарил ему кольцо, которое он получил от Гаутрека. Затем, отклонив приглашение остаться в Англии, Рэв вернулся к своему наставнику, предварительно приняв от конунга Эллы ответные дары: корабль командой и ценным грузом и вдобавок двух красивых крошечных собачек с золотыми поводками и ошейниками, соединенными золотой цепью с семью маленькими кольцами – “невиданное доселе сокровище”. Этих собачек Рэв по совету ярла (поскольку “владеть им подобало лишь знатному человеку”) подарил датскому конунгу Хрольву Жердинке, в гости к которому он отправился следующей весной. Тот же наградил его при расставании кораблем с командой и грузом, а также шлемом и кольчугой, изготовленными из красного золота. Вновь проведя зиму у ярла Нери, Рэв, повинаясь его приглашениям, отправляется к воинственному королю Олаву с предназначенными ему в дар шлемом и кольчугой, которые ему дарит Хрольв Жердинка. Как и предвидел ярл, Олав предоставил Рэву возможность выбрать вознаграждение за драгоценные подвиги. Когда Рэва спросили, что он желает получить взамен, он, как ему ранее и советовал ярл, попросил передать под его начало корабль и войско конунга сроком на две недели. Встав во главе большого войска, Рэв вместе с тайно участвовавшим в его экспедиции ярлом Нери, обнаружившим, что подошло наконец время “проверить его удачу”, направился во владения конунга Гаутрека, который, дабы избежать нападения на свое королевство, решил последовать совету все того же ярла и отдать за Рэва свою дочь, а вдобавок произвести его в ярла. И хотя при виде удаляющихся кораблей с воинами Олава конунг гадался, что его провели, он, тем не менее, остался верен своему сло-

ву. Добившись таким образом возвышения своего “воспитанника”, ярл объявил ему, что, как он считает, сполна расплатился за его волю: “И все же я был менее щедр, чем ты того заслужил, ведь ты отдал мне все, что имел, а я остался таким же богатым, каким был”³².

Высказывалось мнение, что рассказ о Рэве-Дарителе восходит к известной сказке (№ 83 в собрании Гриммов “Ганс в счастье”), герой которой также постоянно занят обменом, причем получает за свое единственное достояние точно такое же вознаграждение, что и персонаж “Саги о Гаутреке”, – точильный камень³³. Между тем, несмотря на видимые аналогии, и главное, наличие столь знаменательной детали, объединяющей обе истории, о степени или даже возможности влияния на сагу сказочного сюжета (к тому же доступного нам лишь в позднейшей интерпретации) остается лишь догадываться, настолько велика пропасть между судьбами двух героев – преуспевающего Рэва, который с каждым очередным обменом дарами становится все богаче и значительнее, и проделывающего противоположный путь Ганса, который шаг за шагом избавляется от своего богатства. Напомним сюжет сказки. Прослужив семь лет у хозяина, Ганс берет расчет, получая в качестве вознаграждения увесистый золотой слиток величиной с собственную голову. Устав тащить свою ношу, он обменивает золото на коня, коня – на корову, корову – на поросенка, поросенка – на гуся, а гуся – на точильный камень, который по оплошности роняет в колодец, после чего, возблагодарив Бога за освобождение от непосильного бремени, счастливый и с легким сердцем возвращается к матери. Таким образом, если Рэв меняет полученное им от ярла Нери точило на золото, закладывая тем самым первый камень в основание своего благосостояния, то Ганс, напротив, в конечном счете выменивает чистое золото на простой булыжник, который к тому же оказывается не в состоянии удержать. Тогда как сказка доказывает, что бедняку богатство не впрок, да и не в деньгах счастье, то исландскому рассказу совершенно чужда подобная “философия”. Его тема – удача, воплощающаяся в год от года растущем богатстве, к которому в конце концов прибавляются и прочие атрибуты социального роста, нередкие в так называемых “живых сагах”, – власть и женитьба на королевской дочери.

А потому даже если принять гипотезу влияния сказки на сагу, то лишь с той оговоркой, что оно было весьма поверхностным. Куда более глубокое воздействие на рассказ о Рэве, судя по всему, исходило со стороны не фольклорного, а, скорее всего, литературного источника, каковым есть все основания предполагать “Прядь об Аудуне”.

Однако прежде чем приступить к сопоставлению этих двух произведений, нам придется привлечь к рассмотрению еще один текст, имеющий отношение к обеим интересующим нас историям. В “Деяниях датчан” Саксона Грамматика (кн. VIII, 247) имеется рассказ,

который, хотя и обнаруживает весьма мало общего с содержанием заключительной части "Саги о Гаутреке", повествует о взаимоотношениях отчасти тех же персонажей. К норвежскому королю Готи приезжают исландцы Бери (Bero) и Рефо (Refo). Об их подношениях этому правителю в рассказе не упоминается, зато сказано, что Рефо пользовался его дружеским расположением и получил от него в дар тяжелый браслет, что не помешало ему тут же побить об заклад с одним из придворных, Ульво (Ulvo), что датский король Готрик (Goticus, вне всякого сомнения, он отождествляется с легендарным правителем Гаутландом) превосходит их государя щедростью. Поводом для спора, объясняет автор, послужила отнюдь не неблагодарность исландца, но его нежелание показаться таким же лстецом, как Ульво, который при виде пожалованного Рефо подарка принялся расточать неумеренные славословия в адрес короля. Заключив пари, Рефо отбыл в Данию и явился к Готрику как раз в тот момент, когда он раздавал жалование своим воинам. На вопрос короля, кто он таков, Рефо назвал Лисенком (Refr – 'лис'), чем вызвал веселье одних и удивление других. Конунг же, ответив, что лису положено ловить свою добычу пастью, поманил к себе Рефо и, сняв с руки золотое запястье, вложил его в рот пришельцу. Тот немедленно надел браслет на руку и продемонстрировал его окружающим, а другую руку спрятал, намекая на то, что на ней не было украшения. Эта хитрость принесла ему такую же добычу, как и в первый раз. Выиграв таким образом спор, Рефо воротился в Норвегию, где убил своего противника, отказавшегося признать себя побежденным, после чего захватил в плен дочь короля Готи и привез ее Готрику. Сделавшись приближенным этого правителя, Рефо, выполняя его поручение, погубил от рук севеев³⁴. Легко заметить, что, помимо совпадения имен главных действующих лиц (Рефо – Рэв, Готрик – Гаутрек и Готи – Гаути, последний фигурирует в саге как отец Гаутрека), рассказ Саксона объединяют с рассказом о Рэве-Дарителе лишь мотивы сравнения щедрости государей и добывания королевской дочери (при том, что последний выступает в них в далеко не тождественном виде), в остальном же ничто не позволяет усмотреть даже отдаленную связь между легендой, на которую должен был опираться датский историк, и повествованием исландской саги. Что же до принимаемых иногда попыток установить общность эпизодов на граждения главного героя королем Гаутреком, то они, скорее, способствуют выявлению не сходных черт, а различий и, главное, – заставляют в полной мере осознать глубину и неожиданность превращений, которым то ли под пером самого Саксона, то ли усилиями его возможных ученых предшественников, то ли еще на дописываемой стадии бытования предания подвергся "исходный материал" рассказа: ведь в "Деяниях датчан" (кн. II, 52) уже приводился аналогичный анекдот, где другой герой точно таким же способом (спрятан-

руку) выманил вторую награду у совсем другого конунга – Хрольва Жердинки. Хотя никому не дано знать, насколько вольно Саксон обращался со своим источником, надо полагать, что столь значительное несходство обсуждаемых рассказов исключает возможность того, что, излагая легенду о Готрике и Рефо, датский историк основывался непосредственно на той версии предания о Гаутреке и Рэве, которая отделилась в сохранившуюся сагу³⁵.

Итак, сколь ни тонка нить, связывающая историю Рэва-Дарителя с рассказом в "Деяниях датчан", в ее реальности, тем не менее, невозможно усомниться. Но что может быть общего между повествованием латинского автора, на свой лад пересказывающего древнескандинавские предания, и "Прядью об Аудуне"? Кое-какие сходения (притом не всегда присутствующие также и в рассказе из "саги о древних временах") заметны сразу же: прибывший к королю Норвегии посетитель в обеих историях – исландец, что естественно для "прядей о поездках из страны", но не может не обратить на себя внимание в датской книге (в "Саге о Гаутреке" Рэв – норвежец), кроме того, обе истории сообщают о совместном приезде двух исландцев (Рефо и Бери; Аудуна и Торира), и наконец, самое существенное – одна из центральных тем обеих историй состоит в сравнении щедрости правителей Норвегии и Дании, причем наибольшее великодушие в обоих случаях проявляет датский конунг. Всего этого, разумеется, вовсе недостаточно, чтобы постулировать наличие сколь-нибудь близких отношений между двумя произведениями. Однако в изложении Саксона есть умолчания, анализ которых заставляет строить предположения о вероятности более конкретных аналогий между историями о Рефо и Аудуне. Не странно ли, например, что хотя в начале рассказа Бери назван спутником Рефо, о нем более ни разу не упоминается? Или: с какой стати норвежский король подарил Рефо золотое запястье, давшее повод для столкновения исландца с придворным (вспомним антагониста Аудуна – королевского управителя Аки)? Да и приводимое латинским автором довольно надуманное объяснение причин произошедшей ссоры наводит на мысль, что он подменяет им какие-то иные, по всей видимости, недоступные его пониманию мотивы, о которых могла идти речь в прототипе рассказа.

Еще Якоб Гримм в 1834 г.³⁶ обратил внимание на то, что как прибывшие к норвежскому конунгу исландцы, так и придворный, с которым Рефо вступает в спор, носят звериные имена: Refo – Лис, Bero – Медведь и Ulvo – Волк. Шведский исследователь С. Викандер высказал на этом основании гипотезу, что изложенная Саксоном легенда в конечном счете может быть возведена к восточной животной басне, герои которой за отсутствием в скандинавской традиции животного эпоса (а равно и фольклорной сказки о животных), естественно, должны были обретать человеческий облик³⁷. Самую близ-

кую параллель к составу персонажей рассказа датского историка Викандера усматривает в одной из басен в "Directorium vitae humanae" Иоанна Капуанского (втор. пол. XIII в.), латинском переводе арабского сборника "Калила и Димна", пользовавшемся большой популярностью на европейском континенте. Как сказано в этой басне, свите у льва было множество диких зверей — "волков, медведей и лисиц, и других подобных им" ("luporum, ursorum et vulpium et aliorum huiusmodi")³⁸. Заметим сразу же, что в процитированном перечне нет ничего специфического или содержащего намек на знакомство Саксона с названным латинским источником. Да это и невозможно: "Деяния датчан" были написаны не менее чем за полвека до того, как Иоанн Капуанский осуществил свой перевод. Впрочем, и нет необходимости устанавливать, откуда именно исходило столь верооятное в данном случае влияние континентальной традиции. Заметим лишь, что не только имена, но и поступки, а также взаимоотношения соответствующих персонажей в рассказе Саксона (хитрость Рефо, который к тому же намеренно имитирует поведение лиса; антигонизм Рефо и Ульво, приводящий к убийству последнего) дают достаточные основания подозревать, что выводя на сцену Лиса и Волка, ученый датчанин мог опираться на весьма распространенный средневековой Европе животный эпос (ср. главных героев "Романа о Лисе"). А как же обстоит дело со странным образом выпавшим из повествования Вето — Медведем? Не объясняется ли отсутствие дальнейших упоминаний о нем тем, что изначально (в использованном Саксоном прототипе рассказа) к норвежскому двору прибывали не исландцы — Рефо и Бери, а исландец Рефо в сопровождении медведя, которого он преподносил тамошнему королю, за что и получил от него в качестве ответного дара драгоценное запястье, послужившее поводом для его конфликта с придворным?³⁹ Если это предположение не лишено оснований, то получают солидное подкрепление и уже отмеченные аналогии между рассказом Саксона и "Прядью об Аудуне", герой которой (что, впрочем, едва ли могло сыграть сколько-нибудь существенную роль при слиянии образов Аудуна и Рефо) также был обладателем "говорящего" имени: Аудун — др.-герм. Auda-winiz 'друг богатства'.

Как настаивает Викандер, сходство между историями об Аудуне, Рэве и Рефо — следствие того, что все они ведут свое происхождение от единого источника — древнеиндийской животной басни, чьи геральдические сюжеты (среди которых непременно присутствует лис) передают на своем языке — своему царю какого-нибудь прекрасного зверя. Чем еще, как не влиянием со стороны иноземных образцов, задается просом этот исследователь, можно объяснить совершенно не мотивированное, на его взгляд, решение Аудуна и Рэва подарить единственное достояние правителю чужого королевства?⁴⁰ О возможности проигнорированной шведским автором роли обмена дарами

древнескандинавском обществе уже было подробно сказано выше, а потому излишне доказывать, что его главный аргумент не выдерживает критики. Даже если предположить, что присутствующий в наших историях мотив дарения диковинного зверя и забрел на Север с Востока, он полностью утратил свою "экзотичность" и встроился в местную традицию. Иначе обстоит дело с не ограничивающимся заимствованием разрозненных мотивов влиянием западноевропейского животного эпоса. Ассоциации с ним, возможно, навеянные именем одного из героев легенды о короле Гаутреке, судя по всему, действительно значительно преобразили и без того весьма эклектичный материал (включавший в себя не только сказания о других правителях Дании, но и, с большой долей вероятности, исландскую историю об Аудуне), положенный Саксоном Грамматиком в основу его рассказа о том же конунге. Однако нет решительно никаких оснований считать, что они могли оказать воздействие также и на исландскую традицию. Для объяснения подобия рассказов об Аудуне и Рэве вообще нет нужды предполагать наличие какой бы то ни было "общей основы", поскольку их сходство далеко не исчерпывается сюжетными аналогиями, но сплошь и рядом принимает форму прямых текстуальных совпадений, скорее, свидетельствующих о возможности непосредственного контакта между этими произведениями.

Итак, в обеих историях рассказывается о бедном молодом человеке, который отдал в дар правителю "все, чем владел" (ярл Нери о Рэве: "þú gáft mér alla eigu þína", *Gautr. s.*, 50; конунг Свеин об Аудуне: "gaf þar fyrir alla eigu sína", *Audun. þ.*, 2082) — диковинного зверя, считавшегося "большим сокровищем" (*gripr; gersimi*). Этот поступок в конце концов принес ему немалое богатство и положение в обществе, так как частью полученных им ответных даров он распорядился таким же образом — преподнес их другому государю, поведав ему о том, как его отдал его предшественник, после чего и тот в свою очередь не поскупился на достойное возмещение, признав, однако, что не способен перещеголять того правителя, с которым герой ранее обменялся дарами (ср. сказанное конунгом Олавом о Гаутреке: "Mikit er um örleik slíkra konunga, ok berr Gautrekr konungr þó yfir þeira örleik allra", *Gautr. s.*, 46 — "Велика щедрость некоторых конунгов, но Гаутрек превосходит их всех щедростью"; и Харальдом о Свеине: "Það var ágætlega gert og það mundi eg ekki gert hafa", *Audun. þ.*, 2086 — "Он поступил отменно, но я бы этого делать не стал"). Разумеется, это — всего лишь общий сюжетный стержень, и реализуя его, каждый рассказ следует законам того жанра, к которому он принадлежит. Если в пряди об исландце на чужбине нет ничего из ряда вон выходящего, то в саге о древних временах, напротив, многое преувеличено и рассчитано на то, чтобы удивить своей необычностью. Тогда как Аудун посещает всего-навсего двух государей, первый из

которых дает ему больше даров, чем дал бы на его месте другой, а полученные им в награду ценности представляют собой традиционный "ассортимент" предметов, переходивших от правителя к дружиннику (корабль с грузом, серебро, золотое обручье), Рэв обменивается подарками с пятью правителями и помимо обычного вознаграждения получает от них невиданные вещи; что же до конунга, чьей щедростью не могут состязаться другие государи, то его превосходство зиждется на неслыханном деянии, не укладывающемся в рамки здравого смысла: ведь он "расплатился золотом за камень" (ср. сказанное Эллой о Гаутреке: "hann gefr gull við grjóti", *Gautr. s. 41*). Жанровыми особенностями предопределено и неизбежное сходство финалов обеих историй: тогда как Аудун, разбогатев и заслужив всеобщее уважение, возвращается восвояси, Рэву уготована же награда, что и героям других фантастических саг – он женится на королевской дочери и сам становится правителем.

Естественно, что, отмечая более частные сходжения между рассматриваемыми произведениями, приходится одновременно учитывать и сопутствующие им различия, обусловленные жанровой природой каждого из рассказов. Прежде всего это относится к одной из самых красноречивых аналогий – столкновению героя с антагонистом, лишаящим его половины того дара, который он намеревался преподнести государю. Чтобы добыть пропитание себе и медведю Аудун вынужден принять предложение королевского управителя Аки и уступить ему половину зверя. Впоследствии конунг Свейн примерно наказывает Аки, исландца же благодарит так, "как если бы он подарил целого медведя". Когда Рэв является с драгоценным подарком – шлемом и кольчугой – к конунгу Олаву, он также наталкивается на препятствие в лице высокопоставленного придворного. Хитрый советник короля Рэв-Нос (Refnefr – 'Лисий Нос') во что бы то ни стало стремится противодействовать обмену дарами и, схватив предназначенные Олаву подарки, бросается с ними в море. Рэв долго думая следует за ним и после короткой схватки под водой (любимый вид поединков в фантастических сагах) возвращает его кольчугу, тогда как шлем навсегда отправляется на дно вместе с хитрившим его злодеем. Конунгу остается принять уцелевшую половину дара, что не мешает ему поблагодарить Рэва "не меньше, чем раньше за оба сокровища" (Олав – Рэву: "ok kunna nú eigi minni þú annars en áðr beggja", *Gautr. s., 46–47*; ср. Свейн – Аудуну: "kann slíka þökk sem þú gefir mér allt dýrið", *Auðun. þ., 2084–2085*). В другом эпизоде саги, где речь также идет о дарах – на этот раз пожалованных герою одним из правителей, – мы вновь находим почти буквальную параллель к соответствующей сцене пряди. Советуя Рэву подарить Хрольву Жердинке диковинных собачек, полученных им от короля Эллы, ярл Нери мотивирует свое распоряжение тем, что он "не для простых (букв. незнатных) людей" ("því at þeir eru

óþingna manna eign", *Gautr. s., 42*). Аналогичным – причем высказанным в тех же выражениях – наказом сопровождает свой последний подарок конунг Свейн, когда вручает Аудуну золотое запястье: расстаться с ним ему следует лишь в случае, если придется отблагодарить за великое благодеяние какого-нибудь знатного человека, "ибо знатному подобает принять" такой подарок ("því að tignum mönnum sómir að þiggja", *Auðun. þ., 2085*).

Не исключено, что эпизод прощания Аудуна со Свейном вообще мог послужить моделью для одной из сцен саги. Подобно исландцу, отвергнувшему предложение датского конунга и сообщившему ему о своем намерении вернуться в Исландию ("Guð þakki þú herra sóma þann allan er þér viljið til mín leggja en hið er mér í skapi að fara út til Íslands", *Auðun. þ., 2085*), Рэв отказывается от гостеприимства короля Эллы, говоря, что возвращается назад к своему воспитателю, ярлу Нери ("Hafið þökk, herra, fyrir það uðvarr, en aftur ætla ek mér til Nera jarls, fóstara míns", *Gautr. s., 41*). И Свейн, и Элла не препятствуют отъезду своего гостя, но просят его ненадолго задержаться, намереваясь снарядить для него корабль (Элла: "Dveljast verðr þú hér um stund"; Свейн: "og ver nú með mér þar til er skip búast"); по прошествии некоторого времени оба конунга приглашают каждого из героев прогуляться с ними на пристань, где сами показывают предназначенные им ответные дары – и того и другого ждет готовый к плаванию торговый корабль с командой и товарами («ok einn dag það hann Ref ganga með sér. Konungur mælti: "Hér er eitt skip, er ek vil gefa þér með öllum þeim farmi, er þér ma bezst henta, ok mönnum svá mörgum sem þú þarft"», *Gautr. s., 41*; «Einn dag (...) gekk Sveinn konungur ofan á bryggjur (...) Þá koma þeir Auðun að einu skipi fögru og voru menn að að búa skipið. (...) Konungur mælti: "Þetta skip vil eg þér gefa og launa þjarnýrið"», *Auðun. þ., 2085*)⁴¹. Полностью совпадает и оценка щедрости этого королевского подарка (в пряди ее дает Харальд Суровый), и в том и в другом случае признаваемого возмещением, свидетельствующем о великодушии "большого человека" (Рэв: "Þetta er allstórmannliga launat", *Gautr. s., 41*; Харальд: "Það var stórmannlegt", *Auðun. þ., 2086*). Также буквальным совпадением отмечено и начало обеих историй. Чтобы преподнести свое единственное достояние избранному правителю, и Рэв, и Аудун совершают морское путешествие, причем и о том, и о другом сказано, что "когда он пристает к берегу, то [сходит с корабля и] ведет за собой зверя / вола" ("ok er hann kemr á land, leiðir hann uxann eftir sér", *Gautr. s., 37*; "Og er hann kom suður í landið (...) þá gengur hann upp af skipi og leiðir eftir sér dýrið", *Auðun. þ., 2082*).

Между тем в рассказе о Рэве-Дарителе наблюдаются параллели также и с другой занимающей нас здесь историей – с "Прядью о Хрейдаре Дураке". Обе они повествуют о простоте, малообещающем герое-запечнике, неожиданно для всех преуспевшем в жизни

вследствие своей встречи с одним из северных правителей и оказанного им покровительства. Однако если в образе Хрейдара индивидуальные черты его личности явно берут верх над типичным изображением фольклорного дурака, то Рэв, напротив, представлен как классический сказочный увальень (ср. первоначальное прозвище Рэва, *Rennisfífl* – Дурак Реннира), валяющийся в золе у кухонного очага и изгнанный из дому разгневанным отцом (зажиточным норвежским бондом Ренниром), более не желающим терпеть рядом с собой бездельника. И тем не менее, в облике этих героев, когда они впервые предстают перед своими будущими патронами, обнаруживается немало общего. Они одинаково одеты (ср. описание наряда, в котором Рэв является к ярлу Нери: “*hann var í stuttum feldi ok ökulbrókum*”, *Gautr. s.*, 37 – “он был в коротком плаще и в штанах до щиколоток”; примерно так же выглядит и Хрейдар, когда направляется к конунгу Марнусу: “*hann var í hökulbrókum og hafði feld grán yfir sér*”, *Audin. þ.*, 2167 – “на нем были штаны до щиколоток и серый плащ”), причем их внешность вызывает у окружающих смех. Однако после встречи с государем оба сразу же преобразуются так, что ни в одном из них уже не узнать прежнего неказистого увальня. Ярл велит дать Рэву “пристойную одежду” (“*Jarl bað fá honum klæði, svá skammlaust vægi*”), тот умывается и отныне выглядит “весьма доблестно” (“*Síðan þó Refr sér, ok var hann inn drengiligasti maðr*”, *Gautr. s.*, 38). Безобразный Хрейдар, еще недавно демонстрировавший конунгу свои “грязные ручищи” (*saurgar krummyr*), получив приглашение остаться при дворе, первым делом обзаводится приличной одеждой из домотканого сукна (*vaðmálasklæði*), “умывается и сразу начинает казаться совсем другим человеком” – красивее он не стал, однако “вид у него доблестный” (“*fágar sig og þykir nú þegar allur annar maðr sýnist nú maður ljótur og greitt vasklegur*”, *Hreið. þ.*, 2169). Несмотря на различие контекстов, нельзя все же не вспомнить в этой связи и вызывавший смех облик Аудуна, когда он возвратился к конунгу Свейну из своего паломничества: и здесь вступление героя в нормальную жизнь ознаменовано переодеванием и умыванием (“*lét konungur gefa honum laug og gaf honum síðan klæði*”, *Audin. þ.*, 2084).

Даже если допустить, что не все из отмеченных совпадений должны непременно свидетельствовать о непосредственных “контактах” между рассматриваемыми произведениями и некоторые частные аналогии с той же долей вероятности могут быть истолкованы как характерные для средневековой словесности традиционные “общие места”, первые все же явно превалируют над вторыми. Столь последовательное сходство рассказа о Рэве-Дарителе с “Прядью об Аудуне”, касающееся не только сюжета в целом, но и строения отдельных эпизодов и даже конкретных способов выражения невозможно объяснить иначе, чем признав, что один из этих текстов должен был выступить в качестве образца (хотя и, по всей видимости,

не единственного) при создании другого. Причем вовсе не так уж существенно, в каком именно направлении осуществлялось это влияние. Конечно, по соображениям хронологии было бы естественнее полагать, что оно исходило от рассказа об Аудуне, как принято считать, появившегося не позднее перв. четв. XIII в., в то время как создание “Саги о Гаутреке” обычно относят лишь к концу столетия⁴². Однако относительная хронология произведений анонимной литературы, конечному оформлению и фиксации которых к тому же, как правило, предшествовала более или менее длительная стадия устного бытования положенных в их основу сказаний, – заведомо не может быть надежной, как ненадежна применительно к конкретным произведениям и относительная хронология возникновения тех или иных жанровых форм. Поэтому высказанное выше и разделяемое некоторыми исследователями⁴³ мнение, что рассказ о Рэве имел своим прототипом “Прядь об Аудуне”, обречено оставаться не более, чем предположением.

Для наших целей, однако, достаточно и самого факта, что каждая из этих изложенных в соответствии со столь несхожими нарративными принципами историй на свой лад разрабатывает один и тот же сюжет, вследствие чего мы получаем редкий шанс проследить за всеми трансформациями, которые сопутствовали его переходу из одного жанра в другой. Кое-какие частные изменения подобного рода уже были отмечены выше, самые же последовательные и существенные, как оказывается, касаются изображения главного героя. Ибо при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что за видимым подобием поступков Аудуна и Рэва скрываются глубочайшие различия. Тогда как первый от начала и до конца рассказа сам принимает все важные решения, сообразуясь во всех своих действиях исключительно с собственными побуждениями и долгом, последний не обнаруживает ни самостоятельности, ни воли и действует всецело по указке своего хитроумного советчика. В самом деле, в отличие от Аудуна, которого никто и никуда не гонит – ни в Гренландию за белым медведем, ни в Данию к конунгу Свейну, ни в Рим к святому престолу, ни, наконец, в Норвегию к Харальду Суровому, Рэв на протяжении всего повествования вообще не совершает никаких “самодельных” поступков, если не считать таковым выбор ближайшего адресата, к которому он, будучи изгнан из дому, отправляется с подарком в надежде вручить ему вместе с драгоценным волом и дальнейшую заботу о собственном благополучии. Все его последующие посещения разных государей – лишь послушное осуществление неведомого ему самому плана, родившегося в мозгу его “воспитателя”. Рэв, таким образом, – типичный герой волшебной сказки, чей успех целиком и полностью зависит от того, насколько старательно и точно он будет выполнять наставления своих помощников, на руководство которых он безраздельно полагается. Даже

если у него и появляются собственные намерения (например, продать полученное от Гаутрека кольцо), он с готовностью и по первому же требованию отказывается от них, подчиняясь принятым за него решениям ярла Нери. Не таков Аудун. Этот герой ни разу и ни на шаг не отступает от того, что "задумал раньше", каких бы опасностей и лишений ни сулила ему подобная непреклонность. (Заметим в скобках, что аналогичным образом ведет себя и Хрейдар, который неизменно поступает по-своему, ни разу не уступая и не прислушиваясь ни к советам и пожеланиям своего брата Торда, ни к предостережениям королевского приближенного Эйвинда, ни даже к распоряжениям и запретам самого конунга Магнуса, если они противостоят его желаниям. Вполне показателен в этой связи следующий разговор этого героя с его покровителем: «Конунг говорит: "И ты поедешь, даже если я не позволю?" Хрейдар отвечает: "Все равно поеду". – "Не думаешь ли ты, что тебе удастся поступить со мной также, как с твоим братом Тордом? Потому что с ним тебе всегда удавалось настоять на своем". Хрейдар говорит: "Тем легче мне это удастся с вами, потому что ты умнее его". Конунг видит теперь, что его не остановишь», *ИС II*, 487.) Что бы ни делал Аудун, даже будучи вынужден подчиниться давлению обстоятельств (как в эпизоде Аки), он совершает каждый свой поступок по собственному решению. Поэтому нет оснований считать, что, отдавая Харальду полученное от Свейна золотое запястье, Аудун якобы действует по указке датского правителя, предусмотрительно снабдившего его этим драгоценным предметом, дабы исландцу было чем отплатить норвежскому государю за проявленную к нему снисходительность. Даже если предположить, что, произнося свое прощальное напутствие, король Дании действительно имел в виду вполне конкретное "знатного человека" – своего соседа-неприятеля, он, в отличие от ярла Нери, всякий раз инструктировавшего своего подопечного, и давал (да и не смог бы дать!) исландцу никаких конкретных распоряжений относительно того, как тому следует поступить. В противном случае Рэву, Аудун никому не препоручает права принимать за него какие бы то ни было решения и сам выбирает того, кому он хотел бы преподнести свой дар (ср.: "En nú hefi eg þann fundið", *Аудунс þ., 2086* – "И вот я нашел такого человека", *ИС II*, 499–500). Прощатившись, Аудун выполняет функцию предвосхищения – обычного для сагов прозы нарративного приема и, стало быть, в большей мере рассчитан на читателя рассказа, чем призван управлять поведением его героя. Аудитория получает знак, сигнализирующий о том, как будет развиваться действие в заключительной части истории, и вызванные им ожидания непременно должны быть оправданы: Аудун расстанется с драгоценным запястьем прежде, чем прибудет в Исландию.

Контраст между Аудуном и Рэвом становится еще более заметным оттого, что в центре внимания каждой из рассматриваемых историй редкое везение ее главного персонажа. Однако если герой пряди самостоятельно и по собственному почину проверяет и взвешивает свою удачу, подвергая себя ради этого опасностям и лишениям, то удача героя "лживой саги" – предмет забот его наставника (ср. обращенные к Рэву речи ярла Нери, во-первых, перед ожидаемым им столкновением его воспитанника со зловредным советником конунга Олава: "En þat sé ek trautt, hvárt þar má meira gæfa þín eða tröllskap hans, en þar mun þó verða til at hætta, hvern veg verður", *Gautr. s.*, 45 – "Но мне неизвестно, что окажется более могущественным: твоя ли удача, или его колдовская сила, однако, что бы ни случилось, ты должен рискнуть"; и во-вторых, перед военным вторжением в королевство Гаутрека: "Nú er þar komit, fóstri (...) at nú er í gáði, hvert giftumaðr þú verður", *Gautr. s.*, 47 – "Теперь настало время проверить, воспитанник, насколько ты удачливый человек"). При этом тогда как Аудун – этот идеальный герой древнеисландской литературы⁴⁵, сознательно исследуя свое везение, неизменно ведет себя безупречно и в любой ситуации остается человеком слова и долга, Рэв, доверив руководство всеми своими действиями ярлу, сам того не сознавая, совершает низкий поступок, обманом отнимая власть и дочь у своего благодетеля. Впрочем, то обстоятельство, что Рэв отплатил черной неблагодарностью именно тому государю, который щедрой рукой заложил основание его богатства, вовсе не расценивается как предательство. К поведению персонажей "саги о древних временах" неприменимы обычные моральные мерки, а потому повествование завершается прославлением героя и, по всей вероятности, не лишенным иронии замечанием в адрес конунга Гаутрека, – по словам рассказчика, правителя, знаменитого своими подвигами, великолепием и щедростью, "однако не славившегося большим умом" ("en eigi er þat sagt, at hann væri djúpvitr", *Gautr. s.*, 50).

Мы не случайно позволили себе уделить столь много внимания произведению, заведомо не принадлежащему к рассматриваемому жанру. То обстоятельство, что, как уже говорилось, и "Прядь о Хрейдаре Дураке", и "Прядь об Аудуне с Западных Фьордов" стали объектом внимания фольклористов, усматривающих в каждой из них отголоски (а то и прямую трансформацию) известных сказочных сюжетов, послужило поводом для спекуляций об отношении пряди к сказке как таковой. Если следовать Дж. Линдоу, предположение о происхождении пряди из сказки напрашивается само собой: с одной стороны, мы располагаем двумя обнаруживающими свои "интернациональные" фольклорные корни ранними образчиками этого жанра, возможно, вообще относящимися к начальному периоду исландского прозописания (можно, кроме того, назвать и еще не-

сколько рассказов, несомненно, демонстрирующих связь со сказкой, в первую очередь, "Прядь о Хрои Простаке"), с другой, что важнее, для прядей в целом, как и для сказки, характерна "негероическая", "комическая" установка — подобно сказке, прядь ориентирована на успех⁴⁶. Казалось бы, достаточно добавить к этой картине еще одну общую черту, объединяющую сказку и прядь, — принадлежности обеих к малым формам, и вопрос о генезисе прядей можно будет считать едва ли не проясненным.

Однако стоит принять предложенную гипотезу, как возникает необходимость не просто констатировать, но и объяснить тот факт, что "пряди об исландцах" в основной своей массе совсем непохожи на якобы породившие их сказки. Возможно ли, чтобы наследующий сказке жанр столь последовательно оберегал тайну своего рождения, ведь в лучшем случае намеками на нее могут служить едва угадываемые разрозненные мотивы, да и те, как показывает пример рассказов о Хрейдаре и Аудуне, предстают совершенно преображенными приданным им новым содержанием? И это при том, что другие весьма популярные в Исландии жанры — перелагаемый "рыцарскую сагу" континентальный куртуазный роман или возникающая на его основе оригинальная "романическая сага", а равно испытывающая на себе его влияние легендарная "сага о древних временах" — вовсе не скрывают своей зависимости от сказки. Почему же, в отличие от них, мы не встречаем в "прядях об исландцах" героев, подобно Рэву, добывающихся традиционной сказочной ценой — брака с королевской дочерью, как не находим в них и привычной сказочной фантастики? Да и вообще, не показательно ли, что сопоставление рассказов об Аудуне и Рэве, произведений, по сути дела, разрабатывающих один и тот же сюжет, не столько демонстрирует сходство этих двух историй, сколько выявляет существенные различия в изображении поведения их главных персонажей?

Ключом к разгадке могут послужить те немногие пряди, в которых как раз и описываются небывалые или ни с чем не сопоставимые события. Так, разумеется, не случайно, что в качестве героя "Пряди о Хрои" — единственного рассказа, в основу которого был положен заимствованный сюжет (восточная новелла из истории семи мудрецов), — выведен не исландец, а некий датский купец, и его неслыханные злоключения происходят не в Норвегии, традиционном месте действия "прядей об исландцах", но в Швеции, стране более отдаленной и расположенной за пределами знакомого пространства (а в других историях, например, в "Пряди об Эгмунде Ударе Гуннаре Пополам" находящейся и вне границ христианского мира). Как не случайно и то, что в единственной "пряди о поездках из страны", которая явно включает в себя элементы волшебной сказки, — рассказе о Торстейне Любопытном, исландце, отправившемся выполнять данное ему Харальдом Суровым трудное задание, посеща-

мая этим героем чудесная золотая роща, где он едва не сделался добычей ее свирепого стража-змея, помещается и вовсе в каких-то отдаленных и неведомых землях, а успех этого необычайного предприятия достигается благодаря содействию и покровительству святого помощника. Но кто бы иначе поверил в истинность подобных рассказов? Ведь такое нерядовое событие, как женитьба исландского бонда на дочери шведского лагмана ("Прядь о Хрои"), непременно должно было получить подтверждение и в других источниках или, по крайней мере, отразиться в генеалогиях, однако мало ли что могло произойти в далекой Упсале с каким-то выходцем из Дании! Что же до диковинных предметов и прочей невиданной экзотики, о которой сообщалось во второй из названных прядей, то рассказ о них удостоверился тем обстоятельством, что Торстейн Любопытный в точности повторил маршрут и приключение самого Харальда Сурового. Потому и это повествование, несмотря на всю его удивительность, все-таки можно было принять на веру, тем более что дело в нем происходило далеко на Востоке, да и героя, как до него будущего конунга, направлял и оберегал не кто-нибудь, а святой заступник Норвегии.

Самый факт включения "прядей об исландцах" в жизнеописание норвежских государей говорит об отношении к ним средневековой аудитории. Перед нами — не занимательные небывальщины, заведомо не претендовавшие на доверие слушателей, готовых внимать им ради "забавы", однако не сомневавшихся в их "лживости", но рассказы, действие которых разыгрывалось в историческое время в реальном пространстве и главными персонажами которых были, с одной стороны, простые исландцы (если не всем известные представители именитых семейств), подобные тем, для кого предназначались эти повествования, а с другой — конунги, правившие в Норвегии в X–XI вв. С точки зрения их "потребителей", все, что описывалось в этих рассказах, не выходило за границы правдоподобия. Их герои не совершали деяний, превосходивших человеческие возможности, не желали и не добывали себе несметных богатств и не завоевывали недостижимого для людей их звания положения и наград, а если кое-кому из них и приходилось иметь дело со сверхъестественным, то лишь в той мере, в какой оно признавалось неотъемлемой частью повседневного "опыта" человека Средневековья. Больше того: их герои покидали родной дом отнюдь не ради поисков неведомой сказочной "лучшей доли" где-нибудь "в тридевятом царстве", но обычно имея перед собой ясную цель и намерение возвратиться уважаемыми и процветающими членами исландского общества, принадлежность к которому они не утрачивали никогда. Главной целью их путешествия как раз и было подтверждение или повышение собственного статуса в глазах соплеменников, средством же для ее осуществления — и об этом парадоксе самосознания средневековых ис-

ландцев речь еще впереди — служило завоевание признания и расположения тех, кто стоял намного выше их в обществе, где, в отличие от Исландии, существовала освященная законом и обычаями социальная иерархия. Дружба норвежского государя и оказанный им почет (*göða viðing*) считались залогом последующего преуспевания у себя на родине. Понимаемый таким образом успех, равно как и обескураживавшая выше “удача”, несомненно, имели мало общего с устремлениями персонажей тех сказок, которые могли быть занесены в Скандинавию из Западной Европы. Поэтому любое влияние сказочных сюжетов на пряди об исландцах по необходимости было весьма ограниченным и могло осуществляться лишь при условии коренного переосмысления воспринятого на стороне “исходного материала”.

Своим выдвиганием герои прядей были обязаны главным образом собственным усилиям, но в еще большей степени — обнаруживаемым ими похвальным качествам и умениям, а потому их поведение на пути к успеху и в первую очередь неизменно выказываемое им стремление и способность не уронить себя перед лицом сильнейшего, вполне могли служить примером для тех, кто слушал эти истории. Разумеется, нет оснований уподоблять “впрядаемые” в саги норвежских конунгах рассказы об исландцах латинским нравоучительным *exempla*, но, тем не менее, вполне вероятно, что в назначении прядей входило давать образцы достойного поведения. Ведь несомненно, что герои-исландцы в них в большинстве своем наделены привлекательными чертами, а их поступки — в том числе даже такие тяжкие проступки, как убийства, провоцирующие конфликты с правителями, — характеризуют их как людей чести и долга, а потому обычно получают положительную оценку или, по крайней мере, оправдание в глазах общества. Кроме того, нельзя не заметить, что примирение героя с его могущественным противником, наблюдаемое в финале множества подобных историй, чаще всего достигается вследствие осознания государем правоты исландца и, соответственно, собственной несправедливости к нему, что и побуждает мудрого правителя отказаться от преследования. Старания помощников и вмешательство святых заступников, сколь ни велика бывает их роль в благополучном исходе дела, зачастую оказываются, скорее, каталлизаторами или отдельными “слагаемыми” в процессе урегулирования конфликта, но никак не единственной причиной мирного разрешения ссоры. Недаром одна из центральных тем прядей — моральная победа героя над его высокопоставленным оппонентом. Исландец, цель которого — самоутверждение, а не спасение собственной жизни, во что бы то ни стало, вовсе не безразлична нравственная цена благополучного исхода его столкновения с правителем. Ему недостойно принять прощение, удостоившись монаршей милости: он должен с честью выйти из конфликта (как Храфн и Гисл), а в случае

возможности достигнуть достойного примирения с конунгом — обогрывать конфликт, оставив за собой последнее слово (как Халльдор и Хрейдар).

Между тем “пряди об исландцах”, как мы имели уже возможность убедиться, вовсе не всегда строятся вокруг конфликта центральных персонажей: отношения героя с государем или его знатым “заместителем” не предполагают непременно “отчуждения”, вызванного виной исландца или недолжным поведением правителя. Однако по какой бы схеме ни развивались взаимоотношения главных героев пряди, исландцу непременно приходилось доказывать обоснованность своих притязаний на благосклонность и уважение короля, которые он мог рассчитывать завоевать исключительно проявлением своих “сноровок” (*ífróttir*), храбрости или других личных качеств, выгодно отличавших его от норвежцев — “людей конунга” (*konungsmenn*). Никому не известный чужестранец, он должен был продемонстрировать свое преимущество перед теми, кто становился приближенным конунга лишь в силу своей принадлежности к местной знати, а потому вполне естественно, что он часто испытывал на себе ревность, а то и нескрываемую враждебность королевского окружения. Во всяком случае, именно так представляется дело в прядях, явно склонных “оттенять” достоинства главного героя, противопоставляя его высокомерным, спесивым и не проявляющим ни особой решительности, ни отваги воинам конунга.

Принимающий различные формы антагонизм между героем-исландцем и королевскими дружинниками в той или иной мере присутствует в значительной части исследуемых здесь рассказов, однако лишь в одном из них — в “Пряди о Торстейне с Восточных Фьордов” (*“Þorsteins þáttur Austfirðings”*, № 18) — он становится главной темой повествования.

Исландец и люди короля: “Прядь о Торстейне с Восточных Фьордов”

Исландец Торстейн, человек “молодой и быстроногий”, отправляется в паломничество в Рим. Подобно Аудуну, он сперва посещает Норвегию, а затем держит путь через Данию, где в то время воюет норвежский король Магнус Добрый. Неожиданно для себя Торстейн также ввязывается в боевые действия: став свидетелем неравной схватки, он решает оказать помощь незнакомцу, в одиночку сражающемуся с четырьмя воинами. Вдвоем они быстро одолевают нападающих, причем Торстейн берется за дело так рьяно и наносит удары так часто, что убивает троих, с последним же из противников он предоставляет справиться незнакомцу. Несмотря на молодость и отвагу, тот был сильно изнурен поединком. И красота, и весь облик

этого видного мужа выдавали его благородное происхождение. Он назвался Стюрбьёрном (Styrbjörn – Боевой Медведь), одним из людей конунга Магнуса, и, поблагодарив Торстейна за оказанную ему неоценимую услугу, признал, что если бы тот вовремя не подоспел к нему на помощь, ему не на что было бы рассчитывать, так как сопровождавшие его воины (líðsmenn) разбрелись по лесу. Выяснив Торстейна, какова была цель его путешествия, Стюрбьёрн выразил опасение, что того задержала вынужденная остановка, исландец же отвечал, что с радостью сделал ее “ради конунга Магнуса или его людей”, поскольку считает этого правителя превосходным и прославленным предводителем. Напоследок Стюрбьёрн посоветовал Торстейну продолжить паломничество, однако взял с него обещание непременно посетить его на обратном пути – он никогда не покинет дружины и его всегда можно будет застать у конунга. На этом они расстались, и Торстейн пошел в Рим.

По возвращении он направляется напрямик в то место, где проживал конунг Магнус, и просит стражу пропустить его, но встречает отказ: нет обычая впускать “неизвестных” (óþinnig menn), когда за столом восседает сам государь. Тогда Торстейн просит передать Стюрбьёрну, чтобы тот вышел к нему, после чего один из стоявших у дверей стражников вбегает в палату и со смехом объявляет, что явился исландец и зовет Стюрбьёрна. Это известие вызывает большое оживление и веселье среди дружинников: все они принимают наперебой кричать и требовать, чтобы Стюрбьёрн вышел, “которого зовет исландец, ведь он не станет ошибаться в именах людей конунга, пусть даже никто из присутствующих и не знает названного человека”. Насмешкам не было конца, пока конунг не прекратил эту забаву, приказав им уgomониться и перестать потешаться именем Стюрбьёрна: сам-то он нашел в этом происшествии мало поводов для смеха (lítið gaman er þetta). Затем он поднялся со своего места, вышел и приветствовал исландца. На конунге был богатый плащ. Он велел Торстейну надеть его, сказал, что ему приготовил баню, и пригласил его погостить, заверив, что никто не посмеет его обидеть. Дружинников немало удивило подобное обхождение.

Так Торстейн остался при дворе. Он вел себя сдержанно и ничего не выдал, что узнал в Магнусе Добром незнакомца, ранее представившегося ему как Стюрбьёрн. Проходит некоторое время, прежде чем конунг сам заговаривает с ним об этом и выясняет, что исландец догадался, кем на самом деле был королевский дружинник, которому он спас жизнь. Конунг объявляет, что он получит награду за свой подвиг, после чего рассказывает всю правду об их встрече в Дании.

В следующем эпизоде пряди действие перемещается на королевский корабль. Конунг Магнус направляется на север Норвегии и делает краткую остановку в пути; на берегу была сварена каша, и люди передают друг другу котелок. Когда подошла очередь Торстейна,

он один проглотил все содержимое котелка, чем вновь вызвал смех у дружинников, которые стали говорить, что “мужлан (landi), видно, знает толк в каше”. Конунг же улыбнулся и произнес вису, в которой прославлял Торстейна – доблестного воина, в одиночку одолевшего троих врагов, и отличного едока, справившегося с кашей, которой хватило бы “на троих”, и, таким образом, еще раз доказавшего свое превосходство над другими (þá gerði hann frá). Только после этого король Магнус открывает своим людям⁴⁷, чем он обязан исландцу: “Это тот самый человек, который оказал мне великую помощь, когда никого из вас не было поблизости, и поскольку он поступил так, даже не зная, кому он помогает, он должен быть достойнейшим мужем (mun hann vera góður drengur)”. За этим следует прямое поучение дружинникам: “разумнее было бы не слишком потешаться над незнакомцем, ибо может оказаться, что нелегко сыскать человека более отважного и решительного”. Ответ Торстейна на королевские похвалы лишь подтвердил их справедливость, добавив к характеристике исландца еще одно положительное качество – скромность. В том, что он пришел на подмогу государю, не было его заслуги, ведь очевидно, что это сам Господь послал его на помощь Магнусу: по всему облику незнакомца он догадался, что тот “больше, чем простой человек” и оттого поспешил ему на выручку. Конунгу пришлось по душе слова Торстейна: помимо прочего, он нашел в них подтверждение того, что его спасение было угодно Богу.

По прошествии еще некоторого времени король Магнус спрашивает исландца, не желает ли он жениться и обосноваться в Норвегии. Тот благодарит за предложение, но все же предпочитает отправиться восвояси. Он не сомневается, что пока конунг жив, ему “нигде не преуспеть больше”, чем оставаясь при нем, однако “никто не может быть уверен в своем долголетии” (это рассуждение Торстейна свидетельствует о его прозорливости: Магнус Добрый, как было хорошо известно аудитории, и в самом деле вскоре умер), а если он утратит покровительство конунга, то наверняка приобретет завистливых недоброжелателей (öfundarmenn). Впрочем, он уверен, что государь “позаботится о том, чтобы он мог как можно дольше пользоваться его милостями”. Конунг счел, что он “говорил мудро” (“viturlega er þetta mælt”). Он снаряжает Торстейна в обратный путь, дает ему много денег, и тот поселяется в Исландии, где отныне считается “удачливейшим человеком” (ÍSP III, 2282–2284).

В отличие от большинства рассматривавшихся выше рассказов “Прядь о Торстейне с Восточных Фьордов” не входит ни в одно из собраний королевских саг и известна лишь как отдельное повествование, сохранившееся в двух бумажных списках XVII в. (AM 562i, 4to и AM 496, 4to). Уже самый факт отсутствия ее как в “Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом” в “Гнилой Коже”, так и в основанных на этой компиляции “Hulda-Hrokkinskinna”, очевидно, должен

свидетельствовать о ее сравнительно позднем происхождении (по предположению Дж. Харриса, прядь могла появиться не раньше XIV в.)⁴⁸. О том же, по всей видимости, говорит и ее явная зависимость от других повествований об исландцах, посещающих норвежских правителей, в первую очередь от "Пряди об Аудуне с Западных Фьордов". Аналогии с последней не только далеко выходят за рамки обычных сходжений, наблюдающихся в произведениях одного жанра, но и, не исчерпываясь бросающимися в глаза общими мотивами (такими, например, как паломничество главного героя и враждебный прием, оказанный ему сперва государевыми людьми и управляющим в одном случае и привратниками в другом, — а затем всеми дружинниками, или, напротив, милости, которыми его осыпает конунг), включают в себя целый ряд прямых текстуальных совпадений. Обе истории рассказывают о молодом паломнике из Исландии (и там и там при первой встрече с будущим патроном героя представляется как "исландец": "Ek em íslenzkr maðr"), чей путь "на юг" (suðr — т.е. в Рим), пролегает сперва через Норвегию, а затем через Данию, где он оказывает важную услугу конунгу, за что удостоивается его расположения и получает позволение (или совет) продолжить свое странствие при условии, что непременно посетит его по дороге назад. В обоих случаях рассказчик не находит нужным останавливаться на пребывании своего героя в святом месте и сразу же сообщает о его возвращении к государю уже следующей весной (упомянутый в "Пряди о Торстейне" пир — veizla, на котором исландец застаёт конунга, несомненно, свидетельствует и о совпадении времени прибытия каждого из героев — оба появляются при дворе Пасхальную неделю). При этом и тому и другому не сразу удается встретиться с конунгом: Аудун не может преодолеть собственную нерешительность, вызванную его жалким состоянием, Торстейн сталкивается с препятствием в лице королевской стражи, не желавшей пропускать "чужака". Однако стоит каждому из этих правителей узнать о приходе его прежнего знакомого, как оба они проявляют небывалое радушие к паломнику: спешат ему навстречу, вводят в пирушественную палату, жалуют драгоценной одеждой с собственного плеча и делают приготовления для его омовения. Тогда как конунг оказывают прищельцам милостивый прием, дружинники ведут себя негостеприимно. Они встречают обоих исландцев насмешками, так что и тому и другому государю приходится пресекать вмешательства своей высокомерной свиты. Чтобы урезонить свиту людей, оба конунга сравнивают их с посетителем (в "Пряди о Торстейне" этому отводится специальный эпизод, отделенный от сцены прибытия героя временным интервалом), причем сравнение с посетителем всякий раз оказывается не в пользу дружинников. Позднее правители предлагают каждому из героев остаться в Норвегии, им будет обеспечен почет и преуспеяние, однако и тот и дру-

предпочитают возвратиться в Исландию и отказываются от весьма привлекательной в глазах персонажей иных прядей придворной "карьер". Хотя причины, по которым оба исландца отклоняют предложенные ими от конунгов "превосходные предложения" ("ágætt bóð", *Audun. þ.* [Hulda]; "Það er bóðið ágætlega", *Forst. þ.*, 2084), различны, каждый из них проявляет себя при этом с наилучшей стороны, аргументируя свой отказ таким образом, что он не только не вызывает недовольства государя, но получает с его стороны полное понимание и одобрение ("Vel er mælt ok mannliga", *Audun. þ.*, 2085; "Vitrīga er þetta mælt", *Forst. þ.*, 2284). Затем оба конунга снаряжают исландцев в обратный путь и наделяют их богатыми подарками (в отличие от истории об Аудуне, в которой тема дарения играет ведущую роль и получает дальнейшее развитие в заключительном, норвежском эпизоде рассказа, "Прядь о Торстейне" ограничивается всего лишь лаконичным сообщением на этот счет), после чего герои прибывают к себе на родину, где впредь слышат "удачливейшими" людьми. И хотя в подобной концовке нет решительно ничего необычного, невозможно оставить без внимания то обстоятельство, что только эти две истории из всех "прядей об исландцах" вербализуют ее совершенно одинаково — "og þótti vera hinn mesti gæfumaður" (*Audun. þ.*, 2086; *Forst. þ.*, 2284)⁴⁹.

На этом аналогии между двумя рассказами заканчиваются и начинаются различия, показывающие, что "Прядь о Торстейне с Восточных Фьордов" в меньшей степени была обязана своим происхождением также и иным образцам, причем весьма далеким от "Пряди об Аудуне". Особенно отчетливо они проступают в той части повествования, которая отводится истории знакомства героя с конунгом. Кроме очевидного несходства фабул, в ней совершенно по-разному представляется роль главного героя в зарождении тех отношений, которые отныне будут связывать его с правителем, и впоследствии (по его возвращении из Рима) подвигнут конунга отличить, защитить перед своими людьми и, наконец, щедро наградить исландца. Тогда как Аудун сознательно устремляется навстречу королю Свейну, связывая все свои надежды на успех с благорасположением именно этого государя, — цель, которой он намерен добиться с помощью своего дикий дара и ради которой он рискует всем, с упорством и бесстрашием подвергая себя многочисленным опасностям и тяготам, — Торстейн помимо его желания сводит с правителем Норвегии неподвластный ему случай, который он впоследствии склонен будет объяснять вмешательством высшей воли. Сам же он как не искал и не ожидал встречи с конунгом, так, по всей видимости, и остается до поры до времени в неведении о том, что она состоялась.

Подобная "пассивная" позиция лишенного амбиций героя, в противоположность большинству исландцев — персонажей прядей

не только не стремящегося самоутвердиться и выдвинуться, но еще и смиренно недооценивающего меры "самодетельности" своего поведения в инциденте, сведшем его с правителем Норвегии, — надлежит полагать, не что иное, как следствие явно доминирующего в этом рассказе христианского начала. В самом деле: если в "Пряди об Аудуне" забота о душе — это только одна из тех целей (и притом вовсе не первая!), которые заставляют исландца оставить родные места то в "Пряди о Торстейне" паломничество к святому престолу превращается в единственную мотивацию путешествия героя. Та же тенденция сказывается и в откровенном дидактизме пряди, на словах перетолковывающей христианскую заповедь о любви к ближнему в proverbialную максиму о пользе приветливого и терпимого отношения к "чужаку", весьма похожую на иные советы Высекого, которые можно было почерпнуть из известной эддической песни (ср. "потешаться не вздумай // над путником дальним, // глумиться над гостем. // Не ведают часто // сидящие дома, // кто путник пришедший"; "над гостями не смейся, // в дверь не гони их", "Речь Высекого", строфы 132–133; 135)⁵⁰. Главное же, что эта мудрость доводится здесь до сведения нуждающихся в ней в форме столь же характерной для жанра прядей "морали". Правда, последняя все же высказывается не напрямую, "от автора", чье непосредственное вторжение в повествование шло бы вразрез с традицией, но вкладывается в уста Магнуса Доброго, напоследок поучающего своих дружинников, что им не следует насмехаться над незнакомцем, и что не ровен час откроется, что тот, на кого они взирают сверху вниз, большей мере наделен всяческими достоинствами, чем кто-либо иной (обычная для сагового стиля уклончивость: читай — чем он сам). Кроме того, помимо явно выраженного в речи конунга поучения, аудитория пряди должна была извлечь из этого рассказа еще и скрытую мораль, вытекавшую из прославления поступка Торстейна: не отказывай в помощи незнакомцу (т.е. опять-таки "чужаку"!); ибо впоследствии он может оказаться "лучшим" человеком, чем он тебе представился⁵¹.

Основная заслуга героя пряди и свидетельство его выдающихся добродетелей именно в том и состояли, что он следовал этой мудрости. Дело ведь не только в том, что Торстейн спас конунга от верной гибели. Подобной услуги правитель мог ожидать как от любого из несшего ему присягу воина, конечно, при условии, что тот исправно нес свою службу, так и вообще от каждого, кто видел для себя материальную и материальную выгоду в том, чтобы придти на выручку государю. А потому если бы Торстейн совершил свой доблестный поступок, зная, что защищает Магнуса Доброго, это событие могло бы быть представлено чем-то из ряда вон выходящим. Если бы Торстейн сражался бок о бок с королем — естественное движение человека, заботящегося о своей доброй славе. Но в том-то и

дело, что подвиг Торстейна, как он изображается в пряди, должен был быть не по плечу всем тем, кто окружал конунга!

В качестве главного средства, с помощью которого рассказчик демонстрирует безусловное торжество исландца над королевскими дружинниками, и выступает здесь универсальный мотив "король инкогнито", ко времени создания пряди уже существовавший в нескольких исландских адаптациях, способных послужить для нее образцами. Такова изложенная в одном из эпизодов "Саги о Харальде Суровом" (гл. 64, 67) в "Круге Земном" история о бонде по имени Карл, который дает приют бежавшему после поражения в морском сражении с норвежцами датскому конунгу Свейну, скрывающемуся под именем Vandræðr — Человек-в-Беде (K3, 440, 442). Помимо изложения Снорри тот же рассказ (правда, сохранившийся лишь фрагментарно) известен из "Саги о Хаконе сыне Ивара"⁵², откуда он, как принято считать, и был почерпнут автором "Круга Земного". По мнению Дж. Харриса, о том, что мотив "король инкогнито" вполне мог быть воспринят "Прядью о Торстейне" из того же источника, говорит ряд сходжений между историями о Торстейне и Стюрбьёрне, с одной стороны, и Карле и Вандраде — с другой, которые было бы невозможно объяснить в случае их независимого происхождения⁵³. В каждом из этих рассказов главных персонажей сводит битва, в которой конунг едва не погибает под натиском врагов; при этом личность терпящего бедствие государя не раскрывается ни его спасителю, ни читателю (хотя последнему и не составляет особого труда догадаться, кем был незнакомец) до очередного свидания героев уже при дворе, когда конунг прямо спрашивает своего посетителя, узнает ли он в нем человека, которому оказал помощь.

От прочих известных обработок той же темы (например, шотландской "The Taill of Rauf Coilyear", рассказа Гиральда Камбийского о Генрихе II и цистерцианском аббате или получившей широкое распространение сказки о короле и солдате и многих других) история, изложенная в "Саге о Хаконе сыне Ивара" и в "Круге Земном", отличается тем, что Карл, как он впоследствии признается, сразу же узнает в Вандраде короля Свейна. Нечто аналогичное имеет место и в "Пряди о Торстейне", герой которой утверждает, что бросился на выручку незнакомцу, поскольку догадался по его виду, что перед ним — не простой человек. Кроме того, похоже, что автор пряди, которому как раз и необходимо было показать, что его герой не ведал, кому оказал помощь (ведь способность бескорыстно поддержать незнакомца и поднимает его над королевскими дружинниками), так и не смог до конца отделаться от противоположной трактовки той же темы, которую ему предлагал рассказ о Карле и Вандраде. Напомним, что на вопрос Стюрбьёрна, не задержал ли его бой, в который он вмешался из-за него, исландец отвечает, что даже если и так, он не жалеет об этом, поскольку отклонился от цели своего путешествия.

вия "ради конунга Магнуса или его людей", — заявление, в котором вполне можно усмотреть намек на то, что он уже раскрыл инкогнито незнакомца. (Не исключено, что отзвуки рассказа о Вандра звучат и в сцене объяснения героев, по неясным причинам отделенной от сцены прибытия Торстейна ко двору неопределенным временным интервалом. Конунг "однажды" спрашивает исландца, кем по его мнению, был Стюрбьерн, и слышит в ответ: "Скорее всего это были вы, государь". Явная несвоевременность этого разговора происходящего после того, как Торстейн уже успел погостить у конунга, — еще одно свидетельство того, что автору пряди не вполне удалось совладать с темой узнавания.) Другая существенная параллель, связывающая рассказ о Торстейне с эпизодом из "Саги о Халли Челноке", — трактовка оказанной конунгу помощи как вмешательства свыше: в обеих историях главный герой выражает уверенность, что он был послан государю Богом ради его спасения; это, однако, мешает каждому из правителей заявлять, что они обязаны жизни своим случайным помощникам и что те заслуживают награды. Подобно пряди, эпизод из саги завершается морализирующей сентенцией — на этот раз о пользе дружбы ("тот, кто имеет хороших друзей, всегда найдет поддержку")⁵⁴.

При всей очевидной зависимости "Пряди о Торстейне с Восточных Фьордов" от названных образцов (можно добавить к ним "Прядь о Халли Челноке" с ее то и дело подающим голос "хорошим дружинникам или анекдотом о столкновении между Харальдом Суровым и Халли, спровоцированном неумеренным потреблением пищи, который был вполне способен повлиять на соответствующий эпизод нашей истории), кое в чем она, тем не менее, отличается от них, так и от всех прочих рассказов этого типа. Взаимоотношения исландца с государем, обычно составляющие главную тему любого такого повествования, по сути дела, оттесняются здесь на второй план противостоянием между героем и людьми конунга. Очевидно, что именно этот, в других случаях лишь вспомогательный, конфликт и занимает в первую очередь автора пряди. Дело здесь вовсе не исчерпывается тем, что дружинники не расположены к Торстейну, которого они с пренебрежением отвергают как чужака и неопределенного мужлана, представителя народа, заведомо незнакомого с обычаями благородных людей и придворным "вежеством": подобные настроения среди королевского окружения — вообще не редкость в прядях, о чем еще будет сказано ниже. Особенность "Пряди о Торстейне с Восточных Фьордов" в том, что стороны — исландцы и люди конунга — последовательно противопоставляются одна другой. Нетрудно заметить, что эта оппозиция то в явной форме, а то в подволе проводится через весь рассказ. Тогда как герой, предвидя опасность, спешит на помощь незнакомцу, дружинники, презрев законы гостеприимства, не желают даже впустить незнакомца в

Он, хотя и не связан с Магнусом Добрым клятвой верности, храбро защищает конунга от нападающих со всех сторон врагов, они же, вопреки принесенной ими присяге, оставляют своего предводителя одного в лесу. Он неизменно держится молчаливо и сдержанно, как и положено разумному и осторожному гостю, о правилах поведения которого подробно говорится в уже цитировавшихся "Речах Высокого" (ср. строфу 7: "Гость осторожный, // дом посетивший, // безмолвно внимает — // чутко слушать // и зорко смотреть // мудрый стремится"⁵⁵), они же поступают неразумно, открыто и бурно выражая ему свое пренебрежение и без стеснения потешаясь над пришельцем — поведение, способное вызвать лишь осуждение (ср. строфу 22: "Кто правом тяжел, // тот всех осуждает, // смеется над всем; // ему невдомек, // а должен бы знать, // что сам он с изъязом"⁵⁶). Он, обнаруживая выдержку и стойкость, благоразумно не отвечает на их повторяющиеся насмешки, они же бездумно упорствуют в своем вызывающем поведении, не обращая внимание даже на очевидное расположение конунга к исландцу. Он скромно преуменьшает свою роль в спасении государя, хотя тот был действительно обязан ему жизнью, они же, не имея в этой истории никаких реальных заслуг, кичатся своей принадлежностью к дружине, хотя даже не пришли на помощь своему предводителю, когда тот в них нуждался. Он прозорлив и способен трезво и мудро оценить королевское окружение, они же так ослеплены гордыней, что не в состоянии разглядеть его достоинств. Он, наконец, превосходит любого из них не только всеми описанными добродетелями, но и мощью, поскольку "стоит троих", чем бы ему ни приходилось орудовать — мечом или ложкой...

Неудивительно, что при столь настойчиво и последовательно проведенном контрасте между героем и королевскими дружинниками все симпатии мудрого и справедливого правителя безусловно и заслуженно отдаются исландцу. Тогда как в аналогичных ситуациях Аудун, дважды сообщая конунгу о своем намерении покинуть его (в первый раз ради того, чтобы отправиться в паломничество, во второй — когда он отказывается от почетного положения при дворе), явно рискует расположением своего патрона, в рассказе о Торстейне те же намерения героя с самого начала не встречают со стороны государя ничего, кроме одобрения и поддержки. Сходную трансформацию претерпевает и мотив поглощения каши, по всей видимости, навеянный, с одной стороны, присутствующей в пряди скальдической висой (очевидно, неаутентичной, однако, как полагает Харрис, сочиненной раньше, чем самый рассказ), с другой — известным эпизодом "Пряди о Халли Челноке". Если в последнем поведение героя трактуется конунгом как недостойное и унижающее звание королевского дружинника (т.е. именно так, как оно воспринимается окружением Магнуса Доброго в рассказе о Торстейне), и даже более того — провоцирует ссору между Халли и Харальдом Суровым, то

здесь оно, напротив, не только находит у государя снисходительный прием, но и дает ему повод для прославления исландца.

Противопоставление, а то и противостояние героя-чужестранца людям конунга, превращенное автором "Пряди о Торстейне с Восточных Фьордов" в центральную тему повествования, в той или иной форме присутствует в целом ряде прядей. Одним из наиболее часто повторяющихся мотивов и в них оказывается открыто вызываемое приближенными государя (но никогда не самим конунгом!) пренебрежение и неприязнь к исландцам, которых награждают в таких случаях приставшими к ним в Норвегии обидными кличками "салоед" (*mörlandi*, *mörfjandi* букв. "враг сала") или "мужлан" (*landi*). Как уже приходилось упоминать в своем месте, традиционным следствием враждебности со стороны дружинников и, в частности, такого рода поношений в конечном счете было возникновение "отчуждения" между героем и правителем. Либо людям конунга удавалось добиться изменения его отношения к исландцу (ср. "Пряди Торвальде Тасальди"), либо оскорбления провоцировали ответную реакцию со стороны героя — убийство обидчика, что, в свою очередь, становилось причиной конфликта, который и составлял главную интригу рассказа (именно так обстояло, например, дело в "Пряди о Халльдоре сыне Снорри"). Однако и независимо от того, какие сиюминутные последствия могли иметь попытки унижить исландцев — оскорбительные слова в их адрес звучат в прядях так и на поздних этапах развития действия (как в "Пряди о Торде Золотой Асы") или когда конфликт с правителем уже достиг своей кульминации (как в "Пряди о Гисле"), или, напротив, когда отчуждение между главными героями отсутствует вовсе (как в рассмотренном здесь рассказе), ни в одном из этих случаев не приводя к кровопролитию, — их обидчики в итоге всегда бывают посрамлены и непременно получают по заслугам.

Помимо "Пряди о Торстейне с Восточных Фьордов" с наибольшей отчетливостью тема столкновения исландцев с людьми конунга заявляет о себе в "Пряди о Гисле сыне Иллуги". Как и в первой из этих историй, дело здесь вовсе не сводится к единоборству героя-обидчиком, принадлежащим к окружению правителя: конфликт пряди выходит за рамки антагонизма двух индивидов и приводит к "солидарному" противостоянию сторон. После того как Гисл схвачен за убийство королевского дружинника, которому он отомстил за гибель своего отца, и в ожидании казни брошен в темницу, на его защиту поднимаются все бывшие тогда в городе исландцы — "не менее трех сотен человек", — на своей сходке принимающие решение во что бы то ни стало добиваться для него пощады, и в случае, если не удастся сохранить ему жизнь, выражающие готовность умереть вместе с ним. Исландцы считают для себя бесчестьем, если их "земляк и весьма достойный собрат (*samlandi vor og fóstbróðir*)

kilsverður) будет убит", и клянутся "не жалеть ни себя, ни своего добра" ради его спасения. Затем, избрав предводителя, которому они обязуются повиноваться во всем, что бы он ни предпринял, они переходят к решительным действиям: врываются в дом, где содержался Гисл, сбивают с него оковы и, захватив с собой пленника, отправляются с ним на тинг, где над ним должен был вершиться суд. Проявленное сторонниками Гисла дерзкое неповиновение конунгу — явление вовсе не уникальное. Напомним, что подобным же образом ведут себя порой и помощники других главных персонажей прядей, когда их подопечным угрожает казнь (как, к примеру, в рассказе об Асбьёрне Тюленебойце, где также имело место самовольное освобождение пленника). Между тем разница — и притом весьма существенная — состоит в том, что на защиту провинившегося правонарушителя во всех прочих случаях поднимаются могущественные представители норвежской знати, с чьими пожеланиями правители обычно были вынуждены считаться, а не такие же чужестранцы, как и сам герой. В результате в истории Гисла конфликту придаются черты этнической розни — в глазах приближенных короля все прибывшие в город исландцы должны испытать на себе тяжесть государственного гнева. Гисл и сопровождающая его толпа земляков еще не успели добраться до места проведения судебного собрания, а в их адрес уже начинают раздаваться угрозы: конунг и его люди не забудут того, что они натворили, а государь "не прощал и меньших оскорблений, чем убийство его дружинника этим салоедом" (*ИС II, 531*). Наибольшего накала антиисландские настроения королевского окружения достигают в открывающей суд речи одного из дружинников, который прямо призывает к показательной расправе над приезжими:

"— Я полагаю, большинству присутствующих известно, что убит наш товарищ по оружию, Гьяввальд. Приехал из Исландии человек с обвинением против него, но не стал требовать себе возмещения, как поступают другие, а взял и убил его. Нам, людям конунга, кажется, что иные считают пустяком перебить по одному всех конунговых дружинников. Может статься, со временем они так расхраблятся, что и с самим конунгом будут считаться не больше, чем с другими. То, что здесь произошло, — большой позор и заслуживает жестокой кары, и это дело не поправить, даже если за одного нашего человека убить десятерых исландцев и так наказать их за дерзость, чтобы им впредь неповадно было захватывать людей, находящихся во власти конунга" (пер. Е.А. Гуревич, *ИС II, 531–532*).

Нетрудно заметить, что эта жестокая "бухгалтерия" в крайней форме выражает все то же высокомерное и пренебрежительное отношение королевского окружения к исландцам, которое пронизывало рассказ о Торстейне: в сознании приближенного конунга жизнь дружинника стоит по меньшей мере десятка жизней взбунтовавшихся исландских "мужланов"! Поскольку же речь идет об обществе,

где цена жизни человека действительно варьировалась в зависимости от его социального веса, выражаясь в сумме полагавшегося за денежного возмещения, нельзя не обратить внимания на то, что неоднократно описываемые в прядях попытки унижить исландцев, представив их людьми второго сорта, находятся в разительном контрасте с данными правовых источников, в частности, "Законов Латинга" (XII–XIII вв.). Оказывается, что норвежские судебники, тащавшие размеры компенсаций за убийство или увечья, причиненные разным разрядам свободных людей, отвечавшие их месту в общественной иерархии, вовсе не дискриминировали исландцев, напротив, наделяли их правами, которыми не обладали не только другие прибывавшие в эту страну иноземцы, но и в большинстве своем сами норвежцы. Независимость исландцев от местных конунгов и знати давала им право претендовать на вергельд привилегированных свободных людей – хельдов (hóldr), а не рядовых бондов, ставивших большинство населения, иными словами, им предоставлялся особый и более высокий социальный статус⁵⁷. Таким образом получается, что пряди последовательно умалчивают о действительном положении исландцев в Норвегии, при случае предпочитая двигать собственные аргументы в пользу их "равноправия" с государственными подданными.

В версии истории о Гисле, сохранившейся в составе королевской саги ("Hulda-Hrokkinskinna"), умиротворение приносит ответная реакция исландского священника Йона, прозвучавшая грозным предостережением конунгу. Если государь поддастся призыву к мести, который был внушен самим дьяволом, вещавшим устами дружинника, то наверняка не избежать адского пламени.

– Уже был убит один человек, а он убеждает нас, что нужно убить еще пятерых. Я думаю, такие люди многого добьются своими дурными делами, злыми уговорами, если захотят отвратить хельдигов от справедливости, мерзостью и прочих добрых привычек и станут подстрекать и подбивать их творить жестокости и злодеяния, дабы порадовать врага рода человеческого убийством крещеных людей. А ведь мы, государь, такие же верные тебе люди, как и те, что живут в этой стране..." (ИС II, 532–533).

Суровая отповедь будущего святого епископа оказала требуемое воздействие не только на короля, убоявшегося вынести несправедливый приговор и прогневить высшего Судью, по заверениям Йона незримо присутствующего "на всяком тинге и на всякой сходке", но и на горе-оратора, который в результате нее захворал и смог оправиться от ниспосланной ему в наказание болезни только после того, как Йон прочел над ним молитвы и благословил его.

Заметим, что, увещевая конунга, Йон апеллирует не к общепринятой только христианской морали. С исландцами не следует обходиться жестоко еще и потому, что они, по словам священника, – такие

"подданные" государя, как и люди, населяющие Норвегию ("En jafnt erum vér herka konungur þínir þegar sem þeir er hér eru innanlands", ÍSP III, 2120). Налицо очевидный анахронизм: действие пряди происходит во времена правления конунга Магнуса Голоногого (1093–1103), т.е. задолго до того, как Исландия утратила независимость и подпала под власть норвежской короны. Тот же аргумент в пользу исландцев – их общность с норвежцами – провозглашает устами своего героя и рассказчик "Второй Пряди о Халльдоре сыне Снорри", причем на этот раз ни на йоту не погрешив против исторической истины. Успокаивая своего лендрманна, задетого тем, что его корабль будет передан "исландцу", Харальд Суровый не считает достаточным того объяснения, что "его [Халльдора] род в Исландии не хуже, чем твой здесь в Норвегии", и прибавляет еще одно оправдание своего решения: "и не так еще давно те, кто теперь живет в Исландии, были норвежцами" ("og eigi hefir enn allangt síðan liðið er þeir voru norrænir er nú byggja Ísland", ÍSP III, 2153; ИС II, 523).

Как и поношения исландцев, подобного рода примирительные утверждения – явные симптомы того, что герой прядей – это не столько некий имярек (Торстейн с Восточных Фьордов, Аудун с Западных Фьордов и проч.), которому довелось повстречаться с правителем Норвегии и благодаря своему поведению на чужбине завоевать успех и всеобщее уважение, но достойный представитель своего народа, Исландец⁵⁸. Неслучайно главными персонажами "прядей о поездках из страны" то и дело становятся люди без объявленных родственных связей, генеалогий и даже определенного места жительства, как упомянутые здесь Торстейн и Аудун. Между тем едва ли кто-нибудь всерьез задумывался, были это реальные лица или нет. Цель пряди – поведать не о судьбе известного человека, но о возвышении "земляка" (samlandi), "собрата" (fóstbróðir). "Саги об исландцах" по необходимости отводили столь заметное место генеалогической и топографической информации, поскольку и та, и другая представляли исключительный интерес для аудитории. Ведь саги увековечивали деяния первых поселенцев и их прямых потомков, от которых вели свой род слушатели этих сказаний. Что же до "прядей об исландцах", действие которых разыгрывалось за пределами страны, то, быть может, их рассказчики потому и не считали нужным углубляться в родословные своих героев или указывать их точные "адреса", зачастую ограничиваясь названием местности, из которой происходил тот или иной персонаж, или не сообщая и этого, что подобные "индивидуализирующие" сведения расценивались ими как малосущественные или попросту избыточные для историй, первой задачей которых состояла в прославлении соотечественников?

О том, что истинный герой этих повествований – Исландец, пряди "проговариваются" постоянно и не только в форме пренебрежительных замечаний в адрес "мужланов-салоедов". Еще не успев удо-

стовериться, что перед ним ученый человек, Харальд Суровый радуется тому, что застал в гостях у бонда "исландца": эта встреча наверняка сулит ему "развлечение", и Стуву ничего не остается, как оправдать ожидания, которые вызывает у конунга одно упоминание о его этнической принадлежности. Хрейдару же, напротив, дабы удовлетворить свое любопытство и получить возможность поближе рассмотреть Магнуса Доброго, для начала приходится заверять государя в том, что он не злоупотребит оказанным ему высочайшим доверием: этот норвежский конунг считает исландцев "большими выдумщиками" (*hugkvæmigr margir*), и кто знает, что у них на уме. Герои прядей не только воспринимаются окружающими как представители определенного народа, но и сами нередко аттестуются как выходцы из Исландии. Будучи спрошен, кто он, Аудун представляется конунгу Свейну как "исландец" и даже не упоминает свое имени (точно так же поступает и Торстейн с Восточных Фьордов). Соответственно и в устах других персонажей прядей, например, при обращении к герою, этноним "исландец" варьируется с именем собственным или может и вовсе его вытеснить.

Едва ли не самое красноречивое свидетельство в пользу сказанного дает "Прядь об исландце-сказителе" (*"Íslendinga þáttur sögufróða ozaflavlenninga í 'Gniloy Kozhe' 'Frá skemtun Íslendinga' – 'О забаве исландца'"*), герой которой вообще остается безымянным! Как следует из этого рассказа, "один исландец, молодой и проворный", являясь в одно лето к конунгу Харальду и просит его покровительства. Расспросив пришельца, "не сведущ ли он в чем-нибудь" (*"ef þú ert kunnur nokkverja fræði"*), и выяснив, что тот знает саги, конунг оставляет его у себя, но с одним условием: тот должен всегда рассказывать саги, "кто бы его ни попросил". Исландец так и делал на протяжении всей осени вплоть до самого Рождества, однако перед праздником вдруг опечалился. Конунг догадывается, в чем дело: закончились его саги. И действительно, по признанию исландца, в запасе у него оставалась только одна сага, которую он к тому же не решался рассказывать в присутствии государя, потому что сага эта – о заморских походах самого Харальда. Конунг заверяет сказителя, что это именно та сага, которую ему "всего больше хочется услышать", однако просит его рассказывать понемногу, чтобы растянуть ее на время празднования. Дружинники по-разному принимают его рассказ: одним он нравится больше, другим – меньше, причем многие считают смелостью (*djörfung*) с его стороны рассказывать такую сагу и говорят, что неизвестно, понравится ли она конунгу. На тринадцатый день Рождества, когда сага подошла к концу, Харальд, как было обещано, объявил сказителю свое мнение: сага эта "ничуть хуже, чем то, о чем в ней рассказывается" (*"hvergi verr en efni er hún"*) – что прозвучало как наивысшая похвала в устах героя саги. Предсказав исландцу "удачу" (*mun þér að gæfu verða*) и щедро наг-

див его, конунг пригласил его оставаться с ним. В заключении пряди сказано, что ее герой впоследствии весьма преуспел (*ИС II, 535–536; ÍSP III, 2179–2180*).

Этот короткий рассказ получил широкую известность не только благодаря тому, что он содержит самый подробный отчет об обстоятельствах исполнения саги из всех, донесенных до нас древнескандинавской традицией. Помимо этого он еще и приоткрывает завесу над тем, каким образом осуществлялась устная передача подобных прозаических сказаний⁵⁹. По признанию самого исландца, он потому научился так хорошо рассказывать сагу о походах конунга Харальда, что каждое лето на альтинге заучивал ее по частям у Халльдора сына Снорри, очевидца и участника событий, о которых в ней повествовалось. Но как истолковать уже отмечавшийся выше факт, что исландский сказитель даже не назван в этой пряди по имени? Такое иногда случается со второстепенными или эпизодическими персонажами (вспомним, к примеру, бонда, у которого гостил Стув), но с главными героями саг или прядей – более нигде и никогда. Высказывалось мнение, что анонимность сказителя – признак его фиктивности, и что, стало быть, описанный в пряди эпизод – не что иное, как вымысел, понадобившийся автору "Гнилой Кожы" для удостоверения подлинности той версии истории Харальда Сурового, которая была изложена им самим в саге об этом правителе⁶⁰. И в самом деле: что, как не введение в королевское жизнеописание рассказа об исполнении в присутствии конунга саги о его походах, которая получила полное одобрение и высокую оценку, т.е. своего рода "авторизацию" ее главного героя, могло бы надежнее верифицировать предложенную аудитории историю о тех же событиях, само собой разумеется, восходящую прямо к тому же источнику? Похвалив, таким образом, самого себя⁶¹ и заверив своего читателя в правдивости собственной саги, через посредство череды подобных исландцев-сказителей воспринятой им "из первых рук" – от ближайшего соратника Харальда Сурового, Халльдора сына Снорри, автор "Гнилой Кожы", так же как и наследующие ему компиляторы *"Hulda-Hrokkinskinna"*, тем не менее, воздержался от того, чтобы наделить вымышленного им героя пряди каким-либо именем. Остается лишь строить догадки, почему это произошло. Потому ли, что собственные имена, как это было в языческой древности, в сознании человека перв. пол. XIII столетия все еще были неотделимы от их конкретных носителей, не существовали в свободном, "развоплощенном" виде⁶², а значит, и не могли произвольно присваиваться вымышленным персонажам? Или же потому, что исландцу-сказителю, хранителю традиции и всего лишь посреднику, в отличие от очевидца событий рассказываемой им истории, чье имя удостоверяло правдивость излагаемых в ней фактов (*efni*), надлежало оставаться безымянным⁶³, подобно тому как в реальности оставались анонимными его "млад-

шие коллеги" — авторы записанных саг, включая и самого составителя "Гнилой Кожы"?

Между тем, каким бы из приведенных аргументов ни руководствовался в действительности этот последний, ни один из них, очевидно, уже не имел прежнего веса в глазах более позднего редактора-пряди, который не только счел необходимым наделить безымянного сказителя именем собственным (Торстейн), но и вдобавок последовательно заменил им все ранее употреблявшиеся по отношению к герою имена нарицательные (исландец). Знаменательно, что эти другие изменения в обновленную версию рассказа, соответственно получившую и новое название — "Прядь о Торстейне Сказителе" ("Forsteins ráttir sögufróða"), внес не кто иной, как редактор или автор "Пряди о Торстейне с Восточных Фьордов": оба эти повествования включены в уже упоминавшиеся выше поздние списки с утраченного рукописи (предположительно XIV в.) AM 562i, 4ю и AM 496, 4а. Этот же автор, не удовлетворившись тем, как был представлен в начале рассказа явившийся к Харальду Суровому посетитель: "ein íslenskur maður, ungur og frálegur" (*ÍSP* III, 2279) — "один исландец, молодой и проворный" (отсюда, надо полагать, происходит и вводная характеристика Торстейна с Восточных Фьордов: "ungur að aldri og frálegur" — "молодой годами и проворный", *ÍSP* III, 2282), полностью изменил введение к пряди:

"В Восточных Фьордах вырос (óx upp) человек по имени Торстейн. Он правил в Норвегию к Харальду конунгу. Он был человек обходительный (kurteis) и многознающий" (*ÍSP* III, 2299).

Так на наших глазах исландец-сказитель превращается в еще одного Торстейна⁶⁴ с Восточных Фьордов!

По мнению же составителя "Гнилой Кожы", читателю было вполне достаточно и того, что полюбившийся не только конунгу, и его дружинникам исполнитель саг (в пряди сказано, что гер "пользуется расположением дружины" — "er hann vinsæll við hina") — Исландец. Да он и не мог бы быть никем другим: "ученые люди" (fræðimenn) — сказители саг и скальды (последние с кон. X в. это всегда и только исландцы. Во всяком случае, так представляется дело в древнеисландских текстах, и за едва ли не полным отсутствием иных, независимых и беспристрастных свидетельств, нем можно судить, были ли эти столь высоко ценимые норвежскими сударями "умения" и в самом деле исключительной монополией исландцев. Впрочем, и с точки зрения редких "посторонних" источников, едва ли заинтересованных в сокрытии реального положения вещей, из всех жителей Севера наивысшего мастерства в этих искусствах добивались именно исландцы. В Прологе к "Деяниям датского Саксон Грамматик, говоря о том, откуда он черпал информацию своей книги, произносит похвальное слово исландцам:

"Не должны быть обойдены молчанием и трудолюбивые исландцы (Tylenses). Поскольку неплодородие их родной земли не позволяет им потакать собственным слабостям, они следуют верной стезею умеренности и обыкновенно посвящают все свое время изучению сведений о деяниях чужеземных народов, компенсируя бедность талантом. Ведь они почитают за истинное наслаждение познавать и увековечивать в книгах деяния всех народов, полагая, что описывать славные поступки других не менее достойно, чем совершать свои собственные. Посему я тщательно изучил их исторические компендиумы, изобилующие ссылками на очевидцев, и составил немалую часть сего труда, передавая их рассказы и не считая для себя зазорным прибегать к свидетельствам тех, кто, как мне известно, столь глубоко осведомлен о древности"⁶⁵.

Ни в одной из редакций истории об исландце-сказителе, как и в "Пряди о Торстейне с Восточных Фьордов", отношения центральных персонажей не омрачены "отчуждением", хотя герой, конечно же, рискует прогневить Харальда Сурового, исполняя перед этим конунгом его собственную сагу, о чем недвусмысленно дает понять рассказчик, когда сообщает о пересудах и сомнениях дружинников, сопровождавших его sagnaskemmtun ('развлечение сказанием'). В другом случае искусное исполнение саги в присутствии людей конунга, а затем и самого правителя Норвегии, напротив, производит благотворный переворот в судьбе ученого исландца. Стурла Тордарсон, бывший в немилости у Магнуса сына Хакона вследствие оговора врагов, вскоре после своего прибытия ко двору (в 1263 г.) на корабле, по заведенному обычаю, после трапезы по просьбе дружинников рассказывает сагу о великанше Хульд (ныне утраченную легендарную сагу) "лучше и с большим умением, чем прежде доводилось слышать ее кому-либо из тех, кто при этом присутствовал" ("betur ok fróðlígar en þökkum þeira hafði fyrt heyrð, er þar váru")⁶⁶. На следующий день, удостоившись приглашения от королевы, прослышавшей о мастерстве исландца, он повторяет эту сагу уже в присутствии королевской четы, после чего получает разрешение произнести также и сочиненные им в честь Магнуса и его отца, старого короля Хакона, хвалебные песни. Последние понравились конунгу настолько, что он не только провозгласил Стурлу "одним из величайших скальдов", но и заметил, что, на его взгляд, тот "рассказывает лучше самого Папы". Главным же следствием этого успешного исполнения стало возжеланное примирение — исландец получил наконец возможность объясниться с конунгом, в результате чего была восстановлена справедливость и посрамлены клеветники. Отныне от былой неприязни к нему не осталось и следа: сперва королева заявила, что считает Стурлу "достойнейшим из людей" ("inn beztu drengur"), а очень скоро он сделался "сердечным другом" ("kom Sturla í ína mestu kærleika við konunginn") и советником государя и даже получил от него "в высшей степени ответственное задание" — составить сагу о его вскоре почившем отце.

Таким образом, подобно его многочисленным соотечественникам, в разное время появлявшимся при норвежском дворе, и среди них безымянному сказителю саг, некогда изложившему Харальду Суровому его собственную историю, Стурла Тордарсон – поэт, писатель, ученый “грамматист” (автор поэтики, в основу которой был положен перевод “*Arts major*” Доната), ставший последним исландским скальдом, сочинявшим хвалебные песни в честь правителей Норвегии, своим примирением с государем и последующей блестящей карьерой был обязан мастерскому устному исполнению стихов и прозы, иными словами, единственно собственным выдающимся талантам рассказчика и скальда, выгодно отличавшим его от всех кто окружал короля. А потому нет ничего удивительного в том, что “Прядь о Стурле”, виднейшем представителе влиятельного рода Стурлунгов, семейства, сыгравшего одну из ключевых ролей в истории Исландии на закате “эпохи народовластия”, описывая взаимоотношения главного героя с норвежским государем, в основных чертах повторяет уже знакомые нам модели, используемые в “прядях” поездках из страны”⁶⁷. В истории прославленного исландца как в зеркале отражаются рассказы о его безвестных земляках, сумевших возвыситься благодаря своему интеллектуальному или моральному превосходству над людьми конунга.

Как и всегда в подобных случаях, продемонстрированное ученым исландцем искусство сказителя саг и скальда расценивается его слушателями в качестве несомненного свидетельства того, что перед ними “достойнейший человек”. Не будет преувеличением сказать, что именно к созданию такого мнения о своем герое и о своем народе стремились рассказчики “прядей о поездках из страны”. Да не только прядей. В эпилоге к одной из редакций “Книги о заселении страны” (“*Landnámabók: Þórðarþók*”), рассказывающей о предках и потомках всех первых поселенцев, от которых ведут свой род жители Исландии, содержится следующее объяснение причины, по которой был предпринят этот труд:

“Многие говорят, что ненужное это знание (*óskyldr fróðleikr*) – писать о заселении страны. Мы же считаем, что скорее сумеем дать ответ иноземцам (*útlendum mönnum*), когда они обвиняют нас в том, что мы якобы произошли от рабов или преступников, если будем точно знать наше истинное происхождение (*at vér séim komnir af þrælum eða illmennum, ef vér vitum víst vórar kynferðir sannar*)...”⁶⁸

Далее автор говорит о желании “просвещенных народов” (*vitrir þjóðir*) знать о том, как начиналось заселение их стран, а любого человека в отдельности – его собственную родословную. Предполагается, что приведенный пассаж может быть датирован нач. XIII столетия⁶⁹ и что он был написан в русле средневековых представлений об amor, или caritas patriae⁷⁰, которыми руководствовался, например,

предпринимая свой труд, и Саксон Грамматик. Не углубляясь в вопрос о возможных латинских источниках этого эпилога, заметим, что его цель (как отчасти и задача предпосланной ему книги) в главном совпадает с устремлениями рассказчиков прядей – представить исландцев “просвещенным народом”, ведущим свое происхождение от благородных и уважаемых людей, а потому способным и полным решимости в случае необходимости доказывать это высокомерным норвежцам (“иноземцам”), отстаивая перед ними свое достоинство.

Женщины в “прядях об исландцах”. “Прядь об Иваре сыне Ингимунда”

Поскольку стержень “саг об исландцах” – распря и порождаемая ею кровная вражда, ведущие роли в них, естественно, принадлежат мужчинам. Соответственно, только герой и может претендовать на “собственную” сагу. Между тем описываемые в сагах конфликты всегда возникают как реакция на ущерб, нанесенный достоинству героя, либо непосредственно, либо через его родичей и домочадцев. “Честь” в древнескандинавском обществе – категория одновременно и глубоко личная (от нее напрямую зависит внутренняя цельность, эмоциональное равновесие и самоуважение каждого индивида), и в то же время распространяемая на его близких, которые разделяют с ним ответственность за ее защиту от чьих-либо посягательств, а равным образом и всю тяжесть ее возможной утраты.

Женщины не остаются в стороне от конфликтов мужчин и несут свою часть ответственности за сохранение или восстановление уязвленной чести ничуть не меньше представителей сильного пола, что вполне объяснимо: замужняя женщина и ее супруг выступают как “солидарные носители чести”⁷¹, и статус жены напрямую зависит от статуса мужа. Соответственно, его бесчестье неминуемо становится и ее бесчестьем⁷², а это побуждает женщину активно вмешиваться в дела того, от кого зависит ее общественное положение и безопасность. Женщина несамостоятельна в правовом отношении и не имеет возможности защитить свои интересы иначе, чем через отвечающего за нее и ответственного перед ней мужчину, и не она должна мстить, если ей была нанесена обида⁷³. Древнескандинавские обычаи и законы последовательно разграничивают сферы деятельности и ответственности полов, регламентируя их социальное поведение. Тогда как обязанность мужчины состоит в том, чтобы силой оружия и права отстаивать честь своей семьи “извне”, долг женщины, жены и матери, – охранять ее “изнутри”, в случае необходимости побуждая своего мужа и сыновей к решительным действиям.

Надо полагать, что именно представление о человеческом достоинстве и чести как наивысших ценностях, определяющих поло-

жение индивида в коллективе, а также продиктованная этим забота о своем "добром имени", вне зависимости от пола возлагаемая на каждого свободного члена общества, и должны были (в гораздо большей степени, чем так называемое "эдическое наследие") стать предпосылкой той поистине выдающейся роли, которую саги отводят женщине. Этим же в значительной мере был обусловлен и традиционный круг специфически женских функций, наблюдаемый в "сагах об исландцах", а также доминирующий в этом жанре образ героини, весьма далекий от женских персонажей средневековой континентальной словесности.

Как и в других жанрах древнескандинавской литературы, в сагах почти нет покорных или пассивных женщин, выступающих скорее в роли объекта, нежели равноправного субъекта действия. Таковы, как правило, еще не успевшие освободиться от опеки своих отцов, потому обладающие весьма ограниченной личной свободой девушки, по-видимому, по этой причине редко привлекающие к себе внимание рассказчиков саг (ср. показательную характеристику, данную им в перечне поэтических наименований женщины в "Младшей Эдде": "feima [букв. 'скромница'] зовется застенчивая, таковы молодые девушки или робкие женщины"⁷⁴). Впрочем, и среди них встречаются исключения, главные из которых — возлюбленные двух скальдов, Хельга Красавица в "Саге о Гуннлауге Змеином Языке" и Стейнгерд в "Саге о Кормаке". Несмотря на то, что сюжетом "саг скальдов" этим героиням была уготована преимущественно "пассивная" роль объектов страсти и ревности враждующих из-за них соперников, обе они, тем не менее, и в девичестве не лишены собственной воли, решительности и самостоятельности в поступках, разумеется, в той мере, в какой последняя допускалась в древнескандинавском обществе. Однако в большинстве своем женские персонажи "семейных саг" — это замужние женщины.

Ни к одной из них не применима вторая часть определения "скромниц", даваемого скальдической поэтикой. Саги не знают "робких" (óðjarf) героинь; даже миролюбивые женщины, пытающиеся положить конец кровопролитию и развести конфликтующие стороны (подобно Ауд из "Саги о людях с Песчаного Берега"), встречаются в них чрезвычайно редко. Из обычно выделяемых древнескандинавской литературе в целом четырех главных женских "ролей" — воительницы, мстительницы, подстрекательницы и колдуньи⁷⁵ — в "сагах об исландцах" представлены последние две⁷⁶. Тогда как провидицы и колдуньи маргинальны и по большей части рисуются в отрицательном свете (саги обретали окончательную форму уже в христианскую эпоху), функцию подстрекательниц обыкновенно выполняют спутницы главных персонажей саг, зачастую играющие роковую роль в судьбе своих мужей или сыновей. Типичная героиня "семейной саги" — решительная, стойкая, сильная духом

женщина, требующая от мужчины неукоснительного соблюдения долга и постоянной заботы о собственной репутации. В отличие от героинь-мужчин, нередко выжидающих и не торопящихся с мстью или вообще пытающихся избежать открытых проявлений враждебности по отношению к своим противникам, эти "самоназначенные хранительницы чести"⁷⁷, как правило, не готовы идти ни на какие компромиссы и менее всего склонны к терпению или осторожности. Понятие чести для них равнозначно бесстрашию и безоглядному героизму, к которому они призывают своих подчас не столь нетерпеливых мужей, уязвляя их самолюбие не всегда показным презрением и традиционными поношениями (хотя стандартная тема и тех и других — немужественность, в отличие от под 'хулы', тяжких оскорблений, адресуемых лишь чужим, frúja, hvöt 'подстрекательства' всегда обращались к близким, причем с единственным намерением — побудить их к действию). О том, что основная женская обязанность в "семейных сагах" состояла в осуществлении нравственного контроля — контроля посредством стыда — над исполнением мужчинами долга мести, говорит простая статистика: известно более полусотни эпизодов, в которых женщины выступают в роли подстрекательниц, напоминающих представителям сильного пола о необходимости поступать, "как пристало мужчине"⁷⁸. До сих пор не существует единого мнения, была ли эта главная женская роль всего лишь литературной условностью⁷⁹ или она в действительности выпадала на долю представительниц слабого пола вследствие общественного "разделения труда". Ведь только таким образом женщина обретала свой голос и фактическую возможность принимать участие в решении насущных для ее семьи и всего социума вопросов, проявляя себя в сфере, в которой она признавалась недееспособной de jure⁸⁰. Однако какая бы реальность ни стояла за женскими образами "саг об исландцах", очевидно, что вместе с функцией хранительницы семейной чести женщина получала важную, а главное — гарантированную ей сюжетную роль, позволявшую ей участвовать в зарождении и разворачивании тех конфликтов, о которых повествовали эти истории.

Существенно иную картину находим мы в "прядях об исландцах", где женщинам принадлежит гораздо более скромное место. Примерно в трети наших историй они отсутствуют вовсе (ср. рассказы о Хрейдаре, Бранде, Стуве, Торстейне с Восточных Фьордов, исландце-сказителе и т.д.); в целом ряде других дело ограничивается лишь упоминанием тех или иных женских персонажей, однако зачастую они не играют решительно никакой роли в действии. К примеру, в начале "Пряди об Эгиле сыне Халля с Побережья" сообщается, что главный герой прибыл из Исландии к конунгу Олаву с женой и восьмилетней дочерью Торгерд, увидев которую, этот государь предсказал, что ей "не будет недоставать удачи", и, как впоследствии выяснилось, не ошибся: она стала матерью епископа Йона Свя-

того. Иной мотивации для представления женской половины семейства Эгиля в пряди нет, и в дальнейшем о его жене и дочери не говорится ни слова. В "Пряди о Гисле сыне Иллуги" на разных этапах развития действия упоминаются две женщины, однако и здесь введение их в рассказ мало влияет на происходящее. Описывая, при каких обстоятельствах героем было совершено убийство, повлекшее за собой его заточение и судебное разбирательство, внимательный читатель деталей рассказчик, очевидно, задается целью объяснить, как случилось, что Гьяввальд (объект мщения Гисла, которого ему до этого не удавалось настигнуть) отстал от королевской свиты и, оставшись один на улице, подвергся нападению исландца. Оказывает его окликнула женщина с ребенком на руках — его жена Хельга, однако в момент убийства ее уже не было рядом с мужем, и ни сам автор, ни его герои больше к ней не возвращаются. Другая женщина, сторожиха, присматривавшая за пленником, когда он сидел под замком, и предупредившая Гисла о приближении толпы его соотечественников, принятых ею за людей конунга, — появилась в пряди только целю по недоразумению. Обращение к женщине (svartí, букв. 'темная') в висе, которую произнес Гисл, находясь в темнице, — условный скальдический прием, вовсе не предполагавший реально адресата⁸¹, было истолковано автором рассказа буквально и привнесло им за указание на присутствие собеседницы, что и повлекло за собой введение в повествование еще одного женского персонажа.

Перечень подобных случайных упоминаний женщин в рассматриваемых здесь историях можно было бы продолжить⁸², однако они являются главным свидетельством того, насколько менее весомую роль по сравнению с сагами играли в прядях представительницы прекрасного пола. Куда более показательны в этом отношении немногие рассказы, в которых женщины, напротив, принимают реальное участие в действии.

Пожалуй, наибольшего внимания среди них заслуживает "Прядь о Храфне сыне Гудрун", в силу особенностей своего строения — и помним, что вводная часть этой истории представляет собой "семейную сагу" в миниатюре⁸³ — позволяющая, не выходя за пределы одного произведения, наблюдать, как по мере перетекания повествования из саги в прядь женщина из центральной героини рассказа превращается в его периферийного персонажа. Гудрун — не равноправная и постоянная участница действия в исландской "истории" ее сына Храфна, неслучайно именуемого не по отцу (так он и появился на свет до гибели своего родителя), а по матери: перед нами типичная героиня саги, обладающая недюжинным умом, независимым характером и непреклонной волей. Она заранее видит, чем грозит обернуться сделка с хитрым и ненадежным соседом, и не советует своему мужу иметь с ним дело, однако тот не слушивается к предостережениям жены и становится жертвой

своей беспечности. Овдовев и оставшись без защиты с малолетним сыном, она, тем не менее, решительно отвергает домогательства своего обидчика Торгрима, предложившего ей взамен утраченного по его вине мужа свое покровительство и пообещавшего, что она ни в чем не будет нуждаться, если позволит ему впредь заботиться о себе. Гордый ответ Гудрун ("Похоже, что каждый из нас останется при своем. Даже если бы ты не был женат, я не настолько тороплюсь выходить замуж, чтобы пойти за убийцу моего мужа", ИС II, 466) соответствует ее вводной характеристике, где она была названа "умной и достойной" женщиной ("skýr og sköruglynd"). Неменьшую самостоятельность и стойкость проявляет она и впоследствии, когда возмужавший Храфн наносит ожидаемый от него ответный удар, из мести убивая сына Торгрима. И на этот раз последний был вынужден отступить перед этой сильной и независимой женщиной:

— Она вышла с ним [Храфном] во двор и отвела его в амбар. Там был большой подпол и в нем припасы и все необходимое. Он спустился туда и ни в чем не нуждался.

На следующее утро туда явился Торgrim и с ним двенадцать человек. А Гудрун за ночь собрала людей с ближайших дворов, так что у нее было больше народу, чем у Торгрима. Торgrim сказал:

— Мы ищем Храфна, твоего сына. Выдай нам его.

Гудрун отвечает:

— Неудивительно, что ты ищешь убийцу твоего сына, однако его здесь нет. Неужто ты считаешь, что у меня хватило бы силы или дерзости прятать его здесь, у тебя под самым носом!

Он отвечает:

— Я думаю, будь он здесь, ты не стала бы говорить об этом всем и каждому, а потому мы хотим обыскать твой двор.

Она отвечает:

— Меня еще никто не ставил на одну доску с ворами, и тебе не удастся учинить обыск, покуда народу у тебя меньше, чем у меня.

Тут она велит выйти своим людям. Торgrim сказал:

— Что ж, беззащитной тебя не назовешь.

Он ушел, так ничего и не добившись" (пер. Е.А. Гуревич, ИС II, 468).

Даже когда Торgrim добивается объявления Храфна вне закона, Гудрун в очередной раз удается одержать верх над своим более сильным противником, уверенным, что отныне ничто не сможет помешать ему расправиться с убийцей его отпрыска. Приведя сына к отбывающим воссояси норвежским купцам, она убеждает их нарушить ранее данное ими Торгриму обещание и увезти Храфна из страны. В итоге в основном благодаря воле и настойчивости матери, предпринимающей все возможное ради спасения сына, подоспевший было к отплытию Торgrim вновь принужден удалиться ни с чем.

Гудрун, таким образом, принимает самое деятельное участие во всех событиях, предшествующих отъезду Храфна из Исландии, зачастую играя в них более весомую роль, чем он сам. По прибытии

в Норвегию судьба опять сводит героя с женщиной, на этот раз ставящейся косвенной виновницей его новых бед. Взаимная симпатия между Храфном и дочерью королевского управляющего Кетиля, в доме которого он поселился, находит одобрение у матери девушки, однако приводит в раздражение хозяина дома, чья враждебность и недостойное поведение в конце концов вынуждают исландца убить своего притеснителя. Тем не менее, и после совершенного им преступления обе женщины не отворачиваются от героя, справедливо считая его невиновным в постигшем их несчастье. Они снабжают его всем необходимым, чтобы он мог скрыться, одна вплоть до окончательного решения его участи конунгом Магнусом после которого этот государь в награду за него дочь Кетиля Хельгу, ни одна и женщины даже не упоминается. Таким образом, они полностью "выпадают" из центральной части рассказа, повествующей о развитии конфликта между Храфном и конунгом, а также о том, как потрясшему было надежду исландцу в конце концов все же удалось примириться с правителем Норвегии. Впрочем, и на стадии зарождения "отчуждения", при описании событий, приведших к убийству королевского управляющего, женской половине семейства Кетиль уделяется сравнительно немного места, а на фоне яркого образа героини "предварительной" саги Хельги и ее мать и вовсе теряются. О том, что обе женщины очень мало занимали рассказчика пряди можно судить хотя бы по тому, что в отличие от прочих персонажей этого произведения, каждый из которых наделен в нем собственным голосом, матери и дочери отводится довольно незавидная роль: они "хором" произносят всего лишь одну краткую реплику, пытаясь защитить Храфна от несправедливых нападков своего зятя и отца, при этом даже не участвуя ни в одной из разыгрываемых в пряди сцен. Да и в заключении героиня первой части рассказа, Гудрун, оттесняет свою будущую невестку на второй план: автор пряди считает необходимым сообщить, что после примирения с конунгом, отложив женитьбу на Хельге, Храфн отправляется в Исландию, где добывается нового, на этот раз благоприятного решения своего дела, после чего вместе с матерью отбывает назад в Норвегию.

Сколь ни ограничена роль женщин в норвежской части истории Храфна, она, тем не менее, вполне показательна. В противоположность героине-подстрекательнице "семейной саги", своими неприятными речами побуждающей близкого ей мужчину отомстить обидчику, женщина в пряди обычно старается удержать своего мужа (или отца) от жестких действий, добиваясь умиротворения. трудно заметить, что столь радикальная перемена функции обусловлена не "культурным сдвигом", но переходом героини в лагерь противника: женщина в пряди, как правило, поддерживает не своего

зятя, но принимает сторону его антагониста — провинившегося перед ним чужестранца.

О том, что ситуация, когда герой-исландец находит в женщине помощницу — вовсе не особенность данного рассказа, свидетельствуют и другие истории. В "Первой Пряди о Халльдоре сыне Снорри" Бергльот после совершенного Халльдором убийства ее свояка не просто поддерживает исландца, но созывает вооруженных людей и приводит их на тинг, где решается его судьба, намереваясь выступить против своего мужа, Эйнара Брюхотряса, в случае если Халльдор будет осужден. Смелое и независимое поведение этой властной женщины, характером напоминающей героиню "семейных саг", не в последнюю очередь продиктовано ее знатным происхождением: Бергльот — дочь бывшего правителя Норвегии, ярла Хакона из Хладрида, и не в ее правилах подчиняться кому бы то ни было. И тем не менее, как бы далеко ни зашла эта высокопоставленная женщина, преисполнившись готовности противостоять собственному мужу ради спасения Халльдора, ее поступок не оказывает ровно никакого влияния на благополучный исход дела, и ее помощь герою так и остается невостребованной. Ведь Бергльот со своей воинственной свитой является на суд уже после того, как было достигнуто примирение, решающую роль в котором сыграло не содействие земных помощников, но чудесное вмешательство святого. Примечательно, что, как и в "Пряди о Храфне сыне Гудрун", женщине в этом рассказе вообще не находится места в центральной части повествования. И здесь ее присутствие ограничено лишь стадией инициации конфликта и "эпилогом", главное же нарративное пространство пряди безраздельно оккупировано представителями сильного пола. Сходную картину находим мы и в "Пряди о Стейне сыне Скафти", где Рагнхильд, дочь Эрлинга сына Скьяльга, решившись во что бы то ни стало остаться верной данному ею Стейну обещанию поддержать его в случае нужды, угрожая собственным отъездом, вынуждает своего мужа Торберга сына Арни приютить у себя преступившего закон исландца. Объяснив мятежное поведение своей жены ее сходством с родичами (Эрлинг был самым могущественным из всех лендрманнов в Норвегии и не желал подчиняться даже самому конунгу), Торберг поступает, как она требует, позволяя "верховодить" женщине (КЗ, 294), а затем принимает и все неизбежные последствия этого шага. Рагнхильд, таким образом, становится инициатором его ссоры с королем Олавом, однако в дальнейшем, на стадии разрешения конфликта, ее участие в действии ограничивается лишь тем, что она посылает гонцов к своему отцу Эрлингу с просьбой прислать на подмогу людей, после чего окончательно выходит из повествования. Главное место в нем отныне принадлежит ее мужу Торбергу и его братьям, чьей поддержки первому приходится добиваться уже упоминавшимся ранее испытанным "женским" оружием —

подстрекательством. В конце концов усилиями посредников между Торбергом и конунгом был восстановлен мир, а Стейн получил помилование, однако, как и в прядях о Храфне и Халльдоре, хотя женщине и была доверена роль помощницы исландца, на деле она оказалась отстраненной от реального участия в урегулировании конфликта. И это неудивительно: поскольку функциями помощника главного героя второстепенные персонажи прядей наделяются безотносительно к их полу, женщина "по условию" обречена проигрывать мужчине, в отличие от нее имеющему возможность непосредственно влиять на ситуацию.

Впрочем, имеется и другая категория высокопоставленных женщин, чье присутствие на сцене не ограничивается стадией возникновения "отчуждения" между центральными участниками действия. Эти женщины — королевы. Обычно и они симпатизируют главному герою или, по крайней мере, стремятся разрешить дело миром, как жена Харальда Сурового, уговаривающая своего супруга отдать ворвавшегося в их опочивальню Халльдору принадлежащее ей золотое запястье ("Вторая Прядь о Халльдоре сыне Снорри"). Однако в отличие от жен лендрманнын жен конунгов ведут себя более сдержанно и, даже недвусмысленно выказывая расположение к герою, никогда не выступают против своих облеченных властью мужей. Так, в "Пряди о Стурле" королева, приглашая к себе ученого исландца исполнить сагу, ранее имевшую большой успех у дружинников, намеренно выслушивает ее в присутствии своего хранящего холодное молчание супруга, пытаясь таким образом растопить лед в отношениях между Магнусом Хаконарсоном и исландским скальдом, что ей вполне удается. В "Пряди об Оттаре Черном" поведение королевы менее осмотрительно. Благоклонность Астрид, решившейся наградить скальда за произнесенную в ее честь хвалебную песнь, вызывает недовольство ее мужа Олава Харальдссона, который упрекает ее за то, что она "не может удержаться, чтобы не выказать своей дружбы Оттару" (*ISp III, 2202*) и запрещает ей впредь поддерживать с ним добрые отношения, что не встречает с ее стороны никаких возражений. Как бы ни истолковывать жест королевы, покотившей к ногам скальда золотое кольцо⁸⁴, раздражение и ревность Олава были вызваны не только приемом, который имела у его жены исполненная в ее честь поэма, а и новым напоминанием об этом неподобающем произведении: как уже было сказано ранее, Оттару вменялось в вину то, что еще до мужества Астрид он осмелился сложить о ней драпу мансёнга (любовную песнь), которая даже в "отредактированном" и, очевидно, совершенно утратившем первоначальную дерзость виде заставляла конунга меняться в лице от гнева. На счастье скальда, его примирение с Олавом, достигнутое благодаря произнесенному им вслед панегириком Астрид "выкупу головы" (хвалебной песни в честь

роля), произошло еще до неосторожного вмешательства королевы, надо думать, только поэтому не оказавшего пагубного воздействия на его судьбу.

Если Астрид, сама того не желая, чуть было сызнова не навлекает на Оттара Черного гнев своего мужа, то жена Харальда Сурового Тора, напротив, прикладывает все усилия к тому, чтобы поссорить этого правителя с любезным его сердцу скальдом. В последнем норвежском эпизоде "Пряди о Халли Челноке" (гл. 10) конунг и его жена явно меняются ролями. Тора выговаривает своему супругу за то, что он "поощряет Халли за сквернословие" неподобающими простолоудину подарками и оставляет без должной награды тех, кто служит ему верой и правдой. Харальд же выгораживает исландца, заявляя, что не видит нужды истолковывать дурно речи Халли, если их можно понимать двояко. Решительный характер Торы (возможно, унаследованный ею от матери — Тора была дочерью Рагнхильд, и это за помощь при ее крестинах Стейну была обещана дружба и поддержка этой непреклонной женщины) не спасает ее от поражения. Как и положено в анекдоте, попытка королевы поставить Халли на место оборачивается против нее самой. Чтобы доказать жене, насколько неоднозначными могут быть остроты Халли, Харальд велит своему скальду сказать нечто двусмысленное (*tvítræðisorð*) о самой королеве, а он "посмотрит, как она это примет". Повинуясь конунгу, Халли, отвесив поклон Торе, произносит непристойные стихи, прославляющие ее как самую подходящую Харальду наложницу. Реакция разгневанной королевы последовала сразу же: она приказала схватить и убить наглеца, однако король запретил своим людям даже приближаться к Халли. По словам Харальда, жена его либо считает, что другой женщине "больше пристало делить с ним ложе и быть его королевой", либо неспособна понять, когда ее восхваляют (*ISp III, 2231*).

При всех отличиях анекдота о Халли от обсуждавшихся ранее историй герой здесь также имеет дело с супругами, защищающими его друг от друга. Супружество же самого главного персонажа пряди — тема, как правило, остающаяся за рамками этих рассказов. Как уже отмечалось, иногда в них встречаются односложные упоминания об оставленных в Исландии женах, однако последние не принимают решительно никакого участия в действии. Что же до молодых исландцев, отправлявшихся за море ради подтверждения или повышения собственного социального статуса, то в их цели никогда не входили поиски подходящей невесты. Если иному из них (как Храфну) и случалось вступить в брак в чужой стране, то вовсе не потому, что он стремился к женитьбе или добивался своей избранницы. В то время как брак и отношения между супругами — одна из непеременимых тем "семейных саг", она оказывается в лучшем случае периферийной, чаще же вообще избыточной для "прядей о поездках из

страны". В заключении таких историй, сообщая о достойном поведении и всеобщем признании, обычно ожидавших героя после его возвращения домой, рассказчик может прибавить и что-нибудь о похождениях протагониста, например, что "многие ведут от него свой род" ("Прядь о Хрейдаре", *ИС II*, 493), или, как в рассказе об Аудуне, очевидно, ради придания достоверности изложенной истории даже назвать по имени кого-нибудь из его младших родичей (ср. "От этого Аудуна произошел Торстейн, сын Гюды"⁸⁵, *ИС II*, 500), при этом, однако, ни словом не обмолвившись о сделанной героем партии. Дело обстоит иначе лишь в двух прядях, рассказывающих о женитьбе героев по прибытии в Исландию – в "Пряди о Торлейве Ярлову Скальде" и в "Пряди о епископе Ислейве". Объяснить эти исключения не представляет труда: и та и другая прядь не ограничивается изложением "заморского эпизода", иначе говоря, рассказа о взаимоотношениях главного персонажа с правителем Норвегии, но доводит его историю до конца, сообщая также и о событиях, которые имели место после его приезда в родные края. Причем если в "Пряди о Торлейве" автору достаточно лаконичной констатации самого факта, что герой женился на весьма достойной женщине, купил землю, зажил своим домом, то в повествовании об Ислейве, которое с перемещением святого отца в Исландию совершенно утрачивает черты присущие "прядям о поездках из страны", и превращается в жизнеописание первого епископа Исландии, рассказ о его женитьбе и Далле дочери Торвальда разворачивается в отдельный, разыгрываемый по всем правилам сценического действия эпизод, занимающий центральное место во второй части истории. Сватовство бедного священника, вознамерившегося жениться, чтобы "укрепить" свое положение, поначалу встречает отказ отца девушки, советуя ему поискать себе жену в другом месте. Далла же, узнав, кто просит ее руки, заявляет, что, будь на то ее воля, она никогда не отвергнет бы такого жениха, ибо, выйдя за него, удостоилась бы чести сделаться женой "лучшего из мужей" и произвести в этом браке на свет "славнейшего из сыновей, который может родиться в Исландии". Согласившись с дочерью ("Ekki hafa þín ráð lítit mátt hér til" – "Нелюбую силу имеет твое решение"), Торвальд возвращает не успевшего далеко уехать священника и отдает за него свою дочь⁸⁶. Перед нами таким образом, еще одна решительная женщина, умеющая настоять на своем. Заметим, однако, что ее решимость выйти за Ислейва объясняется отнюдь не сердечной склонностью (жених и невеста, судя по всему, никогда и в глаза не видели друг друга!), но единственно дарованным ей свыше откровением о грядущей миссии ее супруга, которому предстояло стать епископом Исландии, а равно и ее собственном предназначении – стать матерью святого Гицура. Только и мотивирует присутствие в "Пряди об Ислейве" "матримониальная тема".

Нехарактерная для прядей в целом, эта тема, помимо уже упомянутых случаев, появляется также в двух других христианских историях, где ее трактовка неотделима от традиционного для таких рассказов мотива обращения язычников. В каждой из них герой вынужден действовать среди людей, придерживающихся "старого обычая", способствуя переходу своей будущей жены в истинную веру. В "Пряди о Торвальде Тасальди" брак с новообращенной и становится наградой за успешно выполненную миссию, возложенную на посланца и его спутника королем-христианизатором. Рядом с противником героя, язычником Бардом, находится его дочь, богатырша Тора, с которой вступает в единоборство напарник королевского посланца, после крещения отца с дочерью получающий ее в жены: сам Торвальд отказывается от предложенной ему Бардом невесты и ее богатого приданого, поскольку у него осталась жена в Исландии. В "Пряди об Эгмунде Ударе и Гуннаре Пополам" мы находим обратную ситуацию. Герой второй части рассказа, Гуннар, забывает веру, которой его научил конунг Олав Трюггвасон, и не только вступает в брак с язычницей, но и сам прикидывается идолом – божеством Фрейром и разъезжает в его образе по Швеции, собирая дань с поклоняющихся ему местных жителей! Впрочем, и здесь удивительные приключения супругов завершаются их водворением в лоно церкви.

В этом необычном произведении героине принадлежит весьма заметное место, что, однако, не мешает ей оставаться безымянной на протяжении всего действия. Что же до отведенной ей роли, то, при всем своеобразии сюжета этой пряди, она вполне традиционна. Как и в большинстве обсуждавшихся ранее рассказов, женщина здесь прежде всего выполняет функцию покровительницы героя. Бежав в Швецию из-за возведенного на него ложного обвинения в убийстве, Гуннар является в капище Фрейра и, выдавая себя за бедного странника, просит помощи и пристанища у его "жены" (как поясняет рассказчик, язычники верили, что идол, которому они поклонялись, нуждался в женском обществе, и потому поставляли ему молодых и привлекательных жен). Несмотря на недружелюбие Фрейра, воззрившегося на пришельца недобрый взглядом, женщина разрешает ему остаться на три ночи, обещая, что если божество отнесется к нему более снисходительно, ему будет дозволено пробыть там и дольше. Не скрыв от хозяйки, что он предпочел бы получить защиту у нее, а не у Фрейра, Гуннар не теряет времени даром, развлекая женщину рассказами, на которые он был большой мастер. В результате испытательный срок продлевается вновь, возрастая уже до двух недель, по истечении которых Гуннару, успевшему продемонстрировать жене Фрейра и окружающим не только умение вести занимательные беседы, но и прочие свои "превосходные качества", вопреки явному нерасположению идола даруется разрешение

остаться там на зиму. Таким образом, и здесь женщина благоволяет к герою, не считаясь с враждебным отношением к нему собственно его мужа. Взаимная ненависть Фрейра и Гуннара (последний считает обитателя капища истинным дьяволом) в конце концов выливается в их поединок во время трудного путешествия через горы, в котором Гуннар, одержав победу, изгоняет беса, скрывавшегося в деревянном истукане, после чего предлагает женщине на выбор: либо он оставляет ее одну в горах в снежную бурю и отправляется своей дорогой, либо она согласится выдавать его за Фрейра, когда они доберутся до человеческого жилья. Избрав последнее, жена Фрейра утрачивает свою прежнюю роль: из покровительницы и хозяйки, ранее отдававшей распоряжения чужестранцу, она становится добытой им в бою наградой, его наложницей (вскоре шведы, довольные посланной их божеством благоприятной погодой, которая сулит им богатый урожай, с удивлением замечают, что жена лже-Фрейра беременна), а вдобавок и соучастницей обмана, вместе со своим новым "мужем" обогащающейся за счет жертвоприношений местных богов, отныне принимаемых лишь в виде золота и драгоценных подарков. Впоследствии она бежит вместе с Гуннаром в Норвегию (тогда тогда рассказчик перестает именовать ее "женой Фрейра" и называет "женой Гуннара") и принимает крещение.

Хотя в рассказе о Гуннаре и упоминается об ожидаемом приходе де, нигде в пряди нет даже намек на романтические чувства будущих супругов, чьи отношения изначально и не предполагают взаимной склонности. Нуждающийся в пристанище герой прикладывает все старания к тому, чтобы показать себя с наилучшей стороны, надеясь на помощь хозяйки капища. Его усилия увенчиваются успехом: внимательные истории, которыми ее развлекает бедный чужестранец, а также прочие его умения и достоинства заставляют женщину заподозрить, что перед ней не нищий странник, но скорее "человек хорошего рода", — причина, побуждающая ее оказать ему покровительство. Признательность к своей благодетельнице, впрочем, мешает Гуннару, покончив со злым хозяином, пригрозить ей оставить ее замерзать одну в горах среди бушующей непогоды, если она не согласится участвовать в его дерзком замысле. Да и в дальнейшем новоиспеченных "супругов" в первую очередь связывало участие в обмане, в случае обнаружения которого им обоим грозила верная гибель, а также жажда обогащения: решившись наконец уехать в Норвегию, они не забыли прихватить с собой столько почитенного от одураченных шведов "движимого имущества, сколько они были в силах унести" (*ÍSB* III, 2343).

При всем различии описываемых ситуаций мотивы и действия Гуннара, сперва добывающегося покровительства влиятельной женщины, а впоследствии, вступив с ней в сговор, успешно умножающего как ее, так и собственное достояние, более всего напоминают

ведение уже знакомого нам героя другой пряди — Торда Золотой Асы. Кроме того, и здесь деловые отношения "компаньонов" заканчиваются их женитьбой. Подобно бесприютному страннику Гуннару, бедняк Торд "знает толк в развлечениях" и изо всех сил старается угодить Асе и войти к ней в доверие. Как и первому, ему это вполне удается: оба героя получают пристанище на все возрастающий срок, причем и о том и о другом сообщается, что чем дольше каждый из них оставался у приютившей его женщины, тем лучше к нему там относились. Между тем, если в "Пряди об Эгмунде Ударе и Гуннаре Пополам" все этически сомнительные поступки героя не подвергаются осуждению, очевидно, оправдываясь тем, что они были направлены против язычников, поведение Торда, положившего в основание своего преуспевания благосклонность богатой немолодой женщины, поначалу воспринимается окружающими с неодобрением, что отражает и данное ему прозвище, и неприязнь к нему родичей его покровительницы. Собственно, и самый конфликт — столкновение между Тордом и Ингимаром — возникает по этой же причине, а значит, по крайней мере, косвенно оказывается спровоцированным связью героя с женщиной. Только заручившись поддержкой знатных людей и заявив о себе как о храбром и достойном человеке, а затем и узаконив отношения с Асой, Торду удается добиться изменения общественного мнения на свой счет и завоевать всеобщее уважение.

Как и другие женщины — персонажи прядей, Аса играет роль помощницы героя, причем и ее присутствие на сцене ограничено этапом, предваряющим основное действие. Первая часть рассказа, собственно, и посвящена обоснованию того, что своим успехом Торд был обязан Асе. Благодаря ей неимущему исландцу удастся найти приют в чужой стране, разбогатеть, а затем, воспользовавшись ее советом, склонить на свою сторону одного из наиболее могущественных людей Норвегии, чья поддержка в дальнейшем позволяет ему выдержать осаду не менее знатного и сильного противника, могучего настолько, что он был способен нагрянуть к своему недругу с целым войском. Однако, как это обычно происходит и в других прядях, в этой центральной коллизии самой героине уже не находится места, и рассказчик возвращается к ней вновь лишь в заключении своей истории. И это при том, что к участию в конфликте Торда подводит не что иное, как надежная "стартовая позиция", приобретенная им с помощью Асы...

Хотя союз Торда и Асы, по-видимому, не исчерпывался деловым партнерством, характер их отношений в пряди не проясняется. Ничего не говорится и о привязанности, которую они, судя по всему, должны были испытывать друг к другу. Вернее, сказано лишь о том, что могли заметить окружающие, видевшие, как они "подолгу сидели и беседовали с глазу на глаз" (*"sátu þau löngum saman á einmæli"*), — общее место, весьма распространенное в сагах, где упоминания об

уединенных беседах героя с героиней неизменно свидетельствуют об их сердечной склонности (то же сообщается, к примеру, о Храфне сыне Гудрун и Хельге). Кроме того, рассказчик передает и коллокативное “умозаключение”, к которому приходили те, кто мог наблюдать эту пару: “многие поговаривали, что между ними самая чужая ни на есть близкая дружба (*hin nákvæmasta vinátta*)” (*ÍSP III, 2128*). Давно было замечено, что “саги об исландцах” умалчивают о переживаниях и эмоциях своих героев, как правило, изображая их лица “симптоматически” (термин, введенный в научный обиход Эйнар Олафом Свейнссоном), т.е. по тем внешним признакам, которые были видны постороннему глазу, оставляя аудитории истолковывать их значение. Если же персонажам и давалась возможность самим открыто заявлять о своих чувствах, то не иначе, как в поэтической форме – в произнесенных ими скальдических висах, а значит, прибегая для этого к услугам другого жанра. Пряди же по части передачи чувств их героев вообще и их романтических переживаний в частности еще более лаконичны, тем более что последние никогда не используются в них как мотив, который порождает бы конфликт, либо так или иначе способствовал продвижению действия.

“Прядь об Иваре сыне Ингимунда” (“*Ívars þáttur Ingimundarsonar*”) представляется явным исключением из общего правила, ибо описание в ней эпизода не приключилось бы вовсе, когда бы не печаль, оладевшая ее героем, исландским скальдом XII в., вследствие утраты возлюбленной. Рассказ этот столь невелик, что может быть приведен полностью.

«Из того, о чем я сейчас расскажу, можно заключить, каким прекрасным человеком был Эйстейн конунг, как много он пекся о своих друзьях и насколько настойчив был он в поисках того, что могло стать причиной печали тех, кого он любил.

Иваром сыном Ингимунда звали одного человека, который находился и Эйстейне конунге. Он был исландец и происходил из хорошего рода. Умный был человек и умелый скальд. Конунг очень ценил его и был сильно к нему привязан, как видно из того, о чем здесь рассказывается.

Брата Ивара звали Торфинн. Он также отправился к Эйстейну конунгу, был там хорошо принят из-за того, что брат его пользовался всеобщим расположением. Однако ему не понравилось, что его не считают ровней брату, и должен довольствоваться тем, что ему перепало от славы Ивара, а потому не захотел больше оставаться с конунгом и собрался назад в Исландию.

Перед тем как братья расстались, Ивар сказал Торфинну, чтобы тот не дал от него Одню дочери Йона, чтобы она дожидалась его и не выходила замуж за кого другого, потому что ни одна женщина не пришлась ему по душе больше, чем она.

После этого Торфинн отправляется в путь и благополучно прибывает в Исландию. Он решает сам посвататься к Одню и берет ее в жены. А спустя некоторое время возвращается Ивар, узнает об этом и кажется ему, что Торфинн плохо с ним обошелся. Ничто его не радует, и он опять уезжает к конунгу и живет там в большом почете, как и прежде.

Ивар стал теперь мрачен, и когда конунг заметил это, он призвал его к себе и спросил, отчего он так невесел, – “а ведь прежде, когда вы бывали с нами, ваши речи доставляли нам немалое развлечение. И я не потому допытываюсь, в чем дело, что опасаюсь, что это мы тебя чем-то обидели. Ты слишком умен, чтобы вообразить себе то, чего нет. Ответь же мне, что у тебя за работа?”

Ивар отвечает:

– Не могу я, государь, рассказать вам о том, что меня печалит.

Конунг сказал:

– Тогда я сам догадаюсь. Может быть, ты с кем-нибудь не поладил?

– Не в том дело, государь, – говорит Ивар.

Конунг сказал:

– Или ты счел, что я выказываю тебе меньше уважения, чем ты заслуживаешь?

– Не в том дело, государь, – отвечает тот.

– В таком случае, не приглянулось ли тебе здесь в стране что-нибудь такое, – говорит конунг, – что тебе непременно захотелось заполучить?

Он отвечает, что это не так.

– Час от часу не легче, – говорит конунг. – Может быть, ты желаешь, чтобы я дал тебе какое-нибудь владение?

Он и это отрицал.

– Тогда нет ли у вас в стране какой-нибудь женщины, – говорит конунг, – по которой ты сохнешь?

Тот отвечает:

– Так и есть, государь.

Конунг сказал:

– Не печалься об этом. Как наступит весна, поезжай домой. Я дам тебе денег и письмо с моей печатью для тех, кто за нее в ответе, и я не знаю никого, кто устоял бы перед нашими дружескими увещаниями или угрозами и не выдал ее за тебя.

Ивар ответил:

– Не бывать этому.

Конунг сказал:

– Напротив, так и будет, – говорит он. – И скажу тебе больше: даже если она уже отдана другому, я, если захочу, все равно добуду ее для тебя.

Ивар ответил:

– Дело обстоит еще хуже, государь. Муж этой женщины – мой брат.

Тогда конунг сказал:

– В таком случае оставим это, – говорит он. – Вот как мы поступим. После Рождества я поеду по пирам, и ты езжай со мной. Наверняка ты встретишь там немало благородных женщин, и если только они будут не королевского рода, я сосватаю тебе любую.

Ивар ответил:

– Трудность в том, государь, что всякий раз, когда я вижу красивых женщин, они напоминают мне ту, которой я лишился, и от этого горе мое только возрастает.

Конунг сказал:

– Тогда я дам тебе какое-нибудь владение, как предлагал прежде, чтобы это тебя утешило.

Тот отвечает:

– Не по душе мне это.

Конунг сказал:

— Раз так, я дам тебе денег, чтобы ты мог отправиться в торговую поездку в другие страны, куда тебе только заблагорассудится.

Тот говорит в ответ, что не хочет и этого.

Тогда конунг сказал:

— Ума не приложу, что еще тебе предложить: похоже, я уже перебрал все, что мог. Остается только одно, и это — сущая безделица по сравнению с тем, что я хотел для тебя сделать, однако никогда не известно, что больше подойдет. Приходи ко мне потолковать каждый день, как уберут столы, если только я не буду занят важными делами. Будем разговаривать с тобой об этой женщине, сколько захочешь, пока ты не придешь в себя, и я стану уделять время нашим беседам, потому что случается, что люди находят облегчение своему горю, говоря о нем. И кроме того, ты ни разу не уйдешь от меня с пустыми руками.

Ивар отвечает:

— На это я готов согласиться, государь, и спасибо за вашу настойчивость.

После этого всякий раз, когда конунг не был занят важными делами, он беседовал с Иваром об этой женщине. И вскоре это помогло, и Ивар излечился от своей печали гораздо раньше, чем можно было ожидать. Радость вернулась к нему, и стал он веселым, как прежде.

И он так и остался с Эйстейном» (пер. Е.А. Гуревич)⁸⁷.

Нетрудно заметить, что в предпосланном единственному эпизоду пряди введении излагается сюжет, весьма схожий с теми, которыми мы привыкли находить в так называемых «сагах о скальдах», где причиной конфликта неизменно служит мотив утраты невесты, отнятой у скальда соперником. Обращает на себя внимание даже имя возлюбленного Ивара — Оддио: точно так же зовется и героиня одной из этих саг — «Саги о Бьёрне Герое из Хитдала», в которой скальд становится жертвой аналогичного предательства, совершенного другим поэтом, его приятелем Тордом. И тем не менее, предыстория героя пряди имеет одну существенную особенность, отличающую ее от «саг о скальдах»: в то время как в последних подобных коллизии образовывали стержень сюжета и неизменно приводили их персонажей к трагическому концу, в «Пряди об Иваре» открытая вражда между соперниками была невозможна, поскольку конфликт двух братьев заведомо не мог быть разрешен силой. А это означает, что при таком составе персонажей мотив потери возлюбленной не имел перспективы быть реализованным в саге как таковой; однако он мог быть использован во введении «сагового типа», рассказ предвещающем действие пряди об исландце и его патроне — норвежском конунге. В результате главной темой пряди оказывается уже не «любовный треугольник» и не соперничество и столкновение антагонистов из-за женщины, но мужская дружба. История Ивара приводится в «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого» («Frá Eystein konungi ok Ívari», *Mork.* 167–168) как пример того, какую неустанную заботу и добросердечие проявлял конунг Эйстейн по отношению своим приближенным. (Необходимо отметить и еще одну особенность этой пряди: приступая к ее изложению, рассказчик не прячет

ся за обычными в исландской прозе безличными оборотами, но ведет повествование от первого лица.)

Таким образом, единственная из наших историй, где о романтическом чувстве и вызванных им переживаниях героя не просто заявляется прямо, но именно они и создают почву, на которой вырастает рассказ, разыгрывается вообще в *отсутствие женщины* и посвящена не изображению борьбы за обладание ею, но тому, как конунг помогает скальду преодолеть последствия постигшей его на этом поприще неудачи, — стараниям идеального правителя избавить уязвленного любовью дружинника от его душевного недуга. Порой даже высказываются сомнения: а правомерно ли вообще считать этот рассказ прядью?⁸⁸ Ведь истинный его герой — не исландец, вопреки обыкновенно играющий здесь всего лишь вторую роль, но сам конунг, который сперва настойчиво допытывается о причине печали Ивара, а затем не сдается, пока наконец не находит действенного способа помочь своему другу. И тем не менее, перед нами, конечно же, прядь, поскольку, как и в прочих повествованиях этого типа, на первый план в ней выходят взаимоотношения исландца с королем Норвегии, который к тому же, что также характерно именно для прядей, целиком и полностью погружен в заботы о своем подопечном. При этом весьма мало существенно, в какой мере изложенная в ней история испытала на себе влияние континентальной куртуазной литературы, откуда, как полагают, мог быть почерпнут мотив врачевания душевной скорби беседой (ср. «Роман о Розе», ст. 3099–3110)⁸⁹. Не раз используемый и в других прядях прием, «запускающий» механизм повествования, — как сказано в «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде», «тому и помогать чужой беде, кто о ней спрашивает» (замеченное конунгом подавленное состояние Ивара, понуждающее его дознаваться, чем огорчен его дружинник, и вслед за тем исправлять положение; ср. начальный эпизод из «Второй Пряди о Халльдоре сыне Снорри»), да и характер большинства вопросов и предложений Эйстейна свидетельствуют о том, что рассказ этот в целом полностью вписывался в исландскую традицию. Разумеется, конунгу «по условию» полагалось перебирать различные предположения и не сразу угадывать правильный ответ. И тем не менее, даже при учете необходимости его соответствия требованиям формы, показателен не только перечень называемых Эйстейном вероятных причин печали Ивара, но и самый их порядок. На первом месте в нем — уязвленное человеческое достоинство: то ли нуждающаяся в восстановлении задета честь («Может быть, ты с кем-нибудь не поладил?»), то ли обида на недостаток почета во время пребывания при дворе («Или ты счел, что я выказываю тебе меньше уважения, чем ты заслуживаешь?»). На втором — жажда богатства: стремление «заполучить» некое движимое или недвижимое имущество («какое-нибудь владение»). И только на последнем месте — при-

вязанность к женщине. Очевидно, что представленный королем Эстейном набор возможных "недостач", способных настроить скальда на мрачный лад, в точности отражает иерархию традиционных ценностей, которыми руководствовались в своих поступках ева ли не все известные нам персонажи прядей. В соответствии с этой же ценностной шкалой был разработан и королевский план реабилитации Ивара, заранее обреченный на успех, ибо каждодневное неустанно возвращая проявлением своего внимания к исландцу то что имело для него первостепенное значение — его личное достоинство, конунг справедливо рассчитывал осилить его скорбь, вызванную утратой того, что заведомо обладало для него меньшей привлекательностью. Прибавлявшая чести и славы каждому, кто ее удостоивался, государева "дружба", находившая выражение в почете и уважении, которыми он пользовался у конунга, в заботе о нем милостивого правителя и в дарах, которыми тот щедро его наделял (вспомним обещание короля Эстейна ни разу не отпускать Ивар "с пустыми руками") — одна из наивысших ценностей в глазах дружинника и, как мы знаем, предмет вожделения отправлявшихся в море исландцев, — и становится той всепобеждающей силой, которая приносит герою пряди скорое и полное исцеление.

Итак, вопреки ожиданиям, которые способно вызывать у читателей "Пряди об Иваре" ее введение, перед нами рассказ на деле и только не разрабатывающей романтическую тему, но, пожалуй, даже в большей степени, нежели иные произведения исследуемого жанра, отражающий ту старинную идеальную модель "дружинного" мира, царящей в нем гармонией между щедрым, справедливым и милостивым вождем и его верными воинами, которую мы впервые находим в таких значительно более ранних памятниках германской словесности, как древнеанглийский эпос и героические элегии (ср. "Скиталец") или хвалебная поэзия древнескандинавских скальдов. По мнению Дж. Харриса, именно "скальдическому наследию" пряди и были обязаны воплощенной в них системой ценностей, в основе которой лежит "мужская диада в контексте мужского союза (Männerbund)"⁹⁰, исключаяющего женщин и семью. Здесь не место обсуждать, насколько правомерно сводить скальдическое творчество только лишь к дружинной поэзии, при этом рассматривая последнюю в качестве эзотерического, "секретного языка", служащего средством изоляции от непосвященных (женщин и низших социальных слоев), или своего рода "пропуска" в воинский союз⁹¹. Генерализации подобного рода неизбежно чреваты упрощениями, а многовековая история скальдического стихосложения показывает весьма различное его применение. Что же до "скальдического наследия", якобы ставшего составной частью идеологии прядей, то, хотя герои последних нередко и сами были скальдами или сказителями, прибывавшими ко двору норвежских государей в надежде заслужить

расположение и быть принятыми в дружину, нет никакой необходимости постулировать прямое "идеологическое" влияние придворной поэзии на подобные рассказы, поскольку воплощенная в них система ценностей ни в коей мере не является особенностью только этих жанров.

Между тем невозможно, разумеется, не согласиться с другим утверждением Харриса, касающимся типологии средневековых жанров⁹². Исландская литературная традиция XIII–XIV вв. разительно отличается от современной ей континентальной западноевропейской словесности, в которой малая повествовательная форма, будь то фаблю, новелла или шванк, служила излюбленным инструментом исследования "домашней темы" (семьи, брака, супружеской неверности и т.д.), отводя соответствующее место женщине. В противоположность этому основному направлению в использовании малых форм, в рамках которого за ними закреплялась определенная социальная функция — изображение "создания пары" (The Making of the Couple)⁹³, древнеисландские пряди представляют по преимуществу "мужской мир", и хотя в них также изображаются коллизии внутри "пар" и также возникают союзы, основанные на взаимной привязанности и уважении, участниками их становятся не мужчина и женщина, но дружинник и король.

* * *

Согласно мифу, поддерживаемому как авторами исторических сочинений, так и сагописцами XIII столетия, заселение Исландии и установление в ней народовластия стало следствием нежелания части западнонорвежской знати отказаться от былой самостоятельности и признать своим правителем конунга-объединителя, Харальда Прекрасноволосого, выходца из восточных земель, которому в кон. IX в. удалось завоевать и подчинить себе всю страну. Естественно, что рассказы о бегстве на далекий остров ради создания там нового порядка, исключавшего не только чью-либо единоличную, но и вообще какую бы то ни было верховную власть, и провозглашение вместо таковой всеобщего повиновения закону, в "век Стурлунгов", когда раздираемое усобицами исландское общество стояло перед лицом аналогичной угрозы, должны были восприниматься как проявление гордости и свободолюбия исландцев и одновременно как достойный ответ королям Норвегии, вновь посягнувшим на независимость тех, чьи славные предки некогда заняли эту землю, спасаясь от притеснений их отцов. Высказывалось немало сомнений в состоятельности такого объяснения происхождения исландского народа и приводились веские аргументы в пользу того, что в реальности дело обстояло иначе и предпосылками для переселения в Ислан-

дино послужили причины куда более прозаического свойства (как, например, рост населения и нехватка пастбищ, заставлявшая жителей Западной Норвегии отправляться за море в поисках новых земель)⁹⁴. Чем бы ни был в действительности вызван этот исход, исландцы создали общество, без малого четыре столетия успешно существовавшее без института королевской власти. Но вот парадокс: свободолобие и вошедшее в народное самосознание неприятие подчинения верховному правителю странным образом сочетается у этих героев с повышенным интересом к особе конунга, ради обхождения и "дружбы" с которым они, как правило, и предпринимали путешествие на континент. Не желая становиться подданными и терпеть господаря у себя дома, они, тем не менее, настойчиво добивались вступления в королевскую дружину и с готовностью приносят присягу верности, а стало быть, идут в услужение к правителю другой страны! О том, что побуждало исландцев искать общества и благосклонности властителей скандинавских королевств, участвовать в их военных походах, слагать хвалебные песни в их честь и обмениваться с ними дарами, было довольно сказано выше — с личностью вождя с давних пор связывались представления о собственной "успеваемости" и почетном положении в среде соплеменников. И тем не менее казалось бы, налицо противоречие: как может свободный человек не только не умалять своего достоинства, но, напротив, прибавлять себе чести и повышать собственный статус, отдаваясь во власть другого свободного человека, пусть даже и короля? Как полагает Вейн Оласон, главное содержание "прядей об исландцах" и состоит в поисках путей разрешения этого противоречия⁹⁵, по-видимому, осознававшегося в эпоху, когда они создавались, не только ввиду угрозы утраты независимости страны, но и в связи с усилившейся расколосованностью исландского общества и выдвиганием могущественной знати, стремившейся доминировать над местным населением.

Что бы ни становилось непосредственной темой каждой конкретной истории и, в частности, шла ли в ней речь о коллизии между главными героями или же их знакомство не было омрачено какими-либо привходящими обстоятельствами, прядь фиксировала про установления личных взаимоотношений заезжего чужестранца и правителем страны, нередко увенчивавшийся приемом исландца в королевскую дружину. О том, каковы были эти отношения и как ожидания связывали со своим пребыванием у властителей скандинавских королевств герои этих произведений, со всей очевидностью следует из поведения самих "соискателей", которое мы имели возможность наблюдать на примере вереницы прошедших перед глазами персонажей "прядей об исландцах". Добровольно заключая новый контракт с государем, исландец — герой пряди становился в век конунга на собственных условиях, не поступая при этом своей свободой, ни самостоятельностью. В обмен за свои усл

верность он прежде всего требовал от конунга почта и дружеского расположения (по обычаю сопровождавшегося и материальными знаками отличия в виде ценных даров), недостаток же того или другого рассматривался как оскорбление и служил основанием для разрыва. Государь не становился для него господином, и он подчинялся ему лишь постольку, поскольку это не наносило ущерба его самолюбию, и оставался с ним, лишь покуда это отвечало его собственным намерениям и интересам. Всем своим поведением демонстрируя независимость и бескомпромиссность, он побуждал и конунга относиться к нему с тем уважением, которое пристало оказывать человеку его достоинств. Собственно, главная задача исландца, неизменно претендовавшего на возможно более высокую оценку своей личности, и состояла в том, чтобы доказать государю, чего он стоит. В этом же заключался и смысл испытаний, которым он подвергался по ходу действия рассказа.

Противоречие между личной свободой и подчинением уравновешивалось, таким образом, не только тем основополагающим обстоятельством, что герой пряди был неровней конунгу, но также персональным характером связи между дружинником и вождем, неукоснительным выполнением заключенного ими договора и почетом, окружавшим исландца при дворе. При соблюдении всех этих условий честь отстаивающего свою независимость исландца не должна была пострадать от того, что он находился на службе у государя. Самое же существенное, что, несмотря на несоизмеримость их статусов, герой пряди — и этим он отличается от иных государевых людей, то и дело появляющихся в подобных рассказах (норвежцев или датчан), — не был готов сносить унижения или несправедливости со стороны короля. Как у себя на родине, где, уже в качестве героя саги, он давал решительный отпор любому обидчику, так и на чужбине в общении с королевскими приближенными или с самим правителем страны главным делом исландца всегда оставалась забота о собственном достоинстве и добром имени.

Поскольку же честь (*sæmð*) и личное достоинство ценились нашими персонажами превыше всего, невозможно согласиться с утверждением Вольфганга Мора, позднее поддержанного Дж. Харрисом, о том, что, в противоположность "героическому и трагическому этосу семейных саг", пряди воплощают "комический" (в аристотелевском смысле слова) этос предприимчивого человека высокого Средневековья⁹⁶, стремящегося к успеху и готового добиваться его любой ценой. Если пряди, в отличие от саг, и в самом деле, как правило, изображают удачливого героя, сумевшего не только избежать гибели в опасной конфронтации с могущественным противником, но и повысить свой статус и достигнуть положения, к которому он стремился, то вовсе не потому, что их персонажи якобы исповедовали "ценности выживания"⁹⁷, а значит, в отличие от движимых неодо-

лимой судьбой "обреченных" героев саг, предпочитали действовать осмотрительно или с опаской. Вопреки подобному мнению, нам известны примеры того, чтобы герои прядей поступались собственным достоинством, дабы сохранить себе жизнь или из чувства сохранения, проявляя благоразумие, ретировались бы перед своими оппонентами, признавая их превосходство, зато известно довольно примеров обратного — когда исландец сознательно и дерзко бросил вызов сильнейшему, вовсе не задумываясь о возможных последствиях своего безрассудного шага. Но раз так, то представляется безновательной сама попытка провести параллель между персонажем прядей и героем сочиненной в Германии латинской поэмы "Рулиб" (сер. XI в.). Стоит только отвлечься от поверхностных сходства (посещение благородным, но обедневшим чужестранцем некоего государя и безупречная служба ему как основание для следующего успеха) и обратиться к отразившемуся в тексте поэмы мировосприятию ее героев, как показавшаяся Морю "в высшей степени убедительной"⁹⁸ аналогия рассыпается. Представимо ли, что кому-нибудь из исландцев — героев прядей пришло в голову действовать при самых неблагоприятных для него обстоятельствах последователям мудрым королевским напутствиям, без сомнения, учтенным⁹⁹ главным персонажем этого произведения?

В спор никогда не вступай ни с сеньором твоим, ни с судьбою,
Ибо они одолеют тебя не правом, так силой.
Им ничего своего не давай — назад не получишь,
Но коль попросят в долг, то дай, потому что иначе
Вздорный предлог сочинят и на нем с тебя столько же взыщут.
Ты же сиди ни с чем: ни денег тебе, ни спасибо,
Ну, а ежели он, обобрав, хоть скажет спасибо,
То поклонись и благодари всевышнего Бога,
Что хоть уходишь цел; а деньги — добро наживное.

(Пер. М.Л. Гаспарова)¹⁰⁰.

Достаточно вспомнить наших "смелых на язык" и при любых обстоятельствах упрямо настаивающих на своем героев — Стува, дуна, Хрейдара, Халли и других, или Халльдора сына Снорри, с ночи врывающегося в королевскую опочивальню, чтобы получить причитающийся ему с конунга долг, и едва ли возникнет необходимость вновь доказывать, что преподанная Руодлибу "наука выживания" была совершенно неприемлема для героев исландских прядей.

Отмеченная Морем "перемена" в изображении индивида, в результате которой средневековый человек оказался противопоставлен своему героическому предшественнику и, в отличие от него, разделен уже не трагической судьбой (Schicksal), но ловкостью и благополучием (Geschick und Glück)¹⁰¹, по всей видимости, действительно имеет место, когда речь идет о персонажах таких жанров западноевропейской литературы как chansons de geste, с одной стороны

фаблио или новелла, с другой¹⁰². Однако это противопоставление не просто упрощает, но существенно искажает общую картину, будучи механически распространено на хотя и появляющиеся в ту же эпоху, но создаваемые в русле значительно более консервативной древнескандинавской традиции саги и пряди об исландцах. Идеология этих коротких рассказов соответствует мировоззрению, воплотившемуся в "семейных сагах"¹⁰³, и в основном отражает архаические представления и систему ценностей, сохраняющиеся с викингских времен и лишь поверхностно затронутые произошедшей христианизацией. Действительное же отличие героя саги от героя пряди лежит в совершенно иной плоскости и обусловлено разницей изображаемых в них коллизий. В то время как происходившие внутри страны распри между равными зачастую не имели иного достойного решения, кроме взаимного кровопролития, и потому приводили их участников к трагическому финалу, столкновение с высокопоставленным оппонентом — конунгом или его знатным заместителем — могло быть покончено миром на приемлемых для исландца условиях и, стало быть, завершиться без ущерба для его репутации и чести. О том, что между героем саги и героем пряди нет непроходимой грани, красноречиво свидетельствует и самая структура некоторых рассмотренных нами историй — тех, где центральному, "заморскому" эпизоду рассказа была предпослана вводная часть, вступительная "семейная сага" в миниатюре, повествующая о распри, в которую герой был вовлечен в Исландии. Вчерашнему изгою — персонажу саги, поставленному вне закона и вынужденному бежать от преследования своих недругов на чужбину, таким образом, выпадал шанс превратиться в героя другой истории — в прошедшего через испытания, но, тем не менее, преуспевшего, "удачливого" персонажа пряди.

Между тем, имея своим контрагентом конунга, герой пряди не только получал возможность уцелеть, не уронив себя. Конфликт за пределами страны в ситуации неравенства оппонентов, один из которых непременно оказывался во власти другого без всякой надежды на поддержку оставшихся дома сородичей и друзей, а значит, был вынужден опираться на собственные силы, в наибольшей степени способствовал выявлению личных качеств и достоинств героя. Даже если персонаж пряди и получал помощь со стороны, своим спасением и/или выдвижением, за немногими исключениями, он все-таки был прежде всего обязан самому себе. Изображая достойнейших людей в обстоятельствах, требующих от них демонстрации собственной интеллектуальной и моральной состоятельности, а нередко и превосходства, пряди постоянно — и в этом еще одно их отличие от саг — идеализируют своих персонажей. Однако, как мы не раз имели возможность убедиться при ближайшем знакомстве с их героями, вовсе не похожими ни друг на друга, ни на воплощения тех или иных привлекательных качеств и добродетелей, идеализация отнюдь не

препятствовала их индивидуализации и, очевидно, в первую очередь вызывалась тем, что каждый из них, отправляясь за море, становился посланцем своего народа, которому отныне надлежало не только нести ответственность за себя самого, но и достойно представлять всех исландцев.

¹ В значительно более ранней "Гнилой Коже" эта обычно признаваемая оригинальной версией пряди при включении в королевскую сагу подверглась некоторым сокращениям и незначительным изменениям, самое существенное из которых – содержащееся во введении упоминание о том, что главный герой был слеп.

² Явный анахронизм: единственное, о чем исландец мог бы просить конунга, это дать ему какие-нибудь знаки (обычно это было кольцо или обручье), которые он мог предъявить в подтверждение своих слов, что король знает о деле и поддерживает его. Латинский алфавит начинает применяться в Скаднэвики для записи подобного рода текстов на народном языке, по-видимому не ранее кон. XII в.

³ Прядь о Стуве // Другие Средние века. К 75-летию А.Я. Гуревича. М.: СПб. 2000. С. 98–102.

⁴ Подробнее см.: *Clover C.J. Skaldic Sensibility // Arkiv för nordisk filologi*. 1978. Bd. 93. P. 63–81; *Гуревич Е.А., Матюшина И.Г.* Поэзия скальдов. С. 245 сл.

⁵ В краткой версии пряди рассказ о поэтическом испытании героя, а с ним и заключительная сцена отсутствуют: сказано лишь, что Стув явился к конунгу, и тот с согласия своих людей принял его в дружину, после чего исландец некоторое время оставался при Харальде, а впоследствии сложил о нем поминальную драпу. Именно эта последняя и послужила главным оправданием включения истории о Стуве в "Сагу о Харальде Суровом". Не вызывает сомнения, что автора саги исландец интересовал прежде всего как скальд, сохранивший в память о конунге песнь, известную под названием "Stúfsdrápa" ("Stúfa") – "Драпа Стува", и он сокращал или даже опускал сцены, которые имели, с его точки зрения, прямого отношения к характеристике Стува, скальда, либо же, как заключительный эпизод, где "Драпой Стува" была названа поэма, преподнесенная исландцем государю при следующей с ним встрече, противоречили очевидному: "Драпой Стува" именовалась не хвалебная, а поминальная песнь. Напротив, для автора отдельной версии пряди рассказ о Стуве в первую очередь был поучительной и "мудрой историей" (*kvæðintýr*) о самостоятельном и независимом исландце, сумевшем многого достигнуть своим умом и уменем.

⁶ *Vésteinn Ólason. Den frie mannens selvforståelse i islandske sagaer og digte. Medeltidens fødsel / Ed. A. Andrén. Lund, 1989. S. 279.*

⁷ Ср.: *Two Icelandic Stories: "Hreiðars þáttur", "Orms þáttur" / Ed. A. Faulkes. London 1968. P. 16; Lindow J. "Hreiðars þáttur heimska" and AT 326. An Old Icelandic Novella and an International Folktale. P. 165.*

⁸ *Lindow J. Op. cit. P. 170 ff.*

⁹ Странную фигуру главного героя пряди пытались объяснить не только с помощью интернационального сказочного мотива, но и реальными обстоятельствами исландской истории перв. пол. XIII столетия. По мнению Херманна Паулссона, в пряди могут быть обнаружены намеки на отдельные факты биографии Снорри Стурлусона, пародийный образ которого, как "в кривом зеркале", якобы и был отражен в образе Хрейдара Дурака. Так, по сообще-

"Саги об исландцах", в 1239 г. Снорри получил от герцога Скули звание ярла – *fólgsnarjarl*, которое, как предполагается на основании толкования первого элемента этого слова, должно было быть даровано ему в знак власти над островом Fólksn в Трёндаляге (см.: *Hermann Pálsson. Hirdskáld í spéspegli // Skáldskaparmál. Tímarit um íslenskar bókmenntir fyrri alda. Reykjavík, 1992. Bd. 2. Bls. 165 ff.*). Аналогичная деталь присутствует и в "Пряди о Хрейдаре". Конунг Магнус на прощание делает Хрейдару беспрецедентный подарок: жалует ему в награду за хвалебную песнь небольшой остров у берегов своей страны, на котором Хрейдар, по его собственным словам, "соединит Норвегию с Исландией". Автор статьи усматривает в этом замечании героя намек на деятельность его предполагаемого прототипа – как известно, Снорри Стурлусона подозревали в том, что он способствовал установлению над Исландией норвежского владычества. Впрочем, герою пряди (как и убитому уже в следующем, 1240 г. Снорри) не пришлось насладиться властью над этим осколком норвежской земли: конунг Магнус сразу же сам приобретает у Хрейдара дарованный ему остров, чтобы он "не стал костью, из-за которой бы перегрызлись" он и те, кто пожелают его купить (*ИС II, 492*). Гипотезу Херманна Паулссона о пародийном начале в рассказе о Хрейдаре, разумеется, невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, следует лишь заметить, что она идет вразрез с предполагаемой датировкой пряди, которую на основании характерных архаичных примет ее языка и стиля принято считать одним из самых ранних образцов этого жанра, записанным на рубеже XII и XIII вв. (см. Введение), т.е. за несколько десятилетий до реальных событий, якобы послуживших поводом для ее создания.

¹⁰ См.: *Wikander S. Från indisk djurfabel till isländsk saga // Vetenskaps-Societeten i Lund. Årsbok. 1964. S. 89–114; Stefán Einarsson. Æfintýraatvik í Auðunar þætti vestfirzka // Skírnir. 1939–1940. Vol. 113. Bls. 161–171.*

¹¹ *Fichtner E.G. Gift Exchange and Initiation in the "Auðunar þáttur Vestfirzka" // Scandinavian Studies. 1979. Vol. 51. P. 249–272.*

¹² Давно было замечено, что описание того, в каком виде Аудун вернулся из своего паломничества, находит параллель в одном из эпизодов "Саги о Сверрире" (гл. 85), где рассказывается о прибытии к конунгу Магнусу Эрлингссону исландского скальда по имени Мани, также нищего паломника, державшего путь из Рима (этот эпизод обычно относят к "прядям о скальдах"). Ср. "Сага о Сверрире": "ok var hann þá ekki féligt Máni, kollóttur ok magr ok nær klæðlauss" – "Вид у Мани был жалкий. Он был наголо обрит, тощ и почти без одежды" (*Sverris saga / Utg. G. Indrebø. Kristiania, 1920. S. 91*); "Прядь об Аудуне": (версия А) "Auðun var þá kollóttur ok klæðlauss" – "Аудун был наголо обрит и без одежды" (*Fjórúfu Íslendinga þættir / Þórléifur Jónsson gaf út. Reykjavík, 1904. Bls. 6*); (версия М) "Gerir hann þá ákaflega magran (...) Hann er þá kollóttur og heldur ósællegur" – "Отощал он страшно (...) Голова у него бритая и вид довольно жалкий" (*ÍSP III, 2084; ИС II, 496*).

¹³ О принудительном характере обязанности принимать дары см. *Мосс М. Очерк о даре // Мосс М. Общество. Обмен. Личность. М., 1996. С. 151 сл.*

¹⁴ Трудно согласиться с Дж. Харрисом, исключительно на этом основании ставящим рассказ об Аудуне в один ряд с прядями, где присутствие двух партнеров (two-court arrangement) было действительно сопряжено с реализацией модели "отчуждение–примирение", и игнорирующим то обстоятельство, что в данном случае исландец не вступает в конфликт ни с одним из конунгов-антагонистов. Ср. *Harris J. Genre and Narrative Structure in Some Íslendinga þættir. P. 20.*

- 15 Taylor A.R. Auðunn and the Bear // *Saga-Book of the Viking Society*. 1946. Vol. P. 89.
- 16 Последнее слово могло также обозначать персонифицированную "удачу духа-охранителя, обычно принимавшего женское обличье и переходившего по наследству от старших сородичей к младшим. Так, герою "Саги о Гудрун" во сне привиделась направлявшаяся к его усадьбе женщина, с которой он познакомился, и она сообщила ему, что ее плечи задевали горы по обеим сторонам долины. Он выехал к ней навстречу и пригласил к себе. Пробудившись, он сам истолковал сон: в Норвегии умер его дед с материнской стороны, достойнейший и уважаемый человек, и его hamingja пожаловала к нему в Исландию ("Vígá-Örn saga", kap. 9, *ÍSP III*, 1918).
- 17 Подробнее см.: Grönbech W. Kultur und Religion der Germanen. Darmstadt, 1918. Bd. I. S. 135–182; Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984. С. 235 сл.
- 18 "Vatnsdæla saga", kap. 2 (*ÍSP III*, 1843–1844).
- 19 Mohr W. Wandel des Menschenbildes in der mittelalterlichen Dichtung // *Wirklichkeit und Wort*. 1952–1953. S. 38.
- 20 Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. S. 170.
- 21 Ср.: Grönbech W. Op. cit. S. 140.
- 22 Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. С. 72.
- 23 Мосс М. Цит. соч. С. 168.
- 24 "Hróa þáttur heimiska" // Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / E. Gardiner útg. Reykjavík, 1949. Bls. 30–31; Grönbech W. Op. cit. S. 141. См. подробно об истории в последней главе.
- 25 Ср. № 7 ("Удачная торговля") в собрании сказок братьев Гримм или 195-й в сборнике Франко Саккетти. Об этом мотиве в рассказе об Аудуне см.: S. Einarsson. Op. cit.
- 26 Fjörutíu Íslendinga þættir. Bls. 7.
- 27 Ibid.
- 28 Hungrvaða. Bls. 76. См. также: Hermann Pálsson. Brands þáttur örva. Bls. 128.
- 29 См., например: Liestøl K. Kjetta på Dovre. Til spursmålet om pilegrimsvege og segnvandring // *Maal og Minne*. 1933. S. 24–48.
- 30 Gautreks saga // Fornaldar sögur Norðurlanda / Guðni Jónsson bjó til prents. Reykjavík, 1950. Bd. IV. Bls. 36–50.
- 31 Об обычае древних конунгов восседать на курганах умерших родичей упоминается в целом ряде саг. См. об этом известную работу А. Ольрика: *Oldtidens konger og oldtidens thulir* // *Danske Studier*. 1909. S. 1–10.
- 32 Ibid. S. 50.
- 33 Vries J. de. Altnordische Literaturgeschichte. Bd. II. S. 487; Ranisch W. Einleitung. Die Gautrekssaga in zwei Fassungen. Berlin, 1900. S. LXI ff.
- 34 Saxo Grammaticus. The History of the Danes / Ed. H. Ellis Davidson. Cambridge, 1979. Vol. I. P. 271–272.
- 35 Иные версии, кроме тех, которые приводятся в саге и у Саксона Грамматика, неизвестны. В самом раннем тексте, где упоминается Гаутрекс, "Древнем ключе размеров" ("Háttalykill inn forni"), сочиненном ок. 1150 г. скальдами Рёгнвальдом Кали и Халлем Тораринссоном, – этот правитель также прославляется за щедрость: здесь он назван конунгом, "добрым к людям и злым к золоту" ("góðr kyni þjóðar, illr gollr", *Skj. B I 500–501*, 28b).
- 36 Reinhart Fuchs / Hrsg. von J. Grimm. Berlin, 1834. S. 445.

- 37 Wikander S. Från indisk djurfabel till isländsk saga. S. 94 ff. О других предполагаемых заимствованиях из басен в древнеисландской литературе см.: Taylor M. Some Fable Material in Old Norse // *Germanic Studies in Honor of Anatoly Liberman* (Nowele. Vol. 31/32). Odense, 1997. P. 407–421.
- 38 Wikander S. Op. cit. S. 99.
- 39 Ср. Ibid. S. 99.
- 40 Ibid. S. 100 f.
- 41 Параллелизм эпизодов прощания отмечает также Кнут Листель. См.: Liestøl K. Op. cit. S. 35–36.
- 42 См., например: Vries J. de. Altnordische Literaturgeschichte. Bd. II. S. 386, 487.
- 43 См.: Wikander S. Op. cit. S. 95. Противоположной точки зрения придерживается К. Листель, который исходит из безусловной историчности фигуры Аудуны и потому считает единственно возможным объяснять замеченные в этой саге аналогии с другими произведениями влиянием на нее со стороны последних. См.: Liestøl K. Op. cit. S. 34 f.
- 44 Fichtner E.G. Op. cit. P. 253.
- 45 Liestøl K. Op. cit. S. 34.
- 46 Ср. Lindow J. "Hreiðars þáttur heimiska" and AT 326. P. 178.
- 47 Надо полагать, что рассказ конунга, о котором сообщалось в предыдущей саге, предназначался одному только Торстейну, в противном случае дружинники уже были бы осведомлены об обстоятельствах первой встречи их государя с исландцем. Впрочем, Дж. Харрис, подробно исследовавший эту сагу, даже не рассматривает такой возможности, считая, что перед нами явная (и не единственная) несообразность, свидетельствующая о том, что рассказчик плохо справился со своей задачей. См.: Harris J. The King in Disguise: An International Popular Tale in Two Old Icelandic Adaptations // *Arkiv för nordisk filologi*. 1979. Bd. 94. S. 67 f.
- 48 Harris J. Op. cit. S. 76.
- 49 См. подробнее: Harris J. Op. cit. S. 70–74.
- 50 Перевод А.И. Корсуна. См.: Старшая Эдда. М.; Л., 1963. С. 27.
- 51 Ср.: Harris J. Op. cit. S. 77.
- 52 Hákonar saga Ívarssonar / Ed. J. Helgason, J. Benediktsson. Copenhagen, 1952. S. 29–30.
- 53 Harris J. Op. cit. S. 78.
- 54 Имеется в виду, что друг направил конунга Свейна к Карлу. В изложении того же рассказа в "Круге Земном" "мораль" отсутствует.
- 55 Старшая Эдда. С. 16. Ср. также строфы 5, 6.
- 56 Там же. С. 17.
- 57 См.: Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее средневековье. М., 1977. С. 200.
- 58 Ср.: Gilbert A.J. The Icelandic Abroad: The Concept of Social and National Identity in Some Icelandic þættir // *Neophilologus*. 1991. Vol. 75. P. 408–424.
- 59 См., в частности: Lindow J. Þættir and Oral Performance // *Oral Tradition in the Middle Ages* / Ed. W.F.H. Nicolaisen (Medieval & Renaissance Texts & Studies). Vol. 112. N.Y., 1995. P. 181 f.
- 60 См.: Heinrichs H.M. Die Geschichte vom sagakundigen Isländer (Íslendinga þáttur sögufróða): Ein Beitrag zur Sagaforschung // *Literaturwissenschaft und Geschichtsphilosophie. Festschrift für W. Emrich* / Ed. H. Arntzen et al. Berlin; N.Y., 1975. S. 225–231; Гуревич А.Я. Сага и истина // *Труды по знаковым системам*. Т. 13. Тарту, 1981. С. 29–31.
- 61 Гуревич А.Я. Цит. соч. С. 31.

- ⁶² Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. Л., 1974. С. 103–110.
 Gardiner A. The Theory of Proper Names. A Controversial Essay. Oxford, 1912. P. 13–15.
- ⁶³ Ср.: Sørensen P.M. Fortælling og ære. Studier i islændingesagaerne. Århus, 1987. S. 69.
- ⁶⁴ О “недистинктивном” характере этого самого распространенного исландского имени и, следовательно, возможности присваивать его вымышленным персонажам, см.: Hermann Pálsson. Early Icelandic imaginative literature. Medieval Narrative. A Symposium / Ed. H. Bekker-Nielsen et al. Odense, 1979. P. 10.
- ⁶⁵ Saxo Gesta Danorum / Ed. J. Olrik, H. Ræder. Copenhagen, 1931. S. 5. Автор приносит благодарность В.В. Рыбакову за помощь в переводе процитированного отрывка.
- ⁶⁶ Sturlunga saga. Bd. I–II / Udg. K. Kålund. København; Kristiania, 1906–1911. Bd. I. S. 327.
- ⁶⁷ Ср.: Úlfar Bragason. Sturlunga saga: Atburðir og frásögn // Skáldskaparmál. Reykjavík, 1990. Bd. 1. Bls. 83–85.
- ⁶⁸ Íslendingabók. Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út (Íslensk Fornrit). Reykjavík, 1968. Bls. 336, note.
- ⁶⁹ Jakob Benediktsson. Formáli // Íslendingabók. Landnámabók. Bls. CII f.; Svein Tómasson. Formálar íslenskra sagnaritara á miðöldum. Reykjavík, 1988. Bls. 107.
- ⁷⁰ Sverrir Tómasson. Op. cit. Bls. 106 f.
- ⁷¹ Sørensen P.M. Fortælling og ære. S. 238.
- ⁷² По исландским законам замужняя женщина, со своей стороны, могла быть признана “лишенной чести” в случае супружеской измены, имевшей место по ее инициативе. За это ее могли присудить к штрафу в 48 эйриров, а при возможности его уплаты превратить в рабыню, однако более жестокие наказания неверным женщинам не предусматривались и не практиковались. Что же касается саг, то они не дают примеров применения против измен даже такого сравнительно мягкого законодательства. Женщины здесь ни за что не осуждаются за неверность своим мужьям, напротив, виноватыми, правило, считаются последние: в глазах окружающих неподобающее поведение жены вызывалось тем, что муж ее недостойн. Подробнее: Sørensen P.M. Op. cit. S. 235 f.; 162.
- ⁷³ Правда, в сагах описывается несколько случаев женской мести (см. “Саги о людях из Лососей Долины”, гл. 35 и “Сага о Гисли”, гл. 37), однако они встречаются одобрения. Ср. обсуждение этих эпизодов в работе У. Миллера: Miller W.I. Bloodtaking and Peacemaking. Chicago, 1990. P. 354 f.
- ⁷⁴ Edda Snorra Sturlusonar / Udg. Finnur Jónsson. København, 1931. S. 244.
- ⁷⁵ Jochens J. Old Norse Images of Women. Philadelphia, 1996.
- ⁷⁶ Две первые характерны для героического эпоса (ср. прославленных эддических героинь-мстительниц Гудрун и Брюнхильд), “сага о древних временах” и также особой разновидности более позднего жанра рыцарской саги – повествований о непокорных и не признающих замужества воинственных и правительницах (meykongr букв. “дева-король”); см.: Матюшина И.Г. Поэтика рыцарской саги. М., 2002. С. 87–90.
- ⁷⁷ Miller W.I. Op. cit. P. 212.
- ⁷⁸ См.: Heller R. Die Literarische Darstellung der Frau in den Isländersagas. München, 1958. S. 98.
- ⁷⁹ Heller R. Op. cit.; Jochens J. The Medieval Icelandic Heroine: Fact or Fiction? Viator. 1986. Vol. 17. P. 35–50; см. также обзор исследований, посвященных брачению женщин в сагах: Clover C. Icelandic Family Sagas (Íslendingasögur).

- Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide / Ed. C.J. Clover; J. Lindow. Ithaca, 1985. P. 256–259.
- ⁸⁰ Miller W.I. Op. cit. P. 213.
- ⁸¹ См. о подобных обращениях: Frank R. Why Skalds Address Women // Poetry in the Scandinavian Middle Ages. The Seventh International Saga Conference. Spoleto, 1990. P. 67–83.
- ⁸² В “Пряди об Аудуне” дважды упоминается покинутая героем на три года мать; в “Пряди о Торарине сыне Невьольва” и в “Пряди о Торгриме сыне Халля” – оставленные в Исландии жены; в “Пряди о Торлейве Ярловом Скальде” – также оставшиеся дома мать и сестра героя, кроме того, после возвращения Торлейва в Исландию сообщается о его женитьбе на Ауд дочери Торда; в “Пряди о Торорде сыне Снорри” женщина даже наделяется эпизодической ролью – жена отшельника, она же сестра Арнльота Геллини, препоручает Торорда и его спутника заботам своего брата.
- ⁸³ См. раздел о введениях к “прядам о поездках из страны”.
- ⁸⁴ Ср.: Chumley Ross M. Hildr's Ring: a problem in “Rágnarsdrápa” // Medieval Scandinavia. 1973. Vol. VI. P. 75–92.
- ⁸⁵ Последний (ум. 1190) упоминается в “Саге о Стурлунгах” как родич Снорри Стурлусона, которому на этом основании даже пытались приписать авторство пряди. См.: Vestfirðinga sögur / Ed. Björn K. Þórolfsson; Guðni Jónsson (Íslensk Fornrit. VI). Reykjavík, 1943. Bls. CVII.
- ⁸⁶ Fjörutíu Íslendinga þættir. Bls. 146.
- ⁸⁷ Прядь об Иваре сыне Ингимунда. Пер. с древнеисландского и комментарий Е.А. Гуревич // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Вып. V. М., 2001. С. 279–283.
- ⁸⁸ Ármann Jakobsson. Rundt om kongen. En genvurdering af Morkinskinna // Maal og Minne. 1999. N. I. S. 74–75.
- ⁸⁹ Впрочем, возможно, что в данном случае и нет оснований говорить о заимствовании: ср. сходное высказывание в “Речах Высокого”: “sorg egr hiarta, ef þú segia þé náir / einhveriom allan hug” (Háv. 121, 8–10) – “скорбь твое сердце сожжет, коль не сможешь другу довериться” (Старшая Эдда. С. 26). Ср.: Harris J. Theme and Genre in some Íslendinga þættir. P. 26, note 29.
- ⁹⁰ Harris J. Gender and genre: short and long forms in the saga literature // The Making of the Couple. The Social Function of Short-Form Medieval Narrative. Odense, 1991. P. 65.
- ⁹¹ Харрис опирается на известную работу Дж. Линдоу: Lindow J. Riddles, Kennings, and the Complexity of Skaldic Poetry // Scandinavian Studies. 1975. Vol. 47. P. 322 f.
- ⁹² Harris J. Op. cit. P. 66.
- ⁹³ Ср. тему симпозиума, посвященного проблеме функционирования малых повествовательных форм в западноевропейской литературе XIII–XIV вв.: The Making of the Couple. The Social Function of Short-Form Medieval Narrative. Odense, 1990.
- ⁹⁴ Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966. С. 102–103.
- ⁹⁵ Vésteinn Ólason. Den frie mannens selvforståelse i islandske sagaer og dikt. S. 285.
- ⁹⁶ Mohr W. Wandel des Menschenbildes in der mittelalterlichen Dichtung. S. 38; Harris J. Op. cit. P. 51; Idem. Theme and Genre. P. 18 f. Ср. также: Vogt W.H. Wandel im altnordischen Menschentum // Preussisches Jahrbuch. Sept. 1923. S. 315–322. Последний, впрочем, говорит об изменении этоса, наблюдаемом в “младших” эддических песнях и отдельных “сагах об исландцах”.

⁹⁷ Ср.: "The values of these þættir are chiefly survival values" (Harris J. Theme Genre. P. 18).

⁹⁸ Mohr W. Op.cit. S. 38.

⁹⁹ Хотя соответствующие эпизоды поэмы и не сохранились.

¹⁰⁰ Руодлиб. Ст. 502–510 // Мировое Древо. Вып. 7. М., 2000. С. 242.

¹⁰¹ Mohr W. Op. cit. S. 40.

¹⁰² Ср.: Зюмтор П. Опыт построения средневековой поэтики. СПб., 2000. С. 417.

¹⁰³ Vésteinn Ólason. Den frie mannens selvforståelse i islandske sagaer og dikt. S. 200.

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ НАРРАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ПРЯДЕЙ

По своему стилю "пряди об исландцах" ничем не отличаются от "саг об исландцах". Перед нами все та же не приукрашенная ни эпитетами, ни метафорами, никак не "расцвеченная", аскетичная "абсолютная" проза, создающая у читателя иллюзию живой безыскусной речи¹. Как и рассказчик саги, автор пряди – беспристрастный и бесстрастный сторонний наблюдатель, не вторгающийся ни в мысли, ни в чувства своих героев, но лишь фиксирующий их поступки и высказывания и предоставляющий им самим "разыгрывать" собственную историю в динамичном сценическом действии². Если нам и кажется порой, что рассказчик пряди, выстраивая диалоги персонажей, достигает в этом еще большего мастерства, чем его коллега – рассказчик саги, то и это, скорее всего, не более, чем иллюзия, вызванная тем, что нам легче воспринять и удержать в памяти отдельный самодостаточный эпизод, а не целую череду связанных между собою сцен, каждая из которых при ближайшем рассмотрении, вероятно, продемонстрирует не меньшую формальную отточенность и умелое использование лаконичного и метко сказанного слова.

Так возможно ли вообще обнаружить в арсенале традиционных приемов, принятых на вооружение авторами прядей, нечто, не входившее в привычный набор повествовательных средств, которыми оперировали авторы саг? Или, если переформулировать тот же вопрос: отличалась ли чем-нибудь нарративная стратегия рассказчиков произведений малой прозаической формы от способов ведения повествования, сложившихся в большой прозе – в классической саге?

Ответить на эти вопросы и вместе с тем попытаться вскрыть причины и происхождение возможных различий призвано предприятие здесь исследование одного нарративного приема, замеченного нами в прядах. В силу своей специфики прием, о котором пойдет речь, не универсален, однако используется он достаточно часто, чтобы обратить на себя внимание читателя. Это – рассказ о прошлых событиях, вложенный в уста персонажа.

В "Первой Пряди о Халльдоре сыне Снорри" ("Halldórs þ Snorrasonar hinn fyrri", № 6), входящей в "Сагу об Олаве Трюггвасоне" в "Flateyjarbók", излагается история, частично уже приводившаяся ранее в связи с рассмотрением "морфологической" структуры "прядей о поездках из страны".

Из-за размолвки с конунгом Харальдом Суровым Халльдор оставляет дружину и перебирается к Эйнару Брюхотрясу, знатному мужу, женатому на Бергльот, дочери ярла Хакона Могучего. О издомочадцев Эйнара, молодой человек, его дальний родственник за глаза поносит Халльдора и сочиняет о нем хулительные стихи. Не стерпев оскорбления, Халльдор убивает обидчика и обращается за помощью к Бергльот. Та предлагает ему на выбор: либо укрыться у кого-нибудь из ее родичей, либо отдаться на милость Эйнара. Не желая прятаться "как преступник", Халльдор выбирает последнее и смело сообщает Эйнару о содеянном. Тот, однако, не торопится с решением его участи.

Позднее в тот же день Эйнар созывает тинг. На нем он говорит, что хотел бы "позабавить" (skemmta) собравшихся рассказом о том времени, когда он находился с конунгом Олавом сыном Трюггвасона на его корабле Великий Змей. Было ему тогда всего восемнадцать лет. Эйнар рассказывает, как он и еще двое королевских дружинников прыгнули за борт, после того как Олав исчез в волнах. Над головами конунга сиял нимб. Все трое были захвачены в плен датчанами и проданы в рабство. Незирая на высокую цену, всех троих купил один покупатель — высокий человек в черном плаще, скрывавший свое лицо; он увел их в лес и освободил. Не пожелав ответить на расспросы, он отказался назвать свое имя. Перед тем как расстаться с ними, незнакомец предрек каждому его судьбу. Эйнару, по словам, предстояло прожить самую долгую жизнь и namного возвыситься над остальными. Поэтому только от него одного незнакомец потребовал платы за избавление от рабства: если когда-нибудь в власти окажется человек, причинивший ему ущерб, Эйнар должен будет поступить с ним так же, как он теперь поступает с ним, и прощать ему жизнь и свободу. Напоследок незнакомец на мгновение открыл свое лицо, и они узнали конунга Олава сына Трюггвасона. Конунг исчез, прежде чем они успели опомниться. Впоследствии же у каждого сложилась так, как он предсказал. "И теперь, — заключил Эйнар, — я обязан исполнить то, о чем просил конунг Олав, потому что, похоже, он говорил о тебе, Халльдор..." Так было достигнуто примирение, и Эйнар с Халльдором расстались друзьями (IS 2144-2149)³.

А вот другая, также отчасти уже известная нам история, рассказанная в "Пряди о Торарине сыне Невьольва" ("Þóraríns

Nefjólfssonar", № 31), входящей в сагу о другом Олаве, канонизированном святом короле ("Ólafs saga helga", "Tómasskinna", ок. 1400).

Торарин и его друг Торстейн сын Рагнхильд приезжают в Норвегию к конунгу Олаву сыну Харальда. До этого они вместе были у Кнута Могучего. Сразу же по их прибытии появляется человек по имени Бьярни, который называет себя племянником Торарина. Двое королевских дружинников, уязвленных тем, что им пришлось уступить свои места за столом Торарину и Торстейну, оговаривают их перед конунгом: им якобы стало известно, что оба друга и Бьярни подосланы Кнутом, врагом Олава, с тем чтобы убить его. Доказательство — полученное от Кнута золотое запястье, которое Торарин тайно носит на левой руке. Обнаружив запястье и не поверив объяснениям Торарина, конунг бросает предполагаемых злоумышленников в темницу. По совету епископа устраивается ордалия; раскаленное железо несет Бьярни. Когда в положенное время открывают его руку, оказывается, что на ней остался след. Конунг считает, что это — свидетельство вины Бьярни, епископ же никак не истолковывает этот знак.

Торарин и Торстейн также рассматривают знак на руке Бьярни, и Торстейн говорит, что ему уже приходилось видеть точно такой же. Услышав это, конунг требует объяснений и объявляет, что готов повременить с казнью. Тогда Торстейн рассказывает свою историю.

Как следует из его рассказа, он рано отправился путешествовать, побывал в Иерусалиме и принял там крещение. Когда же он вернулся в Швецию, откуда был родом, и захотел научить свою мать истинной вере, та не пожелала принять ее, заявив, что потеряла сына. В конце концов решили выяснить, чей бог сильнее. Изображения языческих богов поставили в круг и самому могущественному из них было брошено на колени раскаленное железо; все идолы мгновенно вспыхнули и сторежи дотла. После этого Торстейн сам нес это же раскаленное железо; оно было неосвященным, так как там не нашлось священника. На третью ночь, когда подошел срок развязать его руку, Торстейну привиделся во сне человек с сияющим лицом, который сказал, что ему воздастся за стремление обратить мать в христианскую веру и что когда с его руки снимут повязку, она будет еще красивее, чем прежде; он велел носить на ней перчатку и запретил прославлять его. А еще он сказал, что настанет день, когда Торстейн будет оклеветан перед королем, и велел показать руку в случае, если его жизни будет грозить опасность. Наутро, когда развязали руку, на ладони оказался след — будто на ней лежала золотая монета. Поверив этому знаку, мать Торстейна и окружающие их люди приняли крещение, а сам он с тех пор никогда не показывал руку. Окончив рассказ, Торстейн стянул с руки перчатку и предъявил знак. В результате со всех троих было снято обвинение, и они при-

мирились с конунгом, клеветники же, напротив, понесли достойное наказание (ISP III, 2256–2258).

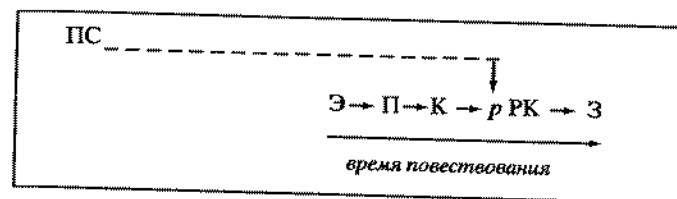
При всех различиях между этими историями нельзя не обратить внимания на их сходство. Вследствие действительно совершенного или мнимого преступления герой (или героиня) вступает в конфликт могущественным человеком, во власти которого он находится. Умиротворение достигается в ходе суда, где одной из сторон излагается некое не упоминавшееся ранее событие, которое имело место в прошлом, но, как выясняется, напрямую связано с ситуацией, описываемой в пряди. Тема этого вставного ретроспективного рассказа — сверхъестественное вмешательство в судьбу героя святого (или божественного) помощника, который среди прочего посылает ему свой знак (в “Первой Пряди о Халльдоре” это точное предсказание дальнейшей судьбы Эйнара: его женитьбы на Бергльот, указания будущего места жительства и т.п.) и требует от него определенного поведения в предрекаемой им грядущей ситуации. Полученная в прошлом чудесная помощь актуализируется, таким образом, в настоящем, вызывая благотворный перелом в судьбе героя: конфликт разрешается в его пользу и наступает примирение.

Итак, функция ретроспективного рассказа, вложенного в уста одного из персонажей пряди, в обеих историях идентична — введение в повествование информации, вызывающей резкий поворот в развитии. При этом необходимое для разрешения конфликта недостающее звено поставляется автором пряди не раньше наступления того критического момента, когда для него возникает “просвет” в общей цепи эпизодов действия, а именно в ситуации выбора дальнейшей судьбы героя. Что же касается способа изложения новой информации — прямой речи персонажа, то, разумеется, и он не случаен: благодаря ему в полной мере достигается эффект внезапности.

Ведущийся от лица персонажа ретроспективный рассказ (в предельном случае, каковым, несомненно, является прядь о Халльдоре, о чем еще будет сказано ниже) возникающая на этой основе повествовательная структура “текст в тексте”, на взгляд современного читателя, не представляют из себя ничего необычного. Именно поэтому сами по себе они неспособны привлечь наше внимание. Между тем подобные нарративные построения в прядях хотя бы по одной причине заслуживают того, чтобы не остаться незамеченными: они совершенно не характерны для классической исландской саги. Правило, согласно которому “каждая сага должна рассказываться так, как она происходила”, диктовало, что то, что имело место сперва, и должно быть изложено прежде того, что имело место потом. Другое дело, что рассказчику саги, связанному требованием линейности изложения, зачастую приходилось — как и любому творцу произведений словесности — решать проблему изображения одновременных событий, в силу чего были неизбежны отдельные

непреднамеренные временные смещения, однако в пределах развертывания одной линии действия принцип последовательности изложения соблюдался неукоснительно⁵.

Применительно к нашим двум историям было бы, однако, не вполне корректно говорить собственно о нарушении линейности изложения, поскольку перемещенные в рассказы героев прошлые события вообще не принадлежат в них ко времени повествования главного (“обрамляющего”) рассказа, но выходят за его временные границы:

(ПС — прошлое событие; Э — экспозиция; П — проступок, инициирующий конфликт; К — конфликт; р — ретроспективный рассказ героя; РК — разрешение конфликта; З — заключение).

Тем самым нарушается другое неписаное правило изложения саги, согласно которому рассказ ее организуется таким образом, что ничто существенное для понимания изображаемых в ней событий не может быть вынесено за пределы повествования, будь то начало истории или ее конец⁶. Руководствуясь этим принципом, рассказчик, собственно, и устанавливал начальную границу своего повествования, определяя момент, до которого ему следовало углубляться в предысторию главного героя или в прошлое представляемого им рода, с тем чтобы “своевременно” приступить к изложению его саги. Если же какие-либо релевантные для последующего действия события по каким-то причинам все-таки не вмещались в хронологические рамки рассказа, то о них, тем не менее, также сообщалось заранее: либо автор упоминал их во вступительной части повествования, либо о них говорилось при введении в сагу того из ее персонажей, кого они непосредственно затрагивали. Нетрудно заметить, что здесь мы столкнулись с произведениями, игнорирующими описанное правило и построенными совершенно иначе.

Но вот перед нами еще один рассказ, также из числа привлекавшихся ранее, который, несмотря на то, что ни одно из представленных в нем событий не выбивается за установленные действием временные рамки, все же немало напоминает уже рассмотренные здесь пряди.

Находясь в Норвегии, Храфн сын Гудрун, герой одноименной пряди (“Hrafn þáttur Guðrúnarsonar”, № 8)⁷, за нанесенные ему оскорбления совершает убийство городского управляющего Кетиля, в до-

ме которого он жил, и, спасаясь от гнева Магнуса Доброго, укрывается в лесах. Конфликт углубляется после первой же — нечаянной встречи главных героев. Когда конунг охотился, навстречу ему в лесу вышел незнакомый человек и, не называя себя, попросил его защиты. Вняв мольбе о помощи, конунг вручает ему свои знаки и отправляет на зимовку к одному бонду, а напоследок расспрашивает об объявленном вне закона Храфне. Дав уклончивый ответ, незнакомец вновь исчезает в лесу, а конунг догадывается, с кем говорит. Прибыв в надежде захватить преступника в начале весны в усадьбе, где зимовал Храфн, конунг Магнус узнает, что тот уже успел уйти. В гневе он объявляет, что считает для себя большим оскорблением совершенное исландцем убийство, то, что тот его одурачил, после чего назначает награду за голову Храфна и запрещает кому бы то ни было просить за него.

Некоторое время спустя Храфн обращается за помощью к своему родичу Сигвату, крестному и сподвижнику Магнуса Доброго, а в прошлом любимому скальду и близкому другу его отца, конунгу Олава сына Харальда, впоследствии объявленного святым. Попытки Сигвата заручиться поддержкой других знатных мужей не увенчались успехом, и Храфн, отчаявшись урегулировать конфликт с помощью посредников, решает приблизить развязку, представ перед государем. Сигвату не удается отговорить его от этого опасного шага, и тогда скальд препоручает Храфна защите того, «кто никогда еще не отказывал в помощи» — святого Олава. Перед тем как взойти на королевский корабль (Магнус Добрый направлялся воевать в Данию и стоял со своей флотилией, ожидая попутного ветра), Сигват обращается с молитвой к «вечному правителю Норвегии», конунгу Олаву Святому.

Далее события в пряди развиваются следующим образом:

«Магнус конунг спал на своем месте на корме и пробудился как раз тогда, когда Сигват с Храфном проходили мимо. Он вскочил и закричал: "Вставайте мои люди! Дует попутный ветер, и в Дании нас ждет победа". Все взобрали свои корабли, поспешно снарядились и отчалили. Когда они приплыли в Данию, люди высадились на берег. Там их ждало большое войско датчан, и завязалась жаркая битва. Магнус конунг был впереди своего войска, а Храфн сын Гули шел впереди конунга и храбро сражался, но ни один человек не перемолвил с ним ни словом. В этой битве некоторые видели в войске Магнуса конунга сына Олава конунга. В тот день конунг одержал славную победу» (пер. Е.А. Ревич, *ИС II*, 476).

Поведение конунга Магнуса при появлении Храфна не может озадачить читателя: потратив немало времени на поиски человека, объявленного им вне закона, назначив награду за его поимку, конунг, когда тот наконец оказывается в пределах досягаемости, только не пытается задержать его, но будто бы и вовсе не замечает его присутствия на корабле. Отнести столь явное равнодушие

даря к нашему герою на счет внезапно отодвинувших в его глазах все прочие заботы государственных дел — казалось бы, очевидное объяснение, будь перед нами собственно «королевская сага», но оно совершенно «не работает» в художественном пространстве «прядей о поездках из страны» с характерным для него смещением системы приоритетов в сторону частной истории заезжего выходца из Исландии. У норвежского короля — героя пряди на первом месте всегда его взаимоотношения с исландцем. Неслучайно поэтому эпизод, демонстрирующий загадочное отступление от этого правила (читатель не может не догадываться, что странное поведение конунга еще получит объяснение в своем месте), сменяется вполне канонической сценой королевского суда над Храфном, который состоялся сразу же по окончании битвы.

Вечером, как только норвежцы возвратились к кораблям и возблагодарили Бога за победу, конунг потребовал к себе Храфна. Сигват и другие хёвдинги попросили даровать ему пощаду за храбрость, однако конунг отказался что-либо обещать заранее. Отвечая на вопросы Магнуса Доброго, Храфн подробно изложил все смягчающие его вину обстоятельства (включая и такое, как сложенная после убийства Кетиля краткая поминальная песнь, впрочем, удавшаяся ему меньше, нежели исполненная тут же хвалебная песнь в честь конунга — традиционный способ заслужить прощение, «выкупив» свою голову подношением панегирика). Сумев, таким образом, достойно ответить на все вопросы конунга и вдобавок завоевать его расположение сочинением хорошей хвалебной песни, Храфн более не сомневался в своей удаче. И он не обманулся в своих ожиданиях: ему была дарована пощада, и он достиг полного примирения с правителем Норвегии, но... как выясняется, отнюдь не вследствие проведенного государем дознания или убедительных аргументов, приведенных героем в свою защиту, и не благодаря мастерскому владению скальдическим искусством, или отваге, проявленной в бою.

Когда разбирательство дела было закончено, конунг сказал:

«А теперь я расскажу о том, что случилось со мной. Когда я спал на корабле, мне явился Олав конунг, мой отец, и обратился ко мне с гневной речью: "Вот ты лежишь тут, Магнус конунг, и у тебя одна забота: как бы убить родича моего скальда из-за какой-то безделицы, и это — вместо того, чтобы подумать о том, как одержать славную победу над твоими врагами датчанами, а ведь уже задует попутный ветер. Будь милостив ко всем, кто сейчас находится на корабле, или тебя ждет возмездие в этом мире и не будет тебе удачи". А как только я проснулся, я увидел, как вы оба, Сигват и Храфн, проходили мимо, и тогда я еще больше устранился предостережения моего отца, так что мне уже было не до убийства Кетиля или других проступков Храфна. А теперь добро пожаловать к нам, Храфн, ибо этого хочет мой отец, а в качестве возмещения за то, что я плохо с тобой поступил, я даю тебе в жены Хельгу дочь Кетиля и с нею большое приданое» (*ИС II*, 478).

Итак, устроенный конунгом Магнусом суд над исландцем хотя и позволил ему выяснить, что за человек Храфн, в действительности был не более, чем видимостью беспристрастного разбирательства судьба главного героя пряди, вопреки предваряющему выяснению обстоятельств дела заявлению государя о том, что он “пока не готов обещать пощаду Храфну”, окончательно решилась еще в тот момент, когда исландец впервые ступил на королевский корабль. И если бы ни были раскрывшиеся затем перед конунгом достоинства Храфна, он избежал расправы (и даже больше: получил возмещение за то, что государь “плохо поступил” с ним!) исключительно в результате заступничества святого Олава, внявшего молитве “своего скальда” и пригрозившего возмездием и военным поражением собственному не в меру мстительному сыну. Мотивом разрешения конфликта оказывается, таким образом, не справедливость и мудрость монарха, в конце концов убедившегося в правоте обвиняемого, вмешательство высшей силы — разгневанного святого, угрозы “насаждающего” милосердие.

Как видим, неожиданный поворот в повествовании достигается уже наблюдавшимися ранее композиционными средствами. Одинаковая нарративная структура “Пряди о Храфне сыне Гудрун” имеет отличие от структуры рассмотренных ранее произведений. В данном случае налицо явное нарушение линейности действия: прошлое событие, отчет о котором перемещен в рассказ конунга, принадлежит ко времени повествования:

Событие (ПС), сыгравшее решающую роль в судьбе героя, было место на завершающей стадии развития конфликта (К) и, благодаря тому, явилось прямым его порождением, однако отчет о нем был меренно отложен автором пряди, иными словами, превращен в ретроспективный рассказ (р). На то, что при этом рассказчик руководствовался желанием озадачить аудиторию, указывает данный последний намек на грядущий поворот в повествовании — необходимое, исходя из логики развертывания всего предшествующего действия, как и вообще поэтики прядей, поведение конунга. Такой рассчитанный эффект от нарушения линейности рассказа — изложения следствия прежде объяснения причины — подкреплялся тем, что его автор вовсе не торопился удовлетворить любопытство этих заинтригованных слушателей или читателей, искусственно (и

бавим, весьма искусно!) оттягивая раскрытие истинной подоплеки происходящего.

О мастерстве рассказчика, сумевшего до мельчайших деталей предусмотреть реакцию аудитории на загадочное бездействие короля, в момент кульминации повествования внезапно оставляющего в покое исландца, свидетельствует и умело конструируемый им скрытый параллелизм двух одновременно представленных фрагментов этого разъятого на части эпизода. Безошибочно прогнозируемое, но так или иначе обреченное остаться невысказанным недоумение аудитории, вызванное противоречащим всем канонам поведением короля — героя пряди, находит прямой, вербализованный отклик в гневной речи святого Олава, который упрекает своего сына за то, что тот до сих пор вел себя именно так, как и было положено королю — герою пряди: вместо того чтобы думать о делах государственной важности, более всего заботился о преследовании исландца! Ответив словом, вложенным в уста персонажа, на предполагаемый вопрос читателя, автор, преднамеренно или нет, по сути дела, выходит за границы повествования и разоблачает канон, поскольку (пусть и в завуалированной форме) делает объектом комментирования не что иное, как самый нарративный механизм “прядей об исландцах”. Обнажение канона, однако, вовсе не имело своей целью его разрушение или даже простое от него отступление. Вмешательство святого Олава — конунга, ничуть не менее короля Магнуса озабоченного судьбой Храфна, племянника его любимого скальда, — было призвано лишь коренным образом изменить отношение здравствующего правителя Норвегии к исландцу. Враждебность и преследование сменяются милостью и щедростью, одно остается неизменным — повышенное внимание государя к особе главного героя.

“Прядь о Храфне”, таким образом, прямо перекликается с теми рассказами, где главный герой вступает во взаимодействие с двумя государями, один из которых, как правило, настроен против него, а другой оказывает ему поддержку. В нашем случае, однако, реализация этой схемы имеет свои особенности. Сверхъестественное явление “вечного правителя Норвегии” в роли доброго короля приводит к “раздвоению” функции конунга в пряди: из сурового гонителя Магнус после выслушанной им отповеди Олава и сам превращается в справедливого и милосердного государя. Прощение и возвышение Храфна, таким образом, — прямое следствие моральной победы, одержанной святым конунгом.

Так что же такое ретроспективный рассказ от первого лица: нарративный прием, применение которого отмечает неожиданный поворот в действии, или же элемент определенного структурного блока, с теми или иными вариациями воспроизводимого в отдельной группе прядей, а именно тех, где обычно заданная в “прядях о

поездках из страны" общая (макро-)структурная схема "отчуждение → примирение" реализуется в некоей закреплённой, готовой последовательности структурных элементов, как то: действительное или мнимое преступление героя → конфликт с высшим по статусу → разрешение конфликта посредством суда, где одной из враждующих сторон излагается прошлое событие, в котором участвовал сверхъестественный помощник, заранее предпринявший благоприятный для героя пряди исход дела? Если ведущийся от лица персонажа ретроспективный рассказ выполняет функцию поворотного пункта повествования только в рамках выделенного в рамках повествования трех историй структурно-тематического блока, то говорить о нарративном приеме не приходится, поскольку "прием" предполагает высвобождение функции, вычленение ее из стандартной ситуации (в нашем случае – сцены суда, чудесного вмешательства в судьбу героя и т.д.). Ретроспективный рассказ можно будет трактовать как прием, связанный с разработкой в прядях техникоповоротного пункта, лишь в том случае, если будут обнаружены тексты, в которых он выступал бы в той же нарративной функции, но вне описанного структурно-тематического блока.

Подобные тексты существуют. Как представляется, самое красноречивое доказательство того, что ретроспективный рассказ персонажа может рассматриваться как нарративный прием, сигнализирующий о повороте в действии, дает одна из прядей "Morkinskinna" "Прядь об Одде сыне Офейга" ("Odds þáttir Ófeigssonar", № 11, *ÍSP* 2185–2188), произведение, в отличие от приводившихся ранее историй, совершенно лишённое христианского содержания. Главное же в этой пряди нет и намёка на описанную ранее ситуацию, составившую часть которой было вмешательство в судьбу героя сверхъестественных сил.

Одд и его люди проводят зиму на севере в Финнмёрке, области подвластной Норвегии. Весной по пути на юг выясняется, что спутники Одда незаконно торговали с финнами. Как и сбор "финских податей" (finnskattr), вся торговля с финнами находилась в исключительном ведении конунга (действие истории относится к эпохе правления Харальда Сурового), а также его наместника, и без разрешения не могло быть и речи о самовольном обмене товарами с финнами. Одду поэтому приходится позаботиться о том, чтобы не захватили с поличным. Основная часть повествования пряди – это рассказ о многократном перепрыгивании незаконного груза обысках на корабле, производимых сперва конунговым наместником Эйнармом Мухой, а затем и самим конунгом⁸. При этом спасением исландцы прежде всего были обязаны помощи Торстейна, королевского дружинника и друга Одда: это он предупредил Одда о каждом готовящемся визите конунга и советовал ему, прятать товары.

Корабелыщикам в результате удастся провести Харальда Сурового и избежать расправы. Однако обычная для "прядей о поездках из страны" концовка – примирение с конунгом – на этот раз отсутствует, и конфликт остаётся неразрешённым. Вероятно, поэтому рассказ не заканчивается бегством Одда, но получает продолжение.

После того как Одд и его люди выходят в море, герой пряди обращается к своим спутникам со следующими словами:

«— Теперь я должен рассказать вам, как было дело и что мне приходилось предпринимать. Я просил вас не покупать у финнов больше, чем позволено, однако вы позабыли об осторожности. Когда же стало ясно, что нам не избежать встречи с Эйнармом, я сказал, чтобы вы приняли его как полагается, но постарались отвлечь его и сбить с толку, потому что знал за вами вину. И ещё я велел плыть, пока он был у нас, и все для того, чтобы поскорее от него отделаться. А потом, когда конунгу доложили, что показался какой-то корабль, и он спросил, не мы ли это, Торстейн, наш друг, ответил, что это, верно, рыбаки. "Хороший улов, — сказал конунг, — достаётся тому, кто знает свою выгоду, и этот улов — наверняка мой". Но нам все же удалось сохранить свой улов и ускользнуть от него, и благодарить за это следует Торстейну» (пер. Е.А. Гуревич, *ИС II*, 515).

Вслед за этим сообщается, что Одд приезжает в Исландию и отправляется к себе домой.

Закономерно возникает вопрос: какую новую, неожиданную для них информацию, действительно проливающую свет на то, как было дело, могли извлечь из речи Одда его спутники, сами бывшие участниками операции по перепрыгиванию незаконного груза? Очевидно, что рассказ героя – это, по сути дела, похвальное слово Торстейну, с самого начала вставшему на сторону исландцев в их конфликте с конунгом и сделавшему все от него зависящее для их спасения. Однако и это обстоятельство хорошо известно как корабельщикам, так и аудитории пряди, собственно же "новостью" и для тех и для других была лишь одна, обойденная в предшествующем изложении истории, деталь: сообщение о разговоре, состоявшемся между конунгом и его дружинником, когда был замечен корабль Одда. Деталь эта, однако, при всей ее красноречивости, мало что добавляла к и так ясной (по крайней мере, для победителей) картине разворачивавшихся в пряди событий, и рассказчик пряди навряд ли стал бы вынуждать Одда выступать с речью единственно ради ее обнаружения. Каковы же в таком случае истинные функции и прагматика ретроспективного рассказа героя? Как представляется, на этот раз они – сугубо формальные. Ретроспективный рассказ, избыточный с точки зрения развития действия (достаточно опустить его, чтобы убедиться, что не будут нарушены никакие причинно-следственные связи, доказательство чему – его отсутствие в более поздних списках пряди: рукописях XIV и XV вв. "Hulda-Hrokkinskinna"), введен в прядь для перехода к заключительной части истории и "пере-

вода" конфликта *Одд* — конунг в конфликт *Торстейн* — конунг. Настойчиво акцентируя внимание аудитории на роли *Торстейна* в предшествующих событиях, автор пряди сразу же вслед за этим делает его главным героем повествования: друг и помощник *Одда* становится естественным преемником неразрешенного конфликта между исландцем и *Харальдом*. В конце пряди рассказывается, что следующим летом *Одд* в благодарность за оказанную ему помощь посылает *Торстейну* двух чистокровных кобыл рыжей масти. *Торстейн*, опасаясь, что этот подарок раскроет его участие в деле *Одда*, решает преподнести лошадей *Харальду*, представляя дело так, будто *Одд* прислал их в дар конунгу. Тот, однако, без труда догадывается, кому предназначался подарок ("Я не заслужил подарка от *Одда*). Он послал его тебе, а не мне, тебе им и владеть"), и велит убить *Торстейна*. Но люди не пожелали подчиниться королевскому приказу, и *Торстейн* оставил дружину и "больше не поддерживал дружбы с конунгом" (ИС II, 516).

Как видим, обращение к прошлому в "Пряди об *Одде*" — это своего рода нарративный "маневр", подготавливающий замену главного героя, а тем самым и продолжение рассказа после исчезновения со сцены его центрального персонажа. Для нас же самым существенным оказывается то обстоятельство, что действие пряди в данном случае продвигает вперед даже не содержание ретроспективного рассказа, но факт его присутствия, что само по себе не может и выводить на первый план его формальную, организующую функцию в построении повествования.

Как и в рассмотренных ранее прядях, в истории *Одда* ретроспективный рассказ отмечает заключительную стадию конфликта (хотя последний вообще не находит разрешения — примирения не наступит). В уже упоминавшемся ранее анекдоте о *Халли Челноке*, скальде-трикстере, одном из придворных поэтов *Харальда сына Сигурда*, ретроспективный рассказ и вовсе не связан с завершающими фазами повествования: напротив, он инициирует конфликт.

В этом эпизоде пряди ("Sneglu-Halla rátt", кар. 7, "Flateyjarbók") мы вновь сталкиваемся с королевским наместником *Эйнаром Мухой*, исправно защищающим интересы *Харальда Сурового* на севере страны. Более того, завязкой истории, рассказывающей об очередной выходке *Халли*, служит не что иное, как описание участи, оказавшейся *Одда* и его спутников в случае, если бы им не удалось ловко провести сборщика финской дани.

В начале эпизода сообщается о том, что конунг ожидает приезда *Эйнара* на рождественский пир, в связи с чем *Халли* и его товарищи по скамье *Сигурд* беседуют о могущественном госте. *Сигурд* делится с *Халли* тем, что ему было известно об *Эйнаре*: этот человек "никогда не платит возмещения за учиненные им убийства или беги" и "никто не решается перечить ему или идти против его во-

(ИС II, 506). Предостерегающие речи приятеля лишь раззадоривают *Халли*: он бьется об заклад с *Сигурдом*, что если *Эйнар* нанесет ему обиду, он не только призовет его к ответу, но и сумеет добиться того, чтобы тот уплатил ему возмещение.

Как водится, подходящий случай не заставил себя долго ждать.

К Рождеству приезжает *Эйнар* и во время застолья в ответ на просьбу конунга позабавить пирующих рассказом о том, что произошло во время его поездок, сообщает об инциденте, который имел место летом, когда ему повстречался исландский корабль, направлявшийся на юг из Финнмёрка. *Эйнар* обвинил исландцев в незаконной торговле с финнами, однако они все отрицали, но, тем не менее, наотрез отказались пустить людей *Эйнара* на борт, когда тот потребовал обыскать корабль. В ответ *Эйнар* напал на купцов и уничтожил их всех до одного. Наибольшую отвагу в этом бою проявил некий исландец по имени *Эйнар*. По признанию *Эйнара Мухи*, ему не доводилось встречать более достойного противника.

Реакция *Халли* на рассказ *Эйнара* последовала незамедлительно:

"Он швырнул свой нож на стол и перестал есть. *Сигурд* спросил, уж не заболел ли он. Он отвечает, что здоров, но что это — хуже болезни.

— *Эйнар Муха* рассказал о гибели *Эйнара*, моего брата. Он сказал, что сразил его прошлым летом на торговом корабле. Вот и представился случай потребовать у него возмещения" (ИС II, 507).

Описанный *Эйнаром* "случай из прошлого", отличающийся от ситуации, в которой оказался *Одд* сын *Офейга*, лишь своим трагическим исходом, служит, таким образом, толчком для возникновения конфликта между безродным исландцем и всемогущим королевским наместником. Главное же — конфликт возникает здесь как неожиданный и острый поворот в действии, вызванный информацией, содержащейся в ретроспективном рассказе одного из его участников.

Знаменательно, что и разрешается он также в результате неожиданного острого поворота, который и на этот раз не обходится без обращения к прошлому. Убедившись, что *Эйнар* не намерен платить возмещения за убийство его брата (как и можно было ожидать, события в пряди развиваются по плану, намеченному в экспозиции рассказа, где сообщалось о чинимых *Эйнаром* беззакониях), *Халли*, тем не менее, находит наконец способ добиться своего. В присутствии *Эйнара* он рассказывает конунгу якобы привидевшийся ему сон. Приснилось же ему, что он — не кто иной, как *Торлейв Ярлов Скальд*, а *Эйнар Муха* — *Хакон Ярл*, и что будто бы он сочинил о нем нид (хулительные стихи), причем кое-что из этого ниды ему "даже удалось запомнить". В подтверждение своих слов *Халли* поворачивается спиной к конунгу и *Эйнару* и начинает что-то бормотать себе под нос, так что невозможно разобрать ни слова. *Харальд* сразу же догадывается, что рассказанный *Халли* сон — это завуалированная

угроза в адрес его гостя, и советует тому согласиться на требование Халли. Эйнару приходится подчиниться.

По ходу действия Эйнар и Халли явно меняются местами. Теперь наступает черед скальда заговорить с позиции силы – прибегнув к неожиданному и хитроумному маневру, наш герой в итоге добивается желаемого, оборачивая в свою пользу, казалось бы, безнадежное дело. И вновь кардинальный поворот в повествовании, предопределивший развязку конфликта, осуществляется средствами ретроспекции, т.е. тем же способом, каким был представлен и самый инцидент, инициировавший столкновение героев. Под видом сна, а сны в художественном универсуме исландской саги обыкновенно выполняли роль пророчества: функция, на которую и намекал Халли, обнажая своей уловкой условность традиционного приема, – герой пряди обращается к прошлому событию, молва о котором к времени действия пряди уже многие десятилетия передавалась из уст в уста. Поэтому, в отличие от Эйнара, подробно изложившего свое летнее приключение, Халли достаточно было лишь назвать имена героев своей истории и упомянуть о факте сочинения ниды, остальные каждый из присутствующих без труда мог восстановить по памяти сам. Намек на историю Торлейва Ярлова Скальда и ярла Хаконна – это, по сути дела, знак ретроспективного рассказа, присутствующего здесь в свернутом виде. Однако механизм действия этого невысказанного рассказа о прошлом такой же, как и в уже известных нам случаях: разрешение конфликта в пользу главного героя.

Используя ретроспекцию в наиболее острые моменты действия – в сценах зарождения и развязки конфликта, рассказчик пряди подчеркивает параллелизм этих двух ситуаций. Если Эйнар в ответ на просьбу Харальда поведать о каком-нибудь недавнем случае из его богатой ратными свершениями жизни *припоминает и к примеру рассказывает* о стычке с исландцами, то Халли, как сразу же догадывается конунг, апеллирует к общеизвестному *примеру, напоминая* о том, каким способом могут разрешаться конфликты между знатными хёвдингами и несправедливо обиженными ими людьми низшего звания: Хакон ярл, разграбивший принадлежавшие Торлейву товары, спаливший корабль и убивший его спутников, жестоко поплатился за свое злодейство, когда скальд сложил ему в отместку хулительные стихи, которые нанесли непоправимый ущерб его здоровью и репутации (ИС II, 446–457)¹⁰. Даже реакция конунга, на всем протяжении рассказа пытающегося погасить конфликт между Халли и Эйнаром, выражается в двух совершенно идентичных аргументах, к которым он прибегает до и после переломного “пункта” действия: сперва убеждая Халли отказаться от своих притязаний (“людям и тебе, Эйнар, приходится сносить от него подобное”), а затем склоняя Эйнара к решению откупиться от исландца (“нид обидели и против более могущественных людей, чем ты”).

Между тем эпизод не заканчивается победой главного героя над обидчиком. Нуждается в завершении и “обрамляющее” центральное действие: спор между Халли и Сигурдом. Чтобы окончательно “замкнуть” рассказ, автор вновь прибегает к ретроспекции, на этот раз возвращающей нас к завязке истории. Узнав от Халли о поражении его противника, Сигурд готов вручить ему выигранное им золотое кольцо, однако тот, вопреки ожиданию, отказывается принять его, заявляя, что “не хочет ни в чем уступать” своему товарищу. Только теперь Халли наконец раскрывает Сигурду, “как было дело”: оказывается, он вовсе не состоял в родстве с чело- веком, которого убил Эйнар, и только хотел проверить, удастся ли ему вытянуть из него деньги!.. Внезапно открывшаяся истина заставляет читателя заново оценить все предшествующее поведение главного героя, который с этого момента предстает перед ним уже не в роли бесстрашного блюстителя семейной чести, но в качестве ловкого плута, сумевшего провести не только известного своей неговорчивостью королевского наместника, но и самого конунга.

Итак, по ходу действия автор трижды прибегает к ретроспекции, причем каждый раз – в ключевых, решающих моментах своего рассказа. Обращение к “недавнему” прошлому, выход за временные рамки повествования составляет необходимый предмет для конфликта и образует завязку излагаемой истории (ср. *aufbauende Rückwendung* в терминологии Лэммерта). Из прошлого же, но куда более отдаленного, извлекается в точку наивысшей кульминации рассказа и тот эталонный “пример”, который при проекции его на будущее героев разыгрываемой драмы ведет к разрешению конфликта (*auflösende Rückwendung*). И наконец, венчает историю “внутренняя ретроспекция” – возврат к ложному утверждению, сделанному героем на раннем этапе развития действия, который раскрывает обман и выставляет в истинном свете все описанные прежде события. Ретроспективные речи главных персонажей рассказа служат, таким образом, несущими опорами всей его повествовательной конструкции.

Перед нами, естественно, не может не встать вопрос об источниках ретроспективного рассказа в прядях, и одна из возможностей, которую неизбежно приходится принимать в расчет при обсуждении проблемы его происхождения, – это заимствование. Разумеется, трудно представить себе механизм проникновения инокультурного нарративного приема как такового отдельно от организуемого им конкретного повествования: объектом заимствования служат не структурные модели, но произведения, в которых они используются, и именно последние способны в дальнейшем послужить образцами для подражания. Поэтому рассматривать гипотезу заимствования имеет смысл лишь в том случае, если будут обнаружены предполагаемые рассказы-посредники, тексты, способные сыграть роль

проводников чужеродного влияния. Забегая вперед, заметим, однако, что, к сожалению, и тогда едва ли удастся найти сколько-нибудь надежные доказательства, подтверждающие, что эти тексты действительно выполняли приписываемые им функции, а не были, напротив, пересажены на основательно подготовленную задолго до проникновения почву. Невозможность выстроить относительно хронологию прядей, в большинстве своем совершенно самостоятельных повествований, по тем или иным соображениям включенных в одни рукописи королевских саг, но по каким-то причинам выпущенных или попросту отсутствующих в других, не позволяет реконструировать даже приблизительную "эволюцию" этого жанра не говоря уже об отдельных его структурных элементах.

И тем не менее, заведомое отсутствие перспективы оценить реальный вклад чужеземных образцов в появление ретроспективного рассказа в прядях не умаляет важности обращения к тому единственному известному нам произведению, чьи бесспорные "интернациональные" корни наделили его именно теми качествами, которые при определенных условиях могли бы позволить ему выступить в роли проводника инокультурного влияния. Рассказ, о котором пойдет речь — "Прядь о Хрои Простаке".

Ретроспективный рассказ и заимствованный сюжет: "Прядь о Хрои Простаке" и *Senex caecus*

Несмотря на то, что "Прядь о Хрои Простаке" ("Hróa ráttir heinska")¹¹ в основной своей части — не что иное, как прямая адаптация одной из многочисленных новелл-притч знаменитой восточной "Антологии семи мудрецов", ей все же не удалось до конца избежать участи, которая обычно подстерегала пересаживаемые на скандинавскую почву заимствованные мотивы. Последние в силу особенностей способности исландской традиции притягивать к себе и без остатка ассимилировать чужое, как правило, подвергались столь основательной переработке, что нередко вообще утрачивали какую бы то ни было связь со своими непосредственными источниками. Хорошим известным и яркий пример подобного растворения и поглощения иностранного влияния — сон Флоси в главе 133 "Саги о Ньяле", входящий к одной из историй, рассказанных в "Диалогах" Григора Великого¹².

В отличие от лежащих в основе отдельных эпизодов трудно отождествимых заимствованных мотивов, свободно встраиваемых совершенно новые для них повествовательные конструкции, "Прядь о Хрои", ловко выхватившей из неведомого источника не разрозненные элементы-мотивы, но связную сюжетную канву восточной новеллы, было значительно труднее скрыть свое происхождение

обязательными в таких случаях внешними преобразованиями. Тем заметнее потребовавшиеся для этого перемены. Начать с того, что в первой части истории ничто не указывает на ее иноземные корни, более того — повествование, предвещающее основное действие рассказа, носит подчеркнуто местный, скандинавский характер.

В нем мы знакомимся с главным героем пряди, датчанином по имени Хрои, купцом и искусным ремесленником, сколотившим состояние в торговых поездках в разные страны. Однако неудачи преследуют Хрои: дважды ему, потерявшему все свое добро в морской стихии, удастся вновь подняться и разбогатеть, но после постигшего его в третий раз кораблекрушения он решает обратиться за помощью к правившему в те времена датскому конунгу Свейну Вилобородому (987–1014). По просьбе Хрои конунг входит с ним в долю, внося свои средства в его торговое предприятие, с тем чтобы его королевская "удача" и "везение" (*gipta og hamingja*) пересилили "неудачу" (*úgæfa*) Хрои. Отныне дела последнего идут хорошо, и из Хрои Неудачника (*Ófara Hrói*) он превращается в Хрои Богача, или Хрои Великолепного (*Hrói hinn auðgi eðr Hrói hinn ríði*)¹³. Тогда-то, встав на ноги, наш герой, вопреки совету и желанию конунга, решает обрести самостоятельность и возвращает Свейну его долю. Следующая же поездка Хрои показывает последствия этого решения.

На этот раз путь героя лежит в Швецию. По прибытии туда Хрои встречает человека по имени Хельги, назвавшегося дружинником шведского конунга Эйрика. Тот заверяет Хрои, что им уже доводилось встречаться прежде, и предлагает ему сделку: обменять весь привезенный им груз на содержимое принадлежащего ему склада с товарами. Осмотрев склад, датчанин соглашается обменять "все на все", и на следующий день Хельги вывозит с корабля то, что ему причиталось. Хрои, однако, пропускает условленный срок и является за приобретенными у Хельги товарами лишь наутро после назначенного дня. Каково же было его удивление, когда оказалось, что двери распахнуты и склад пуст! Обойдя его, он наткнулся на спящего Хельги, который на вопрос Хрои о том, куда делись товары, которые он у него выменял, сперва отвечал, что знает не знает ни про какие товары, а потом признался, что вынес их со склада в условленный день, но поскольку Хрои не явился за ними, а их могли украсть, был вынужден перенести их в другое место и теперь считает, что они принадлежат ему. Хрои замечает на это, что недолго разбогатеть, промышляя мошенничеством, Хельги же отвечает, что по законам их страны никто не вправе оставлять без присмотра свое добро, дабы оно не стало добычей воров, а потому Хрои должен будет предстать перед королевским судом.

Расставшись с Хельги, Хрои продолжил свой путь "к другому двору". Однако, едва успев поравняться с ним, обнаружил, что его догоняют два человека; один из них весьма походил на того, с кем он

заклучил столь неудачную сделку. На шею Хрои был накинута ремень, на котором висел драгоценный нож. Шедший впереди — его звали Торгисл и он приходился братом Хельги — схватил ремень, сказав, что лишь возвращает себе свое: Хрои, мол, похитил у него ремень с ножом, который был изготовлен по его заказу в Англии, когда они оба были в Валланде (во Франции). Хрои лишь улыбнулся в ответ, заметив, что не видит большой выгоды от своего путешествия, и пошел своим путем.

Спустя некоторое время ему повстречался одноглазый человек, рослый и свирепый с виду. Он сказал, что они с Хрои видятся не впервые, и доказательства тому — налицо. Когда же тот не смог припомнить, чтобы они когда-либо встречались, незнакомец обвинил его в том, что однажды в торговой поездке на острове Самсей Хрои, с одноглазым от рождения, с помощью финнов-колдунов отобрал у него и присвоил себе его глаз. Поэтому-то глаза у него разные (о том, что один глаз у Хрои был синий, а другой черный, сообщалось в самом начале рассказа), однако “всякий, кто в своем уме, видит, что у этих глаз находились в одном черепе”, теперь же их рассудит конунг, а также вынесет решение по другому иску — о краже ножа и ремня у его брата Торгисла. Хрои не признал себя виновным и, расставившись с одноглазым человеком, возвратился на свой корабль.

На другой день Хрои отправился к *borgarhlíð* — ‘городским воротам’ (именно так, а не в качестве ‘входа в крепость’ — обычного толкования словарей — следует понимать это слово, за которым в Скандинавии не стояло решительно никакой реальности). Там, проходя мимо одного дома, он нечаянно подслушал разговор, предметом которого был он сам. Один из собеседников спрашивал неужто Хрои Простак явится на тинг, другой отвечал: “Плохо обстоят дела этого человека, потому что конунг всегда выносит решение в пользу братьев, правы они или нет”. Хрои притворился, что ничего не слышал, и пошел дальше. Затем ему повстречалась молодая женщина, идущая за водой. Ему показалось, что он никогда не видал большей красавицы. Разговорившись с девушкой, Хрои выяснил, что зовут ее Сигрбьёрг и она — дочь Торгнюра лагмана. Когда Хрои узнал, кто ее отец, он заметил, что ему “пригодилась бы ее мудрость”, и спросил девушку, не согласится ли она помочь ему. Та велела ему стать под ее светелкой и внимательно слушать и записывать, о чем они с отцом будут беседовать.

Торгнюр лагман (лагманами называли предводителей местных тингов, которые возглашали на них законы и представляли власть перед конунгом от имени бондов), чьи хитроумные ответы пользуются герою пряди снять с себя возведенные на него обвинения и сделать себя победителем в тяжбе с братьями-обманщиками, — по всей видимости, реальное лицо, обладавшее немалой властью и, по свидетельству саги, авторитетом “самого мудрого человека в Швеции”. Глаз

причина, по которой “Прядь о Хрои Простак”, датчанине, отправившемся в торговую поездку в Швецию, оказалась включенной в “Отдельную сагу об Олаве Святом” в “Книге с Плоского Острова”, и состоит в том, что в числе ее центральных персонажей был Торгнюр, чей образ, по-видимому, сливался с образом его сына, также лагмана по имени Торгнюр (он упоминается в заключении к пряди), жившего во времена Олава Святого и прославившегося обращенной к шведскому конунгу Олаву смелой речью, которая привела к установлению мира между Норвегией и Швецией¹⁴.

Как явствует из следующей сцены, в которой Хрои подслушивает разговор отца с дочерью, Торгнюр был слеп: он “узнает голос своей дочери”, расспрашивает ее о погоде, а затем, услышав, что она тяжело вздыхает, осведомляется, не встречалась ли она с Хрои и не приглянулся ли он ей. Между тем в версии “Пряди о Хрои” в “Книге с Плоского Острова” отсутствуют прямые указания на этот счет. Правда, в “Пряди о Стирбьёрне Воителя Шведов” (“*Páttr Styrbjarna svíakappa*”), которая предшествует рассказу о Хрои в этом собрании королевских саг, сказано, что Торгнюр сын Торгнюра, бывший лагманом при Эйрике Победоносном, в те времена уже состарился и “плохо видел” (“*uag {...} lítt syndr*”). Не исключено, что отсутствие упоминания этого факта в “Пряди о Хрои” — следствие соседства в пределах одной компиляции двух разных и вполне самостоятельных текстов, в которых фигурировал Торгнюр: редактор мог расценить содержащиеся в рассказе о Хрои сведения о лагмане как повтор и опустить их¹⁵. Судя по всему, именно так и случилось, поскольку о слепоте Торгнюра говорится в сохранившемся позднем фрагменте отдельной редакции “Пряди о Хрои” (в AM 557, 4to), где повстречавшаяся герою молодая женщина представляется дочерью “мудрого Торгнюра Слепого” (“*Þorgnys spekinga hins blindu*”). О том, насколько существенна эта деталь образа мудрого советчика, станет ясно из дальнейшего.

Сигрбьёрг спрашивает отца, как бы он поступил, окажись он на месте Хрои. Торгнюр говорит, что ответил бы хитростью на хитрость, ложью на ложь и сделал бы встречное бездоказательное заявление в ответ на бездоказательное заявление своего противника, а потом рассказывает, что именно он мог бы противопоставить каждому обвинению, выдвинутому братьями. Подслушанные Хрои ответы мудреца, однако, не приводятся в сцене беседы отца с дочерью: как говорится в пряди, “рассказ об этом последует позднее”. На тинге, куда Торгнюр является с большой свитой, к которой, по совету Сигрбьёрг, присоединяется и Хрои, в присутствии конунга происходит судебное разбирательство. Первым излагает свое дело Хельги. Он рассказывает, каков был уговор между ним и датчанином и как тот вовремя не забрал свое добро, что и дало ему основания присвоить его себе. Затем конунг дает слово Хрои; тот не опровергает ска-

занного его противником, однако заявляет, что поскольку они Хельги договорились, что ему при обмене отходит все содержимое склада, он вправе претендовать на "бывших внутри ползучих тварей, молей, червей и паразитов", и на самого Хельги впридачу, которого он намерен продать как своего раба, — он также находился внутри при заключении сделки.

Затем наступает очередь Торгисла. Он утверждает, что Хрохитил у него сокровища — нож и ремень. У того и на это обвинение был готов ответ: встречный иск Торгислу. Он рассказывает полную историю о том, как вместе со своим младшим братом Сигурдом отправился в торговую поездку в Валланд. Там на базаре некий человек увязался за его братом, заметив, что в кошельке у мальчика было много денег, и, с тем чтобы завладеть ими, убил его. Когда Хрох, узнав о случившемся, пришел туда, где лежало тело его брата, он обнаружил, что деньги исчезли, но рядом с трупом оказались нож и ремень, которые он и забрал. Теперь же, если верить Торгислу, выходит, что это он убил и ограбил его брата, и пусть конунг несет свой вердикт.

После этого вышел вперед Торир, их брат, и, изложив свое дело (об украденном глазе, о чем в пряди рассказывалось ранее), сказал, что рассудить их нелегко, однако он рассчитывает, что конунг, обратившим вниманием прислушается к его словам, а также к тому, что говорили его братья, поскольку все они всегда служили ему верой и правдой, чем к речам какого-то чужеземца. Когда же спросили Хроха, признает ли он выдвинутое против него обвинение, тот заявил, что все услышанное ими — ложь. В подтверждение своих слов он предложил вынуть у них обоих по глазу и положить их на весы, коли они принадлежат одной голове, как настаивает Торир, то и должны иметь одинаковый вес. Если Торир окажется прав, то получит возмещение, которое назначит конунг, если же он откажется от своих глаз, то должен быть признан обманщиком. Торир, как и следовало ожидать, не пожелал подвергнуться испытанию.

Тогда слово взял Торгниюр. Он сказал, что братья незаслуженно пользовались доверием конунга, но теперь должны быть наказаны, и право решить их участь принадлежит Хроху. Тот, не долго раздумывая, вынес приговор каждому. Торгисл и Торир подлежали смерти, а Хельги изгнанию, причем все его имущество отходило Хроху. С этой поры Хрох получил прозвище Мудрый (*Hrói hinn smátt*). Он взял в жены Сигрбьёрг, после чего посетил датского конунга Свейна, которому поведал обо всем, что с ним произошло, и принес ему богатые дары, а затем вернулся в Швецию. Торгниюр также в то время умер, и на его место заступил его сын Торгниюр, который был мудрым человеком. Хрох разделил с ним "по закону" оставшееся имущество его отца и поселился в Швеции, где от него "ведут род многие видные люди".

Причудливое сочетание специфически местного колорита с экзотическими, чуждыми исландской литературе деталями (включая и такие, как городские ворота или девушка, идущая за водой), не говоря уже о необычных претензиях братьев-обманщиков и не менее неожиданных, ни на что не похожих ответах на их обвинения, с помощью которых их удается одолеть, — все это выдает нескандинавскую основу сюжета "Пряди о Хрохе", отдельные же ее моменты (требование о поимке и выдаче всех насекомых при обмене "всего на все", история об отобранном глазе и предложение взвесить глаза, чтобы установить истину) прямо указывают на ее интернациональный источник — "историю семи мудрецов"¹⁶.

"Прядь о Хрохе" — не единственное произведение древнеисландской литературы, в основу которого был положен рассказ из знаменитой "Книги Снядбада", сюжет, пришедший с Востока, однако, как обычно полагают, воспринятый, скорее всего, не непосредственно из восточной традиции, но заимствованный на средневековом Западе, где к тому времени существовали многочисленные его обработки. В "Саге о скальдах конунга Харальда Прекрасноволосого" (*"Skáldasaga Haralds konungs hárfagra"*), также сохранившейся в рукописи XIV в. (*"Hauksbók"*)¹⁷, мы находим еще один рассказ, представляющий собой переработку другой притчи из "истории семи мудрецов", новеллы о незадачливых любовниках (в исландской версии их роль отводится королевским скальдам), заманенных и запертых проучившей их женщиной¹⁸. Однако если в "Саге о скальдах конунга Харальда Прекрасноволосого" мы, скорее всего, имеем дело с "бродячим сюжетом", перекочевавшим в Исландию из континентальной устной традиции и там подвергшимся литературной обработке в связи с созданием апокрифической легенды о норвежских поэтах прошлого, то "Прядь о Хрохе", произведение, в значительно большей степени демонстрирующее свои нескандинавские истоки, вполне могла опираться на конкретные литературные прототипы.

Использованный в этой пряди восточный сюжет, известный в научной литературе как *Senex caecus*¹⁹, сложнее уже тем, что в нем потенциально заложены возможности довольно широкой вариативности. Купец привозит на продажу в некий город драгоценный груз — сандаловое дерево, однако повстречавшийся ему горожанин заверяет его, что у них сандаловое дерево ценится так низко, что они пускают его на дрова, и предлагает опечаленному чужеземцу сделку: отдать весь его товар за меру "того, что он захочет". Купец идет дальше и встречает людей, играющих в кости (в другом варианте: спорщиков); они вовлекают его в это занятие, и он оказывается в проигрыше. Теперь перед ним стоит выбор: либо выпить море до последней капли, либо отдать все имеющиеся у него деньги. Продолжив свой путь, купец встречает одноглазого человека, заявляющего, что чужеземец отнял у него глаз, который он требует вернуть. Решение

каждого из этих дел откладывается до следующего дня, когда стороны должны будут предстать перед судьей. На помощь купцу приходит старуха, которая рассказывает ему, что каждый вечер обманщики собираются у мудрого слепого старца (в арабской версии — шаха), живущего у городских ворот, и тот дает им советы, как поступить в том или ином случае. Если он спрячется и подслушает их беседу, то сможет одолеть своих истцов. Тот так и делает и выслушивает, как старец по очереди выговаривает его противникам за их дальновидность: чужеземец, по его мнению, если захочет, легко победит каждого из них. У первого в обмен на сандаловое дерево он может потребовать не золото и серебро, но полную меру блох, “полвину самцов, половину самок”; игрокам велит подать ему горлышко моря, чтобы он смог его выпить (вариант: велит перекрыть все реки, выпадающие в море, дабы отделить соленую воду от пресной); криму предложит вынуть и положить на весы его единственный глаз, чтобы сравнить его со своим. Выслушав советы слепого старца, купец на следующий день побеждает своих противников.

В такой версии этот сюжет, как полагают, прямо или косвенно восходящий к утраченной арабской редакции “Книги Синдбада”, заданной во втор. пол. VIII или в нач. IX в., варьируя второстепенные подробности и детали, представлен в греческой (“Συντίλος”), испанской (“Libro de los engannos et los asayamientos de las mugeres”), древнееврейской (“Mischlê Sindebār”), сирийской (“Sindban”), персидской (“Sindibād-nāmeḥ”) и арабской традициях²⁰. При этом вариации сюжета были подвержены как состав участников действия, так и характер злоключений купца в городе обманщиков. В “Книге тысячи и одной ночи” (как и в некоторых индийских версиях того же рассказа — считается, что именно Древняя Индия была родиной этой истории, откуда она разными путями, но в первую очередь через арабский Восток, распространялась на Запад), присутствует, например, четкий эпизод — с башмачником, починившим (вариант: продавшим) купцу сандалию в обмен на обещание, что ему достанется в качестве вознаграждения то, “на что он сам будет согласен”. Рассчитав получить в результате этой сделки все деньги чужестранца, этот мошенник вынужден в итоге согласиться с его утверждением о силе могуществе султана.

Наряду с изменениями отдельных деталей, а также заменой некоторых эпизодов рассказа другими, объектом варьирования оказываются и самый образ мудрого советчика. В санскритской версии Х слепого старца замещает мудрая женщина, к которой переодетый женское платье герой приводит ее дочь, гетера. Последняя, так как и в исландской “Пряди о Хрои”, становится после суда женой одержавшего верх купца.

Несмотря на очевидное совпадение ряда эпизодов и отдельных второстепенных деталей, “Прядь о Хрои” не может

прямо возведена к изложенной здесь “восточной” версии истории о купце и слепом старце: из трех (или даже четырех) исков, предъявленных чужестранцу обманщиками, мы находим в исландском варианте рассказа лишь два. За договором об обмене корабельного груза на содержимое склада с товарами, оборачивающимся невыполненным требованием о поимке и выдаче всех ползающих и летающих насекомых, легко просматривается сделка с сандаловым деревом, за которое герою восточной истории была обещана полная мера чего он сам пожелает, и его желание в качестве платы получить полную меру блох. Другой эпизод — встреча с кривым человеком, требующим назад свой глаз, и высказанное в ответ предложение вынуть и взвесить глаза, дабы убедиться в том, что они принадлежали одной голове, претерпел еще менее заметные изменения. Это, судя по всему, неслучайно — по крайней мере, в “восточных” версиях рассказа — наименее подверженный трансформациям мотив из всех, использующихся в сюжете о слепом старце, сохранившийся даже в тех его вариантах, в которых кардинальным образом видоизменялись или замещались все прочие мотивы²¹.

Что же касается третьего и самого важного для нас эпизода, встречи с человеком, обвинившим героя в краже ножа и ремня, — важного в контексте обсуждения предполагаемых источников используемых в прядях нарративных приемов, поскольку именно это обвинение влечет за собой последующее изложение на суде псевдоретроспективного рассказа, — то мы вообще не находим его в “восточной” версии истории о купце и слепом старце. Вместо него в ней используется эпизод со спорщиками, требующими от героя, чтобы он либо выпил (согласно другому варианту: измерил) море, либо расстался со своими деньгами. Однако означает ли это, что обвинение в похищении драгоценного оружия и изобретенная в качестве встречного иска история об убийстве малолетнего брата представляют собой самостоятельный вклад исландской традиции в интернациональный сюжет?

Как убедительно показал Даг Стрёмбэк, специально исследовавший круг возможных литературных “прототипов” “Пряди о Хрои”, эта история была обязана своим возникновением не только чужеземному влиянию. Так, разнообразные параллели с “Сагой о Халльфреде Трудном Скальде” — напомним, что эта “семейная сага”, как и пряди, была “вплетена” (разбита на части и инкорпорируется) все в ту же “Книгу с Плоского Острова”, а именно, в жизнеописание Олава Трюггвасона, — показывают, что заимствованные мотивы подчас накладывались на местный субстрат²².

В этой саге рассказывается, в частности, о полной приключений торговой поездке Халльфреда в Швецию (ISp II, 1239–1242), предпринятой им вопреки предостережениям и неодобрению его патрона, норвежского конунга Олава (ср. отношение датского короля

Свейна к аналогичному путешествию героя в "Пряди о Хрои". В Конунгахелле Халльфред встречает в торговом месте человека имени *Аудгисл*, и тот в результате заключенного ими соглашения становится его компаньоном (ср. имя второго брата в "Пряди Хрои" — *Торгисл*, того самого, который потребовал вернуть украденные у него в прошлом нож и ремень). Во время странствия через лес к ним присоединяется проводник, оказывающийся разбойником: он убивает *Аудгисла* и пытается сзади нанести смертельный удар *Халльфреду*, однако того выручает перекинутый им на спину ремень с большим ножом, который висел у него на шее (ср. ремень с подвешенным к нему ножом на шее у *Хрои*). Обнаружив тело убитого *Аудгисла*, *Халльфред* забирает его нож и ремень, а потом в качестве доказательства правдивости своего рассказа отдает и другое его вдове *Ингибьёрг*, на которой вскоре женится сам (теперь предметы, якобы обнаруженные рядом с мертвым телом его брата фигурируют в "ретроспективном" рассказе *Хрои*, где они исполняются им как улики против *Торгисла*; ср. также имя девушки, которую берет в жены герой этой истории — *Сигрбьёрг*).

Кроме того, "шведским эпизодом" саги предшествует рассказ о поручении, данном герою норвежским конунгом-миссионером (*ÍSP II, 1238–1239*). Олав Трюггвасон посылает *Халльфреда* к Торлейву Мудрому, язычнику, отказывающемуся принять новую веру, чтобы скальд, если тот не подчинится, убил или ослепил. Вступив в единоборство с Торлейвом, *Халльфред* лишает его одного глаза, но, вняв его мольбам, оставляет ему другую. Расставшись с Торлейвом, *Халльфред* отправляется за вторым глазом в усадьбу своего врага *Кальва*, которого он подвергает аналогичной экзекуции, а затем возвращается к конунгу и рассказывает ему, что вынул его наказ и ослепил Торлейва. В ответ на просьбу Олава представить доказательства, он протягивает ему глаз *Кальва*, однако конунг сразу же замечает подмену. Тогда *Халльфреду* приходится показать конунгу второй глаз и рассказать всю правду о своей поездке (ср. эпизод с кривым Ториром и мотив вынутых для сравнения в "Пряди о Хрои").

Хотя все перечисленные параллели носят сугубо формальный характер (к ним можно добавить и общую деталь в описании обоих героев: оба они были темноволосы — *jafrgr á hágr* — признак, обычно указывающий на тяжелый нрав или неблагополучие его обладателя²³), в совокупности они, несомненно, демонстрируют наличие определенной связи между этими двумя, казалось бы, весьма различными произведениями, причем связи, скорее свидетельствующей о их непосредственном "контакте", возможно, обусловленном составом в рамках одной компиляции, нежели о притяжении, возникающем на основе более широкой "интертекстуальности", характерной для произведений, принадлежащих к одной литературе.

традиции. Уместно, однако, пойти дальше констатации самого факта "аттракции" подхваченного на континенте чужеродного сюжета к саге о знаменитом исландском скальде, поскольку главное, что нам дает установление подобной связи, это реальная, а не гипотетическая возможность объяснить если не все, то, по крайней мере, часть тех трансформаций, которые претерпел заимствованный рассказ о купце и слепом старце на исландской почве.

Во-первых, это место действия истории о *Хрои*. Безымянный город обманщиков восточной новеллы обретает в скандинавской версии рассказа "адрес", нагруженный весьма весомыми коннотациями. Хотя его название и отсутствует в пряди, этот город, несомненно, отождествляется с Уппсалой, бывшей для средневековой исландской аудитории не только древней столицей Швеции, но, как следует из связанных с нею многочисленных преданий, загадочным местом, в котором происходили необыкновенные, будоражившие воображение события²⁴. Согласно легенде, именно здесь сидели Инглинги — ведущие свой род от богов-асов древнейшие скандинавские правители, от которых впоследствии произошла и норвежская королевская династия. Здесь же, на прилегающих к Уппсале Полях Фюри (*Fýrisvellir*, это на них *Хрои* встречает одного за другим братьев-мошеников), легендарный датский конунг Хрольв Жердинка разметал золото перед преследовавшим его вместе со своими воинами шведским конунгом Адильсом, почему скальды и называют золото "посевом долины Фюри". Кроме того, Уппсала в представлении исландцев — место, где процветал языческий культ плодородия и приносились жертвы Фрейру (ср. "Прядь об Эгмунде Ударе"). Этим в первую очередь должно было объясняться нежелание норвежского конунга-миссионера Олава Трюггвасона отпустить в Швецию своего нетвердого в новой вере крестника *Халльфреда*. И конунг не ошибся: находясь среди язычников, скальд редко вспоминал свои молитвы. Как не однажды описывается в сагах и прядях, в этом враждебном для христиан пространстве на долю чужестранца выпадали самые неожиданные испытания и злоключения. Неудивительно поэтому, что местом действия скандинавской версии рассказа о купце и слепом старце стала именно Уппсала.

Во-вторых, рефлексом притяжения "Пряди о Хрои" к "Саге о *Халльфреде*" может быть и другая инновация исландской истории — мотив "разноглазия" героя, которое, собственно, и дает Торриру повод обвинить *Хрои* в похищении глаза. В саге демонстрируемый *Халльфредом* трофей, который он попытался было выдать за глаз Торлейва Мудрого, не был признан и принят конунгом, поскольку имел видимое отличие от настоящего. Та же деталь, отсутствующая в других известных вариантах *Senex caecus*, появляется и в рассказе о *Хрои*, что и дает основание заподозрить влияние "Саги о *Халльфреде*", единственного, помимо этой пряди, произведе-

ния древнеисландской литературы, в котором встречается мотив сравнения глаз.

В-третьих, бесспорный результат этой аттракции – появление “Пряди о Хрои” нерасторжимой пары “нож и ремень”, служащих предметом вожделения одного из братьев-обманщиков и затем совету мудреца превращенной героем в улику, свидетельствующую о якобы совершенном им некогда преступлении. Между тем, хотя исландская традиция и, по всей видимости, в первую очередь “Сага Халльфреде” и ответственные за соединение этих предметов²⁵, роль которую они играют в истории Хрои, также оказывается целенаправленной интернациональным сюжетом, – однако на этот раз не “восточными”, а “западными” вариантами рассказа о купце и слепом старце.

В них, а именно в приложенной к “Кентерберийским рассказам”, как полагают, сочиненной вскоре после Чосера среднеанглийской поэме “Рассказ о Берине” (“The Tale of Beryn”) и французском прозаическом романе XV в. “История о благородном шевалье Беринусе” (“L'Histoire du noble chevalier Berinus”), мы впервые находим параллель второму, недостающему в “восточных” версиях, эпизоду с Торгислем. В английской поэме обвинение в краже ножа полностью идентично вчиненному по совету слепого мудрого старца (в “западных” обработках сюжета он также получает имя – латинский Изон, франц. Esore) встречному иску героя – римского купца имени Берин, который, как и в восточном рассказе, прибыв со своим грузом в неизвестный город, повстречал там одного из братьев-обманщиков, попытавшихся лишить его всего имущества. Когда Берин является к судье, с тем чтобы по наущению мнимого мощника преподнести ему только что купленный у того нож, последний обвиняет его в том, что семь лет назад он пронзил этим самым ножом его приехавшего по торговым делам в Рим отца. Позднее на суде аналогичное обвинение выдвигает сам Берин: он семь лет назад нашел своего отца мертвым с ножом в сердце, тех пор хранил этот нож, а теперь выяснил наконец, кто убийца. Тот же рассказ об убийстве отца воспроизводится с некоторыми существенными отличиями и в старофранцузском романе о Беринусе, где отделившаяся от “истории семи мудрецов” новелла о купце и слепом старце²⁷, вбирая в себя посторонние мотивы и обрастая новыми подробностями, разворачивается в пространное повествование.

Таким образом, как общая сюжетная схема “Пряди о Хрои”, и каждый из трех ее основных эпизодов – столкновений героя с братьями-обманщиками, находят явные и подчас весьма близкие параллели либо исключительно в “западных”, либо также и в “восточных” версиях *Senex caecus*. Однако несмотря на то, что один из совпадающих эпизодов представляет собой явную западноевро-

пеекую инновацию, было бы весьма непросто возвести исландский рассказ к какому-нибудь из названных здесь произведений среднеанглийской или старофранцузской литературы. Прежде всего, составленная, вероятно, уже в перв. пол. XIV в. исландская прядь старше своих предполагаемых прототипов – историй о Берине/Беринусе и Изопе/Эсопе. Кроме того, оказывается, что некоторые весьма важные детали сближают исландский рассказ вовсе не с “западными”, но, напротив, со стоящими ближе к оригинальной “восточными” версиями этой истории. Такова, например, фигура посредника между купцом и слепым старцем: тогда как в исландской и в ряде “восточных” версий сюжета эта роль отводится женщине (красавице, которую герой, выиграв дело, получает в жены, либо, как в арабской сказке, старухе), в “западных” обработках рассказа ее играет шут Джеффрей (Geffrey, Geoffrey), который не только разузнает вместо Берина, как следует отвечать на обвинения обманщиков, но и выступает от его имени на суде. История Берина заметно отличается от исландского и “восточных” вариантов сюжета и трактовкой такого важного его элемента, как мотив похищенного глаза: противником героя оказывается здесь не кривой, а слепой, который утверждает, что якобы на время обменялся глазами с чужестранцем и тот не вернул ему назад глаза. В результате этой замены исчезает один из центральных мотивов всей истории – мотив взвешивания глаз.

И тем не менее, хотя нельзя до конца исключить возможности, что исландский вариант *Senex caecus* складывался в том числе и при участии “восточных” версий этого сюжета (последние могли быть занесены в Скандинавию в первую очередь из Византии), многое указывает на то, что он восходит именно к “западным”, среднеанглийским или старофранцузским обработкам истории о купце и слепом старце. Краткость и незатейливость исландского рассказа, особенно заметные на фоне перегруженных второстепенными деталями, усложненных и подвергшихся романизации историй о Берине, могут быть, разумеется, результатами вторичной, “обратной” жанровой трансформации, сближившей прядь с первоначальными “восточными” версиями новеллы из “истории семи мудрецов”, однако, скорее, все-таки заставляют искать ее источник в предшествующей созданию этих относительно поздних произведений несохранившейся письменной или даже устной традиции. Как бы то ни было, можно не сомневаться в том, что и эти послужившие прототипами “Пряди о Хрои” и ныне недоступные обозрению более ранние западноевропейские версии *Senex caecus* описывали не три, как опирающийся на них исландский рассказ, но по меньшей мере четыре столкновения героя с мошенниками и непременно должны были включать в себя следующие эпизоды: обмен привезенного купцом груза на все хранившиеся на складе товары (аналогичный, самый близкий исто-

рии о Хрои вариант этого эпизода содержится в среднеанглийском "Рассказе о Берине"²⁸; встречу с игроками и их требование выпить море; иск кривого обманщика и мотив взвешивания глаз (который, как уже говорилось, использовался в литературных обработках сюжета в существенно видоизмененной форме); и наконец, эпизод с ножом и последующий рассказ об убитом родиче.

Объяснить, почему в исландской "Пряди о Хрои" присутствуют только три центральных эпизода из исходных четырех (если не считать — именно столько их в истории о Берине)²⁹, нетрудно. Достаточно вспомнить о том, какое широкое распространение в прядях получили разнообразные троичные модели и, в частности, троекратные повторения, в генезисе связывавшие этот жанр с фольклором. Сокращение числа ключевых эпизодов до трех предстает, таким образом, как совершенно закономерная сюжетная трансформация, напрямую обусловленная поэтикой прядей. Наибольший интерес, однако, представляет другой вопрос: почему при этом, по всей видимости, неизбежном преобразовании исландской традицией был выбран не оригинальный, пришедший с Востока, мотив "выпивания моря", а эпизод с ножом — позднейшая сюжетная инновация, впервые засвидетельствованная лишь в западноевропейских обработках рассказа о купце и слепом старце, — причем инновация, которая, напомним, в качестве составной части включала в себя и занимающий псевдоретроспективный рассказ?

Представляется, что и этот выбор был в значительной мере предрешен условиями жанра и в первую очередь "реализмом" пряди. Даже самое поверхностное сопоставление скандинавской истории о Хрои с ее "восточными" или "западными" прототипами позволяет обнаружить весьма знаменательное отличие исландского рассказа: при всей неожиданности и необычности описываемых ситуаций ни обвинения братьев-обманщиков, ни последующие ответы на них героя не выходят за рамки того, что признавало правдоподобным его средневековой аудиторией. В большинстве своем те изменения или нововведения, которые мы находим в этом интернациональном сюжете после его проникновения в Исландию, как раз и могут быть объяснены стремлением к рационалистичности, вообще характерной для древнеисландской прозы. Сделав из того действия заимствованной истории скандинавский город, введя число ее персонажей правителей Дании и Швеции и отождествив слепого старца с мудрым лагманом Торгниором, создатель пряди поместил ее тем самым в реальный исторический контекст, который потребовал отказаться от сказочной условности и чрезмерности восточного сюжета.

Первое, что не может не броситься в глаза, это появление в рассказе новых деталей и подробностей, призванных шаг за шагом конкретизировать действия персонажей. Поступок Хельги, безвозмездно

присвоившего привезенный Хрои груз, формально оправдывался тем, что датчанин нарушил закон, оставив без присмотра причитающиеся ему товары, и подлежал за это суду. Выдвинутое Ториром обвинение в похищении глаза также получало обоснование и уже не должно было представляться абсолютно неправдоподобным. Оно находило поддержку как в заявленном в самом начале пряди "разноглазие" героя, так и в утверждении истца, что глаз будто бы был украден Хрои с помощью колдовства подкупленных им финнов (упоминания о финнах-колдунах в изобилии рассеяны по древнеисландским прозаическим памятникам и отнюдь не противоречат их "реализму")³⁰. Более умеренными по сравнению как с "восточными", так и с "западными" версиями рассказа предстают в пряди и ответы ее главного героя. Требование Хрои исполнить соглашение об обмене "всего на все", выдав ему всех летающих и ползающих насекомых и самого Хельги в придачу, хотя по сути и не отличается от того, что мы находим в западноевропейских или "восточных" обработках сюжета, не выглядит абсурдным и заведомо невыполнимым, каким оно неизменно оказывалось в этих последних, где речь шла о желании получить "меру за меру" (меру блох, "половину самцов, половину самок", за меру сандалового дерева или, как в "Рассказе о Берине", пять кораблей белых бабочек за столько же кораблей с товарами). Точно так же предложение взвесить глаза, последовавшее от героя исландской пряди, не согласившегося с выдвинутым против него обвинением, при всей его нетривиальности имеет мало общего с признанием факта обмена глазами и со встречным предложением вновь совершить этот обмен, содержащимся в западноевропейских версиях рассказа.

Несмотря на их незначительность, отмеченные расхождения, тем не менее, весьма знаменательны. В то время как неперменной чертой и основным содержанием прототипов "Пряди о Хрои" была игра, главным оружием в которой служило хитроумие, а первейшее правило состояло в том, чтобы отвечать обманом на обман, ложью на ложь и выдумкой на выдумку, пуская при этом в ход какие угодно несообразности и нелепости (недаром в "западных" версиях рассказа ответ за героя держит его помощник, прикидывающийся шутком), возникшая на основе этого интернационального сюжета исландская история, следуя образцу множества других прядей, в первую очередь представляла собой рассказ об испытаниях и последующем возвышении героя и хотя и сохраняла привнесенные восточным сюжетом элементы состязания в остроумии и находчивости, не оставляла места для откровенной бессмыслицы. Трудно вообразить, чтобы в истории такого рода мог быть сохранен оригинальный восточный мотив "выпивания моря": герой исландского рассказа при случае мог поставить на кон золотое запястье или, в крайнем случае, собственную голову (обычный "залог" Халли Челнока), но не заве-

домо невыполнимое обещание, выходявшее за рамки элементарного здравого смысла и уже поэтому неспособное послужить предметом описываемого в пряди судебного разбирательства на тинге.

Напротив, мотив украденного ножа во всех отношениях преходно встраивался в местную традицию и вследствие этого был симилирован в ней настолько, что если бы не его установленные западноевропейские корни, ничто не заставило бы нас заподозрить исландское происхождение соответствующего эпизода "Пряди Хрои". Не способен был выдать его и сопровождающий этот мотив ретроспективный рассказ, который также выступает здесь во вне привычного для нас обрамлении и функции — в сцене суда над героем, т.е. в тот кульминационный момент повествования, когда шалась его дальнейшая судьба. Что же до того обстоятельства, в данном случае речь героя, в отличие от обычно излагавшихся в подобных ситуациях рассказов о прошлых событиях, не содержала слова правды, то оно ничуть не умаляло ее значения для последующего развития действия: не воспользуясь Хрои в тяжбе с братьями-обманщиками их же оружием, ему самому была бы уготована стигшая их участь. Псевдоретроспективный рассказ, таким образом, исполняет в контексте "Пряди о Хрои" ту же роль, какая в сцене суда над героем обыкновенно отводилась собственно ретроспективному рассказу, — он служит средством разрешения конфликта в пользу главного персонажа.

Между тем "Прядь о Хрои" примыкает не только к традиционным рассказам (обычно относящихся к "прядям о поездках из стран повествующих о выпавших на долю героя испытаниях и его конечном возвышении, которое следует за его оправданием на суде), имитируемый сюжет о злоключениях купца в городе мошенников естественно соединял историю о Хрои одновременно и с произведениями совсем другого рода, в которых герои также достигали своих целей, прибегая к хитрости и обману. О притяжении "Пряди Хрои" к этой второй группе текстов могут свидетельствовать явные формальные сходства с рассмотренным выше аналогом из "Пряди о Халли Челноке", причем касаются они как раз принятого из "западных" версий *Senex caecus* псевдоретроспективного рассказа. Последний также претерпевает изменения: если в сохранившихся западноевропейских обработках этой истории странец сообщал в нем об убийстве своего отца, которое, как ясно в ходе разбирательства, было совершено самим истцом, "Пряди о Хрои" жертвой мнимого убийства назван брат героя, бы находившийся вместе с ним в торговой поездке. Напомним, что в ложном обвинении Халли, выдвинутом им против Эйнара М., также утверждалось, что убитый — купец, возвращавшийся из торговой поездки, — приходился ему братом. Другая заметная деталь мотива будто бы совершенного Торгислем убийства. Хрои рассказывал,

что его брат Сигурд и Торгисл заключали сделки в торговом месте, однако в кошельке у мальчика оказалось больше денег, чем он был должен Торгислу за товары, и из-за этих денег он был убит. В анекдоте о Халли Челноке также фигурирует кошелек, в котором на поверку оказывается больше денег, чем причиталось герою (т.е. сверх обещанного ему Эйнаром возмещения за якобы убитого брата), причем и этому кошельку с деньгами, по замыслу враждебной стороны, была отведена "фатальная" роль: если бы Халли не заглянул в него, прежде чем принять из рук казначея, он неминуемо был бы казнен за незаконное присвоение чужого имущества. Именно так излагается этот эпизод в "Книге с Плоского Острова", собрании, в которое, как мы знаем, была включена и "Прядь о Хрои", однако он присутствует и в более ранней "Гнилой Коже", а также в рукописях, восходящих к утраченной "Древнейшей Гнилой Коже" (нач. XIII в.), где он, судя по всему, приводился с некоторыми сокращениями, несомненно, указывающими на неоригинальность и этой старейшей из известных редакций "Пряди о Халли Челноке". О влиянии на "ретроспективный" рассказ Хрои другого, также, по общему мнению, раннего произведения — "Саги о Халль-фреде" — говорилось в своем месте.

Так есть ли основания предполагать, что "Прядь о Хрои" при определенных условиях была в состоянии сыграть роль гипотетического текста-посредника, способного послужить проводником и инициатором распространения в древнеисландской традиции неведомого ей прежде нарративного приема? Едва ли. При всей уже отмечавшейся выше приблизительности данных хронологии и невозможности точно установить соотношение различных редакций анализируемых памятников, тем не менее, приходится учитывать следующие факты. С одной стороны, тот, что хотя помещенный в "Книгу с Плоского Острова" рассказ о Хрои отчасти известен также и еще в одной, фрагментарно сохранившейся в рукописи XV в. и, по-видимому, более ранней редакции, нет никаких данных, которые указывали бы, что он мог быть создан до нач. XIV в.³¹ Еще более позднее происхождение (по крайней мере, сохранившихся литературных обработок) западноевропейских прототипов исландского рассказа, как считается, появляющихся не раньше кон. XIV в., т.е. уже после "Пряди о Хрои", *terminus post quem* non для создания которой — это составление "Flateyjarbók" (1370–1380 гг.), не позволяет строить предположения не только о времени вероятного проникновения этого сюжета в Скандинавию, но даже о времени рождения "западных" версий истории о купце и слепом старце. С другой же стороны, мы, напротив, располагаем принадлежащими к тому же жанру произведениями XIII в., которые, будучи несомненным собственным творением исландской традиции, также включают в себя ретроспективный рассказ, причем одно из таких ранних произведений,

“Прядь о Халли Челноке”, вполне могло послужить образцом преобразования ретроспективного рассказа в “Пряди о Хрои”. Остается заключить, что перед нами заимствование, вероятнее всего проникшее в Исландию уже после того, как ретроспективный сказ занял принадлежащее ему место в композиции прядей.

Ретроспективный рассказ и перебранка: “Прядь о Пивном Капюшоне” и “Прядь о Халли Челноке”

Независимо от того, довелось ли неустановленным иножанровым образцам в действительности сыграть какую-то роль при изложении или утверждении в прядях ретроспективного рассказа, бы естественным искать его начала и в местной традиции.

Как не раз отмечалось, в сагах новая информация либо “ставляется”, разыгрывается в сценах, иначе говоря, рождается опосредованно в поступках и репликах героев, либо в качестве пришедшего ранее, “ставшего” вводится в собственно повествование, т.е. излагается самим рассказчиком. В отличие от персонажей средневековых рыцарских романов (и отчасти — создаваемых под влиянием поздних “саг о древних временах”), герои классической исландской саги не сообщают первыми о событиях, которые были известны им одним, не излагают собственной или чужой преемственности, выходящей за границы действия, словом, никогда не принимают на себя функций, закрепленных за рассказчиком. Из этого проистекает примечательная особенность речей персонажей: хотя они касаются настоящих или будущих событий и затрагивают прошлое лишь в той его части, которая ранее уже была обнаружена рассказчиком или “драматизирована” в сценическом действии. Обсуждаемое в диалогах героев саги прошлое, таким образом, является новостью для аудитории саги.

Между тем это правило как будто бы знает одно исключение.

В сагу могут вовлекаться, становясь ее органической частью, отдельные иножанровые образования, сохраняющие в ее составе собственную, присущую им структуру, и продолжающие следовать своим внутренним законам, внесенным вместе с этой структурой нарративным канонам. В ряду таких формально не ассимилируемых сагой иножанровых образований принадлежат и два, очевидно, связанных между собой словесных состязания — перебранка (*senna*) и так называемое “сравнение мужей” (*mannjafnaðr*). Именно в силу их способности включаться в составную часть сценического сагового действия эти образы, как представляется, могут заслуживать особого внимания при рассмотрении с обсуждением занимающей нас проблемы происхождения ретроспективного рассказа. Дело в том, что оба они демонстрируют

образное и, главное, отличное от предписываемого канонами саги обращение с прошлым: как в перебранке, так и в “сравнении мужей” вложенные в уста героев сообщения о действительных или мнимых событиях прошлого оказываются неслучайной и необходимой, жанрово обусловленной составляющей текста.

Обладая довольно жесткой структурой, эти жанры, однако, не имеют зафиксированной формы — мы находим оба типа словесных состязаний как в эпической поэзии, где классический пример перебранки демонстрирует “*Lokasenna*” (“Перебранка Локи”), а образцом “сравнения мужей” может считаться представленное в “Саге об Одде Стреле” (глава 27) описание поэтического поединка героя с Сигурдом и Сьюльвом, в котором обмен стихотворными выпадами сопровождается соревнованием в винопитии³³, так и в сагах или “прядях об исландцах”. По общему мнению исследователей, оба эти жанра (как и сопоставимые с ними состязания в поношении, до сих пор наблюдаемые в иных культурных традициях: достаточно напомнить о “дюжинах” у негритянских подростков Северной Америки, детально описанных У. Лабовым³⁴), восходят в своем генезисе к реальной социальной практике и, судя по всему, все еще были включены в нее в эпоху создания и бытования соответствующих литературных текстов, напрямую сообщаясь с живыми обычаями, существовавшими в древнескандинавском обществе. Этим — неутраченной связью с действительностью — и должно, по-видимому, в первую очередь, объясняться отмеченное ранее свойство означенных словесных прений избегать трансформации, сохраняя присущие им жанровые черты в составе следующего собственного нарративным законам сагового текста.

Обычное содержание перебранки — поношения, угрозы и ответы на них, которыми, отнюдь не беспорядочно, но следуя установленным правилам, и прежде всего соблюдая строгую очередность, обмениваются оппоненты. *Senna* — стилизованная словесная дуэль, от первой до последней реплики развивающаяся по детально разработанной канонической схеме. Вступлением к перебранке служит недружелюбное замечание или прямой оскорбительный выпад ее инициатора в адрес оппонента, ответ которого должен содержать недвусмысленное указание на то, что он либо принимает вызов противника и готов вступить с ним в прения, либо же предпочитает уклониться от состязания. Составной частью вступления к перебранке может быть в случае необходимости и идентификация противника (как в знаменитом эпизоде “Саги о Ньяле”, в котором описывается, как Асгрим и сыновья Ньяля перед судебным разбирательством на альтинге ходят по землянкам, посещая одного за другим знатных людей, поддержкой которых они пытаются заручиться, однако почти повсеместно встречают враждебный прием: “Кто этот человек, — спрашивает Скафти, — что зашел пятым, а сам высок ростом, бледен лицом, неудачлив с виду, суров и зловец?” Тот отвечает:

“Скарпхеდიном зовут меня, и ты меня много раз видел на тундре. Но я, верно, поумнее тебя, потому что мне не надо спрашивать, кто тебя зовут. Тебя зовут Скафти, сын Торорда...”³⁵). В случае вызова принят, за вступлением следует собственно перебранка, т.е. чередование словесных ударов и контрударов, наносимых противниками, причем достаточным (как в процитированном эпизоде) является и однократный обмен враждебными заявлениями с каждым оппонентом, обычно имеющий место в ситуации, когда одна из противоборствующих сторон представлена не индивидом, а группой.

Враждебные выпады в адрес противника четко распадаются на два вида — это *обвинения* и *угрозы*. Как и любые посулы и обещания, последние относятся к незавершенному настоящему или будущему времени, первые же апеллируют к прошедшему, основываясь на некоторых действительных или мнимых событиях из жизни оппонента. Обвинения, таким образом, по форме могут варьироваться: от намеков на прошлые события до более подробного их изложения, т.е. краткого рассказа, в котором, очевидно, для большей убедительности, обычно поименно названы и другие участники упомянутого инцидента. Непременная цель такого рассказа — уязвить противника, представив его поведение не просто в неприглядном, а максимально невыгодном для него свете. Состав обвинения, его формула, правило, традиционны: трусость, невыполнение долга мести за убийство того близкого родича, немужественность, изменение пола или обаяния, нарушение нравственных табу, антисоциальное поведение и т.д. Прагматическое задание рассказа-обвинения — побудить противника нанести ответный удар или отступить — предопределяет нарративную стратегию нападающего (“рассказчика”): действительные по-видимому, общеизвестные факты и ссылки на реальных участников инцидента обыкновенно соседствуют в его речи с откровенно неправдоподобными, фантастическими или гротескными деталями, придающими всему сообщению требуемый подчеркнуто пейоративный смысл (ср. продолжение приведенной выше враждебной речи Скарпхедина, обращенной к Скафти: “...а раньше ты называл себя Щетинной Головой, когда убил Кетиля из Эльды. Ты выбрил себе тогда голову и вымазал ее дегтем. Затем ты заплатил рабам за то, чтобы они вырезали полоску дерна, и заполз под нее на ночь. Потом ты отправился к Торольву, сыну Лофта с Песков, и он взял тебя с собой и отнес на корабль в мешке от муки”, *ИС II*, 252–253).

Как не раз отмечалось, поношения, которыми обмениваются участники перебранки, носят ритуальный характер³⁶. Независимо от содержания предъявляемых ими друг другу обвинений, их действительности (правдивы они или представляют собой откровенные измышления), ни сами состязающиеся стороны, ни свидетели препирательств не воспринимают сказанное противниками как реальные оскорбления, способные причинить урон личности и о-

существенному весу обвиняемого. Смысл перебранки не в том, чтобы оповестить коллектив о неблагоприятных поступках оппонента, выявить его вину (хотя связь древнескандинавского наименования этого жанра — *seppa* с глаголом *seppa* ‘доказывать’ и прилагательным *sannr* ‘истинный’ вполне может свидетельствовать об изначальной принадлежности подобного рода прений сторон к судебной процедуре), но в том, чтобы одержать над ним верх, превзойдя его в искусстве нанесения словесных ударов. Эффективность выпада в адрес противника зависит от изобретательности, красноречия и выдержки нападающего, но ни в коей мере не обусловлена истинностью его заявлений. Существенно при этом, что в отличие от ряда сходных обычаев, проведение параллелей с которыми стало возможным вследствие привлечения современного этнографического материала, и где, по свидетельству исследователей, фиктивность выдвигаемых сторонами обвинений служит не только обязательным критерием “ритуальности” спора, но и залогом его поддержания (так, согласно Лавову, негритянская “дюджина” грозит перерасти в настоятельную ссору всякий раз, когда противники обращаются к действительным фактам³⁷), древнескандинавская *seppa*, скорее, была индифферентна к истине. Ритуальный характер столкновения определяется здесь не ложностью произносимых обвинений, но их асемантичностью³⁸, обусловленной тем, что с точки зрения участников и свидетелей состязания на первый план в перебранке выходят неукоснительное соблюдение формальной процедуры прений, искусное владение словом и находчивость оппонентов, а вовсе не существо их речей. Как иначе возможно объяснить тот факт, что в обществе их чрезвычайно чутко реагировавшем на любые посягательства на доброе имя, честь и достоинство его членов, более того, законодательно ограничивавшем их от хулы (ведь в то же самое время обличенные в форму стихотворного ниды аналогичные выдвигаемым в рамках перебранки обвинения в немужественности, сексуальных извращениях или перемене облика карались исключением из социума и изгнанием из страны), поношение противника в ходе вербального поединка не влекло за собой решительно никаких правовых последствий?

О том, что обращенные к противнику обвинительные речи, произносившиеся в рамках перебранки, не воспринимались последним “всерьез” — в качестве реальных, а не ситуативно обусловленных обвинений, прежде всего свидетельствуют предусмотренные канонами типы возможной ответной реакции на хулу. Традиционным встречным ходом противоборствующей стороны могло быть либо отрицание сказанного оппонентом (порой в форме “зеркального ответа” или подхвата, частично воспроизводившего его слова; ср. приведенную ниже сцену перебранки из “Пряди о Пивном Капошоне”), либо даже согласие с ним, обязательно сопровождаемое встречным обвинением или угрозой в его адрес (“Твоя правда / что ж плохого в том..., а вот

ты...”), либо, и нередко, непосредственный переход к нападению – обвинениям или угрозам, т.е. отсутствие ответа как такового, игнорирование существа обвинения. Следующая из подобной вариантности факкультативность прямого ответа – опровержения или оправдания сплошь и рядом замещаемого центральным и неперменным элементом столкновения – враждебным контрударом, наносимым оппоненту, не только подтверждает ритуальный характер перебранки, но проливает свет на ее устройство. Ядро словесного состязания образуют поочередные враждебные заявления, которыми обмениваются его участники³⁹, и победа в нем достается тому из противников, за кем остается последнее слово, независимо от того, сумел ли он ответить оппонентом “случай” из прошлого в выгодном для себя свете.

Тогда как в перебранке темой и объектом всех обязательных заявлений-выпадов противоборствующих сторон непременно служат поступки и поведение оппонента, а к самому нападающему относятся только факультативные элементы вербального столкновения. Ответ=Оправдание или Отрицание выдвинутого в его адрес обвинения – в “сравнении мужей” это соотношение оказывается обратным. Участники состязания говорят здесь в первую очередь каждый о самом себе, похваляясь друг перед другом своими доблестями, умениями и прошлыми заслугами, причем в контексте словесного поединка любое утверждение говорящего о собственном превосходстве или даже простой перечень бывших подвигов и достижений автоматически означает унижение противника, поскольку подразумевает, что этот последний уступает ему в соответствующем качестве. Чем же до открытого поношения оппонента, то, хотя мы нередко и находим его в “сравнении мужей”, оно, тем не менее, не относится к необходимым приметам этого жанра. Таким образом, основные различия между *seppa* и *mannjafnaðr*, родственными типами словесных состязаний, преследующими сходные цели и порой сменяющимися в рамках одного эпизода (как это, например, происходит в эддическом “Песни о Харбарде”, где завершившаяся “вничью” перебранка перерастает в “сравнение мужей”⁴⁰), относятся к плану выражения. В первую очередь лежат в формальной направленности высказываний сторон: если в перебранке доминирует хула, изливаемая на другого, и этот другой и является героем и главным действующим лицом заявлений оппонентов, то в “сравнении мужей”, где ядро высказывания – похвальба и откровенное самоутверждение, роль главного “деятеля”, естественно, выпадает на долю самого говорящего.

Общие прагматические задачи и проницаемость границы между перебранкой и “сравнением мужей” – причины того, что отграниченность этих жанров не всегда признается⁴¹, хотя на нее, казалось бы, вполне определенно указывают исконные жанровые номинации, закрепленные за разными типами вербальных состязаний⁴². Как по-

гает Л. Лёнирут⁴³, *mannjafnaðr* представляет собой наиболее формализованную разновидность перебранки, обычно разыгрываемую в ситуации пира (откуда иногда употребляемое применительно к подобным состязаниям обозначение *ölteiti* – ‘пивная потеха’) ради забавы и увеселения собравшихся и ее прямых участников. Эта функция “сравнения мужей” недвусмысленно заявлена в одном из эпизодов “Саги о сыновьях Магнуса Голоногого” (“Круг Земной”), где описывается, как два норвежских конунга, братья и соправители Сигурд и Эйстейн, пререкаются на пиру, похваляясь друг перед другом своими “сноровками” (*íþróttir*) и свершениями и пытаясь доказать собственное превосходство, причем мотивируют это свое занятие тем, что “за пивом часто бывало в обычае, что люди выбирали себе кого-либо для сравнения...” (КЗ, 490). Из этого же эпизода следует, что неперменной предпосылкой “сравнения мужей” служит равенство (и, стало быть, обязательное предварительное установление личности) оппонентов – условие, вовсе не обязательное для собственно перебранки, в которую могли вступать и незнакомцы. Вот как объясняет свой выбор противника конунг Эйстейн: “Я выбираю, брат, тебя для сравнения со мной. Я делаю это потому, что у нас с тобой одинаковые владения, и как по происхождению, так и по воспитанию между нами нет различия” (КЗ, 490).

Несмотря на то, что эксплицитные выражения хулы в адрес оппонента в “сравнении мужей” могут и отсутствовать, противостояние участников состязания всегда вербализовано и обычно явствует из самой структуры их высказываний. Необходимый компонент всех делаемых ими заявлений – прямое или косвенное “сравнение”, а на деле противопоставление собственных героических поступков или достоинств реальным, но чаще мнимым действиям или качествам оппонента. Формально это противопоставление воплощается в довольно жестких стереотипных схемах, в которые укладываются речи каждой из сторон. Традиционные “выпады” в *mannjafnaðr* не исчерпываются похвальбой, но как минимум завершаются вопросом к противнику: “Что делал ты в это время?...” либо же представляют собой формулы-утверждения, содержащие откровенный вызов: “Тебя не было со мной, когда я сражался (называется место), ты же сидел тогда дома...” За этим может следовать и собственно поношение – упоминание унижительной или неподобающей воину работы, которую будто бы выполнял “домосед”, либо какого-нибудь порочащего его занятия (бродяжничества, попрошайничества и т.п.), идущей вразрез с его социальным статусом. Как и в перебранке, ответной реакцией другой стороны может быть отрицание, сопровождаемое встречным выпадом, строящимся по той же схеме, или же игнорирование утверждений противника и непосредственный переход к нападению⁴⁴. И, как и в перебранке, победителем в состязании оказывается тот, за кем остается последнее слово.

"Прядь о Пивном Капошоне" в исландской рукописи XIV в. (Möðruvall AM 132, fol.).

На этом можно и завершить перечень характерных особенностей "сравнения мужей", тем более, что, насколько можно судить, в отличие от столкновений первого типа, эта жанровая разновидность в "прядах об исландцах" мы находим один из наиболее ярких образцов перебранки, засвидетельствованных в древнеисландской прозе в целом. Речь идет об уже упоминавшейся ранее "Пряди о Пивном Капошоне" ("Ölkofra þáttur", *ÍSP* III, 2073–2079), принадлежащей к весьма немногочисленной группе рассказов, действие которых происходит в Исландии.

Вылившаяся в перебранку сцена разыгрывается на альтинге, сразу же вслед за вынесением решения по иску шестерых годи о сожжении принадлежавшего им леса, который был вчинен ими герою рассказа, некоему Торхаллю. Последний промышлял тем, что варил и продавал пиво на тинге, за что и получил свое прозвище – Пивной Капошон. Несмотря на очевидность совершенного им проступка и могущество истцов, Торхаллю при поддержке принявших его сторону родовитых и влиятельных помощников – Бродди сына Бьярни и Торстейна сына Халля – хитростью удается взять дело в свои руки и выиграть тяжбу. В результате вместо достойного и соответствующего их высокому социальному статусу возмещения за причиненный им урон годи приходится удовлетвориться выплаченным ответчиком по решению Бродди мизерным и унижительным для виднейших людей страны штрафом в несколько локтей домотканной материи каждому. Предвидя гневную реакцию годи на вынесенный им справедливый приговор, огласить который он доверяет Торстейну⁴⁵, и с тем чтобы заставить неудачливых истцов отступить, Бродди затевает перебранку, первым оскорбляя противников:

"Бродди уже отмерил и разрезал домотканную материну и тут принялся кидать ее им, каждому по куску, приговаривая:

– Возмещение, достойное труса (argaskatt).

(I) Скафти сказал:

– (a) Нетрудно заметить, Бродди, что тебе не терпится с нами поссориться. (b) Ты неплохо постарался в этом деле, а теперь не прочь вступить с нами в открытую вражду. Я думаю, (c) в другой тяжбе нам повезет больше.

Бродди ответил:

– (a) Немало тяжб придется тебе выиграть, Скафти, (b) прежде чем ты возместишь ущерб, который тебе нанес Орм, твой родич, за то, что ты сложил его жене любовную драпу. Скверное это было дело, и заплатить за него пришлось сполна.

Инициатор перебранки

Вызов = Оскорбление

Первый противник

(a) Вызов принят

(b) Обвинение + Возврат к Вызову

(c) возможная Угроза

Инициатор перебранки

(a) "Зеркальный" Ответ

(b) Оскорбление напоминанием = Обвинение

(II) Тут Торкель Бахрома сказал:

— (а) Куда как недальновидно поступают такие люди, как Бродди. Ради дружбы с Пивным Капюшоном или его подарков (b) он готов превратить своих противников в заклятых врагов.

Бродди говорит:

— (а) Что ж недальновидного в том, чтобы держать свое слово, хотя бы и была разница между вами и Пивным Капюшоном? (b) А вот ты-то точно недоглядел, когда отправился на весенний тинг и не уступил дорогу Стейнтриму. У него-то жеребец был хорошо откормлен, вот он и наехал на тебя сзади, а кобыла твоя возьми да упала под тобой, уж больно была она тощая. Не знаю наверняка, что там между вами произошло, но люди видели, как ты лежал без движения, оттого что лошадь зажала копытами твой плеч.

(III) Эйольв сын Торда сказал:

— Мало того что этот человек *натянул нос* (*dregið burst úr nefi oss*) каждому из нас, он еще и позорит нас перед всеми.

Бродди говорит:

— (а) *Вовсе я вас не обманывал* (*Eigi hefði eg dregið burst úr nefi uðir*). (b) А вот тебя-то и вправду провели, когда ты ехал на север в Мысовой фьорд и украл быков у Торкеля сына Эйрика. Старри из Гуддала бросился тебя преследовать, но ты заметил погоню, только когда добрался до Озерной Долины. Был ты тогда так напуган, что обернулся кобылой — неслыханное дело! — а Старри и его люди пригнали быков назад.

(а) *Что не говори, а уж он-то точно натянул тебе нос.*

(IV) Тогда Снорри Годи сказал:

— (а) Не пристало нам браниться здесь с Бродди. (b) однако при случае мы *припомним* ему, с какой враждебностью он с нами обошелся.

Бродди говорит:

— (а) Не много будет тебе чести, Снорри, коли ты *станешь ломать голову над тем, как мне отомстить*, (b) когда ты и за отца-то своего не отомстил.

(V) Торкель сын Гейтира, сказал:

— (а-б) Похоже, что не зря ты носишь свое имя: всем ты пытаешься досадить, (с) но не все это стерпят. Придет время и тебе быть убитым.

Второй противник

(а) Обвинение

(b) Возврат к Вызову + Угроза

Инициатор перебранки

(а) “Зеркальный” Ответ = Отрицание

(b) Оскорбление напоминанием = Обвинение

Третий противник

Обвинение + Возврат к Вызову

Инициатор перебранки

(а) “Зеркальный” Ответ = Отрицание

(b) Оскорбление напоминанием = Обвинение

(а) Возврат к Ответу = Оскорбление

Четвертый противник

(а) Возврат к Вызову

(b) Угроза

Инициатор перебранки

(а) “Зеркальный” Ответ

(b) Оскорбление напоминанием = Обвинение

Пятый противник

(а-б) Напоминание +

Возврат к Вызову

(с) Угроза

Бродди сказал:

— (а) Негоже нам, родич, помянуть перед всеми несчастья наших близких. Однако что толку скрывать то, что известно многим: Бродди-Хельги был убит. (b) Слыхал я также, что отец твой в конце концов получил за это по заслугам. Да и тебе нетрудно будет нащупать то, чем отметил тебя мой отец в Долине Битвы.

На этом они расстались и разошлись по землянкам” (пер. Е.А. Гуревич, *ИС II, 443-445*).

Инициатор перебранки

(а) Ответ = Согласие

(b) Оскорбление напоминанием = Обвинение

Заключение

Как можно заметить, перебранка в “Пряди о Пивном Капюшоне” во многом напоминает привлекавшиеся ранее прения Скарпхедина с хёвдингами. К числу совпадений относится и место, где происходят оба столкновения (альтинг), и даже отчасти состав их участников — среди противников героя в эпизоде из “Саги о Ньяле” мы также встречаем Скафти сына Торродда и Снорри Годи, причем последний выслушивает из уст Скарпхедина все то же обвинение в невыполнении долга мести⁴⁶. Главное, однако, — это структурное подобие. И в том и в другом случае перебранка состоит из пяти самостоятельных и полностью завершенных поединков-“раундов”, в ходе которых герой (Бродди и Скарпхедин соответственно) успешно парирует враждебное замечание своего противника и делает встречный, превосходящий по силе выпад, неизменно заключающий в себе позорящее другую сторону обвинение, после чего происходит переход к следующему, выстроенному по той же схеме столкновению, но уже с другим участником. Наиболее существенное отличие заключается в том, что в саге отдельность каждого из поединков получает дополнительную формальную поддержку: по завершении очередной словесной “дуэли” (с последним из противников она едва не перерастает в отнюдь не вербальную стычку — еще одна аналогия с рассказом о Пивном Капюшоне!⁴⁷) сменяется не только оппонент героя, но и место действия, — излив на противника изрядную долю хулы, Скарпхедин удаляется и переходит со своими спутниками в другую землянку, где воспроизводится та же ситуация.

В преднамеренно спровоцированной им перебранке с годи Бродди сам отводит себе роль “ответчика”, еще перед началом суда условившись с Торстейном о том, кому из них надлежит “держать ответ, если кто-нибудь станет возражать” (*ИС II, 442*). Все столкновение выдержано в точном соответствии с раз избранным планом. Нападки (Обвинения и Угрозы) последовательно вступающих в прения истцов неизменно относятся к роли и поведению Бродди в их тяжбе с Пивным Капюшоном, а также к затеянной их противником словесной расправе, “эстафету” в которой они один за

другим подхватывают у выбывающего из нее соратника (замечания второго типа условно обозначены в схеме как Возврат к Вызову, поскольку Вызов поочередно принимается всеми годи). Единственная вариация здесь – намек Торкеля на прошлый конфликт между родичами⁴⁸, однако и это как будто бы не укладывающееся в жесткую структурную схему замечание последнего из оппонентов проецируется в будущее, становясь частью произнесенной им Угрозы. С той же неизменностью демонстрируют двухчастность и контрвыпады Бродди. Его речи открываются обязательным Ответом (= Отрицание) – лишь в заключительном “раунде” мы находим на месте обычного Отрицания Ответ = Согласие, – который, как правило, “зеркально” отражает (а подчас и буквально воспроизводит в виде подхвата) нападение противника, всякий раз оборачивая брошенный им упрек или угрозу против него самого. Ответ, таким образом, всегда переходит во встречное Обвинение, высказываемое в форме оскорбительного для оппонента припоминания некоего прошлого события, извлеченного из его предыстории и способного послужить наилучшей иллюстрацией тех самых промахов или неблагоприятных поступков, которые он сам же вменил в вину “ответчику”. Иначе говоря, относящиеся, соответственно, к настоящему и будущему Обвинения и Угрозы нападающей стороны парируются встречными Обвинениями обороняющейся стороны, причем делаемые ею ответные враждебные заявления непременно касаются прошлого противника.

Как и в других произведениях этого жанра, излагаемые Бродди “ретроспективные рассказы”-поношения призваны побольше уязвить его оппонентов, многократно перевесив их собственные выпады в его адрес. Этому, в частности, служат красочные детали, насыщающие описания инцидентов (в целом вполне шаблонных по составу выдвигаемых в них обвинений), в которых годи обычно выставлены в нелепом и унижительном виде (ср. II, III). Знаменательно, что ни один из оскорбляемых не пытается оспорить слова противника: каждый из них уже успел сделать свой ход и уступает место другому, что же касается самого существа обвинений, то, как уже было замечено выше, они не требуют “фактического” опровержения в силу своей асемантичности в контексте перебранки. Если исходить из главенства прагматического задания словесной тяжбы, затеянной для того, чтобы окончательно закрепить победу в судебной тяжбе и тем поставить в ней последнюю точку, то оказывается совершенно несущественным, какой именно “случай из прошлого” будет привлечен в качестве аргумента в споре, как важно и то, имел ли вообще этот случай место в действительности (под “действительностью”, разумеется, понимается замкнутый универсум “саг об исландцах” и примкнувших к ним прядей независимых от отношения передаваемых в них преданий к исторической реальности).

ности). “Ретроспективный рассказ” здесь не просто неинформативен как таковой (даже в том случае, когда у нас нет причин сомневаться, что сам по себе он был способен апеллировать к коллективной памяти, как это наверняка имеет место в столкновении Бродди с его родичем Торкелем сыном Гейтира, во время которого упоминается распря, описанная в “Саге о людях из Оружейного Фьорда”), он еще и полностью формализован: перед нами недискретный текст-знак, смысл которого исчерпывается исполняемой им ролью встречного “хода” в рамках вербального поединка. Нетрудно заметить, что в отличие от обсуждавшихся ранее ретроспективных рассказов в “прядах о поездках из страны”, каждому из которых непременно отводилась важная сюжетная функция (обычно – средства или основания для разрешения конфликта), обращенные к прошлому речи героя “Пряди о Пивном Капюшоне” не играют решительно никакой роли в развитии действия. Они вообще не имеют самостоятельного значения, выступая исключительно в качестве строевых элементов завершенной и целостной конструкции – перебранки, в свою очередь, функционирующей в тексте пряди как единый и не дробящийся на части “строительный блок”.

Как уже отмечалось в своем месте, “Прядь о Пивном Капюшоне” нередко относят к сагам⁴⁹, что как будто бы находит опору и в характере рассмотренного эпизода. В самом деле: совершенно очевидно, что приведенная в этом рассказе перебранка стоит в одном ряду с другими состязаниями в поношении, встречающимися в “сагах об исландцах”, в частности с теми из них, которые происходили на альтинге, т.е. в ситуации, когда не улаженный в судебном порядке конфликт не мог быть разрешен силой оружия. На принадлежность этого эпизода к типично саговому контексту косвенно может указывать и то обстоятельство, что, по всей видимости, именно он оказал влияние на оформление аналогичной сцены (также разыгрывающейся на тинге) в одной из более поздних “семейных саг” – в “Саге о союзниках” (“Bandamanna saga”).

Вместе с тем совершенно очевидно и то, что именно перебранка между Бродди и группой наиболее известных и могущественных людей Исландии стала той кульминационной сценой, которая и должна была выделить рассказ (не исключено, что первоначально – всего лишь эпизод, возвращающий нас к исходному значению термина “прядь”), посвященный тяжбе шестерых годи с безвестным продавцом пива, в отдельное повествование, обладающее самостоятельной литературной ценностью. При всех несомненных различиях эта особенность – “текстобразующая” роль перебранки – объединяет “Прядь о Пивном Капюшоне” с произведением совсем иного рода, принадлежащим к “прядам о поездках из страны”, иначе говоря, именно к той разновидности прядей, в которой получил распространение ретроспективный рассказ. Речь пойдет об очередном анекдоте.

те о Халли Челноке, причем сразу же следует заметить, что тогда как словопрения героев "Пряди о Пивном Капюшоне" – это общепризнанный классический пример древнескандинавской перебранки, принадлежность нижеследующей сцены к тому же жанру еще только предстоит доказать.

В эпизоде, изложенном в главе 6 "Пряди о Халли Челноке" и непосредственно предшествующем рассмотренной ранее истории о том, как Халли удалось провести королевского наместника Эйнара Муху, рассказывается о его столкновении с главным придворным скальдом Харальда Сурового, Тьодольвом Арнорссоном. О соперничестве двух скальдов в пряде упоминалось и прежде (в главе 3). Проходя как-то раз по городу, конунг стал свидетелем ссоры кузнеца и дубильщика и тотчас же распорядился, чтобы Тьодольв сочинил об этом вису. Тьодольв не сразу согласился исполнить приказание конунга, сославшись на то, что ему, главному королевскому скальду, не пристало складывать стихи на столь ничтожные темы, однако когда Харальд велел ему представить дерущихся в образе героев древнескандинавских сказаний – сперва Сигурда Убийцы Дракона и Фафнира, "придав каждому приметы его ремесла", а затем Тора и его противника великана Гейррёда, Тьодольв с блеском выполнил задание, заслужив одобрение присутствующих⁵⁰. Халли не было в свите конунга во время этого происшествия, однако позднее и ему довелось выслушать сложенные Тьодольвом висы, причем повторявшие их дружинники говорили, что Халли, хотя он сам считает себя хорошим скальдом, едва ли сумел бы сочинить столь превосходные стихи. В завершении эпизода конунг, которому донесли, что Халли будто бы хвастался и утверждал, что он – не менее искусный скальд, чем Тьодольв, заметил, что им еще предстоит это проверить. Интересующая нас сцена, вылившаяся в "сравнение" достоинств двух скальдов, и стала той самой проверкой, о которой говорил Харальд.

Несмотря на то, что Халли и раньше приходилось демонстрировать свой талант импровизатора, эпизод открывается традиционным обменом репликами между поэтом и правителем, предварявшим не одно исполнение (или сочинение) – как в "Пряде о Стуе княжеского панегирика и характерным для ситуации знакомства, ходе которого исландец впервые заявлял о себе как о скальде. Простав перед конунгом, когда тот восседал в палате в окружении дружины, Халли просит разрешения исполнить сложенную в его честь хвалебную песнь. Конунг отвечает вопросом: не случалось ли Халли прежде сочинять песни, и выяснив, что нет, замечает, что много на себя берет, особенно если принять во внимание, как скальды прославляли конунга в своих драпах.

На этом "ритуал узнавания" заканчивается и дальнейшее действие отклоняется от привычного сценария, который будет реали-

ван лишь в заключении эпизода, когда наш герой получит наконец разрешение произнести песнь и, исполнив ее, заслужит похвалы присутствующих и щедрое вознаграждение от государя.

Пока же, оставив без ответа просьбу Халли, конунг обращается за советом к Тьодольву. Как и можно было ожидать от спесивого "главного скальда", каким он предстает в предшествующем эпизоде, Тьодольв был далек от того, чтобы поддержать соперника. Уклонившись от прямого ответа Харальду, он вместо этого дает совет самому Халли – не обманывать конунга. Тот, по его словам, говорил неправду, когда утверждал, что драпа в честь конунга – первое произведение "большой формы", которое ему когда-либо доводилось сочинять. На самом деле он утаил, что однажды уже сложил песнь под названием "Висы о безрогой корове" ("Kolluvísur"), и посвящена она была скотине, за которой он ходил в Исландии. Халли не отрицал, что так оно и было, и лишь сказал в свое оправдание, что не упомянул об этой песни потому, что она не заслуживает внимания. Когда же конунг стал настаивать, чтобы сперва была исполнена эта песнь, Халли заявил, что в таком случае Тьодольву также надлежит произнести песнь, которую он в свое время сочинил в Исландии, и название этой песни – "Висы о корыте" ("Söðtrogsvísur").

Отплатив обидчику той же монетой – легко просматривающееся за репликами инициатора столкновения противопоставление возвышенной героической темы придворного панегирика, т.е. темы, обычно разрабатываемой им самим, низменному сюжету поэмы, воспевающей презренный домашний труд, который пристало выполнять рабу или работнику, это, разумеется, прямой оскорбительный выпад в адрес создателя столь ничтожного произведения, имевший целью не только его профессиональную, но и социальную деградацию, – Халли тут же объявляет, что принимает брошенный ему Тьодольвом вызов и недвусмысленно определяет "жанр", к которому он отнес демарш своего противника: "Это неплохо, что Тьодольв напал на меня и попытался меня опорочить, потому что я уже успел обзавестись клыками и коренными зубами и в состоянии отвечать ему на равных". Диалог, для поддержания которого требуются агрессивность, демонстрация силы и хватки (замечание Халли о собственных зубах едва ли можно истолковать лишь как указание на его зрелость) и в первую очередь умение отвечать "равновесными словами" (at svara (...) jöfnum orðum), – это, конечно же, перебранка.

Заметно, однако, что в данном случае она приобретает незнакомые нам ранее черты. Прежде всего в силу совершенно нового контекста вербальной дуэли – соперничества двух скальдов за место при особе государя, а также совершенно нового жанрового обрамления – "прядей о поездках из страны", где наряду с героем-исландцем обязательно присутствует и еще один главный персонаж –

конунг, важная роль в столкновении помимо собственно враждующих сторон — прямых участников перебранки, принадлежит представителю обычно безмолвствующей третьей стороны ("аудитории"), а именно самому государю. Здесь ему отводится, несомненно, центральное и в других случаях остающееся вакантным место арбитра, "дирижера", а порой и подстрекателя (ср. королевскую реакцию на процитированный ответ Халли: "Конунг улыбнулся, и ему показалось забавным натравить их друг на друга") разыгрываемого спора, явно направляемого его вопросами и замечаниями. Главное же: каждый очередной ход противоборствующих сторон (Обвинение, Ответ-Оправдание и т.д.) производится исключительно с его санкции.

Из этого новшества вытекает и другое. Введение в действие не участвующей в схватке третьей стороны влечет за собой усложнение структуры перебранки. Появление нового компонента — Вопроса (Замечания) арбитра, во-первых, приводит к вытеснению прямого обращения к оппоненту ("ты сделал...") обращением к аудитории, информируемой о его поступках ("он сделал..."), а во-вторых, к дроблению и распространению традиционных для перебранки "ходов", которые на этот раз оказываются несводимы к простой альтернации словесных выпадов и контрвыпадов противников. Каждый делаемый ими ход, будь то Обвинение или Ответ, разворачивается в диалог с арбитром, а значит, по сути дела, драматизируется в отдельной (микро)сцене. Лишь однажды на протяжении всего эпизода Халли обращается непосредственно к Тьодольву, однако конунг сразу же спешит осадить спорщиков ("EKKI skuluð þið víð talast" — "Вы двое не должны ссориться").

Между тем и при отмеченных трансформациях сцена столкновения двух скальдов в основном следует канонам классической перебранки и, в частности, демонстрирует характерную для этого жанра симметричность построения. Встречное наступление Халли почти зеркально отражает начальный выпад его противника. Услышав, что его придворный скальд некогда сложил песнь с далеко не героическим названием, конунг спрашивает Халли (как прежде он спрашивал Тьодольва), о чем она, и получает ответ, аналогичный тому, который был дан Тьодольвом касательно песни, сочиненной его соперником: "Она о том, как он выгребал золу со своими братьями-сестрами, и тогда считалось, что за недостатком ума он более ничему не пригоден, да и то приходилось следить, чтобы в золе не оставалось горящих угольев, таким несмышленным он был в то время". И вновь перед нами уже наблюдавшаяся ранее примета перебранки — контрудар, который наносит Халли, по своей силе и, стало быть, эффективности в контексте вербального столкновения многократно превосходит враждебный выпад Тьодольва в его адрес. Смысл сделанного им заявления вполне прозрачен. Да, он согласен с тем,

находясь на своей родине в Исландии, был приставлен к делу, унизительному для свободного человека и уж вовсе не подобающему королевскому дружиннику, однако и его спесивому противнику, главному придворному скальду, также приходилось в то время выполнять "домашнюю работу", и притом куда более унизительную, чем та, что делал он сам, — это было презреннейшее из всех занятий, какие только существуют в этой малопочетной области человеческой деятельности, обычно поручаемое самому никчемному из домохозяев, убогому или дураку. Вот таким-то ни на что не годным дураком, не способным хорошо справиться даже со своими нехитрыми обязанностями, представляет он Тьодольва. Тот вынужден подтвердить, что Халли сказал правду, и в ответ на расспросы конунга объяснить, почему ему приходилось выполнять "столь презренную работу".

В заключении первого "раунда" перебранки состязание в поношении переходит в состязание поэтическое. По требованию конунга противники поочередно исполняют свои циклы вис (ни один из них в пряди не цитируется) и выслушивают его суждение об этих сочинениях. Тьодольв и на этот раз терпит поражение: по мнению Халльа, обе песни "незначительны" под стать темам, на которые они были сложены (yrkiseftin), но та, что сочинил его главный скальд, — "еще менее значительна". Это нелестное заключение побуждает Тьодольва сделать новый выпад в адрес противника. Он готов согласиться с конунгом и признать, что Халли "весьма остер на язык", однако считает, что тому "скорее следовало бы отомстить за своего отца, чем вести с ним перебранки (eiga sennur við míg) здесь, в Норвегии". Как видим, наступила очередь Тьодольва определить жанр его "диалога" с Халли, и в полном соответствии с характером происходящего он выдвигает одно из самых обычных для подобных случаев обвинений.

Так открывается второй "раунд" перебранки, в структурном отношении поначалу весьма точно воспроизводящий первую часть сцены. За Обвинением следуют Вопросы арбитра и Ответы-Оправдания Халли. Последний, как и ранее, не оспаривает истинности заявления своего оппонента, однако дает достойный ответ на возмущенный вопрос конунга: "Почему же ты уехал из Исландии встречаться с хёвдингами, когда ты не отомстил за своего отца?" — "Потому, государь, что я был еще ребенком, когда мой отец был убит, и мои родичи уладили это дело за меня. К тому же у нас в стране считается, что негоже быть названным вероломным нарушителем мира (gríðnidingr 'нидинг' — производное от *níð* 'нид' — человек, заслуживающий презрения и морального осуждения за совершенный им постыдный поступок⁵¹). Конунгу очень понравились эти слова: долг каждого соблюдать мир и свои обязательства, и Халли проявил находчивость — с честью "освободился" от выдвинутого против него обвинения (er úr þessu allvel leyst).

Сняв с себя, таким образом, обвинение в недостойном поведении — нарушении долга мести, — Халли вновь переходит в контрнаступление на поле своего противника, подхватывая заданную им тему. На этот раз его удар нанесен столь неожиданно и рассчитан столь точно, что Тьодольву не остается ничего другого, как схватиться за оружие: вербальная часть столкновения заканчивается для придворного скальда бесславным поражением (примечательно, что кроме сделанного им выпада в адрес оппонента Тьодольву в этом эпизоде не принадлежит ни одной реплики).

Заслужив похвалу конунга, Халли спешит “оправдать” своего обидчика:

— Впрочем, нетрудно понять высокомерие Тьодольва, когда он говорит о подобных вещах, потому что я не знаю никого, кто отомстил бы за своего отца с такой же свирепостью, как он сам.

— Разумеется, следовало ожидать, что Тьодольв проявит при этом большое мужество, — говорит конунг. — Или какие-то его поступки свидетельствуют о том, что он превзошел в этом деле других людей?

— Более всего то, государь, — говорит Халли, — что он съел убийцу своего отца.

Тут поднялся гвалт, потому что людям никогда прежде не приходило слышать о таких чудовищных вещах. Конунг только улыбнулся на это и потребовал тишины.

— Докажи, что ты сказал правду, Халли, — говорит конунг. Халли сказал:

— Кажется, отца Тьодольва звали Торльот. Он жил в Сварвардарде в Исландии и был очень беден, да вдобавок имел кучу детей. А в Исландии, согласно обычаю, бонды собираются осенью на тинг обсудить дела бедняков, и в этот раз не нашлось никого, кто был бы назван прежде Торльота, отца Тьодольва. Один бонд так расщедрился, что дал ему годовалого теленка. Забрал он этого теленка, накинул на него веревку, а на другом ее конце был силок. Приходит он к своему двору и пытается перенести теленка через ограду. Поднимает его изгородь, а она была очень высока и особенно с внутренней стороны, потому что оттуда выкапывали для нее дерн. Затем он сам перелез через изгородь, а теленок не удержался и скатился назад, так что силок на другом конце веревки вытянулся у Торльота на шее, и он не смог дотянуться ногами до земли. Так они повисли по обе стороны изгороди и были оба мертвы, когда их нашли. Дети притащили теленка домой и приготовили из него обед, и, судяется мне, Тьодольв должен был получить свою долю сполна.

— Это было бы разумно, — сказал конунг.

Тьодольв обнажил меч и хотел ударить Халли, однако люди бросились между ними. Конунг сказал, чтобы ни один из них не смел причинять друг другу вред:

— Ты, Тьодольв, первым нанес Халли оскорбление” (*ÍsÞ III, 2224*).

Нет сомнения в том, что заявление Халли содержит в себе необходимые признаки “обвинительной речи” в адрес оппонента, которыми было принято обмениваться в ходе перебранки, как очевидно и то, что оно несет в себе соответствующий этому жанру прагматический заряд. Эксплуатируемая героем тема бедности сопутствующего ей попрошайничества — также одна из тради-

ных в классической перебранке⁵². Характерна она и для “сравнения мужей”⁵³, родственного жанра, к которому на протяжении всего поединка как будто бы тяготеют встречные выпады Халли в адрес Тьодольва. Парируя нападки своего противника, он первым делом старается низвести его до своего уровня, доказывая его “исходное” равенство с ним самим во всем том, что Тьодольв выдвигает в целях его деградации, — равенство социальное (бедность), профессиональное (сочинение неподобающих королевскому скальду стихов на “низкие” темы) и, наконец, равенство семейных обстоятельств и обязательств, а затем, отвечая на вопросы конунга, делает следующий шаг — демонстрирует собственное превосходство или (что то же самое) “негативное совершенство” своего оппонента, всякий раз добивающегося наихудшего результата на одном с ним поприще или же попадающего в наиболее унижительное и нелепое положение из всех возможных. Кроме того, о “сравнении мужей” заставляют вспомнить такие детали, как место действия (королевская палата), прилюдность происходящего столкновения, разыгрываемого на глазах и, в первую очередь усилиями Халли, на потеху множества зрителей. И тем не менее, уже то, что “героем” каждого из заявлений сторон неизменно оказывается не сам говорящий, но его оппонент, а содержанием этих заявлений становится не восхваление собственных достижений, но поношение или осмеяние противника, — дает достаточные основания, чтобы без колебаний отнести словесную дуэль между Тьодольвом и Халли не к *taupjafræði*, но к перебранкам.

Нетрудно заметить, однако, что венчающий ее выпад Халли не укладывается “без остатка” в рамки этого жанра. Перед нами *ретроспективный рассказ*, который, в отличие от прочих, весьма характерных для подобных случаев и также обращенных к прошлому оппонента обвинительных заявлений, обнаруживает все признаки полноценного повествования. В ответ на требование конунга доказать правдивость утверждения о чрезмерности расправы, якобы учиненной Тьодольвом над убийцей своего отца, Халли не просто упоминает порочащие его противника факты, смакуя гротескные подробности инцидента, как это делал, например, Бродди в “Пряди о Пивном Капоппоне”. Он излагает эти факты в форме последовательного и связного рассказа, рассчитанного на аудиторию, для которой обнаруживаемая им информация, безусловно, является новой. Тогда как в классической перебранке обращение к прошлому обычно осуществлялось в форме намеков на некие общеизвестные обстоятельства, а центр тяжести, естественно, переносился при этом с сообщения фактов на их неблагоприятную для противника интерпретацию, рассказ Халли совершенно самодостаточен (как это свойственно саге, которую он более всего напоминает манерой изложения, причем особенно явственно стилистика саги дает о себе знать в его

вводной части), и факты в нем говорят сами за себя. Итак, в целом сохраняя традиционную тематику и прагматику Обвинения – одного из канонических “ходов” перебранки, изложенная Халли история в то же время демонстрирует совершенно новую и неизвестную этому жанру “синтагматику”.

Чем можно объяснить подобную трансформацию, важнейшим плодом которой оказалось вытеснение обычного для перебранки не до конца артикулированного, а порой и не вполне внятного, “свернутого” упоминания о прошлом, линейным ретроспективным рассказом, по существу не отличающимся от других повествований от первого лица, присутствующих в “прядях о поездках из страны”? Конечно же, одна из важнейших причин этого – невозможность апеллировать к коллективной памяти, в свою очередь ставшая прямым следствием вовлечения перебранки между героями-исландцами в повествование, действие которого происходит не в Исландии, а на чужбине, т.е. в обстановке, когда остальные участники описываемого события не владеют так называемой предварительной информацией. Однако не менее существенную роль играет в данном случае и общее жанровое “обрамление” вербального состязания – собрание забавных рассказов-анекдотов, главным действующим лицом которых выступает скальд-трикстер.

Именно слияние с анекдотом и должно было в первую очередь привести в интересующий нас эпизод черты, не известные жанру *seppa*. Среди них – острота, абсурдная парадоксальность (чего стоит необычное заявление Халли!) и проистекающие из этих качеств совершенно несвойственные обвинительным заявлениям, выдвигаемым в ходе перебранки, функции “оператора” изменения ситуации и выяснения истины, напротив, сплошь и рядом присущие ретроспективному рассказу в прядях. Изложенная Халли трагикомическая история о жалкой судьбе отца Тьодольва – это одновременно изощренное поношение обидчика, выполняющее роль финального (“убийственного”) контрудара в рамках словесного поединка, и неожиданное и остроумное, в полной мере *анекдотическое* разрешение недоразумения, вызванного превратным истолкованием аудитории утверждения героя о том, что главный придворный скальд якобы съел убийцу своего отца (заметим, что острота ситуации дополнительно отмечается реакцией на нее и, стало быть, вступлением в действие пассивных вплоть до этого момента свидетелей происходящего – королевских дружинников). Не сам по себе гротескный характер рассказа героя – это качество, как можно было убедиться на примере перебранки в “Пряди о Пивном Капюшоне”, как раз присущее поношениям, которыми обмениваются участники словесных поединков, – но неожиданность и отсюда новизна, уникальность заявления Халли прямо указывают на его иножанровый источник. Поэтому это совершенно несущественно, правдивы ли “выложенные” гер-

ем сведения о предыстории его оппонента (увы, мы не располагаем никакими “биографическими” данными об этом скальде, доподлинно известно лишь имя его отца – Арнор, из чего следует, что фигурирующее в полной версии пряди в “Книге с Плоского Острова” имя Торльот не соответствует истине). Важно то напряжение, которое было порождено ложно понятым утверждением Халли, а равно и его последующая “разрядка”, наступающая по мере изложения им ретроспективного рассказа, как несомненно важна – и с успехом реализована – возложенная жанром перебранки на утверждение и рассказ Халли в целом функция контрудара, призванного сокрушить противника.

Предпринятый здесь анализ словесного поединка двух скальдов, конечно же, не ставил своей целью “зафиксировать” момент рождения ретроспективного рассказа в “прядях об islandцах”. Речь может идти лишь об оценке принципиальной возможности такого развития – возникновения сообщаемого неизвестную ранее информацию линейного рассказа персонажа из канонического “хода” древнескандинавской перебранки, Обвинения, – обращенного к прошлому противника оскорбительного заявления противоборствующей стороны, не обладавшего свойствами линейности и информационной новизны, но, напротив, апеллировавшего к коллективной памяти аудитории. Как мы могли убедиться на примере одного из эпизодов “Пряди о Халли Челноке”, где ретроспективный рассказ действительно явился прямым порождением перебранки, возможность эта отнюдь не гипотетическая. Одним из главных условий ее осуществления стало устранение привычного исландского контекста перебранки, что автоматически означало изменение характера третьего традиционного “члена” столкновения – наблюдатель за ним *аудитории*. Перенос словесной дуэли героев-исландцев в “прядь о поездках из страны”, иначе говоря, в повествование, действие которого разворачивалось за пределами Исландии, неизбежно разрушал отработанный коммуникативный механизм перебранки: коллективное знание, к которому явно или неявно “зывали” участники столкновения, сменилось коллективным незнанием. Это закономерно повлекло за собой очередные нововведения. Во-первых, обрела голос обычно безмолвствующая в подобных сценах наблюдающая сторона: преодоление незнания потребовало появления Вопросы-Замечания (представителя) аудитории. Во-вторых, обращенное к прошлому оскорбительное заявление в адрес противника (Обвинение), лишившись своей былой опоры в памяти аудитории, вынужденно обрело нехарактерную для него прежде информативность и “нарративность” – именно те свойства ретроспективного рассказа от первого лица, которыми за ненадобностью не обладали традиционные словесные удары древнескандинавской перебранки.

От ретроспективного рассказа к "тексту в тексте"

Каковы бы ни были пути проникновения или условия возникновения ретроспективного рассказа в древнеисландской традиции, появился ли он в результате усвоения иноземных сюжетов или вследствие трансформации эмбриональных прозаических форм сообщения о прошлом — заявлений от первого лица, использовавшихся в таких исконных жанрах, как перебранка и "сравнение мужей", мы так или иначе стоим перед необходимостью объяснить, почему нарративный прием, нашедший благодатную почву для применения в прядях, остался не востребованным классической исландской сагой.

Причины этого, как представляется, следует искать как в жанровых особенностях прядей, отличающих их от саг, так и в более общих различиях в способах организации большой и малой прозы в зависимости от ее конкретной жанровой принадлежности⁵⁵.

Начнем с того, что, как мы пытались показать, во всех приключавшихся здесь историях ретроспективный рассказ влечет за собой внезапный, т.е. не подготовленный предшествующим ходом повествования резкий поворот в действии. В основе этого неожиданного композиционного поворота — совершенно новая информация, содержащаяся во вводимом в текст сообщении о прошлых событиях, в которых, как оказывается, и скрывается ключ к разрешению внутренне неразрешимой ситуации. Но в саге не может быть никому не известной, скрытой до времени информации, по мере необходимости обнаруживаемой ее героями, с тем чтобы быть тотчас же использованной в действии! Для поэтики саги характерен диаметрально противоположный прием: детали или обстоятельства, которым в дальнейшем предстоит сыграть существенную сюжетную роль, вводятся повествованием заранее (нередко максимально рано) и впоследствии припоминаются, "узнаются" читателем. Эффект от этого приема (одна из первейших его задач — как можно крепче "связать" рассказ) достигается именно в пределах большой повествовательной формы. Несомненно, что проявлением все той же, весьма обычной для саги нарративной стратегии служит и так называемое *предвосхищение* (*Vorausdeutungen*)⁵⁶ — заглядывание в будущее, прием, реализуемый различными способами, едва ли не главный из которых состоит в представлении вещей снов персонажей. Нет нужды объяснять, что предвосхищение по самой своей сути обратное ретроспекции.

Напротив, основанный на внезапно полученном новом знании композиционный "поворот", с техникой разработки которого, судя по всему, связано появление ретроспективного рассказа в прядях, отличительная черта малой прозаической формы — анекдота (к числу последних, несомненно, относится не только вербальный поэт Халли с Тьодольвом, но и содержащийся в той же пряди эпизод

с Эйнараром Мухой) и его наследницы новеллы, самое наименование которой (*novella* — "новость") характеризует ее как повествование, ориентированное на изображение неслыханного, знаменательного события.

Добавим к этому, что и композиционный "поворотный пункт" как таковой — примета повествований, в которых имеет место неожиданная и резкая перемена в судьбе героя. Неудивительно поэтому, что мы встречаем его не в "семейных сагах", персонажи которых шаг за шагом неотвратимо продвигаются к трагическому финалу, но в "прядях о поездках из страны", действие которых обычно рано или поздно принимает благоприятный для героя оборот: вступив в конфликт с конунгом (или замещающим его могущественным человеком) и пройдя через опасные испытания, исландец — герой пряди добивается расположения правителя и повышения собственного социального статуса. В противоположность "сагам об исландцах", "пряди об исландцах" — это в основном истории со счастливым концом.

Следующая особенность прядей, "однособытийность", не является исключительной приметой этого жанра, но принадлежит к числу известных типологических признаков малой прозы. В отличие от "семейной саги", обычно охватывающей всю жизнь героя или, по крайней мере, значительный ее период, прядь, как правило, описывает лишь отдельный эпизод его биографии, причем во множестве случаев — переломный ее момент. При этом вводная часть пряди весьма редко передает подробности предыстории главного персонажа или других действующих лиц; автор пряди вообще скуп на какую-либо предварительную информацию, его внимание сфокусировано на событиях, составляющих фабулу данного рассказа. Ограничение "объема" предварительной информации или даже полное вытеснение из экспозиции пряди сведений о прошлом ее героев создает предпосылки для последующего введения этих сведений в действие на более поздних его этапах. Появление ретроспективного рассказа, таким образом, соответствует логике повествовательных возможностей, заложенных в поэтику прядей их "эпизодической" природой, в конечном счете вытекающей из их краткости.

И наконец, в пряди, как и в новелле, краткость коррелирует не только с однособытийностью, но и "со структурной интенсивностью"⁵⁷. Такие проявления последней, как рассмотренный здесь способ "опрокидывания" прошлого в настоящее и — в предельном случае — связанное с ним создание структуры "текст в тексте" (а равно и любое другое усложнение композиции) могли преследовать и собственно эстетические цели — повышение нарративной ценности рассказа. Тогда как сага с ее одновременно разветвлявшимися и потом неизбежно переплетающимися сюжетными линиями и множеством действующих лиц представляла собой весьма сложный структурный организм, вынужденная простота, обусловленная одноли-

нейностью короткого рассказа, вполне могла подвигнуть автора-прядей на поиски неординарных композиционных решений, в том числе и таких, которые не находили надежной опоры в эстетике сагового повествования.

Между тем есть основания полагать, что невестребования классической сагой нарративный опыт прядей в известной мере оказывали влияние на способы ведения повествования в тех королевских жизнеописаниях, в которые по традиции включались рассматриваемые нами короткие истории о заезжих чужестранцах — посетителях норвежских государей. Неслучайно наряду (а подчас и рядом) с собственно прядями в них можно встретить эпизоды, демонстрирующие использование приемов из арсенала “малых форм” скандинавской прозы, и, по всей видимости, именно вследствие их использования, обретающие черты (полу)самостоятельных повествований.

Таков записанный в “Гнилой Коже” рассказ о пребывании Харальда Сурового в усадьбе зажиточного норвежского бонда Ульва Богатого (*Mork.* 66–69). В отличие от следующей за ним “Пряды Бранде Щедром”, которой предпослано заглавие (“О Харальде конунге и Бранде Щедром”), этот эпизод внешне никак не выделяется в тексте саги: очевидно, что автор компиляции включает его в разряд “О Харальде конунге и жителях Уплёнда”. Непосредственно перед ним рассказывалось, как конунг жег усадьбы, усмиряя непокорных бондов, а затем, примирившись с ними, разъезжал по пирам, которые устраивало для него местное население. История Ульва Богатого вписывается в этот более широкий контекст, повествующий о притеснениях, выпавших на долю упплёндцев, в качестве яркой иллюстрации или примера того, как Харальд обходился со своими подданными и каким “твердым правителем” он был⁵⁸.

Экспозиция рассказа, с одной стороны, содержит традиционные приметы автономного повествования (“Ульвом Богатым звали одного человека. У него во владении было четырнадцать или пятнадцать дворов...”), с другой же, указания на то, что перед нами продолжение отчета о Харальдовом посещении Уплёнда, — прямые ссылки к предшествующему изложению. Эпизод открывается сообщением о том, что жена Ульва советует ему пригласить к себе конунга, но он противится этому, опасаясь, что тот возжелает погубить его добро, однако в конце концов все-таки поддается на уговоры и “из любви к жене едет и зовет к себе конунга, когда тот идет у Арни” (о чем только что было упомянуто в саге). Харальд принимает приглашение и является в усадьбу Ульва, где его ждет боевое угощение.

Когда люди расселись по скамьям, конунг взял слово. Он сказал, что хотел бы “развеселить” собравшихся своим рассказом, поскольку на пирах принято устраивать “развлечения”. Присутствующие с энтузиазмом одобрили его намерение. “Начало же истории тако-

во что Сигурдом Хриси звали сына Харальда Прекрасноволосого, а у Сигурда был сын по имени Хальвдан...” Харальд, таким образом, заводит речь о своем деде и прадеде: его отец, Сигурд Свинья, был сыном Хальвдана, сына Сигурда, сына Харальда Прекрасноволосого, родоначальника династии норвежских конунгов. Об “историчности” самого рассказа судить, однако, не приходится: его герои, предки Харальда, не были конунгами Норвегии, это были правители Хрингарики, небольшой области на востоке страны, и сведения о них в других источниках весьма скупы. Неясными на протяжении всей конунговой “речи” (гефа) остаются и истинные цели, преследуемые этим экскурсом в прошлое — последние раскрываются лишь по его завершении, когда “пировая забава” неожиданно заканчивается унижением и ограблением богатого бонда.

Рассказ Харальда весьма пространен, по сути дела, перед нами схематично изложенная сага. Конунгова раба звали Альмстейном. Детями Хальвдан и Альмстейн играли вместе. Альмстейн был силен и статен, это был лучший из конунговых рабов. Идет время, Сигурд конунг заболевает и готовится к смерти, он передает свои владения сыну и ярлу, который верно служит конунгу и собирает для него финскую дань. Но к конунгу поступает мало дани, потому что ее присваивает Альмстейн. Ярл умирает; узнав об этом, Альмстейн является ночью с войском к королевской усадьбе и поджигает ее. Он уверен, что погубил и конунгова сына, и сына ярла, бывшего вместе с ним в усадьбе, однако тем удается ускользнуть из охваченных огнем палат и добраться до правившего в Швеции ярла Хакона. Тем временем Альмстейн захватывает Хальвданову державу и становится в ней правителем, однако из-за творимых им беззаконий он не любим своими подданными. По прошествии трех лет конунгов сын с помощью шведов отвоевывает у Альмстейна свое королевство и в свою очередь поджигает предателя в его усадьбе. Тот молит о пощаде и получает жизнь в обмен на свободу. По приговору конунга, он опять должен стать рабом и оставаться им, пока жив, и также весь род, который от него произойдет, навсегда пребудет родом рабов. Альмстейну ничего не остается, как согласиться с этим решением и в знак получения “звания раба” (*með þrælsnafni*) принять от Хальвдана белый плащ. Затем созывают тинг, на котором Хальвдан провозглашается конунгом и получает назад свое королевство, по какому-то поводу устраиваются богатые пиры.

История окончена, и Харальд завершает свою речь: “У Альмстейна раба было большое потомство, и сдается мне, это — твой род, Ульв, — говорит конунг, — потому что Альмстейн был отцом твоего отца, а я — сын сына Хальвдана конунга...” После чего велит Ульву принять от него тот самый белый плащ, что был дарован конунгом Хальвданом его деду, — знак его “рабского достоинства” и подкрепляет этот “дар” висой (*“Kennir kyrtíl þenna...”* — “Узнаешь

этот плащ...”), в которой перечисляет все, что раб должен “уделить” господину из своего имущества. Ульву пришлось не по душе установленная конунгом “забава”, однако он не посмел отказаться от плаща. Дело кончилось тем, что жене Ульва и ее родичам удалось уговорить конунга пойти с ним на мировую и не принуждать его к рабству. Так Ульв Богатый лишился почти всего своего движимого и недвижимого имущества: из его бывших владений конунг оставил лишь “один-единственный двор”.

Изложенный эпизод из “Саги о Харальде Суровом” едва ли может быть отнесен к прядям. Дело даже не в том, что он повествует о судьбе норвежского бонда (как мы знаем, протагонисты прядей все не всегда были исландцами): истинный и единственный герой рассказа сливается здесь с героем той саги, в которую он помещен — это — сам конунг. Что же до Ульва, чьей незавидной участи посвящен этот эпизод, то он, в отличие от подлинных “вершителей” судьбы — героев прядей, не проявляет себя в нем ни словом, ни делом. Неудивительно, что ему даже не принадлежит ни одной реплики. Центральный персонаж рассказа изображен как пассивная жертва королевского произвола, поставлен в положение “инактивного” объекта, а не субъекта действия, и стало быть, исполняет роль ведомо несовместимую со статусом самостоятельного и своего человека — героя прядей. (Нельзя не вспомнить в этой связи о обычном поведении другого персонажа: героя пряди, вставленного сразу вслед за рассказом о посещении Харальдом Суровым Ульва Богатого, — Бранда Щедрого. Он, как известно, также не произносит ни слова на протяжении всего эпизода. Однако, не в пренебрежение Ульва, нарочитое молчание этого исландца, изъясняющегося с конунгом красноречивыми и им обоим понятными жеманствами, было исполнено достоинства и смысла. Сомнительно, чтобы соседство этих двух историй в тексте “Гнилой Кожы” могло быть названо такой объединяющей их чертой, как отсутствие реплик главных персонажей. Причина, по которой они были помещены рядом, скорее, в другом: оба рассказа описывают, как конунг пытался заставить находившихся в его власти людей поделиться с ним своим имуществом. Кроме того, не исключено, что составитель композиции хотел подчеркнуть контраст между бездействием и, как следствие, поражением норвежского бонда и действиями исландского бонда, в результате которых он вышел победителем в противостоянии с конунгом.)

И тем не менее, история о посещении Харальдом Суровым Ульва Богатого кое-чем весьма напоминает рассказ, рассмотренный в начале этой главы, — “Первую Прядь о Халльдоре сыне Снорри”. В обоих случаях могущественный муж, наделенный властью, призывает суд в данном коллективе (там — знатный королевский лендрманн, здесь — сам конунг), при большом стечении народа (и

на тинге, здесь — на пиру) рассказывает историю для “развлечения” собравшихся. В обоих случаях рассказ от первого лица имеет своим предметом события отдаленного прошлого и представляет собой вполне законченную и довольно пространную историю, как будто бы никак не связанную с основным повествованием. И наконец, в обоих случаях по завершении изложения своей истории рассказчик неожиданно объявляет, что в ней содержится прямое указание на то, как должна быть решена участь его контрагента. Прошлые события актуализируются в настоящей ситуации, кардинальным образом изменяя судьбу одного из центральных персонажей. При этом в обоих произведениях руководством к действию служит вердикт главного героя излагаемого якобы ради “забавы” ретроспективного рассказа. В “Первой Пряди о Халльдоре” это требование святого короля даровать жизнь и свободу тому, кто, как он предвидит, в отдаленном будущем нанесет урон вызволенному им из рабства соратнику. В истории об Ульве Богатом это приговор, вынесенный предком действующего правителя и закрепляющий бессрочное рабство и безоговорочное подчинение конунгу всего потомства вероломно захватившего его державу предателя. Таким образом, в то время как совершивший противоправное деяние Халльдор обязан своим спасением требованию христианского милосердия, ничем не провинившегося перед государем Ульва настигает жестокое и, по всей видимости, несправедливое возмездие. При разительной противоположности моральных “посылов” обеих историй перед нами совершенно идентичные нарративные построения, одинаковым образом и в тождественных функциях использующие структуру “рассказ в рассказе”. Однако одно из них, что отнюдь не уникально, мы находим в пряди, другое же, что, напротив, представляет из себя явное исключение, — в “королевской саге”.

Заметная черта, отличающая обе истории, — место и удельный вес в повествовании рассказа от первого лица, заставляющие рассматривать его уже не просто в качестве некоего более или менее развернутого сообщения о прошлом, вложенного в уста персонажа (то, что мы до сих пор недифференцированно именовали “ретроспективным рассказом”), но в качестве особого риторического построения, обычно называемого “текст в тексте”. В “Первой Пряди о Халльдоре сыне Снорри” “внутренний” текст — воспоминания Эйнара о его пленении и последующей чудесной встрече с Олавом Трюгвасоном, — представляющий собой совершенно самостоятельный и выстроенный по всем правилам наррации рассказ (в нем даже обильно используется прямая речь — диалоги действующих лиц!), занимает добрую половину пряди. В истории об Ульве Богатом “внешнему” повествованию — описанию того, что происходило в усадьбе злополучного бонда во время визита конунга, — вообще отведено меньше места, нежели “внутреннему” рассказу о взаимоотно-

ношениях предков главных героев. И тем не менее, хотя не может быть сомнений, что "внутренние" рассказы персонажей и составляют нарративную ценность и читательский интерес обеих историй (неслучайно мы находим "Первую Прядь о Халльдоре сыне Снорри" не в саге о Харальде Суровом, короле, сподвижником которого был заглавный герой пряди и в жизнеописании которого сохранилась другая, "Вторая Прядь о Халльдоре", а в саге об Олаве Трюггвасоне, — правителе, бывшем одним из центральных персонажей "внутреннего" рассказа), ни в том, ни в другом случае нет оснований утверждать, что перед нами собственно "обрамленное" повествование, в котором основным является именно "интекст", а "внешний" текст, напротив, играет второстепенную роль "рамы", оправдывающей и положение истории от первого лица. Совершенно очевидно, что каждый текст здесь вполне равноправен и теряет свой смысл без другого. Иначе и не может быть в повествованиях, где структура "текст-текст" выступает не как условный прием, но служит способом осуществления строго определенного прагматического задания — достижения непредсказуемого поворота в действии, приводящего к внезапной перемене участи героя "внешнего" рассказа.

"Пряди о поездках из страны" — не единственная разновидность прядей, в которой может быть найден ретроспективный рассказ. Мы уже имели возможность наблюдать пример аналогичного нарративного построения в "королевской саге", обильно использующей в своем составе вставные новеллы об исландцах, вступавших во взаимодействие с правителями Норвегии. Естественно предположить, что именно из этих историй оно окказионально проникало и в основной текст королевского жизнеописания. Между тем известны истории совсем другого рода, также, по всей видимости, принадлежащие к жанру прядей, где в центре повествования порой оказываются ретроспективные рассказы от первого лица, однако их функции в развитии действия имеют весьма мало общего с ролью подобных сообщений в "прядях о поездках из страны". Если в этих последних прошлое — будь то отдаленное прошлое, выходящее за временные рамки повествования, или прошлое самого рассказа, "обобщенного" в нарушение линейности его развертывания какое-то важное событие, — неизменно поставляло недостающее звено, которое служило основанием для внезапного поворота в действии, в свою очередь приводившего главного героя к, казалось бы, недостижимому благополучному финалу, то в историях об обращении в христианство — "Пряди о Норна-Гесте" ("Norna-Gests þáttur", *Flat. I*, 346–359) и "Пряди о Токи" ("Tóka þáttur", *Flat. II*, 135–138)⁶¹ вообще не идет речь о конфликте между главными персонажами, конунгом и посетившим его незнакомцем. Прожив необычайно долгую жизнь и повидав на своем веку множество отменных правителей, герой рас

за, чувствуя, что дни его на исходе, добровольно принимает новую веру: желая встретить свой конец христианином, он приходит к конунгу-миссионеру, где и обретает последнее пристанище. Обе истории завершаются крещением героя и его мирной кончиной при дворе христианского короля.

В этих прядях рассказ протагониста о собственном прошлом, главным образом посвященный его пребыванию у прославленных героев скандинавской древности, — "рассказ в рассказе" (в "Пряди о Норна-Гесте" это не один, а целая последовательность рассказов, вставленных в обрамляющее повествование), на первый взгляд, не преследует иной цели, кроме развлечения короля и его дружины, а с ними, разумеется, и читателя. Переход к "внутреннему" повествованию, которое, несомненно, и образует ядро пряди, определяя ее привлекательность как для средневековой, так и для современной аудитории, может мотивироваться различными способами. В "Пряди о Токи" это солидный возраст пришельца, который уже только по причине своего небывалого долголетия, по мнению окружающих, должен был помнить правителей, живших в отдаленные времена. При этом совершенно несущественно, что и отпущенные Токи "два человеческих века" — срок вовсе не достаточный, чтобы заставить таких легендарных героев, как датский конунг Хрольв Жердинка (VI в.) и норвежский конунг Хальв: героическая древность представлялась лишенным глубины атемпоральным по своей сути "мифическим временем", к которому была неприменима реальная хронология. В "Пряди о Норна-Гесте" введение в текст вставного повествования обставлено не столь незатейливо и оказывается подготовленным предшествующим действием. Побившись об заклад с дружинниками, что ему приходилось видеть и более ценные вещи, чем подаренное конунгу Олаву Трюггвасону кольцо Хнитуд, Гест вынужден представить материальное доказательство своих слов — бывший при нем обломок золотой пряжки от конской подпруги, а затем и поведать, как он стал обладателем этой вещицы. Начав свой рассказ с того момента, когда он прибыл к конунгу Хьяльпреку, у которого воспитывался Сигурд, и пересказав ряд преданий о подвигах этого прославленного витязя, очевидцем которых он стал, находясь у него на службе, Гест добирается наконец и до истории пряжки, якобы подаренной ему самим Сигурдом. Два других рассказа о героях прошлого — о гибели Брюнхильд и о недолгом пребывании Геста у сыновей датского викинга Рагнара Лодброка — следуют уже в ответ на расспросы дружинников и самого короля и сопровождаются их ремарками и комментариями.

Только свою последнюю историю, объясняющую полученное им прозвище и причины его необычайного долгожительства, Гест сообщает по собственной инициативе. Рассказ о предсказании норны и хранимой героем свече, в пламени которой заключен отмеренный

ему жизненный срок, — это, кроме того, и единственное в пряди повествование о незавершенном прошлом⁶². Именно это начальное событие трехсотлетней давности, которое, согласно “внутренней хронологии” рассказов Геста, предшествовало и громким подвигам Сигурда (его победе над сыновьями Хундинга, умерщвлению им дракона Фафнира и т.д.), и его предательскому убийству, повлекшему за собой гибель Брюнхильды, а также прерванному на полпути походу Рима сыновей Лодброка, переступает границы вставного рассказа, ходя свое логическое продолжение и окончательное разрешение в нарративном пространстве обрамляющего повествования. Перебрав за свои триста лет на службе у самых славных героев и конунгов прежних времен (напомним, что в отличие от Токи и таких долгожителей древности, как его “ровесники” Старкад и Одд Стрела, Норна-Гесту не было предназначено умереть по достижении какого-то предельного возраста), Гест окончательно отказывается от язычества, принимает крещение и становится дружинником христианского короля Олава Трюггвасона. Лишь после этого он решает, что ему более нечего искать — его жизнь завершена. В присутствии конунга достает и сам зажигает свою свечу и мирно угасает вместе с ней. То же и Токи, которому было отпущено два человеческих века и назначено нигде не задерживаться дольше, чем на двенадцать месяцев, чувствуя приближение конца, приходит к другому Олаву — Харальдссону, чтобы встретить смерть в крестильных белых одеждах.

Финальный и главный выбор, сделанный перед лицом смерти очевидцем и участником предшествующей “истории”, — красноречивый знак моральной победы христианского короля над правителями языческих времен. Слава и “удача” конунга — приверженца новой веры приобретают в глазах искушенного посланца из прошлого бо́льший вес, нежели великолепие, богатырская сила и небывалые подвиги героев древности, свидетелем которых он был. Так ретроспективный рассказ о языческих древних временах, исполненный в палатах государя-христианина ради просвещения и развлечения бравшихся, имплицитно оказывается способом утверждения новых ценностей. Обращение, а вместе с ним и завершение жизненного пути последних сподвижников и свидетелей мощи великих героев древности подводит черту под отошедшей в прошлое языческой эпохой, знаменуя торжество нового “обычая” (*siðaskipti*). Та же победа христианства над язычеством — получает уже прямое эксплицитное выражение в заключительном эпизоде “Пряди о Сигурде” (“*Sörla þáttur*”, *Flat. I*, 275–283)⁶³, рассказе, где, как и в истории Норна-Гесте, изложение эпических преданий не является самоцелью, но служит способом противопоставления настоящего прошлому. Добрый христианин, на которого распространяется “удача” патрона Олава Трюггвасона, вступая в бой, одерживает верх над легендарными героями древности, конунгами Хедином и Хёгни,

нося им избавление от мучительного бессмертия, вызванного наложенным на них Одином заклятием — необходимостью день и ночь без усталости сражаться в дряхлеющей с незапамятных времен битве Хьяднинггов.

Христианский смысл историй о Норна-Гесте и Токи, скрытое в них сравнение “старого” и “нового”, бескомпромиссный и бесповоротный выбор в пользу истинной веры (напомним, что оба героя в прошлом уже получили “неполное” крещение, позволявшее им беспрепятственно странствовать между миром христиан и миром язычников) и, наконец, избрание “наилучшего человека” для исполнения принятого решения — Олава Трюггвасона и Олава Харальдссона, соответственно, — все это, разумеется, и мотивирует включение обеих прядей в жизнеописание норвежских королей-миссионеров. Самое же существенное для нас — это то, что не сводимое к одному лишь факту принятия крещения христианское содержание этих историй рождается из взаимодействия “внешнего” и “внутреннего” рассказов. Точнее, излагаемые от первого лица и, по всей видимости, не в последнюю очередь продиктованные антикварным интересом к скандинавской старине рассказы о древних временах обретают совершенно иную перспективу в контексте обрамляющего повествования. Нарративная структура пряди (“текст в тексте”) оказывается “генератором” нового смысла⁶⁴.

Игра с формой: “Сон Одди Звездочета”

При том, что сфера применения рассматриваемого приема — это в первую очередь “пряди о поездках из страны” и отчасти “пряди о крещении”, т.е. рассказы, местом действия которых служила Норвегия, а главными героями были выходцы из Исландии или иные пришельцы со своей, неведомой окружающим историей (что, однако, не мешало рассказчикам прядей прибегать к ретроспекции также и в ситуациях, где сообщение о прошлом исходило отнюдь не от “гостя”, а, напротив, от местного правителя, во власти которого он оказывался), наиболее примечательный образец нарративного построения с использованием вставного повествования мы находим в рассказе, в котором описывается событие, произошедшее в Исландии. Уже само по себе это обстоятельство заслуживает внимания как свидетельство окончательного утверждения в прядях повествовательной структуры, никогда не применявшейся в той классической саге, в сферу притяжения которой обычно были вовлечены “пряди о событиях в Исландии”, — в “семейной саге”. Впрочем, в произведении о котором пойдет речь, “рассказ в рассказе” облечен в форму, отнюдь не уникальную для этих историй — в форму сновидения.

“Сон Одди Звездочета” (“*Stjörnu-Odda draumr*”) – едва ли не мое загадочное произведение средневековой исландской литературы. Прядь эта известна в единственной (отдельной) версии (*ÍSP* 2231–2243), сохранившейся в списке XVIII в., который был сделан Арни Магнуссоном, крупнейшим коллекционером и хранителем исландских манускриптов, со старинного пергамента – рукописи собрания саг кон. XIV в. “*Vatnshyrna*”, впоследствии погибшего в не большого копенгагенского пожара 1728 г. Помимо “Сна Одди Звездочета”, в этот кодекс наряду со многими сагами (в том числе “Сагой о людях из Лососьей Долины”) входили еще три “пряди” местом действия которых была Исландия, причем в двух из них “Пряди о курганном жителе” (“*Kumlþúa þáttur*”) и в “Сне Торстейна сына Халля с Побережья” (“*Þorsteins draumr Síðu-Hallssonar*”) так пересказывались сновидения.

Прежде чем перейти к изложению этой во всех отношениях фантастической истории, следует заметить, что герой ее, Одди Хельги по прозвищу Звездочет, – лицо невымышленное. Под этим именем известен один из выдающихся астрономов перв. пол. XII в. – составитель так называемого “Счисления Одди” (“*Oddatal*”) – день за днем фиксировавшего величины солнечного склонения и также время восхода и захода солнца в различные периоды года. Многолетние наблюдения Одди за движением светил и сделанные им вычисления по своей точности намного превосходили аналогичные результаты западноевропейских астрономов той эпохи и были положены в основу исландского календаря⁶⁵. Эти ученые знания героя отмечены и в его вводной характеристике, которой по традиции открывается прядь. Из нее следует, что Одди не только не имел себе равных во всей Исландии в знании календаря, но был еще и славным человеком “во многих других вещах”. К числу последних, однако, не относилось скальдическое искусство: наш герой никогда не сочинял и не декламировал стихов. Не был он и “хорошим работником”: будучи человеком небогатым, Одди не имел своего хозяйства и жил у некоего Торда на хуторе *Múli* (Утес?) на севере в Рейкьявике (Долине Дымов).

Как сказано в пряди, с этим Одди Звездочетом приключилась удивительная история, о которой он поведал сам, и рассказ его должен быть почитаться правдивым, сколь бы необычайным он ни показывался: видимо, предвидя недоверие аудитории, в самом начале своего повествования автор поспешил сообщить, что его герой “никогда не лгал, если знал, как было дело, и вообще считался человеком в высшей степени достойным доверия”.

Однажды Одди был послан на рыбную ловлю и остановился на ночлег в одном месте, где его хорошо приняли. Устав с дороги, вскоре уснул, и ему приснилось, что он дома и туда явился гость. Одди уже собирались отойти ко сну, когда незнакомца попросили

сказать сагу для развлечения собравшихся. Услышанный героем рассказ оказался типичной “сагой о древних временах”. По словам автора пряди, начиналась эта сага с того, что на востоке в Гаутланде правил конунг по имени Хродбьярт, жену его звали Хильдигунн, а сына – Гейрвид; в то время он был еще ребенком, однако уже “подавал большие надежды”. Над третьей частью своих владений конунг поставил ярла по имени Хьорвард, жену его звали Хьоргунн, а дочь – Хлегунн. Эта молодая девица, оправдывая данное ей имя (“защиты-Гунн”: Гунн – имя валькирии, обозначающее битву), не обнаруживала склонности к обычным женским занятиям, появлялась везде в доспехах и при оружии и нрав имела самый что ни на есть воинственный. Ярлу, ее отцу, надоело терпеть ее неподобающее поведение, и он услад ее из дома, выделив ей три боевых корабля и команду, с которой она отправилась в викингские походы в чужие земли; при его жизни она больше не появлялась в их краях.

Далее, сказано в пряди, “в саге говорится о том, что происходило в другом месте”: когда Гейрвиду исполнилось восемь лет, его отец, конунг Хродбьярт, заболел. “Мало что можно об этом рассказать”, – продолжает то ли приснившийся Одди заезжий “рассказчик” саги, то ли припоминающий свой сон звездочет, то ли излагающий со слов этого ученого мужа происшедший с ним странный случай автор пряди, – “кроме того, что недуг этот привел к смерти конунга”. Справив по тогдашнему обычаю пышную трапезу по умершему государю, жители Гаутланда провозгласили своим конунгом его малолетнего сына. “Как и следовало ожидать”, вновь комментирует события саги “многоликий” рассказчик, при столь юном правителе власть в королевстве сразу же пришла в упадок. Вдобавок в лесу поселились свирепые разбойники-берсерки Гарп (его имя означает “Воинственный Человек”) и Гню (“Звон Оружия”), все попытки справиться с которыми оставались безрезультатными. Так продолжалось до тех пор, пока Гейрвид не достиг двенадцатилетнего возраста и не превратился в могучего не по годам богатыря. Тогда молодой конунг решает самолично избавить свою страну от разоряющих ее “викингов”. Его вызывается сопровождать дружинник и придворный скальд по имени Дагфинн, который убеждает конунга, что в его лице тот найдет незаменимого помощника.

“Но как только этот человек, Дагфинн, был назван в саге, во сне Одди происходит удивительная вещь: гость, который рассказывал сагу, исчезает и из рассказа (под ‘рассказом’ – сага, автор подразумевает свое собственное повествование, иначе говоря, прядь. – Е.Г.), и из сна, а Одди представляется теперь, что он сам и есть этот человек Дагфинн, и отныне он сам видит и знает все, что происходит во сне. С этого момента сон должен рассказываться так, как будто бы Одди сам все это испытал...” (“*En nú síðan er drauminn svo að segja sem honum þótti sjálfum fyrir sig bera, Odda...*” *ÍSP* III, 2235).

Итак, Одди больше не сторонний наблюдатель *sagnaskem* ("развлечения сказанием"), устроенного гостем, не слушатель саги, которую произносит незнакомец, а ее действующее лицо! Он отождествляет себя со скальдом Дагфинном или перевоплощается в него и в результате оказывается непосредственным участником событий, описываемых в саге. Пригрезившийся Одди сон о вечере в родной усадьбе, проведенном в обществе неведомого рассказчика, рассказывает, но завершается отнюдь не возвращением героя пряди к реальности, не его пробуждением, но еще более глубоким погружением в фиктивный мир *литературного произведения*, в героя которого неожиданно превращается. Ибо сага, в которую он вступает в своем сновидении, принимая на себя роль одного из ее центральных персонажей, ни в коей мере не претендует на достоверность — это от начала и до конца вымышленная, "лживая" история, исполняемая "забавы" и созданная по аналогии с другими сказочными повествованиями, в изобилии производимыми в средневековой Исландии.

Таким образом, переотождествление героя кардинальным образом изменяет первоначальную трехуровневую нарративную структуру пряди, образуемую "внешним" и "внутренним" обрамляющими рассказами, в последний из которых было вставлено собственное "внутреннее" повествование: вместе с приснившимся Одди рассказчиком саги ("гостем") из нее исчезает и тот "внутренний" обрамляющий рассказ, в который, в свою очередь, была "вложена" сага Гейрвида и Дагфинне. Шагнув в своем сновидении в условное пространство чужого рассказа и слившись в нем с его персонажем, юный исландец не просто осуществил прорыв "внутренней рамки", уничтожил ее вовсе. *Рассказ о рассказе, рассказанном во сне*, на наших глазах преобразуется в *рассказ о приснившемся рассказе*, должно было бы привести к упрощению композиции пряди; оказывается, однако, что впереди нас ожидают ничуть не меньшие сюрпризы.

Действие саги идет своим чередом: юный конунг и его храбрый дружинник отправляются навстречу разбойникам, однако когда приближаются к своей цели, последний признается, что непривык к сражениям и не полагается ни на свое ратное искусство, ни на блестящую, а потому предлагает, чтобы конунг сам бился с разбойниками, тогда как он, Дагфинн, предпочел бы наблюдать за их поединком с вершины холма, с тем чтобы потом поведать обо всем случившемся людям. Все так и происходит: скальд предоставляет своему господину в одиночку биться с разбойниками, конунг одерживает блестящую победу и, покрыв себя славой, возвращается к своим подданным, вознося своим государя и сооружают курган, на котором устанавливают королевский престол, — знак государственности и место, откуда в древние времена обыкновенно вершили свой суд скандинавские правители⁶⁶. Дагфинн же сочиняет в

короля краткую хвалебную песнь — флокк. Песнь понравилась и конунгу, и его приближенным, однако когда Гейрвид захотел пожаловать за нее скальду большое золотое запястье со своей руки, тот отказался от положенной ему "платы за песнь", заявив, что с него достаточно и оказанного ему почета, что же до богатых даров, то он ни в чем не нуждается, тогда как при дворе найдется немало охотников до конунгова золота. Юный князь с одобрением воспринял его слова.

После этого сага обращается к другим участникам действия: ярлу Хьорварду и его жене Хьоргунн. Рассказывается, что жену ярла свалил тяжкий недуг, о котором, дабы "не тратить слов попусту", автор пряди сообщает лишь то, что он послужил причиной ее смерти. Потерев о своей утрате, ярл сватается к вдовствующей королеве Хильдигунн и берет ее в жены. От этого союза рождается дочь, Хладрейд, младшая сестра конунга Гейрвида. По прошествии недолгого времени ярл умирает, и Гейрвид присоединяет его владения к своим, о чем вскоре становится известно старшей дочери ярла, деве-воительнице Хлегунн. Отвоевав отцовские земли, она посылает к конунгу гонцов, предлагая ему на выбор: либо он добровольно передаст ей половину своего королевства, либо явится с войском в назначенное место, и там они решат в бою, на чьей стороне удача и победа.

Гейрвид выбирает сражение и снаряжает войско в поход. И тут происходит одно "малозначительное событие": когда Дагфинн направлялся к своему кораблю, у него развязался ремень на обуви. Он завязал ремень и проснулся, "как и следовало ожидать", вновь превратившись в Одди. Стояла ночь, и Одди, по своему обыкновению, вышел посмотреть на звезды и за этим занятием вспомнил свой сон и пять строф из флокка, который он сочинил, когда ему снилось, будто он — конунгов скальд Дагфинн. (Видимо, в доказательство достоверности сообщаемой им истории автор пряди тут же приводит эти стихи, рассказывающие об одержанной Гейрвидом победе над разбойниками.) Наглядевшись вдоволь на звезды, Одди вернулся в дом, лег в постель, уснул... и стал смотреть свой сон с того самого момента, на котором он прервался. Ему снилось, что он, Дагфинн, затянул ремень на башмаке и поспешил на свой корабль.

И вновь на наших глазах происходит прорыв границы, разделяющей "обрамляющее" и "внутреннее" повествование, — переход героя из одного плана в другой и обратно⁶⁷. Но каким поразительным способом это достигается! Внезапно вырвав своего героя из его сновидения в момент совершения им сугубо физического, краткого и однократного действия и затем вновь возвратив его на прежнее место, в прежнюю позу и к тому же прерванному "на полпути" жесту, автор пряди об Одди Звездочете, сам того не ведая, за многие столетия до рождения киноискусства и исключительно средствами, до-

ступными литературному повествованию, создает и с блеском использует прием, ставший привычным для современного кинозрителя, но едва ли вообще знакомый средневековому читателю, — “стоп-кадр”. Застывшая было на время возвращения Одди к реальности картина из сновидения оживает, как только он вновь погружается в свою ненадолго оставленную грезу и превращается в Дагфинна. Незавершенная сага возобновляется, устремляясь к финалу.

С помощью Дагфинна, и на этот раз проявляющего не доблестя, а ум и умение, конунг побеждает обернувшуюся чудовищем Хлегунн, покрыв себя славой, возвращается восвояси, вновь становясь единственным правителем Гаутланда. Подданные несут восседающему в кургане государю дань и дары, а скальд сочиняет в его честь драму тридцать строф и, как и в первый раз, отказывается от жалуета ему за нее золотого обручья, заявляя, что ни в чем не нуждается. Конунг, однако, имея в виду заслуги Дагфинна, хочет во что бы то стало отличить его, возвысив над другими людьми в своем королевстве, и в конце концов отдает ему в жены свою сестру Хладрейд. Завершается пышной свадьбой королевского скальда и сообщением о том, что между Дагфинном и Хладрейд вскоре возникла большая любовь и они жили очень счастливо, после чего “тот, кто в действительности был Одди, просыпается”. Он припоминает свой сон, “и то, что снилось ему сперва, и то, что потом”, а главное, вспоминает одиннадцать строф из произнесенной им во сне хвалебной песни, в которой в поэтической форме излагается рассказ о последней битве конунга. Оказывается, впрочем, что процитированный в пряди отрывок драмы весьма далек от совершенства, “однако”, заключает свой рассказ автор пряди, “не удивительно, что стихи эти неуклюжи, ведь они были произнесены во сне”.

Таковыми словами, опровергая напоследок еще один канон и ставляя рассказ без привычной формальной концовки, завершает свое удивительное произведение его анонимный автор. “Сон Олава Звездочета” поражает необычным для средневековой литературы едва ли не модернистским построением повествования, и в первую очередь странными превращениями главного героя, сливающегося с персонажем услышанной им во сне саги, вступающего в нее, а затем дважды пересекающего границу между сном и явью, с тем чтобы время оставить своего двойника и его историю, а затем вновь оказаться во внезапно прерванном видении на прежнем месте и в прежнем качестве.

Главный вопрос, которым невозможно не задаться, знакомый этим решительно ни на что не похожим произведением: чем можно объяснить рождение столь странного замысла?

Прежде всего, не вызывает сомнений, что его осуществление — начало сознательную игру с уже знакомыми нам традиционными нарративными приемами. Открытая прядями или, по крайней мере,

нашедшая в них благодатную почву для культивирования повествовательная структура “текст в тексте” явилась прямым продолжением приема ретроспекции: всякий “внутренний” рассказ неизменно оказывался рассказом о прошлом, тем или иным образом соотносясь с разыгрывающимся в настоящем действием главного (“обрамляющего”) рассказа. Здесь же он представлен как условное литературное произведение — сказочная “сага о древних временах”, т.е. повествование о прошлом, казалось бы, заведомо не предполагающее никакой связи с протагонистом пряди. Но, может быть, следует допустить невероятное: а именно то, что вставленная в прядь “лживая сага” о правителе Гаутланда и его придворном скальде, подобно другим “обрамленным” повествованиям, которые мы находим в прядях, была все же как-то связана с историей того, кому она якобы пригрезилась, — ученого исландца Одди? Не на это ли, в частности, намекает его необыкновенное превращение из слушателя саги в ее героя, сопровождающееся установлением тождества Одди=Дагфинн?

На подобные же размышления наводит и одновременное употребление в пряди в, на первый взгляд, совершенно не свойственном ему качестве другого нарративного приема — рассказа о сновидении, традиционно выступающего в сагах в роли предвидения или предвосхищения (и стало быть, функционально противоположного ретроспекции!): не имел ли автор в виду как раз привычную нам, казалось бы, также неуместную в данном случае семантику приема, соотносящего сон с явью?

Вероятным ключом к разгадке может послужить образ двойника ученого звездочета, конунгова дружинника и скальда Дагфинна, чье поведение в привидевшейся Одди саге находится в столь разительном противоречии с традиционным изображением придворного поэта, что заставляет заподозрить, что перед нами — пародия. И действительно: в отличие от королевского скальда, храброго воина и ближайшего соратника своего государя, бывшего бок о бок с ним в сражениях и благодаря этому становившегося их очевидцем, способным воспеть в хвалебных стихах подвиги конунга и его дружины (вспомним, знаменитый эпизод из “Круга Земного” (КЗ, 351), в котором Олав Святой перед битвой при Стикластадире велит своим скальдам быть рядом с ним, дабы “видеть все, что происходит, собственными глазами”, поскольку потом они должны будут “рассказать об этой битве и сложить о ней песни”, — обязанность, которую никто из них не смог выполнить, так как все они пали в бою вместе с конунгом), Дагфинн вовсе не демонстрирует героизма. В эпизоде с разбойниками он откровенно заявляет о своем нежелании вступать в поединок и, удалившись в безопасное место, занимает позицию наблюдателя, предоставляя конунгу самому справляться с врагами. Также и в битве с Хлегунн мы видим его не участником сражения, смело разящим врагов плечом к плечу со своим предводителем, но

советчиком конунга, разгадывающим коварные действия колдуньи и вовремя предупреждающим о грозящей опасности.

Не менее удивительно отношение к странному поведению этого скальда-дружинника и самого юного правителя: вопреки ожиданию, он не только не прогоняет его от себя с позором во время их первого же совместного похода, но принимает поступок своего трусливого спутника как должное, а затем благосклонно выслушивает сочиненный Дагфинном флукк и жалует ему богатый подарок. И тут мы вновь становимся свидетелями необъяснимого поведения скальда. Вместо того чтобы с благодарностью принять положенную ему "плату за песнь", как сделал бы на его месте любой другой скальд, он наотрез отказывается от предложенного ему драгоценного дара. То же повторяется и с вознаграждением за сложенную им впоследствии драпу — Дагфинн и на этот раз не желает принимать конунга во золото, однако не отказывается от благородной невесты и, получив таким образом явно чрезмерную плату за королевский панегрик, неожиданно для себя становится вторым лицом в государстве.

Как видим, перед нами перевернутые ситуации⁶⁸ и ценности — то что никогда не произошло бы наяву или, произойдя, так или иначе не получило бы оправдания в глазах общества, представляется сам собой разумеющимся во сне. Впрочем, автор пряди не скрывает, что на самом деле стоит, по его мнению, изображенная в рассказе "другая реальность" сна, по всей видимости, преднамеренно обличенная им в сказочную форму "лживой саги". Об этом можно судить хотя бы по его оценке поэтической продукции Одди-Дагфинна единственного свидетельства правдивости описанного им странного происшествия, преодолевающего границу между сном и явью. Тот кто никогда не был скальдом в действительности, на время обретает поэтический дар во сне, сочиняя заслуживающие всеобщего признания флукки и драпы, которые, однако, как потом выясняется, выдерживают света дня, на поверку оказываясь посредственными "неуклюжими" стихами, — не на это ли намекает и само имя двойка Одди, *Dag-finnr*, первая часть которого означает 'день', а второе омонимично глаголу *finna* 'находить, узнавать'?

Подобное ниспровержение придворного скальда совершенно необъяснимо, если не предположить, что за изображенной в пряди об Одди Звездочете фигурой Одди-Дагфинна скрывается не скальд как таковой и не ученый составитель солнечного календаря, но совсем другое и также вполне конкретное лицо. Весьма убедительные аргументы на этот счет были высказаны Херманном Паулссоном, который попытался доказать, что в образе главного героя пряди был выведен не кто иной, как один из самых образованных и знаменитых исландцев XIII в. — Снорри Стурлусон⁶⁹.

В самом деле, целый ряд деталей биографии этого виднейшего скальда, историка и политического деятеля "века Стурлунгов"

основания для подобных подозрений. Прежде всего, обращает на себя внимание соединение двух имен — имени ученого звездочета и главного героя рассказа Oddi, совпадающего с названием хутора Oddi, важнейшего центра учености в средневековой Исландии, где воспитывался Снорри Стурлусон, и имени двойника героя пряди, скальда и советчика конунга Гейрвида, Дагфинн. Лагман Дагфинн Бонд (ум. 1237 г.) находился при малолетнем Хаконе Хаконарсоне (род. 1204 г.), покровителе, а затем враге Снорри, еще до его вступления на норвежский престол (1217 г.) в период смуты, а впоследствии — в качестве его советника, и Снорри, по всей вероятности, не только встречался с ним во время своего пребывания при норвежском дворе в 1218–1220 гг., но и был с ним в дружбе, поскольку, как отмечается в "Саге об исландцах" (самой значительной из саг, входящих в "Сагу о Стурлунгах"), лагман был "большим другом исландцев"⁷⁰. Помимо знаменательной пары Одди-Дагфинн, бросается в глаза и другая возможная параллель с реальными событиями, непосредственно предшествовавшими появлению Снорри на континенте: разоренье, царящее в приснившемся Одди королевстве юного конунга Гейрвида, с которым тот справляется по достижении двенадцатилетнего возраста, и немирье в Норвегии в период заключительного этапа гражданских войн, которым были отмечены начальные годы правления Хакона, ставшего королем двенадцати или тринадцати лет от роду.

В "Саге об исландцах" сообщается также о небывалом вознаграждении, которое Снорри получил от ярла Скули (бывшего в то время наместником конунга Хакона и, как и ярл Хьорвард из приснившейся герою пряди "лживой саги", управлявшего третьей страной) за сочиненные в его честь хвалебные песни: в саге сказано, что "ярл дал ему корабль и пятнадцать богатых даров в придачу; Снорри сочинил о ярле две песни"⁷¹. Ни один скальд никогда не получал столь высокой платы за свою поэзию, — не исключено, что именно это обстоятельство могло лежать в основе пародийного перевертывания ситуации пожалования/принятия вознаграждения за хвалебные песни, которое мы находим в пряди об Одди Звездочете. Это тем более вероятно, что, по свидетельству все того же источника, успехи Снорри при норвежском дворе вызывали нескрываемое раздражение у его врагов в Исландии, а сложенные им в честь ярла и так дорого оцененные этим правителем драпы подвергались в их среде поношению и пародированию. "Люди с юга высмеивали стихи, которые Снорри сложил о ярле, и переиначивали их (*sneru afleidis*). Торрод из Залива Тюленей отдал одному человеку овцу" за вису, в которой пародировался стев из Снорриевой драпы: "*Harðmúlaðr var Skúli... / Rambliks framast miklu... / Gnaphjarls skapaðr jarla*" — "Скули, жестокий к сильному блеску моря (т.е. к золоту), был первейшим из ярлов". В этой висе обценно обыгрывался употребленный Снорри

по отношению к ярлу (и действительно странный в контексте панегирика) эпитет *harðmúlaðr* 'жестокомордый', после чего говорилось, что ярлу никогда еще не преподносили "большого помета коршуна моря трупа (= орла)", т.е. более бездарных стихов⁷². Знаменательно, что подхваченное в поэме Снорри и использованное в поносных стихах прилагательное *harð-múlaðr* – не что иное, как производное от того самого существительного *múli* 'морда' и 'утес', которое послужило названием усадьбы (*Múli*), где проживал герой пряди об Одди Звездочете и где, как ему приснилось, и была рассказана сага о Дагфинне и Гейрвиде, – обстоятельство (кстати говоря, незамеченное Херманием Паулссоном), лишний раз подтверждающее справедливость высказанной гипотезы: напомним, что и имя Oddi соотносится с названием хутора, где воспитывался Снорри. В свете всего сказанного едва ли можно пройти мимо еще одного знаменательного топонима – указанного в пряди места расположения усадьбы хозяина Одди, Северный Рейкьядаль: ведь именно здесь стоял прославленный Рейкьяхольм, усадьба, где в течение тридцати пяти лет вплоть до своей гибели жил сам Снорри Стурлусон!

Вернемся, однако, к засвидетельствованной "Сагой об исландцах" суровой оценке хвалебной поэзии автора "Младшей Эдды". Как видим, она совпадает с тем приговором, который был вынесен сочиненным во сне панегирическим песням Одди-Дагфинна автором пряди. Между тем, оценивая столь несправедливо поэзию Снорри, его враги были куда ближе к истине, когда намекали на его трусость. Судя по тому, что нам известно об этом великом исландце, ему действительно больше пристала роль советника и дипломата, нежели воина. Об этом говорят донесенные до нас "Сагой о Стурлунгах" предсмертные слова Снорри, который вместо того чтобы по примеру не раз описанных им героев саг с оружием в руках встретить пришедших в его дом врагов, попытался спрятаться от них в погребе, и, будучи обнаруженным там, дважды попросил пощады, "Не надо разить"⁷³. Как мы помним, не отличался храбростью и Дагфинн, скальд и советник правителя Гаутланда из привидевшейся Одди саги.

В пользу предположения о том, что в образе ученого сновидца его двойника – героя "лживой саги", был выведен именно создатель "Младшей Эдды" и "Круга Земного", говорят и некоторые другие детали, намеки на которые вполне можно усмотреть в истории, рассказанной в пряди. Известно, например, что во время своего пребывания в Норвегии и почти одновременно с событиями, вызвавшими столь резкие нападки его недругов, летом 1219 г. Снорри посетил Гаутланд (ср. место действия саги о конунге Гейрвиде), где встретился с Кристин, вдовой ярла Хакона Шального (о вдовстве трижды говорится и в саге, рассказанной во сне). По сообщению "Саги об исландцах", Снорри сочинил о ней песнь, за которую также был ш

ро вознагражден⁷⁴. Не исключено, что название этой песни – "Andvaka" ("Бессонница"), вывернутое и превращенное стараниями недоброжелателей знаменитого исландца в поэму, сочиненную во сне, и могло послужить непосредственным толчком для появления столь странного рассказа о придворном скальде. Предложенное толкование пряди об Одди Звездочете как пародии не только способно пролить свет на обстоятельства рождения этого необыкновенного произведения. Если прототипом главного героя действительно был Снорри Стурлусон (а представленные доказательства недвусмысленно указывают именно на него), – перед нами тот редчайший случай, когда оказывается возможным исходить из довольно точной датировки пряди. Естественно полагать, что последняя в силу своей "злободневности", вероятнее всего, могла быть написана в 20-е или 30-е годы XIII в. и встраивалась в тот общий поток пародирования и поношений, который обрушивали на Снорри его противники и критики⁷⁵.

Подобная датировка "рассказа в рассказе", создание которого предполагало сознательное обыгрывание не одних только обстоятельств биографии вполне конкретного лица, но в то же время и нарративных канонов, используемых при составлении саг (отчет о сновидении) и прядей (вставное повествование), – свидетельство весьма ранней устойчивости, а стало быть, и зрелости этих канонов, и в частности, рассмотренного нами приема ретроспекции и выростающей на его основе в прядях повествовательной структуры "текст в тексте".

¹ О стиле саги см.: Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Л., 1971. С. 57 сл.

² О роли сцены в композиции саги см.: Clover C.J. Scene in Saga Composition // Arkiv för nordisk filologi. 1974. Bd. 89. P. 57–83.

³ О библейских аллюзиях в "Первой Пряди о Халльдоре сыне Снорри" см.: Harris J. Christian Form and Christian Meaning in "Halldórs þáttur I" // The Learned and the Lewd: Studies in Chaucer and Medieval Literature / Ed. L.D. Benson. Harvard English Studies. Vol. 5. 1974. P. 249–264.

⁴ Об использовании ретроспекции в эпосе (в том числе – как древнейшего и самого примитивного способа изображения одновременных событий), а затем и в художественной литературе см.: Zielinski Th. Die Behandlung gleichzeitiger Ereignisse im antiken Epos. Erster Theil // Philologus. Zeitschrift für das classische Alterthum. Supplementband. VIII. Leipzig, 1899–1901. S. 407–449; Lämmert E. Bauformen des Erzählens. 2. Aufl. Stuttgart, 1967. S. 100–139. Что же касается прядей, то, хотя ретроспекция в них также не осталась незамеченной исследователями, до сих пор она, насколько нам известно, никогда не становилась предметом специального изучения: в диссертации, посвященной вставным повествованиям в "Гнилой Коже" Х. Гиммлер, употребляя терминологию Лэммерта, констатирует факт использования в них обращения к прошлому, однако упоминает об этом приеме лишь вскользь. Ср.: Gimmeler H. Die Thätigkeit der Morkinskinna. Ein Beitrag zur Überlieferungsproblematik und zur Typologie der altnordischen Kurzerzählung. Frankfurt a. M., 1976. S. 102–109.

- ⁵ См.: *Toorn M.C. van den*. Zur Struktur der Saga // *Arkiv för nordisk filologi*. 1958. Bd. 73. S. 140–168; *Idem*. Zeit und Tempus in der Saga // *Arkiv för nordisk filologi*. 1961. Bd. 76. S. 141ff; *Clover C.J.* The Medieval Saga. Ithaca; L., 1982. P. 109–147. В противоположность “сагам об исландцах” в более поздних жанровых разновидностях саги, в “сагах о древних временах” и “рыцарских сагах”, создававшихся во втор. пол. XIV в. под влиянием континентальной куртуазной литературы, ретроспективные рассказы от первого лица встречаются неоднократно. Ср., например, такие образцы “постклассической” исландской прозы, как “Сага о Флоресе конунге и его сыновьях” (“*Flóres saga konungs ok sona hans*”) или “Сага о Хрольве Пешеходе” (“*Göngu-Hrólfs saga*”). Однако нет никаких оснований предполагать какую бы то ни было связь между использованием ретроспекции в “прядях об исландцах” и в подобных “сказочных” сагах.
- ⁶ Ср.: “Was in der Saga geschieht, wird so erzählt, dass vor dem Beginn nicht geschehen ist, d. h. nichts, was man zum Verstehen der Erzählung unbedingt braucht und dass nach dem Ende nichts mehr erwartet wird.” (*Toorn M.C. van den*. Zeit und Tempus in der Saga. S. 142).
- ⁷ Напомним, что эта прядь сохранилась лишь в “*Hulda-Hrokkinskinna*” XIV–XV вв. (“*Magnúss saga*”). См.: *ÍSP III*, 2156–2165.
- ⁸ Об аналогиях между этой прядью и одним из эпизодов “Саги о Ньяле” уже говорилось во Введении.
- ⁹ *ÍSP III*, 2224–2227. В несколько сокращенном виде этот эпизод присутствует и в другой редакции пряди, которая приводится в более раннем собрании саг “*Тнилой Коже*”.
- ¹⁰ См. подробнее в главе “Несправедливые действия могущественного человека”.
- ¹¹ *Fomar smásögur úr noregskonunga sögum* / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949. Bls. 29–41.
- ¹² Об ассимиляции заимствованных мотивов см.: *Strömbäck D.* Some Remarks on Learned and Novelistic Elements in the Icelandic Sagas // *Nordica et Anglica: Studies in Honour of Stefán Einarsson* / Ed. A.H. Orrick. The Hague, 1968. P. 140–142.
- ¹³ Не исключено, что герой пряди идентичен упоминаемому в “Саге о Бьёрне Герое из Хитдала” (гл. 3, 7) *Hrói hinn auðgi*. Согласно саге, этот Хрои жил Роскильде, т.е. в Дании, а в Исландии у него был наследник – сын его сестры.
- ¹⁴ Ср.: Сага об Олаве Святом, гл. 80 (*K3*, 218–222).
- ¹⁵ Знаменательно в этой связи, что, хотя они и не играли в ней решительно никакой роли, в “Пряди о Стюрбьёрне”, по всей видимости, редактором же было введено упоминание о трех братьях – героях истории о Хрои – Хельге Торгисле и Торире, причем все трое характеризовались как люди “злые, ненавистные и недолголюбимые окружающими”.
- ¹⁶ *Strömbäck D.* En orientalisk saga i fornordisk dräkt // *Strömbäck D.* Folklore og Filologi. Valda uppsatser utgivna av Kungl. Gustav Adolfs Akademien 13.8. 1970. Uppsala, 1970. S. 70–105.
- ¹⁷ *Hauksbók* / Udg. Eiríkur Jónsson, Finnur Jónsson. København, 1892–1896.
- ¹⁸ Ср. рассказ шестого везира из арабской версии “истории семи мудрецов” “Рассказа о царевиче и семи везирах” в “Книге тысячи и одной ночи” (Книга тысячи и одной ночи. М., 1959. Т. 5. С. 429–437); *Konow S.* Harald Naarfærte ljöfte // *Maal og Minne*. 1913. S. 14 ff.
- ¹⁹ См. “Рассказ о купце и слепом старце” в “Книге тысячи и одной ночи”. Т. 5. С. 459–464.
- ²⁰ *Strömbäck D.* En orientalisk saga i fornordisk dräkt. S. 72–74.

- ²¹ Как, например, в индийской версии, впервые опубликованной в Калькутте в 1873 г., которая, по сообщению ее издателя Вернье, представляла собой запись устного рассказа. См.: *Strömbäck D.* Op. cit. S. 75.
- ²² *Strömbäck D.* Op. cit. S. 92 f.
- ²³ О семантике подобных характеристик см.: *Гуревич Е.А.* Структура и функции описания внешности героев исландских саг // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Филология*. 1978. № 6. С. 57–63.
- ²⁴ Ср. *Strömbäck D.* Uppsala, Iceland, and the Orient // *Early English and Norse Studies*. Presented to Hugh Smith. L., 1963. P. 178–190.
- ²⁵ Тот же мотив – нож и ремень как вещественные доказательства совершенного преступления находим в “Саге о Ньяле” (гл. 47–49). Откель благоволит к рабу-ирландцу Мелькольву и дарит ему нож и ремень. В дальнейшем раб переходит в собственность Халльгерда. По ее наущению он отправляется в усадьбу своего бывшего хозяина и совершает там кражу, а затем, чтобы замести следы, и поджог, однако по дороге домой теряет ранее подаренные ему нож и ремень – улики, приводящие потерпевшего к дверям вора (*ИС II*, 128–131). Несмотря на замену ножа и ремня на другую “пару” предметов, явное сходство с интересующим нас эпизодом “Пряди о Хрои” обнаруживается еще в одном рассказе из “Книги с Плоского Острова”, в “Пряди о Хеминге сыне Аслака” (“*Hemings þáttur Áslákssonar*”). Будучи в Англии на многолюдной сходке Одд сын Офейга (герой уже известной нам пряди) замечает у некоего Адальбригта ценности, принадлежавшие его не вернувшемуся из плавания брату – плащ и золоченый меч. Напрасно тот пытается скрыть происхождение вещей: Хеминг вынуждает его сказать правду; в результате выясняется, что перед ними убийца брата Одда, и ему приходится заплатить за содеянное. Признание Адальбригта, в свою очередь, заставляет вспомнить рассказ Эймара Мухи об обстоятельствах гибели мнимого брата Халли Челнока, историю которого, как будет отмечено ниже, имеет отношение и к рассматриваемому эпизоду “Пряди о Хрои” (См.: *Hemings þáttur Áslákssonar* / Ed. G. Fellows Jensen (Editiones Arnemagnæanæ. Series B, Vol. 3). Copenhagen, 1962. P. 29 f.).
- ²⁶ *The Tale of Beryn*, with a prologue of the merry adventure of the pardoner with a tapster at Canterbury / Ed. F.J. Furnivall, W.G. Stone (Early English Text Society Extra Series, 105). London, 1887. P. 69–70, 99–100, 113–115.
- ²⁷ *Strömbäck D.* En orientalisk saga i fornordisk dräkt. S. 94 ff. Этот рассказ отсутствует уже в более раннем, относящемся к нач. XIII в., французском поэтическом “Романе о семи мудрецах”. См.: Роман о семи мудрецах. М., 1989.
- ²⁸ *The Tale of Beryn*. P. 59–60.
- ²⁹ В пятом эпизоде обвинитель – будто бы покинутая чужестранцем жена с ребенком на руках.
- ³⁰ Весьма знаменательно и место, где якобы была совершена кража – датский остров Самсей, на котором, согласно другому обвинению, брошенному асом-трикстером Локи Одину, будто бы занимался колдовством сам “отец богов”: “А ты, я слышал, / на острове Самсей / бил в барабан, / среди людей колдовал, / как делают ведьмы” (“Перебранка Локи”, строфа 24 // *Старшая Эдда* / Пер. А.И. Корсуна. С. 56). Остров Самсей был широко известен, по-видимому, прежде всего благодаря тому, что на нем, согласно преданию, произошла одна из самых славных битв легендарного прошлого: поединок Одда Стрелы и Хьяльмара с двенадцатью братьями-берсерками, возглавляемыми Анган-тиром (см. “Сагу об Одде Стреле” и “Предсмертную песнь Хьяльмара”). Тем не менее, не исключено, что в “Пряди о Хрои” остров Самсей упоминается не просто как знаменитое место или как место, ассоциировавшееся с занятиями

колдовством, но также и вследствие сугубо формальной аттракции: имя Хрои (тезки нашего героя?) присутствует в перечне двенадцати воинов конунга Гаутрека.

³¹ Strömbäck D. En orientalistisk saga i fornordisk dräkt. S. 105.

³² Ср.: Clover C.J. The Medieval Saga. P. 112 (note).

³³ Lönnroth L. The double scene of Arrow-Odd's drinking contest // Medieval Narrative, A Symposium. Odense, 1979. P. 94–119.

³⁴ Labov W. Rules for Ritual Insults // Idem. Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular. Philadelphia, 1972. P. 297–353.

³⁵ Глава 119, перевод В.П. Беркова (ИС II, 252).

³⁶ См.: Bax M., Padmos T. Two Types of Verbal Dueling in Old Icelandic: The Interactional Structure of the *senna* and the *mannjafnaðr* in "Hárbarðsljóð" // Scandinavian Studies. 1983. Vol. 55. N 2. P. 166.

³⁷ Labov W. Op. cit. P. 332 ff., 340 ff. Гротеск и очевидное неправдоподобие, по мнению Лабова, собственно, и выступают как универсальные показатели ритуальности хулительных заявлений, поскольку именно эти их качества дают понять каждому из участников и свидетелей состязания, независимо от доступной данной группе предварительной информации, что заявления стороны не носят характера персональных оскорблений. Нелепость содержания заявления, таким образом, продиктована самим жанром *sounding*.

³⁸ См. подробнее: Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. С. 464 сл.

³⁹ Ср.: Harris J. The *Senna*: From Description To Literary Theory // Michigan German Studies. 1979. Vol. 5. N 1. P. 66; ср. также наблюдение У. Лабова, согласно которому обвинения или оскорбления (*sounds*) в негритянских "дюжинах" не овергаются: таким образом, и здесь реакцией на поношение служит отменная хула (Labov W. Op. cit. P. 335).

⁴⁰ Bax M., Padmos T. Op. cit. P. 159 ff.

⁴¹ Ср.: Clover C.J. "Hárbarðsljóð" as Generic Farce // Scandinavian Studies. 1979. Vol. 51. N 2. P. 124–145; Idem. The Germanic Context of the Unferþ Episode // Speculum. 1980. Vol. 55. P. 445.

⁴² Так, если следовать Дж. Харрису, существование самостоятельных исламских категорий – *senna* и *mannjafnaðr* – само по себе должно служить достаточным основанием для разграничения соответствующих типов текстов. Ср. Harris J. Op. cit. P. 67 f., 71. Ср., однако, толкование *senna* как события, сопоставляемого перебранкой ("ссора"), а не как обозначения речевого действия, недавно предложенное О.А. Смирницкой. См.: Смирницкая О.А. Normicendi в названиях эдических песен // Philologica Scandinavica. Сборник статей к 100-летию со дня рождения М.И. Стеблин-Каменского. СПб., 2000. С. 192 сл.

⁴³ Lönnroth L. Op. cit. P. 97.

⁴⁴ Ср. в «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого»: «Сигурд конунг говорит: "Наверно, слышал, как много битв было у меня в Серкланде, тебе, наверно, о них рассказывали. Во всех них я одержал победу и захватил много сокровищ, таких, которые никогда раньше не попадали сюда, в эту страну. Они оказывали самые высокие почести, когда я встречался с самыми знаменитыми правителями, а ты, я слышал, все домоседничал". Эйстейн конунг отвечает: "Слышал я, что у тебя были какие-то битвы в заморских странах. стране нашей было полезнее то, что сделал я за это время..."» (пер. М.И. Стеблин-Каменского, КЗ, 491–492); см. также: Örvar-Odds Fornaldarsögur Norðrlanda / Udg. C.Ch. Rafn. Copenhagen, 1829–1830. Bd. 5. S. 270–280 (ch. 27).

⁴⁵ Ср.: "Сдается нам, что невелика была цена вашему лесу. Стоил он немного, да и проку вам от него было не больше – слишком уж далеко он находился. Каково же должно быть своекорыстные людей, владеющих многим, чтобы и на этом захотеть нажиться. Пивной Капошон не должен держать ответ за ваш лес, когда он сжег свой, и произошло это по чистой случайности. Но раз этому делу был дан ход, должно быть назначено возмещение. Вы вшестером владели этим лесом. Мы хотим, чтобы вы получили по шесть локтей домоуканного сукна каждый и чтобы уплачено вам было здесь, на месте" (пер. Е.А. Гуревич, ИС II, 443).

⁴⁶ Ср.: «Снорри сказал: "...я вижу, что удача скоро изменит тебе, и недолго тебе осталось жить". – "Что ж, – говорит Скарпхедин, – этот долг все должны заплатить. Но ты лучше бы отомстил за смерть своего отца, чем пророчествами заниматься". – "Мне это уже многие говорили, – отвечает Скафти, – но меня этим не рассердишь"» (ИС II, 253–254). В числе годи – противников героя в "Пряди о Пивном Капошоне" есть и еще один участник перебранки из "Саги о Ньяле". Это – Гудмунд Могучий, который, однако, прилюдно не вступает в препирательства с Бродди, но пытается разрешить возникший между ними конфликт путем не словесного, а батального столкновения – повстречавшись с Бродди накануне окончания альтинга, Гудмунд угрожает напасть на него по дороге домой (ИС II, 445).

⁴⁷ См. пред. прим. о шестом годи – Гудмунде Могучем.

⁴⁸ Бродди был назван в честь своего деда Бродд-Хельги, убитого его двоюродным братом Гейтиром, отцом Торкеля.

⁴⁹ Как, например, в использованном здесь издании "Íslendinga sögur og þættir", I–III (Svart á hvítu). Reykjavík, 1987.

⁵⁰ См. перевод и подробный анализ этой сцены в книге: Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. С. 69–71.

⁵¹ См.: Там же. С. 458 сл.

⁵² Ср., например, в "Песни о Харбарде", строфа 6: "Едва ли тремя ты / дворами владеешь, / если ты бос / и одет как бродяга: / даже нет и штанов!" (Старшая Эдда / Пер. А.И. Корсуна. С. 45).

⁵³ Ср. в поэтическом состязании в "Саге об Одде Стреле": "...ты же тогда кланялся еду у жителей" (Örvar-Odds saga. Bls. 271.).

⁵⁴ Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. М., 1990. С. 80.

⁵⁵ О соотношении большой и малой прозы см., в частности: Pratt M.L. The Short Story: The Long And The Short Of It // Poetics. 1981. Vol. 10. N 2/3. P. 175–194.

⁵⁶ Lönnroth L. Baufornen des Erzählens. S. 139 ff.

⁵⁷ Мелетинский Е.М. Цит. соч. С. 4.

⁵⁸ Ср. характеристику Харальда в "Круге Земном" (КЗ, 423).

⁵⁹ О возможности сопоставления этих историй см.: Harris J. Christian Form and Christian Meaning in "Halldórs þáttir I" // Harvard English Studies. 1974. Vol. 5. P. 253 (note 5).

⁶⁰ Fornaldarsögur Norðrlanda / Udg. C.Ch. Rafn. Copenhagen, 1829–1830. Bd. 1. S. 311–342.

⁶¹ Fornar smásögur úr noregskonunga sögum / Ed. E. Gardiner. Bls. 129–132.

⁶² См. об этой пряди и присутствующих в ней фольклорных мотивах: Panzer F. Zur Erzählung von Nornagest // Vom Werden des deutschen Geistes. Festgabe Gustav Ehrismann / Hrsg. P. Merker et al. Berlin; Leipzig, 1925. S. 27–34; Harris J., Hill Th.D. Gest's 'Prime Sign': Source and Signification in Norna-Gests þáttir //

Arkiv för nordisk filologi. 1989. Bd. 104. P. 103–122.

⁶³ Fornar smásögur úr noregskonunga sögum. Bls. 1–14.

- ⁶⁴ Как это имеет место в современной литературе. Ср.: Левин Ю.И. Повествовательная структура как генератор смысла: текст в тексте у Х.Л. Борхеса // Труды по знаковым системам. Т. XIV: Текст в тексте. Тарту, 1981. С. 45–64.
- ⁶⁵ См.: Jón Jóhannesson. Íslendinga saga. A History of the Old Icelandic Commonwealth. Un. of Manitoba Pr., 1974. P. 159; Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 14.
- ⁶⁶ Последние, впрочем, восседали на курганах предков или, как легендарный конунг Гаутрек, умерших членов семьи. См. уже упоминавшуюся работу А. Ольрика: Olrik A. At sidde på høj (Oldtidens konger og oldtidens thulir) // Danske Studier, 1909. H. 1. S. 1–10.
- ⁶⁷ Что, разумеется, независимо от воли читателя заставляет его отвлекаться от перипетий рассказа и сосредоточиться на разворачивающейся на его глазах игре с повествовательной формой. Ср. в этой связи следующее замечание Ю.М. Лотмана об особенностях структуры “текст в тексте”: “Стоит ввести рамку в текст, как центр внимания аудитории перемещается с сообщения на код” (Лотман Ю.М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. Т. XIV. С. 18).
- ⁶⁸ Это относится и к способу представления в пряди внутреннего “обрамляющего” рассказа: Одди находится в гостях далеко от дома, но снится ему, что он дома, и туда явился гость, который и исполняет сагу.
- ⁶⁹ Hermann Pálsson. Hirdskáld í spéspegli // Skáldskaparmál. Tímarit um íslenskt bókmenntir fyrri alda. 2. hefti. Reykjavík, 1992. Bls. 160–168; см. также: Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. С. 296–298. О средневековой поэзии см.: Lehmann P. Die Parodie im Mittelalter. Stuttgart, 1963.
- ⁷⁰ “Íslendinga saga”, кап. 38. Здесь и далее “Сага об исландцах” цитируется по изданию: Sturlunga saga, I–II / Udg. Kristian Kálund. København; Kristiania 1906–1911.
- ⁷¹ Ibid., кап. 38.
- ⁷² Ibid., кап. 38; Skj. В II 150, 13. Кеннинг “помет коршуна моря трупа” (где “море трупа” = кровь, “коршун крови” = орел, “помет орла” = плохая поэзия) воходит к мифу об обретении асами поэтического меда. Один, укравший чудесный напиток у великана Суттунга, спасаясь от преследования, принял обличье орла и, прилетев в Асгард, выплюнул мед в подставленные ему сосуды; этот мед впоследствии достался искусным скальдам, однако небольшая часть меда была выпущена им через задний проход, и ее с тех пор подбирают бедные поэты.
- ⁷³ Ibid., кап. 151.
- ⁷⁴ Ibid., кап. 35.
- ⁷⁵ Эта датировка не противоречит и некоторым особенностям языка и стиля пряди об Одди Звездочете, в частности, присутствующим в якобы присланной ей герою саге о правителях Гаутланда немногочисленным “куртуным” заимствованиям, вероятно, проникшим из переводов рыцарской литературы. Как известно, последняя интенсивно перекладывалась на древнеисландский язык с 20-х годов XIII в. См. статистический анализ подобных заимствований в статье: Schach P. Some Observations on the Translation of Bo Róbert // Les relations littéraires franco-scandinaves au Moyen Âge: Actes du colloque de Liège (avril 1972). Paris, 1975. P. 117–135.

В совокупности “саги об исландцах” предстают перед нами — и, вероятно, представлялись их аудитории — как единая Сага, гигантская эпопея, “в которой действуют или упоминаются чуть ли не все исландцы двух первых веков существования исландского общества”¹. Вне всякого сомнения, в нее включались и “пряди об исландцах”, хотя действие некоторых из них и не укладывалось в эти временные границы.

Прядь — не просто плоть от плоти саги, она хранит и поддерживает с ней постоянную связь. И дело не только в том, что мы сплошь и рядом встречаем в “прядях об исландцах” упоминания об известных персонажах “семейных саг”, а герои этих историй подчас оказываются их отпрысками либо прямыми потомками. Прядь нередко служит непосредственным продолжением саги, начинаясь там, где заканчивается последняя, и даже более того, обнаруживает способность вбирать в себя “семейную сагу”, превращая ее в элемент собственной структуры — введение. И своим стилем прядь достойно продолжает ту же традицию, ведя повествование на знакомом каждому читателю саги языке классически строгой реалистической прозы.

И тем не менее, “пряди об исландцах” — это иной, отличный от саг литературный жанр со своей “морфологией”, своими главными героями и системой второстепенных персонажей, а отчасти и со своеобразными, неведомыми “семейным сагам” способами ведения повествования.

Как и в сагах, в центре внимания рассказчика прядей — поведение индивида в ситуациях, когда ему приходилось отстаивать свое личное достоинство и честь. Однако тогда как саги — это рассказы о расприх между свободными и равными членами исландского общества, действие прядей обычно происходит в Норвегии, а в качестве постоянного контрагента героя-исландца в них выступает человек, чей социальный статус неизмеримо выше его собственного, — как

правило, сам могущественный правитель страны. В результате на смену трагически неразрешимым коллизиям "саг об исландцах", в которых единственным достойным выходом для героя оставалась доблестная гибель, приходит история со счастливым концом: в отличие от персонажа саги, герой пряди мог примириться со знатным оппонентом без ущерба для своей "доброй славы" и в итоге завоевать успех и "удачу". Вопреки распространенному мнению, конфликт вообще не является обязательной составляющей такого повествования, однако редкая прядь обходится без испытания героя-исландца, в ходе которого выявляются его способности и похвальные качества, выгодно отличающие его от норвежского королевского окружения, а иной раз и от самого государя. Заостряя это сравнение, пряди очень часто избирают своими главными героями людей неродовитых и небогатых: чем скромнее его "стартовая позиция", тем очевиднее достижения самостоятельного человека, сумевшего многого добиться, полагаясь исключительно на собственные силы и умения. В то время как саги весьма редко идеализируют своих персонажей, протагонист пряди – как правило, положительный герой, с честью представляющий своих соотечественников на чужбине и способный дать достойный отпор любому обидчику, независимо от его общественного положения и веса. Пряди создавались на закате "народоправства", в эпоху, когда над Исландией нависла реальная угроза норвежского владычества, и именно им выпало стать тем жанром, в котором нашли воплощение и предчувствия грядущей исторической перемены в судьбах страны, и отношение ее свободолюбивого народа к верховной власти и подчинению.

Как и образ главного героя пряди и типичные элементы ее структуры, так и выделенные в процессе исследования инновации в искусстве повествования – появление ретроспективного рассказа от первого лица и возникающей на его основе нарративной конструкции "текст в тексте" – предстают как самостоятельное порождение исконной традиции, ставшее закономерным результатом обособления малой прозаической формы. Подобно сагам, пряди шли здесь своими путями, не оглядываясь на иноземные образцы и обходясь без заимствований. А потому если кое в чем они и пересекаются с западноевропейской новеллой, то корни обнаруживаемых сходств, скорее, следует искать не в истории этих жанров, но в их типологии.

Наконец, как мы имели возможность убедиться на примере "модернистского" рассказа об исландском звездочете-сповидце, идя своими путями, пряди в чем-то предвосхитили и художественные открытия XX столетия. Случай, впрочем, далеко не единственный: точно так же анонимный языковед XII в. – автор "Первого грамматического трактата", опираясь на опыт скальдов, последовательно с успехом использовал методы фонологического анализа задолго

появления научной фонологии. "Чудесный и бесплодный удел скандинавов", – заметил, размышляя о невостребованных достижениях древнескандинавской культуры большой ее знаток и почитатель, один из крупнейших мастеров прозы минувшего века, Хорхе Луис Борхес. – "Для всемирной истории ни скандинавских набегов, ни скандинавских книг как не бывало: они прошли стороной, не оставив следа, похожие на сон или стеклянный шарик ясновидцев..."² И далее процитировал высказывание другого ее восторженного почитателя и известного исследователя, Уильяма Пейтона Кера ("Эпос и роман" 1896), о "великой исландской школе – школе, не имевшей наследников, так что ее находки пришлось потом заново изобретать виднейшим романистам Запада после нескольких веков блужданий на ощупь в полных потемках".

¹ Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. С. 65.

² Борхес Х.Л. Сочинения: в 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 494.

В приложении содержится полный перечень всех "прядей о поездках из страны", их важнейших рукописей и изданий. Каждое название снабжено порядковым номером, который соответствует нумерации в списке прядей, приведенном на с. 55. Изложение сюжетов (поскольку многие рассказы подробно разбираются в основном тексте, оно было по возможности сокращено) преследует двоякую цель: отметить особенности композиции каждого произведения, а также использующиеся в нем характерные мотивы (указания на последние даются в квадратных скобках прописными буквами и в отдельных случаях условными обозначениями).

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ МОТИВОВ

- a* – герой схвачен (заключен в оковы и ожидает казни);
- b* – герой скрывается;
- c* – герой сдается на милость могущественного лица, которому он нанес урон своим проступком;
- C* – добровольная явка с повинной;
- d* – помощь влиятельных людей;
- D-1* – первоначальный отказ в помощи;
- D-2* – помощник поневоле;
- D-3* – помощь исходит от конунга;
- D-4* – святой заступник;
- e* – помощники идут на хитрость;
- f* – помощники самовольно освобождают пленника;
- g* – помощники навязывают конунгу свою волю, угрожая военной силой;
- G* – примирение достигается вследствие давления на конунга;

- у* – усугубление конфликта;
- j* – судебное разбирательство (на тинге);
- J* – допрос героя государем без созыва судебного собрания;
- i* – стихотворный "выкуп головы";
- h* – конунг проникается симпатией к герою;
- k* – герой должен заменить собой убитого им приближенного конунга и выполнять ту же службу.

1. ПРЯДЬ ОБ АУДУНЕ С ЗАПАДНЫХ ФЬОРДОВ / AUBUNAR ÞÁTTIR VESTFIRZKA

Прядь сохранилась в составе "Саги о Харальде Суровом" и "Гнилой Коже" и "Hulda" (AM 66, fol.), а также отдельно в "Книге с Плоского Острова".

Впервые опубликована Биргером Торлациусом с переводом на латинский язык в 1818 г. (Commentarium anecdotum de Auduno Regem Svenonem Astrithidam invisente islandice et latine edidit cum praefatiuncula Birgerus Thorlacius. Havniae, 1818). Основные издания: Fornmanna sögur. VI. Bindi. Kaupmannahöfn, 1831; Fjörutíu Íslendinga þættir / Þorleifur Jónsson gaf út. Reykjavík, 1904; Íslendinga þættir / Guðni Jónsson gaf út. Reykjavík, 1935 (rpt. 1945); Vestfirðinga sögur / Björn K. Þórólfsson, Guðni Jónsson gáfu út (Íslensk fornrit. VI). Reykjavík, 1943; Íslendinga sögur og þættir. III (1987); также публиковалась в изданиях "Morkinskinna" (C.R. Unger 1867; Finnur Jónsson 1928–1932; Jón Helgason 1934), "Hulda" (Hulda. Sagas of the Kings of Norway 1035–1177. Manuscript No. 66 Fol. in the Amamagnæan Collection / Ed. J. Louis-Jensen. Copenhagen, 1968) и "Flateyjarbók" (Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger 1868. Bd. III; Finnur Jónsson 1930 и др.); помимо этих изданий прядь включена едва ли не во все антологии древнеисландской прозы, неоднократно составлявшиеся с сер. XIX в., и в ряд пособий по древнеисландскому языку.

Перевод на русский язык М.И. Стеблин-Каменского: Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973; Исландские саги / Под ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. II.

- (1) *Введение и путешествие в Норвегию*. Рассказывается о первой поездке небогатого исландца Аудуна в Норвегию и оттуда в Гренландию, где он на все свои деньги приобретает медведя. Возвращение в Норвегию с медведем, которого герой намерен подарить датскому конунгу Свейну.
- (2) *Приезд в Норвегию*. Харальд Суровый узнает о прибытии медведя и безуспешно пытается выторговать его у исландца [троекратные ПРЕДЛОЖЕНИЯ конунга, на которые герой отвечает троекратным ОТКАЗОМ]. Узнав о намерении Аудуна подарить медведя его врагу, датскому конунгу, Харальд отпускает исландца с миром, взяв с него обещание заехать к нему на обратном пути и рассказать, как его отблагодарил Свейн [ДВА ВРАЖДУЮЩИХ ПРАВИТЕЛЯ; герой избегает конфликта в первый раз (аналогичная ситуация: ПРЕДЛОЖЕНИЕ КОНУНГА → ОТКАЗ ИСЛАНДЦА приводит к конфликту в № 16)].

(3) *Испытания исландца*. Аудун добирается до Дании, терпя лишения [**ГЕРОЙ БЕДСТВУЕТ В ПУТИ**]. Встреча с управителем конунга Свейна Аки и сделка с ним: в обмен на прокорм для себя и медведя Аудун вынужден уступить ему половину зверя [**НЕДОСТОЙНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ**]. Компаньоны являются к конунгу Свейну; Аудун рассказывает о своем намерении подарить медведя государю и сетует на то, что теперь владеет лишь половиной зверя. Конунг гневается на Аки и изгоняет его; Аудун остается у Свейна. Спустя некоторое время герой просит отпустить его, чем вызывает недовольство конунга. Тогда Аудун объявляет о желании совершить паломничество в Рим, после чего настроение конунга меняется. Он дает согласие на отъезд, снаряжает исландца в путь и просит прийти к нему на обратном пути [*герой избегает конфликта во второй раз (ср. аналогичную просьбу конунга Харальда и параллелизм ситуаций назревавшего, но не реализованного конфликта)*]. Сообщение о посещении Рима и странствии назад; на Аудуна напала хворь и он терпит лишения [**ГЕРОЙ БЕДСТВУЕТ В ПУТИ**].

(4) *Возвышение героя*. Аудун среди паломников, едва узнаваемый из-за постигших его невзгод; он не решается заговорить с конунгом, но тот сам узнает его и тепло принимает. Дружинники смеются над героем, однако конунг пресекает насмешки и ставит им Аудуна в пример, говоря, что тот лучше их позаботился о своей душе [**НАСМЕШКИ ДРУЖИННИКОВ; ПРЕИМУЩЕСТВО ИСЛАНДЦА**; ср. № 18, где насмешки дружинников также не влекут за собой прямого столкновения, и конунг принимает сторону исландца, противопоставляя его своим людям как человека более достойного]. Конунг хочет сделать Аудуна своим стольником, но тот собирается в Исландию, мотивируя свой отъезд необходимостью позаботиться о матери. Конунг одобряет его намерение и говорит, что любая другая причина их расставания пришлась бы ему не по душе [*герой избегает конфликта в третий раз*]. Свейн снаряжает исландца в путь и вручает ему подарки за медведя: корабль с товарами, чулок, полный серебра на случай, если корабль потерпит крушение, и драгоценное запястье со своей руки на случай, если тот лишится и второго дара [**троекратное ДАРЕНИЕ**]. Конунг советует Аудуну не расставаться с запястьем и подарить его только знатному человеку за оказанное им благодеяние.

(5) *Возвращение в Норвегию*. На обратном пути Аудун посещает конунга Харальда. Тот расспрашивает исландца, как его вознаградили Свейн. Аудун рассказывает о полученных им трех дарах, и Харальд, оценив благодеяния Свейна, признается, что не был бы так щедр на его месте [**ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ДВУХ ПРАВИТЕЛЕЙ**]. Аудун подносит Харальду запястье в благодарность за то, что тот отпустил его с медведем в Данию, и конунг одаривает его в ответ.

(6) *Заключение*. Аудун возвращается в Исландию, стяжав славу очень удачливого человека.

2. ПРЯДЬ О БРАНДЕ ЩЕДРОМ / BRANDS ÞÁTTIR ÖRVA

Прядь сохранилась в составе "Саги о Харальде Суровом" в "Тнилой Коже", а также в "Hulda-Hrokkinskinna".

Впервые опубликована Биргером Торлацнусом в 1819 г. Основные издания: Fornmanna sögur. VI. Bindi. Kaupmannahöfn, 1831; Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945); Eyrbyggja saga / Einar Ól. Sveinsson; Matthías Þórðarson gáfu út (Íslensk fornrit. IV). Reykjavík, 1935; Íslendinga sögur og þættir. III (1987); также публиковалась в изданиях "Morkinskinna" (C.R. Unger 1867; Finnur Jónsson 1928–1932; Jón Helgason 1934) и "Hulda" (J. Louis-Jensen 1968), включена в ряд антологий древнеисландской прозы.

Перевод на русский язык Е.А. Гуревич; Корни Иггдрасиля / Сост. О.А. Смирницкая. М., 1997; Исландские саги (1999). Т. II.

- (1) Сообщение о приезде героя в Норвегию вместе с его краткой вводной характеристикой.
- (2) *Инициация конфликта*. Скальд Тьодольв [**ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПОСРЕДНИКА**] расхваливает конунгу Харальду Бранда и, в частности, говорит, что ему одному из всех исландцев пристало быть конунгом [*мотивация последующего испытания героя и скрытого конфликта-противостояния между ним и государем*].
- (3) *Конфликт* разворачивается в форме "триады": конунг трижды посылает Тьодольва к Бранду с требованием отдать ему принадлежащие герою ценные вещи: в первый раз плащ, во второй – секиру, в третий – рубаху, в которую тот был одет. Тьодольв с возрастающей неохотой выполняет поручения конунга. Бранд трижды невозмутимо и не проронив ни слова отдает требуемое; при последнем визите посредника, перед тем как отдать рубаху, он отрывает один рукав [**троекратное повторение с нарастанием**]. Конунг трижды комментирует и истолковывает его поведение (ср. № 14).
- (4) *Примирение* наступает после третьего испытания. Расшифровав намеки и скрытый упрек Бранда (конунг только берет, но ничего не дает взамен), Харальд призывает его к себе и щедро награждает. О возвращении героя в Исландию не сообщается.

3. ПРЯДЬ ОБ ЭГИЛЕ СЫНЕ ХАЛЛА С ПОБЕРЕЖЬЯ / EGILS ÞÁTTIR SÍÐU-HALLSSONAR

Прядь сохранилась в составе "Саги об Олаве Святом" в "Книге с Плоского Острова" и в ряде позднейших бумажных списков.

Основные издания: Fornmanna sögur. V. Bindi. Kaupmannahöfn, 1830; Sex Sögu-þættir / Útg. Jón Þorkelsson. Reykjavík, 1855; Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945); Harðar saga / Þórhallur Vilmundarson; Bjarni Vilhjálmsson gáfu út (Íslensk fornrit. XIII). Reykjavík, 1991; Íslendinga sögur og þættir. III (1987); также публиковалась в изданиях "Flateyjarbók" (Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger 1862. Bd. II; Finnur Jónsson 1930 и др.).

(1) *Введение и путешествие в Норвегию.* Сообщается о поездке Эгиля в Норвегию вместе с Тови, сыном ярла Вальгаута из Гаутланда [ДВА ДРУГА, ОДИН ИЗ НИХ ИСЛАНДЕЦ], а также о разногласиях Тови с его отцом-язычником. Успешное плавание друзей из Исландии в Норвегию и прибытие к Олаву Харальдссону, который хорошо их принимает. Эгиля сопровождает жена и малолетняя дочь Торгерд (впоследствии — мать епископа Йона Святого).

(2) *Инициация конфликта.* Тови и Эгиль отправляются с конунгом на встречу с датским королем Кнутом, однако тот не является в назначенный срок, а приглашение оказывается ловушкой. В отместку Олав разоряет земли Кнута, собирает дань с местных жителей и берет заложников. Норвежцы готовятся к отпльтию, связанные на берегу заложники издают стоны и крики. Эгиль, не вняв предостережениям Тови, освобождает их [САМОВОЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ПЛЕННИКОВ; ср. J], и конунг в гневе намеревается наказать его за это [НАРУШЕНИЕ КОРОЛЕВСКОГО ЗАПРЕТА → КОНФЛИКТ ГЕРОЯ С КОНУНГОМ].

(3) *Конфликт.* Когда норвежцы готовятся сняться с якоря, появляется незнакомец, бросающий пару перчаток на один из кораблей, в результате чего начинает распространяться неведомая болезнь, уносящая множество жизней. Эгиль тяжело болен, однако мужественно переносит свой недуг. Он просит Тови передать конунгу, что хотел бы его видеть [ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПОСРЕДНИКА]. В первый раз Олав не отвечает на просьбу Тови, и Эгиль опять посылает его к конунгу. Во второй раз Тови говорит конунгу, что Эгиль при смерти и горячо раскаивается в содеянном, однако тот велит ему удалиться. Тогда Эгиль просит Тови обратиться к его другу Финну Арнасону, чтобы тот воззвал к милосердию конунга. Третья попытка: Финн и Тови идут к конунгу. Финн убеждает Олава посетить умирающего (J), тот наконец соглашается, но готов молиться о выздоровлении Эгиля лишь ради того, чтобы потом наказать его [трократное повторение с нарастанием]. При встрече Эгиль горячо приветствует конунга, но тот не отвечает ему. Тогда Эгиль просит Олава приложить руку к его груди: он надеется на милосердие, даже если не заслуживает его. Конунг тронут до слез и возлагает руки на грудь Эгиля. От его прикосновения Эгиль начинает выздоравливать [ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ]. Разъясняется, что причиной этой напасти был Кнут, нанявший финна-колдуна, чтобы тот наслал на Олава и его людей жестокую болезнь, от которой им пришел бы конец. Конунг с войском возвращается восвояси.

(4) *Испытание.* Эгиль и Тови являются к королю и молят его о прощении, предлагая любое возмещение. Олав требует, чтобы к нему приехал ярл Вальгаут, отец Тови [ТРУДНОЕ ЗАДАНИЕ, КАК УСЛОВИЕ ПРИМИРЕНИЯ]. Тови уверен, что добиться этого можно лишь с помощью удачи самого конунга [КОНУНГОВА

УДАЧА], но, тем не менее, они готовы отправиться в путь. Друзья приезжают к ярлу; Тови рассказывает о поручении конунга и просит ради их спасения поехать к Олаву. Ярл в ярости приказывает бросить обоих в темницу [ГЕРОИ БЕДСТВУЮТ, ВЫПОЛНЯЯ ТРУДНОЕ ЗАДАНИЕ]. Приближенные уговаривают ярла пощадить сына. Тот велит привести Эгиля и выслушивает его рассказ о том, что с ним произошло. Исландец поражает всех своим красноречием. Ярл соглашается поехать к Олаву, однако наотрез отказывается принимать новую веру.

(5) *Примирение.* По приезде в Норвегию Тови и Эгиль объявляют конунгу, что выполнили его задание, и возвращают его благосклонность. Ярл не поддается на уговоры, и конунг не принуждает его, ибо Богу угодно лишь добровольное крещение. На обратном пути, не успев далеко отъехать, ярл заболевает, посылает за Олавом и принимает крещение. Пожелав остаться там, где был крещен, он велит после своей смерти воздвигнуть на этом месте церковь и умирает [ОБРАЩЕНИЕ ЯЗЫЧНИКА И ЕГО СКОРАЯ СМЕРТЬ В КРЕСТИЛЬНЫХ ОДЕЖДАХ].

(6) *Заключение.* Тови наследует владения своего отца. Эгиль вновь пользуется расположением конунга. Он возвращается в Исландию и живет там в почете [ВОЗВЫШЕНИЕ ГЕРОЯ].

4. ПРЯДЬ О ГИСЛЕ СЫНЕ ИЛУГИ / GÍSLR ÞÁTTIR ILLUGASONAR

Прядь сохранилась в трех, существенно различающихся редакциях: в "Саге о Магнусе Голоном" в "Hulda-Hrokkinskinna", а также в двух вариантах в "Саге о Йоне Святом" (A-gerð и B-gerð). Нижеследующее изложение основано на версии королевской саги (версия епископской саги подробно рассматривается на с. 43–45).

Основные издания версии королевской саги: Fornmanna sögur. VII. Bindi. Kaupmannahöfn, 1832; Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945); Borgfirðinga sögur / Sigurður Nordal; Guðni Jónsson gáfu út (Íslenzk fornrit. III). Reykjavík, 1938 (rpt. 1956); а также в публикации "Hulda" (J. Louis-Jensen 1968). Основные издания пряди в составе епископской саги: Biskupa sögur / Útg. Guðbrandur Vigfússon; Jón Sigurðsson. Kaupmannahöfn, 1858–78 (rpt. 1948); Byskupa sögur. MS Perg. fol. No. 5 in the Royal Library of Stockholm / Ed. Jón Helgason. Copenhagen, 1950 (B); издание Íslendinga sögur og þættir. III (1987) включает в себя все три редакции пряди.

На русский язык прядь переводилась в редакции "Hulda-Hrokkinskinna". Перевод Е.А. Гуревич: Корни Иггдрасила (1997); Исландские саги (1999). Т. II.

(1) *Введение и приезд в Норвегию.*

(2) *Инициация конфликта.* Гисл чем-то озабочен, и человек, в доме которого он остановился, допытывается, в чем причина его печали. Тот признается, что цель его приезда — месть за убитого отца и его

враг — королевский дружинник Гьяввальд, ближайший человек конунга Магнуса Голоногого. Хозяин дома обещает не мешать Гислу осуществить задуманное [ГЕРОЯ ЧТО-ТО ПЕЧАЛИТ → ЕГО ПОКРОВИТЕЛЬ РАССПРАШИВАЕТ О ПРИЧИНАХ ЕГО ПЕЧАЛИ И НЕ ПРЕПЯТСТВУЕТ ЕГО НАМЕРЕНИЯМ]. Гисл обливает лицо воском [СОБИРАЯСЬ ОТОМСТИТЬ, ГЕРОЙ ИЗМЕНЯЕТ ВНЕШНОСТЬ] и подстерегает врага. Дождавшись своего часа, он наносит Гьяввальду смертельный удар и пытается скрыться, но все же объявляет об убийстве, хотя и называет себя вымышленным именем. Когда его находят, Гисл ведет себя благородно, стараясь выгородить невольного помощника. Гисла сажают в подземелье (а). Конунг Магнус в сильном гневе [ГЕРОЙ СОВЕРШАЕТ УБИЙСТВО КОРОЛЕВСКОГО ДРУЖИННИКА → КОНФЛИКТ С КОНУНГОМ].

(3) *Конфликт*. Конунг намеревается казнить Гисла. Колокол возвещает о начале праздника раньше времени, и епископ просит по случаю праздника даровать убийце пощаду [(d; e), *ср.* № 25]. Конунг оставляет решение за собой. На следующий день конунг навещает Гьяввальда, и тот убеждает его пощадить Гисла, надеясь заслужить спасение. На другой день бывшие в городе исландцы договариваются защищать Гисла и выражают готовность разделить с ним его судьбу; они выбирают своего предводителя — Тейта, сына епископа Гицура. Исландцы слышат рог, созывающий людей на тинг, и спешат к темнице Гисла (g); подоспев туда раньше конунговых людей, они освобождают и уводят его [(f), *ср.* № 25]. Встретившись с ними, Сони Предводитель Гостей оскорбляет исландцев, а Гисла называет "салоседом" [ПРЕНЕБРЕЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ИСЛАНДЦАМ].

(4) *Урегулирование конфликта в ходе судебного разбирательства на тинге (j)*. Сигурд Шерстяная Нитка произносит речь, в которой призывает жестоко наказать исландцев. Тейт хочет ответить, но конунг не дает ему слова, однако он готов выслушать Йона Священника. Тот сурово предостерегает конунга от вынесения неправого приговора, суля ему за это адское пламя (D-4). Затем говорит в свое оправдание Гисл. Он произносит хвалебную песнь в честь конунга (i), и отказывается от помощи исландцев, отдавая себя во власть правителя (C). Тот производит дознание, проникается симпатией к исландцу (h) и прощает его, мотивируя свое решение желанием удовлетворить предсмертную просьбу Гьяввальда; отныне Гисл должен будет заменить его на службе в дружине (k) [ВОЗВЫШЕНИЕ ГЕРОЯ; *ср.* № 25]. После примирения Гисл выходит из рассказа.

(5) *О Йоне Священнике*. Конунг просит Йона молиться о нем. Сигурд Шерстяная Нитка заболевает вследствие осуждения Йоном и выздоравливает после того, как тот прочел над ним молитвы.

(6) *Заключение*. Йон и Тейт уезжают в Исландию. Сообщается, что Тейт сделался большим человеком, но прожил недолго, Йон же стал епископом и святым.

5. ПРЯДЬ О ТОРДЕ ЗОЛОТОЙ АСЫ / GULL-ÁSU-PÓRÐAR ÞÁTTIR

Прядь сохранилась в двух редакциях: (1) в составе "Саги о Сигурде Крестовосце" в "Гнилой Коже", а также в "Hulda" и (2) в качестве отдельного рассказа в нескольких бумажных списках, самый ранний из которых (AM 518, 4to) относится к XVII в. Этот дошедший лишь в поздних рукописях отдельный рассказ считается наиболее ранней и оригинальной версией пряди и именно на нем основано нижеследующее изложение. На основании сопоставления разных редакций прядь принято датировать нач. XIII в.

Основные издания: (1) Fornmanna sögur. VII. Bindi. Kaupmannahöfn, 1832; Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945); "Morkinskinna" (C.R. Unger 1867; Finnur Jónsson 1928–1932; Jón Helgason 1934); "Hulda" (J. Louis-Jensen 1968); (2) Sex Sögu-þættir (1855); Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Austfirðinga sögur / Jón Jóhannesson gaf út (Íslensk fornrit. XI). Reykjavík, 1950; издание Íslendinga sögur og þættir. III (1987) включает в себя обе редакции пряди.

На русский язык прядь переводилась в редакции AM 518, 4to. Перевод Е.А. Гуревич в кн.: Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 438–449.

(1) Сообщение о *приезде* Торда из Исландии вместе с его краткой *вводной характеристикой* — бедный и многообещающий герой.

(2) *Экспозиция*. Торд устраивается на постой к богатой горожанке Асе (упоминается ее знатный родич Видкунн) и заводит с ней близкую дружбу. Они становятся торговыми компаньонами. Родичи Асы относятся к нему с неприязнью; Торд не обращает внимания на пересуды. Аса сообщает Торду о скором приезде Видкунна и советует ему постараться завоевать его дружбу, сочинив хвалебную песнь в его честь. Выслушав панегирик, Видкунн изменяет свое мнение о Торде. Торд отказывается от традиционного дара за песнь и взамен золота просит у Видкунна поддержки. Они расстаются друзьями [ЗАВОЕВАНИЕ ПОМОЩНИКА].

(3) *Инициация конфликта*. Торд приводит корабль из Англии и, не вняв советам своих людей, бросает якорь в опасном соседстве от корабля королевского лендрманна, Ингимара из Аска. Во время разгрузки исландец обнаруживает пропажу корабельного навеса, находит вора на корабле Ингимара, забирает его вместе с краденым и отводит в свою усадьбу [КОНФЛИКТ НА ПРИСТАНИ; *ср.* № 23].

(4) *Конфликт*. Является Ингимар и в сильном гневе требует выдать своего человека. Торд отвечает отказом. Ингимар угрожает и оскорбляет его, а затем удаляется. [В действие один за другим вступают трое ПОМОЩНИКОВ (d)]: (1) Аса советует послать за Вид-

кунном и напомнить ему о его обещании. Видкунн сразу же признает свои обязательства и спешит на помощь к Торду в сопровождении множества людей. Вскоре туда является Ингимар все с тем же требованием и угрозой нападения. Видкунн пытается урезонить его. Ингимар отвечает ему иронической поговоркой и оскорблениями, после чего удаляется, обещая вернуться. (II) Видкунн посылает за Сигурдом сыном Храни и наставляет гонцов, о какой оказанной ему ранее услуге следует напомнить, если тот не захочет прийти им на помощь. Сигурд сперва отказывается (D-I), но после напоминания о его долге сразу же признает свои обязательства и спешит к ним на подмогу. Опять является Ингимар с большой толпой сторонников и угрожает нападением. Сигурд пытается урезонить его. Ингимар отвечает ему иронической поговоркой, замечает, что они вдвоем сильнее его одного и удаляется, пообещав вернуться. (III) Сигурд посылает за конунгом Эйстейном и наставляет гонцов, о чем ему следует напомнить, если он не захочет помочь им. Конунг сперва отказывается (D-I), но после напоминания о его долге перед Сигурдом спешит к ним на подмогу. Является Ингимар в сопровождении четырех сотен человек с теми же требованиями и угрозами. Конунг пытается урезонить его. Ингимар отвечает в том же духе, что и прежде, но увидев, кто из них сильнее, удаляется [*троекратное повторение нарастанием: параллелизм трех сцен, в каждой из которых возрастает мощь и социальный вес призываемых помощников*].

(5) *Развязка*. Конунг созывает тинг (j); вора осуждают и казнят. Конунг осведомляется у Ингимара, что, по его мнению, уготовано ворам на том свете. Тот считает, что его ждет воздаяние за мученическую смерть, конунг же уверен, что ад. В ответ Ингимар оскорбляет конунга, называет Торда "салоедом" [*ПРЕНЕБРЕЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ИСЛАНДЦУ*], а затем беспрепятственно покидает город. Сообщается, что он убил троих людей конунга и бежал в Данию [*конфликт остается не улаженным*].

(6) *Заключение*. Торд по совету конунга женится на Асе и живет в Норвегии в большом почете [*ВОЗВЫШЕНИЕ ГЕРОЯ*].

6. ПЕРВАЯ ПРЯДЬ

О ХАЛЛЬДОРЕ СЫНЕ ШОРРИ / HALLDÓRS PÁTTIR SNORRASONAR HINN FYRRI

Прядь сохранилась в составе "Большой саги об Олаве Трюггвасоне", которая была сочинена в нач. XIV в. и впоследствии включена с дополнениями "Книгу с Плоского Острова".

Основные издания: Ólafs saga Tryggvasonar. Skálholt, 1689; Fornmanna sögur III. Bindi. Kaupmannahöfn, 1826; Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Laxdæla saga Einar Ól. Sveinsson gaf út (Íslensk fornrit. V). Reykjavík, 1934; Íslendinga þættir (1945);

Íslendinga sögur og þættir. III (1987); Ólafs saga Tryggvasonar en mesta / Ed. Ólafur Halldórsson. Copenhagen, 2000. Bd. 3; также публиковалась в изданиях "Flateyjarbók" (Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger 1860, 1868. Bd. I, III; Finnur Jónsson 1930; 1945. Bd. IV).

(1) *Введение* и сообщение о приезде героя в Норвегию отсутствуют: во вступлении сказано, что Халльдор был с Харальдом на чужбине и оставался с ним после того, как тот занял норвежский престол.

(2) Сообщение о конфликте Халльдора с Харальдом Суровым из-за исландца по имени Эйлив: тот прогневил короля и просил Халльдора помочь их примирению, когда же конунг отказался, Халльдор повздорил с ним и уехал вместе с Эйливом к Эйнару Брюхотрясу.

(3) *Инициация конфликта*. Халльдор проводит много времени с Бергльёт, женой Эйнара и дочерью ярла Хакона из Хладира, рассказывая ей о походах, в которых он принимал участие. Дальний родич Эйнара Кали злословит и насмехается над Халльдором, сочиняет о нем язвительные стихи [*ПОНОСНЫЕ РЕЧИ / СТИХИ*] и рассказывает их Бергльёт. За глаза он обзывает Халльдора "салоедом" [*ПРЕНЕБРЕЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ИСЛАНДЦУ*] и клеветает на него; тот же до поры до времени ничего не предпринимает [*ПОПЫТКА ИЗБЕЖАТЬ КОНФЛИКТА*]. Однажды, случайно подслушав поношения Кали и не стерпев оскорбления, Халльдор убивает обидчика [*ПОВОД ДЛЯ КОНФЛИКТА – УБИЙСТВО родича Эйнара*].

(4) *Конфликт*. Халльдор обращается за помощью к Бергльёт [*ЖЕНЩИНА-ПОМОЩНИЦА*]. Та предлагает укрыть его у своих родичей, но Халльдор не желает скрываться. Тогда Бергльёт советует ему самому сообщить Эйнару об убийстве, отдалиться на его милость и попытаться примириться с ним, однако предупреждает о рискованности такого шага. Халльдор объявляет Эйнару о случившемся (с). Тот откладывает решение его участи.

(5) *Урегулирование конфликта в ходе судебного разбирательства на тинге* (j). Эйнар созывает тинг и рассказывает о том, что произошло с ним в дни его юности [*ретроспективный рассказ*]. Он был с конунгом Олавом Трюггвасоном на его корабле Великом Змее и вместе с двумя товарищами прыгнул за борт после того, как конунг исчез в волнах. Все трое были захвачены в плен датчанами и проданы в рабство. Покупателем оказался высокий человек, одетый как монах и скрывавший свое лицо и имя. Он отвел их в лес и освободил, предсказав каждому его будущее. От Эйнара, которому предстояло возвыситься больше других и прожить самую долгую жизнь, он потребовал возмещения за свободу: если когда-нибудь в его власти окажется человек, нанесший ему тяжелый урон, он должен будет поступить так же. Перед тем как исчезнуть, незнакомец приоткрыл свое лицо, и они узнали Олава Трюггвасона. В дальнейшем все про-

изошло так, как он предсказал, и теперь Эйнар считал себя обязанным выполнить его наказ, поскольку конунг, скорее всего, имел в виду Халльдора (D-4). Конфликт улажен, и Эйнар с Халльдором остаются друзьями. На тинг является Бергльёт (d) со множеством людей, намереваясь выступить против мужа (g), если тот не помирится с Халльдором.

(6) *Заключение*. Халльдор посылает Эйлива в Исландию, предварительно достигнув примирения с конунгом Харальдом [*примирение героя с конунгом*]. Наконец, выясняется, в чем состоял проступок Эйлива: он убил королевского дружинника и этим вызвал гнев конунга [*конфликт с конунгом в обрамлении рассказа*].

7. ВТОРАЯ ПРЯДЬ

О ХАЛЛЬДОРЕ СЫНЕ СНОРРИ / HALLDÓRS PÁTTIR SNORRASONAR HINN SÍÐARI

Прядь сохранилась в составе "Саги о Харальде Суровом" в "Тнилой Коже", а также в несколько отличной редакции в "Hulda" и "Hrokkinskinna" (дополнения из этих более поздних рукописей обычно включаются издателями в текст пряди при публикации ее в версии "Morkinskinna").

Основные издания: Fornmanna sögur. VI. Bindi. Kaupmannahöfn, 1831; Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Laxdæla saga / Einar Ól. Sveinsson gaf út (Íslensk fornrit. V). Reykjavík, 1934; Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945); Íslendinga sögur og þættir. III (1987); также публиковалась в изданиях "Morkinskinna" (C.R. Unger 1867; Finnur Jónsson 1928–1932; Jón Helgason 1934) и "Hulda" (J. Louis-Jensen 1968).

Перевод на русский язык М.И. Стеблин-Каменского: Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973; Исландские саги (1999). Т. II.

(1) *Введение* отсутствует, его замещает отсылка к предшествующему изложению королевской саги, в которую включена прядь. Сообщение о *приезде героев в Норвегию* из Гардарики.

(2) *Эпизод, свидетельствующий о первоначальном расположении конунга к исландцу*. Халльдор чем-то опечален, конунг замечает это и расспрашивает о причинах его печали. Тот признается, что хотел бы поехать в Исландию. *Конунг троекратно выручает Халльдора*: (I) Выяснив, что за время своей службы Халльдор ничего не приобрел, конунг дает ему в награду корабль с грузом. (II) Халльдору некого нанять на свой корабль, поскольку все торговые люди уже устроились на другие корабли, и конунг созывает сходку, где объявляет о вторжении датского войска и запрещает всем судам, кроме корабля Халльдора, покидать пределы страны. (III) При следующей встрече конунг вновь интересуется, набрал ли Халльдор команду. У того новая забота: нет отбоя от охотников наняться к нему на корабль. Конунг опять приходит к нему на помощь. Он во второй раз созывает сходку и объявляет на ней, что слух о войне не подтвердил-

ся и он отменяет свой запрет, чем вызывает всеобщие похвалы [*ГЕРОЯ ЧТО-ТО ПЕЧАЛИТ → КОНУНГ РАССПРАШИВАЕТ О ПРИЧИНАХ ЕГО ПЕЧАЛИ И ПРИХОДИТ К НЕМУ НА ПОМОЩЬ*]. Халльдор отправляется в Исландию, проводит зиму у своего отца и спустя год возвращается в Норвегию. Отныне он начинает меньше бывать с конунгом [*переход к повествованию о конфликте между Халльдором и Харальдом Суровым*].

(3) *Инициация конфликта и его развитие*. Односкамейщик Халльдора, состарившись, получил разрешение конунга меньше выпивать на пиру. Во время застолья, когда Халльдор, отпив свою долю, передал ему рог, Харальд обвинил его в пренебрежении придворными обычаями и оскорбил его [*КОНФЛИКТ ГЕРОЕВ КАК СЛЕДСТВИЕ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ КОНУНГА*]. Другой дружинник и товарищ Халльдора, Бард, старается примирить исландца с конунгом [*1-е ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПОСРЕДНИКА*]. Харальд же, хотя и обещает помириться с Халльдором, не спешит это сделать.

На Рождество свечники подкупили звонаря, чтобы он зазвонил раньше обычного [*КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН РАНЬШЕ ВРЕМЕНИ*; ср. № 4; 25], в результате многие и Халльдор в их числе должны были, по дружинному обычаю, сесть на солому и пить из штрафного рога. [*Троекратный отказ героя подчиниться*]: (I) Халльдор не двигается с места и отказывается пить, когда ему подносят рог. (II) Об этом докладывают конунгу, и он сам подносит рог исландцу, Халльдор же объявляет, что не знает за собой вины и вновь отказывается пить. (III) Харальд настаивает и Халльдор вынужден уступить, однако перед тем, как опорожнить рог, замечает, что Сигурд Свиныя (отец Харальда) не стал бы так насилловать Снорри Годи (его отца). Конунг удаляется в сильном гневе [*1-е УСУГУБЛЕНИЕ КОНФЛИКТА* (У) *вследствие новой несправедливости со стороны конунга и дерзкой выходки исландца, произносящего позорное прозвище конунга*; ср. № 9, 14]. Немного спустя Халльдор сбрасывает на солому неполновесное серебро, которым Харальд одарил на Рождество дружинников. Бард предостерегает его: конунгу это не понравится, однако Халльдор считает, что его отношения с конунгом испорчены настолько, что им ничто не сможет повредить [*2-е УСУГУБЛЕНИЕ КОНФЛИКТА* (У)]. После Рождества конунг собирается в плавание. Халльдор обижен и не хочет сопровождать его. Бард сообщает об этом конунгу [*2-е ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПОСРЕДНИКА*], и тот просит передать Халльдору, чтобы он ехал вместе с другими, а их размолвке не следует придавать значения. Халльдор отправляется в поездку с конунгом. Как-то ночью, заметив подводный камень, он велит кормчему сворачивать, конунг же из противоречия приказывает держать прямо. Халльдор настаивает на своем, но безуспешно, и корабль из-за упрямства конунга, не жела-

ющего уступить Халльдору, получает пробоину [3-е УСУГУБЛЕНИЕ КОНФЛИКТА (У)]. Не снеся нового оскорбления, Халльдор опять собирается покинуть дружину, однако Бард просит его повременить. Он *трижды* отправляется к конунгу [3-е ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПОСРЕДНИКА], всякий раз передавая ему новые требования исландца; в результате Халльдор добивается почетных условий продолжения своей службы: отныне конунг будет расплачиваться с ним полновесным серебром, а не "обманными деньгами", как с другими, и он получит корабль одного из королевских лендрманнов [*троекратное повторение с нарастанием: конунг вынужден трижды отступить перед Халльдором, и "оказать ему уважение" — до этого Халльдору трижды приходилось сносить оскорбления конунга*]. Тот недоволен, что корабль передадут исландцу [ПРЕНЕБРЕЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ИСЛАНДЦУ] (ср. № 1, 4, 5, 6, 18, также ср. 25).

(4) Кульминация конфликта и отъезд героя. Чтобы уладить спор между исландцем и лендрманном, конунг выкупает у Халльдора корабль, однако отдает за него не все деньги и остается его должником. Весной Халльдор снаряжается в Исландию и просит конунга отдать обещанное, но тот не желает платить. Поздно вечером перед отплытием Халльдор в полном вооружении является в королевскую опочивальню и требует вернуть долг. Конунг обещает расплатиться утром, однако Халльдор намерен получить свои деньги немедленно. Он забирает запястье, которое видит на руке у конунговой жены [УНИЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЯ] и, навсегда распростившись с королевской четой, поспешно удаляется и выходит в море. Конунг посылает за ним погоню, но его люди возвращаются ни с чем [КОНФЛИКТ ИСЛАНДЦА С КОНУНГОМ ОСТАЕТСЯ НЕ УРЕГУЛИРОВАННЫМ].

(5) Заключение. Подробная характеристика Халльдора: описание его неуживчивого нрава, объясняющее, почему они с конунгом не ладили. Сообщение о возвращении Халльдора в Исландию. Вследствии Харальд вновь призывает Халльдора к себе на службу, обещая не ставить ни одного человека "без титула" выше его. Халльдор отказывается ехать и по-своему истолковывает слова конунга: Харальд хотел бы вздернуть его на самую высокую виселицу. Состарившись, Харальд попросил Халльдора прислать ему лисих шкур, и Халльдор исполнил эту просьбу, но больше они не встречались.

8. ПРЯДЬ О ХРАФНЕ СЫНЕ ГУДРУН / HRAFN S PÁTTIR GUÐRÚNARSONAR (HRAFN S PÁTTIR HRÚTFIRÐINGS)

Прядь сохранилась в составе "Саги о Магнусе Добром" в "Hulda" и "Hrokkinskinna".

Основные издания: Fornmanna sögur. VI. Bindi. Kaupmannahöfn, 1831; Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945); Vatnsdæla saga / Einar Ól. Sveinsson gaf út (Íslenzk fornrit. VIII). Reykjavík, 1939; Íslendinga sögur og þættir. III (1987); также публиковалась в издании "Hulda" (J. Louis-Jensen 1968).

Перевод на русский язык Е.А. Гуревич: Корни Иггдрасиля (1997); Исландские саги (1999). Т. II.

(1) Пространное Введение сагового типа, в котором разыгрывается предварительная история главного героя, предшествующая его отъезду из Исландии. Она включает в себя полный цикл действия "семейной саги": от зарождения конфликта между отцом Храфна, Сигватом, и его соседом Торгримом до мести сына за убийство отца, объявления его вне закона и последующего преследования, вынуждающего его бежать из страны.

(2) Отплытие в Норвегию и приезд в Трандхейм.

(3) Инициация конфликта. Городской управляющий Кетиль, у которого живет Храфн, проникается к нему неприязнью из-за дружбы исландца с его женой и дочерью. Кетиль плохо говорит о нем и сочиняет язвительные стишки [ПОНОСНЫЕ РЕЧИ/СТИХИ], однако Храфн делает вид, что не замечает отношения к нему Кетили [ПОПЫТКА ИЗБЕЖАТЬ КОНФЛИКТА]. Кетиль решает продать Храфна купцам, выдав его за своего раба. Герой убивает Кетили и сообщает об убийстве его жене и дочери; те не винят его и оказывают ему помощь [ЖЕНЩИНЫ-ПОМОЩНИЦЫ]. Храфн скрывается в лесах (b).

(4) Конфликт. Конунг Магнус узнает о случившемся; он разгневан [КОНФЛИКТ С КОНУНГОМ КАК СЛЕДСТВИЕ СОВЕРШЕННОГО ГЕРОЕМ УБИЙСТВА ЕГО ПРИБЛИЖЕННОГО]. Храфн случайно встречается с конунгом на охоте и просит его о помощи, выдавая себя за разбойника. Конунг соглашается помочь ему и расспрашивает его о Храфне, но тот не открывает своего имени. Расставшись с ним, конунг догадывается, с кем говорил, и оскорблен тем, что исландец провел его. В результате тот объявлен вне закона, за его голову назначена награда и ему запрещено оказывать помощь (У). Храфн выходит из леса и видит королевскую флотилию. Он вызывает на встречу своего родича скальда Сигвата и просит о помощи, угрожая в противном случае отдаться в руки конунгу (D-2). [*Троекратное повторение с нарастанием*]: Сигват, в свою очередь, ищет помощи у двоих влиятельных людей, однако те один за другим отказывают ему [(D-1); ОТКАЗ ОКАЗАТЬ ДАВЛЕНИЕ НА КО-

НУНГА (-g)]; тогда он возносит молитву св. Олаву, после чего отправляется с Храфном на корабль конунга (С). Конунг спит на корабле и просыпается, когда Сигват с Храфном проходят мимо. Он призывает своих людей немедленно взойти на корабли и плыть в Данию. Там норвежцы одерживают победу, причем Храфн проявляет большую храбрость. Некоторые видели в этой битве св. Олава, помогающего норвежцам.

(5) *Урегулирование конфликта в ходе судебного разбирательства* (j). После битвы конунг собрал своих людей и вызвал к себе Храфна. Тот ответил на вопросы конунга и произнес поминальную песнь о Кетиле и хвалебную песнь в честь конунга (i). Храфн объяснил свое дерзкое появление перед Магнусом в лесу ожиданием удачи от их встречи [*КОНУНГОВА УДАЧА*]. Выяснив все обстоятельства дела, Магнус рассказывает свой сон [*ретроспективный рассказ о ВМЕШАТЕЛЬСТВЕ СВЯТОГО ЗАСТУПНИКА (D-4)*]. Примирение конунга с Храфном (h). Сигват открывает Магнусу причину вмешательства св. Олава.

(6) *Временный отъезд героя*. Храфн улаживает свое дело в Исландии, а затем покидает страну вместе с матерью и возвращается к конунгу. Он получает в жены Хельгу, которой конунг дает хорошее приданое, и становится человеком конунга [*ВОЗВЫШЕНИЕ ГЕРОЯ*].

9. ПРЯДЬ О ХРЕЙДАРЕ ДУРАКЕ / HREIDARS PÁTTIR HEIMSKA

Прядь сохранилась в составе "Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом" в "Гинлой Коже", а также в "Hulda" и "Hrokkinskinna" (последние позволяют восполнить отдельные лакуны в тексте древнейшей рукописи).

Основные издания: Fornmanna sögur. VI. Bindi. Kaupmannahöfn, 1831; Fjörutfu Íslendinga þættir (1904); Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945); Ljósvefninga saga / Björn Sigfússon gaf út (Íslensk fornrit. X). Reykjavík, 1940; Two Icelandic Stories / Ed. A. Faulkes (Viking Society for Northern Research. Vol. IV). L., 1951; Íslendinga sögur og þættir. III (1987); также публиковалась в изданиях "Morkinskinna" (C.R. Unger 1867; Finnur Jónsson 1928-1932; Jón Helgason 1934) и в издании "Hulda" (J. Louis-Jensen 1968).

Перевод на русский язык Е.А. Гуревич; Корни Игдрасила (1997); Исландские саги (1999). Т. II.

(1) *Вводные характеристики/противопоставление двух братьев*, красивого и всеми уважаемого Торда и безобразного дурака Хрейдара.

(2) *Подготовка Торда к очередному отъезду в Норвегию*. Вопреки нежеланию брата взять его в плавание, Хрейдар настаивает на совместной поездке. Сообщение о приезде братьев в Норвегию.

(3) *Исландец добивается расположения одного из конунгов-соправителей*. Магнус Добрый узнает о Хрейдаре от Торда, выражающего надежду, что встреча с конунгом принесет его брату удачу [*КОРОЛЕВСКАЯ УДАЧА*], и посылает за ним. Встреча конунга с Хрейдаром. Исландец сообщает о своем желании посмотреть на государя. [*Две параллельные сцены "смотрины", в обеих троекратное повторение с нарастающим*]: (I) Хрейдар доволен видом конунга, но не уверен, что рассмотрел его, как следует; (II) Конунг встает, чтобы Хрейдар мог получше рассмотреть его; (III) Конунг снимает плащ; Хрейдар удовлетворен осмотром, Магнус очень ему понравился, однако по его просьбе Хрейдар находит изъян в его внешности, который прежде не замечал никто, кроме Харальда Сурового. Затем конунг рассматривает Хрейдара, заставив его сбросить плащ, и приходит к выводу, что "не родился еще человек безобразнее его". Хрейдар просит конунга найти в нем "что-нибудь хорошее". Тот предполагает, что исландец, несмотря на свой незлобивый нрав, вскоре разгневется, и что он, возможно, не лишен способностей. Конунг оставляет Хрейдара и Торда зимовать с дружинниками и Хрейдар постепенно завоевывает их расположение.

(4) *Инициация конфликта с конунгом Харальдом*. Хрейдару удается настоять на том, чтобы сопровождать конунга Магнуса на встречу с конунгом Харальдом. Люди Харальда ради забавы заводят Хрейдара в лес и всячески задирают его, пока он в гневе не убивает одного из них (ср. № 8). Узнав об убийстве, Харальд приказывает схватить и убить Хрейдара, однако тот уже успел уйти (b) [*ГЕРОЙ СОВЕРШАЕТ УБИЙСТВО КОРОЛЕВСКОГО ДРУЖИННИКА → КОНФЛИКТ С КОНУНГОМ*].

(5) *Конфликт*. Конунг Магнус прячет Хрейдара у своего человека [*ДВА ГОСУДАРЯ: ПРОТИВНИК И ЗАЩИТНИК ГЕРОЯ (D-3)*]. Харальд узнает, где скрывается Хрейдар, и направляется туда. Незадолго до его прибытия Хрейдар просит дать ему серебра и золота для работы. Его снабжают всем необходимым и запирают в отдельном доме. Когда приезжает Харальд, хозяин усадьбы отказывается его выдать, однако Хрейдар сам настаивает на встрече со своим недругом (С). Хрейдар преподносит Харальду сделанную им серебряную свинью, и конунг уже готов простить его (h), но затем распознает в ней намек на прозвище своего отца — Сигурда Свиньи [(У); ср. № 14]. Он велит убить Хрейдара, но тому удается уйти [*КОНФЛИКТ ОСТАЕТСЯ НЕ РАЗРЕШЕННЫМ*].

(6) *Герой возвращается к конунгу-покровителю и получает награду*. Хрейдар встречается с конунгом Магнусом, рассказывает ему о случившемся и показывает свинью. Тот хвалит его за хорошую работу. По прошествии некоторого времени Хрейдар просит у конунга разрешение исполнить песнь в его честь [*ХВАЛЕБНАЯ ПЕСНЬ*, ср. i]. Конунг находит ее странной: нескладной в начале, но чем

дальше, тем лучше, как и жизнь самого Хрейдара. В награду конунг дает ему остров у берегов Норвегии и сразу же выкупает его, не желая чтобы Хрейдар подвергал себя опасности, оставаясь в Норвегии. (7) *Отъезд в Исландию и заключение.* Хрейдар возвращается домой и становится там большим человеком [ВСТРЕЧА С КОНУНГОМ ПРИНОСИТ ГЕРОЮ УДАЧУ И ПРИВОДИТ К ЕГО ВОЗВЫШЕНИЮ].

10. ПРЯДЬ ОБ ИВАРЕ СЫНЕ ИНГИМУНДА / ÍVAR'S ÞÁTTTR INGIMUNDARSONAR

Прядь сохранилась в составе "Саги об Эйстейне" в "Тнилой Коже".

Основные издания: Fornmanna sögur. VII. Bindi. Kaupmannahöfn, 1832; Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945); Íslendinga sögur og þættir. III (1987); также публиковалась в изданиях "Morkinskinna" (C.R. Unger 1867; Finnur Jónsson 1928–1932; Jón Helgason 1934).

Перевод на русский язык Е.А. Гуревич опубликован в кн.: Атлантика. Записки по исторической поэтике. Вып. V. М., 2001; также приводится полностью в настоящей книге на с. 268–270.

- (1) Прядь вводится как пример достоинств конунга Эйстейна.
- (2) Сообщение о том, что Ивар находился при конунге и его *вводная характеристика*.
- (3) *Предварительная история героя.* Сообщается о приезде в Норвегию брата Ивара, Торфинна. Недовольный тем, что Ивар в большем почете, чем он, Торфинн вскоре возвращается домой. Ивар передает с ним поручение к своей невесте, Оддню, дожидаться его возвращения. Предательство Торфинна, женившегося на Оддню. Ивар приезжает в Исландию, узнает о поступке брата и возвращается к конунгу [*ср. конфликт между соперниками в "сагах о скальдах"*].
- (4) *В Норвегии.* Ивар опечален, конунг пытается доискаться до причины его печали. Ивар не хочет рассказывать. Конунг задает вопросы, наконец угадывает и хочет помочь Ивару вернуть невесту. Когда же оказывается, что это невозможно, предлагает ему замену [*троекратное предложение*]: благородную невесту, владение, деньги для торговой поездке. Ивар последовательно от всего отказывается. Тогда конунг предлагает Ивару ежедневно беседовать с ним об утраченной невесте. Тот соглашается и в беседах с конунгом вскоре излечивается от своей печали. [ГЕРОЯ ЧТО-ТО ПЕЧАЛИТ → КОНУНГ РАССПРАШИВАЕТ О ПРИЧИНАХ ЕГО ПЕЧАЛИ И ПРИХОДИТ К НЕМУ НА ПОМОЩЬ].
- (5) *Заключение.* Ивар остается с конунгом.

11. ПРЯДЬ ОБ ОДДЕ СЫНЕ ОФЕЙГА / ODDS ÞÁTTTR ÓFEIGSSONAR

Прядь сохранилась в составе "Саги о Харальде Суровом" в "Тнилой Коже", а также в "Книге с Плоского Острова".

Впервые опубликована Биргером Торлациусом с переводом на латинский язык в 1821 г. Основные издания: Fornmanna sögur. VI. Bindi. Kaupmannahöfn, 1831; Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Bandamanna saga / Ed. Finnur Jónsson. Copenhagen, 1933; Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945); Grettis saga Ásmundarsonar / Guðni Jónsson gaf út (Íslensk fornrit. VII). Reykjavík, 1936; Íslendinga sögur og þættir. III (1987); также публиковалась в изданиях "Morkinskinna" (C.R. Unger 1867; Finnur Jónsson 1928–1932; Jón Helgason 1934) и "Fateyjarbók" (Guðrandur Vigfússon; C.R. Unger 1868. Bd. III; Finnur Jónsson 1930 и др.).

Перевод на русский язык Е.А. Гуревич: Корни Игтдрасила (1997); Исландские саги (1999). Т. II.

- (1) Сообщение о *приезде* Одда из Исландии и о том, что он провел зиму на севере в Финнмёрке.
- (2) *Инициация конфликта.* Весной Одд направляется на юг и узнает от своих спутников, что те вели незаконную торговлю с финнами. Когда их корабль нагоняет королевский наместник Эйнар Муха, купцы по совету Одда прячут запрещенный груз в указанном им месте [*НАРУШЕНИЕ КОРОЛЕВСКОГО ЗАПРЕТА*].
- (3) *Конфликт.* С разрешения Одда Эйнар учиняет обыск, но ничего не находит. Поскольку ветер крепчает, он спешит вернуться на свой корабль, однако его задерживает один из людей Одда, предлагающий осмотреть его тюк. Этот человек долго возиться с ремнями и наконец извлекает из первого тюка второй и после столь же длительной процедуры третий, в котором не оказывается ничего, кроме старых ломотьев [*троекратное повторение*]. Эйнар в гневе покидает корабль и дает знать о случившемся конунгу. Затем корабль Одда замечает сам конунг. Он уверен, что Одд обманул Эйнара, но что его им провести не удастся. Как только Одд пристает к берегу, конунг является к нему с обыском, но ничего не находит. В свите конунга оказывается друг Одда, Торстейн; когда Харальд уходит, он задерживается и советует Одду, куда спрятать финские товары [*ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПОМОЩНИКА*]. Конунг вновь приходит и учиняет обыск, но безрезультатно. Он не сомневается, что незаконный груз — на корабле, но догадывается, где его прятали, не раньше, чем его переносят в новое место. То же повторяется во второй и в третий раз. Конунг так ничего и не находит и удаляется в гневе и с угрозами [*троекратное повторение с нарастанием*]. Наконец, по совету Торстейна, исландцы тайно отплывают перед рассветом. В то же утро Харальд догадывается, где был спрятан груз, однако корабль Одда уже далеко в море [*КОНФЛИКТ ГЕРОЯ С КОНУНГОМ ОСТАЕТСЯ НЕ РАЗРЕШЕННЫМ*]. Конунг обвиняет Торстейна в предательстве.

(4) Путешествие и возвращение в Исландию. В море Одд обращается с речью к своим спутникам, рассказывая им, что было предпринято для их спасения [*ретроспективный рассказ героя*]; он утверждает, что своим избавлением они обязаны Торстейну.

(5) Перемена героя, продолжение конфликта и заключение. Одд посылает Торстейну в благодарность за помощь двух чистокровных кобыл. Торстейн, опасаясь, что подарок Одда послужит свидетельством против него, говорит конунгу, что лошади присланы ему. Однако обмануть Харальда не удастся, и тот велит убить Торстейна [*КОНФЛИКТ ПОМОЩНИКА С КОНУНГОМ ИЗ-ЗА УЧАСТИЯ В ДЕЛЕ ГЕРОЯ*]. Но люди не подчинились королевскому приказу и Торстейн беспрепятственно покинул дружину [*КОНФЛИКТ ПОМОЩНИКА С КОНУНГОМ ОСТАЕТСЯ НЕ РАЗРЕШЕННЫМ*].

12. ПРЯДЬ О ХАЛЛИ ЧЕЛНОКЕ / SNEGLU-HALLA PÁTTIR

Считается, что эта прядь относится к числу самых ранних и восходит к нач. XIII в. Она известна в двух редакциях: в краткой в составе "Саги о Харальде Суровом" в "Гнилой Коже" и в "Hulda-Hrokkinskinna" и в пространной отдельной версии (по всем признакам – наиболее близкой к первоначальной) в "Книге с Плоского Острова". Помимо этих основных рукописей прядь сохранилась в AM 593 b, 4to, а также в ряде позднейших бумажных списков. Здесь изложена отдельная версия (выделенные эпизоды не соответствуют разделению главы в изданиях пряди).

Основные издания: Fornmanna sögur. VI. Bindi. Kaupmannahöfn, 1831 (в версии "Hulda"); в публикациях "Morkinskinna" (C.R. Unger 1867; Finnur Jónsson 1928–1932; Jón Helgason 1934) и "Flateyjarbók" (Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger 1868. Bd. III; Finnur Jónsson 1930; 1945. Bd. IV); в редакции "Книги с Плоского Острова" издана также в Sex Sögu-þættir (1855); Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945); опубликована в обеих редакциях в Eyfirðinga sögur / Jónas Kristjánsson gaf út (Íslensk fornrit. IX). Reykjavík, 1956 и в Íslendinga sögur og þættir. III (1987).

Частично переведена на русский язык Е.А. Гуревич: Корни Игтдрасар (1997); Исландские саги (1999). Т. II.

(1) Прядь открывает вступление составителя "Книги с Плоского Острова" о Харальде Суровом; Халли в нем не упоминается.

(2) Отъезд из Исландии, вводная характеристика героя и приезд в Норвегию.

(3) Эпизод первый. Встреча с неизвестным благородным мужем [*КОНУНГ ВЫДАЕТ СЕБЯ ЗА ДРУГОГО*] у берегов Норвегии. Незнакомец провоцирует Халли своими вопросами (ср. № 14), Халли дерзко отвечает ему, пользуясь тем, что якобы не знает, с кем разговаривает. Последнее слово остается за исландцем.

(4) Эпизод второй. Конунг узнает в Халли человека, смело отвечавшего на его вопросы, и позволяет ему остаться при дворе. Однажды конунг и его люди наблюдают ссору кузнеца и дубильщика. Скальд Тьодольв получает задание сложить об этом висы; он отказывается, но затем выполняет распоряжение короля, проявляя при этом большое мастерство. Халли замечает, что ему далеко до Тьодольва, однако конунгу передают, будто он хвастался, что умеет сочинять не хуже [*ОГОВОР КАК ПОВОД ДЛЯ ИСПЫТАНИЯ ГЕРОЯ*]; конунг обещает проверить, так ли велико его умение.

(5) Эпизод третий. Конунг наряжает карлика в собственные доспехи и сулит свой нож и ремень тому, кто сложит о нем хорошие стихи. Халли сразу же произносит вису и получает награду [*ГЕРОЙ ВЫДЕРЖИВАЕТ ИСПЫТАНИЕ*].

(6) Эпизод четвертый. Конунг подает знак слугам убирать столы прежде, чем его люди успевают насытиться [*НЕПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРАВИТЕЛЯ*]. Халли сочиняет стихи о том, что конунг морит его голодом [*ОСКОРБИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ*]. Конунг разгневан, но не подает виду [*СКРЫТЫЙ КОНФЛИКТ*]. Халли продолжает демонстрировать недоедание: в городе, он велит сварить себе кашу; конунг застаёт его за едой и открыто высказывает недовольство его поведением (У). Вечером конунг велит поставить перед Халли корыто с кашей и под угрозой расправы приказывает ему есть, пока не лопнет. Бесстрашное поведение Халли заставляет конунга отступить. В другой раз конунг передает карлику блюдо с жареным поросенком со своего стола, с тем чтобы тот отдал его Халли, последний же, если хочет сохранить жизнь, должен произнести об этом вису раньше, чем карлик приблизится к его месту [*ТРУДНОЕ ЗАДАНИЕ КАК УСЛОВИЕ ПРИМИРЕНИЯ*]. Халли складывает стихи и получает прощение [*РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТА*].

(7) Эпизод пятый. Халли просит разрешение произнести хвалебную песнь в честь конунга; тот осведомляется, приходилось ли ему прежде складывать песни, и слышит в ответ, что нет (ср. № 14). Конунг просит совета у своего главного скальда, Тьодольва. Последний уличает Халли во лжи: в Исландии тот сложил песнь "Висы о безрогой корове", посвященную скотине, которую он тогда пас. Халли отвечает Тьодольву тем же, и между ними завязывается перебранка, последнее слово в которой остается за Халли, который рассказывает оскорбительную для Тьодольва историю о гибели его отца [*ретроспективный рассказ*]. Проиграв в словесной дуэли, Тьодольв пытается пустить в ход оружие, но дружинники разнимают ссорящихся скальдов. Халли исполняет свой панегирик и получает за него от конунга щедрое вознаграждение.

(8) Эпизод шестой. На Рождество ожидается приезд Эйнара Мухи, и дружинники рассказывают о том, что он никому не платит возме-

щения за убийства и грабежи. Халли бьется об заклад, что сумеет добиться компенсации, если Эйнар нанесет ему ущерб. На пиру Эйнар рассказывает об учиненной им расправе над исландскими купцами, незаконно торговавшими с финнами [ср. № 11; *ретроспективный рассказ*]. Халли объявляет, что один из убитых — его брат [**УБИЙСТВО, ИНИЦИИРУЮЩЕЕ КОНФЛИКТ**] и требует от Эйнара виру [*троекратное повторение с нарастанием*]: тот в гневе отвергает его домогательства [**конфликт**]; повторные требования и ответные угрозы (У); в третий раз Халли рассказывает свой сон, намекая на то, что готов сочинить об Эйнаре хулительные стихи. Конунг поддерживает Халли (D-3) и советует Эйнару удовлетворить его требование [**ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ МОГУЩЕСТВЕННЫХ ЛЮДЕЙ: ЗАЩИТНИКА И ПРОТИВНИКА ГЕРОЯ**]. Халли получает возмещение [**РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТА**] и открывает своему товарищу, с которым заключил пари, что провел всех, ибо убитый Эйнаром исландец не был его родичем.

(9) *Эпизод седьмой*. Конунг отпускает Халли в торговую поездку в Данию. Там он бьется об заклад с королевским наместником Раудом, что сумеет навести порядок на тинге, уже дважды окончившемся ничем из-за того, что его участники галдели, не позволяя никому изложить свое дело. В третий раз повторяется то же, и шум стоит громче прежнего [*троекратное повторение с нарастанием*], однако Халли удается ненадолго привлечь всеобщее внимание неожиданным восклицанием, а затем, получив от Рауда обещанное золотое запястье, сбежать, прежде чем участники тинга вновь сорвали его своим криком.

(10) *Эпизод восьмой*. Халли в Англии произносит хвалебную песню в честь Харальда Годвинсона. После того как эта драпа была одобрена придворным скальдом, Халли получает от английского короля приглашение остаться у него. Однако исландец заявляет, что спешит в Норвегию и уже снаряжился в плавание. Король же, сочтя, что ему будет мало пользы от песни, которую никто не узнает, назначает за нее столь же бесполезную плату: он распоряжается, чтобы голову Халли осыпали серебряными монетами, из которых ему достанутся лишь те, что случайно задержатся в его волосах. Халли соглашается на объявленное вознаграждение, но прежде чем принять его, намазывает волосы смолой и укладывает их в форме блюда, в результате получая все высыпанное на него серебро.

(11) *Эпизод девятый*. Халли пытается покинуть Англию, поскольку произнесенная им в честь короля хвалебная песня на деле была “околесицей”. Все суда уже вышли в море за исключением одного корабля, тоже занятого купцами. Халли квартирует с ними в одном доме; однажды ночью он ведет себя беспокойно во сне, и купцам не сразу удается его разбудить. Проснувшись, он произносит якобы услышанную им во сне вису, из которой следует, что их корабль уто-

нет. Испугавшись, купцы покидают корабль, а Халли занимает их место и отплывает в Норвегию. Явившись к Харальду Суровому, он произносит стихи о том, как провел правителя Англии.

(12) *Эпизод десятый*. Харальд направляется в Трандхейм вместе со своими людьми. В пути Халли умело парирует стихотворный выпад Тьодольва; затем в словесной перепалке Халли одерживает верх над провоцирующим его конунгом и за свой дерзкий ответ получает в дар от короля драгоценную секиру. Это вызывает недовольство королевы, возмущенной тем, что конунгу нравятся его непристойные замечания. По требованию Харальда Халли сочиняет о королеве двусмысленные стихи, которые можно понимать и как хулу, и как хвалу; когда же королева в гневе приказывает убить дерзкого скальда, конунг защищает его.

(13) *Отъезд в Исландию*. Халли возвращается домой и быстро растрачивает все свои деньги [**—ВОЗВЫШЕНИЕ ГЕРОЯ**]. Чтобы прокормиться, он занимается рыбной ловлей. Однажды после выхода в море на промысел он умирает, сидя за вечерней трапезой.

13. ПРЯДЬ О СТЕЙНЕ СЫНЕ СКАФТИ / STEINS ÞÁTTTR SKAPTASONAR

Прядь сохранилась в различных версиях “Саги об Олаве Святом”: в “Круге Земном” Сворри Стурлусона, в его же “Отдельной саге об Олаве Святом” и в “Книге с Плоского Острова”. Здесь излагается по “Кругу Земному”.

Основные издания: Fornmanna sögur. IV; V. Bindi. Kaupmannahöfn, 1829; 1831; “Flateyjarbók” (Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger 1862. Bd. II; Finnur Jónsson 1930); Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945); Saga Óláfs konungs hins helga. Den Store Saga om Olav den Hellige / Utg. O.A. Johnsen; Jón Helgason. Oslo, 1941. Bd. 2; Snorri Sturluson. Heimskringla / Bjarni Aðalbarnarson gaf út (Íslensk fornrit. XXXVII). Reykjavík, 1945.

Перевод на русский язык Ю.К. Кузьменко в кн.: Сворри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 279, 290, 292–296.

(1) Отсылка к предшествующему изложению саги, за которой следует *вводная характеристика героя*. Путешествие в Норвегию отсутствует: о приезде сыновей исландских хёвдингов и о том, что они стали заложниками упоминалось ранее [**ИНИЦИАЦИЯ КОНФЛИКТА ОТНЕСЕНА К ДОСЮЖЕТНОМУ ВРЕМЕНИ**]. Во вступлении к пряди сообщается, что Стейн поносит конунга Олава в своих речах и висах [**ПОНОСНЫЕ РЕЧИ / СТИХИ**], и конунгу об этом известно.

(2) *Конфликт*. Стейн предлагает конунгу послушать драпу, которую сложил в его честь Скафти, его отец, однако конунг предпочитает услышать то, что о нем сочинил сам Стейн. Тот уклоняется и вскоре после этого тайком бежит из города, является в поместье управителя королевского поместья, который присутствовал при его

размолвке с конунгом, и просит, чтобы он дал ему лошадь и сани. Когда же тот отказывает, исландец заявляет, что не намерен подчиняться конунговым рабам, и убивает его [**УБИЙСТВО ПРИБЛИЖЕННОГО КОНУНГА**; (У)]. Стейн бежит с места преступления (b), выдавая себя за человека конунга, и приезжает на остров Гицки в усадьбу Торберга сына Арни. Рассказывается, как сразу после приезда из Исландии Стейн помог жене Торберга Рагнхильд, дочери Эрлинга [**Нарушение линейности действия**], в результате чего она пообещала ему свою дружбу и поддержку (d), если ему когда-нибудь понадобится помощь [**ЗАВОЕВАНИЕ ПОМОЩНИКА**]. Рассказывает ей о ссоре с конунгом, и она обещает сделать для него все, что в ее силах. Возвращается Торберг; он уже знает, что Стейн объявлен вне закона за убийство, и требует, чтобы тот уехал (D-1). Размолвка между супругами [**ЖЕНЩИНА-ПОМОЩНИЦА**]. В конце концов Торберг соглашается, чтобы Стейн остался у него (D-2).

(3) *Конфликт помощников с конунгом из-за исландца*. Торберг получает приказ явиться к конунгу. [**ЗАВОЕВАНИЕ ПОМОЩНИКОВ**; *троекратное повторение с нарастанием*]: (I) Отправляется к своему брату Финну и просит его поехать с ним; тот отказывается (D-1); Торберг упрекает его за трусость, и братья расстаются в гневе друг на друга. (II) Торберг едет к другому своему брату, Арни, с той же просьбой и встречает аналогичный прием: по мнению последнего, нечего было ссориться с конунгом из-за исландца [**ПРЕНЕБРЕЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ИСЛАНДЦУ**; (D-1)]. Торберг в ответ оскорбляет брата и уезжает. (III) Торберг посылает гонцов к своему брату Кальву; тот обещает приехать. По просьбе Рагнхильд Эрлинг отправляет на подмогу Торбергу своих сыновей; несмотря на первоначальное нежелание поддержать Стейна, являются и все братья Торберга со своими людьми, так что составляется внушительное войско, которое направляется в Нидарос. Финн и Арни предлагают конунгу выкуп за Торберга и Стейна, а в случае отказа примириться грозят Олаву покинуть его и отправиться к конунгу Кнуту [(g), *ср.* № 25].

(4) *Примирение*. Конунг ставит свои условия. Братья держат совет и заключают мир с конунгом, после чего Олав отпускает Стейна (G).

(5) *Заключение*. Стейн отправляется на юг с сыновьями Эрлинга, а потом к конунгу Кнуту в Данию и надолго там остается.

14. ПРЯДЬ О СТУВЕ / STÚFS ÞÁTTIR (BLINDA)

Прядь сохранилась в двух версиях: (1) в составе "Саги о Харальде Суровом" в "Гнилой Коже", а также в "Hulda-Hrokkinskinna" и в "Книге с Плоского Острова" и (2) как отдельный рассказ в нескольких списках XV в. (AM 533, 557 и 589, 4to); последняя редакция считается наиболее ранней (предполагают, что рассказ может быть датирован нач. XIII столетия).

Основные издания: (1) Fornmanna sögur. VI. Bindi. Kaupmannahöfn, 1831; Fire og fætrætyve Þræver / Ed. Konráð Gíslason. Kaupmannahöfn, 1860; Analecta Norroena / Ed. Th. Möbius. 2. utg. Leipzig, 1877; Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Laxdæla saga / Einar Ól. Sveinsson gaf út (Íslensk fornrit. V). Reykjavík, 1934; а также в публикациях "Morkinskinna" (C.R. Unger 1867; Finnur Jónsson 1928–1932; Jón Helgason 1934), "Flateyjarbók" (Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger 1868. Bd. III; Finnur Jónsson 1930; 1945 Bd. IV), "Hulda" (J. Louis-Jensen 1968); (2) Árbók Háskóla Íslands / Ed. Björn M. Ólsen. Reykjavík, 1912; Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945); издание Íslendinga sögur og þættir. III (1987) включает в себя обе редакции.

Перевод отдельной редакции пряди на русский язык Е.А. Гуревич в кн.: Другие Средние века. М.; СПб., 2000, а также в настоящей книге на с. 192–196.

- (1) *Вводная характеристика* героя и сообщение о цели его путешествия (получение наследства) и *приезде* в Норвегию.
- (2) *Экспозиция*. Стув направляется на север и по пути останавливается "у одного бонда". Внезапно в усадьбу приезжает Харальд Суровый со свитой. Бонд просит Стува уступить место конунгу, однако Харальд, ожидающий развлечения от встречи с исландцем, велит ему оставаться на своем месте. Стув принимает гостеприимство конунга. [*Последующее общение героя с конунгом представлено в трех сценах испытания*]:
- (3) *Сцена застолья*. Знакомство героев, в ходе которого конунг испытывает исландца, задавая ему три вопроса [*троекратное повторение с нарастанием*]. На последний *опасный вопрос* Стув отвечает смехом, и конунгу самому приходится отгадывать неприятный для его самолюбия ответ и произнести обидное прозвище собственного отца (Сигурд Свиный; *ср.* № 9). Благодаря уловке Стува провокация не удается и **СКРЫТЫЙ КОНФЛИКТ-ИСПЫТАНИЕ** не перерастает в открытое столкновение. Победа остается за исландцем: своим поведением он сумел заслужить уважение конунга.
- (4) *Сцена ночной декламации*. Стув большую часть ночи развлекает конунга, произнося скальдические флокки. Конунг насчитывает шесть десятков флокков и осведомляется у исландца, перед кем тот намерен произносить драпы, если ему он рассказывал одни только флокки [*опасный вопрос*]. Стув опять проявляет находчивость: оказывается, он приберегает драпы для их следующей встречи, при которой конунгу предстоит еще выше оценить его достоинства.
- (5) *Сцена перед расставанием*. Утром Стув обращается к конунгу с тремя просьбами [*троекратное повторение*]: (I) Разрешить ему сложить песнь в его честь. При этом выясняется, что Стув – правнук знаменитого скальда Глума Гейрасона и считает себя лучшим скальдом, чем его прадед, хотя и не сочинял прежде хвалебные песни. Конунг уклоняется от ответа, замечая, что тот много на себя берет. (II) Принять его в дружину. Конунг опять не обещает ничего определенного. (III) Дать ему письмо с королевской печатью для получения наследства. Конунг соглашается выполнить эту просьбу, однако

удивляется, почему Стув упомянул о самом главном в последнюю очередь. Оказывается, что дело, ради которого он прибыл в Норвегию, показалось ему не столь важным после их встречи.

(6) *Заключение*. На обратном пути Стув является к конунгу и исполняет хвалебную песнь. Харальд высоко ее оценивает, как и проявленный исландцем при их первой встрече "недюжинный ум", и предлагает ему стать его дружинником [**ВОЗВЫШЕНИЕ ГЕРОЯ**].

15. ПРЯДЬ О ТОРГРИМЕ СЫНЕ ХАЛЛА / ÞORGRÍMS ÞÁTTIR HALLASONAR

Прядь сохранилась только в составе "Саги о Магнусе Добром" в "Hulda" и "Hrokkinnskinna" (XIV–XV вв.), однако предполагается, что она была создана в XIII в.

Основные издания: Fornmanna sögur. VI. Bindi. Kaupmannahöfn, 1831; Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945); Eyfirðinga sögur / Jónas Kristjánsson gaf út (Íslensk fornrit. IX). Reykjavík, 1956; Íslendinga sögur og þættir. III (1987); прядь также публиковалась в издании "Hulda" (J. Louis-Jensen 1968).

(1) *Вводная характеристика героя*, в прошлом дружинника Олава Святого.

(2) *Отъезд из Исландии и краткая предыстория*. Торгрим покупает у норвежцев половину корабля (другой половиной владеют два брата, Бьярни и Торд). С ним отправляется его сын Иллуги и двое его людей, Гальти и Кольгрим. Сообщается, что зимой в снежную бурю погиб другой сын Торгрима, Асбьёрн, а сам он так пострадал, что лежал при смерти и его выкармливали молоком. Бьярни и Торд насмехались из-за этого над Торгримом, но он делал вид, что ничего не замечает [**ПОПЫТКА ИЗБЕЖАТЬ КОНФЛИКТА**]. *Приезд в Норвегию*.

(3) *Инициация конфликта*. Магнус Добрый был в это время в Дании, и его наместник, Кальв сын Арни, пригласил исландцев к себе. Торгрим был сдержан и часто вспоминал свою прежнюю дружбу с конунгом Олавом, а братья льстили Кальву и старались убедить его в неприязни к нему Торгрима [**ОГОВОР ВРАГОВ**]. Бьярни исполняет хвалебную песнь в честь Кальва, в которой представляет его неблагоприятное поведение по отношению к конунгу Олаву в благоприятном свете. Выслушав песнь, Торгрим упрекает Кальва за то, что тот принимает незаслуженные похвалы. Бьярни оскорбляет Торгрима: дома он прикидывался больным, чтобы его кормили молоком во время поста [**ОСКОРБИТЕЛЬНЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ**]. В ответ Торгрим убивает Бьярни [(У); **УБИЙСТВО ДРУГА ПРАВИТЕЛЯ → ПОВОД ДЛЯ КОНФЛИКТА**].

(4) *Конфликт*. Кальв созывает тинг. Торгрим требует, чтобы его судил сам конунг, но приговор выносят в его отсутствие; Торгрим

объявлен вне закона [**СУД НАД ГЕРОЕМ (J)**]. Торд, брат Бьярни, наносит ему смертельный удар [**УБИЙСТВО ГЕРОЯ**], после чего Кольгрим убивает Торда [**МЕСТЬ → ПОВОД ДЛЯ КОНФЛИКТА**].

(5) *Замена героя; его конфликт с правителем*. Кольгрим схвачен и ждет наказания (а).

(6) *Замена правителя; примирение*. Возвращается конунг Магнус и узнает о случившемся. К нему обращается сидящий в оковах Кольгрим с просьбой о защите и объявляет, что сочинил песнь об Олаве Святом. Магнус расспрашивает Кольгрима о причинах совершенного им убийства (J) и выслушивает песнь (i). В награду за нее скальд получает свободу [**ПРИМИРЕНИЕ**]. Магнус упрекает Кальва за то, что тот вел себя не подобающим родичу образом [**ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ДВУХ ПРАВИТЕЛЕЙ: ГОНИТЕЛЯ И ЗАЩИТНИКА ГЕРОЯ**], и назначает виру за Торгрима из имущества, которым владели братья, а Кольгриму за его храбрость отдает принадлежавшую им половину корабля (h). Кольгрим благодарит конунга за милость и объявляет, что отправляется в паломничество в Рим.

(7) *Отъезд в Исландию*. По возвращении Кольгрима из Рима он и Иллуги отплывают домой. Кольгрим покупает у Иллуги его половину корабля и становится преуспевающим купцом [**ВОЗВЫШЕНИЕ ГЕРОЯ**].

16. ПРЯДЬ О ТОРЛЕЙВЕ ЯРЛОВОМ СКАЛЬДЕ / ÞORLEIFS ÞÁTTIR JARLSSKÁLDS

Прядь сохранилась в "Книге с Плоского Острова", а также в нескольких бумажных списках XVII в.

Впервые опубликована в Fornmanna sögur. III. Bindi. Kaupmannahöfn, 1827. Основные издания: Íslenska fornsögur. III. Kaupmannahöfn, 1883; Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945); Eyfirðinga sögur / Jónas Kristjánsson gaf út (Íslensk fornrit. IX). Reykjavík, 1956; Íslendinga sögur og þættir. III (1987); в публикациях "Fátættjarbók" (Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger 1860. Bd. I; Finnur Jónsson 1930; 1944 Bd. I).

Перевод на русский язык Е.А. Гуревич: Корни Игтдрасиля (1997); Исландские саги (1999). Т. II.

- (1) *Краткое вступление* в ученый стиль о ярле Хаконе из Хладира.
- (2) *Введение сагового типа*. Предыстория героя с момента его рождения до вынужденного отъезда из Исландии в результате совершенного им убийства и объявления его вне закона.
- (3) *Отъезд из Исландии и приезд в Норвегию*, в Вик, где в то время находился ярл Хакон.
- (4) *Инициация конфликта*. Торлейв встречается с ярлом. Тот желает купить привезенные им товары, однако Торлейв заявляет, что

сам решит, с кем заключать сделки. Ярл рассержен его дерзким ответом. В отсутствие Торлейва он разграбил и сжег его корабль и убил всех его людей [**НЕПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРАВИТЕЛЯ**].

(5) Торлейв едет в Данию, является к конунгу Свейну и произносит хвалебную песнь в его честь, получая за нее похвалы и награду [**ДВА ПРАВИТЕЛЯ – ПОКРОВИТЕЛЬ И ПРОТИВНИК ГЕРОЯ**]. Торлейв остается у конунга; спустя некоторое время Свейн замечает, что исландец сделался мрачен и молчалив: оказывается тот желает отправиться в Норвегию и преподнести ярлу Хакону сложенную о нем песнь. Конунг разрешает Торлейву уехать, однако берет с него обещание возвратиться в Данию [**ГЕРОЯ ЧТО-ТО ПЕЧАЛИТ → ЕГО ПОКРОВИТЕЛЬ РАССПРАШИВАЕТ О ПРИЧИНАХ ЕГО ПЕЧАЛИ И НЕ ПРЕПЯТСТВУЕТ ЕГО НАМЕРЕНИЯМ**].

(6) **Конфликт**. Торлейв отправляется в Норвегию и прибывает в Хладир. Одевшись нищим стариком [**СОБИРАЯСЬ ОТОМСТИТЬ, ГЕРОЙ ИЗМЕНЯЕТ СВОЮ ВНЕШНОСТЬ**], он входит в палату, где сидел ярл, и ведет себя вызывающе, привлекая всеобщее внимание. Он называется другим именем и получает разрешение произнести песнь в честь ярла. По мере исполнения песни у ярла начинается чесотка, затем в палате становится темно и оружие само приходит в движение и начинает разить. Ярл падает без чувств и лишается бороды и половины волос. Торлейв исчезает, а ярл после окончания ниды (хулительной песни) догадывается, кто был его посетителем.

(7) Торлейв приезжает в Данию к конунгу Свейну, который дает ему прозвище Ярлов Скальд и в честь наречения имени дарит корабль с гребцами и товарами. Весной Торлейв возвращается в Исландию, поселяется там и хорошо женится [**ВОЗВЫШЕНИЕ ГЕРОЯ**].

(8) **Продолжение конфликта**. Оправившись от вызванной нидом болезни, Хакон готовит месть. Он велит изготовить деревянного человека, нарекает его Торгардом, оживляет с помощью колдовства и отправляет в Исландию с поручением убить Торлейва. Повстречав Торлейва, Торгард наносит ему смертельный удар и проваливается сквозь землю. Геройское поведение Торлейва перед кончиной и его похороны [**ГИБЕЛЬ ГЕРОЯ; КОНФЛИКТ ОСТАЕТСЯ НЕ РАЗРЕШЕННЫМ**].

(9) Пастух Халльбьёрн Хвост постоянно ночует у кургана Торлейва, безуспешно пытаясь сложить о нем песнь. Однажды ночью курган раскрывается и вышедший из него курганный житель передает Халльбьёрну поэтическое искусство, произнеся ему в рот вису [**СОИ / СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО**]. Пробудившись пастух припоминает услышанные стихи и становится великим скальдом.

(10) **Заключение**. О попытках братьев Торлейва отомстить ярлу.

17. ПРЯДЬ О ТОРОДДЕ СЫНЕ ШОРРИ / ÞÓRODDS ÞÁTTR SNORRASONAR

Прядь сохранилась в “Круте Земном”, в “Отдельной саге об Олаве Святом” и в “Книге с Плоского Острова”. (Здесь излагается по “Круту Земному”).

Основные издания: Fornmannna sögur. IV. Bindi. Kaupmannahöfn, 1829; 1831; “Flateyjarbók” (Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger 1862. Bd. II; Finnur Jónsson 1930); Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945); Saga Óláfs konungs hins helga. Den Store Saga om Olav den Hellige / Utg. O.A. Johnsen; Jón Helgason. Oslo, 1941. Bd. 2; Snorri Sturluson. Heimskringla / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út (Íslensk fornrit. XXXVII). Reykjavík, 1945.

Перевод на русский язык Ю.К. Кузьменко в кн.: Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 279, 290, 292, 299–303.

(1) Отсылка к предшествующему изложению саги и сообщение о том, что Торордд был недоволен королевским запретом покинуть Норвегию [**ИНИЦИАЦИЯ КОНФЛИКТА ОТНЕСЕНА К ДОСЮЖЕТНОМУ ВРЕМЕНИ**].

(2) Конунг Олав объявляет, что хочет послать людей в Ямталанд за податями. Прежних его посланцев перебили, поэтому охотников выполнить опасное поручение не нашлось. Торордд вызывается ехать, чтобы обрести свободу [**ТРУДНОЕ ЗАДАНИЕ КАК УСЛОВИЕ ПРИМИРЕНИЯ**].

(3) **Испытание героя**. Торордд с одиннадцатью сопровождающими приезжает в Ямталанд. Местные жители обманом удерживают их, намереваясь убить. Торордд узнает об их замысле и бежит с одним из своих спутников в лес. Их ловят и сажают в яму, где они сидят под присмотром рабов. Побег и встреча с разбойником Арильотом Геллини, который берется им помочь. Герои ночуют в заброшенном доме; там же находят кров двенадцать купцов, их убивает внезапно появившаяся троллиха. Арильот ранит ее, и она убегает. Утром он показывает королевским посланцам дорогу назад и на прощание просит Торордда передать от него в дар Олаву серебряное блюдо.

(4) **Примирение и отъезд**. Благополучное возвращение к конунгу. Торордд подносит ему подарок Арильота, живет у конунга остаток зимы, а затем получает разрешение уехать. Торордд и Олав расстаются друзьями.

18. ПРЯДЬ О ТОРСТЕЙНЕ С ВОСТОЧНЫХ ФЬОРДОВ / ÞORSTEINS ÞÁTTR AUSTFIRÐINGS

Прядь сохранилась только в бумажных списках XVII в. (главными считаются AM 562i, 41o и AM 496, 41o), один из которых был сделан Арни Магнуссоном с затем утраченного пергаментного кодекса XV в., принадлежавшего священнику Йоуну Эрлендссону из Видлингахольта. Поскольку рассказ о Торстей-

не не был включен в жизнеописание Магнуса Доброго ни в одном из собраний королевских саг, предполагается, что он появился позднее прочих прядей.

Основные издания: Sex Sögu-þættir (1855: по рукописи JS. 434, 4to, ргт. 1895); Fjörutíu Íslendinga þættir (1904: по рукописи Lbs. 1636, 4to); Íslendinga þættir (1935; ргт. 1945, публикация основана на первом издании пряди); Austfirðinga sögur / Jón Jóhannesson gaf út (Íslensk fornrit. XI). Reykjavík, 1950 (по AM 562i, 4to и AM 496, 4to); Íslendinga sögur og þættir. III (1987: по изданию ÍF).

(1) *Вводная характеристика героя и сообщение о его приезде в Норвегию.* Герой пряди – паломник, направляющийся в Рим (ср. № 1).

(2) *Герой помогает конунгу.* Торстейн спасает жизнь незнакомцу, в одиночку сражающемуся с четырьмя врагами. Тот называется Стюрбьёрном, дружинником конунга Магнуса [**КОНУНГ ВЫДАЕТ СЕБЯ ЗА ДРУГОГО**]. Торстейн сообщает о цели своего путешествия и обещает навесить Стюрбьёрна на обратном пути (ср. № 1).

(3) *Возвращение героя и его столкновение с дружинниками.* Дружинники насмеваются над человеком, пожелавшим встретиться со Стюрбьёрном; конунг же тепло принимает исландца и прилюдно рассказывает об оказанной ему услуге. В другой раз дружинники смеются над прожорливостью Торстейна (ср. № 12), а конунг, напротив, хвалит его, противопоставляя своим людям [**НАСМЕШКИ ДРУЖИННИКОВ; ПРЕИМУЩЕСТВО ИСЛАНДЦА**; ср. № 1].

(4) *Отъезд из Норвегии и возвращение в Исландию.* Конунг снаряжает Торстейна в дорогу и щедро одаривает его. Тот навсегда поселяется в Исландии и считается очень удачливым человеком [**ВОЗВЫШЕНИЕ ГЕРОЯ**].

19. ПРЯДЬ О ТОРСТЕЙНЕ ЛЮБОПЫТНОМ / ÞORSTEINS ÞÁTTIR FORVITNA

Прядь сохранилась в “Книге с Плоского Острова”.

Основные издания: Sex Sögu-þættir (1855); Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Íslendinga þættir (1935; ргт. 1945); Íslendinga sögur og þættir. III (1987); Harðar saga / Þórhallur Vilmundarson; Bjarni Vilhjálmsson gafu út (Íslensk fornrit. XIII). Reykjavík, 1991; а также в публикациях “Flateyjarbók” (Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger 1868. Bd. III; Finnur Jónsson 1930; 1945. Bd. IV).

(1) *Вводная характеристика героя и сообщение о его приезде в Норвегию.* Торстейн посещает Харальда Сурового и остается у него.

(2) *Инициация конфликта.* Во время купания конунга Торстейн без разрешения рассматривает рукояти принадлежащих ему ножей – они будто из золота, но деревянные. Застав его за этим занятием, Харальд выражает свое неудовольствие и с этой поры обходится с ним холодно [**ПРОСТУПОК ИСЛАНДЦА**].

(3) *Испытание.* Харальд посылает Торстейна на поиски таких же рукоятей, которые должны быть изготовлены из того же дерева, но не говорит, где их искать [**ТРУДНОЕ ЗАДАНИЕ, КАК УСЛОВИЕ ПРИМИРЕНИЯ**]. Герой проводит ночь у раки св. Олава; во сне ему является человек, советующий немедленно отправляться в путь [**СОИ / СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО**]. Торстейн странствует в лесах, терпя лишения; встречается с отшельником, объясняющим ему, как отыскать то, за чем его послал конунг (d). Отшельник рассказывает исландцу об островке, где он найдет золотую роцу, охраняемую змеем, и наставляет его не трогать там ничего, кроме двух побегов золотого дерева; срезав их он должен поскорее покинуть остров. Торстейн приплывает на остров, находит дерево, с которого прежде уже были срезаны ветки, и берет два побега. Он готов нарушить запрет и срезать большие золотых побегов, но слышит змея. Змей преследует его [**ГЕРОЙ БЕДСТВУЕТ В ПУТИ**], однако Торстейн призывает на помощь св. Олава и спасается (D-4).

(4) *Примирение.* Торстейн возвращается в Норвегию и является к конунгу Харальду. Он рассказывает ему о своих странствиях и показывает рукояти. Конунг награждает его и примиряется с ним, поскольку его поддерживал сам св. Олав.

(5) *Отъезд и заключение.* Торстейн отправляется в Исландию, однако впоследствии погибает с конунгом в Англии.

20. ПРЯДЬ ОБ ИСЛАНДЦЕ-СКАЗИТЕЛЕ / ÍSLENDINGS ÞÁTTIR SÖGUFRÓÐA, или ПРЯДЬ О ТОРСТЕЙНЕ СКАЗИТЕЛЕ / ÞORSTEINS ÞÁTTIR SÖGUFRÓÐA

Прядь сохранилась в двух редакциях: в составе “Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом” в “Гнилой Коже” и в “Hulda-Hrokkinskinna”, а также в отдельной более пространной версии в бумажных списках XVII в. (см. № 18), где впервые появляется имя ее главного героя.

Первая редакция пряди издавалась неоднократно: Fornmanna sögur. VI. Bindi. Kaupmannahöfn, 1831; Icelandic Prose Reader / Ed. Guðbrandur Vigfússon; F.Y. Powell. Oxford, 1879; Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Íslendinga þættir (1935; ргт. 1945); а также в ряде антологий, публикациях “Morkinskinna” (C.R. Unger 1867; Finnur Jónsson 1932; Jón Helgason 1934) и “Hulda” (J. Louis-Jensen 1968). Вторая ее редакция была впервые напечатана в ÍF: Austfirðinga sögur / Jón Jóhannesson gaf út (Íslensk fornrit. XI). Reykjavík, 1950. Этому изданию следует публикация в Íslendinga sögur og þættir. III (1987), последнее собрание включает в себя обе редакции пряди.

Перевод на русский язык версии пряди в “Гнилой Коже” принадлежит М.И. Стеблин-Каменскому: Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973; Исландские саги (1999). Т. II.

(1) *Введение*. Молодой исландец приходит к Харальду Суровому и просит его покровительства.

(2) Узнав, что исландец хорошо рассказывает саги, Харальд принимает его при условии, что тот всегда должен рассказывать саги, кто бы его ни попросил. Исландец выполняет это условие и завоевывает всеобщее расположение.

(3) Перед Рождеством исландец опечалился. Конунг допытывается, в чем дело, но тот уклоняется от ответа [*ГЕРОЯ ЧТО-ТО ПЕЧАЛИТ → ЕГО ПОКРОВИТЕЛЬ РАССПРАШИВАЕТ О ПРИЧИНАХ ЕГО ПЕЧАЛИ*]. Конунг догадывается: у того закончились саги. И действительно, у исландца осталась только одна сага, которую он не решается рассказывать, поскольку она — о походах самого короля Харальда. Конунг просит исландца рассказывать эту сагу все Рождество; тот так и поступает, хотя, по общему мнению, рискует вызвать своим рассказом неудовольствие Харальда. Когда же в последний день праздника сага была досказана, конунг высоко оценил ее, после чего пригласил исландца остаться у него навсегда [*ГЕРОЙ ИЗБЕГАЕТ КОНФЛИКТА; ВОЗВЫШЕНИЕ ГЕРОЯ*].

21. ПРЯДЬ О ТОРВАЛЬДЕ ТАСАЛЬДИ / ÞORVALDS ÞÁTTIR TASALDA

Прядь сохранилась в составе "Большой саги об Олаве Трюггвасоне" (см. № 6).

Основные издания: Ólafs saga Tryggvasonar. Skálholt, 1689; Fornmanna sögur. II. Bindi. Kaupmannahöfn, 1826; Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945); Eyfirðinga sögur / Jónas Kristjánsson gaf út (Íslensk fornrit. IX). Reykjavík, 1956; Ólafs saga Tryggvasonar en mesta / Ed. Ólafur Halldórsson. Copenhagen, 1961 (Vol. 2); Íslendinga sögur og þættir. III (1987); также публиковалась в изданиях "Flateyjarbók" (Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger 1860. Bd. I; Finnur Jónsson 1930; 1944. Bd. I).

(1) *Приезд в Норвегию и вводная характеристика героя*. Конунг Олав принимает Торвальда и предлагает ему креститься, тот охотно соглашается.

(2) *Инициация конфликта*. В действие вступают два королевских дружинника, Сигурд и Хельги, друг и недоброжелатель героя. Ревность и злословие Хельги приводят к охлаждению отношений между конунгом и Торвальдом [*ОГОВОР ВРАГА*]. Хельги называет исландца мужланом [*ПРЕНЕБРЕЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ИСЛАНДЦУ*].

(3) *Испытание героя*. Торвальд расспрашивает конунга о причинах его уныния и в результате принимает на себя обязательство помочь ему. Конунг сообщает Торвальду о язычнике по имени Бард, который отказывается креститься; он дважды посылал к нему по дюжине

своих людей, и никто из них не вернулся назад. Торвальд соглашается в третий раз выполнить ту же миссию [*троекратное повторение*] и отправиться к Барду в сопровождении Сигурда [*КОНУНГА ЧТО-ТО ПЕЧАЛИТ → ГЕРОЙ РАССПРАШИВАЕТ О ПРИЧИНАХ ЕГО ПЕЧАЛИ И ПОЛУЧАЕТ ТРУДНОЕ ЗАДАНИЕ*]. Торвальд и Сигурд [*ДВА ДРУГА, ОДИН ИЗ НИХ ИСЛАНДЕЦ*] являются к Барду, и тот их хорошо принимает. Ночью Торвальд видит во сне конунга Олава; от него он узнает, что, пробудившись, найдет у изголовья платок с грамотой, в которой написаны Божьи имена; его надлежит повязать на грудь, это поможет ему выстоять в схватке с Бардом [*СОН/СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ*]. Исландец поступает так, как ему повелел конунг. Торвальд излагает Барду поручение Олава, после чего они вступают в единоборство (ср. № 23); Сигурд борется с дочерью Барда, Торой. Герой одерживает верх с помощью силы, дарованной ему свыше, и открывает Барду, как ему досталась победа. Убедившись в превосходстве христианского Бога, Бард соглашается отправиться к конунгу и освобождает захваченных им ранее королевских посланцев.

(4) *Примирение, возвращение в Исландию и заключение*. Бард встречается с конунгом, принимает крещение и вскоре умирает. Тору отдают за Сигурда. Злокозненный дружинник изгнан по требованию Торвальда, который вновь пользуется расположением конунга. Торвальд возвращается в Исландию и считается большим храбрецом [*ВОЗВЫШЕНИЕ ГЕРОЯ*].

22. ПРЯДЬ О ТОРВАРДЕ ВОРОНЬЕМ КЛЮВЕ / ÞORVARÐS ÞÁTTIR KRÁKUNEFS

Прядь сохранилась в составе "Саги о Харальде Суровом" в "Гнилой Коже" и в "Книге с Плоского Острова", предполагается, что она восходит к нач. XIII в.

Основные издания: Fornmanna sögur. VI. Bindi. Kaupmannahöfn, 1831; Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945); Vestfirðinga sögur / Björn K. Þórólfsson, Guðni Jónsson gáfu út (Íslensk fornrit. VI). Reykjavík, 1943; Íslendinga sögur og þættir. III (1987); также публиковалась в изданиях "Morkinskinna" (C.R. Unger 1867; Finnur Jónsson 1928–1932; Jón Helgason 1934) и "Flateyjarbók" (Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger 1868. Bd. III; Finnur Jónsson 1930; 1945. Bd. IV).

Перевод на русский язык Е.А. Гуревич; Корни Иггдрасиля (1997); Исландские саги (1999). Т. II.

(1) *Вводная характеристика героя*, человека богатого и уважаемого, и сообщение о его приезде в Норвегию.

(2) *Инициация конфликта*. Торвард встречается с конунгом Харальдом и просит его принять в дар парус. Конунг недовольно отказывается: однажды подаренный исландцами парус сослужил ему

дурную службу [НЕСПРАВЕДЛИВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРАВИТЕЛЯ ПРИВОДЯТ К ЕГО КОНФЛИКТУ С ГЕРОЕМ]. Тогда Торвард дарит парус Эйстейну, шурина конунга; тот считает этот парус большим сокровищем и приглашает Торварда быть его гостем [ЗАВОЕВАНИЕ ПОМОЩНИКА].

(3) Весной перед отплытием в Исландию Торвард встречается с Эйстейном и в ожидании попутного ветра отправляется к нему в гости. За то, что Торвард оставил свой корабль и согласился поехать к нему, Эйстейн дарит ему драгоценный наряд; на другой день он получает от Эйстейна плащ в возмещение за парус, а перед тем как расстаться, тот дает ему золотое запястье – компенсацию за то, что ему не удалось подарить парус конунгу [ДАРЕНИЕ; *троекратное повторение с нарастанием*; ср. № 1].

(4) Торвард возвращается домой и становится большим человеком [ВОЗВЫШЕНИЕ ГЕРОЯ].

(5) Разрешение конфликта. Конунг во время плавания обращает внимание на то, какой прекрасный у Эйстейна парус. Тот напоминает ему, что он не пожелал его принять. Конунг признает, что был неправ (ср. № 2), отказавшись от хорошего подарка. Теперь ему придется постараться, чтобы заполучить его [ПЕРЕМЕНА ГЕРОЯ; УНИЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЯ].

23. ПРЯДЬ ОБ ЭГМУНДЕ УДАРЕ И ГУННАРЕ ПОПОЛАМ / ÖGMUNDAR RÁTTIR DYTTIS OK GUNNARS HELMINGIS

Прядь сохранилась целиком в составе “Большой саги об Олаве Трюггвасоне” (см. № 6), а ее первая часть также в фрагменте “Саги о Глуме Убийце” в “*Vatnsdýma*”. Предполагается, что истории об Эгмунде и Гуннаре первоначально представляли собой самостоятельные рассказы и были объединены в одно повествование в нач. XIV в.

Основные издания: Ólafs saga Tryggvasonar. Skálholt, 1689; Fornmanna sögur. II. Bindi. Kaupmannahöfn, 1826; Fjörutíu Íslendinga þættir (1904); Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945); Eyfirðinga sögur / Jónas Kristjánsson gaf út (Íslensk fornrit. IX). Reykjavík, 1956; Ólafs saga Tryggvasonar en mesta / Ed. Ólafur Halldórsson. Copenhagen, 1961 (Vol. 2); Íslendinga sögur og þættir. III (1987); также публиковалась в изданиях “*Flateyjarbók*” (Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger 1860. Bd. I; Finnur Jónsson 1930; 1944. Bd. I).

(1) Вступление с отсылкой к предшествующему тексту саги.

(2) Вводная характеристика героя, сына вольноотпущенника и при этом родича и воспитанника именитого исландца, Вига-Глума.

(3) Путешествие в Норвегию.

(4) Инициация конфликта. Герой неудачно пристаёт к берегу, потопив корабль, принадлежащий могущественному приближенно-

му ярла Хакона, Халльварду [ИНЦИДЕНТ НА ПРИСТАНИ; ср. № 5].

(5) Конфликт. Результатом этого инцидента становится вражда Эгмунда с Халльвардом и самим ярлом. Вигфус, сын Вига-Глума, пытается уладить дело миром (d), однако его усилия не увенчиваются успехом. Во время столкновения противников Халльвард наносит Эгмунду удар, и тот после этого долго лежит больной (У). Из-за нанесенного ему оскорбления Эгмунд терпит насмешки и получает прозвище “Удар”, однако делает вид, что не замечает этого и не желает мстить за обиду; Вигфус обвиняет его в трусости.

(6) Возвращение героя в Исландию. Глум не скрывает своего недовольства бесчестьем воспитанника, припоминает Эгмунду его рабское происхождение и велит ему покинуть усадьбу.

(7) Отъезд в Норвегию. Спустя два года Эгмунд опять приплывает в Нидарос.

(8) Продолжение конфликта. Эгмунд надевает драгоценный двупетельный плащ и один высаживается на берег. Встретив человека по имени Гуннар Пополам, он меняется с ним плащами [СОБИРАЯСЬ ОТОМСТИТЬ, ГЕРОЙ ИЗМЕНЯЕТ ВНЕШНОСТЬ / ВЫДАЕТ СЕБЯ ЗА ДРУГОГО], отчего все видевшие его в городе принимают его за Гуннара. Затем он находит Халльварда, убивает его, садится в лодку, бросает за борт чужой плащ, отправляется на свой корабль и поспешно отплывает восвояси (b).

(9) Возвращение героя в Исландию. Дома Эгмунд сообщает Глуму о том, что отомстил, и их отношения восстанавливаются.

(10) Перемена главного героя и конфликт-2. Действие возвращается в Норвегию. Халльварда находят мертвым и сообщают новому правителю страны, конунгу Олаву Трюггвасону, что его убил Гуннар. Конунг велит найти и повесить убийцу [УБИЙСТВО ДРУЖИННИКА ПРАВИТЕЛЯ → ПОВОД ДЛЯ КОНФЛИКТА]. Гуннар узнает о ложном обвинении и скрывается в Швеции (b) [ГЕРОЙ В БЕГАХ].

(11) Приключения-испытания героя в Швеции. Гуннар находит приют в капище Фрейра и разъезжает по стране вместе с языческим богом и его женой. Затем он вступает в борьбу с демоном, прячущимся в идоле, и с помощью конунга Олава, которому он мысленно обещает вновь исповедовать христианство, побеждает и изгоняет демона [СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО (D-4)]. Он берет в жены его наложницу и, выдавая себя за Фрейра, принимает жертвоприношения шведов, верящих, что он обеспечивает им процветание.

(12) Примирение. Весть о могуществе Фрейра доходит до конунга Олава, и тот догадывается, чьи это проделки. Он отправляет за Гуннаром его брата, обещая тому прощение: он уже знает, что настоя-

щий убийца его дружинника – Эгмунд. Гуннар бежит из Швеции и является к конунгу Олаву; тот хорошо принимает его и крестит его жену.

(13) *Заключение.* Впредь оба они придерживаются истинной веры.

24. ПРЯДЬ О ЕПИСКОПЕ ИСЛЕЙВЕ / ÍSLEIFS RÁTTIR BYSKUPS

Прядь сохранилась в “Книге с Плоского Острова”.

Основные издания: Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945); Biskupa sögur / Udg. ved Jón Helgason (Editiones Arnarnæ Series A 13: 2). København, 1938. Bd. I; Biskupa sögur / Ásdís Egilsdóttir gaf út (Íslensk fornrit. XVI). Reykjavík, 2002. Bd. II; а также публикации “Flateyjarbók” (Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger 1862. Bd. II; Finnur Jónsson 1930).

(1) *Введение, характеристика и приезд героя в Норвегию.* Будущий епископ был в школе в Саксланде и оттуда отправился в Норвегию.

(2) *Конфликт.* Конунг Олав дарит драгоценный плащ Бранду Щедрому [ДАРЕНИЕ; *ср.* № 2], тот же отдает его при встрече Ислейву, человеку неимущему. Узнав об этом, Олав желает видеть священника, которому Бранд отдал его подарок, чтобы оценить, простителен ли этот поступок. Дружинники также удивлены, что исландец расстался с подарком короля (*ср.* № 20).

(3) *Примирение.* Конунг видит Ислейва в церкви. Священник с первого взгляда так понравился Олаву, что он просит его принять от него этот плащ и впредь молиться за него, а Бранда обещает одарить заново.

(3) *Отъезд в Исландию.* Ислейв возвращается домой.

(4) *Последующая история епископа.*

25. ПРЯДЬ ОБ АСБЬЁРНЕ ТЮЛЕНБОЙЦЕ / ÁSBJARNAR RÁTTIR SELSBANA

Прядь сохранилась в разных версиях жизнеописания св. Олава, главные из которых “Круг Земной”, “Отдельная сага об Олаве Святом” Снорри Стурлусона и “Книга с Плоского Острова”. (Здесь излагается по “Кругу Земному”.)

Основные издания: Fornmanna sögur. IV. Bindi. Kaupmannahöfn, 1829; “Flateyjarbók” (Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger 1862. Bd. II; Finnur Jónsson 1930); Saga Óláfs konungs hins helga. Den Store Saga om Olav den Hellige / Utg. O.A. Johnsen; Jón Helgason. Oslo, 1941. Bd. 2; Snorri Sturluson. Heimskringla / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út (Íslensk fornrit. XXXVII). Reykjavík, 1945; Fornar smásögur úr poregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949.

Перевод на русский язык Ю.К. Кузьменко в кн.: Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 262–271, 273–275.

(1) *Введение.* О знатном землевладельце с Бьяркей и его сыне Асбьёрне, унаследовавшем от отца обычай устраивать пиры несколько раз в год. Несмотря на неурожай Асбьёрн продолжает устраивать пиры.

(2) *Инициация конфликта.* Припасы подходят к концу, и герой, чтобы пополнить их, отправляется в плавание на юг. Королевский управитель Торир Тюлень, ссылаясь на запрет конунга, отказывается продавать зерно. Асбьёрн покупает все необходимое у рабов своего родича Эрлинга, поскольку на них не распространяются законы. На обратном пути Торир Тюлень силой забирает весь его груз и новый парус [КОНФИСКАЦИЯ ГРУЗА: *ср.* № 16] и оскорбляет его, пренебрежительно высказываясь о халогаландцах [*ср.* ПРЕНЕБРЕЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ИСЛАНДЦАМ]. Дома Асбьёрн терпит насмешки из-за неудачной поездки. На Пасху он вновь снаряжается в путь и приплывает на Кёрмт, где хозяйничает Торир. Переодевшись в старую одежду и надев широкополую шляпу [СОБИРАЯСЬ ОТОМСТИТЬ, ГЕРОЙ ИЗМЕНЯЕТ ВНЕШНОСТЬ; *ср.* № 4, 16], он идет в усадьбу Торира, где тот в это время принимал конунга. Войдя он слышит лживый рассказ Торира о своем якобы немужественном поведении во время бывшего между ними инцидента [ОГОВОР] и убивает клеветника на месте. Асбьёрн схвачен (а); конунг в сильном гневе [ГЕРОЙ СОВЕРШАЕТ УБИЙСТВО КОРОЛЕВСКОГО УПРАВИТЕЛЯ → КОНФЛИКТ С КОНУНГОМ].

(3) *Конфликт.* Скъяльг сын Эрлинга пытается уладить дело миром (д), однако конунг намерен казнить убийцу. Тогда Скъяльг поручает Асбьёрна заботам Торарина сына Невьольва (*см.* № 31), которому надлежит приложить все усилия, чтобы тот не был казнен до воскресенья, а сам отправляется за подмогой к своему отцу. [ТРОЕКРАТНОЕ ПОВТОРЕНИЕ С НАРАСТАНИЕМ]: конунг трижды узнает, почему не казнили убийцу. В первый раз Торарин отвечает, что черное дело – убивать ночью, и казнь откладывается до следующего дня. Во второй раз конунг занят до обедни, и казнь откладывается вновь. В третий раз Торарин идет на хитрость (е): дает деньги священнику, чтобы тот раньше начал праздничный звон, и казнь откладывается на время праздника (*ср.* № 4).

(4) *Примирение.* Эрлинг с сыновьями являются с большим войском, чтобы вынудить Олава примириться с Асбьёрном [(г); *ср.* № 13]; они самовольно снимают с узника кандалы (ф) и освобождают его (*ср.* № 4). Епископ поддерживает просьбу Эрлинга (*ср. роль епископа в* № 4, 28). Асбьёрн помилован (г), но при условии, что он займет место убитого им управителя (к) (*ср.* № 4, 28). Однако Асбьёрн нарушает данное им конунгу обещание и остается дома (впоследствии это приводит к убийству героя и к мести его родичей конунгу).

26. ПРЯДЬ О ТОРСТЕЙНЕ МОРОЗ-ПО-КОЖЕ / ÞORSTEINS ÞÁTTTR SKELKS

Прядь сохранилась в единственном списке в "Книге с Плоского Острова" в составе "Большой саги об Олаве Трюггвасоне".

Помимо изданий "Fíateyjarbók" (Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger 1860. Bd. I; Finnur Jónsson 1930; 1944. Bd. I), рассказ опубликован в следующих собраниях саг и прядей: Fornar smásögur úr þoregskonunga sögum / E. Gardiner gaf út. Reykjavík, 1949; Íslendinga sögur og þættir. III (1987).

Перевод на русский язык М.И. Стеблин-Каменского: Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973; Исландские саги (1999). Т. II.

- (1) Прядь открывается сообщением, что Олав Трюггвасон разъезжал по пирам и среди прочих с ним был человек по имени Торстейн.
- (2) *Вводная характеристика* исландца (генеалогические сведения) и упоминание о том, что он *приехал к конунгу* прошлой зимой.
- (3) *Инициация конфликта*. Олав запрещает своим людям выходить ночью в одиночку в отхожее место. Однако на исходе ночи Торстейн встает и направляется туда один [*НАРУШЕНИЕ КОРОЛЕВСКОГО ЗАПРЕТА → ИСПЫТАНИЕ ГЕРОЯ*]. В отхожем месте исландец встречает черта и вступает с ним в беседу о том, как ведут себя в аду герои древности. Узнает от него, что крики Старкада немало досаждают бесам и просит изобразить его вопль. Тот трижды издает вопли, один страшнее другого, и с каждым разом пересаживается поближе к Торстейну [*троекратное повторение с нарастанием*]. После третьего вопля исландец лишился чувств, но тут зазвонил колокол, и черт, услышав колокольный звон, провалился сквозь пол.
- (4) *Конфликт*. Утром конунг был недоволен и спросил, не послушался ли кто-нибудь его приказа. Торстейн упал ему в ноги и признался, что выходил один. Замечание конунга о строптивости исландцев.
- (5) *Примирение*. Торстейн поведал о своей встрече с чертом и объяснил, что просил нечистого вопить, надеясь разбудить конунга, от которого ждал спасения; так и случилось (*D-4*). Узнав у Торстейна, что хотя тот не ведал страха, от последнего вопля черта у него пробежал мороз по коже, конунг дал ему прозвище "Мороз-по-Коже" и меч в награду [*ВЫЯСНЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА*, *ср. (J)*].
- (6) *Заключение*. Торстейн стал дружинником Олава [*ВОЗВЫШЕНИЕ ИСЛАНДЦА*] и впоследствии погиб вместе с ним на Великом Змее.

27. ПРЯДЬ О СТУРЛЕ / STURLU ÞÁTTTR

Прядь сохранилась в составе "Саги о Стурлунгах" и обычно публикуется вместе с этой сагой.

Основные издания: Sturlunga saga / Ed. Guðbrand Vigfússon. Vol. I-II. Oxford, 1878; Sturlunga saga / Udg. Kristian Kålund. Bd. I-II. København; Kristiania,

1906-1911. Bd. II; Sturlunga saga / Ed. Kristján Eldjárn et. al. Vol. I-II. Reykjavík, 1946; Sturlunga saga / Ritstj. Bergljót Kristjánsdóttir et. al. Reykjavík, 1988. Bd. II.

- (1) *Введение* пространно повествует о жизни Стурлы в Исландии и о конфликтах, предшествовавших его *отъезду в Норвегию*. Стурла вынужден покинуть страну в результате соглашения с врагами.
- (2) *Путешествие в Норвегию* и приезд в Берген.
- (3) *Конфликт*. О Стурле плохо говорили конунгу Магнусу [*ОГО-ВОР*], изначально враждебен к нему и отсутствующий на момент его прибытия старый конунг Хакон [*ИНИЦИАЦИЯ КОНФЛИКТА ОТНЕСЕНА К ДОСЮЖЕТНОМУ ВРЕМЕНИ*]. Стурла надеется на милость короля; тот не собирается предавать его смерти, но и на службу брать не желает.
- (4) *Примирение*. Друг пытается примирить Стурлу с конунгом (*d*), и тот попадает на королевский корабль, когда конунг отправляется в плавание. Люди просят Стурлу рассказать сагу (*ср. № 20*) и толпятся, стараясь получить ее расслышать. Реакция королевской четы [*ЖЕНЩИНА-ПОМОЩНИЦА; троекратное повторение с нарастанием*]: (I) Королева замечает толпу, узнает, о чем сага, и высказывает предположение, что исландец – более достойный человек, чем о нем говорили; король молчит, но на другой день посылает Стурле блюда со своего стола. (II) После трапезы королева призывает Стурлу и просит его рассказать им ту же сагу; с удовольствием выслушав ее, она замечает, что Стурла мудр и учен, король лишь улыбается в ответ. (III) Видя, что король настроен к нему более благосклонно, чем прежде (*h*), Стурла просит разрешения исполнить хвалебные песни, которые он сочинил о нем и о конунге Хаконе. Он исполняет песнь в честь Магнуса (*i*). Королева очень хвалит ее, король же спрашивает, хорошо ли она поняла эту песнь, однако и он слышал, что Стурла искусный скальд. Вечером король вызывает к себе исландца и милостиво принимает его. Достигнув примирения с конунгом, Стурла рассказывает ему о происках врагов и о том, что вынудило его оставить Исландию (*J*); отныне он находится под защитой короля Магнуса. Стурла становится большим другом конунга, и тот заказывает ему сагу о Хаконе [*ВОЗВЫШЕНИЕ ИСЛАНДЦА*].
- (5) *Заключение*. Сообщается о смерти Хакона на Оркнейских островах и следующем приезде Стурлы в Норвегию, где его на этот раз ждал хороший прием. Стурла возвращается в Исландию с книгой законов, составленной конунгом Магнусом, и назначается законоговорителем. Рассказ о его жизни в Исландии до самой кончины.

Прядь сохранилась в составе нескольких саг об Олаве Святом – “Древнейшей саги” (“Elzta saga”), “Легендарной саги” (“Helgisaga”) и в “Книге с Плоского Острова”, а также в фрагменте рукописи “Саги о названных братьях”, относящемся к XIV в. (R).

Редакцию пряди в составе королевской саги см. прежде всего в кн.: Vestfirðinga sögur / Björn K. Þórolfsson, Guðni Jónsson gáfu út (Íslensk fornrit. VI). Reykjavík, 1943 и в изданиях “Flateyjarbók” (Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger 1860. Bd. II; Finnur Jónsson 1930; 1945. Bd. II). Версия R неоднократно издавалась вместе с “Сагой о названных братьях”: Fóstbroðra saga. Reykjavík, 1899 (Reykjavík, 1925; Kaupmannahöfn, 1925–27); издание Íslendinga sögur og þættir. III (1987) включает в себя обе редакции пряди.

Перевод на русский язык А.В. Циммерлинга в кн.: Исландские саги. М., 2000.

(1) *Вводная характеристика* героя и сообщение об его *отъезде* из Исландии после гибели его названного брата Торгейра.

(2) *Приезд* в Данию, где тогда правил Кнут Могучий. Конунг приглашает Тормода к себе; тот отказывается вступать в королевскую дружину, однако по настоянию конунга остается у него, а затем отправляется в викингский поход с неким Хареком.

(3) *Инициация конфликта*. Однажды у какого-то острова Тормод и его спутники получают приказ со встречного боевого корабля освободить заводь для конунга. Тормод ведет себя вызывающе, и воин с королевского корабля наносит ему удар; в ответ исландец сражает своего противника [*ГЕРОЙ УБИВАЕТ КОРОЛЕВСКОГО ДРУЖИННИКА → КОНФЛИКТ С КОНУНГОМ*]. Затем он прыгает на корабль конунга.

(4) *Конфликт*. Корабль принадлежит Олаву Харальдссону. Тормод схвачен (a), и конунг в гневе велит убить пленника.

(5) *Примирение*. Финн сын Арни и епископ просят помиловать Тормода [(d); *ср. роль епископа в № 4, 25*]; исландец выказал отвагу, рискуя жизнью ради того, чтобы попасть под власть Олава (C). Тормод предстает перед конунгом, отвечает стихами на его вопросы (J) и получает пощаду ради своего названного брата Торгейра, бывшего дружинника Олава, а также потому, что оказался “большим скальдом” (i) и храбрецом (h). Тормод принят в дружину при условии, что он заменит собой убитого (k) (*ср. № 4, 25*); он остается у конунга, и Олав очень его ценит [*ВОЗВЫШЕНИЕ ГЕРОЯ*].

Прядь сохранилась в двух редакциях в составе “Саги о Магнусе Добром и Харальде Суровом” в “Гнилой Коже”, а также в “Книге с Плоского Острова”.

Основные издания: помимо публикаций “Morkinskinna” (C.R. Unger 1867; Finnur Jónsson 1932; Jón Helgason 1934) и “Flateyjarbók” (Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger 1868. Bd. III; Finnur Jónsson 1930) обе редакции пряди включены в собрание Íslendinga sögur og þættir. III (1987).

(1) *Введение*. Торстейн возвратился из торговой поездки в Дублин, в которую он ездил без разрешения конунга Магнуса [*НАРУШЕНИЕ КОРОЛЕВСКОГО ЗАПРЕТА*], и уехал в Исландию. Узнав обо всем, конунг в гневе лишил его привилегий и объявил вне закона. Спустя два года Торстейн вновь едет в Норвегию, не зная, что впал в немилость [*ИНИЦИАЦИЯ КОНФЛИКТА ОТНЕСЕНА К ДОСЮЖЕТНОМУ ВРЕМЕНИ*].

(2) *Конфликт*. Торстейн привозит из Исландии превосходных лошадей и пускает их пастись на Илувеллир. Никто из прежних знакомых не хочет иметь с ним дело из-за его ссоры с конунгом. Эйнар Брюхотряс и его сын Индриди находятся в это время в городе. Эйнар хвалит лошадей, однако отвечает отказом на предложение Торстейна принять их в дар, опасаясь вступить в конфронтацию с конунгом [*ср. (D-1)*]. Индриди, напротив, принимает подарок [*ЗАВОЕВАНИЕ ПОМОЩНИКА*], чем вызывает недовольство своего отца, считающего, что тот бросил вызов его воспитаннику Магнусу. По приглашению Индриди Торстейн проводит у него зиму. Конунг Магнус недоволен поведением Эйнара и Индриди [*КОНФЛИКТ ПОМОЩНИКА С КОНУНГОМ ИЗ-ЗА УЧАСТИЯ В ДЕЛЕ ГЕРОЯ*]. Эйнар вопреки обыкновению решает не ехать к конунгу на Рождество; в отличие от него Индриди с Торстейном собираются к Магнусу на пир. Тогда Эйнар нагоняет их в пути, вынуждает повернуть домой и едет вместо них [(D-2); *ср. № 13*].

(3) *Примирение*. Конунг хорошо принимает Эйнара. Тот трижды просит конунга помириться с Торстейном – в четвертый, восьмой и тринадцатый день Рождества, однако всякий раз получает отказ [*троекратное повторение с нарастанием*]. После третьего отказа Эйнар обращается к конунгу со смелой речью (*ср. № 4*) и удаляется. Вразумленный резкими словами Эйнара, конунг догоняет его и соглашается простить Торстейна [*ср. (G)*].

(4) *Заключение*. Эйнар сообщает Индриди и Торстейну о примирении и они благодарят его.

30. ПРЯДЬ ОБ ОТТАРЕ ЧЕРНОМ / ÓTTARS ÞÁTTIR SVARTA

Прядь сохранилась в четырех вариантах в составе различных редакций "Саги об Олаве Святом" в следующих кодексах королевских саг: "Flateyjarbók", "Tómasskinna", "Bæjarbók" и "Bergsbók".

Все четыре редакции пряди опубликованы в собрании Íslendinga sögur og þættir. III (1987); ранее отдельные ее версии также издавались в "Flateyjarbók" (Guðbrandur Vigfússon; C.R. Unger 1868. Bd. III; Finnur Jónsson 1930) и в Saga Óláfs konungs hins helga. Den Store Saga om Olav den Hellige / Utg. O.A. Johnsen; Jón Helgason. Oslo, 1930–41.

(1) *Введение*, содержащее *характеристику героя* и излагающее, в чем состоял его проступок: Оттар сочинил любовную песнь об Астрид, впоследствии жене конунга Олава [**ИНИЦИАЦИЯ КОНФЛИКТА ОТНЕСЕНА К ДОСЮЖЕТНОМУ ВРЕМЕНИ**].

(2) *Конфликт*. Когда Оттар появляется в Норвегии, его хватают по приказу конунга и бросают в темницу. Скальд Сигват советует Оттару изменить поэму об Астрид и сочинить другую в честь конунга (d). За три ночи, проведенные в темнице, Оттар сочиняет драпу об Олаве.

(3) *Примирение*. В присутствии государя, королевы и дружины Оттар исполняет поэму в честь Астрид [ср. (j)] и, не останавливаясь, начинает произносить песнь об Олаве. Сигват помогает ему в этом, водворяя тишину. По окончании Сигват хвалит поэму. Олав сохраняет Оттару жизнь за его "выкуп головы" и награждает его золотым запястьем (i). Королева Астрид также награждает скальда кольцом, и конунг ревниво комментирует ее дар.

(4) *Заключение*. Оттар остается при конунге и ему оказывается уважение [**ВОЗВЫШЕНИЕ ГЕРОЯ**].

31. ПРЯДЬ О ТОРАРИНЕ СЫНЕ НЕВЬОЛЬВА / ÞÓRARINS ÞÁTTIR NEFJÓLFSSONAR

Прядь сохранилась в составе "Саги об Олаве Святом" в рукописи "Tómasskinna" (Gl. kgl. Saml. 1008, fol.).

Основные издания: Saga Óláfs konungs hins helga. Den Store Saga om Olav den Hellige / Utg. O.A. Johnsen; Jón Helgason. Oslo, 1930–41; Íslendinga sögur og þættir. III (1987); Harðar saga / Þórhallur Vilmundarson; Bjarni Vilhjálmsson gáfu út (Íslensk fornrit. XIII). Reykjavík, 1991; также публиковалась в собраниях: Fornmanna sögur. V. Bindi. Kaupmannahöfn, 1830; Fjöruðu Íslendinga þættir (1904); Íslendinga þættir (1935; rpt. 1945; kap. 8–11), где прядь дополнена другими эпизодами из королевской саги, рассказывающими о Торарине.

(1) *Введение*. Прядь открывается сообщением о том, что герой побывал у конунга Кнута (ранее о Торарине уже говорилось в саге) и

подружился там с человеком по имени Торстейн сын Рагнхильд. Торстейн гостит у Торарина в Исландии, а затем они вместе отправляются в Норвегию.

(2) *Приезд в Норвегию*. Торарин и Торстейн хорошо приняты конунгом Олавом.

(3) *Инициация конфликта*. Появление Торарина и его друга вынуждает двух дружинников, Хельги и Торира, уступить им свои места за столом, и те считают себя оскорбленными. Вскоре после приезда друзей к Торарину приходит человек по имени Бьярни, называющий себя его племянником; он потерпел кораблекрушение и просит о помощи; ему разрешено остаться. Бьярни слышит, как Хельги говорит о заговоре против Олава: Кнут якобы подослал их, чтобы убить конунга. Доказательство предательства – полученное Торарином от Кнута золотое запястье, которое тот тайно носит на левой руке [**ОГОВОР ВРАГОВ**]. Бьярни умолчал об услышанном, а вскоре клеветники сообщили о заговоре конунгу. Обнаружив золотое запястье под рукавом у Торарина, тот убеждается в правдивости их слов и не верит оправданиям исландца.

(4) *Конфликт*. Все трое брошены в темницу как предатели. Епископ предлагает конунгу выяснить истину с помощью Божьего суда.

(5) *Урегулирование конфликта в ходе судебного разбирательства*

(j). Бьярни несет за всех раскаленное железо, которое оставляет на его руке необычный след, поставивший в тупик всех, кроме Торстейна. Конунг откладывает казнь, дабы выслушать его. [*Ретроспективный рассказ*]: Торстейн рассказывает, как он крестился на чужбине и после возвращения домой также нес раскаленное железо, чтобы убедить свою мать принять новую веру. Торстейну явился тогда во сне человек с сияющим лицом, сказавший, что его рука будет красивее, чем прежде, но он должен скрывать ее ото всех и открыть, только если его жизни будет угрожать опасность [**СОИСКВЕРХЪЕСТЕСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ (D-4)**]. Знак на руке Торстейна заставил его мать и домочадцев принять крещение, а он с тех пор никому не показывал свою руку. Затем Торстейн снял перчатку и показал знак. Бьярни рассказал об услышанном им разговоре клеветников; те были схвачены, во всем признались и понесли достойную кару [**НАКАЗАНИЕ КЛЕВЕТНИКОВ**].

(7) *Заключение*. Сообщается, что Торарин навсегда остался с конунгом Олавом и пал с ним в битве.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AM	=	Arnarnagnæan Manuscript Collection	—	Арнамагнеанское собрание рукописей
Auðun. þ.	=	"Auðunar þáttir vestfirzka"	—	"Прядь об Аудуне с Западных Фьордов"
Flat.	=	"Flateyjarbók"	—	"Книга с Плоского Острова"
Gatur. s.	=	"Gautreks saga"	—	"Сага о Гаутреке"
Háv.	=	"Hávamál"	—	"Речи Высокого"
HH I	=	"Helgakviða Hundingsbana I"	—	"Первая Песнь о Хельги Убийце Хундинга"
Hkr.	=	"Heimskringla"	—	"Круг Земной"
Hreið. þ.	=	"Hreiðars þáttir heimzka"	—	"Прядь о Хрейдаре Дураке"
Hungr.	=	"Hungrvaka"	—	"Пробуждающая голод"
Leg.	=	"Legendarische Saga" (= "Helgisaga Óláfs Haraldssonar")	—	"Легендарная сага об Олаве Святом"
Mork.	=	"Morkinskinna"	—	"Гнилая Кожа"
Rm.	=	"Reginsmál"	—	"Речи Регина"
SnE	=	"Snorra Edda"	—	"Младшая Эдда"
St.	=	"Sonatorrek"	—	"Утрата сыновей" Эгиля Скаллаgrimссона
Þorst. þ.	=	"Þorsteins þáttir Austfirðings"	—	"Прядь о Торстейне с Восточных Фьордов"

ИЗДАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ:

ИС	=	Исландские саги / Под ред. О.А. Смирницкой. Т. I-II. СПб., 1999.
КЗ	=	Снорри Стурлусон. Круг Земной ("Лит. памятники"). М., 1980.
IF	=	Íslensk Fornrit.
ÍSP	=	Íslendinga sögur og þættir. I-III / Ed. Bragi Halldórsson et al. (Svart á hvítu). Reykjavík, 1987.
Skj. B	=	Den norsk-islandske skjaldedigtning / Udg. Finnur Jónsson. Bd. B I-II: Rettet tekst. København, 1973.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ*

"Бессонница" ("Andvaka") 355
 "Большая сага об Олаве Трюггвасоне" ("Óláfs saga Tryggvasonar" в "Книге с Плоского Острова") 8, 10, 30, 32, 134, 168, 286, 372, 394, 396, 400
 "Висы о безрогой корове" ("Kolluvísur") 329
 "Висы о Женщине" ("Konurvísur") 169, 170
 "Висы о корыте" ("Sodtrogsvísur") 329
 "Вторая Прядь о Халльдоре сыне Снорри" ("Halldórs þáttir Snorrasonar hinn síðari") 9, 16, 20, 21, 23, 55, 63, 81, 97, 139, 152, 153, 160, 180, 181, 185, 186, 204, 249, 262, 271, 342, 374
 "Ганс в счастье" 223
 "Гнилая Кожа" ("Morkinskinna") 9, 20-23, 25, 28, 29, 40, 41, 46, 48, 49, 57, 64, 66-69, 143, 145, 149, 160, 161, 179, 183, 184, 188, 199, 239, 250-252, 278, 283, 294, 315, 338, 340, 355, 356, 365, 367, 371, 374, 378, 380-382, 386, 387, 393, 395, 403
 "Деяния датчан" ("Gesta Danorum") 223-226, 252, 282
 "Диалоги" 300
 "Домовая драпа" ("Húsdrápa") 6
 "Драпа о Гудмунде" 6
 "Драпа о йомсвикингах" 6
 "Драпа Стува" ("Stúfsdrápa" или "Stúfa") 196, 278
 "Древнейшая Гнилая Кожа" 20, 21,

48, 49, 66, 315
 "Древнейшая сага об Олаве Святом" (= "Elzta saga") 108, 402
 "Древний ключ размеров" ("Háttalykill inn forni") 280
 "Законы Гулатинга" 248
 "История о благородном шевалье Беринусе" ("L'Histoire du noble chevalier Berinus") 310
 "Калила и Димна" 226
 "Кентерберийские рассказы" 310
 "Книга о заселении страны" ("Landnámabók") 34, 50, 115, 254, 282
 "Книга Синдбада" 305, 306
 "Книга с Плоского Острова" ("Flateyjarbók") 8-11, 20, 29-31, 35, 46, 50, 65-67, 89, 90, 108, 120, 127, 130, 134, 146, 161, 163, 168, 213, 286, 296, 303, 307, 315, 335, 357, 365, 367, 372, 373, 381, 382, 386, 387, 389, 391, 392, 394-396, 398, 400, 402-404
 "Книга тысячи и одной ночи" 306, 356
 "Круг Земной" ("Heimskringla") 23, 25, 31, 40, 49, 64, 71, 77, 78, 90, 94, 96, 97, 102, 114, 130, 132, 134, 143, 183, 243, 281, 351, 354, 359, 385, 391, 398
 "Легендарная сага об Олаве Святом" ("Óláfs saga helga" = "Helgisaga Óláfs Haraldssonar") 77-79, 90, 96, 97, 101, 102, 108, 114, 132, 134, 402

* Соответствующие названия на языке оригинала даются в скобках только в тех случаях, когда они встречаются в тексте книги.

"Младшая Эдда" ("Edda Snorra Sturlusonar") 7, 46, 256, 282, 354

"О Снэбьерне Борове" 50

"Отдельная сага об Олаве Святом" ("Ólafs saga helga") в "Книге с Плоского Острова") 31, 46, 187, 303, 367, 385, 404

"Отдельная сага об Олаве Святом" ("Saga Ólafs konungs hins helga" Snorri Стурлусона) 69, 90, 134, 385, 391, 398, 404

"Первая Прядь о Халльдоре сыне Снорри" ("Halldórs þáttur Snorrasonar hinn fyrri") 8, 16, 55, 73, 80, 105, 106, 114, 137, 186, 187, 246, 261, 286, 288, 340, 341, 355, 359, 372

"Первый грамматический трактат" 362

"Перебранка Локи" ("Lokasenna") 317, 357

"Перечень скальдов" ("Skáldatal") 115, 172

"Песнь о Харбарде" ("Hárbarðsljóð") 320, 358, 359

"Предсмертная песнь Хьяльмара" 357

"Пробуждающая голод" ("Hungryka") 144, 183, 220, 221, 280

"Пряди о названных братьях" 35

"Прядь об Арноре Скальде Ярлов" 16, 25, 26

"Прядь об Асбьерне Тюленебойце" ("Ásbjarnar þáttur Selsbana") 55, 73, 77, 78, 80, 90, 94, 96–99, 101–103, 106, 114, 115, 398

"Прядь об Аудуне с Западных Фьордов" ("Audunar þáttur vestfirzka") 15, 16, 20, 21, 55, 57, 185, 204, 209, 213, 220, 221, 223, 225, 226, 230, 231, 233, 240–242, 279, 283, 365

"Прядь об Иваре сыне Ингимунда" ("Ívars þáttur Ingimundarsonar") 28, 55, 186, 204, 255, 268, 270, 272, 283, 380

"Прядь об исландце-сказителе" ("Íslendingar þáttur sögufróða") 20, 55, 186, 250, 281, 393

"Прядь об Одде сыне Офейга" ("Odds þáttur Ófeigssonar") 20–22, 38, 41, 71, 133, 151, 158, 185, 186, 204, 294, 296, 381

"Прядь о Болли" 17, 35, 55

"Прядь об Орме сыне Сторольва" ("Orms þáttur Stórolfssonar") 16, 17, 48, 278

"Прядь об Оттаре Черном" ("Óttars þáttur svarta") 55, 71, 72, 94, 187, 262, 404

"Прядь об Офейге" 17

"Прядь о Бранде Щедром" ("Brands þáttur örva") 16, 20, 55, 63, 139, 140, 142, 145, 148, 151, 152, 181, 183, 187, 221, 280, 338, 367

"Прядь об Эгиле сыне Халля с Побережья" ("Egils þáttur Síðu-Hallssonar") 17, 19, 48, 55, 115, 116, 125, 126, 129, 185, 257, 367

"Прядь об Эгмунде Ударе и Гуннаре Пополам" ("Ögmundar þáttur dytts ok Gunnars helmings") 55, 73, 75, 90, 111, 113, 158, 174, 185, 234, 265, 267, 309, 396

"Прядь об Эйваре сыне Скули" 16, 26

"Прядь об Эйндриди Широкоостом" ("Þáttur Eindriða ilbreiðs") 48, 128, 129, 134

"Прядь о Вёду-Бранде" 17

"Прядь о Гисле сыне Иллуги" ("Gísils þáttur Illugasonar") 16, 43, 52, 55, 62, 63, 73, 75, 97, 99, 101–103, 105, 106, 114, 115, 183, 186, 187, 191, 246, 258, 369

"Прядь о гренландцах" 8, 220

"Прядь о Гуннаре Убийце Тидранди" 17

"Прядь о епископе Ислейве" ("Ísleifs þáttur byskups") 43, 55, 146–148, 152, 183, 185, 221, 264, 398

"Прядь о крещении" 29

"Прядь о курганном жителе" ("Kumlbúa þáttur") 346

"Прядь о Мани" 26

"Прядь о Норна-Гесте" ("Norna-Gests þáttur") 16, 19, 48, 121, 134, 342, 343, 359

"Прядь о Пивном Капошоне" ("Ölkofra (þáttur) saga") 14, 17, 316, 319, 322, 323, 325, 327, 328, 333, 334, 359

"Прядь о Рёгнвальде и Рауде" ("Rögnvalds þáttur ok Rauðs") 16, 48

"Прядь о Свейне и Финне" ("Sveins þáttur ok Finns") 16, 48

"Прядь о Сёрли" ("Sörla þáttur" в "Книге с Плоского Острова") 16, 19, 48, 344

"Прядь о Сёрли" (в "Саге о людях со Светлого Озера") 17

"Прядь о Спес" ("Spesar þáttur") 33

"Прядь о Стейне сыне Скафти" ("Steins þáttur Skaptasonar") 25, 55, 64, 71, 73, 87, 88, 103, 106, 107, 114, 182, 183, 185, 261, 385

"Прядь о Стуве" ("Stúfs þáttur") 11, 16, 20, 48, 55, 68, 69, 149, 155, 186, 192, 196, 200, 204, 214, 278, 328, 386

"Прядь о Стурле" ("Sturlu þáttur") 55, 71, 72, 139, 185, 254, 262, 400

"Прядь о Стюрбьерне Воителе Шведов" ("Þáttur Styrbjarnar sviákappa") 303, 356

"Прядь о Тидранди и Торхалле" 29

"Прядь о Токи" ("Tóka þáttur") 16, 19, 48, 342, 343

"Прядь о Торарине Дерзком" ("Þóraríns þáttur ofsa") 35

"Прядь о Торарине сыне Невольва" ("Þóraríns þáttur Nefjólfsssonar") 55, 135, 136, 138, 187, 283, 286, 287, 404

"Прядь о Торвальде Тасальди" ("Þorvalds þáttur tasalda") 10, 16, 17, 55, 65, 128, 129, 135, 137, 185, 246, 265, 394

"Прядь о Торварде Вороньем Клюве" ("Þorvarðs þáttur krákunefs") 9, 20, 55, 139, 149, 151, 152, 171, 180, 181, 185, 221, 395

"Прядь о Торгриме сыне Халля" ("Þorgríms þáttur Hallssonar") 55, 73, 86, 87, 109, 135, 136, 138, 185, 283, 388

"Прядь о Торде Золотой Асы" ("Gull-Ásu-Þórðar þáttur") 20, 48, 55, 56, 104, 139, 159, 174, 178, 181, 184, 186, 187, 191, 204, 205, 246, 267, 371

"Прядь о Торлейве Ярловом Скальде" ("Þorleifs þáttur jarlsskálds") 16, 29, 55, 61, 65–67, 69, 79, 139, 167, 172, 178, 179, 181, 184–186, 214, 264, 271, 283, 389

"Прядь о Тормоде" ("Þáttur Þormóðar") 16, 55, 73, 87, 88, 107, 108, 187, 402

"Прядь о Торорде сыне Снорри" ("Þórórðs þáttur Snorrasonar") 25, 55,

64, 71, 130–132, 134, 182, 183, 185, 283, 391

"Прядь о Торстейне Битом" ("Þorsteins þáttur stangarhögs") 14, 17

"Прядь о Торстейне Большом-как-Дом" 16

"Прядь о Торстейне Любопытном" ("Þorsteins þáttur forvitna") 16, 55, 115, 116, 125, 126, 185, 187, 392

"Прядь о Торстейне Мороз-по-Коже" ("Þorsteins þáttur skelks") 8, 16, 55, 115, 119, 121, 123–125, 132–134, 187, 400

"Прядь о Торстейне с Восточных Фьордов" ("Þorsteins þáttur austfirðings") 19, 55, 185, 237, 239–244, 246, 252, 253, 391

"Прядь о Торстейне Сказителе" ("Þorsteins þáttur sögufróða") 55, 252, 393

"Прядь о Торстейне сыне Халля с Побережья" ("Þorsteins þáttur Síðu-Hallssonar") 20, 55, 57, 71, 133, 187, 403

"Прядь о Халли Челноке" ("Sneglu-Halla þáttur") 11, 16, 20, 21, 55, 66, 67, 139, 161, 178, 179, 181, 186, 213, 244, 245, 263, 296, 314–316, 328, 335, 382

"Прядь о Хеминге сыне Аслака" ("Hemings þáttur Áslakssonar") 16, 357

"Прядь о Храфне сыне Гудрун" ("Hrafnar þáttur Guðrúnarsonar") = "Hrafnar þáttur Hnútfirðings") 16, 55, 59, 61, 73, 83, 85, 104–106, 114, 137, 186, 208, 258, 261, 289, 292, 293, 377

"Прядь о Хрейдаре Дураке" ("Hreiðars þáttur heimiska") 9, 16, 20–22, 48, 55, 73, 84, 85, 90, 110, 111, 113, 155, 185, 199, 204, 205, 207, 214, 218, 229, 233, 264, 278, 279, 281, 378

"Прядь о Хрой Простаке" ("Hróa þáttur heimiska") 139, 218, 234, 235, 280, 300, 303, 305–316, 357

"Прядь о Хромунде Хромом" ("Hrómundar þáttur (saga) halta") 14, 17, 30

"Рассказ о Берине" ("The Tale of Beryn") 310, 312, 313, 357
 "Рассказ о купце и слепом старце" 356
 "Рассказ о царевице и семи везирах" 356
 "Речи Альвиса" 123
 "Речи Высокого" 242, 245, 283
 "Роман о Лисе" 226
 "Роман о Розе" 271
 "Роман о семи мудрецах" 357
 "Руодлиб" 276, 284

 "Сага об исландцах" ("Íslendinga saga") 144, 279, 353, 354, 360
 "Сага об Одде Стреле" ("Órvar-Odds saga") 317, 357–359
 "Сага об Олаве Святом" (в "Круге Земном") 25, 64, 131, 182, 356, 385
 "Сага об Олаве Святом" ("Ólafs saga helga" в "Tómasskinna") 127, 287, 404
 "Сага об Олаве сыне Трюггви" (в "Круге Земном") 143
 "Сага об оркнейцах" 10
 "Сага об Эгиле" 36, 94
 "Сага об Эйстейне" (в "Гнилой Коже") 380
 "Сага о Бьёрне Герое из Хитдаля" 270, 356
 "Сага о Гаутреке" ("Gautreks saga") 7, 46, 221, 223–225, 231, 280
 "Сага о Гисли" 282
 "Сага о Глуме Убийце" ("Viga-Glúms saga") 75, 280, 396
 "Сага о Греттире" ("Grettis saga Ásmundarsonar") 33, 35, 36, 50, 51, 381
 "Сага о Гунилауге Змеином Языке" 256
 "Сага о Йомсвикингах" 8
 "Сага о Йоне Святом" ("Jóns saga helga") 43–45, 51, 115, 183, 257, 369
 "Сага о Карламагнусе" ("Karlamagnús saga") 8, 46
 "Сага о Кормаке" 256
 "Сага о людях из Лососьей Долины" ("Laxdœla saga") 35, 50, 68, 69, 197, 282, 346, 372, 374, 387
 "Сага о людях из Озерной Долины" ("Vatnsdœla saga") 216, 218, 220, 280, 377

"Сага о людях из Оружейного Фьорда" 327
 "Сага о людях со Светлого Озера" ("Ljósveitninga saga") 17, 33, 35, 68, 378
 "Сага о людях с Песчаного Берега" 256
 "Сага о Магнусе Голоногим" (в "Hulda-Hrokkinskinna") 369
 "Сага о Магнусе Добром" ("Magnúss saga góða" в "Hulda-Hrokkinskinna") 356, 377, 388
 "Сага о Магнусе Добром и Харальде Суровом" (в "Гнилой Коже") 239, 378, 393, 403
 "Сага о Магнусе Добром и Харальде Суровом" (в "Книге с Плоского Острова") 8, 20
 "Сага о названных братьях" ("Fóstrbræðra saga") 33, 35, 108, 402
 "Сага о Николае" 7
 "Сага о Ньяле" ("Njáls saga") 33, 35, 36, 39–41, 50, 51, 77, 78, 90, 198, 300, 317, 325, 356, 357, 359
 "Сага о Сверрире" ("Sverris saga") 26, 69, 279
 "Сага о Сигурде Крестоносце" (в "Гнилой Коже") 371
 "Сага о скальдах конунга Харальда Прекрасноволосого" ("Skáldasaga Haralds konungs hárfagra") 305
 "Сага о союзниках" ("Bandamanna saga") 145, 183, 327, 381
 "Сага о Стурлунгах" ("Sturlunga saga") 144, 282, 283, 353, 354, 360, 400, 401
 "Сага о сыновьях Магнуса Голоногого" (в "Гнилой Коже") 270
 "Сага о сыновьях Магнуса Голоногого" (в "Круге Земном") 321, 358
 "Сага о Флоресе конунге и его сыновьях" ("Flóres saga konungs ok sona hans") 356
 "Сага о Хаконе сыне Ивара" ("Hákonar saga Ívarssonar") 243, 244, 281
 "Сага о Халльфреде Трудном Скальде" 8, 307, 309, 310, 315
 "Сага о Харальде Суровом" (в "Гнилой Коже") 40, 90, 161, 278, 340, 365, 367, 374, 381, 382, 386, 395

"Сага о Харальде Суровом" (в "Круге Земном") 243
 "Сага о Хрольве Пенсеходе" ("Göngu-Hrólfs saga") 356
 "Серый Гусь" ("Grágás") 7, 47
 "Сказка о том, кто ходил страху учиться" 207
 "Скиталец" 272
 "Сон Одди Звездочета" ("Stjörnu-Odda draumr") 345, 346, 350
 "Сон Торстейна сына Халля с Побе-режья" ("Þorsteins draumr Síðu-Hallssonar") 346
 "Старшая Эдда" 281, 283, 357, 359
 "Счисление Одди" ("Oddatala") 346

 "Удачная торговля" 280
 "Утрата сыновей" 46

 "Христианское право" ("Kristinna laga þáttur") 47

 "Часть саги о Рэве-Дарителе и даль-ских дураках" ("Sögubáttur af Gjöfa-Ref og Dala-Fíflum") 7, 221

 "Albani þáttur ok Sunnifu" 48
 "Ars major" 254

 "Bergsbók" 90, 404
 "Bæjarbók" 90, 404

 "Das Schretel und der Wasserbär" 220
 "Directorium vitae humanae" 226

 "Fagrskinna" 48

 "Harðar saga" 367, 392, 404
 "Hauksbók" 305
 "Helga þáttur ok Úlfs" 48
 "Homiliu-Bók" 183

"Hrokkinskinna" 21, 43, 48, 49, 239, 248, 251, 295, 356, 367, 369, 374, 378, 382, 386, 388, 393
 "Hulda" 21, 43, 48, 49, 239, 241, 248, 251, 295, 356, 365, 367, 369, 371, 374, 378, 382, 386–388, 393

 "Íslendingabók" 282

 "Kjetta på Dovre" 280
 "Konungsbók" 145

 "Libro de los engannos et los asayamien-
tos de las mugeres" 306

 "Martinus saga byskups I" 147
 "Mischle Sindebär" 306
 "Möðruvallabók" 145, 322

 "Ólafs saga Tryggvasonar en mesta" 372, 373, 394

 "Rágnarsdrápa" 283
 "Reinhart Fuchs" 280

 "Sindibād-nāmeḥ" 306
 "Sindban" 306
 "Steinka þáttur" 11
 "Svaða þáttur ok Arnórs kerlingarnefs" 48

 "The Taill of Rauf Coilyear" 243
 "Tómasskinna" 64, 89, 127, 287, 404

 "Valla-Ljóts saga" 68
 "Vatnshyrna" 346, 396
 "Völsa þáttur" 48

 "Þórðarþáttur" 254
 "Þorhalls þáttur knapps" 48

 "Συντάξις" 306

Арниgrim Брандссон 6
 Арни Магнуссон 346, 391
 Астрид, жена Олава Харальдссона 72, 90, 262, 263, 404
 Берг, аббат 7
 Берков В.П. 358
 Борхес Х.Л. 360, 363
 Браги, норвежский скальд 134
 Бриан, ирландский король 33
 Бьярни Кольбейнссон, оркнейский епископ, скальд 6
 Бьярни Скальд Золотых Ресниц, исландский скальд 86, 87, 90, 135, 388, 389
 Бэда Достопочтенный 172
 Вернье 357
 Гаспаров М.Л. 276
 Гаутрек (Gautrekr), легендарный конунг Гаутланда (= Готрик, Gotticus) 222, 224, 225, 227, 228, 232, 233, 280, 358, 360
 Генрих II 243
 Генрих Фрейбергский 220
 Гилли, ярл Гебридских островов 78
 Гиральд Камбрийский 243
 Гишур сын Ислейва, исландский епископ 144–146, 183, 264
 Глум сын Гейри, исландский скальд 69, 195, 198, 201, 202, 387
 Готи, легендарный норвежский король (= Гаутн) 224
 Григорий Великий 300
 Гримм В. 207, 223, 280
 Гуннлауг Лейвссон, монах 47

Гуревич А.Я. 48, 49, 133, 134, 183, 184, 278, 280, 281, 283
 Гуревич Е.А. 46–48, 61, 62, 90, 98, 100, 114, 115, 134, 150, 184, 206, 247, 259, 270, 278, 283, 290, 295, 325, 357–360, 367, 369, 371, 377, 378, 380–382, 387, 389, 395
 Дагфинн Бонд, норвежский лагман 353
 Далла дочь Торвальда, жена епископа Ислейва 146, 264
 Дандес А. 53
 Донат 254
 Зюмтор П. 284
 Иоанн Капуанский 226
 Иоанн Креститель 147
 Ислейв сын Гишура Белого, исландский епископ 43, 146, 147, 184, 220, 221, 264, 398
 Йон сын Эгмунда, исландский епископ 43, 44, 98, 99, 102, 105, 133, 147, 183, 187, 248, 368, 370, 371
 Йоун Тордарсон (Jón Þorðarson), исландский священник 9
 Йоун Эрлендссон, исландский священник 391
 Кнут Могучий, датский конунг 90, 116, 135, 200, 287, 368, 386, 402, 404, 405
 Корсун А.И. 281, 357, 359
 Кристин, вдова ярла Хакона Шального 354
 Кузьменко Ю.К. 64, 77, 385, 391, 398

Левин Ю.И. 360
 Лотман Ю.М. 360

Магнус Головогий, норвежский конунг 43, 45, 49, 56, 63, 75, 98, 99, 106, 115, 175, 249, 370
 Магнус Добрый (Magnús), сын Олава Святого, норвежский конунг 9, 22, 49, 60, 66, 71, 84–87, 92, 104, 105, 109–111, 137, 205–208, 217, 218, 230, 232, 237–239, 242, 244, 245, 250, 260, 279, 290–293, 377–379, 388, 389, 392, 403
 Магнус сын Хакона, норвежский конунг 72, 253, 262, 401
 Магнус Эрлингссон, норвежский конунг 279
 Максвелл А. 121
 Мани (Máni), исландский скальд 279
 Мартин, св. 147
 Матюшина И.Г. 46, 47, 90, 114, 115, 134, 184, 278, 282, 358–360
 Мелетинский Е.М. 359
 Мельникова Е.А. 360
 Мосс М. 279, 280
 Мюркьяртан, ирландский король 45
 Нери, легендарный ярл 221–223, 227–230, 232, 233
 Одди сын Хельги (Одди Звездочет, Stjörn-Oddi) 346–355, 360
 Олав, легендарный конунг 222, 227, 228, 233
 Олав Тихий, норвежский конунг 49
 Олав Трюггвасон (Óláfr Tryggvason), норвежский конунг 9, 10, 16, 18, 29–31, 47, 76, 93, 105, 111, 112, 118, 120, 122, 123, 128–130, 134, 136, 138, 220, 265, 286, 307–309, 341–345, 373, 394, 395, 397, 398, 400
 Олав Харальдссон (Олав Святой, Óláfr Haraldsson), норвежский конунг 9, 16, 18, 29–32, 49, 64, 65, 71, 72, 77, 86–90, 92–96, 98, 99, 103–105, 107–109, 115–119, 127, 130–135, 138, 146, 148, 152, 182, 184, 220, 221, 257, 261, 262, 287, 290–293, 303, 344, 345, 351, 368, 369, 378, 385, 386, 388, 389, 391, 393, 398, 399, 402, 404, 405

Олав Эйрикссон, шведский конунг 72
 Оттар Черный, исландский скальд 72, 89, 90, 262, 263, 404
 Пропи В.Я. 53, 68, 70, 89, 118, 133, 139
 Рёгнвальд Кали, оркнейский ярл, скальд 280
 Рыбаков В.В. 282
 Саккетти, Франко 280
 Саксон Грамматик (Saxo Grammaticus) 223–227, 252, 255, 280
 Свейн Виллобродый, датский конунг 168–171, 180, 218, 301, 308, 390
 Свейн Эстридсен (Sveinn), датский конунг 209, 210, 211, 214, 215, 217–220, 227–229, 231, 232, 241, 243, 250, 281, 365, 366
 Сигват Тордарсон, исландский скальд 14, 104, 105, 290, 291, 377, 378, 404
 Сигтругг, ирландский конунг 78
 Сигурд Крестоносец 49, 321, 358
 Сигурд, оркнейский ярл 37, 78
 Сигурд Свинья (Sigurðr sýr), отец Харальда Сурового 110, 155, 198, 339, 387
 Сигурд Хриси, сын Харальда Прекрасноволосого 339
 Скули (Skúli), норвежский ярл (затем герцог) 279, 353
 Смирницкая О.А. 46, 48, 50, 358, 365, 367
 Снорри Стурлусон (Snorri Sturluson) 23, 25, 31, 49, 71, 77, 78, 96, 97, 103, 114, 115, 183, 243, 278, 279, 283, 352–355, 385, 391, 398
 Стеблин-Каменский М.И. 50, 51, 121, 159, 210, 282, 355, 358, 363, 374, 393, 400
 Стув сын Торда, исландский скальд 68, 69, 184, 192–203, 212, 214, 250, 251, 257, 276, 278, 365, 387, 388
 Стурла Тордарсон (Sturla) 72, 144, 253, 254, 401
 Тангбранд, миссионер 29
 Тора, жена Харальда Сурового 67, 263
 Торарин Славослов, исландский скальд 200

* Из героев прядей в указатель включены только имена правителей и скальдов.

Торгнюр Слепой, *шведский лагман* 302–304
 Торгнюр сын Торгнюра Слепого, *шведский лагман* 303, 304
 Торлейв Ярлов Скальд, *исландский скальд* 29, 62, 66, 166–173, 186, 212, 283, 297, 298, 389, 390
 Тормод, *исландский скальд* 88–90, 93, 107, 108, 113, 187, 402
 Тьодольв Арнорссон, *исландский скальд* 67, 69, 140–142, 144, 145, 183, 328–334, 336, 367, 383

Ульв Утгасон, *исландский скальд* 6
 Успенский Ф.Б. 184

Хакон, *шведский ярл* 339
 Хакон Могучий (Hákon), *норвежский ярл* 29, 37–41, 65, 66, 75, 80, 166, 168–171, 173, 181, 212, 261, 286, 297, 298, 373, 389, 390, 397
 Хакон Хаконарсон, *норвежский конунг* 144, 253, 353, 401
 Халли Челнок (Sneglu-Halli), *исландский скальд* 9, 66, 67, 161–167, 170, 179, 180, 186, 244, 245, 263, 276, 296–299, 313–315, 328–336, 357, 382–385
 Халль Тораринссон, *исландский скальд* 280
 Халльфред Трудный Скальд, *исландский скальд* 15, 307–309
 Хальв, *легендарный норвежский конунг* 343
 Хальвдан сын Сигурда, внук Харальда Прекрасноволосого 339
 Харальд Боезуб, *легендарный датский конунг* 120
 Харальд Годвинсон, *английский король* 384
 Харальд Прекрасноволосый (Haraldr hárfagri), *норвежский конунг* 46, 216, 273, 339, 356
 Харальд Серая Шкура, *норвежский конунг* 202
 Харальд Суровый (Haraldr harðráði), *норвежский конунг* 9, 22, 23, 25, 28, 40–42, 48, 49, 66, 67, 71, 80, 81, 84–86, 90, 97, 110, 116, 118, 119, 126, 140–145, 147–161, 163–165, 167–170, 180, 183, 184, 186, 187,

192, 193, 195–203, 206–209, 211, 212, 214, 215, 217, 219, 227, 229, 231, 232, 234, 235, 244, 245, 249–254, 262, 263, 278, 286, 294–298, 328, 329, 331, 338–340, 342, 359, 365–367, 373–376, 379, 381, 382, 385, 387, 388, 392–395
 Хрольв Жердника, *легендарный датский конунг* 222, 225, 228, 309, 343

Циммерлинг А.В. 49–51, 90, 115, 402

Чосер, Джеффри 310

Шенляская Т.Л. 69

Эгиль Скаллагримссон, *исландский скальд* 15, 46, 94
 Эйнар Скуласон, *исландский скальд* 14
 Эйрик Кровавая Секира, *норвежский конунг* 94, 202
 Эйрик Победоносный, *шведский конунг* 301, 303
 Эйстейн Магнуссон, *норвежский конунг* 28, 49, 56, 175, 176, 179, 181, 268, 270–272, 321, 358, 372, 380
 Элла, *король Нортумбрии* 222, 228, 229

Andersson Th.M. (Андерссон Т.) 11, 14, 47, 49, 50, 53, 68, 69, 183, 184
 Ármann Jakobsson (Арман Якобссон) 28, 48, 49, 283
 Ásdís Egilsdóttir 398
 Astås R. 90

Baetke W. 50
 Bagge S. 49
 Bax M. 358
 Ben-Amos D. 47
 Bergljót Kristjánsdóttir 401
 Birgerus Thorlacius (Биргер Торлакус) 365, 367, 381
 Bjarni Aðalbarnarson 114, 385, 391, 398
 Bjarni Guðnason (Бьярни Гвиднасон) 15, 47
 Bjarni Vilhjálmsson 367, 392, 404
 Björn K. Þórólfsson 283, 365, 395, 402
 Björn M. Ólsen 387
 Björn Sigfússon 378

Bragi Halldórsson 47
 Bðáth A.U. (Бом А.У.) 34, 50

Ciklamini M. 47, 52, 115
 Cleasby R. 114
 Clover C.J. (Клаувер К.) 34, 47, 49–51, 278, 282, 283, 355, 356, 358
 Clunies Ross M. 283
 Craigie W.A. 52

Danielsson T. 50

Einar Ól. Sveinsson (Эйнар Олав Свейнссон) 48, 51, 268, 367, 372, 374, 377, 387
 Eiríkur Jónsson 356
 Ellis Davidson H. 280

Faulkes A. 48, 278, 378
 Fellows Jensen G. 357
 Fichtner E.G. 279, 281
 Finnur Jónsson (Финнур Йоунссон) 48, 49, 51, 280, 282, 356, 365, 367, 371, 373, 374, 378, 380–382, 385, 387, 389, 391–396, 398, 400, 402–404
 Fjalldal, Magnús 52
 Frank R. 283
 Fritzner J. 46
 Furnivall F.J. 357

Gade K.E. 183
 Gardiner A. 280, 282
 Gardiner E. 46, 134, 356, 359, 398, 400
 Gilbert A.J. 281
 Gimmler H. (Гиммлер Х.) 46, 48, 49, 355
 Grimm J. (Гримм Я.) 207, 223, 225, 280
 Grönbech W. 280
 Guðbrandur Vigfússon 46, 114, 365, 367, 369, 373, 381, 382, 385, 387, 389, 391–396, 398, 400, 402–404
 Guðni Jónsson 46, 51, 52, 134, 280, 283, 365, 369, 381, 395, 402
 Guðrún Nordal 183

Harris J. (Харрис Дж.) 11, 17, 18, 47, 48, 53, 54, 68, 70, 89, 90, 133, 134, 184, 185, 188, 240, 243, 245, 272, 273, 275, 279, 281, 283, 284, 355, 358, 359
 Heinrichs A. 90
 Heinrichs H.M. 281

Heller R. 282
 Heusler A. (Хойслер А.) 34, 50
 Hermann Pálsson (Херманн Паулссон) 144, 145, 147, 183, 278–280, 282, 352, 354, 360
 Hill Th.D. 359

Indrebø G. (Индребё Г.) 48, 49, 279

Jakob Benediktsson 281, 282
 Jakobsen A. 52, 90, 114
 Jochens J. 282
 Johnsen O.A. 69, 134, 385, 391, 398, 404
 Jónas Kristjánsson 184, 382, 388, 389, 394, 396
 Jón Helgason 69, 134, 183, 281, 365, 367, 369, 371, 374, 378, 380–382, 385, 387, 391, 393, 395, 398, 403, 404
 Jón Jóhannesson 360, 371, 392, 393
 Jón Sigurðsson 369
 Jón Þorkelsson 46, 367
 Joseph H.S. (Джозеф Х.) 15–17, 19, 47, 48, 50

Kellogg R. (Келлог Р.) 50, 51
 Ker W.P. (Кер У.П.) 50, 51, 363
 Kersbergen A.C. 50
 Keyser R. (Кайзер Р.) 34, 50
 Konow S. 356
 Konráð Gíslason 387
 Kristján Eldjárn 401
 Kälund K. 282, 360, 400

Labov W. (Лабов У.) 317, 319, 358
 Lammert E. (Ламмерт Э.) 299, 355, 359
 Lange W. (Ланге В.) 14–17, 47, 50, 53, 68
 Lehmann P. 360
 Liestøl K. (Листель К.) 280, 281
 Lindow J. (Линдоу Дж.) 7, 8, 46–48, 90, 134, 208, 233, 278, 281, 283
 Louis-Jensen J. 48, 52, 365, 367, 369, 371, 374, 377, 378, 387, 388, 393
 Lönnroth L. (Лённрот Л.) 7, 11–13, 46–48, 50, 51, 134, 321, 358

Magerøy H. 69
 Matthías Þórðarson 367
 Miller W.I. (Миллер У.Я.) 56, 68, 282, 283
 Mohr W. (Мор В.) 275, 276, 280, 283, 284

Möbius Th. (Мёбиус Т.) 34, 50, 387

Nygaard M. 90

Ólafur Halldórsson 373, 394, 396

Olrik A. (Ольрик А.) 280, 360

Olrik J. 282

Padmos T. 358

Panzer F. 359

Powell F.Y. 393

Power R. 47

Pratt M.L. 359

Rafn C.Ch. 358, 359

Ranisch W. 46, 280

Rowe E.A. 134

Ræder H. 282

Rønsholdt M.L. 134

Sars J.E. (Сарс Ю.Э.) 34, 50

Schach P. 360

Sigurdur Nordal (Сигурд Нордаль) 52, 369

Simpson J. 47

Stefán Einarsson 279, 280, 356

Stone W.G. 357

Strömbäck D. (Стрёмбак Д.) 307, 356-358

Svabo J.C. 46

Sverrir Tómasson 282

Sørensen P.M. 282

Taylor A.R. (Тейлор А.) 215, 280, 281

Taylor M. 281

Tedlock D. 50

Toorn M.C. van den 69, 356

Turville-Petre G. 48, 134

Úlfar Bragason 282

Unger C.R. 46, 90, 365, 367, 371, 373, 374, 378, 380-382, 385, 387, 389, 391-396, 398, 400, 402-404

Þórhallur Vilmondarson 367, 392

Þorleifr Jónsson 46, 279, 365

Vermeiden P. 46

Vésteinn Ólason (Вестейн Оласон) 51, 69, 182, 274, 278, 283, 284

Viðar Hreinsson 134

Vogt W.H. (Фогт В.Х.) 34, 50, 283

Vries J. de 280, 281

Walther H. 183

Weber G.W. 134

Wikander S. (Викандер С.) 225, 226, 279, 281

Würth S. 50

Zielinski Th. 355

Österholm N. 69

SUMMARY

OLD NORSE NOVELLA. A STUDY OF GENRE IN THE TALES OF ICELANDERS (*ÍSLENDINGA ÞÆTTIR*)

Although most of the Tales of Icelanders, the so called *þættir*, have been transmitted as inserts in the sagas of the kings of Norway in which they were integrated in the 13th and 14th centuries, and only a few of them are also known as separate stories, they have preserved the properties of independent narratives. Whatever the aims pursued by the compilers who inserted these stories into the kings' sagas, and whatever functions were acquired by the *þættir* as parts of royal biographies, these tales may be studied separately. Incorporation into the kings' sagas did not reduce either the integrity or the completeness of such stories, nor did it demand from them any noticeable adaptation to the texts they were inserted into. Thus the compendiums of *konungasögur* have served as safe depositories for the *þættir*. To all appearances, the destiny of the stories integrated into other saga types, *Íslendingasögur* (the sagas of Icelanders) and *byskupasögur* (the saints' lives), had little in common with that of the *þættir* included in the kings' sagas. Comparison of a key episode of the so called Atlantic Interlude in *Njáls saga* with a story which most likely served as a model for it, *Odds þáttur Ófeigssonar*, or investigation of the substantial plot differences between the two main versions of *Gísli þáttur Illugasonar*, the one incorporated into a *konungasaga* and another into a *byskupasaga*, shows that when inserted into these saga types *þættir* no longer preserved their independence from the text they were taken in but underwent a significant assimilation. It was within a family saga that a *þáttur* became subject to the most profound transformation. There it could lose all the characteristics of an autonomous story, above all its narrative completeness, so that it dissolved into the saga and thus became an integral and indispensable part of the whole.

In so far as *Íslendinga þættir* preserve their independence they may be regarded not only as completely intact narratives but as a separate genre with a specific set of distinctive features. The typical narrative pattern underlying such stories which was earlier established by Joseph Harris (*Introduction, Journey In, Alienation, Reconciliation, Journey Out, Conclusion*, with its kernel structural elements *Alienation/Reconciliation* between the Iclander and the king) is of too general character to give a comprehensive and adequate idea of the composition of *þættir*. In the present study a more detailed analysis of the morphology of this genre is sug-

gested, which is intended to reveal common traits peculiar to various groups of tales. *Íslendinga þættir* are classified according to the types of initiation and resolution of the conflicts depicted in them, each of these two main stages of the action normally being examined separately. This mode of investigation enables us to reveal not only the most fundamental properties of a given group of *þættir* but also analogies and common patterns in the stories which are not manifest. The following subgroups of *þættir* are singled out, each having a set of typical structural peculiarities of its own. These are (1) tales in which a conflict between a king and an Icelander is caused by the murder of a king's man (tales depicting spontaneous murder are distinguished from those where the protagonist is preparing to take vengeance on whoever has offended him and, accordingly, there are established recurring combinations of traditional motifs employed in each category of narrative); (2) tales in which a fault of an Icelander consists in violation of a king's interdiction; (3) tales in which a conflict between the heroes is a result of slander uttered about an Icelander by his enemies; (4) tales in which a conflict is caused by injustice done to an Icelander by a mighty opponent. In the latter category of stories the second part of a traditional opposition (Reconciliation) is as a rule lacking, so that the conflict remains unresolved.

However, the plots of *Íslendinga þættir* are not always constructed around conflicts between the main characters. Relations between a hero and a king or his noble substitute do not necessarily presuppose "an alienation", caused either by a fault of an Icelander, or by improper behaviour by a ruler. In some stories (among them *Auðunar þáttur vestfirzka*, *Þorsteins þáttur austfirðings*, *Stúfs þáttur*) instead of a conflict we find a trial of a protagonist. Whatever patterns underlie relations between the main characters of a *þáttur*, an indispensable property of these tales is a trial undergone by an Icelander. It is in the course of such a trial that the hero gets an opportunity to demonstrate his talents and merits, which give him an advantage over the king's men and sometimes over the king himself.

Unlike the sagas of Icelanders, *Íslendinga þættir* are mostly stories that end well. As a rule the central character of such a tale succeeds not only in escaping death in a dangerous confrontation with a mighty opponent but in enhancing his own social status as well. It is important, however, that protagonists of *þættir* achieve success not at all owing to the new "survival values" they are supposed to have adopted: unlike the foredoomed saga heroes who are impelled by their invincible fate, the *þáttur*-heroes do not prefer to act with caution. Honour (*sæmd*) and self-respect remained values which were esteemed above all by the characters in these tales. No stories are found in which the heroes retreat from their opponents out of prudence, but we know plenty of instances of the opposite behaviour, i.e. when the Icelander consciously and boldly challenges a more powerful adversary without the slightest hesitation over the possible consequences of his recklessness. The Icelander whose aim was not survival but self-assertion was not at all ready to achieve peace with the ruler at any cost. He was by no

means indifferent to the moral price of their reconciliation. Thus he would not content himself merely with being forgiven and favoured with the king's mercy, but had to emerge from a quarrel with the king with honour (e.g. Hrafn Guðrúnarson and Gísl Illugason), or if it was impossible to achieve an honourable reconciliation, he preferred to manage the conflict in such a way that the final word would rest with him rather than with his opponent (e.g. Halldór Snorrason and Hreiðarr heimski).

The ideology of these short stories complies with the world-view expressed in the family sagas and on the whole reflects the archaic attitudes and the system of values which had been maintained since the Viking Age and were only superficially affected by the introduction of Christianity. The actual distinction between the saga hero and the hero of *þáttur* is conditioned by the different kinds of conflicts depicted in the two types of narrative. Whereas feuding between equal parties within the country could often find no mutually satisfactory resolution other than through bloodshed and thus led the participants to a tragic end, strife with a high-ranking opponent, a king or his noble substitute, could be concluded with peacemaking on terms appropriate for the Icelander without prejudice to his reputation and honour. That there is no clear-cut distinction between the saga hero and the hero of *þáttur* is testified by the very structure of some of the narratives, namely of those in which the central, Norwegian episode of a *þáttur* was prefaced with a quite elaborate introduction, a sort of "family saga in miniature" telling of a feud the hero was involved in before his journey from Iceland. Thus the former outlaw, the one who as a saga character had lost while feuding in Iceland and was compelled to flee to a foreign land in order to escape from pursuit by his enemies, could change into the central character of another story, a successful *þáttur*-hero who after undergoing a series of trials got on in life and became a prosperous member of society.

A conflict outside the country in circumstances in which the parties were unequal, so that one of the opponents inevitably found himself in the power of a mighty antagonist with no prospect of receiving assistance from either his kinsmen or friends who would have supported him in a conflict in his native land, forced the hero of the *þáttur* to rely only on his own resources. Thus the situations described in *þættir* greatly favoured revelation of the personal qualities and merits of their protagonists. But even if the hero of a *þáttur* received assistance from others, he nevertheless most often owed his rescue and/or advancement primarily to his own abilities. Depicting worthy individuals in circumstances which constantly demanded from them a display of their moral and intellectual competence and sometimes superiority, *þættir*, to a much greater degree than sagas, tend to idealise their characters. However this does not make their heroes alike, nor does this make any of them a mere personification of certain attractive features and virtues. Idealisation by no means hindered their individualisation and evidently was chiefly a function of the situation of a hero acting in a foreign land. While being far from home he was expected not only to bear

responsibility for himself but also to represent all Icelanders in a praiseworthy way.

The last part of the book is devoted to a study of the nature and possible origins of an artistic innovation which appears in *þættir*, i.e. of a first person retrospective narrative and of the tale-within-a-tale structure created on the basis of such narratives. It is remarkable that in contrast to the tales of Icelanders, where this device is evidently cultivated, it is not employed in the sagas of Icelanders. Hence irrespective of putative immediate sources of retrospective narrative — whether continental models or some transformation of the elements of such old indigenous genres as verbal duelling — it appears in *þættir* as an independent outcome of the native tradition, namely a result of a splitting apart of the short and the long narrative forms. As a short prose form *þáttir* shares some of its features with the novella, but all possible analogies between the two are limited and superficial. Like sagas, *þættir* were basically following their own paths and an explanation of the fact that *þáttir* and novella bear a certain resemblance to each other should be sought not in the history of these genres but rather in their typology.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Þáttir в исландской традиции	6
Сага и прядь	11
Прядь в саге	26
Морфология "прядей о поездках из страны"	53
I. Введение и Путешествие / Приезд в Норвегию	56
II. Конфликт / Разрешение Конфликта	70
1. Проступок героя-исландца	73
А (1). Убийство приближенного конунга	73
А (2). Разрешение конфликта, вызванного убийством приближенного конунга	91
В. Нарушение королевского запрета	115
2. Оговор врагов	135
3. Несправедливые действия могущественного человека	139
"Прядь о Бранде Щедрым"	140
"Прядь о Торварде Вороньем Ключе"	149
"Вторая Прядь о Халльдоре сыне Снорри"	152
"Прядь о Халли Челноке"	161
"Прядь о Торлейве Ярловом Скальде"	167
"Прядь о Торде Золотой Асы"	174
III. Отъезд в Исландию и Заключение	184
Герои прядей. Исландец и король	189
"... Чем больше у вас будет поводов получить узнать меня, тем выше будет ваше мнение обо мне": "Прядь о Стуве"	192
Простак и бедняк в поисках "удачи": "Прядь о Хрейдаре Дураке" и "Прядь об Аулуне с Западных Фьордов"	204
Исландец и люди короля: "Прядь о Торстейне с Восточных Фьордов"	237
Женщины в "прядях об исландцах": "Прядь об Иваре сыне Ингимунда"	255

Об одной особенности нарративной структуры прядей	285
Ретроспективный рассказ от первого лица	286
Ретроспективный рассказ и заимствованный сюжет: "Прядь о Хром Простаке" и <i>Senex caecus</i>	300
Ретроспективный рассказ и перебранка: "Прядь о Пивном Капюшоне" и "Прядь о Халли Челноке"	316
От ретроспективного рассказа к "тексту в тексте"	336
Игра с формой: "Сон Одди Звездочета"	345
Заключение	361
Приложение	364
Список сокращений	406
Указатель произведений	407
Указатель имен	412
Summary	417

CONTENTS

OLD NORSE NOVELLA. A STUDY OF GENRE IN THE TALES OF ICELANDERS (*ÍSLENDINGA PÆTTIR*)

Introduction	5
The Term " <i>Pættir</i> " in Icelandic Tradition	6
Saga and <i>Pættir</i>	11
<i>Pættir</i> within a Saga	26
Morphology of <i>Útanferðar Pættir</i>	53
I. Introduction and Journey/Arrival in Norway	56
II. Conflict and Settlement of a Conflict	70
1. Conflicts Caused through the Fault of an Icclander	73
A (1). A Murder of a King's Man	73
A (2). Settlement of a Conflict Caused by Murder of a King's Man	91
B. Violation of a King's Interdiction	115
2. Conflicts Caused by Slander	135
3. Conflicts Caused by Injustice of a King or his Mighty Substitute	139
"The Tale of Brand the Generous"	140
"The Tale of Thorvard Crow's-Beak"	149
"The Tale of Halldor Snorrason II"	152
"The Tale of Sarcastic Halli"	161
"The Tale of Thorleif, the Earl's Poet"	167
"The Tale of Gold-Asa's Thord"	174
III. Journey to Iceland and Conclusion	184
Dramatis personae. Icclander and the King	189
"I would like everything about me to seem better to you the longer you've been acquainted with it": "Stuf's Tale"	192
A Simpleton and a Poor Man in Search of Good Luck: "Hreidar's Tale and Audun's Tale"	204
An Icclander and the King's Men: "The Tale of Thorstein from The East Fjords"	237
Women in the Tales of Icelanders: "Ivar's Tale"	255
On a Narrative Device in <i>Pættir</i>	285
First Person Retrospective Narrative	286
Retrospective Narrative and an Adapted Sujet: "Hroi's Tale" and <i>Senex caecus</i>	300

Retrospective Narrative and <i>Senna</i> : "Olkofri's Tale" and "The Tale of Sarcastic Halli"	316
From Retrospective Narrative to "a tale-within-a-tale"	336
A Play with the Form: "Star-Oddi's Dream"	345
Conclusion	361
Appendix	364
Abbreviations	406
Indexes	407
Summary	417

Научное издание

Гуревич Елена Ароновна

**ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКАЯ НОВЕЛЛА
ПОЭТИКА "ПРЯДЕЙ ОБ ИСЛАНДЦАХ"**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького*

Зав. редакцией *Е.Ю. Жолудь*

Редактор *О.В. Гусакова*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Т.В. Белотина*

Технический редактор *Т.А. Резникова*

Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая, Т.А. Печко*

Подписано к печати 05.10.2004. Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 26,5. Усл.кр.-отт. 27,0. Уч.-изд.л. 30,3
Тираж 420 экз. Тип. зак. 3640

Издательство "Наука". 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru Internet: www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография "Наука"»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12